ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
САМЮЭЛ ДИЛЭНИ
Нова · Да, и Гоморра
ЛАУРЕАТ ЧЕТЫРЕХ ПРЕМИЙ «НЕБЬЮЛА» И ПРЕМИИ «ХЬЮГО»
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сэмюел Дилэни — ярчайшая звезда фантастики XX века, один из символов американской «новой волны» наряду с Урсулой Ле Гуин и Роджером Желязны и один из ее тончайших стилистов, лауреат обильного урожая главных жанровых премий: четыре «Небьюлы» и «Хьюго» — и все это, когда ему еще и не исполнилось 27 лет. Данная книга содержит самый яркий роман его классического периода — «Нова», заложивший один из кирпичиков того, что через полтора десятилетия стало киберпанком, а также практически полное собрание короткой формы мастера — самую позднюю, расширенную версию авторского сборника «Да, и Гоморра»; роман представлен в новом переводе, многие рассказы и повести публикуются по-русски впервые, остальные — в новой редакции. Вместе с Лорком фон Рэем и киберштырями «Птицы Рух» вы нырнете в сердце коллапсирующей звезды, на Звездной Станции у края галактики проводите в бесконечную ночь золотых детей, и, обзаведясь жабрами и перепонками, погрузитесь в океанские глубины, и ощутите время как спираль из полудрагоценных камней… «Дилэни — не просто один из лучших фантастов современности, но и выдающийся литератор вообще говоря, изобретатель собственного неповторимого стиля» (Умберто Эко).

- Сэмюел Дилэни
  - ○
  - ○ Нова
    - ■
    - ■ Благодарности
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая
    - ■ Глава третья
    - ■ Глава четвертая
    - ■ Глава пятая
    - ■ Глава шестая
    - ■ Глава седьмая
  - ○ Да, и Гоморра…
    - ■
    - ■ Звездная Станция
    - ■ Корона
    - ■ Да, и Гоморра…
    - ■ Стеклышки, обточенные морем
    - ■ Мы, силою неведомой гонимы,

        - Медная клеть
        - Город Большого хребта
        - Время как спираль из полудрагоценных камней
        - Омегахелм
        - Среди Масс
        - Шпалера[51]
        - Призматика
        - Руины
        - Собака в рыбачьей сети
        - Ночь и возлюбленные
        - Послесловие: о снах и сомненьях
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

Сэмюел Дилэни
Нова
Да, и Гоморра
(сборник)

Samuel R. Delany
NOVA
Copyright © 1968 by Samuel R. Delany
AYE, AND GOMORRAH, AND OTHER STORIES
Copyright © 1969, 1971, 1981, 1988, 1991 by Samuel R. Delany
All rights reserved

Серия «Звезды мировой фантастики»
Перевод с английского Татьяны Боровиковой, Николая Караева, Марины Клеветенко, Геннадия Корчагина, Владимира Кучерявкина, Светланы Силаковой
Серийное оформление Сергея Шикина
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Стефана Мартиньера

© Т. П. Боровикова, перевод, примечания, 2021
© Н. Караев, перевод, 2021
© М. В. Клеветенко, перевод, примечания, 2021
© Г. Л. Корчагин, перевод, примечания, 1992, 2021
© В. И. Кучерявкин, перевод, 2002
© С. В. Силакова, перевод, 2014
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Нова
(Перевод Н. Караева)

Бернарду и Иве Кэй

Благодарности

Автор благодарен Хелен Адам и Расселу Фицджеральду за бесценную помощь в части проблем с легендами о Граале и картами Таро. Без помощи этих людей «Нова» светила бы куда тусклее.

Глава первая

— А ну, Мыш! Сыграй-ка нам чего-нибудь! — крикнул механик от стойки.

— С кораблями непруха, не берут? — подначил другой. — Хребетный разъем заржавится. Давай изобрази нам.

Мыш перестал водить пальцем по ободку стакана. Хотел сказать «нет», почти сказал «да». И нахмурился.

Механики нахмурились тоже.

Он был старик.

Он был силач.

Мыш потянулся к краю стола, а отщепенец качнулся вперед. Бедро протаранило стойку. Длинные пальцы ног врезались в ножку стула; тот заплясал на плитняке.

Старик. Силач. Третье, что видел Мыш: слепец.

Он колыхался перед столиком Мыша. Взвилась рука; желтые ногти полоснули Мыша по щеке. (Паучьи лапы?)

— Эй, парень…

Мыш уставился на жемчужины за шершавыми моргающими веками.

— Эй, парень. Знаешь, каково это?

Наверняка слепец, думал Мыш. Движется как слепец. Шея изогнута, голова выдается. И глаза…

Дедок размахнулся, поймал стул, дернул на себя. Не без скрипа уселся.

— Ты хоть *знаешь*, каково было *это* видеть, слышать, чуять… знаешь?

Мыш покачал головой; пальцы прошлись по его челюсти.

— Когда мы выдвигались, парень, триста Плеяд блестели, что лужа жемчужного молока, по левому борту, а по правому было темнехонько. Корабль был мной; я был кораблем. Через эти разъемы… — он стукнул запястными вставками о стол: *клац*, — я вштырился в крыль-проектор. Вдруг… — (щетина на лице дыбилась и опадала в такт словам), — по самому центру тьмы — сплошной свет! Вдарил, зацапал наши глаза, пока мы лежали по проекторным, и не отпускает. Вселенную как разодрали, и в дырку ворвался белый день. От сенсор-потока не уйти. Не отвернуться. Ночь пятнали все цвета мира. Под конец — взрывные волны: стены пели! Магнитная индукция трясла корабль, нас едва не разнесло в щепу. А потом — поздняк метаться. Ослеп. — Он плюхнулся на стул. — Я, парень, слеп. Только это смешная слепота: я тебя вижу. Я глух. Но заговори со мной, и я пойму почти все, что ты скажешь. Обонятельные нервы

в основном закоротило в мозгу. То же с сосочками на языке. — (Ладонь распрямилась на щеке Мыша.) — Не чувствую твоей кожи. И тактильные нервные окончания убиты, мало что осталось. Гладкое у тебя лицо или колется да мозолится, как мое? — Он ощерил желтые зубы в ярко-красных деснах. — Старый Дан так смешно ослеп. — (Рука скользнула по жилету Мыша, прощупала шнуровку.) — Смешно, да. Чаще слепнут до черноты. В моих глазах — огонь. Вся лопнувшая звезда здесь, в голове. Свет хлестанул по палочкам-колбочкам сетчатки так, что те опомниться не могут, закупорил радужку, набил глазницы до отказа. Вот что я сейчас вижу. И вдруг ты — здесь очерчен, там подсвечен, солнечный призрак по ту сторону ада. Ты кто такой?

— Понтичос, — отозвался Мыш. Его голос — трение шерсти о песок. — Понтичос Провечи.

Лицо Дана исказилось.

— Тебя зовут… Что ты говоришь? В голове кавардак. В ушах засел хор, орет мне в череп двадцать шесть часов в сутки. Мозговые синапсы сочатся белым шумом, предсмертным хрипом — звезда все никак не загнется. Сквозь этот гвалт я едва слышу твой голос, как эхо, когда кто-то кричит за сотню ярдов. — Дан кашлянул, резко выпрямился. — Ты откуда? — Стер пену с губ.

— Отсюда, из Дракона, — сказал Мыш. — С Земли.

— С Земли? Откуда именно? Америка? Из белого домика на улочке, засаженной деревьями, с великом в гараже?

Ну да, подумал Мыш. Слепой и еще глухой. Мыш говорил хорошо, но даже не пытался избавиться от акцента.

— Я-то. Из Австралии. Из белого домика. Жил под Мельбурном. Деревья. И велик. Но это было прорву лет назад. Прорву, чуешь, парень? Слыхал об Австралии, на Земле?

— Бывал. — Мыш съежился на стуле: как бы выскользнуть?

— Ну да. Вот так-то. Но да куда тебе, парень! Куда тебе понять, каково шкандыбать по жизни, сколько ее там осталось, с окопавшейся в башке новой, и помнить Мельбурн, помнить этот велик. Как, ты сказал, тебя звать?

Мыш стрельнул глазами: слева окно, справа дверь.

— Забыл. Гвалт звезды глушит все.

Механики, устав прислушиваться, отвернулись к стойке.

— Не запоминаю ни хрена!

За соседним столиком брюнетка возобновила карточную партию со спутником-блондином.

— Меня и к эскулапам водили! Те грят, если вырезать нервы, зрительный и слуховой, выскрести из мозгов по кусочку, рев, свет — могут перестать! *Могут?* — Дан поднес руки к лицу. — И тени мира, приходящие ко мне, — их тоже не будет. Имя! Как тебя

зовут?

Слова толклись наготове во рту Мыша: «Простите, э? Мне пора».

Но Дан, кашлянув, зажал уши.

— Ааах! Свинский полет, псу под хвост, мухам в дышло! Корабль «Птица Рух», я служил киберштырем у капитана Лорка фон Рэя. Он провел нас, — Дан навалился на столешницу, — близехонько, — (большой палец трется об указательный), — к самому пеклу. И вернул домой. Хоть его кляни, хоть чертов иллирий, парень, кто б ты ни был. Откуда б ты ни был! — Дан гакнул, откинул голову; ладони подпрыгнули на столике.

Краткий взгляд бармена. Кто-то дозаказал выпивку. Бармен поджал губы, но, качая головой, отвернулся.

— Боль, — Дан клюнул подбородком, — когда живешь с ней долго, уже и не боль. Что-то еще. Лорк фон Рэй сошел с ума! Проволок нас по краешку могилы. И бросил меня, труп на девять десятых, здесь, на задах Солнечной. И куда-то делся… — Дан еле дышал. Что-то клокотало в его легких. — Куда деваться слепцу Дану? — Он вдруг схватился за края столика. — Куда деваться Дану!..

Стакан Мыша подскочил, кокнулся о плитку.

— Ну скажи мне!

Дан снова тряхануул столик.

Бармен был уже в пути.

Дан встал, сбив с ножек стул, и потер глаза костяшками. Сделал два неловких шага по сверкающей звездной кляксе. Еще два. За ним потянулись бордовые следы.

Брюнетка охнула. Блондин сложил карты.

Один механик хотел было встать, второй его придержал.

Кулаки Дана ударили по створчатым дверям. Он исчез.

Мыш огляделся. Снова звон стекла, но тише. Бармен подключил к кисти метелку, машина шипела над пятнами грязи и крови.

— Выпьешь еще чего?

— Нет. — Из перекореженной гортани Мыша вырвался шепот. — Нет. Я все. Он кто такой?

— Киберштырил на «Птице Рух». Битую неделю покоя не дает. Его отовсюду вышвыривают, едва сунется. Слушай, как вышло, что тебя никто не нанял?

— Я еще не ходил в звездогонку, — хрипло прошептал Мыш. — Два года как получил сертификат. С тех пор втыкал на мелком грузовом внутри Солнечной, по треугольнику.

— Я б тебе кучу всего насоветовал. — Бармен выдернул метелку из кистевого разъема. — Но сдержусь. Да пребудет с

тобой Эштон Кларк. — Ухмыльнувшись, он вернулся за стойку.

Мышу стало не по себе. Заложив смуглый палец за кожаный ремешок на плече, он пошел к выходу.

— Э, Мыш, сыграй. Ну сыграй нам…

Двери сомкнулись за его спиной.

Скукоженное солнце подсвечивало горы зазубренной позолотой. Равнину рассеянно освещал Нептун, исполин небес. В полумиле громоздко расселись по ремонтным докам звездолеты.

Мыш зашагал вдоль вереницы баров, дешевых отелей, столовок. Безработен и подавлен, он успел помыкаться почти везде: играл за харчи, спал в углу чьей-нибудь комнатухи, когда звали развлекать ночную пирушку. Не такую жизнь обещал ему сертификат. Не этого Мыш хотел.

Он свернул на дощатый настил, огораживавший Пекло[3].

Чтобы сделать поверхность спутника обитаемой, Комиссия Дракона разместила в недрах иллириевые печи — плавить лунное ядро. Температура на поверхности установилась как мягкой осенью, атмосферу стихийно генерируют скалы. Удерживает ее искусственная ионосфера. Другое проявление свежерасплавленного ядра — Пекла[1] до [52], вулканические щели в лунной коре. Пекло[3] — шириной почти сто ярдов, вдвое глубже (на дне пылает пламенный червь), семь миль в длину. Каньон посверкивает и дымит в бледной ночи.

Мыш обходил бездну, щеку ласкал жаркий воздух. Мыш думал о слепом Дане. О ночи за Плутоном, за пределами звезд именем Дракон. Мышу было страшно. Он дотронулся до кожаной сумки на боку.

Эту сумку Мыш украл, когда ему было десять. Ее содержимое он возлюбил больше всего на свете.

В испуге убегал он прочь от музыкальных лавок под белыми сводами, дальше, дальше, меж вонючих замшевых палаток. Прижимая сумку к животу, перепрыгнул через картонку с пенковыми трубками, та опрокинулась, рассыпавшись по пыльной мостовой; проскочил под другой аркой, стрелой пролетел двадцать метров сквозь толпу, бурлившую на Золотой аллее, где бархатные витрины искрят светом и золотом. Огибая переминавшегося на месте мальца, задел трехручный поднос: стаканы с чаем, чашки с кофе. Мыш увернулся, поднос скакнул вверх и вбок; чай и кофе дрогнули, но ничто не пролилось. Мыш все убегал.

Новый поворот — мимо холма расшитой остроносой обуви.

Когда парусиновые туфли шлепнули по разбитому настилу, взметнулась слякоть. Мыш замер, тяжело дыша, и поглядел вверх.

Своды кончились. Между домами плутала морось. Мыш сжал сумку, запястьем размазал влагу по лицу и пошел по петлявшей улочке.

Прогнившая, ребристая и черная, из-за парковки выступила обожженная Константинова башня. Мыш вышел на главную улицу, все вокруг спешили, шлепали по жижице на камнях. Там, где сумка жалась к коже, выступил пот.

В погожий день… Он бы прошмыгнул кратчайшим, по задам. Но сейчас держался большой улицы, прячась за монорельсом. Расталкивал дельцов, школяров, носильщиков.

По брусчатке загромыхали полозья. Мыш рискнул и запрыгнул на желтую подножку. Водитель осклабился — златокрапчатый полумесяц на смуглом лице — и сгонять не стал.

Десять минут спустя (сердце все колотится) Мыш спрыгнул и нырнул через двор Новой мечети. Под моросью кучка мужчин мыла ноги в каменных корытцах у стены. Две женщины вышли из дверей, обулись и заторопились по мерцающим ступеням, чтобы не слишком намокнуть.

Как-то Мыш спросил Лео: когда построили Новую мечеть? Рыбак из Федерации Плеяд — он вечно ходил на одну ногу босой — поскреб густую светлую шевелюру; они глазели на закоптелые стены, вздымающиеся к куполам и шпилястым минаретам.

— Лет назад тысячу, что ль. Но это предполагаю я.

Сейчас Мыш искал именно Лео.

Выбежав со двора, он завертелся между грузовиками, легковушками, долмушами и трамваями, что теснились перед въездом на мост. На переходе свернул под фонарем, юркнул в железные ворота и понесся вниз по лесенке. В жидкой грязи стукались друг о дружку лодчонки. Дальше колыхалась под свайными причалами и доками на подводных крыльях горчичная вода Золотого Рога. За входом в Рог, над Босфором, в тучах наметилась прореха.

Косые лучи ударили по кильватеру парома, пахтавшего пролив в направлении другого континента. Мыш замер на ступеньках, уставился на сверкающий под гроздьями света пролив.

В туманной Азии поблескивали окна в стенах цвета песка. Начиналось действо, благодаря которому греки за две тысячи лет до того назвали азиатскую часть города Хрисополем — Золотым градом. Сегодня она звалась Ускюдар.

— Эй, Мыш!

Лео махнул ему с красной кренящейся палубы. Над своим суденышком рыбак соорудил навес, установил деревянные столы и расставил вокруг бочки, чтоб было на чем сидеть. В чане кипело

на древнем, заляпанном смазкой генераторе черное масло. Рядом на желтом клеенчатом плаще помещался улов. Жабры за нижними челюстями проткнуты — голова всякой рыбы стала как багровый цветок.

— Эй, Мыш, у тебя чего?

В лучшую погоду здесь ели рыбаки, докеры и грузчики. Мыш перелез через поручень; Лео бросил в чан две рыбины. Масло извергло желтую пену.

— У меня… то, что ты говорил. Нашел… ну, кажется, эта штуковина, ты рассказывал. — Слова вырывались порциями: придыхание, запинка, снова придыхание.

Лео, получивший имя, волосы и коренастость от немецких дедушек-бабушек (а манеру говорить ему ссудило детство на рыбачьем берегу в мире, где ночи в десять раз звезднее земных), глядел растерянно. Когда Мыш предъявил кожаную сумку, растерянность сменилась удивлением.

Лео принял сумку в веснушчатые руки:

— Шутишь ты, не? Ты откуда…

На суденышко ступили двое рабочих. Лео заметил тревогу на лице Мыша и с турецкого перешел на греческий:

— Ты взял это откуда? — Он на всех языках строил фразы одинаково.

— Украл. — Ущербные голосовые связки исторгали слова вперемешку с хрипами, и все-таки в свои десять лет цыганенок-сирота говорил на полудюжине языков средиземноморского побережья беглее людей вроде Лео, усвоивших языки в гипнобуче.

Строители, грязные после работы с мотолопатами (хоть бы они не знали языков, кроме турецкого), сели за столик; массировали запястья, почесывали хребетные разъемы на пояснице — туда втыкались большие машины. Крикнули, мол, неси рыбу.

Лео нагнулся и швырнул рыбины в чан. Порхнуло серебром, взрыкнуло масло.

Облокотившись о поручень, Лео потянул за шнурок.

— Да. — Он цедил слова потихоньку. — Один на Земле хоть, здесь тем более, не знал, что есть я. Взялся откуда?

— С базара, — объяснил Мыш. — Если уж что есть на Земле, оно есть на Гранд-базаре. — Он процитировал присказку, что влекла в Царицу городов миллионы за миллионами.

— Говорят так, — сказал Лео. И снова по-турецки: — Господам обедать этим подашь ты.

Мыш схватил черпак, разбросал рыбу по пластиковым тарелкам. Утонувшее в серебре вынырнуло золотым. Мужики вытащили по кусу хлеба из корзинок под столиком и принялись

есть руками.

Мыш выловил из масла еще две рыбы и принес их Лео — тот все сидел на поручне и улыбался в сумку.

— Связный из этой образ извлеку штуки ли? Не знаю. Как ходил во Внешних на метанокальмара Колониях, с тех пор такого в руки не брал ничего. Но играть умел неплохо тогда. — Сумка опала, и Лео вдохнул сквозь зубы. — Красота же какая!

То, что лежало у него на коленях в складках кожаной сумки, могло быть арфой, а могло — компьютером. С индуктивными панелями, как у терменвокса, с ладами, как у гитары, с короткими бурдонами на боку, как у ситара. На другом боку — удлиненные басовые бурдоны гитарины. Детали вырезаны из палисандра. Выплавлены из нержавейки. С вкраплениями черного пластика, с подушечкой из плюша.

Лео перевернул инструмент.

Прореха в облаках увеличилась.

Солнце пронеслось по шлифованному зерну, вспыхнуло в металле.

Работяги за столиком постучали монетами, скосились. Лео кивнул. Бросив деньги на сальную столешницу, они, озадаченные, покинули суденышко.

Лео потыкал в панель управления. Хрустальный звон. Воздушная рябь; и сквозь вонь — влажные веревки с гудроном — прорезался аромат… орхидей? Давным-давно, Мышу было лет пять или шесть, он нюхал дикие орхидеи в придорожных полях. (Там была большая женщина в ситцевой юбке, наверное мама, и трое босых мужчин с пышными усами, одного из них Мышу велено было звать папой; но это было в какой-то другой стране…) Да, орхидеи.

Лео шевельнул рукой; рябь перешла в сияние. Из воздуха пролилась белизна, сплавленная с лазурным светом из источника где-то между Мышом и Лео. Аромат увлажнился до запаха роз.

— Работает! — проскрипел Мыш.

Лео кивнул:

— Лучше того, что прежде я имел. Батарейка новехонькая иллириевая почти что. На таковских на лодке играл обычно я, как играть, верно, не забыл. — Его лоб избороздили морщины. — Не очень хорошо, пробовать если. Давненько без практики я. — Смущение преобразило рыбака, таким Мыш его еще не видел. Пальцы Лео потянулись к ручке настройки.

Там, где воздух напоился белизной, свечение обрело форму; женщина обернулась, взглянула на них через плечо.

Мыш моргнул.

Женщина просвечивала; но насколько же реальной делало ее

усилие, с которым Мыш вглядывался в подбородок, плечо, ногу, лицо, пока она, рассмеявшись и развернувшись, не швырнула в него внезапные цветы. Мыш нырнул под лепестки и зажмурился. Дышал в обычном ритме, но тут, вдохнув, не смог остановиться. Ловил аромат разинутым ртом, втягивал воздух круто распластавшейся по нижним ребрам диафрагмой. Под грудиной вспыхнула арка боли, и Мыш выдохнул — нехотя. Резко. Вдох возвращался медленно…

Мыш открыл глаза.

Масло, желтые воды Рога, тина; а цветения в воздухе как не бывало. Опершись обутой ногой на нижний трос леера, Лео возился с рукояткой.

Она исчезла.

— Но… — Мыш сделал шаг, замер, балансируя на носках, в горле булькало. — Как?..

Лео взглянул на него:

— Заржавел же я! Когда-то играл я отлично. Давно очень. Давным-давно. Тогда, тогда умел на этой я штуке играть.

— Лео… ты умел?.. Ты же говорил, что… я не знал… я думал, ты…

— Что?

— Научи! Можешь научить… меня?

Лео смотрел на ошеломленного цыганенка, с которым подружился здесь, среди доков, рассказывая о скитаниях по портам и океанам десятка миров. Озадачился.

Пальцы Мыша зашевелились.

— Лео, покажи! Ты должен показать! — Пока Мыш подыскивал слова, сознание перескочило с александрийского арабского на берберский и остановилось на итальянском. — *Беллиссимо*, Лео! *Беллиссимо!*

— Ну… — Жадность мальчугана породила в Лео то, что могло бы быть страхом, будь Лео привычнее к страху.

Мыш глядел на украденное с ужасом и благоговением.

— Покажешь мне, как на нем играть?

Тут Мыш расхрабрился не на шутку. Осторожно взял инструмент с колен Лео. А Мыш жил со страхом всю свою краткую кроеную жизнь.

Однако, заполучив чаемое, стал затейливым путем приходить в себя. Изумленный Мыш вертел сенсор-сирингу так и этак.

В начале слякотной улочки, что вьется вверх по холму за железными воротами, Мыш подрабатывал — носил по ночам подносы с кофе и салепом из чайханы сквозь стада мужчин, бродивших туда-сюда у узких стеклянных дверей и приседавших, чтобы поглазеть на ждущих внутри женщин.

Теперь Мыш все чаще и все больше опаздывал. Оставался на суденышке сколько мог. Вдоль доков в милю длиной перемигивались огни гавани, мерцала сквозь туман Азия, а Лео показывал Мышу, где в отполированной сиринге прячутся всякий проецируемый аромат и цвет, всякая форма и текстура, всякое движение. Глаза и руки Мыша приноравливались.

Через два года, когда Лео объявил, что продал суденышко и думает лететь на другой конец Дракона, может, на Новый Марс, ловить пыльных скатов, Мыш уже мог превзойти дешевую иллюзию, что Лео показал в первый раз.

Через месяц и Мыш покинул Стамбул: дождался под мокрыми камнями Эдирнекапы грузовика, что согласился подбросить его до пограничной Ипсалы. Перешел границу с Грецией, прибился к цыганам, колесившим в красной кибитке, и за время путешествия вернулся к родному цыганскому. В Турции он пробыл три года. Уезжая, кроме того, что было на нем, взял лишь толстое серебряное разборное кольцо, слишком большое для его пальцев, — и сирингу.

Через два с половиной года он уезжал из Греции, и кольцо оставалось при нем. Мыш на три четверти дюйма отрастил ноготь на мизинце, как другие мальчишки, что работали на грязных улицах за блошиным рынком Монастираки — торговали ковриками, латунными безделицами, всем, что покупают туристы, у внешней стенки геодезического купола, накрывшего квадратную милю Афинского рынка, — и не расставался с сирингой.

Круизный лайнер, куда Мыш поступил матросом, шел из Пирея в Порт-Саид; одолев канал, он направился в порт приписки, в Мельбурн.

На пути оттуда, на сей раз в Бомбей, Мыш развлекал публику в судовом ночном клубе: Понтичос Провечи, воссоздаю великие произведения искусства, музыкальные и визуальные, все для вас, под ароматический аккомпанемент. В Бомбее он уволился с судна, напился (ему уже было шестнадцать), шлялся при луне по грязному пирсу; его колотило и тошнило. Он поклялся в жизни не играть чисто для денег. («Эй, парень! Изобрази мозаику на потолке Айя-Софии, а потом фриз Парфенона — и чтоб оно все плясало!») В Австралию вернулся матросом. Сошел на берег с разборным кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие экватор в Индийском океане, имеют право на такую серьгу вот уже пятнадцать веков. Стюард, приложив лед, проколол Мышу мочку парусной иглой. С сирингой Мыш не расставался.

Вернувшись в Мельбурн, играл на улицах. Проводил кучу времени в кофейне, куда захаживали ребятки из Академии

астронавтов имени Купера. Двадцатилетняя девушка, с которой он жил, сказала, может, ему стоит походить на кое-какие лекции.

— Вставь втыки, чего ты. Все равно в итоге вставишь, а так освоился бы, чтоб не только на заводе вкалывать. Тебе нравится путешествовать. Чем командовать мусоровозом, лучше гонять звезды, нет?

Когда Мыш порвал с девушкой и уехал из Австралии, у него был сертификат киберштыря между- и внутрисистемных кораблей. Он не расстался с золотой серьгой, ногтем на мизинце, разборным кольцом — и сирингой.

Только и с сертификатом наняться в звездогонку прямиком с Земли сложновато. Пару лет Мыш втыкал на скромном коммерческом рейсе в Зыбучем Треугольнике: с Земли на Марс, с Марса на Ганимед, с Ганимеда на Землю. Но теперь черные глаза горели звездами. Через неделю после восемнадцатого дня рождения (ну то есть дня, о котором они с девушкой договорились в Мельбурне, что это будет его день рождения) Мыш космостопом добрался до самой большой луны Нептуна, откуда крупные торговцы слали корабли на миры по всему Дракону, в Федерацию Плеяд и даже Внешние Колонии.

Разборное кольцо сидело на пальце как влитое.

Мыш брел мимо Пекла[3]: обутая нога поклацывает, босая нет (так в другом городе на другой планете ходил когда-то Лео). То был последний усвоенный за время пути обычай. Те, кто пашет в межпланетных при невесомости, развивают проворство пальцев хоть одной ноги, а иногда и обеих, пока те не сравняются по умелости с руками земляных салаг, да и потом оставляют одну ногу голой. На межзвездных коммерческих судах есть искусственная гравитация, там этот обычай не прижился.

Когда Мыш шагнул под платан, листва взревела на теплом ветру. Задел что-то плечом. Пошатнулся, был изловлен и перекручен.

— Ах ты, корявый краснорожий щенок…

Рука вцепилась в плечо и отставила Мыша на свою длину. Мыш поднял глаза на моргавшего великана.

Это лицо кто-то пытался рубить. Косой шрам бежал от подбородка по границе тяжелых выступающих губ через мышцы щеки — желтый глаз выжил чудом — и рассекал левую бровь. Там, где он исчезал в рыжих негритянских волосах, пылало пламя бархатистой желтизны. Плоть обступала шрам, как чеканная медь — бронзовый прожилок.

— Парень, куда прешь?

— Простите…

На жилете великана красовался офицерский золотой диск.

— Я, верно, не смотрел…

Масса мышц на лбу пришла в движение. Жевательные мускулы напряглись. За фасадом лица рождался отрывочный звук. Смех, громкий и высокомерный.

Мыш сквозь злость улыбнулся:

— Я, верно, не смотрел, куда шел.

— Уж верно, не смотрел.

Ручища упала на плечо дважды. Капитан кивнул и удалился.

В замешательстве и тревоге Мыш двинулся дальше.

Замер, оглянулся. Золотой диск на левом плече капитанского жилета бугрился именем «Лорк фон Рэй». Мыш тронул сумку под мышкой.

Отбросил упавшие на лоб черные волосы, огляделся и вскарабкался на ограду. Зацепился обутой и босой ногами за нижнюю перекладину, достал сирингу.

Наполовину расшнуровав жилет, Мыш обнял инструмент, а тот коснулся мелких рельефных мышц на груди. Мыш опустил голову; длинные ресницы сомкнулись. Его рука, кольцо и лезвие, парила над индукционными гранями.

Воздух полнился испуганными образами…

Глава вторая

Кейтин, длинный и блистательный, волочился к Пеклу[3], глаза долу, душой на вышних лунах.

— Эй, парень!

— А?

Небритый отщепенец прислонился к ограде, вцепившись в нее облупленными руками.

— Ты откуда? — Глаза у отщепенца затуманены.

— С Селены, — сказал Кейтин.

— Из белого домика на улочке, засаженной деревьями, с великом в гараже? У меня был велик.

— Мой домик зеленый, — сказал Кейтин. — И под воздушным куполом. Но велик был, да.

Отщепенец качнулся у ограды:

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь.

К безумцам надо прислушиваться, думал Кейтин. Они встречаются все реже. Не забыть бы сделать заметку.

— Так давно это было… так давно! — Старик зашатался прочь.

Кейтин потряс головой и продолжил путь.

Кейтин был застенчив и абсурдно высок; почти шесть футов девять дюймов. Вымахал к шестнадцати. Так и не поверив в свой рост, и через десять лет норовил ссутулиться. Он заткнул за пояс шорт большущие руки. Зашагал, взмахивая локтями.

И вернулся мыслями к лунам.

Кейтин, *луно*рожденный, луны любил. Он всегда жил на лунах, если не считать времени, на которое убедил родителей, стенографов при Палатах Дракона на Селене, отпустить его получить университетское образование на Землю, в центр учения загадочного и неисповедимого Запада, Гарвардский универ, ныне и присно обитель богатеев, эксцентриков и умниц, — Кейтин входил в последние две категории.

О том, сколь разной может быть планетная поверхность, от холодно-равнодушных гималайских вершин до дюн Сахары, обжигающих до волдырей, он слышал, но не более. Ледяные леса лишайников на марсианских полярных шапках и ревущие песчаные реки экватора Красной планеты; меркурианская ночь против меркурианского дня — все это Кейтин познавал через психорамы о путешествиях.

Не это Кейтин знал, не это он любил.

Луны?

Луны — малы. Лунная краса — в вариациях одинаковости.

Из Гарварда Кейтин вернулся на Селену, а оттуда уехал на Станцию Фобос, где втыкал в ассортимент звукозаписывающих устройств, маломощных компьютеров и адресографов: вознесенный до звезд деловод. В свободное время, облачившись в комбинезон с поляризованными линзами, он обследовал Фобос, пока Деймос, яркая каменюка шириной в десять миль, болталась у пугающе близкого горизонта. В конце концов он собрал отряд для высадки на Деймосе и изучил крошечную луну, как только можно изучить малый мирок. Затем перенесся на спутники Юпитера. Ио, Европа, Ганимед, Каллисто вращались на его светло-карих глазах. Луны Сатурна при рассеянном освещении колец вертелись под отшельническим взглядом, когда он выбирался из станционных бараков. Он изучал серые кратеры, серые горы, долины и каньоны сквозь дни и ночи слепящего изнеможения. Луны все одинаковы?

Закинь Кейтина на любую из них и развяжи вдруг глаза, он бы сразу определил, где оказался, по кристаллической формации, петрологической структуре и общей топографии. Дылда Кейтин привык распознавать малейшие нюансы ландшафта и личности. Страсти, рождаемые многообразием целого мира или цельного человека, были ему ведомы… но неприятны.

С этим неприятием он разбирался двояко.

Если говорить о внутренних проявлениях, Кейтин сочинял роман.

С пояса свешивался на цепочке украшенный драгоценностями записчик, который родители подарили Кейтину, когда тот поступил в универ с правом на стипендию. На сегодня записчик содержал заметки на сотню тысяч слов. Кейтин еще не приступал к первой главе.

Если говорить о внешних проявлениях, он выбрал замкнутую жизнь ниже возможностей, даруемых его образованием, и даже не особо в ладу с темпераментом. Постепенно он отдалялся от центра человеческой деятельности, которым для него оставался мир под названием Земля. Всего месяц назад окончил курсы киберштырей. И прибыл на луну Нептуна — последнюю луну любого размера в Солнечной системе — этим утром.

Его каштановая шевелюра шелковиста, растрепана и достаточной длины, чтобы ухватиться в драке (если дотянетесь). Его руки за поясом мнут плоский живот. Выйдя на дорожку, он останавливается. Кто-то сидит на ограде и играет на сенсор-сиринге.

Несколько человек, замерев, глазеют на зрелище.

Цвет узорами фуги разливается в воздухе; дуновение глотает

образ и опадает, творя следующий: изумруд поярче, аметист поглуше. Ароматы затапливают ветер уксусом, снегом, океаном, имбирем, маком, ромом. Осень, океан, имбирь, океан, осень; океан, океан, вновь клокотание океана, и пенится свет в тусклой сини, подсвечивающей лицо Мыша. Сочатся потихоньку электрические арпеджио новой раги.

Взобравшись на ограду, Мыш глядел в мешанину образов, наслоений схлопывающихся светлых взрывов, на свои смуглые пальцы, скачущие по ладам; по тыльной стороне рук тек свет из машины. И пальцы падали. Образы так и порскали из-под ладоней.

Собрался десяток зевак. Они помаргивали; вертели головами. Свет из иллюзии барабанил по кровле глазниц, струями очерчивал рты, забивался в теснины бороздчатых лбов. Женщина потерла ухо, кашлянула. Мужчина похлопал по донцу карманов.

Кейтин глядел сверху вниз на группу голов.

Кто-то протолкался вперед. Не прекращая играть, Мыш поднял глаза.

Слепец Дан вывалился из сборища, подвис, поковылял дальше сквозь пламя сиринги.

— Эй, ты чего, а ну пшел…

— Старик, двигай, нечего тут…

— Нам не видно, что творит пацан…

Посреди Мышова творения Дан раскачивался, дергая головой.

Мыш усмехнулся; смуглая рука сжала проекционную рукоятку, и свет, звуки, запахи сдулись вокруг единственного дивного демона, что, стоя перед Даном, блеял, корчил рожи, бил чешуйчатыми переливчатыми крыльями. Он ревел трубой, гримасничал, его лицо стало как лицо Дана, но с третьим вращающимся глазом.

Люди засмеялись.

Призрак подпрыгнул и уселся на пальцах Мыша. Цыган злорадно осклабился.

Дан, вихляясь, подался вперед, рука хлестнула по воздуху.

Взвизгнув, демон извернулся, перегнулся. Свистнуло, будто открыли дребезжащий клапан, и зрители — теперь уже два десятка — застенали от вони.

У Кейтина, прислонившегося к ограде близ Мыша, от стыда прижгло шею.

Демон выделывался.

Тогда Кейтин, дотянувшись, прикрыл ладонью поле визуальной индукции, и образ поблек.

Мыш пронзил его взглядом:

— Эй!..

— Не надо этого делать, — сказал Кейтин, погребая плечо Мыша под своей ручищей.

— Он же слеп, — сказал Мыш. — Не видит, не чует… не понимает, что происходит… — Черные брови поникли. Но играть Мыш перестал.

Дан стоял, обступлен толпой, которую не видел. Вдруг завизжал. И опять. Визг бурлил в его легких. Люди отпрянули. Мыш и Кейтин оба глядели на хлещущую воздух руку.

В темно-синем жилете с золотым диском, при шраме, пылавшем под огненным клеймом, из скопища выдвинулся капитан Лорк фон Рэй.

Дан узнал его сквозь слепоту. Развернулся и поковылял прочь из круга. Оттолкнув одного, двинув запястьем по плечу второй, исчез в толкучке.

Дан ушел, сиринга смолкла, внимание переключилось на капитана. Фон Рэй шлепнул себя по бедру, на черных брюках ладонь скрипнула половицей.

— Хорош! Чего разорались?

Голос гремел.

— Я пришел набрать команду киберштырей на долгий рейс, видимо по внутреннему рукаву. — Горят жизнью желтые глаза. Капитан ухмыляется всем лицом под ржаво-жесткими волосами, вкруг налитóго шрама. Однако на то, чтоб считать эмоцию с искаженных губ и лба, уйдут секунды. — Ну, кто из вас сопутствует мне на полпути до края ночи? Вы пескоброды или звездоходы? Ты! — Он указал на Мыша, по-прежнему на ограде. — Хочешь со мной?

Мыш спрыгнул:

— Я?

— Ты — со своей адской пиликалкой! Коли будешь смотреть, куда идешь, — вперед: мне нужен кто-то, чтоб жонглировать воздухом перед глазами и щекотать мочки. Решайся.

Улыбка пробежала от зубов Мыша к уголкам рта.

— А то. — И пропала. — Лечу. — Юный цыган вещал пропитым шепотом старика. — Да, капитан, лечу.

Мыш кивнул, и над вулканической расщелиной сверкнула золотая серьга. Горячий ветерок пронесся над оградой, сбив черные пряди.

— Есть у тебя товарищ, с кем хочешь гонять звезды? Мне нужна команда.

Мыш, которому на этом дроме никто особо не нравился, глянул исподлобья на высокого юношу, что прекратил издевательство над Даном.

— Как насчет коротышки? — Ткнул большим пальцем в удивленного Кейтина. — Не знаю, кто он, но товарищ что надо.

— И отлично. Значит, у меня вас… — капитан фон Рэй на миг сощурился, составляя опись Кейтина: покатые плечи, узкая грудь, высокие скулы, карие, в медных крапинках, слишком водянистые глаза, неопределенные края радужек, размытые за контактными линзами, — двое.

Уши Кейтина потеплели.

— Кто еще? В чем дело? Страшитесь вылезти из полудохлого колодца гравитации, тоскующего по козявке солнца? — Он указал подбородком на подсвеченные горы. — Кто с нами туда, где на веки вечные ночь, а утро только снится?

Шагнул вперед человек. Кожа цвета императорского винограда, длинноголовый, мордатый.

— Я б слетал. — Когда он говорил, перекатывались мышцы на челюстях и пушистом черепе.

— Товарищ есть?

Вышел второй. Плоть полупрозрачная, как мыло. Волосы — белая шерстка. Схожесть бросалась в глаза не сразу. Те же заостренные полумесяцем уголки полных губ, тот же излом на вершинах выдающихся скул: близнецы. Второй повернул голову, и Мыш увидел мигающие глаза, розовые, подернутые серебром.

Альбинос уронил широкую кисть — ворох костяшек и по-работяжьи искромсанных ногтей, скрепленный с предплечьем толстыми кабелями синюшных вен, — на черное плечо брата:

— Мы летим вместе.

Их голоса, тягучие от колониальной манерности, были идентичны.

— Кто еще? — Капитан фон Рэй оглядел толпу.

— Меня, капитан, взять вы хотите?

Мужчина протолкался поближе.

На его плече билось нечто.

Желтые волосы трепало ветром не из пропасти. Влажные крылья морщились и распрямлялись, подобные ониксу и желатину. Мужчина потянулся к заузленному плечу с эполетом черных когтей и погладил эти абордажные подушечки лопатообразным пальцем.

— Есть еще товарищ, кроме зверька?

Сжав его руку в своей, крошечной, отставая от него на два шага, она вышла вперед.

Ивовая ветвь? Птичье крыло? Бриз в весенних камышах? Мыш обыскал склад образов, ища что-либо равное кротости ее лица. Пусто.

Глаза — цвета стали. Маленькая грудь вздувает шнуровку

жилета, ровная, как дыхание. Сталь вдруг просияла; женщина огляделась. (Сильная женщина, подумал Кейтин — он распознавал такие тонкости.)

Капитан фон Рэй скрестил руки:

— Вы двое и животное на плече?..

— Шесть мы зверьков, капитан, держим, — сказала она.

— Будут вести себя прилично — ладно. А если трепетный гад станет путаться под ногами, выброшу за борт.

— Справедливо, капитан, — сказал мужчина. Раскосые глаза на кирпичном лице смешливо сузились. Свободной рукой он взялся за другой свой бицепс и пальцами заскользил по светлым волосам, выстилавшим оба предплечья, пока не сжал руку женщины обеими ладонями. Та самая пара, что играла в карты в баре. — Когда на борт нам пора?

— За час до рассвета. Мой корабль взлетит навстречу солнцу. «Птица Рух», платформа семнадцать. Как вас кличут ваши друзья?

— Себастьян. — (На золотом плече забился зверек.)

— Тййи. — (Тень зверька пересекла ее лицо.)

Капитан фон Рэй склонил голову и уставился из-под ржавых бровей тигриными глазами:

— А ваши враги?

Мужчина улыбнулся:

— Чертов Себастьян и его черные жабри.

Фон Рэй взглянул на женщину:

— А тебя?

— Тййи. — Мягко, нежно. — Так же.

— Вы двое. — Фон Рэй обратился к близнецам. — Имена?

— Он Идас… — сказал альбинос, вновь положив руку брату на плечо.

— …а он Линкей.

— А что сказали бы ваши враги, спроси я их, кто вы такие?

Темный близнец пожал плечами:

— Просто Линкей…

— …и Идас.

— Ты? — Фон Рэй кивнул Мышу.

— Можете звать меня Мыш, если вы мне друг. Если враг, моего имени вам не узнать.

Веки фон Рэя полуприкрыли желтые яблоки, он посмотрел на дылду.

— Кейтин Кроуфорд. — Кейтин и сам удивился, что вызвался. — Когда враги скажут, как меня зовут, я вам сообщу, капитан фон Рэй.

— Рейс будет долгим, — сказал фон Рэй. — И вы встретите врагов, о которых и не знали, что они у вас есть. Против нас —

Князь Красный и его сестра Лала. Наш грузовик летит порожняком и вернется — если шестеренки не подведут — с набитым трюмом. Хочу, чтоб вы знали: этот рейс отправлялся дважды. Раз он кончился, толком не начавшись. Раз я уже видел мою цель. Но кое-кто из команды не перенес и этого зрелища. Теперь я намерен полететь, набить грузовой отсек под завязку и вернуться.

— Цель какая звездогонки? — спросил Себастьян. Тварь на его плече, переступив с лапы на лапу, трепыхнулась для равновесия. Размах крыльев — почти семь футов. — Что, капитан, ждет там нас?

Фон Рэй вскинул голову, будто видел конец маршрута. Медленно опустил взгляд.

— Там…

У Мыша зарябило на загривке, словно кожа была тканью и кто-то, подцепив торчащую нитку, распускал материю.

— Где-то там, — сказал фон Рэй, — есть нова.

Страх?

Мыш на секунду всмотрелся в звезды и увидал погубленный глаз Дана.

А Кейтин размотал катушку памяти, рухнул в кратеры множества лун, выпучил глаза под маской лица, а где-то коллапсировала, ввергаясь в собственное лоно, звезда.

— Мы охотимся на нову.

Выходит, вот он, настоящий страх, думал Мыш. Внутри груди бился, тычась в ребра, зверь зверее некуда.

Начало миллионов странствий, размышлял Кейтин, а начало — там, где стоишь.

— Нам предстоит подойти к пылающему краю схлопывающейся звезды. Весь континуум в области новы — пространство, вывернутое наизнанку. Мы должны подобраться к ободу хаоса и вынести оттуда горсть огня, сделав как можно меньше остановок на пути. Там, куда мы летим, никаких законов.

— Какие законы имеются в виду? — встрял Кейтин. — Людские, законы природы, физические, психические и химические?

После паузы фон Рэй выдал:

— Все разом.

Мыш закинул кожаный ремень на плечо и опустил сирингу в сумку.

— Это гонка, — сказал фон Рэй. — Повторю. Наши противники — Князь Красный и Лала Красная. Привлечь их к людскому закону я не в силах. И чем ближе мы к нове, тем меньше проку от остальных.

Мыш смахнул со лба сбившуюся челку.

— Рейс будет с ног на голову, да, капитан? — Мышцы его смуглого лица поскакали, завибрировали, наконец застыли в унимавшей дрожь ухмылке. Рука внутри сумки ласкала инкрустацию на сиринге. — Взаправду с ног на голову. — Его сиплый голос лизнул опасность. — Кажись, о таком я смогу спеть. — Опять лизнул.

— А эта… горсть огня, что мы привезем… — начал Линкей.

— Полный трюм, — поправил фон Рэй. — Семь тонн. Семь кусков по тонне каждый.

Идас сказал:

— Нельзя вернуться с семью тоннами огня…

— …так чем мы разживемся, капитан? — закончил Линкей.

Ждала команда. Ждали те, кто стоял подле.

Фон Рэй дотронулся до правого плеча, помял его.

— Иллирий, — сказал он. — И мы приникнем к его источнику. — (Рука отпала от плеча.) — Давайте ваши классификационные номера. После этого я хочу видеть вас на «Птице Рух» не раньше чем за час до рассвета.

— На, выпей…

Мыш отпихнул руку, не прекращая танцевать. Музыка истошно била в железный набат, красные огоньки бегали друг от друга по всему бару.

— На…

Бедра Мыша колотит музыкой, Тййи колотит о Мыша, темные кудри пляшут на поблескивающем плече. Глаза закрыты, губы трясутся.

Кто-то сказал кому-то:

— Слышь, не хочу больше. На, допей.

Она взмахнула руками, подавшись навстречу. Потом Мыш моргнул.

Тййи замерцала.

Он моргнул еще раз.

И увидел, что Линкей держит сирингу в белых руках. За ним — его брат. Смеются. Настоящая Тййи сидит за столиком в углу и тасует карты.

— Эй, — сказал Мыш, срываясь с места. — Не надо баловаться с моим инстром, хорошо? Умеете играть — другое дело. Но сперва меня спросите.

— Ага, — сказал Линкей. — Ты единственный, кто это видел…

— …луч был узконаправленный, — сказал Идас. — Мы просим прощения.

— Не страшно, — сказал Мыш, забирая сирингу.

Он был пьян и устал. Вышел из бара, поблуждал вдоль раскаленной губы Пекла[3], перешел наконец мостик, ведущий к платформе семнадцать. Небо чернело. Рука вилась по ограждению, пальцы и запястье подсвечивало оранжевым.

Некто стоял впереди, опираясь на ограду.

Мыш замедлился.

Кейтин мечтательно глядел в бездну, свет снизу надел на него маску демона.

Сперва Мыш решил, что Кейтин говорит с собой. Потом увидел обсыпанный драгоценностями аппарат в руке.

— Врежьтесь в глубь человеческого мозга, — говорил Кейтин записчику. — На полпути от конечного до продолговатого мозга вы найдете гроздь нервов, напоминающую фигуру человека, но ростом в сантиметры. Она соединяет воздействия на органы чувств, возникшие за пределами полушарий, с психическими абстракциями, формирующимися в мозгу. Уравновешивает восприятие мира вовне с познанием мира внутри… Врежьтесь в глубь расхлябанного сплетения интриг, что единой сетью крепит мир к миру…

— Привет, Кейтин.

Кейтин воззрился на него сквозь горячую рябь от лавы.

— …привязывает звездную систему к звездной системе, хранит единство структур солоцентрического сектора Дракона, Федерации Плеяд и Внешних Колоний: вы обнаружите вихрь дипломатов, выбранных или самоназначенных чиновников, честных или коррумпированных, смотря по обстоятельствам… короче, правительственную матрицу, принимающую форму мира, который она представляет. Ее функция — реагировать на и уравновешивать социальное, экономическое и культурное давление, а оно смещается и пронзает империю… Ну а если кто-то сможет врезаться в глубь звезды, в центре, окруженный пылающим газом, обнаружится столп чистой ядерной материи, сферический или сплющенный, как и форма самой звезды. Во время солнечных возмущений этот центр прогоняет вибрации от возмущения сквозь звездную массу, чтобы погасить их, породив приливы и отливы на ее поверхности… Иногда крошечные тела, уравновешивающие перцептивное давление на человеческий мозг, делают что-то не то. Часто правительственная и дипломатическая матрица не в силах справиться с давлением миров, которыми правит. А когда что-то идет не так в уравновешивающем механизме звезды, рассеивание невероятной звездной мощи сдвигает по фазе титанические силы, отчего звезда становится…

— Кейтин?

Кейтин выключил записчик и посмотрел на Мыша.

— Что ты делаешь?

— Заметки для моего романа.

— Для чего?

— Архаическая форма искусства, вытесненная психорамой. Увы, она была способна на исчезнувшую нюансировку, как духовную, так и творческую, которой более непосредственная форма пока не достигла. Мыш, я — анахронизм. — Кейтин улыбнулся. — Спасибо за мою работу.

Мыш пожал плечами.

— О чем это ты говорил?

— О Психологии. — Кейтин положил записчик в карман. — О Политике и Природе. Трех «П».

— Психология? — переспросил Мыш. — *Поль*-итика?

— Ты умеешь читать и писать? — спросил Кейтин.

— По-турецки, гречески и арабски. С английским хуже. У букв нет ничегошеньки общего со звуками, которые издаешь.

Кейтин кивнул. Он тоже был слегка пьян.

— Глубоко. Вот почему английский — отличный язык для романов. Но я упрощаю сверх меры.

— Так что там с психологией и политикой? Насчет природы я в курсе.

— В особенности, — сказал Кейтин змеящейся, светящейся полоске жидкой лавы, что ползла в двухстах метрах внизу, — с психологией и политикой нашего капитана. Они меня интригуют.

— Что с ними такое?

— Его психология в данный момент любопытна просто потому, что неизвестна. У меня будет возможность наблюдать за ней в процессе. А вот политика брюхата возможностями.

— Да? И что это значит?

Кейтин сложил пальцы в замок и уравновесил подбородок на костяшке.

— Я учился в институции высшего знания на развалинах некогда великой страны. На той стороне двора, почти напротив, стояло здание Психонаучной лаборатории фон Рэя. Весьма недавнее добавление — ему, я полагаю, лет сто сорок.

— Капитана фон Рэя?

— Подозреваю, его дедушки. Пожертвование университету в честь тридцатой годовщины дарования Палатами Дракона независимости Федерации Плеяд.

— Фон Рэй — из Плеяд? Он говорит не так, как тамошние. Себастьян и Тййи — да, по ним слышно. Ты уверен?

— Безусловно, там — владения его семьи. Вероятно, он

шатался по всей Вселенной, путешествовал на таких судах, что и мы бы с радостью. Сколько ты поставишь на то, что у него собственный грузовик?

— Он не работает на какой-то синдикат?

— Разве что им владеет его семья. Фон Рэи, наверное, самый могущественный клан в Федерации Плеяд. Не знаю, кто у нас капитан — седьмая вода на киселе, которой свезло обзавестись именем, или же прямой наследник и отпрыск. Я знаю другое: это имя связано с контролем и организацией всей Федерации Плеяд; это семейство из тех, у которых есть дачка во Внешних Колониях и особняк-другой на Земле.

— Так он большой человек, — прохрипел Мыш.

— Именно.

— А что это за Князь и Лала Красные, о которых он говорил?

— Ты настолько дремуч — или всего лишь продукт сверхспециализации тридцать второго века? — спросил Кейтин. — Я порой мечтаю о возвращении великих ренессансных фигур века двадцатого: Бертрана Рассела, Сьюзен Лангер, Пейта Дэвлина. — Глянул на Мыша. — Кто, по-твоему, производит приводы любой системы, на выбор, межпланетные и межзвездные?

— Корпорация «Красное смещение»… — Мыш оторопел. — Эти Красные?

— Не будь он фон Рэем, я бы предположил, что он говорил о какой-то другой семье. Но он — фон Рэй и очень вероятно, что говорит именно об этих Красных.

— Черт, — сказал Мыш.

Эмблема «Красного смещения» попадалась так часто, что он перестал ее замечать. «Красное смещение» изготавливало компоненты для всех мыслимых космоприводов, инструменты для их разборки, машины для их обслуживания, запчасти.

— Красные — семейство промышленников, уходящее корнями в зарю космической эры; оно очень твердо закрепилось на Земле в частности и в системе Дракона вообще. Фон Рэи — не столь старинный, но мощный род Федерации Плеяд. И вот они устраивают гонку за семь тонн иллирия. Разве не трепещут твои политические фибры от того, во что все это выльется?

— С чего бы?

— Разумеется, — сказал Кейтин, — художнику, занятому самовыражением и проекцией внутреннего мира, положено быть прежде всего аполитичным. Но, Мыш, *серьезно*.

— Да о чем ты говоришь, Кейтин?

— Мыш, что такое для тебя иллирий?

Мыш подумал.

— Моя сиринга играет на иллириевой батарейке. Я знаю, что здесь его используют для разогрева лунного ядра. Кажется, иллирий как-то связан со сверхсветовым приводом?

Кейтин закрыл глаза:

— Ты зарегистрированный, проэкзаменованный, профессиональный киберштырь, как я, да? — (На «да» глаза открылись.)

Мыш кивнул.

— Ну что — за перерождение системы образования, в которой знать означало прежде всего понимать, — пропел Кейтин мерцающей тьме. — Где ты, кстати, учился на кибера — в Австралии?

— *Ыххым*.

— Заметно. Мыш, в батарейке твоей сиринги куда меньше иллирия, раз в двадцать — двадцать пять меньше, чем, скажем, радия в люминесцентной краске в цифрах на циферблате радиевых часов. Сколько работает батарейка?

— Должна — до пятидесяти лет. Они дико дорогие.

— Иллирий, потребный для плавки ядра этой луны, измеряется в граммах. Чтобы разогнать звездолет — то же самое. Количество добытого и используемого иллирия во Вселенной исчисляется восемью или девятью тысячами килограммов. А капитан фон Рэй намерен привезти *семь тонн*!

— Видимо, для «Красного смещения» это лакомый кусочек.

Кейтин ответил глубоким кивком:

— Нельзя исключать.

— Кейтин, что такое иллирий? Я часто спрашивал, в Куперовке, но мне говорили, что для меня это слишком сложно.

— Мне в Гарварде твердили то же самое, — сказал Кейтин. — Психофизика, уровень семьдесят четыре и семьдесят пять. Но вот *я* пошел в библиотеку. Лучшее определение дал профессор Пловневский в докладе, сделанном в Оксфорде в две тысячи триста тридцать восьмом и, тремя неделями позже, перед Королевским обществом. Цитирую: «По сути, джентльмены, иллирий — это что-то!» Счастливая случайность ввиду заскорузлого языка или глубокое понимание тонкостей английского — кто знает? Словарное определение, если я верно помню, звучит примерно так: «…общее название для группы транстрехсотых элементов с психоморфическими свойствами, гетеротропных со многими обычными элементами, а также с мнимым семейством между сто седьмым и двести пятьдесят пятым элементами таблицы Менделеева». Как у тебя с субатомной физикой?

— Я всего лишь никчемный киберштырь.

Кейтин поднял мерцающую бровь:

— Ты в курсе, что, если двигаться по атомным номерам после девяносто восьмого, элементы становятся все менее стабильными, пока мы не доходим до посмешищ вроде эйнштейния, калифорния, фермия с периодом полураспада в сотые доли секунды — а если пройти чуть дальше, то и в сотые тысячных долей секунды. Чем дальше в лес, тем нестабильнее. По этой причине все семейство между атомными номерами сто и двести девяносто восемь нарекли — неверно — мнимыми элементами. Они вполне реальные. Просто с нами остаются ненадолго. Однако в районе двести девяносто шестого элемента стабильность снова ползет вверх. На трехсотом мы возвращаемся к периоду полураспада в десятые доли секунды, еще через пять-шесть элементов начинается целое новое семейство с почтенным полураспадом в миллионы лет. Атомные ядра этих элементов неимоверны, а сами они — *очень* редкие. Но еще в тысяча девятьсот пятидесятом году были открыты гипероны, элементарные частицы больше протонов и нейтронов. Эти частицы — носители энергии связи, она удерживает суперъядра от распада, как обычные мезоны удерживают от распада ядро в более привычных элементах. Эта-то группа супертяжелых и суперстабильных элементов и наречена общим названием «иллирий». И снова цитата из умницы Пловневского: «По сути, джентльмены, иллирий — это что-то!» Как сообщает нам Вебстер, иллирий и психоморфический, и гетеротропный. Полагаю, это такой хитрый способ сказать: иллирий значит многое для многих. — Кейтин развернулся спиной к ограде и сложил руки на груди. — Интересно, что он значит для нашего капитана.

— Что такое «гетеротропный»?

— Мыш, — сказал Кейтин, — к концу двадцатого века человечество столкнулось с полной фрагментацией того, что звалось в те годы «современной наукой». Континуум полнился «квазарами» и неопознанными источниками радиоизлучения. Элементарных частиц было больше, чем создаваемых из них элементов. А замечательно устойчивые соединения, много лет считавшиеся невозможными, вроде KrI_4, H_4XeO_6, RnF_4, синтезировали направо и налево; благородные газы оказались не такими уж благородными. Концепция энергии, воплощенная в квантовой теории Эйнштейна, отличалась ровно такой же корректностью и вылилась в такое же множество противоречий, как тремя веками ранее теория, по которой огонь есть высвобождающаяся жидкость именем «флогистон». «Мягкие науки» — прекрасное названьице, не так ли? — все пошли вразнос. Опыт, открытый психоделиками, так и так заставлял всех

подвергать сомнению все, и только через сто пятьдесят лет этот раздрай свели в какое-то подобие внятного порядка великие светила синтетических и интегративных наук, которые обоим нам известны слишком хорошо, чтобы я оскорблял тебя их упоминанием. И ты — кого учили, на какие клавиши жать, — желаешь, чтобы я — продукт многовековой образовательной системы, основанной не просто на передаче информации, но на целой теории социальной адаптации, — за пять минут галопом по Европам рассказал тебе о развитии человеческой науки в последнюю тысячу лет? Ты хочешь знать, что такое гетеротропный элемент?

— Капитан говорит, мы должны быть на борту за час до рассвета, — рискнул Мыш.

— Да не тревожься ты так. У меня талант к непредусмотренному синтезу. Ну-ка, поглядим. Сначала была работа де Бло во Франции в двухтысячном, он представил в ней первую, еще сырую шкалу и в основном точный метод измерения психического замещения электро…

— Бред какой-то, — проворчал Мыш. — Я хочу понять про фон Рэя и иллирий.

Мягкий шелест крыльев. Черные тени на дорожке. Держась за руки, появились Себастьян и Тййи. Питомцы путались у них под ногами, взлетали повыше. Тййи спихнула с локтя одного; тот воспарил. Двое сражались за плечо Себастьяна. Один уступил, и довольный зверек захлопал крыльями, встрепывая светлые волосы ориентала.

— Эй! — продребезжал Мыш. — Вы идете на корабль, да?

— Мы идем.

— Одну секунду. Вы в курсе насчет фон Рэя? Слыхали про него?

Себастьян усмехнулся, а Тййи уставилась на Мыша серыми глазами.

— Мы из Федерации Плеяд же, — сказала она. — Мы со зверями под Тусклой, Мертвой Сестрой, стая и хозяин, рождены.

— Тусклой? Мертвой Сестрой?

— Плеяды в стародавние времена называли Семью Сестрами, потому что с Земли видны только семь из них, — объяснил Кейтин насупленным бровям Мыша. — За пару веков до Рождества Христова или около того одна из видимых звезд стала новой и погасла. Теперь на ее внутренних обугленных планетах стоят города. Жара хватает, чтобы сделать планеты обитаемыми, но не более того.

— Нова? — сказал Мыш. — А что с фон Рэем?

Тййи широко повела рукой:

— Всё. Семья знатная, добрая.

— Вы знаете этого конкретного капитана фон Рэя? — спросил Кейтин.

Тййи пожала плечами.

— А что с иллирием? — спросил Мыш. — Что вы о нем знаете?

Себастьян присел на корточки в окружении зверушек. С него посыпались крылья. Мохнатая рука ласково гладила голову за головой.

— У Федерации Плеяд нет вообще. У системы Дракона нет вообще тоже. — Он нахмурился.

— Фон Рэй — пират, иные скажут, — вступила Тййи.

Себастьян резко поднял голову:

— Фон Рэи — семья знатная и добрая! Фон Рэй — хороший! Вот с ним почему летим мы.

Тййи, мягче, голос утихает за нежным фасадом лица:

— Фон Рэи — семья хорошая.

Мыш увидел приближающегося по мосту Линкея. И, через десять секунд, Идаса.

— Вы двое из Внешних Колоний?..

Близнецы остановились, плечо чуть трогает плечо. Розовые глаза моргают чаще карих.

— Из Аргоса, — сказал бледный близнец.

— Аргоса на Табмене Б-двенадцать, — уточнил темный.

— Колонии Внешние Как Ничто, — внес коррективы Кейтин.

— Что вы знаете об иллирии?

Идас облокотился об ограду, развернулся, насупился, потом подпрыгнул и уселся.

— Иллирии? — Расставил колени, уронил между ними заузленные руки. — У нас во Внешних Колониях иллирий есть.

Линкей повернулся и тоже скакнул на ограду.

— Товия, — сказал он. — У нас есть брат, Товия. — Линкей подвинулся ближе к темному Идасу. — У нас во Внешних Колониях есть брат именем Товия. — Он прижал запястье к запястью, и пальцы раскрылись, будто лепестки мозолистой лилии.

— Миры во Внешних Колониях, — сказал Идас. — Бальтюс — со льдом, грязевыми озерами и иллирием. Кассандра — со стеклянными пустынями, огромными, как земные океаны, джунглями с бессчетными растениями, все синие, с пенящимися реками галения и иллирием. Салинус — весь расчесанный каньонами и пещерами в милю вышиной, с континентом смертельно алого мха, морями с высоченными городами, что возведены на приливном кварце океанского дна, и иллирием…

— …Внешние Колонии — миры со звездами куда моложе звезд здесь, в Драконе, во много раз моложе Плеяд, — вмешался Линкей.

— Товия работает в… иллириевой шахте на Табмене, — сказал Идас.

Голоса посуровели. Они глядели вниз или скакали взглядом по лицам друг друга. Когда черные руки сжимались, белые разжимались.

— Идас, Линкей и Товия, мы росли на сухих экваториальных скалах Табмена близ Аргоса, под тремя солнцами и красной луной…

— …и в Аргосе тоже был иллирий. Мы были ярыми. Нас звали ярыми. Две черные жемчужины и одна белая, мы кутили и бузили на улицах Аргоса…

— …Товия, он был черен, как Идас. Я один в городе был белым…

— …но такой же ярый, как Товия, хотя и белый. И сказали, что ярые мы, однажды ночью, чокнувшись от блажи…

— …золотая пудра, оседает в расщелинах, если вдохнуть, глаза мерцают непонятными цветами, и новые гармонии вверчиваются в ушную полость, и ум расширяется…

— …от блажи мы сделали чучело градоначальника Аргоса, и снабдили его заводным летающим механизмом, и пустили летать над городской площадью, и оно выкрикивало сатирические стихи о лучших людях города…

— …и за это нас изгнали из Аргоса в табменскую глушь…

— …а выжить за стеной можно только одним способом — надо нырнуть в море и отработать дни позора в подводных иллириевых шахтах…

— …и вот мы трое, в жизни не блажившие иначе, чем смехом и бучей, ни над кем не глумясь…

— …мы были невиновны…

— …мы пошли в шахты. И в масках и водолазных костюмах вкалывали в подводных аргосских шахтах целый год…

— …год на Аргосе на три месяца длиннее года на Земле, шесть времен года вместо четырех…

— …и в начале нашей второй осени цвета ряски мы готовы были уйти. Но Товия остался. Его руки приноровились к ритмам приливов, и бремя руды грело его ладони…

— …так мы оставили брата в иллириевых шахтах, и полетели к звездам, и боялись…

— …понимаете, мы боялись, что, раз брат наш Товия нашел то, что нас с ним разделило, один из нас тоже может найти то, что разделит двоих оставшихся…

— …ибо мы думали, что нас троих не разделит ничто и никогда. — Идас взглянул на Мыша. — И никакой нам блажи.

Линкей моргнул.

— Вот что такое для нас иллирий.

— Парафразирую, — сказал Кейтин с другого края дорожки. — Во Внешних Колониях, а на сегодня это сорок два мира и около семи миллиардов жителей, почти все население рано или поздно сталкивается с непосредственной добычей иллирия. И предполагаю, приблизительно каждый третий работает с каким-то аспектом его обогащения и производства всю свою жизнь.

— Такова статистика, — сказал Идас, — для Колоний Внешних Как Ничто.

Встрепенулись черные крылья; Себастьян встал и взял Тййи за руку.

Мыш почесал затылок:

— Ясно. Плюнем в эту реку, и пойдемте уже на корабль.

Близнецы спустились с ограды. Мыш перегнулся через нее над горячим ущельем и сморщил губы.

— Что ты делаешь?

— Плюю в Пеклотри. Цыгану надо трижды плюнуть в реку, когда ее переходит, — пояснил Мыш Кейтину. — Или будет плохо.

— Мы живем, вообще-то, в тридцать втором веке. Что «будет плохо»?

Мыш пожал плечами.

— Вот я никогда не плюю в реки.

— Может, это только для цыган.

— Думаю я, мысль типа отличная эта, — сказала Тййи и перегнулась через ограду рядом с Мышом.

Позади замаячил Себастьян. Над ними черный зверь, попавшись в горячий восходящий поток, исчез, отброшенный, во тьме.

— Там это что? — Тййи, вдруг помрачнев, ткнула пальцем.

— Где? — скосился Мыш.

Она показала на стену каньона.

— Эй! — сказал Кейтин. — Слепец!

— Тот, что попортил тебе мелодию!..

Линкей встрял между ними:

— Этот человек болен…

В мерцающем наваждении Дан ковылял по уступам к лаве.

— Он же сгорит! — присоединился Кейтин.

— Но он не чувствует жара! — воскликнул Мыш. — У него же все чувства мертвы! Он не видит… может, он вообще не

понимает!

Идас, потом Линкей оторвались от ограды и рванули по мосту.

— Быстрее! — заорал Мыш, кинувшись следом.

Себастьян и Тййи бежали за ним, Кейтин — в арьергарде.

Десятью метрами ниже ограды Дан замер на скале, вытянув руки, готовясь к инфернальному нырку.

Когда они достигли края моста — близнецы уже карабкались на ограду, — над стариком у обода каньона возникла чья-то фигура.

— Дан! — Лицо фон Рэя пылало, овеваемое светом. Ограду он одолел в один прыжок. Порода брызгала из-под сандалий и дробилась, когда он крабом спускался по склону. — Дан, не делай…

Дан сделал.

Его тело зацепилось за порог в шестидесяти футах вниз по течению, крутанулось раз, другой, пошло ко дну.

Мыш вцепился в ограду и перегнулся так, что заныла кожа на животе.

Кейтин встал рядом спустя секунду и перегнулся еще дальше.

— *Ахххх!..* — прошептал Мыш, оттолкнулся и отвернулся.

Капитан фон Рэй добрался до скалы, с которой прыгнул Дан. Рухнул на колено, упер кулаки в камень, уставился на лаву. Темные пятна упали на него (питомцы Себастьяна), вновь воспарили, не отбрасывая тени. Близнецы замерли на выступах над ним.

Капитан фон Рэй поднялся. Оглядел свою команду. Он дышал тяжело. Повернулся и полез по склону.

— Что случилось? — спросил Кейтин, когда все они вернулись на дорожку. — Почему он?..

— Я говорил с ним за пять минут до того, — объяснил фон Рэй. — Он ходил со мной много лет. Но в последний рейс его… ослепило.

Большой капитан; искалеченный капитан. Ну и сколько ему, подумал Мыш. Прежде он давал капитану сорок пять — пятьдесят. Но это смятение скостило лет десять-пятнадцать. Капитан состарился, но не стар.

— Я только сказал ему: я сделал все необходимое, чтобы он вернулся домой в Австралию. Он развернулся и побрел по мосту к общежитию, в котором я снял ему комнату. Я оглянулся… на мосту его не было. — Капитан обвел глазами всех остальных. — Пошли, «Рух» ждет.

— Наверное, вам надо сообщить патрульным, — сказал Кейтин.

Фон Рэй повел их к воротам на взлетную площадку, туда, где во тьме корчился по всей длине своей стометровой колонны *Дракон*.

— Телефон там, где начинается мост…

Фон Рэй оборвал Кейтина взглядом:

— Я хочу убраться с этой скалы. Если я сообщу им отсюда, они заставят всех ждать, пока каждый не выдаст свою версию в трех экземплярах.

— Наверное, можно сообщить с корабля, — предложил Кейтин, — когда будем улетать.

На миг Мыш опять усомнился, что верно оценил возраст капитана.

— Этому печальному дураку уже не поможешь.

Мыш бросил тревожный взгляд на бездну, нагнал Кейтина.

Вне зоны жарких ветров ночь стала зябкой; туман увенчал нимбами индуктолюминесцентные фонари, усеивавшие площадку.

Кейтин и Мыш плелись в хвосте процессии.

— Интересно, что́ иллирий для этого красавца, — тихо прокомментировал Мыш.

Кейтин хрюкнул и сунул руки за пояс. Чуть погодя спросил:

— Скажи, Мыш, что ты имел в виду, когда сказал про старика, что у него все чувства мертвы?

— Когда они в прошлый раз пытались добраться до новы, — ответил Мыш, — он слишком долго смотрел на звезду через сенсорику, и все его нервные окончания прижгло. Но не убило на самом деле. Просто сдавило до постоянного возбуждения. — Он дернул головой. — Разницы ноль… Почти.

— Ой, — сказал Кейтин и посмотрел на дорожную плиту.

Вокруг стояли звездные грузовики. Между ними — совсем маленькие стометровые шаттлы.

Поразмыслив немного, Кейтин сказал:

— Мыш, ты понимаешь, сколько можешь потерять в этом рейсе?

— Ага.

— И не боишься?

Мыш сжал кисть Кейтина грубыми пальцами.

— Жуть как боюсь, — прохрипел он. Откинул челку, чтобы посмотреть товарищу-дылде в глаза. — Знаешь что? Вот такое, как с Даном, мне не нравится. Боюсь страшно.

Глава третья

Какой-то штырь черным мелом нацарапал на панели крыль-проектора «Ольга».

— Ладно, — сказал Мыш машине. — Ты Ольга.

Мурр и блик, три зеленые лампочки, четыре красные. Мыш начал утомительную проверку распределения давления и фазовых показателей.

Чтобы корабль скакал от звезды к звезде быстрее света, надо использовать самое кривизну пространства, реальные искажения, которые создает материя прямо в континууме. Говорить о скорости света как границе быстроты перемещения объекта — все равно что говорить о 12–13 милях в час как границе быстроты перемещения пловца в море. Стоит нам поставить себе на службу движение самой воды, а также ветер над нами, а также парус, граница исчезает. У звездолета семь энергокрыльев, работающих почти как паруса. Шесть подконтрольных компьютерам проекторов машут этими крыльями в ночи. А каждый киберштырь контролирует по одному компьютеру. За капитаном — седьмой. Энергокрылья следует настроить на изменчивую частоту стазисного давления; ну а сам корабль спокойно запускается с этого уровня пространства энергией иллирия в ядре. Для этого существуют Ольга и все ее родичи. Но контроль над формой и углом крыла лучше оставить человеческому мозгу. Такова работа Мыша — под командованием капитана. Капитан обладает также веерным контролем над многими свойствами субкрыльев.

На стенах кабины красовались граффити прежних команд. Имелся тут и ложемент. Покопавшись в ряду охлаждающих змеевиков в 70 микрофарад, Мыш установил индукционный люфт, задвинул планшет в стену и сел.

Сунул руку под жилет, нащупал разъем на пояснице. Разъем в основание позвоночника ему вживили еще в Куперовке. Выбрал первый рефлекс-кабель, что кольцами вертелся по полу и исчезал в панели компьютера, и стал его прилаживать, пока не щелкнула, скользнув в разъем, дюжина зубцов. Взял втык поменьше, в шесть зубцов, вогнал под левое запястье; другой такой же — под правое. Оба лучевых нерва подключились к Ольге. Еще один разъем жил у Мыша на загривке. Туда он воткнул последний провод — очень тяжелый, чуть тянувший шею, — и увидел искры. Провод посылал импульсы сразу в мозг, минуя зрение и слух. По нему уже шел еле слышный гул. Мыш протянул руку, покрутил ручку на панели Ольги, и гул перестал. Потолок, стены и пол покрывали системы настройки. Помещение было таким маленьким, что Мыш

дотягивался почти докуда угодно, не вставая с ложемента. Но когда корабль взлетит, трогать ничего не придется — крыло надо будет контролировать напрямую, нервными импульсами из тела.

— У меня вечно чувство, что я готовлюсь к Великому Возвращению, — раздался в ухе голос Кейтина; другие штыри в кабинках по всему кораблю втыкались, устанавливая контакт. — Все-таки поясница — странное место для сенсорной пуповины. Надеюсь, театр марионеток выйдет на славу. Ты точно в курсе, как работать с этой штукой?

— Если ты еще не в курсе, — сказал Мыш, — мне тебя жалко.

Идас:

— Это шоу — об иллирии…

— …иллирии и нове. — Линкей.

— Эй, Себастьян, как там твои питомцы?

— Молока тарелка питает их.

— С транквилизаторами, — пришел тихий голос Тййи. — Ныне спят они.

И огни пригасли.

Врубился капитан. Граффити, шрамы на стенах, растворились. Только красные огоньки ловили друг дружку на потолке.

— Игра в болтанку-беглянку, — сказал Кейтин, — радужными камешками.

Мыш каблуком задвинул сумку с сирингой под ложемент и лег. Расправил провода под спиной, за шеей.

— Все готовы? — зазвенел сквозь корабль голос фон Рэя. — Трави фок-крылья.

Глаза Мыша замерцали новым видом…

…космодрома: огни по всей площадке, лавидовые трещины в покрытии тускнеют, лиловые вибрации на конце спектра. Но над горизонтом «вихри» блестящие.

— Развернуть грот-крыло, семь градусов.

Мыш согнул то, что заменяло ему левую руку. И поникло слюдяной лопастью грот-крыло.

— Эй, Кейтин… — прошептал Мыш. — Ну не круто ли! Глянь…

Мыш содрогнулся, съежился на световом щите. Ольга переняла его дыхание и пульс; синапсы продолговатого мозга были заняты корабельной механикой.

— За иллирием и Князем и Лалой Красными! — Кто-то из близнецов.

— Не трави свое крыло! — приказал капитан.

— Кейтин, гляди…

— Мыш, ляг и расслабься, — шепотом ответил Кейтин. — Я

вот так и поступлю — и буду думать о моей прошлой жизни.

Взревела пустота.

— Тебе правда совсем не интересно, Кейтин?

— Если сильно постараться, наскучить может что угодно.

— Вы оба, вперед смотрите, — от фон Рэя.

Они посмотрели.

— Врубить стазис-переключатели.

На миг зрение прокололи огни Ольги. И пропали; он шел против вихрей. И те закувыркались прочь от солнца.

— Прощай, луна, — шепот Кейтина.

И луна упала в Нептун; Нептун упал в солнце. И стало падать солнце.

Перед ними взорвалась ночь.

Что было первее всего?

Его зовут Лорк фон Рэй, и он живет по адресу: Парк Похвалы, 12, в очень большом доме на холме: Новый Ковчег (С.-З. 73), Ковчег. Это нужно сказать кому-нибудь на улице, если потерялся, тогда тебе помогут вернуться домой. Улицы Ковчега заставлены прозрачными ветрощитами, вечера с апреля по июмбру лопаются цветным дымом, тот цепляется, рвется на свободу, извивается над городом на Тонгских утесах. Его зовут Лорк фон Рэй, и он живет… Детское, то, что остается, первое выученное. Ковчег — величайший город Федерации Плеяд. Мама и папа — важные люди, часто в разъездах. Дома говорят о Драконе, его столичном мире Земле; говорят о перегруппировке, о перспективах суверенитета Внешних Колоний. Их гостями были сенатор такой и делегат этакий. Когда секретарь Морган женился на тете Циане, они приехали на обед, и секретарь Морган дал Лорку голографическую карту Федерации Плеяд, обычный лист бумаги, но если смотреть под тензорным лучом, увидишь будто в ночном окне мерцающие на разных расстояниях световые точки и вьющиеся газы туманностей.

— Ты живешь на Ковчеге, второй планете вот этой звезды, — сказал отец, указуя на карту, развернутую Лорком на каменном столе у стеклянной стены; за стеной паукообразные тильдеревья корчились в вечерней буре.

— А где Земля?

Отец рассмеялся, громко и одиноко в гулкой столовой:

— На этой карте ее не найти. Здесь только Федерация Плеяд.

Морган положил руку на плечо мальчика:

— Карту тебе Дракона в следующий принесу раз. — Секретарь с миндалевидными глазами улыбался.

Лорк обратился к отцу:

— Хочу в Дракон! — И к секретарю Моргану: — Однажды в Дракон я полечу!

Секретарь Морган говорил так, как многие в школе Козби; как люди на улице, которые помогли Лорку найти дом, когда он потерялся в четыре года (но не как отец или тетя Циана) и мама с папой ужасно огорчились. («Мы так волновались! Думали, тебя похитили. Не ходи к этим уличным картежникам, пусть они и привели тебя домой!») Родители улыбались, когда он вот так с ними разговаривал, но сейчас улыбок не было, ведь секретарь Морган — их гость.

Папа хмыкнул:

— Карта Дракона! Ему только ее и не хватает. О да, Дракона!

Тетя Циана усмехнулась; тут мама и секретарь Морган тоже засмеялись.

Они жили на Ковчеге, но часто летали на больших кораблях к другим мирам. В каюте можно провести рукой перед цветными пультами и съесть что хочешь когда хочешь, а еще можно спуститься на смотровую палубу и глядеть на вихри пустоты, транслируемые визуальными узорами света на пузыре-потолке, биение цвета среди дрейфующих звезд… и ты знаешь, что летишь быстрее и быстрее всего на свете.

Иногда родители летали в Дракон, на Землю, в города именами Нью-Йорк и Пекин. Он думал: когда же они возьмут меня с собой?

Но что ни год, в последнюю неделю сальваря они летели на большом корабле на другой мир, которого тоже не было на карте. Именем Новая Бразилия, и был он во Внешних Колониях. Лорк жил и на Новой Бразилии, на острове Сан-Орини, — потому что там у родителей тоже был дом, возле шахты.

Впервые имена Князя и Лалы Красных он услыхал в доме на Сан-Орини. Он лежал во мраке, вопя о свете.

Наконец пришла мать, отмахнула сетку от насекомых. (Та была без толку: красных жучков, что норовили укусить, после чего на пару часов делалось странно, отгоняла акустическая система дома — но мама риска не любила.) Взяла Лорка на руки:

— Шшш! Шшш! Все хорошо. Не хочешь баю-бай? Завтра у нас вечеринка. Прибудут Князь и Лала. Хочешь поиграть с Князем и Лалой?

Пронесла его по детской, притормозив у двери, щелкнула стенным тумблером. Завращался потолок, поляризованное окно прояснилось. Сквозь обрамлявшие крышу пальмовые ветви с перехлестом плеснули оранжевым луны-близняшки. Уложив Лорка в постель, мама погладила его жесткие рыжие волосы. Чуть

погодя пошла к двери.

— Мама, не выключай!

Рука отпала от тумблера. Мама улыбнулась. Ему стало тепло; перевернувшись на спину, он вгляделся в луны в просветах между вайями.

Князь и Лала Красные явились с Земли. Он знал, что родители мамы живут на Земле, в стране Сенегал. Семья папиного прадедушки тоже с Земли, из Норвегии. Фон Рэи, белобрысые и беспардонные, спекулировали в Плеядах несколько поколений. Чем именно спекулировали, он не очень понимал, но спекуляции обернулись прибылью. Семья владела месторождением иллирия как раз за северной оконечностью мыса, приютившего сан-оринийский особняк. Отец порой шутил, мол, пора тебе стать бригадирчиком шахтеров. Видимо, это и была та самая «спекуляция». И луны уплыли прочь; Лорка взяла дрема.

Он не помнил, как его познакомили с голубоглазым черноволосым мальчиком (протез вместо правой руки) и его длинной и тонкой сестрой. Но припоминал, как они втроем — он, Князь и Лала — играли назавтра в западном саду.

Он показал им место под бамбуком, откуда можно залезть в резные каменные пасти.

— Что это такое? — спросил Князь.

— Это драконы, — объяснил Лорк.

— Это не драконы, — сказала Лала.

— Драконы. Так папа говорит.

— А. — Князь поймал фальшивой рукой нижнюю губу и подтянулся. — А для чего они?

— Чтобы в них забираться. А потом из них выбираться. Папа говорит, их вырезали люди, которые жили тут раньше.

— А кто тут жил раньше? — спросила Лала. — И зачем им были драконы? Князь, помоги мне.

— Я думаю, они глупые.

Князь с Лалой стояли между верхними каменными клыками. (Потом Лорк узнает, что «люди, которые жили тут раньше» — народ Внешних Колоний, вымерший двадцать тысяч лет назад; сохранилась его резьба по камню, и руины стали основанием, на котором фон Рэй возвел свою виллу.)

Лорк подпрыгнул до челюсти, схватился за нижнюю губу и полез.

— Дай руку!

— Секундочку, — сказал Князь. Потом не торопясь опустил ботинок на пальцы Лорка и надавил.

Лорк ойкнул и сверзился, скрючив кисть.

Лала хихикнула.

— Эй! — Стучало в виски негодование, набухало смятение. Боль ковыряла костяшки.

— Не смейся над его рукой, — сказала Лала. — Он этого не любит.

— А? — Лорк в первый раз пригляделся к клешне из пластика и металла. — Я над ней не смеялся!

— Смеялся, — безмятежно сказал Князь. — Я не люблю, когда люди надо мной смеются.

— Но я… — Семилетний мозг Лорка пытался осознать эту иррациональность. Он встал с земли. — Что не так с твоей рукой?

Князь упал на колени, выпростал руку и нацелил ее на Лоркову голову.

— Осторожно!..

Лорк отпрыгнул. Механический протез со свистом рассек воздух.

— Чтоб больше ни слова о моей руке! С ней все так. Все отлично!

— Если не будешь над ним смеяться, — прокомментировала Лала, рассматривая складки на каменном нёбе, — он станет с тобой дружить.

— Ну… ладно, — сказал Лорк опасливо.

Князь улыбнулся:

— Тогда мы друзья. — Кожа у него была бледнее некуда, зубы — мелкие.

— Ладно, — сказал Лорк. Он решил, что Князь ему не нравится.

— Если скажешь, например, «ударим по рукам», — объяснила Лала, — он тебя изобьет. Ему это раз плюнуть, хотя ты больше его.

И Лалы.

— Давай наверх, — сказал Князь.

Лорк забрался в пасть и встал рядом с ними.

— А теперь что делать? — спросила Лала. — Лезть вниз?

— Отсюда можно смотреть на сад, — сказал Лорк. — И на вечеринку.

— Кому нужна вечеринка стариканов, — сказала Лала.

— Мне, — сказал Князь.

— А, — сказала Лала. — Тебе. Ну тогда ладно.

За бамбуком среди камней, лоз, деревьев бродили гости. Вежливо смеялись, говорили о свежей психораме, о политике, пили из высоких бокалов. У фонтана папа делился с собеседниками своими ощущениями от планов Внешних Колоний на суверенитет, — в конце концов, у него тут дом, он держит руку

на пульсе. В тот год убили секретаря Моргана. Андервуда поймали, но теории насчет того, какая клика несет ответственность, продолжали циркулировать.

Дама с серебряными волосами фамильярничала с юной парой, явившейся вместе с послом Сельвином, тоже дальним родственником. Аарон Красный, полный, подлинный джентльмен, загнал в угол трех юных леди и разглагольствовал о моральном разложении молодежи. Мама плыла меж гостями, каймой красного платья приглаживая траву, а за ней, жужжа, волочился буфет. Она останавливалась тут и там, предлагала канапе, напитки и мнение о предложенной перегруппировке. Теперь, после года феноменального всенародного успеха, интеллигенция решила, что «Тоху-Бохунов» можно слушать. Их диссонансные ритмы метались по лужайке. Светоскульптура в уголке перекручивалась, колебалась, росла на нотах.

Потом отец рокочуще расхохотался, и все обернулись.

— Вы послушайте! Что мне сказал Лусуна!

Он держал за плечо студента, пришедшего с юной парой. Видимо, юношу раззадорила беспардонность фон Рэя. Отец жестом велел ему повторить аргумент.

— Я сказал только, что мы живем в эпоху, когда экономические, политические и технологические перемены расшатали все культурные традиции.

— Боже мой, — среброволосая усмехнулась, — это *все*?

— Нет-нет! — Отец взмахнул рукой. — Мы должны услышать мнение нового поколения. Продолжайте, сэр.

— Потенциала для национальной и мировой солидарности нет даже на Земле, центре Дракона. Полдесятка поколений видели такое переселение народов с мира на мир, что никакая солидарность невозможна. Заместившее все истинные традиции псевдомежпланетное общество очень привлекательно, но совершенно пусто и маскирует невероятный клубок упадка, интриг, разврата и…

— Да уж, Лусуна, — перебила его молодая жена, — сразу видать, какой ты образованный. — Взяла еще бокал, побуждаемая среброволосой.

— …пиратства.

При последнем слове даже трое детей, съежившихся во рту резной ящерицы, по ряби, что разбежалась по лицам гостей, поняли: Лусуна зашел слишком далеко.

Мама пересекла лужайку; кромка ее алого платья-футляра бежала от золоченых ногтей. С улыбкой простерла руки к Лусуне:

— Пошли продолжим вивисекцию общества за ужином. У нас есть абсолютно развращенное манго-бонгооу с не самым

традиционным лосо йе мбидзи а меза и убийственно упаднические мпати а нсенго. — (Для вечеринок мать вечно готовила старинные сенегальские блюда.) — И если духовка будет сотрудничать, закончим мы кошмарно псевдомежпланетным тиба йока, причем фламбе.

Студент огляделся, сообразил, что положено улыбнуться, и поступил лучше — рассмеялся. Повел маму под руку, и все двинулись за ними на ужин…

— Кто-то сказал мне, вы получили стипендию в Университете Дракона на Центавре? Стало быть, вы очень умный. Судя по акценту, землянин. Сенегал? Ничего себе! И я. Из какого города?..

А папа, облегченно вздохнув, пригладил зачесанные кудри цвета дуба и последовал за гостями в огороженную ставнями трапезную.

На каменном языке Лала сказала брату:

— Мне кажется, этого делать не надо.

— Почему? — сказал Князь.

Лорк оглянулся на брата и сестру. Князь механической рукой выбрал из драконьей полости камень. На той стороне лужайки располагался вольер с белыми какаду — мама привезла их из последней поездки на Землю.

Князь прицелился. Металл и пластик расплылись.

Через сорок футов птицы в клетке заорали и взорвались. Одна упала на дно, и даже на расстоянии Лорк увидел кровь в перьях.

— Я в этого и целился, — ухмыльнулся Князь.

— Эй, — сказал Лорк. — Маме это не… — Перевел взгляд на притороченный к культе Князя механический придаток. — А ты лучше бросаешь этой или…

— Осторожнее. — Черные брови Князя надвинулись на щербатое голубое стекло. — Я сказал: не смейся над рукой, — сказал же? — Рука отъехала назад, и Лорк услышал моторчики — ж-ж-ж, чк-чк, ж-ж-ж — в запястье и локте.

— Он не виноват, что таким родился, — сказала Лала. — А делать замечания гостям невежливо. Аарон говорит, вы тут все как были, так и остались варварами, да, Князь?

— Именно так. — Князь опустил руку.

Садовые динамики исторгли голос:

— Дети, вы где? Идите скорее ужинать. Поторопитесь.

Они спустились и зашагали сквозь заросли бамбука.

Лорк пошел спать, не успокоившись после вечеринки. Он лежал под двойными тенями пальм над потолком детской, прозрачным со вчерашнего вечера.

Шепот:

— Лорк!

И:

— Шшш! Не так громко, Князь.

Чуть тише:

— Лорк?

Он отодвинул сетку и сел на кровати. Сияли тигры, слоны и мартышки, вделанные в пластиковый пол.

— Чего вам?

— Мы слышали, как они вышли за ворота. — Князь в шортах стоял в дверях детской. — Куда это они?

— Мы тоже хотим, — встряла Лала из-за плеча брата.

— В город. — Лорк встал и пошлепал по сияющему зверинцу. — Мама и папа всегда идут с друзьями в деревню, когда друзья приезжают на выходные.

— Что они там делают? — Князь прислонился к косяку.

— Они идут… ну, они идут в город. — Пустоту неведения заполнило любопытство.

— Мы фомкнули нянечку, — сказала Лала.

— Она у вас так себе; легкотня. Тут все такое древнее. Аарон говорит, только плеядские варвары считают, что здесь старомодная романтика. Отведешь нас смотреть, куда они пошли, или так и будешь стоять?

— Ну, я…

— Мы хотим, — сказала Лала.

— Ты сам разве не хочешь?

— Ладно. — Лорк планировал отказаться. — Я только надену сандалии.

Но ведь детское любопытство — что делают взрослые, когда детей нет рядом? — та основа, на которую обопрется юношеское, а потом и взрослое сознание.

Сад ласкал ворота шелестом. Ладонь Лорка неизменно отпирала замок днем, но сейчас он все равно удивился, когда калитка распахнулась.

Дорожка увивалась за влажностью ночи.

Минуя скалы и воспаряя над водой, одна низкая луна обратила берег в язычок из слоновой кости, сбегавший в океан. А сквозь деревья гасли и вспыхивали, как на пульте, огни деревни. Скалы, меловые от вышней, меньшей луны, окаймляли дорогу. Воздел к небу колючие лопатки кактус.

Они добрались до первого кафе городка, и Лорк сказал «здрасте» шахтеру за столом на улице.

— Маленький сеньор. — Шахтер кивнул в ответ.

— Знаешь, где мои родители? — спросил Лорк.

— Прошли мимо, — шахтер хмыкнул, — леди в красивых платьях, мужчины в жилетах и темных рубашках. Прошли мимо, полчаса назад, час.

— На каком языке он говорит? — вскинулся Князь.

Лала захихикала:

— Ты это вот понимаешь?

Новое откровение для Лорка: он и его родители говорят с жителями Сан-Орини, используя совсем другой набор слов, чем друг с другом и гостями. Кашеобразный диалект португальского Лорк выучил под мигающими огоньками гипнобуча где-то в тумане раннего детства.

— Куда они пошли? — снова спросил он.

Шахтера звали Таву. В прошлом году, когда шахта закрылась, он месяц втыкал в клацающего садовника из тех, что благоустраивали парк за домом. Дружбу скучных взрослых и смышленых детей отличает особая терпимость. Таву — грязный и глупый. Лорк принял это как данность. Но мать положила конец их отношениям, когда год назад Лорк пришел домой и сказал, что видел, как Таву убил человека, грубо усомнившегося в способности Таву надраться.

— Ну же, Таву. Скажи, куда они пошли.

Таву развел руками.

Над входом в кафе насекомые бились о горящие буквы.

Оставшаяся после Фестиваля Суверенности креповая бумага обвивала столбы шатра. Годовщина была Суверенитета Плеяд, но здешние шахтеры праздновали ее в надежде на собственный — и ради мамы с папой.

— Он знает, куда они пошли? — спросил Князь.

Таву хлебнул из треснутой чашки простоквашу, запил ромом. Шлепнул себя по колену, и Лорк, покосившись на Князя и Лалу, присел.

Брат с сестрой неуверенно переглянулись.

— Вы тоже садитесь, — сказал Лорк. — На стулья.

Они так и поступили.

Таву предложил Лорку простокваши. Лорк выпил половину, передал чашку Князю:

— Хочешь?

Князь поднес чашку ко рту, унюхал запах.

— Вы это пьете? — Скривился и резко отставил чашку.

Лорк взял стакан с ромом:

— А ты хочешь…

Но Таву забрал у него стакан:

— Это не для вас, маленький сеньор.

— Таву, где мои родители?

— В лесу, у Алонши.

— Отведи нас, Таву.

— Зачем?

— Мы хотим их увидеть.

Таву колебался.

— Туда нельзя, если вы без денег. — Он всклокочил волосы Лорка. — Ну что, маленький сеньор, у вас есть деньги?

Лорк вынул из кармана сколько-то монет.

— Не хватит.

— Князь, у вас с Лалой есть деньги?

У Князя в шортах нашелся двухфунтовый @сг.

— Отдай Таву.

— С чего бы?

— Чтобы он отвел нас к моим родителям.

Таву протянул руку и взял деньги Князя, потом поднял брови, разглядев сумму.

— Он это мне отдаст?

— Если ты нас отведешь, — сказал ему Лорк.

Таву пощекотал ему живот. Они засмеялись. Таву свернул банкноту, сунул в карман. Заказал еще рома и простокваши.

— Простокваша — вам. Ваши друзья не хотят?

— Таву, пошли. Ты сказал, что нас отведешь.

— Спокуха, — ответил шахтер. — Я думаю, идти ли нам вообще. Вы ж знаете, мне с утра втыкать в работу. — Он постучал по запястному разъему.

Лорк посолил и поперчил простоквашу и отпил глоток.

— Хочу попробовать, — сказала Лала.

— Пахнет ужасно, — сказал Князь. — Тебе нельзя такое пить. Он нас отведет?

Таву поманил владельца кафе:

— Много народа сегодня у Алонши?

— Так пятница ж вечер? — сказал владелец.

— Мальчик хочет, чтобы я их туда отвел, — сказал Таву, — на вечер.

— Поведешь юного фон Рэя к Алонше? — Лиловое родимое пятно владельца пошло складками.

— Его родаки уже там. — Таву качнул головой. — Мальчик хочет, чтоб я их отвел. Велел отвести, понятно? И это веселее будет, чем сидеть здесь да красножужек шлепать. — Нагнувшись, он связал ремешки отставленных сандалий и повесил их на шею. — Пойдемте, маленький сеньор. Скажите однорукому мальчику и девочке, чтоб вели себя прилично.

При упоминании руки Князя Лорк подскочил.

— Мы отправляемся.

Но Князь и Лала не поняли.

— Мы идем, — объяснил Лорк. — К Алонше.

— Где это — Алонша?

— Это как те места, куда Аарон всегда водит красивых женщин в Пекине?

— У них тут нет ничего такого, как в Пекине, — сказал Князь. — Глупая. У них нет даже ничего такого, как в Париже.

Таву склонился и взял Лорка за руку:

— Не беги. Скажи друзьям, чтоб не бежали.

Ладонь у Таву мокрая и черствая. Над ними курлыкают и шипят джунгли.

— Куда мы идем? — спросил Князь.

— К маме и папе. — Голос Лорка звучал неуверенно. — К Алонше.

Таву обернулся на слово и кивнул. Показал на рощу, цветную от двойной луны.

— Таву, это далеко?

Таву похлопал Лорка по шее, снова взял за руку и двинулся дальше.

На вершине холма — прогалина: из-под краев шатра сочится свет. Мужчины хохочут, пьют с толстухой, вышедшей подышать. У нее потные лицо и плечи. Ее грудь посверкивает, утекая в оранжевый ситец. Она накручивает и накручивает локон на палец.

— Стойте, — прошептал Таву. Придержал детей.

— Эй, ты чего…

— Надо стоять здесь, — перевел Лорк Князю, шагнувшему было следом за шахтером.

Князь поглядел вокруг, вернулся и встал рядом с Лорком и Лалой.

Примкнув к мужчинам, Таву перехватил обернутую рафией бутыль, что маятником болталась из руки в руку.

— Эй, Алонша, а сеньоры фон Рэй?.. — Ткнул большим пальцем в шатер.

— Порой заходят. Порой приводят гостей, — сказала Алонша. — Порой хотят увидеть…

— Сейчас, — сказал Таву. — Они сейчас там?

Она взяла бутыль, кивнула.

Таву обернулся и подозвал детей.

Лорк, за которым плелись недоверчивые Красные, подошел. Мужчины длили беседу смутными голосами, подсекавшими вопли и хохот из парусиновых недр. Ночь выдалась жаркая. Бутыль пошла по рукам еще трижды. Досталось и Лорку, и Лале.

На последнем круге Князь покоробился, но тоже выпил.

Наконец Таву пихнул Лорка в плечо:

— Пошли.

В низком проеме Таву пригнулся. Лорк, самый высокий из детей, чиркнул макушкой о парусину.

На осевом столбе висит фонарь: резкие блики на крыше, резкий свет в раковине уха, на ободках ноздрей, на морщинах старых лиц. Откидывается голова в толпе, исторгая смех и матерщину. Блестит мокрый рот, каплет бутылье горлышко. Распущенные волосы в бисеринах пота. Кто-то перебил шум колоколом. Волнение звенело у Лорка в ладошках.

Люди стали опадать на землю. Таву сел на корточки. Князь и Лала тоже. И Лорк, но держась за мокрый ворот Таву.

На арене мужчина в высоких сапогах тяжело ходил туда-сюда, жестами усаживая толпу.

Напротив, за ограждением, Лорк вдруг узнал женщину с серебряными волосами. Она льнула к плечу сенегальского студента Лусуны. Локоны стлались по ее лбу перекрещенными кривыми ножами. Студент успел расстегнуть рубашку. Его жилета как не бывало.

Аренщик снова дернул колокольную веревку. Павшая на блестящую руку пушинка держалась, даже когда он дергался и кричал на толпу. Вот он стукнул бурым кулаком по жестяной стене: заткнитесь!

В щели ограждения просовывались деньги. Ставки застревали между досками. Обежав арену взглядом, Лорк заметил юную пару. Мужчина перегнулся через ограждение, показывая что-то женщине.

Аренщик топнул по пюре из чешуи и перьев. Его сапоги были черны до колен. Когда люди почти угомонились, он подошел к ближнему краю арены, где Лорку было не видно, наклонился…

Распахнулась дверь клетки. Аренщик, хэкнув, запрыгнул на забор, схватился за осевой столб. Зрители орали, дыбились. Сидевшие принялись вставать. Лорк попытался протолкнуться ближе.

Он видел, как на той стороне арены встает отец, как обливается по́том искаженное лицо под светлыми волосами. Фон Рэй грозил арене кулаком. Мать, рука на шее, жалась к нему. Посол Сельвин протискивался между двумя шахтерами, оравшими что-то у ограждения.

— Там Аарон! — зашлась Лала.

— Нет!.. — Это Князь.

Но теперь встало столько людей, что Лорк ничего не видел. Таву вскочил и криками призывал всех сесть, пока ему не

передали бутыль.

Лорк метнулся влево, чтоб видеть; потом вправо — слева были тела. В груди бился рассеянный азарт.

Аренщик на ограждении высился над толпой. В прыжке он задел плечом фонарь, и на парусине пошатывались тени. Опершись о столб, он хмуро глядел на колеблющийся свет и потирал бугрящиеся руки. Тут он заметил пух. Аккуратно его стряхнул, принялся обыскивать густо заросшую грудь, плечи.

У границы арены заголосили, замолкли, заревели. Кто-то крутил в воздухе жилетом.

Аренщик, чей обыск не дал результатов, вернулся к столбу.

Взволнованного, зачарованного Лорка подташнивало от рома и смрада.

— Пошли, — крикнул он Князю, — давай туда, где будет видно!

— Вряд ли нам стоит, — сказала Лала.

— Почему нет! — Князь сделал шаг. Но глядел испуганно.

Лорк протиснулся вперед него.

Затем кто-то поймал его за руку, и он мигом развернулся.

— Что вы тут делаете? — Фон Рэй, злой и сбитый с толку, задыхался. — Кто тебе разрешил привести сюда детей?

Лорк оглянулся, ища Таву. Таву не было.

За отцом шел Аарон Красный.

— А я говорил: надо было кого-то с ними оставить. У вас тут жутко старомодные няньки. Да их любой смышленый пацан фомкнет!

Фон Рэй резко повернулся к нему:

— Дети-то в полном порядке. Просто Лорк знает, что ему нельзя по вечерам гулять одному!

— Я отведу их домой, — сказала подоспевшая мать. — Аарон, не огорчайся. Они в порядке. Мне ужасно жаль, правда. — Она посмотрела на детей. — Какая нелегкая вас сюда понесла?

Вокруг собирались любопытные шахтеры.

Лала заплакала.

— Ну а это что еще такое? — встревожилась мать.

— Ничего с ней не случилось, — сказал Аарон Красный. — Она понимает, что будет, когда мы вернемся домой. Они знают, что провинились.

Лала, видимо не думавшая о том, что будет, разревелась по-настоящему.

— Поговорим об этом завтра утром. — Мать в отчаянии посмотрела на фон Рэя.

Но отец не ответил — его слишком огорчили слезы Лалы и раздосадовало присутствие Лорка.

— Да, Дана, отведи их домой. — Он поднял голову, увидел столпившихся вокруг шахтеров. — Веди их домой сейчас же. Ну же, Аарон, к чему расстраиваться?

— Так, — сказала мать. — Лала, Князь, возьмемся за руки. Лорк, пошли, сию же…

Мать протянула руки детям.

После чего Князь выпростал свой протез — и дернул!

Мать завизжала, согнулась, заколотила его по запястью свободной рукой. Сталь и пластиковые пальцы ее не выпускали.

— Князь! — Аарон потянулся к нему, но мальчик поднырнул, перекрутился, унесся прочь.

Мать рухнула на колени, прямо на грязный пол, ловила ртом воздух, тихо всхлипывала. Отец поймал ее за плечи:

— Дана! Что он сделал? Что случилось?

Мать затрясла головой.

Князь бежал прямо на Таву.

— Лови его! — крикнул отец на португальском.

Аарон рявкнул:

— Князь!

Мальчик обмяк как по команде. Повис на руках у Таву, весь белый.

Мать встала на ноги и кривила лицо на плече отца. Лорк расслышал ее слова: «…и мою белую птичку…»

— Князь, иди сюда! — приказал Аарон.

Князь побрел назад, двигаясь тряско, электрически.

— Вот что, — сказал Аарон. — Пойдешь домой с Даной. Она просит прощения, что сказала о руке. Она не хотела оскорбить твои чувства.

Мать с отцом поглядели на Аарона. Отец подался вперед; мать отшатнулась. Аарон Красный обернулся к ним. Коротышка. Лорк не видел в нем ничего красного, кроме уголков глаз.

— Понимаете… — Аарон как будто устал. — Я никогда не упоминаю его патологию. Никогда. — И как будто расстроился. — Не хочу, чтоб он чувствовал свою ущербность. Я не разрешаю указывать на то, что он другой, вообще. При нем нельзя об этом говорить, понимаете? Вообще.

Отец порывался что-то сказать. Но только вечер сорвался все-таки по его вине.

Мать посмотрела на одного, на другого, на свои пальцы. Их баюкала, поглаживая, другая ладонь.

— Дети… — сказала она. — Пошли со мной.

— Дана, ты уверена…

Мать оборвала его взглядом.

— Пошли со мной, дети, — повторила она.

Они вышли из шатра.

Таву ждал снаружи.

— Я с вами, сеньора. Провожу вас до дому, если желаете.

— Да, Таву, — сказала мать. — Спасибо. — Она держала руку на животе, на ткани платья.

— Мальчик с железной рукой. — Голова Таву дернулась. — И девочка, и ваш сын. Я привел их сюда, сеньора. Но они меня попросили, поэтому. Велели вести их сюда.

— Я понимаю, — сказала мать.

На этот раз они пошли не через джунгли, а по тропинке пошире, мимо спуска, откуда акватурбы возили шахтеров в подводные шахты. Высокие конструкции покачивались в воде, бросая на волны двойную тень.

Возле парковых ворот Лорка вырвало.

— Подержи ему голову, Таву, — распорядилась мать. — Видишь, Лорк, тебе вредно так волноваться. И ты опять пил их простоквашу. Тебе получше?

Ни слова о роме. Эту тайну сохранили запахи шатра и еще душок, шедший от Таву. Князь и Лала молча наблюдали, поглядывая друг на друга.

Наверху мать перезагрузила нянечку, заперла Князя и Лалу в их комнатах. И пришла в детскую.

— Мамочка, твоей руке еще больно? — спросил он с подушки.

— Да. Кости целы, хотя и непонятно почему. Вот уложу тебя — вызову медико-блок.

— Это все они! — выпалил Лорк. — Сказали, хотят посмотреть, куда вы все пошли.

Мать присела на кровать и стала гладить его спину здоровой рукой.

— А ты сам разве не хотел, самую чуточку?

— Да, — не сразу сказал он.

— Я так и подумала. Как животик? Мне все равно, кто что говорит, я не пойму, чем полезна простокваша.

Он так и не сказал ни слова о роме.

— Доброй ночи. — Она пошла к двери детской.

Он помнил, как она касается тумблера.

Он помнил, как вращается крыша, а сквозь нее темнеет луна.

Князь Красный всегда ассоциировался у Лорка с приходом и уходом света.

Голый Лорк сидел у бассейна на крыше и готовился к экзамену по петрологии; пурпурные листья у скального входа взяла дрожь. Стекло гудело под натиском внешней бури. Башни

Ковчега, крылатые, чтобы скользить по ветру, искажались сверкающей изморозью.

— Папа! — Лорк щелчком погасил читалку и встал. — А я третий по высшей математике. Третий!

Фон Рэй, в отороченной мехами парке, прошел сквозь листья.

— И ты, видимо, считаешь, что в данный момент учишься. Может, в библиотеке удобней? Как можно сосредоточиться среди всего, что отвлекает?

— Петрология, — сказал Лорк, показывая записчик. — Чего тут учить-то? У меня уже высший балл.

Только год или два назад Лорк научился расслабляться, невзирая на требование родителей быть идеальным сыном. А научившись, осознал, что требования стали ритуальными и фатическими — и дают простор для общения, если выдержать первый удар.

— Ого, — сказал отец. — В самом деле? — Улыбнулся. Пока он расшнуровывал парку, снег на волосах обращался в воду. — По крайней мере, ты учишься, а не ползаешь по машине «Калибана».

— К слову говоря, папа. Я зарегил «Калибан» на Регату Нового Ковчега. Вы с мамой придете на финиш?

— Если сможем. Ты же знаешь, матери в последнее время нехорошо. Последний полет был крутоват. И она волнуется из-за твоих гонок.

— Почему? Они учебе не помеха.

Фон Рэй пожал плечами:

— Она считает, что гонки опасны. — Он положил парку на скалу. — Мы читали о твоем призовом месте на Транторе месяц назад. Поздравляем. Да, она за тебя тревожится, но когда сообщала всем этим душным женщинам в клубе, что ты — ее сын, горда была как куропатка.

— Жаль, что вы не приехали.

— Мы хотели. Но выкроить месяц из поездки было никак. Кстати, у нас для тебя подарок.

Лорк последовал за отцом вдоль ручейка, вившегося из бассейна. Когда они вошли в дом, ступив на лестницу за водопадом, фон Рэй положил руку на сыновнее плечо. Под их весом ступеньки начали подъем.

— В этот раз мы остановились на Земле. Провели день в обществе Аарона Красного. Кажется, вы встречались, когда-то давно. Корпорация «Красное смещение»?

— На Новой Бразилии, — сказал Лорк. — У шахты.

— Ты даже это помнишь?

Ступеньки разгладились и понесли их по оранжерее. Из кустов повылетали какаду, забились о прозрачную стену — под ее

нижними панелями лежали сугробы; уселись на кровишню, и ее лепестки заклевали песок.

— С ним был Князь. Твой ровесник, может, чуть постарше.

Лорк в общем представлял себе, что делал Князь все эти годы, — ребенок обычно в курсе, что происходит с детьми родительских друзей. Недавно Князь стремительно сменил четыре школы, и, по слухам, просочившимся в Плеяды, лишь благодаря капиталу «Красного смещения» эти переходы всякий раз не называли исключением в открытую.

— Помню, — сказал Лорк. — Однорукий.

— Теперь он носит черную перчатку до плеча и расшитый драгоценными камнями нарукавник. Весьма внушительный юноша. Сказал, что тебя помнит. Вы тогда вместе похулиганили, что-то такое. Он-то хоть немного успокоился, судя по всему.

Лорк высвободился из-под руки отца и шагнул на белые половики, устилавшие внутренний зимний сад.

— Что за подарок?

Отец подошел к одной из смотровых колонн. Прозрачный цилиндр в четыре фута толщиной поддерживал просвечивающий потолок капителью из цветочного стекла.

— Дана, не покажешь Лорку, что ты ему привезла?

— Секунду. — В колонне проявилась фигура матери. Она сидела в лебедином кресле. Взяла со столика позади зеленый сверток и развернула его на стеганой парче подола.

— Они прекрасны! — заявил Лорк. — Где вы нашли гептодиновый кварц?

Эти камни, в основе — кремень, геологическое давление сформировало так, что в каждом кристалле размером с детский кулачок свет переливался вдоль раздробленных голубых линий внутри неровных форм.

— Нашла, когда стояли у Лебедя. Мы жили возле Разрывной Пустыни Кралла. Из окна гостиницы было видно, как они сверкают за городскими стенами. Невероятно — все их так и описывают. Как-то после обеда, когда твой отец уехал на конференцию, я выбралась в пустыню. Увидела их, вспомнила о твоей коллекции — и купила для тебя.

— Спасибо. — Он улыбнулся фигуре внутри колонны.

Ни он, ни отец не видели мать вживую четыре года. Жертва синдрома умственного и физического вырождения, по временам тотально некоммуникабельная, она жила теперь в своих покоях с лекарствами, компьютерами-диагностами, косметикой, гравотермией и машинами-чтецами. Иногда мать — или, чаще, ее запрограммированный на паттерн стандартного реагирования андроид — появлялась в смотровых колоннах, выглядела и вела

себя как обычно. Точно так же, через андроида и телераму, она «сопровождала» фон Рэя в деловых поездках; все это время ее физическое тело было заперто в экранированной, изолированной части дома, куда не позволялось заходить никому, кроме психотехника, незаметно посещавшего мать раз в месяц.

— Они прекрасны, — повторил Лорк, делая шаг к колонне.

— Вечером оставлю их в твоей комнате. — Она взяла камень темными пальцами, перевернула. — Они и меня очаровали. Почти загипнотизировали.

— И вот. — Фон Рэй повернулся к другой колонне. — Хочу показать тебе еще кое-что. Аарон, видимо, слышал о твоем интересе к гонкам и в курсе твоих успехов. — (Во второй колонне обретало форму нечто.) — Два его инженера только что разработали новое ионное реле. Сказали, оно слишком чувствительно для коммерческого использования и его производство в любых промышленных масштабах невыгодно. Но Аарон уверен, что его порог срабатывания отлично подойдет для малогабаритной гоночной яхты. Я предложил выкупить реле для тебя. Он и слушать не пожелал — прислал его тебе в подарок.

— Правда? — Радость заполонила Лорка сверх изумления. — Где оно?

В колонне на углу аппарели стоял ящик. Вдалеке меж сторожевых башен смутно виднелась ограда яхтенной котловины Неа-Лимани.

— На дроме? — Лорк сел в свисавший с потолка зеленый гамак. — Отлично! Сегодня вечером, когда буду там, посмотрю. Перед гонкой мне еще надо набрать команду.

— Ты берешь в экипаж людей, шатающихся по космодрому? — Мать покачала головой. — Я так за тебя боюсь.

— Мам, любители гонок, ребята, обожающие гоночные яхты, люди, умеющие ходить на крыльях, — они все шатаются по космодромам. В Неа-Лимани я так и так знаю каждого второго.

— Я все-таки думаю, было бы лучше, если б ты набрал команду из школьных друзей, например.

— Чем те, кто говорит так, плохи? — Губы Лорка тронула улыбка.

— Я ничего такого не сказала. Только что стоит брать тех, кого знаешь.

— После гонки, — вклинился отец, — что будешь делать до конца каникул?

Лорк пожал плечами.

— Хочешь поручить мне шахтерскую бригаду в Сан-Орини, как год назад?

Отцовские брови разделились, потом спутались над

вертикальными щелями над переносицей.

— После инцидента с той шахтерской дочерью… — Брови вновь распутались. — Ты что, и вправду хочешь туда опять?

Лорк еще раз пожал плечами.

— Ты не думал заняться чем-то еще? — Мать.

— Эштон Кларк что-нибудь да ниспошлет. Мне пора — набирать команду. — Он встал из гамака. — Мам, спасибо за камни. Поговорим о каникулах, когда школа совсем закончится.

Он пошел к мосту, что дугой огибал воду.

— Ты вернешься не слишком…

— До полуночи.

— Лорк… Еще кое-что…

Он остановился в верхней точке моста, облокотился на алюминиевый поручень.

Отец:

— Князь устраивает вечеринку. Послал тебе приглашение. Земля, Париж, остров Сен-Луи. Но это всего через три дня после Регаты. Ты не успеешь…

— «Калибан» долетит до Земли за три дня.

Мать:

— Лорк, нет! Ты не полетишь в такую даль, к Земле, на крошечной…

— Никогда не был в Париже. Последний раз я ездил на Землю с вами, когда мне было пятнадцать и мы ездили в Пекин. Слетать в Дракон — раз плюнуть. — Выходя, он сказал напоследок: — Если команда не наберется, я на следующей неделе и в школу не пойду. — И исчез за тем концом моста.

Его командой стали два парня, которые вызвались помочь с распаковкой ионного реле. Оба — не плеядцы.

Брайан, ровесник Лорка, взял академический отпуск в Университете Дракона, полетел во Внешние Колонии, а теперь пытался вернуться. Он уже капитанил и штырил на гоночных яхтах, но только в кооперативном яхт-клубе под эгидой вуза. Они с Лорком оба интересовались гоночными кораблями — и боготворили друг друга. Лорка брал тихий восторг при мысли о том, как Брайан ринулся на другой конец галактики и гнул свою линию без денег и планов на будущее; ну а Брайан в лице Лорка встретил наконец легендарного богача с личной яхтой и именем, что до сих пор было лишь абстракцией в спортивных лентах, — Лорк фон Рэй, один из самых юных и блистательных гоночных капитанов новой поросли.

Доукомплектовал экипаж маленького трехкрыльного гонщика Дан — за сорок, из Австралии, с Земли. Они с Лорком

повстречались в баре, где Дан выдал длинный цикл баек о том, как ходил коммерческим штырем на больших грузовых транспортах, и о гоночных капитанах, в чьих командах подвизался, — самому ему капитанить не пришлось. Босой, штаны опоясаны оборванной у колен веревкой — Дан был довольно типичным штырем из тех, что бродили по жарким переходам Неа-Лимани. Ураганные вихри, кативщие из Тонга над сверкающим Ковчегом, разбивались о высокие ветрокупола — шла июмбра, три светлых часа на двадцатидевятичасовые сутки. Механики, офицеры, штыри пили допоздна, болтали о течениях и гонках в барах и саунах, офисах регистрации и доках.

Брайан, на предложение слетать к Земле после гонки:

— Отлично. Почему нет? Мне так и так надо вернуться в Дракон к летним курсам.

Дан:

— Париж? Это ж рядышком с Австралией, нет? У меня ребенок и две жены в Нью-Сиднее, вцепятся — поминай как звали. Ну разве что мы коротенько…

Когда регата миновала кружащий над Ковчегом спутник наблюдения, захватила петлей внутренний край скопления у Тусклой, Мертвой Сестры и возвратилась к Ковчегу, объявили: «Калибан» пришел вторым.

— Прекрасно. Теперь прочь отсюда. На вечеринку Князя!

— Будь там осторожен… — донесся из динамика голос матери.

— Поклонись от нас Аарону. И еще раз поздравляем, сынок, — сказал отец. — Поломаешь в этом глупом полете свою медную бабочку — не жди, что куплю тебе новую.

— Пока, папа.

«Калибан» вознесся над кораблями, скопившимися у смотровой станции, куда зрители стекались поглазеть на финал регаты. Пятидесятифутовые окна внизу моргнули звездным светом (за одним из окон отец и материнский андроид застыли у перил, глядя, как отчаливает корабль), и миг спустя яхта уже бежала по Федерации Плеяд в направлении Сола.

В одном дне пути они потеряли шесть часов на вихревую туманность («Кабы у тебя был нормальный корабль, а не эта колымага, — жаловался Дан по интеркому, — мы бы выбрались, чихнуть не успели бы!»; Лорк повысил частоту сканера на ионном реле: «Вниз на ноль — двадцать пять, Брайан. Быстрее… вот так!»), но наверстали упущенное и даже прибавили во Внешнем приливном дрейфе.

Днем позднее: Сол — пылающий, пытающий свет в космосе

бушующем.

Дром де Бло в форме микенского щита-восьмерки скосился в десятке миль под размашистыми крыльями. Отсюда товарные челноки ходили в большой звездопорт на Тритоне, крупнейшей луне Нептуна. На платформах посверкивали тут и там пятисотметровые пассажирские лайнеры. «Калибан» падал к нише в яхтенной котловине, спускаясь на манер тройного воздушного змея. Когда корабль поймали лучи наведения, Лорк присел на ложементе:

— Ну что, марионетки. Обрезаем ниточки. — И отключил гудящее нутро «Калибана» через миг после касания. Вокруг умерли пучки огоньков.

Брайан впрыгнул в рубку, завязывая левую сандалию. Дан, небрит, в незашнурованном жилете, семенил босыми ногами из проекторной.

— Видать, прибыли, капитан. — Он нагнулся поковырять грязь между пальцами. — Дети, что это за вечеринка, куда вы так спешите?

Лорк коснулся клавиши сброса; пол накренился, рифленый настил стал скатываться, нижний край дотронулся до земли.

— Точно не знаю, — сказал Лорк Дану. — Думаю, мы все трое поймем на месте.

— *Ооо* нет, — протянул Дан, едва они достигли дна. — Светская жисть не для меня. — Они вышагнули из-под тени корпуса. — Найдите мне бар, заберете на обратном пути.

— Если вы двое не хотите, — сказал Лорк, оглядывая дром, — заскочим перекусить — и можете остаться здесь.

— Я… ну, типа хотел пойти. — Брайан глядел разочарованно. — Когда еще я смогу попасть на вечеринку Князя Красного?

Лорк глянул на Брайана. Коренастый шатен с кофейными глазами сменил обшарпанный кожаный рабжилет на чистый, с переливчатыми цветочками. Лорк только начинал понимать, как ослеплен этот парень, автостопом пересекший Вселенную, его, Лорка, богатством, видимым и подразумеваемым, раз полетел с девятнадцатилеткой, на личной яхте гоняющим на вечеринки в Париж.

Лорку сменить жилет и в голову не пришло.

— Ну так вперед, — сказал Лорк. — Подберем Дана по дороге назад.

— Главное, *вы* двое не ужритесь в хлам, а то не дотащите на борт *меня*.

Лорк и Дан засмеялись.

Брайан озирался, разглядывая другие яхты котловины.

— Эй! Ты работал на трехкрыльном «Зефире»? — Коснулся руки Лорка, указал на изящный золотой корпус. — Держу пари, кружит он что надо.

— Подъем на низких частотах замедленный. — Лорк обернулся к Дану. — Смотри, чтоб был на борту завтра к старту. Бегать тебя искать я не стану.

— Это когда я так близко от Австралии? Будь спок, капитан. А кстати, не расстроишься, коли я приведу на корабль, ну там… даму — или двух?.. — Он ухмыльнулся Лорку, подмигнул.

— Кстати, — сказал Брайан, — а эти двадцать седьмые «Борисы» вообще как? Наш клуб в универе пытался поменяться с другим клубом, у них был «Борис», не новый, десять лет. Только они еще и денег просили.

— Если она — или они — ничего не стибрят с корабля, — сказал Лорк Дану. Повернулся к Брайану. — Я летал на максимум трехлетнем «Борисе». У друга была эта модель пару лет назад. Вообще, ничего, но «Калибану» не чета.

Через ворота они вышли с посадочной площадки, потопали по лестнице на улицу и миновали тень от колонны в форме свернувшегося кольцами Змея.

Париж так и остался более-менее горизонтальным городом. Конструкций, сколь-нибудь значимо ломающих горизонт, — только Эйфелева башня слева и еще спиральные шпили Ле-Аль: семьдесят ярусов маркетов, вложенных в прозрачное стекло, мозаично переплетенное стальными рольверками, — продуктовый рай для двадцати трех миллионов горожан.

Они шагали по Рю-дез-Астроно мимо ресторанов и гостиничных навесов. Дан закопался под веревку по центру торса, почесал живот, пятерней отбросил длинные волосы со лба.

— Где ж тут напиться работяге-киберштырю? — Он вдруг показал на переулок. — Туда!

В конце Г-образной улицы нашелся кафе-бар с трещиной по всему стеклу, «Ле Сидераль». Его дверь закрылась за двумя женщинами.

— Отли-ично, — протянул Дан и вприпрыжку ринулся вперед Лорка с Брайаном.

— Завидую я таким людям иногда, — тихо сказал Брайан Лорку.

Лорк удивился.

— Тебе правда все равно, — не унимался Брайан, — что он приведет на корабль баб?

Лорк хмыкнул:

— Я бы привел.

— Ага. К тебе небось девчонки так и льнут, у тебя же яхта.

— Я думаю, это плюс.

Брайан погрыз ноготь большого пальца и кивнул:

— Классно было бы. Я порой думаю, девочки как будто позабыли, что я живой. Тут и яхта не поможет. — Усмехнулся. — А тебе случалось… приводить девушку на борт?

Лорк помолчал. Потом сказал:

— У меня трое детей.

Теперь удивился Брайан.

— Сын и две дочки. Их матери — шахтерки на маленькой планете Внешней Колонии, Новой Бразилии.

— Ты в том смысле, что…

Лорк накрыл его правое плечо левой ладонью, а левое — правой.

— Наши жизни очень разные, — сказал Брайан медленно, — твоя и моя.

— Вот и я думаю. — И Лорк ухмыльнулся.

Улыбка Брайана вернулась неохотно.

— Стойте, эй, вы! — Сзади. — Подождите!

Они обернулись.

— Лорк?.. Лорк фон Рэй!

Упомянутая отцом Лорка черная перчатка была серебряной. Повязка высоко на бицепсе усеяна бриллиантами.

— Князь?..

Жилет, штаны, сапоги — сплошь серебро.

— Чуть тебя не проворонил! — Костлявое лицо под черными волосами оживилось. — Мне позвонили с дрома, едва тебе выдали пропуск на Нептуне. Гоночная яхта, каково? Долго же ты добирался. А, чтоб не забыть: Аарон сказал, если ты прилетишь, передать от него поклон тете Циане. Она гостила у нас на выходных на Чобе-Мире месяц назад.

— Спасибо. Передам, когда увижу, — сказал Лорк. — У вас она была месяц назад, а я не видел ее ну очень давно. На Ковчеге она теперь бывает редко.

— Циана… — начал Брайан, — Морган? — закончил он в изумлении.

Но Князь уже продолжал:

— Слушай. — Он уронил руки на плечи Лоркова кожаного жилета (Лорк пытался понять, больше давят пальцы в перчатке или нет). — Мне до вечеринки надо смотаться к горе Кеньюна и обратно. Весь доступный транспорт любого вида доставляет кого-то откуда-то, просто вот без конца. От Аарона помощи не жди. Игнорирует нашу веселуху. Ситуация, говорит, вышла из-под контроля. Боюсь, я правда использовал его имя кое-где, чтобы

добыть кое-что, и он этого не одобрил. Ну и улетел куда-то к Веге. Не хочешь свозить меня в Гималаи?

— Не вопрос. — Лорк хотел уже предложить Князю поштырить с Брайаном. Но может, с этой своей рукой Князь толком не втыкает? — Эй, Дан! — закричал он через улицу. — Есть работка!

Австралиец как раз открывал дверь. Развернувшись, потряс головой и побрел обратно.

— Что мы там будем делать? — спросил Лорк, когда они пошли к дрому.

— По дороге расскажу.

Они прошли через ворота (и колонна Дракона, обвита Змеем, светится на закате), когда Брайан рискнул завести беседу.

— Костюм что надо, — сказал он Князю.

— На острове будет полно народа. Я хочу, чтобы все видели, где я.

— А перчатка — это новая мода на Земле, что ли?

Желудок Лорка аж подпрыгнул. Лорк быстро взглянул на обоих.

— Когда о таких штуках, — продолжал Брайан, — узна́ют на Центавре, на Земле их уже месяц никто не носит. А я не был в Драконе десять месяцев.

Князь посмотрел на руку, пошевелил кистью.

Небо омывали сумерки.

Вспыхнули огни на ограде; свет разлиновал перчатку Князя складками.

— Мой личный стиль. — Князь смотрел на Брайана. — У меня нет правой руки. Это… — он сжал серебряные пальцы в кулак, — сплошь металл, пластик и жужжащие фиговины. — (Смешок.) — Но служит она мне… почти как настоящая.

— Ой… — Сквозь голос Брайана дрожью пробилось смущение. — Я не знал.

Князь засмеялся:

— Я и сам иногда почти забываю. Иногда. Где тут ваш корабль?

— Там. — Лорк махнул рукой, остро осознавая эту дюжину лет между первой и нынешней встречей с Князем.

— Все воткнулись?

— Ты мне заплатишь, капитан, — прокаркал Дан издалека. — Накрутил — и фи́га.

— Я готов, капитан. — Брайан.

— Травите нижние крылья…

Князь сидел за Лорком, положив руку на его плечо

(настоящую).

— Собираются все и каждый и еще ихний братец. Это ты прибыл сегодня, а люди прибывали всю неделю. Я пригласил сто человек. Придет по меньшей мере сотни три. Оно разрастается! — (Их подбросило инерционное поле, де Бло отпал, а закатившееся солнце восстало на западе и взрезало мир огнем, как серпом. Пылала голубая кромка.) — В общем, Чхе Он приволокла совершенно дикую компашку откуда-то с края Дракона…

Голос Брайана из динамика:

— Чхе Он — в смысле, звезда психорамы?

— Студия дала ей неделю отпуска, она решила скататься на мою вечеринку. Позавчера ей взбрело в голову полазить по горам, и она ускакала в Непал.

Над ними плыло солнце. Чтобы попасть из одной точки планеты в другую, надо просто взлететь и сесть куда надо. Крыль-проекторный транспорт набирает высоту, огибает Землю три-четыре раза, плавно снижается. Что поездка на другой конец города, что полет на другой конец света — те же семь-восемь минут.

— Сегодня после обеда Чхе радирует, мол, мы застряли, одолев три четверти Кеньюны. Внизу буря, вызвать вертолет со спасательной станции в Катманду им никак. Всяко никакая буря не мешает ей дозвониться через треть мира до меня, чтоб поведать свои печали. В общем, я обещал ей что-нибудь придумать.

— Ну и как прикажешь снимать их с этой горы?

— *Ты* подлетишь на двадцать футов к горе и повиснешь. Потом *я* спущусь и приволоку их на борт.

— Двадцать футов! — (Под ними замедлялся помутненный мир.) — Ты хочешь добраться до вечеринки живым?

— Тебе передали ионное реле — подарок Аарона?

— Оно как раз сейчас работает.

— Его чувствительности для таких маневров должно хватить. А ты — крутой гоночный капитан. Да или нет?

— Постараюсь, — сказал Лорк осторожно. — Я точно дурнее тебя. — Он захохотал. — Князь, мы постараемся!

Внизу скользнул сетчатый снежно-скальный узор. Лорк под диктовку Князя ввел лоран-координаты горы. Рукой в перчатке Князь через Лорка дотянулся до радио…

В рубку впорхнул девичий голосок:

— …Вон там! Как думаешь, это они? Князь! Князь, дорогой, ты прилетел нас спасать? Мы висим тут на кончиках наших замерзших пальчиков все такие несчастные. Князь?.. — Фоном — музыка и многоголосая болтовня.

— Чхе, держись, — сказал Князь в микрофон. — Я же сказал, мы что-нибудь придумаем. — Обернулся к Лорку. — Здесь! Они прямо внизу.

Лорк урезал фильтр частот, ведя «Калибан» вдоль гравитационного искажения горы. Дыбились пики, точеные и мерцающие.

— Эй, все, глядите! Я же *говорила*, что Князь не оставит нас изнывать и пропускать вечеринку?

А где-то за:

— Ах, Сесил, нет, я не могу…

— Подкрути музыку погромче…

— Анчоусы я терпеть *ненавижу*…

— Князь, — кричала Чхе, — ты поторопись! У нас опять повалило. Знаешь, Сесил, этого не случилось бы, кабы ты не решил показать нам глупый фокус с гобенштоками.

— Ну же, милая, потанцуем!

— Я сказала «нет»! Мы слишком близко к пропасти!

«Калибан» снижался, и под ногами Лорка напольный экран озарился природным светом: лед, галька, булыжники сияли под луной.

— Сколько их там? — спросил Лорк. — Корабль не резиновый.

— Втиснутся.

На скользившем по экрану ледяном выступе кто-то устроился на зеленом пончо с вином, сыром и корзинками для пикника. Кто-то танцевал. Трое расселись на складных туристических стульях. Один вскарабкался на выступ повыше и прикрывал глаза, рассматривая корабль.

— Чхе, — сказал Князь, — мы здесь. Пусть все собираются. Ждать весь день мы не можем.

— Счастье-то какое! Так это *ты* наверху! Все, пошли, нас ждут! Да, это Князь!

На выступе случился взрыв активности. Все забегали, хватая вещи, суя их в рюкзаки. Двое сворачивали пончо.

— Эдгар! *Не смей* выбрасывать! Оно сорок восьмого года, его так просто не достанешь! Да, Хиллари, музыку сменить *можно*. Нет! Рано выключать печку! Ну, Сесил, ты *все-таки* дурак. *Бррр!* — ладно, надеюсь, мы вот-вот будем в тепле. Конечно, я с тобой потанцую, милый. Просто не так близко к пропасти. Погоди секунду. Князь? Князь!..

— Чхе! — позвал Князь, пока Лорк подводил яхту ближе к горе. — У вас там остались веревки? — Князь прикрыл микрофон рукой. — Ты видел «Деток Котовасии», где она в роли ошизевшей шестнадцатилетней дочки ботаника?

Лорк кивнул.

— Так вот, она *не играла*. — Князь отнял руку от микрофона. — Чхе! Веревка! У вас есть веревка?

— Дофига! Эдгар, где все веревки?.. Но *на чем-то же* мы взбирались? Вот она! Так, и что теперь делать?

— Завяжите крупные узлы с шагом где-то два фута. Как высоко мы над вами?

— Сорок футов? Тридцать футов? Эдгар! Сесил! Хосе! Вы же слышали. Вяжите узлы!

На экране под ногами Лорк увидел скольжение тени яхты по льду. Он дал кораблю упасть еще ниже.

— Лорк, открой люк в генераторной, когда мы…

— Мы висим на семнадцати футах, — сказал Лорк через плечо. — Князь, ниже не выйдет! — Он протянул руку. — Открыл.

— Отлично!

Князь нырнул в дверь генераторной. К спине Лорка подступил морозный воздух. Дан и Брайан не давали ветрам качать корабль.

На экране Лорк увидел, как один парень швырнул веревку в яхту — Князь, видимо, встал в открытом проеме и ловил ее серебряной перчаткой. На третий раз поймал. Затем сквозь ветер донесся голос Князя:

— Вот! Привязал. Лезьте сюда!

И один за другим они стали обнимать узлистую веревку.

— Так, пошел. Осторожнее…

— Какая холодрыга! Стоит выйти из греющего поля…

— Поймал. Давай внутрь…

— Я уж думал, нам кранты. Эй, кто хочет «Шатонёф-дю-Пап» сорок восьмого года? Чхе говорит, его не достать…

Генераторную заполнили голоса. Затем:

— Князь! Как упоительно, что ты меня спас! На твоей вечеринке будет турецкая музыка девятнадцатого века? Местные станции не ловились, но была образовательная программа из Новой, вообрази, Зеландии. Небесно! Эдгар изобрел новый танец. Становишься на четвереньки и раскачиваешься взад-вперед. Хосе, не свались обратно на эту свинскую гору! Иди сюда сейчас же и познакомься с Князем Красным. Это он закатывает вечеринку, а у его отца миллионов куда больше, чем у твоего. Закрой дверь, и выйдем уже из моторного отсека. Все эти машины и всякое тут. Где они и где я.

— Прошу внутрь, Чхе, можешь вволю надоедать капитану. Ты знаешь Лорка фон Рэя?

— Что, правда, тот самый, первое место на всех гонках? Да у *него же* денег еще больше…

— *Шшшшш!* — сказал Князь сценическим шепотом на входе в рубку. — Пусть *он* побудет в неведении.

Лорк оттянул корабль от горы, развернул.

— Это *ты* берешь все призы? Да ты красавец!

На Чхе Он был полностью прозрачный термокостюм.

— Ты их берешь на этом кораблике?

Она оглядела рубку, еще терзаемая одышкой после подъема по веревке. С каждым вдохом под винилом расплющивались румяные соски.

— Какая красота! Я не была на яхтах много дней.

Позади нее поднялся гвалт:

— Что, никто не хочет этого, сорок восьмого года?..

— Музыка не ловится, вообще. Почему здесь не ловится музыка?..

— Сесил, у тебя не осталось золотого порошочка?

— Мы над ионосферой, глупый, электромагнитные волны уже не отражаются. Кроме того, мы движемся слишком…

Чхе Он обернулась к ним всем:

— Ах, Сесил, куда задевалась чудесная золотая пыль? Князь, Лорк, вам надо попробовать. Сесил — сын мэра…

— Губернатора…

— …на крошечном мирке, ну, о них вечно говорят, мол, они далеко-далеко. У него есть золотая пыль, ее там собирают в расщелинах. Ты смотри, у него этой пыли как грязи!

Под ними переворачивался мир.

— Гляди, Князь, ее вдыхаешь, вот так. *Аххххх!* Куда ни глянь, видишь такие чудесные цвета, чего ни слушай, слышишь такие изумительные звуки, и внутри все вращается и вставляет запредельные абзацы после каждого слова. Лорк, держи…

— Берегись! — Князь смеялся. — Ему еще везти нас до Парижа!

— Ай! — воскликнула Чхе. — Это ничуть не помешает. Просто домчимся с ветерком, вот и все.

Позади другие говорили:

— Где, она сказала, будет эта чертова пирушка?

— Остров Сен-Луи. В Париже.

— Где-где?..

— Париж, крошка, Па-риж. Мы летим на пирушку в…

В середине четвертого века византийский император Юлиан, устав от социальных вихрей Сите (чье население, о ту пору менее тысячи, ютилось в основном в теснившихся вокруг каменно-деревянного храма Великой Матери хижинах из шкур), переехал по воде на островок поменьше.

В первой половине двадцатого века королева мировой косметической индустрии, дабы избежать претензий Правого берега и богемных излишеств Левого, основала здесь свой парижский *pied à terre*[1], украсив стены сокровищами искусства на целое состояние (а в это время на соседнем островке деревянный храм сменился собором с башнями-близнецами).

В середине тридцать второго века — центральная авеню увешана огнями, переулки ломятся от музыки, зверинцев, выпивки и игорных палаток, и фейерверки грохают в ночи — остров Сен-Луи принимал вечеринку Князя Красного.

— Сюда! За мной!

Они кочевали всей толпенью по эстакадному мосту. Посверкивала черная Сена. За рекой листва опадала на каменные балюстрады. За деревьями парка на Сите вырастали освещаемые по ночам скульптурные контрфорсы Нотр-Дама.

— Никому не дозволяется входить на мой остров без маски! — крикнул Князь. Когда они достигли середины моста, он запрыгнул на парапет, схватился за перекладину и замахал толпе серебряной рукой. — Вы на вечеринке! На вечеринке Князя! Вход только в масках!

Сферы фейерверков, синие и красные, расцветали во мраке за его костлявым лицом.

— Небесно! — завопила Чхе Он, подбегая к парапету. — Но если я надену маску, Князь, меня никто не узнает! Студия сказала, мне можно ехать, если будет резонанс!

Князь спрыгнул, взял ее за виниловую перчатку и повел вниз по ступеням. Там на стеллажах сияли сотни масок на всю голову.

— Для тебя у меня особая маска, Чхе! — Он вытащил двухфутовую прозрачную крысиную голову: уши оторочены белым мехом, брови в блестках, на концах проволочных усов покачиваются драгоценные камни.

— Небесно! — запищала Чхе, когда Князь нахлобучил маску ей на плечи.

За прозрачными глазенками крысы утонченное зеленоглазое лицо Чхе Он кривил смех.

— Держите, это для вас!

Со стеллажей явились голова саблезубой пантеры для Сесила; орел для Эдгара, с радужным оперением; темная шевелюра Хосе исчезла под головой ящерицы.

Лев для Дана (тот упирался и не хотел идти, хотя все настаивали, и был позабыт в миг, когда воинственно согласился) и грифон для Брайана (того все так и не замечали, хотя он пошел охотно).

— Теперь ты! — Князь обратился к Лорку. — У меня и для

тебя есть кое-что особое!

Смеясь, выхватил со стеллажа голову пирата с глазной повязкой, банданой, шрамом на щеке и кинжалом в оскаленных зубах. Маска села на голову Лорка легко; теперь он смотрел на мир через сетчатые отверстия для глаз в воротнике. Князь хлопнул Лорка по спине.

— Пират — для фон Рэя самое то! — крикнул он, когда Лорк двинул по мостовой.

Громче смех — людей на мосту прибавлялось.

Над толпой девушки с напудренными гигантскими, двадцать третьего века, доэштонкларковскими прическами швыряли с балкона конфетти. По улице проталкивался человек с медведем. Лорк думал, что это кто-то в костюме, пока его плеча не коснулась шерсть и он не унюхал мускус. Щелкнули когти. Лорка захватила толпа.

Лорк слушал во все уши.

Лорк смотрел во все глаза.

Блажь отполировала поверхность всякого рецептора до зеркального блеска. Восприятие включилось вдруг (как поворачивались корабельные крылья), когда он шел по мощеной улице под яростным обстрелом конфетти. Он ощутил присутствие стержневого «я». Его мир сфокусировался на «теперь» рук и языка. Голоса вокруг ласкали его осознанность.

— Шампанское! Ну небесно же! — Прозрачная пластиковая крыса прижимала грифона в цветочном жилете к винному столику. — Тебе разве не весело? Я так просто балдею!

— Конечно, — отвечал Брайан. — Просто я в первый раз на подобной вечеринке. Такие, как Лорк, Князь, ты, — вы все люди, о которых я раньше только слышал. Трудно поверить, что вы реальны.

— Строго между нами, у меня порой та же самая проблема. Хорошо, что ты тут и мне об этом напомнил. Так, значит, ты говоришь…

Лорк перешел к другой группе.

— …небесная пирушка. Совершенно чудесная…

— …конечно, поскольку мы решили причалить в Перте, а эти древние предписания еще в силе, нам пришлось *реально* проходить таможню…

— …на круизном корабле из Порт-Саида в Стамбул, и там был плеядский рыбак, играл чудеснейшие вещи на сенсор-сиринге…

— …а потом пришлось автостопить через весь Иран — моно не работал. Я правда думаю, что Земля трещит по швам…

— …прекрасная вечерина. Совершенно небесная…

Очень молодые, думал Лорк; очень богатые; каковы определяемые этими условиями пределы различий?

Босоногий, с веревочным поясом, лев наблюдал, опершись о косяк двери.

— Как делишки, капитан?

Лорк махнул Дану рукой, пошел дальше.

«Теперь», особое и хрустальное, внутри его. Музыка вторгалась в пустую маску, туда, где голова возлежала на подушках своего же дыхания. На помосте с клавесином мужчина играл павану Бёрда[2]. Лорк шел дальше, звук перебили голоса в другой тональности. На помосте через улицу два парня и две девушки, одетые как хиппи двадцатого века, воссоздавали текучую антифонную мелодию «Мам и Пап»[3]. Свернув в проулок, Лорк оказался в толпе, увлекшей его за собой и в итоге донесшей до нагромождения электронных инструментов, воспроизводивших дисгармоническое, текстурное безмолвие «Тоху-Бохунов». Отзываясь ностальгией на поп-ритмы десятилетней давности, гости в дутых головах из маше и пластика расходились танцевать вдвоем, втроем, впятером и всемером. Справа качалась голова лебедя. Слева лягушачья морда виляла на усыпанных блестками плечах. Лорк шагал, и в его ухо вплетались лишенные третьей доли модуляции, которые он слышал в динамике «Калибана», когда тот парил над Гималаями.

Они носились между танцующими.

— Он это сделал! Ну не душка ли Князь? — Они орали и вихлялись. — Добыл турецкую музыку!

Мерцая под винилом бедрами, грудями, плечами (в теплую погоду в материале раскрывались поры, чтобы прозрачный костюм стал шелково-прохладным), Чхе Он крутилась на месте, придерживая мохнатые уши.

— Все припали к земле! На четвереньки! Мы вам покажем наш новый танец! Вот так: просто качайте своим…

Лорк вращался под взрывающейся ночью, чуть изнуренный, чуть возбужденный. Он пересек огибавшую остров улицу, прислонился к камню возле прожектора, лившего свет на дома Сен-Луи. На набережной по ту сторону реки гуляли люди, парами и поодиночке, глазея на фейерверки или просто наблюдая за веселящимися.

Позади Лорка расхохоталась девушка. Он обернулся…

…Голова райской птицы, синие перышки вокруг глаз из красной фольги, красный клюв, красный волнистый гребешок…

…А она отделилась от компании, чтобы склониться к парапету. Ветерок колыхал вставки малинового платья, и те тянули витые медные застежки на плече, кисти, ляжке. Она

возложила бедро на камень; пальцы одной ступни в сандалии касаются земли, второй — висят в дюйме от. Длинными руками (малиновые ногти) сняла маску. Положила ее на стенку, ветерок растрепал черные волосы, бросил на плечи, вознес. Вода внизу зернилась, будто в нее швыряли песок.

Лорк отвернулся. Посмотрел снова. Нахмурился.

Есть две красоты (ее лицо высекло из него эту мысль, отчетливую и завершенную). Первая: черты и формы подчиняются усредненному стандарту, который никого не оскорбит; такова красота моделей и популярных актрис; такова красота Чхе Он. А вот вторая: глаза — разбитые круги голубого нефрита, крутые скулы изогнулись высоко над белыми впадинами широкого лица. Подбородок широк; рот тонок, ал и еще шире. Нос ниспадает с переносицы, ширясь у ноздрей (она вдохнула ветер — и, глядя на нее, он заметил речной аромат, парижскую ночь, городской воздух); черты лица слишком строгие и яростные для такой молодой женщины. Но властность, с какой они сошлись, притянет взгляд снова, знал он, стоит отвернуться; врежется в память, стоит уйти. Ее лицо подчиняло так, что всего лишь красивым оставалось только грызть щеки изнутри.

Она взглянула на него:

— Лорк фон Рэй?

Внутри маски Лорк нахмурился сильнее.

Она подалась к нему над мостовой, плескавшейся о воду:

— Они все так далеко. — Мотнула головой в сторону людей на набережной. — Куда дальше, чем нам кажется, ну или им кажется. Что бы они делали на нашей вечеринке?

Лорк снял маску и поставил пирата рядом с ее гребенчатой птицей.

Она встретила его взгляд:

— Так вот ты какой. Красивый.

— Откуда ты знаешь, кто я? — Он думал, что почему-то не заметил ее в той толпе на мосту, и ждал, что она заговорит о его снимках, которые тиражировались по Галактике, когда он выигрывал гонку.

— Твоя маска. Вот откуда.

— Правда? — Он улыбнулся. — Не понимаю.

Дуга ее бровей сжалась. Смех длился пару секунд — слишком мягкий и пропал слишком быстро.

— Ты. Кто ты вообще? — спросил Лорк.

— Я Лала Красная.

Такая же худая. Где-то маленькая девочка стояла над ним в пасти зверя…

Теперь рассмеялся Лорк:

— И что именно в моей маске меня выдало?

— Князь не мог нарадоваться, что заставит тебя ее надеть, с тех пор как передал приглашение через твоего отца и появилась крохотная вероятность, что ты прилетишь. Скажи, ты ее надел — и даешь ему наслаждаться гадкой шуткой — из вежливости?

— Все в масках. Отличная мысль, решил я.

— Понятно. — Ее голос чуть сбился с курса светской беседы. — Брат говорит, мы все встречались давным-давно. — Вернулся на прежний курс. — Я… я бы тебя не узнала. Но я тебя помню.

— Я помню *тебя*.

— Князь тоже. Ему было семь. Значит, мне было пять.

— Как ты жила последнюю дюжину лет?

— Изящно старела, пока ты гонял по Плеядам анфан-терриблем, хвастаясь тем, что родители нажили преступным путем.

— Гляди! — Он показал на людей, смотревших с того берега. Кто-то, видимо, счел, что Лорк помахал; ему помахали в ответ.

Лала усмехнулась и тоже помахала.

— Они хоть понимают, какие мы особенные? Я сегодня страшно особенная. — Она запрокинула голову, не открывая глаз. Веки подкрасились синими фейерверками.

— Эти люди — они слишком далеко, им не видно, как ты прекрасна.

Она снова на него посмотрела.

— Это правда. Ты…

— Мы…

— …сама красота.

— Ты не боишься, что опасно говорить такие вещи хозяйке вечера, а, капитан фон Рэй?

— Ты не боишься, что опасно говорить такое твоему гостю?

— Но мы уникальны, юный капитан. Если мы хотим, нам разрешается флиртовать с опас…

Фонари над ними погасли.

Из проулка донесся вопль. Гирлянда цветных лампочек сдохла. Лорк отвернулся от набережной; Лала сжала его плечо.

По всему острову огни и окна дважды мигнули. Кто-то зашелся криком. Потом иллюминация вернулась, а с ней и смех.

— Мой братец! — Лала покачала головой. — Ему же сказали: сеть не выдержит — но он настоял на электрификации всего острова. Решил, что электрический свет куда романтичнее прекрасных индуктолюминесцентных трубок, которые были тут еще вчера — и по требованию города должны вернуться завтра. Видел бы ты, как отчаянно он разыскивал генератор. Это милый

музейный шестивековой экспонат, занимающий целую комнату. Боюсь, Князь — неизлечимый романтик…

Лорк накрыл ее руку ладонью.

Она посмотрела. И высвободила руку.

— Мне пора. Я обещала ему помогать. — Ее улыбка была не из счастливых. Пронзительное лицо вытравилось на его обостренных чувствах. — Не надевай больше маску Князя. — Она взяла с парапета райскую птицу. — Не надо показывать всем, что тебя оскорбили, только потому, что он хочет тебя оскорбить.

Лорк недоуменно посмотрел на пиратскую голову.

Глаза сверкнули фольгой из синего оперения.

— Кроме того… — ее голос приглушился, — ты слишком красивый, чтобы скрываться под этим пошлым уродством. — И она перешла улицу и стала растворяться в забитом переулке.

Он оглядел дорожку — и понял, что оставаться тут не хочет.

Перешел улицу за ней, нырнул в ту же самую толпу и, только пройдя квартал наполовину, понял, что идет следом.

Она и *правда* красивая.

Дело не в блажи.

Дело не в возбуждении от вечеринки.

Дело в ее лице и в том, как оно менялось и преображалось под ее слова.

Дело в бреши внутри его, столь явной теперь, потому что миг назад, пока они обменивались банальностями, эта брешь полнилась ее лицом, ее голосом.

— …И проблема со всем этим простая: никакой культурной цельности в основе. — (Лорк скосил глаза: грифон выступал перед серьезными броненосцами, приматами и выдрами.) — Движение от мира к миру таково, что нет уже настоящего искусства, одно только псевдомежпланетное…

В дверном проеме на полу — головы льва и лягушки. Внутри, во тьме, Дан — спина вспотела от танца — зарывается носом в девушку с плечами, усыпанными блестками.

А чуть дальше вглубь квартала Лала всходит по ступенькам за витым железом.

— Лала!

Он рванул…

— Эй, полегче…

— Осторожно! Куда ты…

— Охолони…

…Перемахнул через перила и загромыхал по лестнице вслед за ней:

— Лала Красная! — И сквозь дверь: — Лала?..

Широкие гобелены меж тонких зеркал обрубили эхо. Дверь у

мраморного столика приотворена. Он пересек вестибюль, открыл ее.

Лала обернулась на вихрящийся свет.

Волны цвета потекли по полу, затопили комнату, отражаясь от мощных кристально-черных ножек мебели Республики Вега. Лишенная тени, она отступила.

— Лорк! Ты зачем сюда пришел? — Она только положила птичью маску на одну из круглых полок, дрейфовавших по комнате на разных уровнях.

— Хотел еще с тобой поговорить.

Брови Лалы — темные арки над глазами.

— Прости. Князь готовит пантомиму для летающей сцены, ее спустят в центре острова в полночь. Мне надо переодеться.

К нему подплыла полка. Отреагировать на тепло его тела и отплыть подальше не успела: Лорк взял со стеклянной панели с нитяным узором бутылку.

— Тебе обязательно спешить? — Поднял бутылку. — Я хочу знать, кто ты, чем занимаешься, что думаешь. Хочу рассказать все о себе.

— Прости. — Она пошла к спиральному лифту, чтобы подняться на балкон.

Ее остановил его смех. Она стала оборачиваться, чтобы увидеть причину.

— Лала?

И продолжала поворачиваться, пока не замерла лицом к его лицу.

Он перешел зыбящийся пол и положил руки на мягкую ткань, осевшую на ее плечах. Его пальцы охватили ее руки.

— …Лала Красная. — Его модуляция отразилась на ее озадаченном лице. — Уйдем отсюда вместе. Можем поехать в другой город, на другой мир, под другое солнце. Тебе не приелась здешняя карта созвездий? Я знаю планету, где созвездия называются Выводок Безумной Совы, Бóльшая и Меньшая Рысь, Око Вахдамины…

Лала взяла с мимоплывшей полки две рюмки.

— Это с чего у тебя такой кайф? — Потом улыбнулась. — С чего бы ни, тебе идет.

— Поедешь?

— Нет.

— Почему нет? — Лорк разлил по рюмочкам пенящийся янтарь.

— Во-первых. — Она передала ему рюмку, он поставил бутылку на другую плавучую полку. — Это очень невежливо — не знаю, как там у вас на Ковчеге, — когда хозяйка сбегает с

вечеринки до полуночи.

— Тогда после полуночи?

— Во-вторых. — Она пригубила алкоголь и сморщила носик (Лорка изумило, шокировало то, что эта чистая-пречистая кожа выдержала столь человеческую морщинку). — Князь планировал вечеринку много месяцев, и я не хочу огорчать его тем, что не появлюсь, когда обещала. — (Лорк коснулся ее щеки.) — В-третьих. — Ее глаза стрельнули с обода рюмки, в упор. — Я — дочь Аарона Красного, а ты — темный, рыжий, высокий, красивый сын… — она отвернулась, — белобрысого вора! — Холодный воздух на его пальцах там, где была ее теплая рука.

Лорк коснулся ее лица ладонью, запустил пальцы ей в волосы. Лала отстранилась и шагнула на спиральный лифт. Возносясь прочь, прибавила:

— И в тебе маловато достоинства, раз ты позволяешь Князю так над собой глумиться.

Лорк запрыгнул на подножку кружащегося лифта. Лала удивленно отпрянула.

— Воры, пиратство, глумиться — что все это значит? — Злость: не на нее — на посеянное ею смятение. — Я не понимаю — и не уверен, что так уж хочу понять. Не знаю, как тут у вас на Земле, но на Ковчеге над гостями не смеются.

Лала посмотрела на свою рюмку, ему в глаза, снова на рюмку.

— Прости. — И затем в глаза: — Лорк, уходи. Князь будет с минуты на минуту. Мне нельзя было с тобой заговаривать…

— Почему? — (Комната вращалась, отлетала.) — С кем тебе можно заговаривать, с кем нельзя; не знаю, о чем вообще речь, но ты говоришь так, будто мы — простые. — Лорк вновь засмеялся, неспешный тусклый смех поднялся из его груди и затряс плечи. — Ты — Лала Красная. — Он взял ее за плечи, притянул; на миг голубые глаза дрогнули. — И ты принимаешь болтовню простых всерьез?

— Лорк, тебе лучше…

— Я — Лорк фон Рэй! А ты — Лала, Лала, Лала Красная!

Лифт почти пронес их мимо первого балкона.

— Лорк, прошу тебя. Я должна…

— Ты должна уйти со мной! Ты полетишь со мной на рубеж Дракона, Лала? Полетишь на Ковчег, где вы с братом никогда не были? Или на Сан-Орини. Там стоит дом, ты его вспомнишь, когда увидишь, там, на краю галактики. — (Они поднялись до второго балкона, завращались к третьему.) — Мы будем играть за бамбуком на языках каменных ящериц…

Она закричала. Потому что стекло с нитяным узором

врезалось в потолок лифта — и выпал дождь осколков.

— Князь! — Отскочила от Лорка, уставилась на подножку лифта.

— ОТОЙДИ ОТ НЕЕ! — Его серебряная перчатка ухватила еще одну полку в индуктивном поле, в котором те дрейфовали по комнате, пульнула в лифт. — Черт тебя подери, ты… — Голос Князя царапнул по безмолвию его злости, потом прорвался: — Пошел отсюда!

Второй диск прошипел у их плеч и разбился о пол балкона. Лорк выпростал руку, отбрасывая осколки.

Князь побежал через комнату к лестнице слева от ярусной залы. Лорк выбежал из лифта и понесся по ковру балкона, достиг верха той же лестницы — Лала за ним — и стал спускаться.

Они сошлись на первом балконе. Князь держался за оба поручня, задыхаясь от ярости.

— Князь, черт возьми, что на тебя…

Князь сделал выпад. Серебряная перчатка клацнула по поручню там, где только что был Лорк. Медный брусок прогнулся, металл треснул.

— Вор! Мразь! — зашипел Князь. — Мародер! Убийца…

— Ты что такое говоришь…

— …отродье мрази! Если хоть пальцем тронешь мою… — Его рука хлестнула вновь.

— Нет, Князь! — Лала.

Лорк кувыркнулся с балкона, пролетел двенадцать футов к полу. Приземлился, рухнув на четвереньки, в лужу красного, а оно выцвело до желтого и взрезалось кочующим зеленым.

— Лорк!.. — Опять Лала.

Он встряхнулся, покатился по многоцвету… и увидел, как Лала у поручня зажала рот руками. Князь взвился с поручня, застыл в воздухе, стал падать на Лорка. Ударил туда, где была голова Лорка, серебряным кулаком.

Хрусть!

Лорк уже стоял на нетвердых ногах и пытался отдышаться. Князь не шевелился.

Многоцвет под перчаткой трескался. Ломаные линии исчертили его в радиусе ярда от удара. Узор солнечной вспышкой замерз вокруг слепящего пятна.

— Ты… — начал Лорк. Слова барахтались в одышке. — Ты и Лала — ты с ума сошел?..

Князь качнулся, встав на колени. Гнев и боль перемкнули лицо абсолютной яростью. Губы над мелкими зубами, веки над бирюзовыми глазами била дрожь.

— Ты шут, ты скот, прилетел на Землю и посмел коснуться

руками, своими *руками* моей…

— Князь, не надо!.. — Ее голос натянулся над ними плотным пологом. Мучение. Яростная красота расколота криком.

Князь, шатаясь, поднялся, выщепил еще одну плавучую полку. С рыком ее метнул.

Лорк заорал, когда та полоснула по руке и расшиблась о стекло двери позади.

Дыхнуло прохладой — раздвинулись панели. С улицы вкатился смех.

— Я до тебя доберусь! Я тебя поймаю и… — Князь кинулся к Лорку, — покалечу!

Лорк развернулся, перескочил кованое железо и вломился в толпу.

Люди кричали, пока он прорубался насквозь. Руки били по лицу, толкали в грудь, хватали за плечи. Крик — и смех — нарастали. Князь был за ним, потому что:

— Чего это они?.. Эй, берегись…

— Дерутся! Гляди, это Князь…

— Держите их! Держите! Они что, все с ума…

Лорк вырвался из толпы, запнулся у парапета. На мгновение завис над стремительной Сеной и мокрым камнем. Отпрянул, обернулся.

— Пустите меня! — завывал Князь из толпы. — Пустите мою руку! Мою руку, пустите мою руку!

Память ударила под дых, до сотрясения. То, что было замешательством, стало страхом.

Каменные ступени рядом вели к пешеходной дорожке вдоль реки. Лорк сбежал вниз и, достигнув низа, услышал за собой других.

По глазам шлифанули огни. Лорк затряс головой. Свет на мокрой дороге, замшевшая каменная стена сбоку — кто-то направил прожектор, чтобы лучше видеть.

— Пустите мою… — Лорк услышал Князя, прореза́вшего толпу. — Я его достану!

Князь кубарем летел вниз по ступеням, отражаясь от камней тенями. Удержался от падения, сощурился в подсвеченную реку.

Его жилет висит на одном плече. В потасовке он лишился длинной перчатки.

Лорк попятился.

Князь поднял руку:

…бронзовая сетка и алмазоблещущие конденсаторы паутиной обвили черную стальную кость; в прозрачном кожухе жужжат шестеренки.

Лорк сделал еще шаг.

Князь атаковал.

Лорк юркнул к стене. Оба развернулись.

Гости облепляли перила, жались к парапету. Лисы и ящерицы, орлы и жуки толкались, желая рассмотреть детали. Кто-то с размаху налетел на прожектор, и перевернутый зверинец в воде дернулся.

— Вор! — Узкую грудь Князя сдавил спазм. — Пират! — (В небе блеснула ракета. Глухой разрыв запоздал.) — Ты грязь, Лорк фон Рэй! Ты хуже…

Теперь атаковал Лорк.

Злость лязгнула в груди, глазах, руках. Один кулак поймал голову Князя сбоку, другой вонзился в живот. Лорк пришел с поруганной гордостью; злость побуждалась оторопью, а густое унижение дробило дыхание о ребра, когда он сражался под сказочными зрителями. Ударил снова — не целясь.

Протез Князя взлетел.

Плоскостью слепящих пальцев настиг Лорка под подбородком. Сокрушил кожу, чиркнул по кости, не остановился, вскрыл губу, щеку, лоб. Рвался жир, лопались мышцы.

Лорк завопил — рот в крови — и упал.

— Князь! — Лала (это она, ничего не видя, потрясла прожектор) стояла на парапете; красное платье и темные волосы стегали тьму на речном ветру. — Князь, нет!

Тяжело дыша, Князь отступил, отступил еще. Лорк лежал ничком, рукой в воде. Под его головой марала камень кровь.

Князь резко обернулся и зашагал по ступеням. Кто-то вновь направил прожектор вверх. На мгновение осветились люди, наблюдавшие с набережной Сены. Затем свет ушел в высоту, прикрепившись к фасадам и окнам Сен-Луи.

Люди отошли от перил.

Кто-то стал спускаться по лестнице наперерез Князю. Секунду спустя повернул. Морда пластиковой крысы покинула парапет. Кто-то взялся за прозрачное виниловое плечо и увел ее прочь. Тут и там на острове сталкивалась музыка дюжины эпох.

Голову Лорка баюкала темная вода. Река посасывала руку.

Затем лев залез на парапет и рухнул, шлепнув босыми ногами о камень. По ступенькам сбежал грифон — и упал на колено рядом с Лорком.

Дан стянул фальшивую голову, бросил к лестнице. Маска с глухим стуком откатилась на фут. Голова грифона полетела следом.

Брайан перевернул Лорка.

Выдох застрял в Дановой глотке, потом вышел свистом.

— Попортил капитана, да?

— Дан, надо вызвать патруль или кого-нибудь. Не могут же они творить такое!

Косматые брови Дана взлетели.

— Чего это не могут? Я работал на ублюдков, у которых денег было куда меньше, чем у «Красного смещения», а дела они творили похуже.

Лорк застонал.

— Медико-блок! — сказал Брайан. — Где здесь найти медико-блок?

— Он не мертвый. Доставим его обратно на корабль. Когда придет в себя, получу свое — и вон с этой гадской планеты! — Он глянул через реку на шпили-близнецы Нотр-Дама, на тот берег. — Земля не такая большая, чтоб на ней помещались и я, и Австралия. Хочу убраться. — Подсунул руку Лорку под колени, другую под плечи и выпрямился.

— Ты хочешь его нести?

— Ты знаешь другой способ добраться с ним до борта? — Дан пошел к лестнице.

— Но должно же быть… — Брайан пошел за ним. — Нам нужно…

Что-то зашипело на воде. Брайан оглянулся.

Крыло скиммера поскребло берег.

— Куда вы несете капитана фон Рэя? — Лала на переднем сиденье, теперь в темной накидке.

— Обратно на яхту, мэм, — сказал Дан. — Здесь его явно не хотят.

— Несите на катер.

— Не думаю, что в этом мире мы доверим его кому бы то ни было.

— Вы его команда?

— Она, — сказал Брайан. — Вы хотите отвезти его к врачу?

— Я хочу отвезти его на дром де Бло. Вам надо покинуть Землю как можно скорее.

— По мне, так да, — сказал Дан.

— Кладите его назад. Пре-медаптечка под сиденьем. Вдруг удастся остановить кровотечение.

Брайан ступил на колеблемый скиммер, порылся под сиденьем, отыскал среди тряпья и цепей пластиковую коробку. Скиммер подскочил еще раз — на борт взошел Дан. Лала взяла контрольный шнур и воткнула в запястье. Они с шипением поплыли вперед. Маленький катер оседлал пену на воздушных крыльях и ускорился. Мосты — Сен-Мишель, Пон-Нёф, Искусств — бросали на катер тени. По берегам блистал Париж.

Минуты спустя дома́ по левому берегу разметала распорка

Эйфелевой башни в свете рампы ночи. Справа над скошенным камнем и за платанами последние поздние гуляки брели под фонарями по Лебединой аллее.

— Ладно, — сказал его отец. — Расскажу.

— Я думаю, этот шрам нужно… — заговорил образ матери в смотровой колонне. — Прошло три дня, и чем дольше он его носит…

— Если хочет, чтобы все думали, что у него в голове случилось землетрясение, — его дело, — сказал отец. — Но сейчас я хочу ответить на вопрос. — Обратился к Лорку: — И для этого… — подошел к стене, уставился на город, — тебе надо узнать кое-что об истории. Не то, чему тебя учили в Козби.

На Ковчеге — разгар лета.

За стеклянными стенами ветер пинает по небу лососевые облака. Когда порывы усиливаются, голубые жилы ирисовых диафрагм на подветренной стене сужаются до ярких мандал, потом расширяются, стоит восьмидесятимильным ветрам миновать.

Пальцы матери, темные и в драгоценностях, движутся по ободу чашки.

Отец, сложив руки за спину, смотрит, как облака рвутся на лоскуты и бросаются прочь от Тонга.

Лорк откинулся на спинку стула красного дерева и ждал.

— Что видится тебе самым важным фактором современного общества?

После краткой паузы Лорк рискнул:

— Отсутствие цельной культурной?..

— Забудь Козби. Забудь о том, что люди лопочут друг другу, когда им кажется, будто надо сказать что-то глубокомысленное. Ты — юноша, который однажды, не исключено, станет распоряжаться одним из крупнейших состояний Галактики. Когда я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты, отвечая, помнил, кто ты есть. Мы — общество, где, какой товар ни возьми, половина может быть выращена в одном мире, а половина добыта в шахте за тысячу световых лет. На Земле семнадцать из сотен возможных элементов образуют девяносто процентов планеты. Взгляни на любой другой мир, и увидишь другой десяток, образующий от девяноста до девяноста девяти процентов. В составляющих Дракон ста семнадцати звездных системах — двести шестьдесят пять обитаемых миров и спутников. Здесь, в Федерации, три четверти населения Дракона раскиданы по тремстам двенадцати мирам. Сорок два населенных мира Внешних Колоний…

— Транспорт, — сказал Лорк. — Транспорт с одного мира на

другой. Вот ты о чем.

Отец оперся о каменный стол:

— Транспортные *расходы* — вот о чем я. И очень долго величайшим фактором в транспортных расходах был иллирий: единственный способ получить достаточно энергии, чтобы запустить корабли между мирами, между звездами. Когда моему дедушке было столько, сколько тебе сейчас, иллирий производили искусственно, по паре-тройке миллиардов атомов, за огромные деньги. Примерно тогда же выяснилось, что есть цепочка звезд, молодых, вдали от галактического центра, на чьих планетах еще можно найти мельчайшие запасы природного иллирия. И только когда ты уже родился, стала возможной крупномасштабная добыча на планетах, образующих теперь Внешние Колонии.

— Лорк в курсе, — сказала мать. — Я думаю, ему нужно…

— Ты знаешь, почему Федерация Плеяд — отдельная от Дракона политическая единица? Ты знаешь, почему Внешние Колонии вскоре станут политической единицей, отдельной и от Дракона, и от Плеяд?

Лорк посмотрел на колено, большой палец, другое колено.

— Ты задаешь мне вопросы и не отвечаешь на мои, папа.

Отец перевел дух.

— Я пытаюсь. Когда в Плеядах переселенцев не было вовсе, экспансия в Драконе осуществлялась национальными правительствами Земли и корпорациями вроде «Красного смещения» — корпорациями и правительствами, которые могли позволить себе первичные транспортные расходы. Новые колонии субсидировались и управлялись Землей — и ей принадлежали. Они становились частью Земли, а Земля становилась центром Дракона. Другая техническая проблема той эпохи, решенная инженерами «Красного смещения», — строительство космических кораблей с более чувствительными диапазонами частот, кораблей, которые преодолевают сравнительно «запыленные» участки космоса, скажем свободно дрейфующие межзвездные туманности или регионы плотной звездности вроде Плеяд, где концентрация исторгнутой межзвездной материи куда выше. Всякие вихревые туманности и сегодня портят жизнь твоей маленькой яхте. Корабль, сделанный двести пятьдесят лет назад, встал бы в них намертво. Твой прапрадед, когда разведка Плеяд едва начиналась, отлично понимал то, о чем я говорю: транспортные расходы — самый важный фактор в нашем обществе. А внутри самих Плеяд транспортные расходы существенно меньше, чем в Драконе.

Лорк нахмурился:

— В смысле — расстояния?..

— Срединный участок Плеяд — всего-то тридцать световых лет поперек и восемьдесят пять в длину. В это пространство упакованы где-то триста звезд, многие из них отстоят от других всего на один световой год. Звезды Дракона разбросаны по целому рукаву галактики — почти шестнадцать тысяч световых лет из конца в конец. Когда тебе нужно прыгать через крошечные дистанции в скоплении Плеяд, разница в стоимости по сравнению с безбрежными пустырями Дракона — огромна. Так что в Плеяды летят люди особого рода: малый бизнес, который хочет переехать целиком и полностью; кооперативные общины колонистов; даже частные лица — богатые частные лица, но все равно частные. Твой прапрадед прибыл с тремя коммерческими лайнерами, забитыми всяким барахлом, сборными горячими и холодными убежищами, бракованным шахтерским и фермерским оборудованием для самого разного климата. За вывоз почти всего этого из Дракона ему заплатили. Два лайнера, кстати говоря, были украдены. А еще он разжился парой атомных пушек. Летал по новым поселениям и предлагал свои товары. И все их у него покупали.

— Он заставлял их покупать товары под пушечным дулом?

— Нет. Кроме прочего, он предлагал дополнительные услуги, чтобы сподручнее было брать барахло. Видишь ли, то, что транспортные расходы были ниже, никак не удерживало правительства и крупные корпорации от попыток внедриться. Любой корабль из Дракона с именем на мультимиллионы долларов, любой агент какой-нибудь Драконьей монополии, пытающийся расшириться на новую территорию, — дед их взрывал.

— Грабил тоже? — спросил Лорк. — Подбирал то, что оставалось?

— Он мне такого не рассказывал. Все, что я знаю, — у него была мечта, себялюбивая, меркантильная, эгоцентрическая мечта, которую он претворял в жизнь как только мог, за чей угодно счет. В годы, когда Плеяды только формировались, он не позволил им стать еще одной лапой Дракона. В независимости Плеяд он видел шанс стать самым могущественным человеком в политической единице, которая однажды сможет бросить Дракону вызов. Прежде чем мой отец достиг твоего возраста, прадедушка исполнил эту мечту.

— Все еще не вижу связи с «Красным смещением».

— «Красное смещение» — одна из мегакомпаний, пытавшихся внедриться в Плеяды упорнее всего. Они заявляли права на ториевые шахты, которыми сейчас управляет отец твоего

школьного друга, доктор Сэцуми. Они пробовали разводить пластиковые лишайники на Цирцее-четыре. И всякий раз дед их взрывал. «Красное смещение» — это и есть транспорт, и, когда транспортные расходы идут вниз в сравнении с числом строящихся кораблей, «Красное смещение» чувствует удавку на горле.

— И поэтому Князь Красный зовет нас пиратами?

— Пару раз Аарон Красный Первый — а отец Князя уже Третий — посылал самых нахальных племянников с экспедициями в Плеяды. Троих, кажется. Они не вернулись. Даже во времена моего отца распря была практически личной. Наносились ответные удары, ничто не кончилось даже после декларации о суверенитете Плеяд в двадцать шестом. Когда мне было столько же, сколько тебе, прекращение вражды стало одним из моих личных проектов. Отец дал Гарварду на Земле кучу денег, построил лабораторию и затем послал меня туда учиться. Я женился на твоей матери, землянке, и потратил очень много времени на беседы с Ааароном — отцом Князя. Добиться результата было не слишком сложно, независимость Плеяд была признанным фактом для целого поколения, «Красное смещение» давно перестало дергаться и видеть в нас прямую угрозу. Отец приобрел иллириевую шахту на Новой Бразилии — тогда добыча во Внешних Колониях только начиналась — главным образом как повод иметь формальные дела с «Красным смещением». Я никогда не говорил тебе о распре — думал, это не нужно.

— Тогда Князь просто безумен, раз вспоминает старые обиды, о которых вы с Ааароном забыли до нашего рождения.

— Нормальность Князя комментировать не буду. Но имей в виду: какой самый важный фактор влияет сегодня на транспортные расходы?

— Иллириевые шахты во Внешних Колониях.

— И «Красное смещение» снова чувствует, что его душат, — сказал отец. — Понимаешь?

— Добывать иллирий естественным путем куда дешевле, чем производить.

— Даже если требуется втыкать миллионы за миллионами людей. Даже если три десятка конкурирующих компаний из Дракона и Плеяд создали шахты по всем Внешним Колониям и финансируют масштабную трудовую миграцию по всей галактике. Как тебе кажется, что отличает организацию Внешних Колоний от Дракона и Плеяд?

— У них есть весь иллирий, который им нужен, — ну, по нынешним потребностям.

— Да. Но еще вот что: Дракон расширили чрезвычайно

денежные классы Земли. Плеяды колонизировались движением более-менее среднего класса. Население Внешних Колоний, хотя его толкали богачи из Плеяд и Дракона, происходит из самой нижней экономической страты галактики. Сочетание культурных отличий — и мне все равно, что там говорят твои учителя обществоведения в Козби, — и отличий в части транспортных расходов означает: рано или поздно Внешние Колонии станут суверенными. И вот «Красное смещение» вновь атакует каждого, кто владеет иллирием. — Он посмотрел на сына. — Тебя атаковали.

— Но у нас только одна иллириевая шахта. Наши деньги обеспечивают контроль над многими десятками типов компаний по всем Плеядам плюс сколько-то в Драконе. Шахта на Сан-Орини — мелочь…

— Верно. Только замечал ли ты, какие типы бизнеса мы *не* контролируем?

— Ты о чем, папа?

— У нас почти нет вложений в производство убежищ и питания. Мы изготавливаем компьютеры, технические микрокомпоненты; делаем футляры для иллириевых батарей; производим втыки и разъемы; обильно добываем другие ископаемые. Когда в прошлую поездку мы в последний раз виделись с Ааароном, я сказал ему — в шутку, конечно: «Знаешь, если бы иллирий наполовину упал в цене, через год мы бы строили корабли меньше чем за половину цены, по которой их производите вы». И знаешь, что он мне ответил — в шутку?

Лорк мотнул головой.

— «Я знаю это уже десять лет».

Образ матери отставил чашку.

— Я думаю, он *должен* починить лицо. Ты такой красивый мальчик, Лорк, австралиец привез тебя домой три дня назад. Этот шрам просто необходимо…

— Дана… — сказал отец. — Лорк, ты можешь придумать способ снизить цены на иллирий вдвое?

Лорк насупился:

— В смысле?

— По моим расчетам, при нынешних темпах экспансии через пятнадцать лет Внешние Колонии смогут снизить цены на иллирий почти на четверть. За это время «Красное смещение» постарается нас прихлопнуть. — Отец задумался. — Выбить что можно из-под фон Рэев и в конечном счете Федерации Плеяд. Падать мы будем долго. Единственный шанс выжить — прихлопнуть их первыми; а единственный шанс сделать это — понять, как удешевить иллирий наполовину, прежде чем он

рухнет до трех четвертей от нынешней стоимости, — и строить корабли. — Отец скрестил руки. — Лорк, я не хотел тебя впутывать. Думал, все это кончится в течение моей жизни. Но Князь решил нанести по тебе первый удар. Было бы нечестно умолчать о том, что происходит.

Лорк глядел на свои руки. Немного погодя сказал:

— Я отвечу на удар ударом.

— Нет, — сказала мать. — Лорк, так с этим не разобраться. Нельзя мстить Князю; даже не думай, что ты сможешь…

— Я и не думаю. — Он встал и направился к портьерам. — Мама, папа, я пойду.

— Лорк, — сказал отец, раскрещивая руки, — я не хотел тебя расстраивать. Просто думаю, что тебе лучше понимать…

Лорк толкнул парчовую портьеру:

— Я на «Калибане». Пока. — (Занавесь качнулась.)

— Лорк…

Его зовут Лорк фон Рэй, и он живет по адресу: Парк Похвалы, 12, в Ковчеге, столичном городе Федерации Плеяд. Он шагал вдоль траволатора. За прозрачными ветрощитами цвели городские зимние сады. Люди глядели на Лорка. Из-за шрама. Иллирий не шел из головы. Люди глядели, потом отводили взгляд, когда он глядел на них. Здесь, в центре Плеяд, он сам — центр, фокус. Как-то он пробовал высчитать сумму денег, которую унаследует от ближайших родственников. Он — фокус миллиардов: шагает мимо прозрачных стен закрытых улиц Ковчега, слушает шуршание и вой сверкающих лишайников в зимних садах. Каждому пятому прохожему — как сообщил Лорку один отцовский бухгалтер — зарплату платят фон Рэи, прямо или косвенно. И «Красное смещение» готовится объявить войну всей фонрэевской структуре, и в фокусе этой структуры — он, наследник рода фон Рэев. На Сан-Орини вараноподобный зверь с гривой из белых перьев рыщет и шипит в джунглях. Шахтеры ловят этих зверей, морят голодом, стравливают на арене и ставят на победителя. Сколько-то миллионов лет назад предки этих трехфутовых варанов были исполинскими стометровыми чудищами; разумные жители Новой Бразилии поклонялись им, вырезáли их каменные головы в натуральную величину, ставили у основания святилищ. Но их народ… этот народ исчез. А над потомками богов этого народа, превращенными эволюцией в пигмеев, ржут на аренах пьяные шахтеры, пока те царапаются, верещат и кусаются. А он — Лорк фон Рэй. И каким-то образом цены на иллирий нужно сбить вдвое. Можно наводнить рынок товаром. Но куда лететь, где взять это, наверное, редчайшее во Вселенной вещество? Не влетишь же в центр звезды, не

зачерпнешь иллирий из топки, где все вещества галактики выплавляются из ядерного сырья группами по четыре. Лорк поймал свое отражение в зеркальной колонне — и замер на повороте к Неа-Лимани. Борозда исказила его лицо — широкогубое, желтоглазое. Но там, где шрам разверзался извращенно красным, Лорк заметил кое-что: пробивавшиеся волосы цветом и текстурой такие же, как у отца, — мягкие и пламенно-желтые.

Откуда взять столько иллирия (он отвернулся от колонны)? Откуда?

— Ты меня спрашиваешь, капитан? — Дан взял кружку с вращающегося на полу круга, поднял до колена. — Знал бы — не шатался бы по этому дрому. — Вынул ручку кружки из пальцев ноги и отпил половину. — Спасибо за выпивку. — Вытер запястьем рот, окаймленный щетиной, с пенными усами. — Ты лицо-то собираешься сшивать или как?..

Но Лорк, откинувшись на стуле, глядел сквозь потолок. В огнях дрома тонут все звезды, кроме сотни самых ярких. На крыше схлопывается калейдоскопом ветрозащитная диафрагма. В центре голубых, пурпурных и киноварных крыльев сияет звезда.

— Слышь, капитан, может, тебе на балкон…

На втором уровне бара, видимом сквозь стену воды, офицеры грузовиков и члены экипажей лайнеров обсуждали со спортсменами течения и космическую погоду. Нижний уровень запрудили механики и коммерческие штыри. В углу неостановимо шлепали картами.

— Пора мне, капитан, найти работенку. Дрыхнуть в заднем отсеке «Калибана» и каждый вечер нажираться за твой счет — на что я тебе такой? Я тебя от себя освобожу.

Ветер снова миновал; ирисы вокруг алмазной пылинки содрогнулись.

— Дан, а ты… — Лорк размышлял, — думал когда-нибудь, что любые звезды, между которыми мы летаем, — по сути топки и в них выплавлены все миры империи? В их срединном ядерном веществе рождается любой элемент из сотен. Возьми хоть эту… — он показал на прозрачную крышу, — хоть какую: прямо сейчас там возникают золото, радий, азот, сурьма, в громадных количествах… больше Ковчега, больше Земли. Иллирий, Дан, там тоже есть. — Он усмехнулся. — Представь, если бы был способ окунуться в одну такую звезду и зачерпнуть то, что мне надо. — Он усмехнулся еще раз; звук замкнулся в груди, где сплавились боль, отчаяние и злость. — Представь, мы могли бы застыть на краю какой-нибудь звезды, обратившейся в нову, и ждать, когда

то, чего мы хотим, выплеснется, и поймать огонь в полете… только новы взрываются внутрь, а не наружу, а, Дан?

Он дурашливо стукнул штыря в плечо. Выпивка хлюпнула через край кружки.

— Я, капитан, разок побывал в нове. — Дан лизнул тыл ладони.

— Что, правда? — Лорк вжал голову в подушку; звезда с нимбом замерцала.

— Корабль, где я штырил, угодил в нову… лет, верно, десять назад.

— Ясно, ты рад, что тебя там не было.

— Я там был. Мы выбрались, вот и все.

Лорк перестал глядеть на потолок.

Дан скрючившись сидел на зеленой скамье, уперев шишковатые локти в колени. Его руки обернули кружку.

— Серьезно?

— Ага. — Дан глянул на плечо, на порванную и завязанную грубым узлом шнуровку жилета. — Мы туда упали и выбрались.

На лицо Лорка вынырнуло недоумение.

— Эй, капитан! Ты чего-то лютый, нет?

Пять раз Лорк провожал взглядом лицо в зеркале в уверенности, что увидит одну гримасу, и изумленно обнаруживал, что шрам переводит ее в какую-то совсем другую.

— Так что было-то, Дан?

Австралиец осматривал кружку. Ничего, кроме пены на стеклянном донце.

Лорк нажал кнопку заказа на подлокотнике скамьи. К ним поползли по кругу еще две кружки с исчезающей пеной.

— Что надо, капитан. — Дан потянулся к полу. — Одну тебе. Держи. И одну мне.

Лорк пригубил выпивку и вытянул ступни, чтоб отдохнули на пятках сандалий. Ничто не шевельнулось на его лице. Ничто не шевельнулось внутри лица.

— Знаешь Алкан-Институт? — Дан повысил голос, чтоб не мешали крики и смех из угла, где два механика боролись на батуте; зрители размахивали кружками. — У них на Ворписе в Драконе большой музей с лабами и всяким, и изучают они штуки типа нов.

— Моя тетя там куратором. — Лорк говорил тихо, слова змеились под криками.

— Да? Короче, они как получают отчет о том, что звезда активничает, посылают туда людей…

— Глянь! Побеждает она!

— Нет! Он руку смотри ее схватил!

— Эй, фон Рэй, ты как, мужик или баба, думаешь, победит?

Компания офицеров сошла по пандусу посмотреть бой. Один хлопнул Лорка по плечу, показал руку. Десять фунтов @сг на ладони.

— Сегодня ставки не делаю я. — Лорк оттолкнул руку.

— Лорк, удваиваю, на бабу…

— Завтра тебя оберу, — сказал Лорк. — А теперь иди.

Молодой офицер звуком выразил омерзение и провел пальцем по лицу, тряся головой перед товарищами.

Но Лорк ждал, что Дан скажет дальше.

Дан отвернулся от борцов.

— Вроде грузовик заплутал в приливном дрейфе и взял на заметку смешные спектральные линии какой-то звезды в паре солнечных оттуда. Звезды-то в основном водород, да, но в газах на поверхности шли косяком тяжелые металлы; значит — что-то странное. Когда грузовик в итоге нашли, они сообщили о свойстве звезды алканским картографам, и те смекнули: образуется нова. Состав звезды при переходе в нову не меняется, заметить ее издалека никак, ни спектроанализом, ничем; Алкан отправил команду — наблюдать за звездой. Эти люди за последние полвека изучили два-три десятка нов. Запускают кольца диступравляемых станций на расстояние Меркурия от Сола; те транслируют снимки звездной поверхности; сами станции сгорают, едва звездочка того. Алкан ставит кольца станций дальше и дальше, чтоб получить посекундные записи процесса. Где-то на световой неделе появляются станции с людьми; но и оттуда все рвут когти, едва нова пробуждается. Короче, корабль, где я штырил, вез припасы к станции, на которой люди ждали, когда звезда взорвется. Ты ж в курсе: от нормальной яркости до максимальной, в двадцать-тридцать тысяч раз больше, звезда разгорается часа за два или три.

Лорк кивнул.

— Еще не умеют точно оценивать, когда наблюдаемая нова пойдет вразнос. Знать не знаю почему, но только звезда, к которой мы шли, взорвалась прежде, чем мы успели на станцию. То ли пространство скривилось, то ли инструменты подвели, но станцию мы перескочили и плюхнулись прямо в звезду в первый час схлопывания. — Дан вытянул губы, втянул пену.

— Ну понятно, — сказал Лорк. — От жара вы должны были расплавиться на атомы прежде, чем подошли бы на расстояние Плутона от Сола. Вас должен был смять в лепешку уже чисто физический удар. Гравитационные приливы должны были разнести вас в щепки. Объем радиации, которую принял на себя корабль, должен был, во-первых, вывести из строя все

органические соединения на борту и, во-вторых, расщепить все атомы на ионизированный водород…

— Капитан, я тебе еще семь причин с ходу назову. Частоты ионизации должны были… — Дан оборвал себя. — Только ничего не случилось. Наш корабль пронесло через центр звезды — и вынесло с той стороны. Мы благополучно очухались в двух световых неделях оттуда. Наш капитан едва раскумекал, что происходит, втянул голову и вырубил все сканеры сенсорики, так что падали мы вслепую. Через час он выглянул и страшно удивился, что мы еще… короче. Но инструменты записали наш путь. Мы прошли прямо через нову. — Дан прикончил выпивку. Искоса глянул на Лорка. — Капитан, ты чего-то опять весь лютый.

— Как все объяснилось?

Дан поморщился:

— Алкан, до нас добравшись, выдвинул всякие гипотезы. Есть, вишь, такие пузыри, взрываются на поверхности любой звезды, в два-три раза больше средней планеты, и внутри не так уж жарко — всего восемьсот или тысяча градусов. Такая температура кораблю нипочем. Может, нас поймало в такой пузырь и пронесло насквозь. Кто-то еще говорил, что, может, частоты энергии новы поляризованы в одном направлении, а энергия корабля почему-то вся поляризовалась в другом, ну и они типа разошлись и друг дружку не тронули. Но другие напридумывали еще теорий, чтоб опровергнуть эти. Что самое вероятное — когда время и пространство под диким напряжением, как внутри новы, законы, которые управляют естественными механизмами физики и физическими феноменами, как мы их понимаем, толком не работают. — Дан снова поморщился. — Они так и не договорились.

— Глянь! Глянь, свалил ее он!

— Раз, два… нет, подымается она…

— Нет! Он того ее! Того ее он!

На батуте лыбящийся механик вихлялся над соперницей. Ему уже поднесли полдюжины кружек. По обычаю, он должен был выпить сколько сможет, а проигравший — допить остаток. Сверху спускались новые офицеры, поздравляли механика и делали ставки на следующий бой.

— Вот интересно… — Лорк нахмурил брови.

— Капитан, я понимаю, ты не виноватый, но не надо корчить такие рожи.

— Интересно, Дан, есть ли в Алкане информация об этом полете?

— Наверняка. Я ж говорю, это было типа десять лет…

Но Лорк смотрел в потолок. Ирис закрылся под ураганом,

громившим ковчежную ночь. Мандала схлестнулась, звезда исчезла из виду.

Лорк поднес руки к лицу. Губы разошлись; он хватался за корни идеи, пробивавшейся в разуме. Растрескавшаяся плоть надела на него гримасу блаженной пытки.

Дан заговорил было опять. Потом отодвинулся с недоумением на хрящеватом лице.

Его зовут Лорк фон Рэй. Он должен беззвучно повторять это снова и снова, обезопасить себя повторами — потому что идея расщепила его существо. Он сидел, глядя вверх, вконец потрясенный. Какой-то стержень внутри раскололся так же яростно, как рука Князя расколола Лорку лицо. Он моргнул, очищая звезды. Ведь его зовут…

— Да, капитан фон Рэй?

— Выбери грот-крылья.

Мыш выбрал.

— Ныряем в ровный поток. Грот-крылья выбрать с концами. Линкей и Идас, вы на крыльях и несете первую вахту. Остальным пока отдыхать. — Лорк гремел, перекрывая космический шум.

Отвернувшись от киноварного киселя с обугленными звездами, Мыш моргнул и снова осознал проекторную.

Моргнула Ольга.

Мыш сел на ложементе, готовясь выткнуться.

— Увидимся в кают-компании, — продолжал капитан. — И, Мыш, захвати…

Глава четвертая

Мыш вытащил кожаную сумку из-под ложемента, перекинул через плечо.

— …с собой сенсор-сирингу.

Дверь отскользнула; Мыш стоял на верхней из трех ступенек над синим ковром кают-компании «Птицы Рух».

Сквозь тенепад вилась спиральная лестница. Изгибаясь под потолочными лампами, металлические языки рассылали отблески по стене и листьям филодендрона перед зеркальной мозаикой.

Кейтин уже уселся перед слоистой доской для трехмерных шахмат и расставлял фигуры. Последняя ладья клацнула по своему углу, и булькресло — принимающий форму тела шар со студенистым глицерином — покачнулось.

— Ну, кто сыграет со мной первым?

Капитан фон Рэй замер на верху лестничной спирали. Потом пошел вниз, и его разбитое отражение присыпало мозаику гравием.

— Капитан? — Кейтин вздернул подбородок. — Мыш? Кто из вас желает первую партию?

Тййи и Себастьян через арочную дверь шли по пандусу, что перекрывал занимавший треть кают-компании пруд с известняковыми берегами.

Ветерок.

Рябит вода.

Темнота вплывает над их головами.

— Сидеть! — Себастьян.

Рука дергается в разъеме. Заходят на посадку звери на стальных цепочках. Огромные питомцы ветошью опадают вокруг хозяина.

— Себастьян? Тййи? Вы играете? — Кейтин повернулся к пандусу. — Раньше я обожал шахматы, потом подзабросил. — Он задрал голову, снова взял ладью, всмотрелся в кристалл с черной сердцевиной. — Скажите, капитан, фигуры — оригинал?

У подножия лестницы фон Рэй воздел рыжие брови:

— Нет.

Кейтин ухмыльнулся:

— Ага.

— Из чего они? — Мыш шагнул на ковер, заглянул Кейтину через плечо. — Я таких и не видел никогда.

— Странный стиль для шахматных фигур, — подметил Кейтин. — Республика Вега. Но в мебели и архитектуре такого

полно.

— Республика Вега — это где? — Мыш взял пешку: внутри кристалла — звездная система с камнем в центре, орбиты лежат в скошенной плоскости.

— Уже нигде. В две тысячи восьмисотых было восстание, Вега хотела отделиться от Дракона. Не вышло. Живопись и архитектуру того времени взяли на щит наши эстетствующие интеллектуалы. Пожалуй, во всей этой истории было нечто героическое. Безусловно, они из кожи вон лезли, чтобы соригинальничать, — последний бой за культурную автономию и так далее. Но выродилось все в вежливые салонные беседы о том, кто на кого повлиял. — Он взял другую фигуру. — Мне все равно нравится. Им удалось породить трех звездных музыкантов и одного невероятного поэта. Хотя из музыкантов с восстанием был как-то связан только один. Но большинство не в курсе.

— Серьезно? — сказал Мыш. — Так и быть. Сыграю в твою игру. — Он обошел шахматную доску и сел в зеленый глицерин. — Какие выберешь, черные или желтые?

Фон Рэй потянулся через плечо Мыша к пульту, проявившемуся на подлокотнике кресла, нажал микропереключатель.

Свет внутри доски погас.

— Эй, вы чего?.. — Хриплый шепот Мыша оборвала досада.

— Мыш, доставай сирингу. — Лорк подошел к живописной скале на желтых плитах. — Мыш, а прикажи я тебе сыграть нову, что б ты сделал? — Сел на выступ в камне.

— Не знаю. О чем вы? — Мыш вытащил инструмент из сумки. Большой палец пробежал по клавиатуре. Остальные заплясали на индуктивной панели; мизинец раскачивался на ходуле ногтя.

— Я приказываю. Создай нову.

Мыш задумался. Затем:

— Хорошо, — и рука совершила прыжок.

Рокот после вспышки. Цветной фон послеобраза испятнал зрение, закружил водоворотом тающей сферы, исчез.

— Сидеть! — сказал Себастьян. — Сидеть, сказал же…

Лорк усмехнулся:

— Неплохо. Иди сюда. Нет, вместе с адской шарманкой. — Подвинулся, освобождая место на камне. — Покажи, как она работает.

— Показать, как играть на сиринге?

— Точно.

Бывает внешнее выражение лица; бывает выражение внутреннее, дрожь губ и век, не более.

— Обычно я не разрешаю баловаться с моим инстром. —

Губы и веки дрожали.

— Покажи.

Улыбка Мыша истончилась. Он сказал:

— Дайте руку. — Усадил капитановы пальцы в седло образ-резонансного щитка, и перед ними загорелся синий огонек. — Теперь глядите. — Мыш указал на лицевую сторону сиринги. — За тремя точечными линзами есть голографические шкалы. Сходятся на синем огоньке, дают трехмерный образ. Яркость и насыщенность регулируются тут. Проведите рукой вперед.

Огонек разгорелся…

— Теперь назад.

…и потускнел.

— Как ты создаешь образ?

— Капитан, я учился этому год. Теперь: вот эти струны регулируют звук. Каждая струна — не нота, а текстура звука. Высота тона меняется, когда пальцы ближе или дальше от струн. Вот так. — Мыш взял аккордом духовые и голоса, глиссандо соскользнуло в неуютный инфразвук. — Хотите подпустить запах? Возвращаемся сюда. Эта ручка регулирует насыщенность аромата. Его можно сделать очень узконаправленным, для этого…

— Мыш, предположим, я хочу воссоздать лицо девушки; ее голос, произносящий мое имя; и ее аромат. Я держу твою сирингу. — Он взял инструмент с Мышовых колен. — Что мне делать?

— Практиковаться. Капитан, слушайте, я правда не люблю, когда другие балуются с моим…

Он потянулся к сиринге.

Лорк поднял ее за пределы досягаемости Мыша. Потом засмеялся:

— Держи.

Мыш взял сирингу и быстро пошел к шахматной доске. Встряхнул сумку, сунул инструмент внутрь.

— Практиковаться, — повторил Лорк. — У меня нет времени. Если уж я хочу раньше Князя Красного добраться до иллирия, да?

— Капитан фон Рэй?

Лорк поднял глаза.

— Расскажете нам, что происходит?

— Что вы хотите знать?

Рука Кейтина висела над реактивирующим доску переключателем.

— Куда мы идем? Как дотуда доберемся? И зачем?

Спустя секунды Лорк встал:

— О чем ты спрашиваешь, Кейтин?

Шахматная доска загорелась, осветив Кейтину подбородок.

— Вы затеяли игру, играете против «Красного смещения». По каким правилам? Каков приз?

Лорк помотал головой:

— Еще одна попытка.

— Ладно. Как мы добудем иллирий?

— Да, как добудем мы его? — На нежный голос Тййи обернулись все. Она перетасовывала колоду карт у основания пандуса, рядом с Себастьяном. Перестала, уловив взгляды. — В гремучую звезду погрузимся? — Покачала головой. — Как, капитан?

Лорк ладонями обхватил костяные узлы коленей:

— Линкей? Идас?

На противоположных стенах висели две шестифутовые позолоченные рамы. В одной, над самой головой Мыша, под компьютерными огоньками возлежал на боку Идас. Напротив, в другой раме, бледный Линкей — сверкание волос и ресниц — свернулся клубком на проводах.

— Ведя корабль, не отключайте уши.

— Есть, капитан, — промямлил Идас, как люди бормочут во сне.

Лорк встал и сцепил руки.

— Немало лет прошло с тех пор, как я впервые задал тот же вопрос. И ответил мне не кто иной, как Дан.

— Слепец Дан? — Мыш.

— Дан, который спрыгнул? — Кейтин.

Лорк кивнул.

— Тогда я владел не этой грузовой громадой… — он глянул на фальшивые звезды, разбрызганные по высокому темному потолку, чтобы напоминать: среди прудов, папоротников и каменных статуй они мчатся среди миров, — а гоночной яхтой, на которой Дан был штырем. Как-то я подзадержался на парижской вечеринке, и Дан привез меня домой, на Ковчег. Пролетел весь путь сам и дотащил меня. Мой второй штырь, студент колледжа, перепугался и решил вернуться к учебе. — Он потряс головой. — К лучшему. И вот я задумался. Как мне достать столько иллирия, чтобы сковырнуть «Красное смещение» прежде, чем оно сковырнет нас? Сколько людей в мире хотели бы это знать? Вечером мы с Даном пили возле яхтенной котловины, и я упомянул о проблеме. Вычерпнуть иллирий из звезды? Дан сунул палец за пояс, уставился на ветрозащитный ирис над баром и сказал: «Я разок побывал внутри новы». — Лорк оглядел кают-компанию. — После чего я сидел и слушал.

— Что с ним произошло? — спросил Мыш.

— Как вышло, что он умудрился дожить до следующей? Вот что интересно. — Кейтин возвратил ладью на клетку и раскинулся в желе. — Ну же, не томите: где был Дан, когда гремели фейерверки?

— Он штырил на корабле, который вез провиант на станцию Алкан-Института, как раз когда взорвалась звезда.

Мыш глянул на Тййи и Себастьяна, слушавших со ступенек по ту сторону пандуса. Тййи снова тасовала карты.

— После тысячи лет наблюдений, вблизи и издалека, даже обескураживает, как мало мы знаем о том, что творится в эпицентре самой бедственной из звездных катастроф. Состав звезды остается прежним, только организация материи внутри прерывается толком не изученным процессом. Может, это следствие приливных гармонических пульсаций. Или проказы демона Максвелла. Самые продолжительные переходы длились полтора года, но их никогда не наблюдали с начала. Чтобы достичь пика интенсивности, нове после взрыва требуется несколько часов чистого времени. У сверхновой — а таких в нашей галактике зарегистрировано две, одна в тринадцатом веке в Кассиопее и еще безымянная звезда в две тысячи четырехсотых, и обе мы не могли изучить поближе — взрыв занимает где-то два дня; и яркость сверхновой возрастает в сотни тысяч раз. Итоговые световые и радиопертурбации от сверхновой превышают совокупность света всех звезд Галактики. Алкан обнаруживал другие галактики просто потому, что там вспыхивали сверхновые — и почти тотальная аннигиляция единственной звезды делала видимой целую галактику в несколько миллиардов звезд.

Тййи перебросила карты из руки в руку.

Себастьян спросил:

— Что с Даном сталось? — Он подтащил питомцев к коленям за цепочки.

— Корабль проскочил мимо цели, его пронесло через центр звезды в самый первый час схлопывания — и вынесло с той стороны. — Желтый взгляд пригвоздил Кейтина; нюансы чувств Лорка с разорванного лица считывались плохо.

Кейтин, привычный к скрытным поверхностям, ссутулился и вжался в кресло.

— Счет шел на секунды. Капитан только и успел, что отключить все сенсор-импульсы к штырям.

— Они вслепую летели? — спросил Себастьян.

Лорк кивнул.

— Это нова, в которой Дан побывал прежде, чем встретил вас; первая, — удостоверился Кейтин.

— Все так.

— Что случилось во второй?

— Еще кое-что о первой. Я поехал в Алкан, просмотрел записи. Корпус корабля был весь в рубцах после бомбардировки свободно дрейфующим веществом где-то у центра звезды. Единственный элемент, способный оторваться и залететь внутрь защитной зоны вокруг корабля, должен сформироваться из почти твердой ядерной материи в звездной сердцевине. Его могли образовать только элементы с колоссальными ядрами в три или четыре раза больше урановых.

— То есть корабль бомбардировали метеоры из иллирия? — не поверил Мыш.

— Ну а вторая нова… — Лорк снова глянул на Кейтина. — Когда мы в строжайшей секретности подготовили экспедицию, когда с помощью моей тети из Алкан-Института засекли новую нову и никому не сказали, зачем к ней летим, когда экспедиция была запущена и шла полным ходом, я попытался воссоздать исходные условия первого инцидента — корабль Дана падает в звезду — как можно точнее и повторить маневр вслепую; я приказал экипажу отключить сенсорику в проекторных. Дан ослушался, решил увидеть то, что в прошлый раз пропустил. — Лорк встал и отвернулся от команды. — Мы не успели дойти даже до зоны, где кораблю грозит физическая опасность. Я вдруг ощутил, что одно крыло забилось как бешеное. И услышал крик Дана. — Развернулся к ним. — Мы кое-как вырвались, поковыляли обратно к Дракону, в приливном дрейфе доплыли до Сола и приземлились на станции Тритона. Два месяца назад секретность кончилась.

— Секретность? — спросил Кейтин.

Перекрученная кривая — улыбка Лорка — проявилась в мышцах его лица.

— С ней все. Я полетел на станцию Тритона в Драконе, а не в надежное место в Плеядах. Уволил весь экипаж — и попросил рассказывать о нашем полете всем и каждому. Не мешал этому безумцу шататься по дрому и болтать, пока его не заглотило Пекло[три]. Я ждал. И дождался ожидаемого. Тогда я завербовал вас — прямо из дромовской толпы. Сказал, что́ собираюсь сделать. Кому рассказали вы? Сколько народу слышало, что́ я говорил вам? Со сколькими вы поделились этим знанием, чеша голову: «Странная штука, да?» — Кисть Лорка скрючилась на каменном зубце.

— Чего вы ждали?

— Весточки от Князя.

— Получили?

— Да.

— Что в ней было?

— Какая разница? — Лорк издал почти смешок. Только шел он из живота. — Я ее пока не проиграл.

— Почему? — спросил Мыш. — Вы не хотите знать, что он говорит?

— Я знаю, что делаю. Этого достаточно. Мы вернемся в Алкан и засечем еще одну… нову. Мои математики придумали двадцать пять теорий, объясняющих феномен прыжка сквозь звезду. И в каждой исход меняется на противоположный через пару часов, за которые яркость звезды достигает пика.

— Как долго нова чтоб умерла нужно? — спросил Себастьян.

— Недели, месяца два. Сверхновая может вырождаться до двух лет.

— Письмо, — сказал Мыш. — Не хотите посмотреть, что говорит Князь?

— А *вы* — хотите?

Кейтин вдруг перегнулся через шахматную доску:

— Да.

Лорк усмехнулся:

— Ладно. — Широкими шагами пересек кают-компанию. Снова дотронулся до пульта на Мышовом кресле.

В самой большой раме на высокой стене: световая фантазия выцвела в двухметровом овале позолоченной листвы.

— Ну ясно. Вот, значит, что ты делал все эти годы! — сказал Князь.

Мыш поглядел на обтянутые кожей челюсти и хрустнул собственными. Глаза перескочили на тонкие волосы Князя над высоким лбом, и лоб у Мыша наморщился. Он подался вперед в кресле; пальцы дергались, щупая, как на сиринге, нос-лезвие, колодцы синевы.

Кейтин выпучился. Бессознательно отшатнулся, подошвы сандалий заскребли ковер.

— Не знаю, чего именно ты добиваешься. Да мне и все равно. Однако…

— Князь это? — прошептала Тййи.

— …ничего ты не добьешься. Уж поверь. — Князь обнажил зубы.

И шепот Тййи задохнулся.

— Не-а. Я даже не знаю, куда ты летишь. Но берегись. Я успею раньше тебя. А там… — он воздел руку в черной перчатке, — поглядим. — Протянул ладонь, та заполнила экран. Щелкнули пальцы; зазвенело стекло…

Тййи заскулила.

Князь раздавил пальцем линзу письмокамеры, раздробил

вдребезги.

Мыш глянул на Тййи. Та выронила карты.

Звери на поводках били крыльями. Ветер рассыпал карты по ковру.

— Эй, — сказал Кейтин, — я соберу! — Не вставая, нагнулся и дотянулся неуклюжими руками до карт.

Лорк снова засмеялся.

Карта перекувырнулась на ворсе у ступни Мыша. Трехмерная, в ламинированном металле: над черным морем жжет солнце. Живо пламенеет небо поверх стены моря. На берегу стоят, держась за руки, два голых мальчика. Темноволосый скосился на солнце, его лицо изумлено и светоносно. Белобрысый глядит на их тени на песке.

Смех Лорка прокатился по кают-компании: один взрыв за другим.

— Князь принял вызов. — Он шлепнул ладонью по камню. — Хорошо! Отлично! Как думаете, суждено нам свидание под огненным солнцем? — Рука взметнулась, стала кулаком. — Я чувствую его про́клятую руку! Хорошо! Да, хорошо!

Мыш цапнул карту. Перевел взгляд с капитана на смотровой экран, где лицо, руку заместили мельтешащие оттенки многоцвета. (На противоположной стене — тусклый Идас и бледный Линкей в рамах поменьше.) Глаза вернулись к двум мальчикам под извергающимся солнцем.

Он смотрел, и пальцы левой ноги царапали ковер, а правой — вцепились в подошву ботинка. Страх лапами скреб ляжки, оплетал нервы вдоль хребта. Внезапно Мыш уронил карту в футляр сиринги. Пальцы задержались внутри кожи, потея на ламинате. Став невидимой, картинка пугала хуже прежнего. Мыш вытащил руку и вытер о ляжку, поднял глаза: не видел ли кто.

Кейтин проглядывал собранные карты.

— Так вот с чем ты играешься, Тййи? Таро? — Поднял голову. — Мыш, ты цыган. Наверняка такие видел. — И показал карты Мышу.

Не глядя Мыш кивнул. Подавил желание вытереть ладонь еще раз. (Большая женщина сидит по ту сторону костра — в грязной ситцевой юбке, — и усатые мужчины расселись вокруг под мерцающим выступом скалы, глядят, как мелькают и мелькают карты в ее толстых пальцах. Но это было…)

— Так, — сказала Тййи. — Ты мне их отдашь. — Протянула руку.

— Можно я посмотрю всю колоду? — спросил Кейтин.

Ее серые глаза расширились.

— Нет. — Удивление в голосе.

— Я… прошу прощения, — начал Кейтин, смутясь. — Я не хотел…

Тййи забрала карты.

— Ты… гадаешь? — Кейтин прилагал усилия, чтоб лицо не деревенело.

Она кивнула.

— Гадание на Таро в Федерации — обычное дело, — сказал Лорк. Он сидел на живописной скале. — О Князя письме говорят карты твои что-нибудь? — Повернулся, глаза горели яшмой, сверкали золотом. — Может, о Князе карты твои и обо мне скажут?

Мыш подивился легкости, с какой капитан перешел на диалект Плеяд. Внутреннее выражение лица — краткая улыбка.

Лорк встал с камня:

— Что об этом вторжении карты в ночь говорят?

Себастьян, внимательно глядя из-под пушистых светлых бровей, притянул ближе свои темные сполохи.

— Хочу я их расклады увидеть. Да. Где мы среди карт с Князем выпадем?

Если она погадает, удастся рассмотреть колоду. Кейтин ухмыльнулся:

— Да, Тййи. Погадай нам на экспедицию капитана. Она хорошо гадает, Себастьян?

— Никогда Тййи не ошибается.

— Ты считаные лицо секунды видела Князя. В лице человека линии обозначены судьбы. — Лорк упер кулаки в бедра. — На моем по разлому можешь где мою эти судьбу линии сказать пересекут?

— Капитан, нет… — Взгляд упал на руки. Для недвижных пальцев карты, казалось, слишком велики. — Я карты раскладываю только и гадаю.

— Я не видел никого, кто гадал бы на Таро, с универа. — Кейтин смотрел на Мыша. — На философском семинаре был один персонаж из Плеяд, вот он умел гадать. Одно время я, пожалуй, мог считаться адептом-любителем «Книги Тота», как кто-то назвал Таро в начале двадцатого века. Я бы, скорее, сказал… — он запнулся, ожидая подтверждения Тййи, — «Книги Грааля»?..

Подтверждения не последовало.

— Ну же. Погадай мне, Тййи. — Кулаки Лорка спрыгнули с бедер.

Тййи кончиками пальцев касалась золотых рубашек. Со своего места у основания пандуса она смотрела в пространство между Кейтином и Лорком: серые глаза полуприкрыты эпикантусом.

Сказала:

— Погадаю.

— Мыш, — позвал Кейтин, — иди сюда, посмотри. Поделись мнением об искусстве…

Мыш вскочил, освещенный шахматной доской:

— Эй!..

Все повернулись на сломленный голос.

— *Вы* в это верите?

Кейтин поднял бровь.

— Вы называли суеверным *меня*, потому что я плюнул в реку? А теперь читаете будущее по картам? *Аннн!* — Он издал не совсем такой звук. Но этот звук означал отвращение. Золотая серьга тряслась и мерцала.

Кейтин нахмурился.

Рука Тййи зависла над колодой.

Мыш бешеным рывком одолел полковра:

— Вы правда хотите узнать, что́ будет, разложив карты? Это глупо. Это суеверие!

— Мыш, вовсе нет, — возразил Кейтин. — Кто бы мог подумать, что именно ты…

Мыш махнул рукой и рассмеялся хриплым лаем:

— Ты, Кейтин, — и карты. Ну ты даешь!

— Мыш, на деле карты ничего не предсказывают. Они всего лишь предлагают грамотный анализ обстоятельств…

— Карты неграмотны! Они из металла и пластика. Они не знают…

— Мыш, семьдесят восемь карт Таро — это символы и мифообразы, которые повторялись и отражались все сорок пять веков человеческой истории. Тот, кто понимает эти символы, способен сконструировать диалог относительно данной ситуации. Никаких суеверий. «Книга перемен», даже «Халдейская астрология» обращаются в суеверие, только если ими злоупотреблять, считать, что они приказывают, а не направляют и советуют.

Мыш опять издал этот звук.

— Мыш, ну правда! Чистейшая логика. Твои взгляды устарели на тысячу лет.

— Эй, капитан? — Мыш одолел остаток ковра, выглянул из-за Лоркова локтя, скосился на колоду у Тййи на коленях. — Вы верите в эти штуки? — Его рука упала на предплечье Кейтина, словно касание могло запретить тому двигаться.

В глазах тигра под ржавыми бровями блеснула боль; Лорк осклабился:

— Тййи, на картах мне погадай.

Она перевернула колоду и стала перекладывать картинки…

— Капитан, одну выбирайте.

…Из руки в руку.

Лорк присел на корточки, всмотрелся. Вдруг остановил переходящие карты указательным пальцем:

— Космос, кажется. — Он назвал карту, на которую упал палец. — В этой гонке Вселенная приз наш. — Поднял глаза на Мыша и Кейтина. — Как думаете, выбрать Космос для начала гадания? — Обрамленная исполинскими плечами «боль» теряла остроту.

Мыш в ответ скривил темные губы.

— Давайте, — сказал Кейтин.

Лорк вытащил карту:

Утренняя дымка обвила березы, тисы и остролисты; на полянке нагая фигурка прыгала и кувыркалась на голубой заре.

— О, — сказал Кейтин, — Пляшущий Гермафродит, союз всех мужских и женских принципов. — Потер ухо двумя пальцами. — Знаете, где-то триста лет, с тысяча восемьсот девяностых по конец начала космической эры, христианизированная до неприличия колода карт Таро, созданная другом Уильяма Батлера Йейтса, была так популярна, что почти уничтожила изначальные образы.

Лорк наклонил карту, и дифракционные изображения зверей, мигнув, исчезли в таинственных зарослях. Ладонь Мыша на Кейтиновой руке напряглась. Он вопросительно поднял подбородок.

— Звери Апокалипсиса, — ответил Кейтин. Показал через плечо капитана на четыре угла рощи. — Телец, Лев, Орел, а это обезьяноподобное созданьице на заднем плане — карликовый бог Бес, изначально египетский и анатолийский, защитник рожениц, гонитель скаредных, божество щедрое и страшное. Одна его статуя довольно известна: припал к земле, ухмыляется, показывает клыки, совокупляется с львицей.

— Ага, — прошептал Мыш. — Видал я эту статую.

— Честно? Где?

— В музее. — Мыш пожал плечами. — В Стамбуле, наверное. В детстве, меня водил какой-то турист.

— Увы, — задумался Кейтин, — я довольствовался трехмерными голограммами.

— Только он не карлик. Он… — скрежет прервался, Мыш глянул на Кейтина, — в два раза выше тебя будет. — Зрачки Мыша закатились в мгновенном воспоминании, показав прошитый венами белок.

— Капитан фон Рэй, вы Таро знаете хорошо? — спросил

Себастьян.

— Мне гадали на картах всего ничего, — объяснил Лорк. — Матери не нравилось, когда я слушал гадалок, которые выставляли свои столики на улицу, под стыки ветрозащиты. Помню, мне было лет пять-шесть, и я умудрился потеряться. И пока бродил по совсем незнакомому району Ковчега, подошел к гадалкам, и они предсказали мне будущее. — Он засмеялся; Мыш, считывая надвигавшиеся эмоции неверно, ожидал гнева. — Когда я вернулся и рассказал матери, она страшно расстроилась и велела никогда больше так не делать.

— Она знала, что это все глупость! — прошептал Мыш.

— Что сказали карты? — спросил Кейтин.

— Что-то о смерти в семье.

— Кто-нибудь умер?

Глаза Лорка сузились.

— Примерно через месяц моего дядю убили.

Кейтин размышлял над звуками «м». Дядя капитана Лорка фон Рэя?

— Но карты хорошо не знаете вы? — переспросил Себастьян.

— Только названия нескольких… Солнце, Луна, Повешенный. Однако значения не изучал их я никогда.

— А. — Себастьян кивнул. — Первая карта выбранная всегда сами вы. Но Космос — Старших Арканов карта. Человеческое не может существо представлять. Выбирать нельзя ее.

Лорк скривился. Смущение гляделось злостью. Истолковав его превратно, Себастьян умолк.

— Иначе говоря, — продолжил Кейтин, — в колоде Таро пятьдесят шесть карт Младших Арканов — они как пятьдесят две игральные карты, только в числе придворных карт — пажи, рыцари, королевы и короли. Эти отвечают за повседневные дела людей: любовь, смерть, налоги, все такое. Есть еще двадцать две карты: Старшие Арканы, с картами вроде Дурака и Повешенного. Они символизируют первичные космические сущности. И правда — неудобно выбирать одну из них как символ себя.

Лорк пару секунд буравил карту взглядом.

— Почему нет? — Посмотрел на Кейтина. Выражение с лица исчезло. — Мне нравится эта карта. Тййи велела выбрать, и я выбрал.

Себастьян поднял руку:

— Но…

Тонкие пальцы Тййи поймали шерстистые костяшки партнера.

— Выбрал он, — сказала она. Металл ее глаз мигнул Себастьяну и капитану, упал на карту. — Сюда кладите. — Она

жестом велела положить карту. — Капитан любую может какую карту выбрать захочет.

Лорк положил карту на ковер — головой плясуна к себе, ногами к Тййи.

— Космос перевернутый, — пробормотал Кейтин.

Тййи смерила его взглядом:

— Перевернут для тебя, прямой для меня. — Голос резал.

— Капитан, первая выбранная карта ничего не предсказывает, — сказал Кейтин. — Вообще-то, первая карта, которую вы берете, удаляет из расклада все олицетворяемые ею возможности.

— Что она олицетворяет? — спросил Лорк.

— Здесь мужчины и женщины единение, — сказала Тййи. — Меч и кубок, жезл и пентакль сходятся. Завершенность и верный успех означает она; божественного космический дух осознания символизирует. Победу.

— И все это вырезано из моего будущего? — Лорково лицо вновь сложилось в гримасу муки. — Замечательно! Что это за гонка, если я уверен, что меня ждет победа?

— В перевернутом виде она означает одержимость чем-либо, упрямство, — добавил Кейтин. — Отказ от познания…

Тййи одним движением сложила карты. Протянула колоду:

— Ты, Кейтин, гадание закончишь?

— А?.. Я… Ой, я прошу прощения, я не хотел… Да я знаю смысл хорошо если десяти карт. — Кромки его ушей покраснели. — Молчу.

Крыло едва задело пол.

Себастьян встал и натянул поводки. Один зверь затрепетал у него на плече. От дуновения волосы Мыша защекотали лоб.

Теперь стояли все, кроме Лорка и Тййи: они сидели на корточках, Пляшущий Гермафродит между ними.

Тййи опять перетасовала карты и разложила веером, на сей раз лицевой стороной вниз.

— Тяните.

Широкие пальцы с массивными ногтями ткнулись в карту, вытащили:

Строитель застыл перед двойным каменным сводом, к запястьям подключен камнерез. Машина вырезает третью пятиконечную звезду в перекладине. Каменщика и фасад здания заливает свет. Тьма спадает сквозь дверной проем.

— Тройка пентаклей. Покрывает эта карта вас.

Мыш смотрел на капитаново предплечье. Овальный разъем почти терялся под двойной жилой на запястье.

Мыш потрогал разъем на своей руке. Пластиковая вставка в

четверть ширины запястья; оба разъема — одного размера.

Капитан положил тройку пентаклей на Космос.

— Тяните снова.

Карта отделилась, перевернулась:

Черноволосый молодой человек в парчовом жилете и сапогах из тисненой кожи оперся о рукоять меча с украшенной алмазами серебряной ящерицей. Фигура застыла в тени под утесами. Мыш не понял, мальчик это или девочка.

— Паж мечей перевернутый. Пересекает эта карта вас.

Лорк поместил карту на тройку пентаклей, перпендикулярно.

— Тяните снова.

На морском берегу под синим небом с птицами большая рука, торчащая из мглистых завитков, держит пятиконечную звезду в круге.

— Туз пентаклей. — Тййи указала под скрещенные карты; Лорк положил карту туда. — Под вами эта карта лежит. Тяните.

Крупный блондин стоит на каменной дорожке внутри сада. Взгляд обращен вверх, рука поднята. На запястье вот-вот спорхнет красная птица. На плитах двора вырезано девять звезд.

— Девятка пентаклей. — Тййи показала на ворс рядом с комбинацией. — За вами эта карта лежит.

Лорк положил карту.

— Тяните.

Опять вверх ногами:

Меж тяжелыми тучами горит лиловое небо. От молнии загорается верхушка каменной башни. Двое спрыгнули с верхнего балкона. На одном — богатые одежды. Видны даже кольца с драгоценными камнями и золотые кисточки на сандалиях. Второй — в обычном рабочем жилете, босой, бородатый.

— Башня, перевернута! — прошептал Кейтин. — О-о… Я знаю, что… — И осекся под взглядом Тййи и Себастьяна.

Рука Мыша напряглась на предплечье Кейтина еще больше.

— Башня перевернутая. — Тййи поместила палец над комбинацией. — Над вами эта ляжет.

Лорк положил карту, потом вытащил седьмую.

— Двойка мечей перевернутая.

Вверх ногами:

Женщина с повязкой на глазах сидит на стуле у океана, держа на груди два скрещенных меча.

— Перед вами эта ляжет.

Три карты в центре, четыре вокруг: первые семь карт образовали крест.

— Тяните снова.

Лорк вытянул.

— Король мечей. Сюда кладите.

Король лег слева от креста.

— И одну еще.

Лорк вытащил девятую карту.

— Тройка жезлов перевернутая.

Что легла под королем.

— Дьявол…

Кейтин глянул на руку Мыша. Пальцы выгнулись дугой, ноготь мизинца впился Кейтину в плоть.

— …Перевернутый.

Пальцы расслабились; Кейтин снова посмотрел на Тййи.

— Сюда кладите. — (Дьявол вверх ногами лег под жезлами.) — И тяните… Королева мечей. Последнюю карту сюда кладите.

Рядом с крестом появился вертикальный ряд из четырех карт.

Тййи сложила колоду.

Провела пальцами под подбородком. Склонилась над живописными диорамами, и ее локоны цвета железа разбились о плечо.

— Ты видишь тут Князя? — спросил Лорк. — Видишь меня и звезду, за которой я гонюсь?

— Вас вижу я; и Князя. Еще женщина, связана как-то с Князем, с волосами черными…

— Черные волосы, голубые глаза? — сказал Лорк. — У Князя голубые глаза.

Тййи кивнула:

— Ее тоже вижу я.

— Это Лала.

— Карты все мечи и пентакли почти. Денег вижу много я. Еще борьбу тяжелую за них вижу и вокруг них.

— С семью-то тоннами иллирия? — пробурчал Мыш. — Для этого никакие карты…

— *Шшш!* — Это Кейтин.

— Одно хорошее Старших влияние арканов — Дьявол. Ярости карта, революции, борьбы это. Но еще рождение означает духовного понимания она. Пентакли гадания в начале вашего выпали. Они денег карты и богатства. Мечи их перебивают; мощи карты и конфликта. Жезл интеллекта символ и творчества. Хотя жезлов число три и менее, в гадании выходят они высоко. Хорошо это. Но кубков ни одного — эмоций символ и любви особенно они. Плохо. Чтобы хорошо стало, жезлам кубки нужны. — Она подняла карты в середине креста: Космос, тройку пентаклей, пажа мечей. — Тут… — Тййи помолчала; четверо мужчин вдохнули синхронно. — Вы как мир видите себя. Карта вас

покрывающая — о благородстве говорит и аристократии. А также навыках вами обладаемых…

— Вы сказали, что были когда-то гоночным капитаном, верно? — спросил Кейтин.

— Что увеличения жаждете материи вы, карта открывает эта. Но паж вас мечей пересекает.

— Это Князь?

Тййи помотала головой:

— Помоложе человек. Кто-то уже к вам сейчас близкий. Вы знаете кого. Темноволосый, очень молодой мужчина, может быть…

Кейтин уставился на Мыша первым.

— …который между вами как-то и вашей пылающей встанет звездой.

Теперь и Лорк смотрел через плечо.

— Ну, это. Слушайте… — Мыш глядел на всех волчонком. — И что теперь-то? Уволите меня на первой остановке из-за каких-то глупых карт? Думаете, перейду вам дорогу?

— Даже тебя если уволит он, — сказала Тййи, поднимая голову, — ничего это не изменит.

Капитан хлопнул Мыша по ляжке:

— Не бери в голову, Мыш.

— Если вы в них не верите, капитан, к чему терять время, слушая… — И замолк, потому что Тййи вернула карты на место.

— В ближайшем прошлом вашем, — опять заговорила она, — туз пентаклей лежит. Вновь, много денег, но ради цели намеченной.

— Запуск этой экспедиции точно стоил как сто чугунных мостов, — прокомментировал Кейтин.

— До́роги ныне мосты чугунные? — Себастьяновы костяшки почесывали голову одного из питомцев.

— В прошлом далеком девятка пентаклей лежит. Вновь богатства карта. К успеху привычны вы. Было все лучшее только у вас. Но в ближайшем будущем вашем перевернута Башня. В общем означает случае это…

— …Идите сразу в тюрьму. Не пропускайте ход. Не… — уши Кейтина вновь запылали под прищуренным взглядом Тййи, — забирайте двести фунтов @сг. — Он закашлялся.

— Тюремное карта означает эта заключение; большой рушится дом.

— Песенка фон Рэев спета?

— Чей не сказала дом я.

На это Лорк усмехнулся.

— Дальше двойка мечей еще перевернутая лежит.

Неестественной, капитан, опасайтесь страсти.

— А это еще что значит? — прошептал Мыш.

Но Тййи уже перешла от креста из семи карт к ряду из четырех:

— Во главе начинаний король ваших мечей сидит.

— Мой друг Князь?

— Он. На жизнь может вашу повлиять. Сильный он человек и легко к мудрости привести может вас; и к смерти вашей. — Она подняла глаза, внезапно безутешна. — Равно всех жизни нас… Он…

Когда она не продолжила, Лорк спросил:

— Что, Тййи?

Ее голос вдруг успокоился, стал глубже, тверже:

— Под ним…

— Что там было, Тййи?

— …тройка перевернутая жезлов лежит. Помощи предложенной опасайтесь. Лучшая против разочарования защита — ожидание. Основание Дьявол здесь. Но перевернутый. Вы духовное о котором понимание я говорила обретете. В…

— Эй. — Мыш посмотрел на Кейтина. — Что она увидела?

— *Шшш!*

— …борьбе предстоящей личина отпадет вещей. Что с изнанки делается, чудного покажется чуднее. И хотя реальности стены король разрушит мечей, за ними королеву обнаружите мечей вы.

— Это… Лала? Скажи мне, Тййи: ты видишь звезду?

— Не звезду. Женщину только, темноволосую и, как брат, могущественную, лежит ее тень…

— От света какой звезды?

— В ночи лежит тень ее. Звезды вижу в небе я. Но не звезду одну…

— Нет! — Но это был Мыш. — Глупости! Чушь! Пшик, капитан! — Его ноготь впился, и Кейтин отдернул руку. — Ничего она вам ими не предскажет!

Вдруг он качнулся вбок. Нога в ботинке лягнула стаю Себастьяновых тварей. Те восстали и забились, натянув цепочки.

— Эй, Мыш! Что ты…

Босой ногой Мыш проехался по комбинации карт.

— Эй!

Себастьян притянул трепыхающиеся тени к себе:

— Ну, спокойно стойте! — Его рука прошлась от головы к голове, костяшки с большим пальцем размеренно работали за темными ушами и челюстями.

Но Мыш уже шествовал по пандусу над прудом. Сумка била

по бедру с каждым шагом; он исчезал.

— Я пойду за ним, капитан. — Кейтин бросился к пандусу.

У сандалий Себастьяна унимались крылья; Лорк встал.

Тййи на коленях подбирала рассеянные карты.

— Вас двоих ставлю на крылья я. Линкея подмените и Идаса. — Как юмор превращался в боль, так и тревога — в насмешку. — Вы к себе идите.

Когда Тййи поднялась, капитан взял ее руку. Ее лицо переменилось трижды, резко: удивление, страх и новая перемена, когда Тййи разглядела гримасу Лорка.

— За прочитанное в картах тобой, Тййи, тебя благодарю.

Себастьян забрал ее руку из капитановой.

— И вновь тебя благодарю.

В коридоре по пути к мостику «Птицы Рух» спроецированные звезды блуждали по черной стене. Под синей сидел, скрестив ноги, Мыш, сумка на животе. Пальцы лепили что-то из ее кожи. Мыш не сводил глаз с кружащихся огоньков.

Кейтин шагал по проходу, сложив руки за спиной.

— Сдурел, что ли? — дружески вопросил он.

Мыш откинул голову и поймал взглядом звезду, что выплыла из Кейтинова уха.

— Тебе как будто нравится осложнять себе жизнь.

Звезда сползла по стене, растворилась в полу.

— И кстати, что за карту ты заныкал в сумке?

Мышовы глаза моментально вернулись к Кейтиновым. Он моргнул.

— От меня эти штучки не утаишь. — Кейтин оперся о стену в крапинках звезд. Потолочный проектор, воспроизводивший наружный мрак, усеял световыми точками его короткое широкое лицо и длинный плоский живот. — Не лучший способ снискать расположение капитана. Странные у тебя представления, Мыш… признаю́, я просто заворожен. Скажи мне кто, что я сегодня, в тридцать втором веке, буду работать в одной команде с человеком, который по-честному скептически смотрит на Таро, — да я бы в жизни не поверил. Ты точно с Земли?

— Да, я с Земли.

Кейтин укусил костяшку.

— Если вдуматься, сомневаюсь, что такие ископаемые представления могут сохраниться где-то, *кроме* Земли. Как только появляются люди эпохи великих звездных миграций, развиваются и культуры, достаточно утонченные, чтобы понимать Таро. Не удивлюсь, если в каком-нибудь городке посреди верхнемонгольской пустыни люди по сей день считают, будто

Земля болтается по блюду на спине слона, стоящего на змée, свернувшемся кольцами на черепахе, плывущей по морю вечности. Я где-то даже рад, что родился не на Земле, при всем ее очаровании. Она клепает потрясающих невротиков. В Гарварде был тип… — Он запнулся и посмотрел на Мыша. — Забавный ты парень. Вот он ты, пилот звездной фуры, продукт технологии тридцать второго столетия, и в то же время в твоей голове полным-полно, горстями черпай, окаменелых идей, устаревших тысячу лет как. Дай позырить, что ты там увел?

Мыш вклинил предплечье в сумку, извлек карту. Оглядывал ее спереди и сзади, пока Кейтин, нагнувшись, ее не забрал.

— Ты помнишь, кто велел тебе не верить в Таро? — Кейтин осматривал карту.

— Моя… — Мыш взялся за краешек сумки, сдавил. — Та женщина. Когда я был совсем пацан, пять лет, шесть.

— Тоже цыганка?

— Ага. Она обо мне заботилась. У нее тоже были карты как у Тййи. Только не три-дэ. И старинные. Когда мы ездили по Франции и Италии, она гадала разным людям. Знала о картах все, какие картинки что значат и вообще. И она мне сказала. Что бы кто тебе ни говорил, сказала, все туфта. Сплошное вранье, ничего не значит. Сказала, это цыгане научили Таро остальных.

— Что верно. Видимо, цыгане принесли их с Востока на Запад в одиннадцатом и двенадцатом веках. И уж точно помогли распространить их по Европе в следующие пятьсот лет.

— Она так и говорила: сначала карты были у цыган и цыгане знали, что это вранье. Не верь картам, никогда.

Кейтин улыбнулся:

— Весьма романтическое понимание. Оно и мне нравится: идея, что все эти символы, просеянные через сито пяти тысяч лет мифологии, по сути своей бессмыслица и не влияют на сознание и поступки человека, чуток отдает нигилизмом. К сожалению, я знаю об этих символах слишком много, чтобы так думать. И все-таки интересно, что ты скажешь. Значит, эта женщина, у которой ты жил в детстве, гадала по картам Таро, но настаивала, что это все вранье?

— Ага. — Мыш перестал терзать сумку. — Только…

— Только — что? — спросил Кейтин, когда Мыш не стал продолжать.

— Только как-то ночью… незадолго до конца. Чужаков не было, одни цыгане. Мы ждали в пещере… ночью. Все были перепуганы, что-то должно было случиться. Они шептались, а когда мимо шли дети, замолкали. И той ночью она гадала на картах… только это была не туфта. И они все сидели вокруг

костра во тьме, слушали, как она гадает. А утром кто-то меня разбудил, рано-рано, солнце едва поднялось над городом между горами. Все уходили. Я не пошел с мамой… той женщиной, которая гадала. Больше я никого из них не видел. Те, с которыми я ушел, скоро пропали. В итоге я добирался до Турции один. — Мыш щупал сирингу под кожей сумки. — Но ночью, когда она гадала на картах при свете костра, помню, я жутко боялся. И они тоже боялись, все. И ни о чем нам не говорили. Но боялись настолько, что решили спросить у карт… хотя и знали, что это все туфта.

— Видно, когда дело пахнет жареным, люди обращаются к здравому смыслу и отбрасывают суеверия, лишь бы спасти свою шкуру. — Кейтин хмурился. — Что это было, как думаешь?

Мыш пожал плечами:

— Наверное, кто-то нас преследовал. Сам знаешь, как с цыганами. Все думают, цыгане воруют. Мы и воровали. Может, на нас ополчились горожане. На Земле цыган никто не любит. Потому что мы не работаем.

— *Ты* еще как работаешь, Мыш. Оттого-то я и удивился, чего ты так взъерепенился на Тййи. Того и гляди профукаешь репутацию.

— Я перестал жить в таборе, когда мне было семь или восемь. И у меня разъемы. Хотя они только с Академии астронавтов, ну, Куперовки, с Мельбурна.

— Правда? То есть тебе было уже пятнадцать-шестнадцать. Реально *поздновато*. Мы на Луне получаем их в три-четыре года, чтобы подключаться к обучающим компьютерам в школе. — Кейтин вдруг сосредоточился. — Погоди, то есть что — целая группа взрослых мужчин и женщин, с детьми, бродила из города в город, из страны в страну, на Земле, *без* разъемов?

— Ага, ну, так и было.

— Без разъемов ты почти никем работать и не можешь.

— Да понятно.

— Ничего удивительного, что цыган преследовали. Группа странствующих взрослых без возможностей воткнуться! — Кейтин потряс головой. — Но почему их у вас не было?

— Так цыгане же. У нас их никогда не было. Мы и не хотели. Я сделал, потому что стал сам по себе, и… ну, видимо, так было легче. — Мыш свесил кисти с коленей. — Но все равно это никакая не причина приходить и выгонять нас из города, где встал табор. Один раз, помню, двух цыган поймали и убили. Измолотили до полусмерти, отрезали руки и повесили вниз головой на деревьях, чтоб истекли кровью…

— Мыш!.. — Лицо Кейтина скрутилось.

— Я был ребенок. Но я помню. Может, поэтому мама в итоге решила спросить у карт, что делать, хотя сама им не верила. Может, поэтому мы разделились.

— Только в Драконе, — сказал Кейтин. — Только на Земле.

К нему повернулось темное лицо.

— Почему, Кейтин? Давай скажи мне. Почему они так с нами делали. — Вопросительного знака в конце его предложения просто не было. Там повисла только сиплая ненависть.

— Потому что люди тупые и узколобые и боятся всего, что на них не похоже. — Кейтин закрыл глаза. — Поэтому лично я предпочитаю луны. Даже на большой луне сложно собрать столько народу, чтобы произошло такое вот. — (Глаза открылись.) — Мыш, подумай вот о чем. У капитана фон Рэя есть разъемы. Он один из богатейших людей Вселенной. И такие же — у любого шахтера, дворника, бармена, деловода… да и у тебя. В Федерации Плеяд, во Внешних Колониях это абсолютно кросскультурный феномен — часть философии, в которой все машины суть прямое продолжение человека, эту философию приняли все социальные уровни еще при Эштоне Кларке. До нашей беседы я считал, что это абсолютно кросскультурный феномен и на Земле тоже. Пока ты не напомнил мне, что на нашей странной прародительской планете некие невероятные культурные анахронизмы умудрились доковылять аж до сегодня. Но что группа неразъемных цыган, обнищалых, пытающихся найти работу там, где ее нет, предсказывающих будущее методом, который они перестали понимать в принципе, в то время как прочая вселенная сумела достичь понимания, каким обладали предки этих цыган полторы тысячи лет назад… да появление в городе евнухов-разбойников не разозлило бы так обычного разъемного рабочего или рабочую. Евнухи? Втыкая в большую машину, мы говорим, что штырим; ты не поверишь, откуда взялось это слово. Нет, я не постигаю, почему это случилось. Но я немного постигаю как. — Потряс головой. — Забавное место — Земля. Я учился там в универе, четыре года, и только начал понимать, сколько всего не понимаю. Те из нас, кто родился где-то еще, наверное, никогда не разберутся в ней до конца. По-моему, даже в остальном Драконе мы живем куда проще. — Кейтин взглянул на карту в руке. — Ты знаешь название карты, которую увел?

Мыш кивнул:

— Солнце.

— Видишь ли, если ты общипываешь колоду, гадать становится затруднительно. Капитану так хотелось увидеть эту карту.

— Знаю. — Мыш пробежался пальцами по ремешку сумки. — Карты уже сказали, что я встану между капитаном и его солнцем; а я только-только выщипнул карту из колоды. — Он покачал головой.

Кейтин протянул карту ему:

— Может, вернешь? Заодно будет повод извиниться за все, что ты устроил.

Мыш полминуты смотрел в пол. Потом встал, взял карту и пошел по коридору.

Кейтин посмотрел, как он заворачивает за угол. Сложил руки на груди и уронил голову, задумавшись. И разум его поплыл к бледной пыли хранимых в памяти лун.

Кейтин думал мысль в тихом проходе; наконец он закрыл глаза. Что-то дернуло его за ляжку.

Открыл.

— Эй…

Линкей (с Идасом — тенью у плеча) подошел к нему и теперь тянул из кармана записчик на цепочке. Взвесил в руке украшенную драгоценными камнями коробочку.

— Что эта…

— …штука делает? — закончил Идас.

— Вернуть не хотите? — Фундамент Кейтиновой досады заложило прерывание мыслей. Строилась она на развязности этих двоих.

— Мы видели, ты возился с ней в порту. — Идас принял записчик из белых пальцев брата…

— Слушайте… — начал Кейтин.

…и передал Кейтину.

— Спасибо. — Он сунул было записчик обратно в карман.

— Покажи нам, как он работает…

— …и что ты с ним делаешь?

Кейтин замешкался, показал записчик на ладони:

— Всего лишь матричный записчик, я диктую в него заметки и складирую. Я пишу на нем роман.

Идас сказал:

— Эй, я знаю, что это…

— …я тоже. Зачем тебе…

— …на фига тебе такое…

— …почему ты не создашь психораму…

— …куда легче. А мы…

— …в нем есть?

Кейтин начал отвечать сразу четырьмя фразами. И рассмеялся:

— Слушайте, вы, вознесенные до звезд солонка и перечница, я не могу думать вот так! — Он чуть поразмыслил. — Не знаю, почему я хочу написать роман. Наверняка легче было бы создать психораму, будь у меня аппаратура, деньги и связи в психорамной студии. Но это не то, чего я хочу. И я понятия не имею, будете вы «в нем» или нет. Я еще не начинал думать о теме. Пока что делаю заметки о форме. — (Они помрачнели.) — О структуре, эстетике всего проекта. Нельзя просто сесть и сочинять, знаете ли. Надо думать. Роман — форма искусства. Я должен целиком переизобрести ее прежде, чем смогу написать. То, что *я* хочу написать, во всяком случае.

— А, — сказал Линкей.

— Ты уверен, что знаешь, что такое роман…

— …конечно, да. Ты переживал «Войну…»

— «…и мир». Ага. Но это психорама…

— …с Чхе Он в роли Наташи. Но она была…

— …сделана по роману? Точно, я…

— …вспомнил?

— Эм-хм. — Идас темно кивнул позади брата. — Только… — обратился к Кейтину, — как это ты не знаешь, о чем хочешь писать?

Кейтин пожал плечами.

— Тогда, может, напишешь о нас, раз еще не знаешь, что…

— …а мы можем его засудить, если скажет что-то не то…

— Эй, — перебил Кейтин. — Я должен найти тему, которая выдержит роман. Повторяю, я не могу сказать, будете вы в нем или нет…

— …чего там у тебя вообще? — говорил Идас из-за плеча Линкея.

— А? Я же сказал, заметки. Для книги.

— Послушаем.

— Ну, парни, вы не…

Он пожал плечами. Настроил рубиновые оси на верхней панели записчика, щелкнул на воспроизведение:

— «Заметка самому себе номер пять тысяч триста семь. Не забывай, что роман — не важно, до какой степени откровенный, психологический или субъективный, — всегда есть историческая проекция своей эпохи. — Голос слишком тонок и слишком быстр. Но так проще переслушивать. — Чтобы создать книгу, я должен осознавать концепцию истории моего времени».

Рука Идаса — черный эполет на плече брата. Глаза как кора и коралл; близнецы морщились, подстраивая внимание.

— «История? Тридцать шесть столетий назад ее изобрели Геродот и Фукидид. Определили как изучение всего того, что

случалось на протяжении их жизней. И следующие тысячу лет она только такой и была. Через шестнадцать столетий после греков в Константинополе Анна Комнина по-легистски блистательно (и, по сути, на том же языке, что и Геродот) сочинила историю как исследование задокументированных человеческих действий. Сомневаюсь, что эта очаровательная византийка думала, будто что-то совершается, только если об этом написали. Но в Византии происшествия вне хроники просто не считались отделом истории. Преобразилась вся концепция. Спустя еще тысячу лет мы достигли столетия, которое началось назреванием первого планетарного конфликта и завершилось назреванием первого межпланетного. Каким-то образом возникла теория, по которой история — серия циклических подъемов и падений и одна цивилизация овладевает другой. События, которые не вписывались в цикл, определялись как исторически несущественные. Нам сегодня сложно оценить разницу между Шпенглером и Тойнби, хотя все описания в один голос твердят, что в то время их подходы считались диаметрально противоположными. Нам представляется, что они лишь словесно эквилибрировали на тему, когда и где начался какой-либо цикл. Теперь, когда минула еще тысяча лет, нам приходится сражаться с Де Айлинг и Броблином, 34-Элвин и Креспбургским отчетом. Они принадлежат одной эпохе, и я знаю, что в них наверняка содержится один взгляд на историю. Но сколько мерцающих зорь перевидал я за доками „Чарльза“, крадучись и взвешивая, придерживаться мне сондеровской теории интегральной исторической конвекции — или остаться все-таки с Броблином. Однако я вижу достаточно, чтобы знать: еще через тысячу лет эти различия будут казаться мелкими, как противостояние двух средневековых богословов, спорящих, двенадцать или двадцать четыре ангела могут танцевать на кончике иглы… Заметка самому себе номер пять тысяч триста восемь. Никогда не отпускай узор облетевших платанов на киновари…»

Кейтин щелчком вырубил записчик.

— А, — сказал Линкей. — Это было странно…

— …интересно, — сказал Идас. — И удалось тебе понять…

— …он имеет в виду насчет истории…

— …историческую концепцию нашей эпохи?

— Ну, вообще-то, да. Довольно, кстати, любопытная теория. Если хотите…

— Наверняка очень сложно, — сказал Идас. — То есть…

— …уразуметь ее ныне живущим…

— Как ни удивительно, нет. — (Кейтин.) — Нужно только осознать, как мы смотрим на…

— …может, для живущих позднее…

— …это будет не так трудно…

— Правда. Вы не замечали, — (снова Кейтин), — что социальную матрицу воспринимают так, будто она…

— Мы особо не разбираемся в истории. — Линкей почесал серебряную шерсть. — Вряд ли…

— …мы сейчас поймем…

— Конечно поймете! — (Кейтин *анкор.*) — Я могу объяснить на…

— …может, потом…

— …в будущем…

— …станет проще.

Темная и белая улыбки закивали ему ни с того ни с сего. Близнецы развернулись и пошли прочь.

— Эй, — сказал Кейтин. — Вы не?.. Ну то есть — я могу объя… — Потом: — А.

Он помрачнел и подбоченился, глядя, как близнецы семенят по коридору. Черная спина Идаса — экран для фрагментированных созвездий. Мгновение спустя Кейтин поднял записчик, щелкнул по рубиновым зернышкам и тихо сказал:

— Заметка самому себе номер двенадцать тысяч восемьсот десять: разумность порождает отчуждение и несчастье в… — Остановил запись. Моргая, посмотрел вслед близнецам.

— Капитан?

На верху лестницы Лорк отдернул руку от двери и глянул вниз.

Мыш подцепил большим пальцем прореху в боку штанов и почесал ляжку.

— Э-э… капитан? — Он вытащил из сумки карту. — Вот ваша звезда.

Ржавые брови свились в тени.

Желтые глаза навели свои огни на Мыша.

— Я… э-э… одолжил ее у Тййи. Я верну…

— Иди-ка сюда, Мыш.

— Да, сэр.

Мыш побрел по крученым ступеням. Рябь плескалась о кромку пруда. Образ восходящего Мыша искрил на стене за филодендронами. Босая подошва и каблук сапога синкопировали походку.

Лорк отворил дверь. Они вошли в покои капитана.

Первая мысль Мыша: его каюта ничуть не просторней моей.

Вторая, его же: в ней куда больше всего.

Кроме компьютеров, здесь имелись проекторные экраны на

стенах, полу и потолке. Ничто из механического сумбура не выдавало личность хозяина — даже граффити.

— Посмотрим на карту. — Лорк сел на провода, кольцами свернутые на кушетке, и вгляделся в диораму.

Не получивший приглашения сесть на кушетку Мыш отпихнул ящик с инструментом и рухнул, скрестив ноги, на пол.

Вдруг колени Лорка широко разошлись; он вытянул кулаки; передернул плечами; мышцы лица смялись. Спазм прошел, и капитан снова сел прямо. Вдохнул так глубоко, что натянулась шнуровка на животе.

— Садись сюда. — Похлопал по краю кушетки.

Но Мыш просто переметнулся по полу так, чтобы сесть у Лорковой ноги.

Лорк нагнулся и положил карту на пол:

— Эту карту ты и украл? — То, что было его недовольством, растеклось морщинами по лицу. (Но Мыш глядел на карту.) — Будь это первая экспедиция, которую я собрал, чтоб пробуравить звезду… — Лорк рассмеялся. — Шесть тренированных до хруста мужчин изучали операцию под гипнозом, знали расписание всего проекта как биение собственных сердец, взаимодействовали тесно, как слои биметаллической пластины. Кражи на корабле?.. — Он рассмеялся снова, медленно тряся головой. — Как я в них был уверен. И в Дане я был уверенней всего. — Он поймал Мышову шевелюру, нежно покачал голову парня. — Этот экипаж мне нравится больше. — Показал на карту. — Что ты здесь видишь, Мыш?

— В общем, по-моему… два мальчика играют под…

— Играют? — спросил Лорк. — Думаешь, они играют?

Мыш распрямился, обнял сумку.

— Капитан, что видите вы?

— Два мальчика, сцепившие руки для драки. Видишь, один светлый, другой темный? Я вижу любовь против смерти, свет против мрака, хаос против порядка. Я вижу стычку всех оппозиций под… звездой. Я вижу Князя и себя.

— Кто тут кто?

— Не знаю, Мыш.

— Что за человек Князь Красный, капитан?

Левый кулак Лорка грузно плюхнулся в гамак правой ладони.

— Ты видел его на смотровом экране в цвете и три-дэ. Тебе мало? Богат, как Крёз, избалованный психопат; у него одна рука и сестра такая красивая, что я… — (Груз и гамак разошлись.) — Ты с Земли, Мыш. С того же мира, что и Князь. Я гостил там много раз, но никогда не жил. Может, ты знаешь. Зачем землянину, когда ему доступно все, что выжимается из богатства Дракона,

мальчику, юноше и мужчине, быть… — Голос защемило; опять груз и гамак. — Ладно. Вынимай свою адскую шарманку и сыграй мне что-нибудь. Давай. Я хочу видеть и слышать.

Мыш порылся в сумке. Одна рука на деревянном грифе, другая скользит под изгиб и полировку; Мыш закрыл пальцы, и рот, и глаза. Концентрация сделалась угрюмостью; потом — освобождением.

— Говорите, он однорукий?

— Под черной перчаткой, которой он столь мелодраматично раздавил смотровик, ничего нет, кроме часового механизма.

— Значит, у него нет и разъема, — продолжил Мыш шершавым шепотом. — Не знаю, как с этим там, откуда вы родом; на Земле это примерно худшее, что может с вами случиться. Капитан, мой народ был неразъемен, и Кейтин только что кончил объяснять, почему я из-за этого такой дрянной. — (Из сумки появилась сиринга.) — Что вам сыграть? — Он рискнул взять пару нот, тройку огоньков.

Но Лорк вновь уставился на карту.

— Просто играй. Скоро надо будет воткнуться, чтоб доплыть до Алкана. Давай. Быстрее. Играй, я сказал.

Мышова рука упала на…

— Мыш?

…и убралась, не ударив.

— Почему ты украл *эту* карту?

Мыш пожал плечами:

— Она просто лежала рядом. Упала на ковер возле меня.

— А если б это была другая карта — двойка кубков, девятка жезлов, — ты бы ее подобрал?

— Я… наверное.

— Ты уверен, что в этой карте нет ничего особенного? Если бы она была другой, ты бы оставил ее лежать, вернул бы?..

Откуда он взялся — Мыш не знал. Но — снова страх. Чтобы его перебороть, Мыш перекрутился и поймал Лорково колено.

— Слушайте, капитан. Что бы там карты ни говорили… *я помогу* вам добраться до звезды, да? Я буду рядом с вами, и в этой гонке вы победите. Наплюйте вы на то, что говорит эта чокнутая!

Все время разговора Лорк был поглощен собой. Теперь он серьезно глядел на смуглую угрюмость.

— Ты, главное, не забудь отдать этой чокнутой ее карту, когда пойдешь восвояси. Скоро будем на Ворписе.

Напряженность обвалилась под собственным весом. Темные губы разорвал шершавый смех:

— Я все-таки думаю, капитан, они играют. — Мыш

повернулся спиной к кушетке. Водрузив босую ногу на сандалию Лорка, точь-в-точь как щенок при хозяине, он ударил.

Замигали над машинами огоньки, медные и изумрудные, отзываясь на почти клавесинные арпеджио; Лорк глядел на мальчика у своего колена. С ним происходило нечто. Причины он не знал. Но впервые за долгое время он смотрел на кого-то еще по причинам, никак не связанным со звездой. Он не ведал, что́ видит. И все-таки расслабился и глядел, что творит Мыш.

Почти заполняя каюту, цыган кружил мириады огоньков цвета пламени вкруг огромной сферы под ритм крошащихся фигур суровой и диссонансной фуги.

Глава пятая

Мир?

Ворпис.

Мир, в котором столько всего внутри, снаружи…

— Добро пожаловать, странники…

…а вот луна, думал Кейтин, когда они шли с космодрома сквозь пылающие зарей ворота, — луна дорожит серой красой, миниатюрами в камне и пыли.

— …в ворписском дне тридцать три часа, сила тяжести велика ровно настолько, чтоб участился на три процента пульс типового землянина в шестичасовой период акклиматизации…

Мимо плыла стометровая колонна. Отшлифованная рассветом чешуя кровоточит дымкой, окутавшей плато: Змей, оживший и механический, символ всего засыпанного блестками сектора ночи, извивается на своем столбе. Команда ступила на движущийся тротуар; сплюснутое солнце подрумянило гематомы ночи.

— …четыре города и более пяти миллионов жителей. Ворпис производит пятнадцать процентов всего динапластика Дракона. В экваториальных лавидовых зонах добываются из жидкого камня почти сорок минералов. Здесь, в полярных тропиках, в каньонах между плато сетевые наездники охотятся на аролата, а также на аквалата. Ворпис знаменит на всю галактику благодаря Алкан-Институту, расположенному в столице Северного полушария, Фениксе…

Они вышли из зоны инфогласа и зашагали в тишине. Траволатор понес их от ступеней; Лорк в окружении команды уставился на площадь.

— Капитан, направляемся куда? — Себастьян захватил с корабля только одного питомца; тот колыхался и топтался по рельефному плечу.

— Доедем на калигобусе до города — и прямиком в Алкан. Кто хочет — идет со мной, или гуляет по музею, или шатается пару часов по городу. Кто хочет остаться на корабле…

— …и упустить шанс увидеть Алкан?..

— …разве вход туда не дорог?..

— …но у капитана там работает тетушка…

— …значит, попадем бесплатно, — закончил Идас.

— Об этом не тревожьтесь, — сказал Лорк; они пандусом сбежали на пирсы с пришвартованными калигобусами.

Полярный Ворпис покрывают скалистые месы, многие — площадью в несколько квадратных миль. Между ними, не

смешиваясь с азот-кислородной атмосферой сверху, струятся и плещутся тяжелые туманы. Порошковый оксид алюминия и сульфат мышьяка исторгаются с яростной поверхности планеты и в углеводородных испарениях роятся среди мес. За столовой горой, помещающей космодром, виднеется еще одна, с культурными растениями: их родина — широта Ворписа поюжнее, но здесь их разводят в природном парке (жженая сиена, ржа, пламя). На крупнейшей месе стоит Феникс.

Калигобусы — инерционные самолеты на статических разрядах, возникающих между положительно ионизированной атмосферой и отрицательно ионизированным оксидом — лодками бороздят поверхность тумана.

На вокзале дрейфуют под прозрачной кладкой цифры, указывающие время отправления, за ними стрелки ведут толпу к погрузочному пирсу:

ПАРК АНДРОМЕДЫ — ФЕНИКС — МОНКЛЕР

и гигантская птица, сочась огнем, плывет через мультицвет под ботинками, босыми ногами и сандалиями.

На палубе калигобуса Кейтин облокотился о перила и глядел сквозь пластиковую стену, а белые волны, потрескивая, раскручивались вокруг солнца и бились о борт корабля.

— Ты никогда не думал, — сказал Кейтин Мышу; тот поднимался, посасывая леденец, — как тяжко пришлось бы человеку из прошлого, попади он в будущее? Вообрази того, кто умер, скажем, в двадцать шестом веке — и воскрес здесь. Ты понимаешь, в какой ужас и смятение он пришел бы, просто ходя туда-сюда по калигобусу?

— Ага? — Мыш вынул леденец изо рта. — Хочешь дососать? Я уже все.

— Спасибо. Возьми хоть вопрос… — челюсти Кейтина заколдобились, зубы крошили кристаллический сахар на льняной нити, — чистоты. Был тысячелетний период с шестнадцатого по двадцать шестой век, когда люди тратили тучу времени и энергии, чтобы все было *чистым*. Он кончился, когда последняя инфекционная болезнь стала не просто излечимой, но и невозможной. Существовало невероятие под названием «простуда», которой еще в две тысячи пятисотых ты как пить дать хоть раз в год да болел. Допустим, в то время для фетиша была уважительная причина: вроде имелась корреляция между грязью

и болезнью. Но когда заражение сделалось отжившей проблемой, равно отжившей стала и санитария. Если бы наш человек из две тысячи пятисотых увидел, как ты гуляешь по палубе, одна нога обута, другая босая, а потом садишься и ешь той же ногой, не потрудясь ее помыть… ты хоть понимаешь, как он изумился бы?

— Ты серьезно?

Кейтин кивнул.

Туман разбился о скальный столб, заискрился.

— Идея нанести визит в Алкан вдохновила меня, Мыш. Я разрабатываю цельную теорию истории. В сопряжении с моим романом. Не возражаешь, если я займу пару твоих минут? Объясню. Мне тут подумалось, что если рассмотреть… — Он умолк.

Паузы хватило, чтобы Мыш несколько раз переменился в лице.

— Ну и чего? — спросил он, решив, что Кейтина отвлекла вовсе не клокочущая серость. — Что там с твоей теорией?

— …Циана фон Рэй Морган!

— Что?

— *Кто*, Мыш. Циана фон Рэй Морган. Мне пришла вконец облическая мысль: я только что понял, кто эта тетя капитана, куратор в Алкане. Когда Тййи гадала на Таро, капитан упомянул дядю, которого убили, когда он был ребенком.

Мыш нахмурился:

— Ага…

Кейтин потряс головой в показном изумлении.

— Кто *что*? — спросил Мыш.

— Морган и Андервуд.

Мыш глянул вниз, вбок и в других направлениях, где люди ищут потерянные ассоциации.

— Видимо, это случилось до твоего рождения, — сказал Кейтин наконец. — Но ты наверняка что-то слышал — или видел где-нибудь. Весь процесс от начала до конца транслировался на галактику по психораме. Мне было всего три года, но…

— Морган убил Андервуда! — воскликнул Мыш.

— Андервуд, — сказал Кейтин, — убил Моргана. Но в принципе — да.

— На Ковчеге, — сказал Мыш. — В Плеядах.

— И миллиарды по всей галактике прочувствовали процесс по психораме. Нет, мне точно было не больше трех. Я был дома, на Селене, смотрел с родителями инаугурацию, когда этот невероятный тип в синем жилете выломился из толпы и понесся по площади Хронаики с проводом в руке.

— Его задушили! — воскликнул Мыш. — Моргана задушили!

Я это психорамил! Один раз в Марс-Сити, в последний год, когда ходил по треугольнику, я познал эту историю, наспех. Как часть какой-то другой документалки.

— Андервуд почти отчекрыжил Моргану голову, — осветил вопрос Кейтин. — Сколько я ни видел повторов, саму смерть всегда вырезают. Но пять миллиардов с гаком испытали все эмоции человека, которого должны во второй раз привести к присяге как Секретаря Плеяд, а некий псих вдруг его атакует и убивает. Мы все ощутили, как Андервуд навалился нам на спины; мы слышали крик Цианы Морган и чувствовали, как она пытается оттащить убийцу; мы слышали, как делегат Кол Сюн вопит о третьем телохранителе — этой части обязано всей неразберихой последующее расследование, — и мы ощутили, как Андервуд оплетает проводом наши шеи, как врезается в них удавка; мы били правыми руками, а наши левые схватила миссис Тай. И мы умерли. — Кейтин тряхнул головой. — Потом тупой оператор проектора — именем Наибн'н, благодаря его идиотизму шайка фанатиков едва не выжгла ему мозги, уверившись, что он участник заговора, — наставил психомат на Циану — вместо террориста, чтобы мы поняли, кто он и куда идет, — и следующие тридцать секунд мы все перебывали бьющейся в истерике женщиной, которая пала на землю и стиснула истекающий кровью труп мужа среди замешательства бьющихся в такой же истерике дипломатов, делегатов и патрульных, глядевших, как Андервуд верткой змеей пролагает путь сквозь толпу и в конце концов исчезает.

— Эту часть в Марс-Сити не показывали. Но я помню Морганову жену. Она и есть тетя капитана?

— Видимо, сестра отца.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, во-первых, имя, фон Рэй Морган. Помню, я читал когда-то, семь или восемь лет тому, что она имела отношение к Алкану. Судя по всему, это женщина блестящего ума и великой чуткости. Первые лет десять после убийства она была в центре внимания той ужасно изысканной части общества, что вечно где-то между Драконом и Плеядами; ее видели на Пламенном пляже Чобе-Мира, она и две ее дочурки мельком показывались на какой-нибудь космической регате. Она кучу времени проводила с кузиной Лайле Сельвин — та и сама была один срок секретарем Федерации Плеяд. Новостные ленты прямо-таки застряли между желанием держать ее в прицеле на краю скандала и уважением ко всей этой жути с Морганом. Сегодня, если она является на арт-открытие или светскую тусовку, об этом еще говорят, хотя в последние годы от нее чуть отстали. Если она и правда куратор в

Алкане, видимо, это увлекло ее настолько, что она наплевала на огласку.

— Я о ней слыхал. — Мыш кивнул, наконец-то подняв глаза.

— Одно время она была, я бы сказал, самой известной женщиной галактики.

— Думаешь, мы с ней встретимся?

— Эй, — сказал Кейтин, держась за перила и откидываясь, — вот это был бы номер! Вдруг я смогу смастерить роман про убийство Моргана, типа — из современной истории?

— А, ну да, — сказал Мыш. — Твоя книга.

— Меня сдерживает то, что никак не находится тема. Любопытно, что скажет миссис Морган. И нет, я не стану подражать сенсационным репортажам, которые сразу после события появлялись в психорамах. Я бы постарался создать взвешенное, обдуманное произведение искусства, с сюжетом, который травмировал веру целого поколения в упорядоченный и рациональный мир человеческой…

— Кто, говоришь, кого убил?

— Андервуд — знаешь, я только сейчас понял, ему тогда было столько, сколько мне сейчас, — задушил секретаря Моргана.

— Просто я не хочу ошибиться, ну, когда мы с ней встретимся. Его поймали, да?

— Он прожил на свободе два дня, дважды приходил с повинной и оба раза получил от ворот поворот, как и тыща двести с чем-то людей, признавшихся в преступлении в первые сорок восемь часов. Он добрался аж до космодрома, планировал отплыть к своим двум женам на шахтерской станции Внешних Колоний, но был задержан департаментом эмиграции. Да тут материала на десять романов! Мне нужна исторически значимая тема. Так у меня хоть появится шанс поведать о моей теории. Которая, я как раз хотел сказать…

— Кейтин?

— Э-э… да? — Взгляд упал с медных туч обратно на Мыша.

— Что это такое?

— А?

— Вон.

В изломанных холмах тумана блеснул металл. Зарябила, всплывая в волнах, черная сеть. Футах в тридцати вынырнула из тумана. Цепляясь за ее середину руками и ступнями — развевается жилет, хлещут по ветру черные волосы вокруг маски на лице, — человек верхом на сети скакнул во впадину, и его скрыла мгла.

— Полагаю, — сказал Кейтин, — сетевой наездник охотится в каньоне между плато на обитающего здесь аролата — а возможно,

аквалата.

— Да? Ты тут уже бывал…

— Нет. В универе я познал десятки выставок Алкана. С ним изосенсорны почти все крупные вузы. Но сам сюда не летал. Просто я слушал инфоглас на дроме.

— А.

Еще два наездника всплыли на своих сетях. Туман заискрил. Стоило им ухнуть вниз, как показались четвертый и пятый, потом шестой.

— Кажись, целая стая.

Наездники на сетях колыхали туман — взлетая, искрясь, исчезая, проявляясь вновь.

— Сети, — задумался Кейтин. Перегнулся через перила. — Великая сеть, что раскинулась меж звезд, сквозь время… — Он говорил медленно, тихо. — *Моя* теория: если воспринимать социумы как… — Он обернулся на звук, дунувший из-за спины ветерком.

Мыш достал сирингу. Из-под темных и дрожащих пальцев тянулись, вращаясь и сплетаясь, серые полоски света.

Сквозь имитацию тумана проблескивают, восходя по гексатонической мелодии, золотые сети. Воздух звонок и свеж. Запах ветра — но не его давление.

Три, пять, десять пассажиров собрались посмотреть. За перилами вновь возникли сетевые наездники, и кто-то, сообразив, чем вдохновляется мальчик, протянул: «Ой, я понял, что́ он…» — и затих, потому что другие тоже поняли.

Кончилось.

— Сыграл ты прекрасно!

Мыш поднял глаза. Тййи стояла, полускрыта Себастьяном.

— Спасибо. — Он усмехнулся, стал запихивать инструмент в сумку. — Уй. — Увидел что-то, снова поднял глаза. — У меня для тебя… — Пошуровал в сумке. — Нашел на полу, на «Птице Рух». Видно… ты уронила?

Мыш глянул на Кейтина и застал исчезающее неодобрение. Потом посмотрел на Тййи и почувствовал, что улыбается в свете ее улыбки.

— Тебя я благодарю. — Она сунула карту в накладной карман жилета. — Картой ты насладился?

— А?

— На каждую надо медитировать карту, чтобы пользу извлечь.

— Медитировал ты? — спросил Себастьян.

— О да. Битый час ее разглядывал. Мы с капитаном.

— Хорошо это. — Тййи улыбнулась.

Но Мыш возился с ремешком.

В Фениксе Кейтин спросил:

— Ты правда не хочешь с нами?

Мыш опять повозился с ремешком.

— Не-а.

Кейтин вздохнул:

— По-моему, тебе бы понравилось.

— Я бывал в музеях. Хочу просто погулять по городу.

— Ну, — сказал Кейтин. — Ладно. Увидимся, когда вернемся в порт.

Он развернулся, побежал по каменной лесенке за капитаном и командой. Они шагнули на автопандус, и тот понес их сквозь утесы к сияющему Фениксу.

Мыш глянул вниз, на бьющийся о сланец туман. Большие калигобусы — они только что из такого высадились — заякорены у доков слева. Маленькие клюют носами справа. Из скал восстают арки мостов, пересекают исполосовавшие месу трещины.

Мыш хорошенько покопался мизинцем в ухе и пошел налево.

В основном юный цыган старался жить лишь глазами, ушами, носом, пальцами ног и рук. В основном ему это удавалось. Но изредка, как на «Птице Рух» во время гадания Тййи или потом, во время бесед с Кейтином и капитаном, он бывал вынужден признать: случившееся в прошлом воздействует на настоящее. Наступало время углубиться в себя. Углубляясь, он находил старый страх. Он уже знал, что у страха есть две раздражающих стороны. Одну он мог утолить, нежа податливые пластины сиринги. Чтоб вытравить другую, требовались долгие, частные сессии самоопределения. Он определил:

Восемнадцать, девятнадцать?

Наверное. В общем, добрых четыре года после, как говорят, просвещенного возраста. И я могу голосовать в Драконе. Я пока что не. Снова ищу путь между скалами-причалами очередного порта. Камо грядеши, Мыш? Откуда ты, что будешь делать, когда прибудешь? Сяду и сыграю. Только все это не так-то просто. Ага. Для капитана так совсем. Жаль, не растарабанишь все это по свету неба. Я почти могу, когда слышу, как говорит капитан. Кто еще поджег бы мою шарманку, чтоб она передразнила солнце? Огонь был бы что надо. Слепой Дан… как оно, интересно, выглядело? Не хочешь провести пять пятых жизни с целыми руками и глазами? Осесть на камешке, завести девок и строгать детей? Не-а. Ну а вот Кейтин счастлив со своими теориями и заметками, заметками и теориями? А если бы я играл на сиринге так, как он творит свою книгу, размышляя, вымеряя? Ну хоть не

осталось бы времени на дрянные вопросы самому себе. Типа: что капитан обо мне думает? Он об меня спотыкается, смеется, берет Мыша и сует его в карман. Но все не так просто. У капитана есть свихнутая звезда. И на лице — свихнутая борозда. Кейтин плетет словесные паутины, которые никто не слушает. Я, Мыш? Цыган с сирингой вместо гортани. Только мне этого мало. Капитан, куда вы меня везете? Да ладно. Конечно полечу. Мне негде больше быть. Думаете, я пойму, кто я такой, когда долечу? Достанет ли света умирающей звезды, чтоб я увидел…

Мыш сошел со следующего моста, пальцы в брюках, очи долу.

Звяк цепей.

Поднял глаза.

Цепи ползли по барабану шириной десять футов, вытягивая из тумана тень. На скале перед складом слонялись вокруг гигантской машины мужчины и женщины. Оператор лебедки в кабине так и не снял маску. Из мглы вырастал опутанный сетями зверь, бил ветроплавниками. Трещали сети.

Аролат (не исключено, что все-таки аквалат) двадцати метров в длину. На лебедках поменьше спустились крюки. Прилепленные к боку зверя наездники их расхватали.

Мыш пошел мимо людей, чтобы глянуть на обрыв, когда кто-то крикнул:

— Алекс ранен!

Опущенная на шкиве структура ссадила команду из пятерых.

Зверь присмирел. Ползая по сетям, как по стремянкам, люди ослабляли часть звеньев. Наездник висел посередине, дрябло.

Кто-то едва не выронил свои звенья. Раненый погонщик свесился с синего бока:

— Бо, держи!

— В порядке все! Поймал я!

— Поднимаем не спеша.

Мыш уставился в туман. Первый наездник коснулся ногой скалы, в десяти футах загремели о камень звенья. Наездник сошел, волоча свою сеть. Расстегнул ремни на запястьях, вынул провода из рук, преклонил колено и освободил нижние разъемы на мокрых лодыжках. Потащил сеть по широкому доку, перекинув через плечо. Туманные буйки по краям по-прежнему принимали на себя основной вес сети, неся ее по воздуху. Без них, прикинул Мыш, даже если не брать в расчет чуть более сильное притяжение, раскидистый охотничий механизм весит, вероятно, пару-тройку сотен фунтов.

На обрыв сошли три сетевых наездника — влажные волосы лежат вдоль масок, у одного — кудрявые и рыжие, цеплявшие взгляд, — и поволокли сети. Алекс похромал меж двух

товарищей.

Еще четыре наездника. Коренастый блондин отключил сеть от левого запястья и зацепился взглядом за Мыша. Красные глазные пластинки на черной маске запорхали — наездник склонил голову набок.

— Эй… — Гортанный мык. — У тебя на боку штука. Это что? — Свободная рука откинула густые волосы.

Мыш глянул вниз, потом вверх:

— А?

Человек отпнул сеть из левого сапога. На правую ногу он был бос.

— Сенсор-сиринга это, эй?

Мыш ухмыльнулся:

— Ага.

Человек кивнул:

— Пацана, что игрой дьявола очаровал бы, знавал я… — Он замер; голова вернулась на место. Поддел большим пальцем челюсть маски. Капа и глазные пластинки отошли в сторону.

Когда дошло, Мыш ощутил щекотность в горле — еще одна грань его дефекта речи. Сомкнул челюсти, открыл губы. Потом сложил губы и развел зубы. Так и так ничего не скажешь. Попытался выдуть слово с робким вопросительным знаком; оно задребезжало неконтролируемым восклицанием:

— Лео!

Прищур сломался.

— Ты, Мыш, это!

— Лео, что ты?.. Но!..

Лео сбросил сеть с другого запястья, выпнул из другой лодыжки, зачерпнул пригоршню звеньев.

— Со мной в сетевой пойдем дом! Пять лет, нет, десять… да больше…

Мыш все ухмылялся — больше делать было нечего. Он тоже зачерпнул звенья, и они потащили сеть — не без помощи туманных буйков — по скале.

— Эй, Каро! Больсум! Мыш это!

Двое мужчин обернулись.

— Вы про пацана что я помните говорил? Он это. Эй, Мыш, на полфута не вырос ты даже! Сколько лет, семь, восемь, а? И с сирингой как тогда ты? — Лео оглядел сумку. — Ты, об заклад бьюсь, хорош. Каким и был ты.

— Ты сам достал сирингу, Лео? Могли бы сыграть вместе…

Лео помотал головой со смущенной усмешкой:

— В Стамбуле сирингу в последний держал раз я. Увы с тех пор. И теперь забыл все.

— Ох, — сказал Мыш и ощутил потерю.

— Эй, сенсор-сиринга, что в Стамбуле украл ты, это?

— Я с тех пор с ней не расстаюсь.

Лео расхохотался и уронил руку на Мышовы острые плечи. Хохот (ощущалось ли в нем обретение?) перекатывался по словам рыбака:

— И ты все это на сиринге время играл? Для меня сыграй. Вот! Ты запахи, звуки и для меня цвета сотвори. — Огромные пальцы ушибли смуглую лопатку под Мышовым рабочим жилетом. — Эй, Бо, Каро, большой перед вами на сиринге игрец!

Два наездника подались назад:

— Ты правда играешь на этой штуке?

— Шесть месяцев назад тут был парень, так он набренчал кое-что… — (Руки в шрамах нарисовали в воздухе две дуги, локоть толкнул Мыша.) — Чуешь, о чем я?

— Получше играет Мыш кое-что чем это! — возразил Лео.

— Лео все тараторил о пацане, которого когда-то знал, с Земли. Говорил, мол, учил пацана играть, сам, но когда мы дали Лео сирингу… — Она затрясла головой, смеясь.

— Но он это и есть! — воскликнул Лео, стукнув Мыша в плечо.

— А?

— О!

— Мыш это!

Они вошли в двухэтажную дверь сетевого дома.

С высоких решеток лабиринтом свисали сети. Каждый наездник цеплял сеть за крюк на шкиве, спускавшийся с потолка через барабан. Когда та натягивалась, можно было чинить поврежденные звенья и переналаживать реле обратной связи, побуждавшие сеть двигаться и приспосабливать форму к нервным импульсам из разъемов.

Два наездника выкатили большую машину со множеством зубьев.

— Что это?

— Для забоя это аролата.

— Аролата? — кивнул Мыш.

— Здесь на них охотимся мы. На аквалата у Черного дальше стола охотятся.

— А.

— Но, Мыш, тут что ты делаешь? — Они шли сквозь звеньевой перезвон. — Останешься в сетях пока? С нами поработаешь? Я команду, где новый знаю нужен человек…

— У меня отпуск на время стоянки корабля. «Птица Рух», капитана фон Рэя.

— Фон Рэя? С Плеяд корабль?

— Именно.

Лео приспустил крюковую подвеску из-под высоких стропил и стал развешивать сеть.

— Что в Драконе делает он?

— Капитану надо в Алкан-Институт, получить техническую информацию.

Лео дернул за барабанную цепь; крюки, громыхая, поднялись на десять футов. Принялся за следующий слой.

— Фон Рэй, да. Хороший, верно, корабль. Когда я в Дракон впервые прибыл… — натянул черные звенья на новый крюк, — никто из Плеяд не ходил еще в Дракон. Кто-то, может, один или двое. Одинок я был. — Звенья вставали на место со щелчком. Лео доразмотал цепь. Верхний край сети вознесся в свет высоких окон. — Теперь много из Федерации встречаю я людей. Десять на этом работают берегу. И корабли взад все время летают вперед. — Он грустно покачал головой.

Из рабочей зоны воззвали:

— Эй, где врач? — Женский голос разнесся по паутинам эхом. — Алекс ждет уже пять минут.

Лео звякал тенетами, проверял на прочность. Оба глянули на дверь.

— Не беспокойся! Придет! — завопил Лео. Поймал плечо Мыша. — Со мной айда!

Они двинулись через сетевые занавеси. Другие наездники все крюковали.

— Эй, играть-то будешь?

Глянули вверх.

Наездник спустился по цепям до половины, спрыгнул на пол.

— Хочу посмотреть.

— Сыграет, а то! — воскликнул Лео.

— Знаешь, вообще, я… — начал Мыш. Увидеться с Лео здорово, но все-таки он бродил и думал…

— Отлично! Лео-то лишь о тебе и твердил.

Они пошли сквозь паутины дальше, рядом возникали другие наездники.

Алекс сидел у лестницы на смотровую галерею. Держался за плечо, прислонив голову к балясинам. Время от времени всасывал небритые щеки.

— Слышь, — сказал Мыш Лео, — может, пойдем куда-нибудь выпьем? Ну, поговорим чуток. Я сыграю тебе перед уходом…

— *Сейчас* сыграешь ты! — стоял на своем Лео. — Поговорим потом.

Алекс открыл глаза.

— Ты про этого парня… — скривился, — нам рассказывал, Лео?

— Видишь, Мыш. За десять лет репутацию уже и обрел ты. — Лео притянул перевернутый бочонок из-под смазки, тот задребезжал о цемент. — Давай садись.

— Лео, слушай… — Мыш перешел на греческий. — Я не в настроении. Твоему другу плохо, он не хочет, чтоб его тревожили…

— *Малакас!*[4] — сказал Алекс и сплюнул кровавую пену меж изодранных колен. — Сыграй чего-нибудь. От боли отвлечешь. Где этот хренов эскулап?

— Что-нибудь Алексу сыграй.

— Просто… — Мыш глянул на раненого наездника, на других мужчин и женщин вдоль стены.

На лице Алекса — усмешка пополам с болью:

— Мыш, покажи класс.

Он не хотел играть.

— Ладно.

Вынул сирингу из сумки, нырнул головой в ремень.

— Врач может прибыть в самый разгар, — сообщил между прочим.

— Надеюсь, скорее, — промычал Алекс. — Рука, я знаю, точно сломана. Ногу не чую, внутри кровит… — Вновь отхаркнул красное. — Через два часа опять на охоту. Быстрее б залатали. Не поохочусь — засужу. Даром я платил эту гадскую страховку?

— Соберут тебя как миленького, — заверил какой-то наездник. — Чтоб лажанулись с полисом — такого не бывало. Хорош ныть, дай парень сыграет… — Он оборвал себя: Мыш уже начал.

Свет тыкался в стекло, обращая его в медь. Вогнутый фасад Алкана образовывали тысячи тысяч круглых окон.

Кейтин брел по дорожке вдоль реки, что огибала музейный сад. Речушка — та же тяжкая мгла, что делала полярный Ворпис океаном, — дымилась у берега. И утекала под арку в пылающей стене.

Капитан шагал чуть впереди — их тени на глянцевых камнях стали одной длины. Меж фонтанов приподнятый помост то и дело привносил очередную платформу с гостями, сотнями за раз. Однако те вмиг рассеивались по пестрым дорожкам, вившимся среди нализавшихся кварца каменюк. На бронзовом цилиндре в фокусе отражающих стекол в паре сотен ярдов перед музеем, оживляя мраморной безрукой красотой пунцовое утро, замерла Венера Милосская.

Линкей скосил розовые глаза и отвернулся от сияния. Идас подле него глядел назад и вперед, вверх и вниз.

Тййи, рука в руке Себастьяна, тащилась за ним, волосы развевались в темпе биения зверя на мерцающем плече.

И вот свет, думал Кейтин, когда они шли под аркой в линзоподобный холл, голубеет. Верно: нет луны, чья естественная атмосфера порождала бы столь драматическое преломление. И все-таки я скучаю по лунному одиночеству. Эта клевая конструкция из пластика, металла и камня была когда-то самым большим зданием, возведенным человеком. Как же далеко мы ушли от двадцать седьмого века. Сколько зданий в галактике сегодня больше этого — десяток? Два десятка? Ученым-бунтарям здесь явно не по себе: конфликт между овеществленной вот этак традицией и абсурдом ее устаревшей архитектуры. В гробнице человеческой истории и гнездится Циана Морган. Логично: белый канюк, нахохлившись, сидит на костях.

С потолка свешивался восьмиугольный экран для объявлений. Сейчас там разыгрывалась серийная свет-фантазия.

— Соедините, пожалуйста, с номером семьсот тридцать девять-Е-шесть, — попросил капитан фон Рэй девочку за инфостолом.

Та воздела руку, потыкала в кнопки подключенного к запястью комфончика.

— Конечно.

— Алло, Банни? — сказал Лорк.

— Лорк фон Рэй! — воскликнула девочка за столом не своим голосом. — Вы повидать Циану?

— Точно, Банни. Если она не занята, я бы с ней поговорил.

— Секунду, спрошу.

Банни, где бы Банни ни была в этом огромном улье, ушла из девочки, и та успела удивленно взметнуть брови.

— Вы пришли повидать Циану Морган? — сказала она своим голосом.

— Точно. — Лорк улыбнулся.

Тут Банни вернулась:

— Лорк, все отлично. Она встретится с вами в Юго-Западной, двенадцать. Там поменьше народу.

Лорк обернулся к команде:

— Не хотите побродить пока по музею? Я добуду желаемое через час.

— Ему обязательно носить это… — девочка хмуро глазела на Себастьяна, — *существо* с собой по музею? У нас нет удобств для животных. — На что Банни ответила: — Этот мужчина в твоей команде, Лорк, да? Кажется, оно прирученное. — Она

всмотрелась в Себастьяна. — Шкодить не будет?

— Не будет, конечно, шкодить. — Себастьян погладил загнувшийся на плече коготь.

— Можете взять с собой, — сказала Банни через девочку. — Циана уже вышла на место встречи.

Лорк повернулся к Кейтину:

— Не хочешь со мной?

Кейтин постарался скрыть изумление.

— Конечно, капитан.

— Юго-Западная, двенадцать, — сказала девочка. — Вон тот лифт, уровнем выше. Это все?

— Да. — Лорк посмотрел на команду. — Увидимся.

Кейтин побрел за ним.

У спирального лифта громоздилась на мраморных блоках десятифутовая драконья голова. Кейтин уставился на ребристое нёбо каменного рта.

— Его пожертвовал музею мой отец, — сказал Лорк в лифте.

— А?

— Он с Новой Бразилии. — Они поднимались вокруг центрового столба; челюсть отпадала. — Ребенком я часто играл внутри его двоюродного брата.

Этаж запрудили уменьшающиеся туристы.

Их двоих приняла золотая крыша.

Затем они вышли из лифта.

Картины висели на разных расстояниях от срединного источника галерейного освещения. Многолинзовая лампа проецировала на всякую висячую раму точнейшее приближение (по консенсусу множества алкановских ученых) света, под которым картину некогда писали: искусственного или естественного, красного солнца, белого солнца, желтого или голубого.

Кейтин глядел на десяток бродящих по выставке людей.

— Она прибудет через минуту-другую, — сказал капитан. — Ей досюда очень далеко.

— А. — Кейтин прочел название выставки.

«Образы моего народа».

Наверху был экран для объявлений, поменьше, чем в холле.

В данный момент он констатировал: все полотна и фото принадлежат художникам, жившим в последние три сотни лет, и показывают мужчин и женщин за работой или игрой на различных мирах. Просматривая список художников, Кейтин удручился тем, что узнал всего два имени.

— Я пригласил тебя с собой, потому что мне нужно поговорить с тем, кто понимает, каковы ставки.

Кейтин, удивившись, поднял глаза.

— Моя звезда… моя нова. Внутри я почти приноровился к ее слепящему сиянию. Но под этим светом я все-таки человек. Всю жизнь люди вокруг обычно выполняли мои желания. Когда они уклонялись…

— Вы их принуждали?

Лорк сузил желтые глаза:

— Когда они уклонялись, я разбирался, что именно они *могли*, и использовал их в этом качестве. Всегда находился тот, кто делал другую работу. Я хочу поговорить с тем, кто поймет. Только словами тут не отделаешься. Жаль, я никак не могу показать тебе самую суть.

— Я… Кажется, я вас не понимаю.

— Поймешь.

«Портрет женщины» (Беллатрикс IV): ее костюм двадцать лет как вышел из моды. Она сидит у окна, улыбаясь в золоте ненарисованного солнца.

«Ну, с Эштоном Кларком» (место неизвестно): он — старик. Его рабочий комбинезон устарел на двести лет. Он готовится отключить себя от какой-то огромной машины. Такой огромной, что ее самой и не видно.

— Я часто думаю, Кейтин… Моя семья — по отцовской линии точно — из Плеяд. Но когда я рос, у нас дома говорили на драконском. Мой отец принадлежал к закуклившемуся ядру старой гвардии плеядских граждан, так и не отказавшихся от множества идей земных и драконских предков; только вот Земля была пятьдесят лет как мертва, когда самый ранний из этих портретистов взялся за кисть. Придет время, я заведу семью, и мои дети, полагаю, будут говорить на том же языке. Тебе не кажется странным, что мы с тобой, видимо, ближе, чем я и, скажем, Тййи с Себастьяном?

— Я с Селены, — напомнил Кейтин. — Землю я знаю постольку, поскольку долго там гостил. Это не мой мир.

Лорк его как не слышал.

— Кое в чем Тййи, Себастьян и я весьма схожи. В определяющих нас эмоциях мы трое куда ближе, чем ты и я.

И вновь прошла неприятная секунда, пока Кейтин трактовал агонию искореженного лица.

— Нам проще предсказать реакции друг друга, чем тебе — наши. Некоторые реакции. Да, знаю, не более того. — Он помолчал. — Ты не с Земли, Кейтин. Но Мыш — с Земли. И Князь. Один — беспризорник; другой… Князь Красный. Связаны они так же, как мы с Себастьяном? Цыган меня завораживает. Я его не понимаю. Не так, как, пожалуй, понимаю тебя. Князя я не

понимаю тоже.

«Портрет сетевого наездника». Кейтин глянул на дату: конкретный наездник с мечтательными негроидными чертами просеивал туман двести восемьдесят лет назад.

«Портрет юноши»: современный, да. Юноша застыл перед лесом… деревьев? Нет. Это что угодно, только не деревья.

— В середине двадцатого столетия, в тысяча девятьсот пятидесятом году, если точнее… — Кейтин посмотрел в глаза капитану, — на Земле была мелкая страна именем Великая Британия, и в ней, согласно исследованиям, насчитывалось около пятидесяти семи взаимонепонятных диалектов английского. Была еще большая страна именем Соединенные Штаты, с населением в четыре раза больше, чем в Великой Британии, рассеянным по территории в шесть раз больше. Со своими вариантами произношения — но всего два маленьких анклава, меньше двадцати тысяч человек, говорили на языке, который мог быть взаимно непонятным со стандартным. Я привожу в доказательство эти примеры, потому что обе страны говорили, по сути, на одном языке.

«Портрет плачущего ребенка» (2852 н. э., Вега IV).

«Портрет плачущего ребенка» (3052 н. э., Новая Бразилия II).

— *Что* ты доказываешь, Кейтин?

— Соединенные Штаты были продуктом целого коммуникационного взрыва, движения людей, движения информации, развития кино, радио и телевидения, нормировавших речь и структуру мышления — не само мышление, — иначе говоря, человек А понимал не только человека Б, но и людей Ы, Э и Ю. Сегодня люди, информация и идеи движутся по галактике куда быстрее, чем двигались по Соединенным Штатам в тысяча девятьсот пятидесятом году. Потенциал понимания — сравнительно больший. Мы с вами родились на расстоянии в треть галактики. Если не считать студенческих вылазок в Драконский университет в Центавре, я сейчас впервые за пределами Солнечной системы. И все-таки мы с вами куда ближе в плане структуры информации, чем корнец и валлиец тысячу лет назад. Помните об этом, когда пытаетесь судить о Мыше — и Князе Красном. Великий Змей обвивает колонну на сотне миров, но люди в Плеядах и Внешних Колониях его узнаю́т. Мебель Республики Вега повсюду говорит о своем владельце одно и то же. Значение Эштона Кларка одинаково для вас и меня. Морган убил Андервуда, и это убийство стало частью нашего опыта… — Он запнулся — потому что Лорк посуровел.

— Ты хотел сказать: Андервуд убил Моргана.

— Ой, конечно… я хотел сказать… — Смущение жгло щеки

изнутри. — Да… но я не хотел сказать…

Среди картин к ним шла женщина в белом. С прической высокой и серебряной.

Тонкая.

Старая.

— Лорк! — Она протянула руки. — Банни сказала, ты здесь. Можем пойти в мой кабинет.

Конечно! — подумал Кейтин. В основном он видел ее на кадрах пятнадцати-двадцатилетней давности.

— Циана, благодарю. Мы могли подняться и сами. Я не хотел тебя тревожить, вдруг ты занята. Много времени не отниму.

— Ерунда. Вы двое, идите за мной. Я думала над ценами на полтонны световых скульптур Веги.

— Республиканского периода? — спросил Кейтин.

— Увы, нет. Эти мы еще сбыли бы. Но им на сто лет больше, и они не стоят ничегошеньки. Пойдемте.

Ведя их мимо левитирующих холстов, она глянула на широкий металлический браслет поверх запястного разъема. Один циферблат помигивал.

— Молодой человек, простите. — Она повернулась к Кейтину. — У вас с собой… какой-то записчик, да?

— А что… да.

— Я бы попросила вас его не использовать.

— Ой. Я не…

— Сейчас с этим получше, но у меня бывали иногда проблемы с приватностью. — Она положила морщинистую кисть на его локоть. — Вы же поймете? Если включите, автоматическое стирающее поле уничтожит все ваши записи.

— Кейтин в моей команде, Циана. Но это совсем не та команда, что в последний раз. Больше никакой секретности.

— Я так и поняла. — Отняла руку; Кейтин посмотрел, как та падает на белую парчу.

Она сказала — и Кейтин с Лорком оба подняли головы, едва она это сказала:

— Утром, когда я пришла в музей, прибыло сообщение тебе от Князя.

Они достигли конца галереи.

Она кратко полуобернулась к Лорку:

— Ловлю тебя на слове насчет секретности. — Ее брови — яркий металлический штрих.

Брови Лорка — металл с ржавчиной; штрих прерван шрамом. Однако же, подумал Кейтин, это у них явно семейное и наследственное.

— Он на Ворписе?

— Понятия не имею. — (Растянулась дверь, они шагнули в проем.) — Но он знает, что ты здесь. Разве не это важно?

— Я сел на космодроме полтора часа назад. Улечу вечером.

— Сообщение пришло час двадцать пять минут назад. Источник очень кстати искажен, операторы могут его отследить, но не без множества трудностей. Эти трудности сейчас преодолеваются…

— Не заморачивайся. — А Кейтину Лорк сказал: — Что он поведает на сей раз?

— Мы все вот-вот увидим, — сказала Циана. — Без секретности, говоришь. Я бы все равно предпочла говорить в своем кабинете.

В этой галерее царил кавардак: хранилище — ну или еще не разобранный материал для выставки.

Кейтин собрался было, но Лорк спросил первым:

— Циана, что у вас тут за рухлядь?

— Если не ошибаюсь… — Она сверилась с датой золотой декалькомании на древнем деревянном футляре. — «Тысяча девятьсот двадцать третий: Эолийская Корпорация»[5]. Да, коллекция музыкальных инструментов двадцатого века. Вот волны Мартено, изобретение этого самого французского композитора, тысяча девятьсот сорок второго года[6]. А вот здесь у нас… — нагнулась, прочла табличку, — механическое пианино «Дуо-Артс»[7], изготовлено в тысяча девятьсот тридцать первом. А эта штука… «виолано виртуозо» Миллза[8], сработано в тысяча девятьсот шестнадцатом.

Кейтин всматривался в стеклянную дверь перед виолано.

Струны и молоточки, регистры, фобы и медиаторы повисли в тени.

— Что оно делало?

— Стояло в барах и луна-парках. Люди бросали в щель монетку, и оно автоматически играло на скрипке, которая у него на полке внутри, под аккомпанемент механического пианино, запрограммированного перфорацией на бумажном рулоне. — Она провела серебряным ногтем по списку названий. — «Бал дарктаунских задавак»…[9] — (Они продвигались сквозь хлам: терменвоксы, анкор-банджо[10] и шарманки.) — Некоторым новым профессорам не нравится, что институт настолько захвачен двадцатым веком. Ему посвящена практически четверть наших галерей. — Она сложила руки на парче. — Может, им обидно, что он в фокусе исследований восемьсот лет; они закрывают глаза на очевидное. В начале этого изумительного века человечество было множеством сообществ на одной планете; в его конце стало, по сути, тем, что мы есть сегодня:

информационно цельное общество, живущее на нескольких мирах. С тех пор количество миров возросло; наша инфообщность несколько раз меняла свою природу, страдала иногда от катастрофических бедствий, но по существу сохранилась. Пока человечество не станет чем-то совсем-совсем иным, та эпоха обязана быть в центре академического внимания: это век, когда мы стали собой.

— Прошлое меня не трогает, — объявил Лорк. — У меня нет на него времени.

— Меня оно интригует, — вступил Кейтин. — Я хочу написать книгу; возможно, об этом.

Циана посмотрела на него:

— Книгу? Какого рода?

— Роман, я думаю.

— Роман? — Они прошли под очередным экраном для объявлений: серым-серо. — Вы намерены сочинить роман. Как очаровательно. Годы назад мой друг-антиквар пытался написать роман. Его хватило на первую главу. Но он утверждал, что благодаря ужасно просветляющему опыту проник в самую суть того, как это делается.

— Вообще-то, я работаю над книгой довольно давно, — поделился Кейтин.

— Чудесно. Может, когда закончите, позволите институту сделать психозапись вашего творческого опыта под гипнозом. Может, мы напечатаем пару миллионов экземпляров и разошлем, сопроводив документальным психорамным исследованием, по библиотекам и другим образовательным учреждениям. Я уверена, что заинтересую этой идеей совет.

— Я даже не думал о том, чтобы ее напечатать…

— Через Алкан это ваш единственный шанс. Имейте в виду.

— Я… да.

— Когда вы уже наведете тут порядок, а, Циана?

— Дорогой племянник, у нас куда больше экспонатов, чем вмещают галереи. Где-то все это должно находиться. В музее тысяча двести публичных и семьсот частных галерей. И еще три с половиной тысячи фондохранилищ. Я неплохо знакома с содержимым большинства из них. Но не всех.

Они шествовали под высокими ребрами. Позвонки арками вздымались к кровле. Холодные потолочные огни бросали тени зубов и глазниц на латунную тумбу черепа размером со слоновью ляжку.

— Выглядит как сравнительная выставка остеологии рептилий Земли и… — Кейтин заглянул в костяные пещеры. — Я даже не знаю, откуда родом *это*.

Клинок лопатки, тазовое седло, ключичный лук…

— Далеко твой кабинет, Циана?

— В восьмистах ярдах — если путь прямой, как полет аролата. Поедем на следующем лифте.

Миновав сводчатый проход, они вышли на площадку с лифтами.

Спиральный подъемник вознес их не на одну дюжину этажей.

Плюшево-латунный коридор.

Другой коридор, со стеклянной стеной…

У Кейтина сперло дыхание: под ними узорчато разлегся весь Феникс, от срединных башен до пристани с перехлестами тумана. Пусть Алкан давно не был высочайшим зданием галактики, в Фениксе он оставался высочайшим.

Горбатый пандус уводил в сердце здания. Вдоль мраморной стены висели семнадцать полотен Дехэй «Под Сириусом».

— Неужели это?..

— Подделки, молекулярные репродукции Найлза Фолвина, сделаны в две тысячи восьмисотых в Веге. Долгое время были знаменитее оригиналов — те выставлены внизу, в Южном Зеленом Покое. А с подделками связано столько событий, что Банни решила повесить их здесь.

И дверь.

— Мы пришли.

Отворилась во тьму.

— Итак, племянник мой… — они шагнули внутрь, и три световых столба упали откуда-то сверху, окружив на черном ковре каждого, — будь добр, объясни, зачем ты вернулся? И что у тебя за дела с Князем? — Она обернулась, смотрела на Лорка.

— Циана, мне нужна еще одна нова.

— Что?!

— Сама знаешь, первую экспедицию пришлось распустить. Я буду пытаться опять. Корабль нужен самый обычный. В прошлый раз мы это поняли. У меня новая команда; и новая тактика. — (Прожекторы следовали за ними по ковру.)

— Но Лорк…

— Раньше планирование было тщательным, мы двигались плавно, сцепленно, нас тянула вперед уверенность в нашей точности. Теперь мы — отчаянное сборище портовых крыс, в их числе Мыш; и единственное, что нас направляет, — моя ярость. Но бежать от нее, Циана, слишком жутко.

— Лорк, ты не можешь взять и повторить…

— Циана, капитан тоже другой. Раньше «Птица Рух» летала под получеловеком, знавшим одни победы. Теперь я стал целым. Я познал и поражение.

— Но чего ты от меня…

— Алкан изучал еще одну звезду, почти перешедшую в нову. Мне нужно название и когда она может взорваться.

— И ты полетишь к ней — вот так просто? А что с Князем? Он знает, зачем ты рвешься к нове?

— Мне плевать. Назови мою звезду, Циана.

Нерешительность поколебала ее худобу. Она тронула что-то на серебряном браслете.

Новый свет:

Из пола восстал инструмент-блок. Она села на выросшую рядом скамейку, вгляделась в огоньки индикаторов.

— Не знаю, Лорк, верно ли я поступаю. Ярость? Не затрагивай решение так сильно мою жизнь, не только твою, мне было бы проще согласиться с твоим настроем и требованием. Благодаря Аарону я получила место куратора.

Она коснулась пульта, и над ними возникли…

— До сих пор я была в доме Аарона Красного желанной гостьей, как и в доме моего брата. Но механизм провернулся до точки, когда все вряд ли останется прежним. Это ты поставил меня перед выбором: я должна принять решение, которое оборвет для меня эпоху великого удобства.

…возникли звезды.

Внезапно Кейтин осознал, как огромна эта комната. На пятидесяти футах, сложившись из точек света, висела, вращаясь, голографическая проекция галактики.

— У нас работают несколько научных экспедиций. Нова, которую ты проворонил, была тут. — (Прикосновение к кнопке, одна звезда из миллиардов вспыхнула — ярко, так что глаза Кейтина сощурились. Поблекла, и сидерический купол вновь заволокло призрачным звездным светом.) — Сейчас наша экспедиция наблюдает за образованием…

Замолкла.

Протянула руку и открыла ящичек.

— Лорк, меня всерьез тревожит вся эта история…

— Циана, не останавливайся. Мне нужно имя звезды. Мне нужна лента с ее галактическими координатами. Мне нужно мое солнце.

— И я сделаю все, чтобы тебе его дать. Но сначала — уважь каприз старушки. — Из ящичка она взяла — Кейтин сотворил у заднего нёба тихий звук изумления, затем его проглотил — колоду карт. — Хочу посмотреть, какой совет даст мне Таро.

— Мне гадали на это предприятие. Если карты сообщат галактические координаты — отлично. В противном случае у меня нет на них времени.

— Твоя мать, будучи землянкой, вечно питала смутное земное недоверие к мистике, хотя интеллектуально и признавала ее эффективность. Надеюсь, ты все-таки в отца.

— Циана, один раз мне уже погадали, на полный расклад. Второй ничего не даст.

Она развернула карты веером, рубашками вверх:

— Может, он что-то даст *мне*. И вдобавок к чему мне полный расклад? Выбери одну.

Кейтин посмотрел, как капитан тянет карту, и спросил себя: подготовило ее Таро к кровавому полудню на площади Хронаики четверть века назад?

Эта колода была не обычной три-дэ-диорамической, как у Тййи. Фигуры — нарисованы. Карты — желтые. Они запросто могли быть семнадцатого века — а то и древнее.

На Лорковой карте голый труп свешивался с дерева, привязан веревкой за лодыжку.

— Повешенный. — Она собрала колоду. — Перевернутый. Ну, не могу сказать, что удивлена.

— Разве Повешенный не предвещает приход большой духовной мудрости, Циана?

— Перевернутый, — напомнила она. — Мудрость встанет недешево. — Взяла карту и вернула ее вместе с другими в ящичек. — Вот координаты звезды, которая тебе нужна. — Нажала другую кнопку.

В ее ладонь упала бумажная ленточка. Покромсанная металлическими зубками. Циана поднесла ее к глазам, вчиталась.

— Координаты все тут. Она под нашим наблюдением два года. Тебе везет. Прогноз времени взрыва — между десятью и пятнадцатью днями.

— Отлично. — Лорк взял ленту. — Кейтин, пошли.

— А что с Князем, капитан?

Циана поднялась со скамейки:

— Не хочешь посмотреть его письмо?

Лорк замер.

— Давай. Проиграй его.

И Кейтин узрел в лице Лорка нечто живое. Тот шагнул к консоли; Циана Морган поискала индекс сообщения.

— Вот оно. — Нажала кнопку.

На другом конце комнаты к ним развернулся Князь.

— Что ты, черт тебя раздери… — (рука в черной перчатке сшибла со стола хрустальный бокал, а за ним и тарелку с рельефным орнаментом), — творишь, а, Лорк? — (Рука вернулась; кинжал и резная деревянная палочка брякнулись на пол с другой стороны.) — Циана, ты ему помогаешь, что ли? Сука

вероломная. Я *очень* зол. Я просто в *бешенстве*! Я Князь Красный — я и есть Дракон! Я Змей-калека; но я тебя придушу! — (Дамастная скатерть сморщилась в черных пальцах; судя по звуку, дерево под ней расщепилось.)

Кейтин сглотнул шок во второй раз.

Сообщение — три-дэ-проекция. Расфокусированное окно за Князем льет утренний свет какой-то звезды — вероятно, Сола — на сокрушенный завтрак.

— Я могу все — все, что захочу. Ты хочешь меня этого лишить. — Князь склонился над столом.

Кейтин глянул на Лорка, на Циану Морган.

Ее рука, бледная, с сеткой вен, сжимала парчу.

Лоркова, рифленая, с узлами костяшек, лежала на инструмент-блоке; два пальца держали переключатель.

— Ты оскорбил меня, Лорк. Я могу быть полной сволочью, коль увлечет меня каприз. Припоминаешь вечеринку, когда пришлось разбить тебе голову, чтобы научить манерам? Ты, верно, и забыл мальчика, которого привел — добавлю: без приглашения — на мой скромный прием. Его звали Брайан Энтони Сандерс — заурядный, хамоватый, тупой и невыносимо грубый юноша. Не успели нас представить, как он уже оскорбительно отозвался о моей руке. Я сделал то, чему научился давным-давно: посмеялся. Я даже вежливо отреагировал — ответил на его хамские вопросы так, будто они ничего не значили. Но я не забыл. После вечеринки, вернувшись в свой университет, он обнаружил, что лишен стипендии и обвинен в мухлеже с результатами предыдущих экзаменов, за что, сообщу тебе с радостью, его вскоре исключили. Пять лет спустя — потому что я *все еще* не забыл — по моей наводке ревизор навестил фирму, где он тогда работал. Через неделю он был уволен за растрату пары-тройки жалких тысяч фунтов @сг своих нанимателей — и, вообще-то, провел три года на каторге, где, я так понял, регулярно настаивал на своей невиновности, пока не стал посмешищем в глазах каторжан. Еще пять лет спустя — жизнь у него вроде не складывалась (вероятно, тебе он запомнился пухленьким мальчиком; мужчиной он страшно отощал), — когда я попросил своих людей выследить его снова, не составило труда спрятать в комнате общаги для холостяков, где он ютился, какие-то несерьезные наркотики — так что его выставили на улицу. Через два года после этого, решив часок поразмыслить, ложкой какого дегтя подпортить ему судьбину на сей раз, я обнаружил, что он по-прежнему бездомен — и сильно увлекся алкоголем. Вот тебе ирония судьбы, две штуки: когда мы его нашли — в канаве у шоссе, близ складских ангаров за

космодромом, — он дрых в измятом контейнере, некогда служившем упаковкой для внутриатмосферного турбинного реле производства «Красного смещения». И то ли он побывал за это время в какой-то переделке, то ли что, но мы недосчитались трех пальцев на его левой руке — к чему, поверь, я не имел *никакого* отношения. И у него уже просто не было средств, чтобы пойти и сделать протезы. В тот момент было делом техники пробудить в нем интерес к тем самым наркотикам, стоившим ему дома, — работавшая на меня девушка на месяц взяла его в настоящую квартиру, ежедневно потчевала наркотой в огромных дозах… а потом исчезла, оставив его на улице с новой привычкой на единственную память о себе. В последний раз, когда я проверял — вообще-то, всего три месяца назад, — я узнал, что после пестрой уголовной карьеры рецидивиста Брайан Энтони Сандерс, пытавшийся потакать своей привычке, умер… и года не прошло, как он околел от холода в тупиковом переулке незначительного города с населением два миллиона на ледяной планете в тысяче световых лет как от тебя, так и от меня, безусловно проклиная божеств случая, расстроивших все его попытки жить счастливой жизнью, — будто у него была особая аллергия на… донимавшие его неудачи. Знать, что его упорно, скрупулезно донимал именно я, — это чудесно, это воодушевляет, о Лорк. Да ведь о таком мечтает каждый: чтобы бездумные хамы платили за бездумное хамство до гроба. Ну а мне просто случилось по рождению обрести власть претворять такие мечты в жизнь. Уверяю тебя, ты такого счастья и представить не можешь. В сумме я потратил всего пять часов, разбросанных по двенадцати годам. Бывают секунды, когда я ощущаю свое величие — и говорю без страха… это *я* его убил! И видишь ли, те двадцать с гаком человек, что за эти годы огорчили меня так же, как он, я убил тоже. Выходит даже недорого — и очень удовлетворительно. Так вот, Лорк фон Рэй, заруби себе на носу: ты оскорбляешь меня своим существованием. Я сделаю все, чтобы выбить компенсацию за это оскорбление. Я готов потратить куда *больше* времени за куда более короткий период, убивая *тебя*!

Циана Морган вдруг взглянула на племянника, увидела руку на переключателе.

— Лорк! Что ты делаешь?.. — Она схватила его запястье, но он перехватил и оттолкнул ее руку.

— Я знаю о тебе куда больше, чем когда отправлял предыдущее письмо, — сказал Князь из-за стола.

— Лорк, убери руку! — не унималась Циана. — Лорк… — Голос надломило отчаяние.

— Когда я говорил с тобой в тот раз, я сказал, что тебя

остановлю. Сейчас я говорю: если остановить тебя можно, только убив, я тебя убью. В следующий раз… — Рука в перчатке нацелилась. Указательный палец дрожал…

Князь блеснул и исчез; Циана ударила по Лорковой руке. Переключатель щелкнул.

— Ты что вообще о себе возомнил?

— Капитан?..

Под кружащимися звездами им ответил хохот Лорка.

Гневно затараторила Циана:

— Ты отправил сообщение Князя в систему публичных объявлений! Этот богохульный безумец появился на всех экранах института! — Она в гневе ударила по реактопластине.

Огни индикаторов погасли.

Блок и скамейка провалились под пол.

— Спасибо, Циана. Я получил то, за чем приходил.

В кабинет ворвался музейный охранник. Когда он скакнул внутрь, его озарил столп света.

— Простите, мне очень неловко, но тут у нас… один момент. — Он ткнул в запястный комфон. — Циана, ты что, поехала серебряной крышей?

— Банни, ради всего святого. Это вышло случайно!

— Случайно! Это был Князь Красный, да?

— Ну а кто? Слушай, Банни…

Лорк сжал плечо Кейтина:

— Пошли.

Они оставили охранника/Банни спорить с Цианой.

— Зачем?.. — пытался спросить Кейтин из-за капитанова плеча.

Лорк остановился.

«Под Сириусом № 11» (фальшивка Фолвина) горела пурпурным каскадом за его спиной.

— Я сказал, что не могу передать суть словами. Может, хоть так станет яснее. Теперь найдем остальных.

— Как вы их найдете? Они еще бродят по музею.

— Думаешь? — Лорк припустил вновь.

Нижние галереи: хаос.

— Капитан… — Кейтин старался вообразить тысячи туристов лицом к лицу с бешенством Князя; он помнил свое первое столкновение на «Птице Рух».

Посетители роились на ониксовом полу Зала Фицджеральда. («Если *таково* их представление о новом искусстве…»)

(«…подавать его вот так, без объявления, думаю, было не очень…»)

(«…а мне показалось очень даже *настоящим!*») Переливчатые аллегории гения двадцатого века покрывали световой лазурью дугообразные стены. Дети щебетали с родителями. Студенты тараторили друг с другом. Лорк быстро шел между ними, Кейтин не отставал.

Они пронеслись по спирали в холл над драконьей головой.

Черная тварь вспорхнула над толпой, ее дернули обратно.

— Другие наверняка с ним! — завопил Кейтин, показывая на Себастьяна.

Кейтин метнулся мимо каменной челюсти. Лорк нагнал его на синей плитке.

— Капитан, мы только что видели…

— …Князь Красный, как на корабле…

— …на экране объявлений, он…

— …по всему музею, вообще. Мы вернулись…

— …сюда, чтобы с вами не разминуться…

— …когда вы спуститесь. Капитан, что…

— Пошли. — Лорк остановил близнецов, положив обоим руки на плечи. — Себастьян! Тййи! Нам надо на пристань и разыскать Мыша.

— И смыться с этого мира к вашей нове!

— Сначала доберемся до пристани. Потом поговорим, что делать дальше.

Они проталкивались к арке.

— Нам бы поторопиться, пока сюда не прибыл Князь, — сказал Кейтин.

— Зачем?

Это Лорк.

Кейтин пытался перевести его облик.

Расшифровке не поддается.

— Будет и третье сообщение. Я его дождусь.

Затем — сад: многоголосый и золотой.

— Спасибо, док! — крикнул Алекс. Он размял руку: кулак, сгиб, взмах. — Эй, парень. — Повернулся к Мышу. — Отлично ты играешь на сиринге. Извини, что в самый разгар прибыл медико-блок. Все равно спасибо. — Ухмыльнулся, глянул на настенные часы. — Кажись, успеваю на охоту. *Малакас!* — Пошел прочь меж бренчащих завес.

Лео спросил грустно:

— Сложишь обратно ее теперь?

Мыш затянул шнурок сумки и пожал плечами:

— Может, сыграю еще, позже. — Просунул было руку в ремешок. Пальцы упали в кожаные складки. — Лео, что с тобой?

Рыбак заложил левую руку за тусклые звенья пояса.

— Просто тоску пробудил ты во мне, пацан. — (Теперь правую.) — Потому что времени столько прошло, и не пацан ты уже. — Лео присел на ступеньки. Веселость кисточкой скользнула по рту. — Несчастен я тут, думаю. Может, дальше двигаться пора. Ага? — Он кивнул. — Ага.

— Думаешь? — Мыш повернулся на бочонке, лицом к рыбаку. — Почему сейчас?

Лео сморщил губы. Примерно как плечами пожал.

— Когда старое вижу, понимаю, как много нужно нового мне. А еще уехать ли давно размышлял я.

— Куда полетишь?

— В Плеяды подамся.

— Ты же сам из Плеяд, Лео. И говоришь, что хочешь повидать новые места?

— Сто с чем-то в Плеядах миров. Рыбачил, может, на дюжине я. Нового хочу, да; но также, после двадцати пяти лет, дом.

Мыш глядел на грубые черты, бледные волосы: близость? Сперва подлаживаешь, вот как туманную маску, думал Мыш; после прикладываешь к лицу, чтоб носить. Лео так изменился. Мыш, у которого было мало детства, теперь потерял еще больше.

— Я просто хочу нового, Лео. Я бы не поехал домой… даже если бы у меня был дом.

— Однажды, как Плеяды я, Землю или Дракон захочешь ты.

— Ага. — Мыш поддел сумку плечом. — Может, и так. Почему нет — через двадцать пять лет-то?

Затем — эхо:

— Мыш!..

И:

— Эй, Мыш!

И снова:

— Мыш, ты тут?

— Эй! — Мыш встал, сложил руки рупором. — Кейтин? — Его крик уродливее речи.

Длинный и любопытный Кейтин явился меж сетей:

— Сюрприз-сюрприз. Не думал, что тебя найду. Всю пристань исходил, спрашивал, не видел ли тебя кто. Один парень сказал, ты играешь здесь.

— Капитан разобрался с Алканом? Получил что хотел?

— И даже больше. В институте его ждала весточка от Князя. Так он проиграл ее в системе общественных объявлений. — Кейтин присвистнул. — Злющий!

— Ему дали нову?

— О да. Только он ждет чего-то еще. Я не понял.

— А потом мы летим к этой звезде?

— Не-а. Теперь он хочет в Плеяды. Выжидаем пару недель. Только не спрашивай, что он там будет делать.

— Плеяды? — спросил Мыш. — Там и взорвется нова?

Кейтин раскрыл ладони:

— Не думаю. Может, он считает, что безопаснее провести время на родной территории.

— Погоди-ка! — Мыш снова подскочил к Лео. — Лео, может, капитан подвезет тебя в Плеяды.

— А? — Подбородок Лео съехал с рук.

— Кейтин, капитан фон Рэй не станет возражать, если мы прокатим Лео к Плеядам?

Кейтин постарался изобразить сдержанное сомнение. Слишком сложно; его лицо не выразило ничего.

— Лео — мой старый друг. Еще с Земли. Научил меня, пацана, играть на сиринге.

— У капитана забот полон рот…

— Да, но ему-то что, если…

— Но куда лучше играет меня теперь он, — вставил Лео.

— Спорим, капитан согласится, если я попрошу.

— Не хочу капитана обременять твоего…

— Мы можем попросить. — Мыш сдвинул сумку за спину — Лео, пошли. *Где* наш капитан, Кейтин?

Кейтин и Лео обменялись взглядами непредставленных взрослых, сведенных вместе задором юнца.

— Ну? Пошли!

Лео встал и последовал за Мышом и Кейтином к двери.

Семьсот лет назад первые колонисты на Ворписе высекли Эскларос-де-Нюаж в скальном ободе месы Феникса. Между причалом для небольших калигобусов и пристанью, где швартуются сетевые наездники, ступени нисходят в белый туман. Ныне ступени обиты и выщерблены.

Увидев, что по случаю полуденной сиесты Феникса на ступенях никого, Лорк фон Рэй стал спускаться меж жилящихся кварцем стен. Нижние ступени ласкал туман; волна за белой волной подкатывала с горизонта, каждая подсинена тенью слева, позолочена солнцем справа — вздыбленные агнцы.

— Эй, капитан!

Лорк посмотрел на верх лестницы.

— Эй, капитан, есть у вас минутка? — Мыш по-крабьи семенил по ступенькам; сумка с сирингой скакала на ляжке. — Кейтин сказал, вы собрались отсюда в Плеяды. Я тут встретил парня, знал его на Земле, мой старый друг. Научил меня играть

на сиринге. — Он потряс сумку. — Я подумал, вдруг, раз уж мы туда, может, подбросим его до дому? Он правда мой очень хороший…

— Ладно.

Мыш вскинул голову:

— А?

— До Плеяд всего пять часов. Если он поднимется на борт к отлету и будет сидеть в твоей проекторной, мне все равно.

Голова Мыша вернулась другим маршрутом; ему вздумалось ее почесать.

— О. Ыы. Ну. — Он рассмеялся. — Капитан, спасибо! — Повернулся, побежал вверх по ступенькам. — Эй, Лео! — Последние он перелетал через две. — Кейтин, Лео! Капитан говорит, ладно. — И крикнул вниз: — Еще раз спасибо!

Лорк сделал несколько шагов.

Постоял, сел, уперев плечо в шершавую стенку.

Стал считать волны.

Когда число сильно перевалило за сотню, прекратил.

По горизонту кружило полярное солнце; меньше золота, больше сини.

В тумане перед Лорком возникали и пропадали фигуры: Аарон Красный; Дана; отец. Затем… коренастый наглый юнец в новом жилете, готовый к вечеринке; мускулистый австралиец, цинично глядящий на любую помпу и любую власть. Князь убил одного из вас. Я убил другого. Кто из нас большее чудовище?..

Когда он увидел сеть, ладони скользнули по бедрам и замерли на узлах коленей.

Звенья клацнули по нижним ступенькам. Затем вырос наездник, по пояс в клокочущей белизне. Туманные буйки понесли сеть вверх. Кварц поймал синие искорки.

Лорк облокачивался о стену. Поднял голову.

Темноволосый наездник восходил по лестнице, за-над ним волновались стальные тенета. Сети ударили по стене, загремели. Пятью ступенями ниже Лорка она стянула туманную маску.

— Лорк?

Его руки расщелкнулись.

— Как ты нашла меня, Лала? Я знал, что найдешь. Скажи, как?

Она тяжело дышала, непривычная к весу снаряжения. Шнуровка напряглась, ослабла, напряглась между ее грудями.

— Когда Князь выяснил, что ты улетел с Тритона, он разослал записи в семь десятков мест, куда ты мог полететь. Циане — только одну из. Потом он поручил мне следить за новостями — которая запись получена. Я была на Чобе-Мире и,

когда ты проиграл запись в Алкане, понеслась сюда. — (Сети сложились на ступенях.) — Едва я поняла, что ты на Ворписе, в Фениксе… ну, пришлось попотеть. Поверь, я бы не стала повторять этот опыт. — Она положила руку на скалу; сети шелестели.

— В этом раунде, Лала, я рискую. Прошлый я пытался сыграть, просчитав все ходы на компьютере. — Он дернул головой. — Теперь играю, доверившись руке, глазу и уху. Пока хуже не вышло. Зато куда быстрее. Всегда обожал скорость. Видимо, только это и роднит меня с тем, кем я был, когда мы встретились.

— Князь однажды сказал мне что-то очень похожее. — Она подняла глаза. — Твое лицо. — Ее мерцало болью. Она стояла так близко, что могла коснуться шрама. Ее рука взметнулась, упала. — Почему ты не?.. — Она не закончила.

— Так полезнее. Теперь мне служит каждая полированная поверхность во всех этих дивных новых мирах.

— В каком смысле служит?

— Напоминает, зачем я здесь.

— Лорк… — голос ожесточился, — что ты делаешь? Чего ты или твоя семья думаете добиться?

— Надеюсь, ты не знаешь, и Князь тоже. Я не старался ничего скрыть. Только свое послание тебе я передаю довольно архаичным способом. Как думаешь, сколько времени нужно, чтобы слухи одолели космос между нами? — Лорк выпрямил спину. — Минимум три тысячи человек в курсе, что́ вознамерился сделать Князь. Утром я проиграл им его письмо. Никаких больше секретов, Лала. Спрятаться можно много где; есть только одно место, где я буду весь на свету.

— Мы знаем, ты пытаешься каким-то образом уничтожить Красных. Это единственное, на что ты стал бы тратить столько времени и сил.

— Жаль, не могу сказать, что ты не права. — Он спутал пальцы. — Но вы не знаете, каким именно.

— Мы знаем, что тут замешана звезда.

Он кивнул.

— Лорк, мне хочется на тебя орать, кричать… что ты о себе возомнил?

— Что я о себе возомнил, чтобы бросить вызов Князю и прекрасной Лале Красной? Ты правда прекрасна, Лала, и я перед твоей красотой весьма одинок и нежданно проклят своей целью. Мы с тобой, Лала… все миры, на которых мы побывали, не подготовили нас к смыслу. Выживу я — выживет мир, сотня миров, сама жизнь. А если выживет Князь… — Он пожал

плечами. — Может, это все-таки игра. Нам твердят, что мы живем в бессмысленном обществе, что нашим жизням не хватает цельности. Вокруг нас вихляются миры, а я все равно хочу играть, не более. Меня готовили лишь к этому — играть, играть жестко, как можно жестче… и эффектнее.

— Ты ставишь меня в тупик, Лорк. Князь так предсказуем… — Она подняла брови. — Удивлен? Мы с Князем вместе росли. А в тебе я вижу неизвестность. На той вечеринке много лет назад, когда ты меня хотел, — это тоже была часть игры?

— Нет… да… Знаю, я не выучил правила.

— А теперь?

— Я знаю, что проложу свой путь сам. Лала, я хочу того, что есть у Князя… нет. Я хочу *выиграть* то, что есть у Князя. Когда выигрыш будет мой, я могу двинуться прочь и его выбросить. Но прежде я его завоюю. Мы сражаемся, и колеблются орбиты — скольких жизней и скольких миров? Да, я все понимаю. Ты сама сказала: мы особенные люди, пусть нас такими и делает власть. Но попытайся я помнить об этом постоянно, меня бы парализовало. Вот он я, здесь и сейчас, и мне надо сделать то-то и то-то. Я понял, Лала, как могу играть я. Что бы я ни делал… я, какой есть, каким меня сотворили… я должен играть так, чтобы победить. Помни об этом. Ты оказала мне очередную услугу. Я отдаю долг, предостерегая. Вот почему я тебя ждал.

— Что такого ты хочешь сделать, что должен столь многословно оправдываться?

— Пока не знаю. — Лорк засмеялся. — Слишком напыщенно звучит, да. Но это правда.

Она глубоко вдохнула. Наморщила высокий лоб, когда ветер перекинул волосы на плечо. Глаза ее были в тени.

— Полагаю, я должна тебе то же самое. — (Он кивнул.) — Считай, что предостерегла. — Она отошла от стены.

— Да.

— Отлично. — Она отвела руку назад — и бросила вперед!

И три сотни квадратных футов переплетенных цепей, взлетев над ее головой, рухнули на него с громом.

Звенья напали на его поднятые руки, ударили по ним. Он качнулся под весом.

— Лала!..

Она выбросила вперед другую руку; упал еще один слой.

Она подалась назад, и сети потянули его, захлестали по лодыжкам так, что он заскользил.

— Нет! Дай мне…

Сквозь змеящиеся звенья он увидел, что она снова в маске:

сверкающее стекло — глаза; рот и ноздри зарешечены. Все выражали теперь тонкие плечи, напрягшиеся вдруг невеликие мышцы. Она нагнулась; живот пошел складками. Адаптер-петли сделали ее руки раз в пятьсот сильнее. Лорка дернуло вниз по лестнице. Он упал, хватаясь за стену. Скала и металл язвили кисти и колени.

Что звенья нарастили в силе, то потеряли в точности. Сеть постигла зыбь, однако Лорку удалось поднырнуть под нее и отвоевать две ступеньки. Только Лала ответила тем же; его стащило еще на четыре. Две он принял на спину, одну на бедро. Лала катила его вниз. Туман плескался у ее голеней; она отступала в удушающую мглу, сокращалась, пока над белой поверхностью не осталась только маска.

Он ринулся прочь и пал еще на пять ступенек. Лежа на боку, поймал звенья, рванул на себя. Лала пошатнулась, а он ощутил, как еще один камень обдирает плечо.

Лорк освободился — от сетей, от задержанного дыхания. Попытался снова поднырнуть под то, что на него упало.

Но услышал, как задохнулась Лала.

Отбил звенья от лица, открыл глаза. Что-то снаружи…

Оно металось, темнея и трепеща, между стенами.

Лала махнула рукой, отгоняя тварь. И от Лорка оторвался слой сети.

Тварь взмыла, уворачиваясь от звеньев.

Пятьдесят фунтов металла слетели в туман. Лала покачнулась и исчезла.

Лорк спустился на пару ступенек. Туман обвил ляжки. Вяжущая мышьячная мгла пеленой покрыла голову. Он кашлянул, схватился за скалу.

Темная тварь порхала рядом. На мгновение груз приподнялся; Лорк, царапая пузом камень, пополз вверх. Всосал свежий воздух, задыхаясь и борясь с тошнотой; оглянулся.

Сеть парила наверху, сцепившись со зверем. Лорк подтянулся еще на ступеньку; зверь, трепыхаясь, освобождался от сети. Звенья больно обрушились на ногу; сползли с ноги; проклацали по лестнице вниз; скрылись из виду.

Лорк присел, заставил себя проследить за полетом твари среди скал. Та билась о стены, дважды взвихрилась, потом вернулась на плечо Себастьяна:

Приземистый киберштырь глядел вниз со стены.

Лорк, пошатываясь, встал на ноги, что есть мочи зажмурился, повертел головой, потом заковылял вверх по Эскларос-де-Нюаж.

Когда он добрался до верха лестницы, Себастьян застегивал стальное кольцо на гибкой лапе твари.

— И вновь я… — Лорк вдохнул еще раз и уронил руку на Себастьяново златошерстое плечо, — тебя благодарю.

Они смотрели со скалы туда, где ни один наездник не рассекал туман.

— Вы в опасности большой.

— Да.

С пристани торопилась к Себастьяну Тййи.

— Что было это? — Глаза, оживший металл, метались от мужчины к мужчине. — Я черную жабрю в свободном видела полете!

— В порядке все, — сказал ей Лорк. — Пока что. Я с королевой схватился мечей. Ваш спас меня зверек.

Себастьян взял Тййи за руку. Ее пальцы ощутили знакомые формы, и она успокоилась.

Себастьян хмуро спросил:

— Время пришло лететь?

И Тййи:

— К звезде вашей?

— Нет. К вашей.

Себастьян помрачнел.

— К Тусклой, Мертвой летим Сестре мы, — сказал им Лорк.

Тень и тень; тень и свет; по пристани шли близнецы. Недоумение застыло на лице Линкея; но не Идаса.

— Но?.. — начал Себастьян; тут рука Тййи шевельнулась в его руке, и он умолк.

Лорк не наградил неоконченный вопрос ответом.

— Других срочно отыщем. Я того, что дождался, ждал. Да; время пришло лететь.

Кейтин, пошатнувшись, бряцнул звеньями. Звяканье разэхалось по сетевому дому.

Лео усмехнулся:

— Да, Мыш. В этом последнем твой баре высокий слишком много друг выпил, думаю я.

Кейтин наверстал равновесие:

— Я не пьяный… — Запрокинул голову, всмотрелся в висящий занавесями металл. — Чтобы опьянеть, мне надо выпить вдвое больше.

— Круто. Я-то да. — Мыш открыл сумку. — Лео, ты хотел, чтоб я сыграл еще. Что хочешь увидеть?

— Мыш, что угодно. Что тебе нравится, сыграй.

Кейтин снова потряс сети:

— От звезды к звезде, Мыш; вообрази — великая паутина раскинулась по галактике далеко-далеко, докуда разлетелись

люди. Такова матрица, в которой история случается сегодня. Ты не видишь? Вот она. Моя теория. Всякий индивид — узел в сети, а паутинки между — культурные, экономические, психологические нити, что держат индивидов вместе. Любое историческое событие — рябь по паутине. — Он опять погремел цепями. — Движется по сети и сквозь нее, напрягая или сокращая культурные связи, что спутали каждого с каждым. Если событие сколько-нибудь катастрофично, связи рвутся. Ненадолго сеть остается разодранной. Де Айлинг и 34-Элвин спорят лишь о том, где ряби начинаются и как быстро бегут. Но в общем и целом они об одном, понимаешь? Я хочу ухватить размах и масштаб этой сети в моем… моем романе, Мыш. Я хочу, чтобы он разошелся по всей паутине. Но мне нужна центральная тема — мое великое событие, чтобы сотряслась история, чтобы предо мной забились и заблистали звенья. Луна, Мыш… улететь на красивый камешек, доведя искусство до совершенства, наблюдать за потоком и смещением сети. Вот чего я хочу, Мыш. А темы все нет!

Мыш сидел на полу, искал на дне сумки отвалившуюся от сиринги ручку настройки.

— Ну, напиши о себе.

— О, идея что надо! Кто это будет читать? Ты?

Мыш нашел ручку и вогнал ее обратно на стерженек.

— Вряд ли я осилю роман — он же длинный.

— Ну а если тема, скажем, столкновение двух великих семейств, Князева и капитанова, может, ты все-таки *захочешь*?

— Сколько ты сделал заметок? — Мыш рискнул просветить ангар пробным лучом.

— Менее десятой части от необходимого. И пусть мой роман обречен стать пыльной музейной реликвией, он будет весь разукрашен… — Кейтин колыхнулся обратно к цепям, — выделан… — звенья загрохотали; он возвысил голос, — скрупулезная работа; совершенство!

— Я родился, — сказал Мыш. — Я должен умереть. Я страдаю. Помоги мне. Вот, я только что написал тебе книгу.

Кейтин увидел свои большие слабые пальцы на кольчужном фоне. Чуть погодя сказал:

— Мыш, иногда мне от тебя рыдать хочется.

Аромат миндаля.

Аромат тмина.

Аромат кардамона.

Убывающие мелодии сцепляются.

Обкусанные ногти, раздутые костяшки; тыл Кейтиновых ладоней замерцал палитрой осени; рядом на цементном полу заплясала в паутине его тень.

— Вот так вот, — засмеялся Лео. — Играй, играй, Мыш! Играй ты!

И тени танцевали до голосов:

— Эй, парни, вы еще…

— …тут? Капитан велел нам…

— …сказал вас откопать. Нам…

— …нам пора. Пошли…

— …мы летим!

Глава шестая

— Паж жезлов.

— Справедливость.

— Суд. Моя взятка. Королева кубков.

— Туз кубков.

— Звезда. Моя взятка. Отшельник.

— Козыряет она! — Лео усмехнулся. — Смерть.

— Дурак. Взятка моя. Теперь: рыцарь пентаклей.

— Тройка пентаклей.

— Король пентаклей. Взятка теперь моя. Пятерка мечей.

— Двойка.

— Маг; моя взятка.

Кейтин смотрел на сумрачный шахматный столик, за которым Себастьян, Тййи и Лео, час посвятив воспоминаниям, играли в три руки в таро-вист.

Кейтин знал игру плохо; но они этого не ведали, и он пережевывал мысль, что его играть не пригласили. Он наблюдал за игрой четверть часа из-за плеча Себастьяна (темное нечто толпилось у его ноги), пока волосатые руки раздавали карты и разворачивали их веером. Кейтин пытался изваять из малых знаний сокрушительно блестящее понимание, чтобы стремглав броситься в игру.

Они играли так быстро…

Он сдался.

Но по пути к пандусу, где сидели, свесив ноги над прудом, Мыш и Идас, улыбнулся. Потрогал в кармане кнопки записчика, складывая в голове очередную заметку.

Идас говорил:

— Слышь, Мыш, а если повернуть эту ручку…

— Стой! — Мыш спихнул черную руку Идаса с сиринги. — Ослепишь всех вокруг!

Идас поморщился:

— На моей, когда я с ней возился, не было… — Голос затих в ожидании отсутствующего завершения.

Мышовы пальцы скользнули по дереву, стали, пластику. Он погладил струны и выщепил акустическую мелодию.

— Не умеешь обращаться с этой штукой — можешь дров наломать. Она высокоточная, а света и звука дает столько, что запросто отслоит сетчатку и порвет перепонку. Чтобы замутнить голограммы, в ней, знаешь ли, есть лазер.

Идас покачал головой:

— Я на своей играл недолго и не понял, как она работает во

всех… — Потрогал более безопасные струны. — Очень красивая…

— Привет, — сказал Кейтин.

Мыш хрюкнул, не отвлекаясь от настройки бурдонов.

Кейтин сел по другую сторону от Мыша и сколько-то секунд смотрел.

— Я тут подумал… — сказал он. — Девять раз из десяти, когда я мимоходом говорю кому-то «привет» или когда тот, с кем я говорю, идет по своим делам, я минут пятнадцать прокручиваю ситуацию: то ли моя улыбка показалась неподобающе фамильярной, то ли трезвое лицо ошибочно приняли за холодность. Раз десять прокручиваю инцидент, меняю тон голоса, пытаюсь экстраполировать перемену в реакции другого человека…

— Слушай. — Мыш оторвался от сиринги. — Все в порядке. Ты мне нравишься. Я был занят, и все.

— А. — Кейтин улыбнулся; потом улыбку смела хмурость. — Знаешь, Мыш, я вот завидую капитану. У него есть миссия. И он так ею одержим, что ему все равно, кто что о нем подумает.

— Я не думаю о том, что ты описал, — сказал Мыш. — Обычно.

— А я — да. — Идас огляделся. — Когда я сам по себе, я всегда все… — И уронил темную голову, изучая костяшки.

— Он молодец — дал всем отдохнуть, а сам повел корабль с Линкеем, — сказал Кейтин.

— Ага, — сказал Идас. — Наверно, если… — И, развернув кисти, вчитался в темные письмена ладоней.

— У капитана забот полон рот, — сказал Мыш. — А он их не хочет. В этой части маршрута бояться нечего, вот он и решил хоть чем-то себя занять. Я так думаю.

— Ты считаешь, капитан видит кошмары?

— Может быть. — Мыш извлек из своей шарманки корицу, но так сильно, что обожгло носы и нёба.

Кейтин прослезился.

Мыш помотал головой и повернул ручку, которую трогал Идас:

— Извините.

— Рыцарь… — через кают-компанию Себастьян поднял глаза от карт и сморщил нос, — мечей.

Кейтин, у которого только и хватало длины ног, коснулся носком сандалии воды под пандусом. Зашуршал цветной гравий; Кейтин достал записчик и щелкнул по бугорку записи:

— Главным образом романы были об отношениях. — Он говорил и глазел на искажения мозаичной стены за листвой. — Их популярность зиждилась на том, что они камуфлировали

одиночество читателей — людей, по сути завороженных интригами собственного сознания. Капитан и Князь, например, одержимы и потому соотносятся по всем фронтам…

Мыш нагнулся и сказал в украшенную каменьями коробку:

— Капитан и Князь не видели друг друга вживую, наверное, десять лет!

Кейтин раздраженно отключил записчик. Поискал, чем парировать; ничего не нашел. Щелкнул по коробке снова:

— Помни: общество, которое это позволяет, есть общество, не сделавшее ничего, чтобы спасти роман. Не забывай, когда пишешь, что тема романа — то, что происходит между лицами людей, когда они друг с другом разговаривают. — Выключил опять.

— Зачем ты пишешь книгу? — спросил Мыш. — В смысле, что ты хочешь с ней сделать?

— Зачем ты играешь на сиринге? Я уверен, по той же самой причине.

— Если б я все время только готовился, я бы никогда ничего не сыграл; это намек.

— Я начинаю понимать, Мыш. Не моя цель, но мои средства — вот что тебя злит, в некотором роде.

— Кейтин, *я отлично* понимаю, что ты делаешь. Ты хочешь создать нечто красивое. Только так это не работает. Да, мне пришлось долго упражняться, чтобы научиться играть на этой штуке. Но если ты хочешь добиться чего-то этакого, надо, чтоб людей взяло и пробрало от жизни вокруг — пусть даже одного-единственного чувака, который сыскал твой роман в подвале Алкана. Если тебя самого не пробирает, ничего не выйдет.

— Мыш, ты хороший, добрый и красивый человек. Просто ты не прав, и все. Эти красоты, которые ты выделываешь из шарманки, — я внимательно наблюдал за твоим лицом и знаю, что они почти все внушены ужасом.

Мыш поднял глаза, лоб пошел морщинами.

— Я могу часами сидеть и глядеть, как ты играешь. Но, Мыш, это же мимолетные радости. Только если все, что ты узнал о жизни, возгнать в абстракцию и использовать как смысловую подкладку со знаковым узорообразованием, итогом станет нечто и красивое, и вечное. Да, во мне есть важный для работы резервуар, до которого я не смог достучаться, — тот, что в тебе разработан и бьет ключом, хлещет с твоих пальцев. Но огромная часть тебя играет, чтобы утолить голод того, кто кричит внутри. — Кейтин кивнул Мышу, который глядел волком.

Мыш снова издал этот свой звук.

Кейтин пожал плечами.

— Я бы почитал твою книгу, — сказал Идас.

Мыш и Кейтин посмотрели на него.

— Я прочел… ну, несколько книг… — Он вновь глянул на пальцы.

— Ты бы почитал?

Идас кивнул.

— Во Внешних Колониях люди читают книги, бывает, что и романы. Хотя там не очень… ну, только старые… — Он смотрел в раму на стене напротив: Линкей лежит, как нерожденный призрак. В другой раме — капитан. Идас потерянно глянул на Мыша и Кейтина. — Во Внешних Колониях все не так, как… — Обвел рукой корабль, подразумевая весь Дракон. — Скажите, вы знаете место, куда мы летим, нет?

— Никогда там не был, — сказал Кейтин.

Мыш покачал головой.

— Я просто думал, вдруг вы знаете, где можно раздобыть чуток… — Опустил взгляд. — Не важно…

— Надо спросить у них, — сказал Кейтин, показав на картежников через всю кают-компанию. — Это их дом.

— А, — сказал Идас. — Ага. Пожалуй… — Сверзился с пандуса, зашлепал по воде, выбрался на гравий и пошел, обтекая, по ковру.

Кейтин глянул на Мыша и потряс головой.

Но водяной след весь впитался в синее покрытие.

— Шестерка мечей.

— Пятерка мечей.

— Простите, кто-нибудь знает…

— Десятка мечей. Моя взятка. Паж кубков.

— …на этом мире, куда мы летим. Вы не знаете…

— Башня.

(«Плохо, что у капитана эта карта вышла перевернутой, — прошептал Кейтин Мышу. — Поверь, ничего хорошего она не предвещает».)

— Четверка кубков.

— Моя взятка. Девятка жезлов.

— …можно раздобыть…

— Семерка жезлов.

— …блажи?

— Колесо Фортуны. Взятка моя. — Себастьян посмотрел на Идаса. — Блажи?

Исследователь, решивший назвать самую внешнюю из планет Тусклой, Мертвой Сестры Элизием, пошутил неудачно. Несмотря на всю планоформенную машинерию, тот оставался мерзлым

угольком, эллипсирующим на трансплутоновых расстояниях от Ее призрачного света, бесплодным и ненаселенным.

Кто-то предложил однажды сомнительную теорию: все три оставшихся мира — на деле луны: в миг катастрофы они пребывали в тени гигантской планеты и избежали ярости, испепелившей их защитницу. Если ты и луна, то неважнецкая, думал Кейтин, когда они скользили мимо. Как мир ты ничуть не лучше. Урок всем притворяшкам.

Когда исследователь исследовал все прочее, чувство пропорции к нему вернулось. На среднем мире ухмылка дрогнула: исследователь назвал его Дит.

Судьба исследователя подсказывает: угрызение совести запоздало. Тот, кто насмехался над богами, пусть и единожды, познал античное отмщенье. Его корабль разбился на внутренней планете. Она осталась неназванной и до сего дня именуется другим миром, без помпы, пышности и заглавных букв. И только когда прибыл второй исследователь, другой мир неожиданно раскрыл свой секрет. Огромные равнины, сочтенные издали отвердевшим шлаком, оказались океанами — из воды, но замерзшей. Да, верхние десять-сто футов смешаны со всякой щебенкой и отбросами. В итоге было решено, что другой мир некогда покрывали от двух до двадцати пяти миль воды. Кажется, тысяча девятьсот двадцатые коптили космос, когда Тусклая, Мертвая Сестра сделалась новой. В результате процент суши на планете стал чуть больше, чем на Земле. Непригодная для дыхания атмосфера, полное отсутствие органической жизни, температуры ниже нижнего? Мелкие проблемы в сравнении с таким подарком, как моря, — и легко исправимые. Так в ранние дни Плеяд человечество вторглось на обугленную, заледенелую сушу. Старейший город другого мира — но не самый крупный, ибо коммерческие и экономические сдвиги последних трех веков сдвинули и население, — назвали весьма тщательно: Город Страшной Ночи[11].

И «Птица Рух» села у черного волдыря Города на верхушке Когтя Дьявола.

— …восемнадцати часов. — И инфоголос кончился.

— Как тебе — ты дома или нет? — спросил Мыш.

Лео обозревал дром.

— Никогда по миру не ходил этому я, — вздохнул рыбак; за дромом распростерлось до горизонта море рваного льда. — Но «громадные сегментные нхары о шести ластах косяками по небу плавают. Рыбаки на них гарпунами длиной в пять высоких людей вместе охотятся». Плеяды узнаю́ я; дома я вполне. — Он

улыбнулся, и морозное дыхание, возносясь, затуманило синие глаза.

— Это твой мир, Себастьян, так ведь? — спросил Кейтин. — Наверное, радостно возвращаться домой.

Себастьян отмахнул темное крыло, бившееся перед глазами.

— Мой по-прежнему, но… — Огляделся, хмыкнул. — Из Туле я-то. Большой город; в четверти другого мира окружности лежит. Очень отсюда далеко; и совсем иной. — Посмотрел в сумеречное небо. Сестра стояла высоко: неясная жемчужина в серо-сизом футляре облаков. — Иной совсем. — Кивнул себе.

— Наш мир, да, — сказала Тййи. — Но не дом вовсе наш.

Капитан, обгонявший их на пару шагов, оглянулся на говорящих:

— Посмотрите. — Показал на ворота. Лицо под шрамом застыло. — Не обвивает никакой колонну дракон. Дом это ваш. Для вас и тебя и тебя и меня дом это!

— Дом вполне, — повторил Лео. Но настороженно.

Они последовали за капитаном сквозь неозмеённые ворота.

Пейзаж являл все цвета пожарища.

Медь: окисляется до крапчатой, с желтыми прожилками зелени.

Железо: черный и красный пепел.

Сера: ее оксид — илистый, багрянистый до бурого.

Цвета вторгались с пыльного горизонта, повторялись на стенах и башнях Города. Линкей прикрыл рукой серебряную бахрому ресниц, вгляделся в небо, где рой теней, беснующихся темных листьев, мерк на утомленном солнце, способном не более чем на вечер даже в полдень. Линкей посмотрел на тварь на Себастьяновом плече: та потягивала крылья, гремела поводком.

— Рада жабря возвращению домой? — Он хотел потрепать нахохленное создание, но отдернул белую руку от темного когтя; близнецы обменялись взглядами, засмеялись.

Они нисходили в Город Страшной Ночи.

На полпути вниз Мыш пошел назад по эскалатору:

— Это… это не Земля.

— А? — Кейтин скользнул мимо, увидел Мыша и запятился сам.

— Ты глянь вниз, Кейтин. Это не Солнечная система. Это не Дракон.

— Ты впервые за пределами Сола, да?

Мыш кивнул.

— Оно почти такое же.

— Кейтин, ты только глянь.

— Город Страшной Ночи, — протянул Кейтин. — Столько огней. Видно, здесь боятся тьмы.

Они застыли на негнущихся ногах еще на миг, уставясь на шахматную плоскость: вычурные игровые фигурки, груда королей, ферзей и ладей высится над конями и пешками.

— Пошли, — сказал Мыш.

Двадцатиметровые металлические лопасти, образующие гигантскую лестницу, смели их вниз.

— Нам бы нагнать капитана.

На улочках подле дрома — пруд пруди дешевых трактиров. Над переходами растут арки шатров, рекламирующих танцплощадки и психорамы. Сквозь прозрачную стену Мыш смотрел на пловцов в клубе отдыха.

— Не так сильно отличается от Тритона. Шесть пенсов @сг? Дико дешево, что есть, то есть.

Каждый второй на улице явно с корабля, офицер или член экипажа. Толкучка все не кончается. Мыш услышал музыку. В том числе из открытых дверей баров.

— Слышь, Тййи. — Мыш показал на навес. — Ты в таком заведении не работала?

— В Туле, да.

«Надежные гадания»: буквы на вывеске сверкали, съеживались и расползались.

— Мы пробудем в Городе…

Они обернулись к капитану.

— …пять дней.

— Будем жить на корабле? — спросил Мыш. — Или в городе, где чуток повеселее?

Возьмите шрам. Наложите три полоски частоколом у самого верха: капитанов лоб измялся.

— Вы все догадываетесь, какая нам грозит опасность. — Взгляд прыгнул над домами. — Нет. Мы не останемся ни здесь, ни на корабле. — Он вступил в створки коммуникационной будки. Не потрудившись закрыть за собой дверцы, наставил руку на индуктпанели. — Лорк фон Рэй говорит. Йоргос Сэцуми?

— Я завершилось ли совещание посмотрю его.

— Его будет андроида достаточно, — сказал Лорк. — Я о скромной прошу услуге.

— Он всегда с вами лично, господин фон Рэй, говорить любит. Секунду, я он освободился думаю.

В смотровой колонне материализовалась фигура.

— Лорк, с тобой давненько не виделись. Что для тебя я сделать могу?

— Занят ли Таафит-на-Злате следующие десять дней?

— Нет. Я сейчас в Туле — и пробуду тут месяц. Я так понимаю, ты в Городе и ищешь, где остановиться?

Кейтин сразу заметил, что капитан сменил диалекты.

Между голосами капитана и Сэцуми имелось неописываемое сходство, разъяснявшее обоих. Кейтин опознал общие паттерны, свойственные, надо полагать, прононсу высшего класса Плеяд. Посмотрел на Тййи и Себастьяна — откликнулись или нет? Мельчайшее движение мышц вокруг глаз, но — да. Кейтин снова обратился к смотровой колонне.

— Йорги, со мной компания.

— Лорк, мои дома — твои дома. Надеюсь, ты и твои гости славно проведете время.

— Спасибо, Йорги. — Лорк вышел из будки.

Команда переглядывалась.

— Нельзя исключать, — сказал Лорк, — что следующие пять дней на другом мире станут моими последними днями где бы то ни было. — Он тщательно поискал реакции; они так же тщательно постарались ее скрыть. — Давайте радоваться жизни. Сюда нам, пошли.

Моно пополз вверх по рельсе и прошвырнул их через Город.

— Это Злато и есть? — спросила Тййи Себастьяна.

Мыш рядом вдавил лицо в стекло:

— Где?

— Там. — Себастьян показал куда-то за площади; среди больших домов Город разрывала река жидкого огня.

— Эй, совсем как на Тритоне, — сказал Мыш. — Ядро этой планеты тоже плавит иллирий?

Себастьян помотал головой:

— Вся слишком планета для этого велика. Только под каждым городом кору. Эта трещина именем Злато.

Мыш смотрел, как крошатся огневые разломы близ слепящей трещины.

— Мыш?

— А? — Он поднял глаза: Кейтин вытаскивал записчик. — Чего тебе?

— Сделай что-нибудь.

— Что?

— Я провожу эксперимент. Сделай что-нибудь.

— Чего мне сделать?

— Что угодно, что у тебя в голове. Давай.

— Ну… — Мыш нахмурился. — Ладно.

Мыш сделал.

Близнецы в другом конце вагона удивленно обернулись.

Тййи и Себастьян поглядели на Мыша, друг на друга, снова на Мыша.

— Персонажей, — сказал Кейтин в записчик, — лучше всего обнаруживают действия. Мыш отошел от окна, замахал рукой по кругу. По его лицу я могу заключить: его забавляет, что я удивился ярости его движений, и в то же время ему любопытно, удовлетворен ли я. Он опять уронил руки на окно, дыхание чуть учащенное, костяшки вдавлены в подоконник…

— Эй, — сказал Мыш. — Я всего-то покрутил рукой. Одышка, костяшки… этого всего не было…

— «Эй, — сказал Мыш, сунув большой палец в дырку на штанине, — я всего-то покрутил рукой. Одышка, костяшки… этого всего не было…»

— Да блин!

— Мыш выпростал большой палец, нервно сжал руку в кулак, рявкнул: «Да блин!» — и отвернулся, разозлившись. Есть три типа действий: намеренные, привычные и беспричинные. Персонажа, чтобы он стал непосредствен и постижим, следует представлять всеми тремя. — Кейтин глянул в переднюю часть вагона.

Капитан смотрел сквозь обтекавшую крышу волнистую панель. Желтые глаза проницали Ее чахоточный свет, пульсировавший огневыми точками в тлеющих углях небес. Свет столь слабый, что капитан даже не щурился.

— Я сбит с толку, — признался Кейтин разукрашенной коробке, — несмотря на вышесказанное. Зерцало моего восприятия совершает поворот, и то, что сперва казалось беспричинным, я вижу достаточно часто и вынужден заключить: речь о привычке. То, что я счел привычным, теперь видится частью великого замысла. А то, что я изначально принимал за намерение, взрывается беспричинностью. Зерцало повертывается вновь, и персонаж, в котором я видел одержимость намерением, разоблачает это намерение как жалкую привычку; его привычки беспричинно нецелесообразны; и те действия, что я трактовал как беспричинные, являют вдруг самую демоническую цель.

Желтые глаза отстали от усталой звезды. Лицо Лорка прорвало вкруг шрама из-за не увиденной Кейтином Мышовой шалости.

Ярость, задумался Кейтин. Ярость. Да он смеется. Но как прикажете различать ярость и смех на таком-то лице?

Однако другие тоже смеялись.

Мы различаем — все-таки, как-то, невесть как.

— Что это за дым? — спросил Мыш, обходя курящуюся

решетку на мостовой.

— Канализационная просто, думаю, решетка, — сказал Лео.

Рыбак глядел, как туман овивает столб — опору сияющего индуктолюминесцентного фонаря. У земли пар раздувался и проседал. Под светом — танцевал и рябил.

— Таафит в конце улицы, — сказал Лорк.

Они взошли на холм, миновав еще с полдесятка решеток, дымивших сквозь бессрочный вечер.

— Я так думаю, Злато прямо…

— …прямо под мостовой?

Лорк кивнул близнецам.

— Что это за место — Таафит? — спросил Мыш.

— Это место, где мне будет хорошо. — По лицу капитана скользнул намек на страдание. — И где ты не будешь меня доставать. — Лорк изготовился к подзатыльнику, но Мыш нырнул под руку. — Пришли.

Двенадцатифутовые ворота с глыбами витражей в кованом железе разошлись, едва Лорк приложил ладонь к панели.

— Они меня помнят.

— Таафит не ваш? — спросил Кейтин.

— Моего одноклассника и старинного друга, Йоргоса Сэцуми, владельца «Горнодобычи Плеяд». Лет десять назад я тут бывал частенько. Тогда замóк и настроили на мою руку. Я сделал то же для Йорги в своих домах. Мы с ним редко видимся, но раньше были очень близки.

Они вошли в сад Таафита.

Здешние растения не предназначались для любования на ярком свету. Цветы — багряные, бордовые, лиловые: оттенки вечера. Слюдяные чешуйки паучьей тильды искрятся над безлистными ветвями. Много низких кустарников, но вся флора повыше — стройная и редкая, чтобы отбрасывать как можно меньше тени.

Фасад самого Таафита — волнистое стекло. На длинном участке стен нет вообще — дом и сад сливаются. Нечто вроде тропки вело к условной лестнице, вырезанной в камне под, вероятно, парадной дверью.

Когда Лорк приложил руку к дверной панели, дом насквозь замигал огнями: свет мерцал в верхних окнах и дальних концах коридоров, отражался из-за угла, лился через проницаемую стену, змеился фиолетовыми ручейками и блистал пронизанным тьмой янтарем. Даже под гостями: прозрачные сегменты пола являли огни в комнатах на много этажей вниз.

— Прошу.

Они пошли вслед за капитаном по бежевому ковровому

покрытию. Кейтин ускорил шаг, завидев полку с бронзовыми статуэтками.

— Бенин? — спросил он капитана.

— Кажется. Йоргос без ума от Нигерии тринадцатого века.

Когда Кейтин обернулся к другой стене, его глаза расширились.

— Ну это точно не оригиналы. — Затем сузились. — Подделки ван Мегерена?

— Нет. Боюсь, всего лишь старые добрые копии.

Кейтин хихикнул:

— У меня все не идут из головы «Под Сириусом» Дехэй.

Они зашагали дальше по коридору.

— По-моему, тут у нас бар. — Лорк свернул в проем.

Огнями озарилась только нижняя половина — из-за того, что находилось за сорока футами стекла напротив.

Желтые лампы заиграли на молочно-голубой глади песчаного пруда, наполняемого сыпучими струйками из каменной стены. Уже въезжали на поворотном круге закуски. Бледные статуэтки на плавучих полках. В холле — бенинская бронза; здесь — кикладский мрамор, лучащийся, без особых примет.

Снаружи — Злато.

Среди растрескавшихся утесов лава пылала как день.

Каменная река текла рядом, покачивая тени утесов меж деревянных стропил потолка.

Мыш шагнул вперед и что-то беззвучно сказал.

Тййи и Себастьян прищурились:

— Ну вот это…

— …зрелище что надо!

Мыш обежал песчаный пруд, прильнул к стеклу, притенил глаза руками. Ухмыльнулся через плечо:

— Будто в Пекле на Тритоне!

Тварь на плече Себастьяна сиганула, забившись, на пол и шмыгнула за хозяина, когда что-то в Злате взорвалось. Опадая, пламя бросило горсть света в их лица.

— Которое варево другого мира желаете отведать первым? — спросил Лорк близнецов, исследуя бутылки на круге.

— Вот это красное…

— …зеленое вроде ничего…

— …ну, на Табмене было кое-что получше…

— …а то. На Табмене была штука именем блажь…

— …знаете блажь, капитан?

— Блажи нет. — Лорк держал по бутылке в руке. — Красное или зеленое. То и то хорошее.

— Я бы да…

— …я тоже. Но, кажется, у него нет…

— …кажется, нет. Так что мне…

— …красного…

— …зеленого.

— По одной на брата. Момент.

Тййи коснулась Себастьяновой руки.

— Что? — Себастьян напрягся.

Она показала на стену, где от длинного холста как раз отплывала полка.

— На Ущелье Промозглое вид из Туле! — Себастьян сжал плечо Лео. — Гляди. Дом это!

Рыбак посмотрел.

— Если из заднего где родился в доме окна я посмотреть, — сказал Себастьян, — это видно и только.

— Эй. — Мыш стукнул Кейтина по плечу.

Тот отвлекся от оглядываемой скульптуры на смуглое лицо Мыша:

— А?

— Вон, табуретка. Помнишь, ты говорил на корабле про всякое из Республики Вега?

— Да.

— Табуретка оттуда?

Кейтин улыбнулся:

— Нет. Тут весь дизайн сделан под дополетную эпоху. Эта комната — довольно точная реплика какого-нибудь изящного американского особняка двадцать первого или второго века.

Мыш кивнул:

— А.

— Богатые вечно зачарованы стариной.

— Я в таких домах никогда не бывал. — Мыш заозирался. — Это что-то, да?

— Да. Оно.

— Прошу испить вашу порцию яда, — позвал Лорк от круга.

— Мыш! На сиринге сыграешь? — Лео нес две кружки, одну втиснул в руки Мыша, другую — Кейтина. — Сыграй. Скоро к ледовым я пойду докам. Мыш, мне сыграй.

— Сыграй, чтоб мы потанцевали…

— …потанцуй с нами, Тййи. Себастьян…

— …Себастьян, а ты потанцуешь с нами?

Мыш слущил с себя сумку.

Лео пошел за своей кружкой, вернулся и бухнулся на табуретку. Образы Мыша бледнели рядом со Златом. Но музыку расцвечивали резкие, настойчивые четвертьтона́. Пахло вечеринкой.

На полу придерживал корпус сиринги грязной, ороговевшей ступней, отбивал темп носком ботинка и качался. Его пальцы летали. Свет от Злата, от комнатных ламп, от Мышовой сиринги хлестал капитаново лицо, и оно делалось злым. Двадцать минут спустя Лорк сказал:

— Мыш, я украду тебя ненадолго.

Мыш прекратил играть:

— Чего хотите, капитан?

— Компании. Я прогуляюсь.

Лица танцоров вытянулись.

Лорк повернул ручку на круге:

— Я включил сенсор-записчик.

Музыка началась заново. И фантазмы Мышовой сиринги снова пустились в пляс, вместе с образами танцующих Тййи, Себастьяна и близнецов и их смехом…

— Куда мы, капитан? — спросил Мыш. Положил сирингу на футляр.

— Я тут подумал… Нам кое-что нужно. Я достану блажи.

— В смысле, вы знаете…

— …где ее раздобыть?

— Плеяды — мой дом, — сказал капитан. — Мы отойдем, может, на час. Мыш, пошли.

— Эй, Мыш, не оставишь…

— …сирингу нам…

— …пока что? Не переживай. Мы ее…

— …будем ее оберегать.

Растянув губы ниточкой, Мыш перевел взгляд с близнецов на инструмент:

— Ладно. Можете поиграть. Но осторожнее, а?

И пошел к Лорку, ждавшему у двери.

Лео присоединился:

— Время тоже уходить и мне.

Внутри Мыша раной разверзся шок неизбежного. Он моргнул.

— За то, что подбросили, вам, капитан, спасибо.

Они прошли холл и сад Таафита. За воротами остановились у дымящейся решетки.

— К ледяным тебе в этом направлении докам. — Лорк указал вниз с холма. — На моно садись, до конечной езжай.

Лео кивнул. Голубые глаза поймали Мышовы темные, по лицу пробежало смущение.

— Ну, Мыш. Может, где-то повстречаемся однажды, а?

— Ага, — сказал Мыш. — Может.

Лео развернулся и побрел по уличным испарениям, щелкая каблуком.

— Эй… — позвал Мыш через секунду.

Лео оглянулся.

— С Эштоном Кларком.

Лео ухмыльнулся, тронулся вновь.

— Знаете, — сказал Мыш Лорку, — наверно, я его больше не увижу. Пойдемте, капитан.

— Мы близко к космодрому? — спросил Мыш; они спускались по многолюдным ступеням станции монорельса.

— Отсюда можно пешком дойти. Мы прокатились вдоль Злата на пять миль от Таафита.

Здесь только что побывали брызгалки. Прохожие отражались в мокром тротуаре. Стайка подростков — у двоих парней на шее колокольчики — перебежали дорогу старику, смеясь. Тот, обернувшись, шел за ними пару ступеней с протянутой рукой. Потом вернулся, подступил к Мышу и Лорку:

— Старому человеку поможете вы? Завтра, завтра в работу воткнусь я. Но сегодня…

Мыш оглянулся на попрошайку, однако Лорк шага не замедлил.

— Что там? — Мыш показал на высокую галерею огней. Люди толпились у двери на сияющей улице.

— Блажи там нет.

Завернули за угол.

На той стороне стояли у ограды парочки. Лорк пересек улицу.

— Другой конец Злата.

Под неровным склоном вился в ночь яркий камень. Одна пара поворачивалась, не разнимая рук, их лица бликовали.

Посверкивая волосами, руками и плечами, шагал мужчина в жилете из ламе́. С шеи свешивался лоток с каменьями. Пара его остановила. Девушка купила у торговца висюльку, улыбнувшись, поместила парню на лоб. Из грозди камней посередине разбежались блестящие серпантины, ввились в длинные волосы. Пара смеялась на мокрой улице.

Лорк и Мыш добрались до конца ограды. По каменной лестнице протопала толпа плеядских патрульных в униформе. За ними бежали, вопя, три девочки. Их догнали пять мальчиков, и вопли стали смехом. Мыш оглянулся: они окружили торговца украшениями.

Лорк шел вниз по лестнице.

— А что внизу? — Мыш торопился следом.

Сбоку от широких ступеней люди пили за столиками, выставленными у врезанных в скалу кафе.

— Вы явно знаете, куда идете, капитан. — Мыш настиг

Лорков локоть. — *А это* кто? — Уставился на прохожую. Все вокруг одеты легко, а на этой — тяжелая, отороченная мехом парка.

— Она из твоих ледовых рыбаков, — сообщил капитан. — Лео скоро наденет такую же. Они в основном живут вдали от жаркой части Города.

— Куда мы идем?

— По-моему, нам вон туда. — (Они двигались вдоль тусклой скальной гряды. Тут и там в камне вырезаны окна. Из теней сочится синий свет.) — Подобные места меняют владельцев каждые два месяца, а я не был в Городе пять лет. Не найдем, что ищу, — отыщем что-нибудь другое.

— Что за место-то?

Женский визг. Распахивается дверь. Женщина выходит, вихляясь. Другая вдруг выныривает из тьмы, хватает за руку, влепляет две пощечины и тащит обратно. Дверь захлопывается с повторным визгом. Старик — видно, тоже ледовый рыбак, по меху судя, — подставляет плечо молодому:

— Мы до комнаты тебя. Голову не вешай. В порядке будет все. До комнаты мы.

Мыш глядел, как они ковыляют мимо. Позади у каменных ступеней замерли двое. Она мотает головой. Наконец он кивает, и они идут обратно.

— Там, куда мы идем, среди прочего цвел промысел: людей хитростью заманивали на работу в шахты Внешних Колоний и потом брали комиссионные по числу завербованных. Промысел абсолютно законный, глупцов во Вселенной хватает. Но я был бригадиром в одной такой шахте, видел все с другой стороны. Некрасиво. — Лорк заглянул в дверной проем. — Название другое. Место то же.

Стал спускаться. Мыш быстро оглядел улицу, последовал за ним. Они вошли в длинное помещение, вдоль одной стены — деревянная стойка. Жалко светятся три панели многоцвета.

— И те же люди.

К ним вышел мужчина постарше Мыша, помоложе Лорка; свалявшиеся кудри и грязные ногти.

— Чем помочь, парни?

— Что у вас есть, чтоб нам похорошело?

Прикрыл один глаз:

— В ногах правды нет.

Тусклые силуэты прошли мимо, остановились у бара.

Лорк с Мышом юркнули в кабинку. Мужчина поддернул стул, развернул, оседлал и уселся у торца стола.

— Похорошело — как именно?

Лорк положил руки на стол ладонями вверх.

— Внизу у нас… — мужчина зыркнул на дверь за спиной, впускавшую и выпускавшую людей, — патобаня?..

— Это что? — спросил Мыш.

— Комната с кристаллическими стенами, отражающими цвет твоих мыслей, — объяснил Лорк. — Оставляешь одежду на входе и дрейфуешь среди колонн света в потоках глицерина. Его нагревают до температуры тела, глушат все твои чувства. Лишившись контакта с сенсорной реальностью, очень скоро сходишь с ума. Твои психотические грезы разыгрываются как спектакль. — Глянул на мужчину. — Мы хотим того, что можно унести.

За тонкими губами зубы мужчины клацнули.

На сцене в конце бара голая девочка шагнула в коралловый свет и стала декламировать стихи. У стойки ритмично захлопали в ладоши.

Мужчина быстро оглядел капитана и Мыша.

Лорк сложил руки.

— Блажь.

Брови мужчины восстали под спутанной челкой.

— Именно так я и думал. — Теперь сложились и его руки. — Блажь.

Мыш изучал девочку. Кожа ненатурально блестит. Глицерин, решил Мыш. Ага, глицерин. Он прислонился к стене, тут же от нее оторвался. По холодной поверхности стекали капли воды. Мыш потер плечо и посмотрел на капитана:

— Мы подождем.

Мужчина кивнул. После паузы сказал Мышу:

— Чем вы с симпатягой зарабатываете?

— Ходим на… грузовике.

Капитан еле кивнул, транслируя одобрение.

— Знаете, во Внешних Колониях есть отличная работа. Не думали чуток повтыкать в шахтах?

— Я работал в шахтах три года, — сказал Лорк.

— А. — Мужчина умолк.

Момент спустя Лорк спросил:

— Пошлете за блажью?

— Я уже. — По губам плавала вялая ухмылка.

В баре ритмичные хлопки переросли в аплодисменты: девочка дочитала стихотворение. Соскочив со сцены, помчалась к ним. Мыш видел, как она быстро взяла что-то из рук тени у стойки. Подбежала, приобняла сидевшего с ними мужчину. Их руки сошлись, она юркнула в тень, а Мыш смотрел, как мужчина роняет руку на стол костяшками вверх и под ними что-то есть.

Лорк положил руку сверху, полностью закрыв обзор.

— Три фунта, — сказал мужчина, — @сг.

Другой рукой Лорк выложил на стол три бумажки.

Человек вытащил руку и их прибрал.

— Мыш, пошли. Искомое добыто. — Лорк встал из-за стола и зашагал по комнате.

Мыш кинулся за ним.

— Эй, капитан! Мужик не по-плеядски разговаривает!

— В таких местах всегда говорят на твоем языке, причем любом. Иначе какой промысел?

Они были у двери, когда мужчина неожиданно их окликнул:

— Просто хотел напомнить: возвращайтесь, когда захотите еще. До скорого, красавец.

— Пока, уродец. — Лорк толкнул дверь. В ночной прохладе замер на верху лестницы, склонил лицо над сложенными в пригоршню ладонями, глубоко вдохнул. — Мыш, ты. — Поднес руки ближе. — Понюшка за мой счет.

— Что надо делать?

— Глубоко вдохни, подержи немного, потом выдыхай.

Мыш нагнулся; упала тень — не его, чужая. Мыш подскочил.

— Спокойно. Что у нас тут?

Мыш поднял, а Лорк опустил глаза на патрульного.

Лорк прищурился и показал ладони.

Патрульный, решив пренебречь Мышом, глядел на Лорка.

— Ого. — Завел нижнюю губу за верхние зубы. — Что-то могло бы это опасное быть. Незаконное что-то, сечешь?

Лорк кивнул:

— Могло бы.

— В этих местах осторожней надо.

Лорк снова кивнул.

И патрульный.

— Скажи, чуток закон обогнуть позволишь?

Мыш узрел улыбку, которую капитан еще не выпустил на лицо. Лорк протянул руки патрульному:

— Смелее, оторвись.

Тот скрутился, всосал вдох, выпрямился.

— Благодарю. — И убрел во тьму.

Мыш посмотрел ему вслед, потряс головой, пожал плечами и, глядя на капитана, цинично сморщился.

Взял Лорковы руки в свои, нагнулся, опустошил легкие, потом наполнил. С минуту не дышал — взорвался:

— И что теперь должно произойти?

— Не тревожься, — сказал Лорк. — Оно уже.

Они пошли обратно вдоль гряды мимо синих окошек.

Мыш смотрел в речку яркого камня.

— Знаете… — сказал он чуть погодя. — Жаль, что сиринги нет. Я б сыграл. — Они почти добрались до лестницы с залитыми светом уличными кафе. Звенела музыка из усилков. Кто-то за столиком уронил стакан, тот кокнулся о камень, звук сгинул под натиском аплодисментов. Мыш глянул на руки. — От этой фигни пальцы чешутся. — (Они поднимались по ступенькам.) — Когда я был пацаном, на Земле, в Афинах, там была точно такая же улочка. Одос Мнисиклеус — через всю Плаку. Я работал в паре мест в Плаке, знаете? «Золотая тюрьма», «О кай И»[12]. Идешь вверх по ступеням от Адриану, а впереди и вдали — задний портик Эрехтейона в прожекторах над стеной Акрополя. И люди за столиками по обе стороны улицы, они бьют тарелки тоже и смеются. Вы бывали в афинской Плаке, капитан?

— Один раз был, очень давно, — сказал Лорк. — Где-то в твоем возрасте. Но всего один вечер.

— Тогда вы не знаете маленькие кварталы Плаки. Раз всего один вечер. — Хриплый шепот Мыша набирал обороты. — Вы идете по этой улице, по каменной лестнице, пока ночные клубы не иссякнут и не будет ничего, кроме грязи, травы, камней, но вы все равно идете, и руины торчат над этой стеной. И приходите в место именем Анафиотика. Это значит «маленький Анафи», вот. Анафи — остров, его почти уничтожило землетрясение, давным-давно. А там каменные домики, жмутся к горе, и улицы восемнадцать дюймов в ширину, и ступени такие крутые, как на стремянку лезешь. Я знал парня, у которого там был дом. Я заканчивал работу и веселился с девочками. Еще вино. Даже пацаном я находил девочек… — Мыш щелкнул пальцами. — Забираешься на крышу по ржавой спиральной лестнице у входной двери, сгоняешь котов. Потом мы играли, пили вино, глядели на город, он разостлан по горе, как ковер из света, спускается и перебирается на другую гору, на вершине — маленький монастырь, осколок кости. Как-то мы играли слишком громко, и старушка из дома выше швырнула в нас кувшин. А мы над ней посмеялись, поорали на нее и уговорили спуститься к нам и выпить вина. И небо уже серело — за горами, за монастырем. Мне там было хорошо, капитан. И здесь мне хорошо. Я теперь играю куда лучше, чем тогда. Потому что играю реально много. Я хочу играть то, что вижу вокруг. Но вокруг столько всего, что я вижу, а вы нет. И это я тоже должен играть. Если нельзя что-то потрогать, это не значит, что нельзя понюхать, поглядеть, послушать. Я схожу с одного мира, восхожу на другой, мне нравится то, что я вижу на всех мирах. Знаете, каков изгиб твоей руки в руке того, кто для тебя важнее всех на свете? Вложенные друг в друга

спиральные галактики. Каков изгиб руки, когда другой руки нет и ты пытаешься ее вспомнить? Единственный в своем роде. Я хочу играть их, один с другим. Кейтин говорит, я боюсь. Боюсь, капитан. Всего вокруг. Что бы я ни увидел — таращу глаза, сую пальцы и язык. Мне хорошо сегодня, значит я должен жить в страхе. Потому что сегодня — страшное. Но я хоть не боюсь пугаться. Кейтин — он весь смешан с прошлым. Ну да, прошлое творит сейчас, как сейчас творит завтра. Капитан, рядом с нами ревет река. Но водопой у нас только в одном месте, это место — сейчас. Я играю на сиринге, вот, и это как приглашение всем вокруг — прийти и пить. Я играю и хочу, чтобы все хлопали. Просто когда я играю, я там, наверху, вместе с канатоходцами, балансирую на пылающей кромке безумия, где еще пашет разум. Танцую в огне. Когда я играю — веду всех танцоров туда, куда вам, и вам… — Мыш показывал на прохожих, — и ему, и ей без моей помощи не добраться. Капитан, тому три года назад, когда мне было пятнадцать, в Афинах, я помню одно утро на той крыше. Я прислонился к остову виноградной беседки, сияющие листья винограда на щеке, свет города глохнет в зареве зари, и танцы прекратились, и за моей спиной две девочки целуются в красном одеяле под железным столом. И вдруг я спрашиваю себя: что я тут делаю? А потом спрашиваю снова: что я тут делаю? И слова — как мелодия в голове, звучат опять и опять. Капитан, я *весь* перепугался. Я был возбужден, счастлив, испуган до смерти и точно лыбился так же, как лыблюсь теперь. Вот как я устроен, капитан. Без голоса — ни петь, ни орать. Но я играю на шарманке, да? И что я делаю теперь, капитан? Карабкаюсь по улице-лестнице, за много миров от той, заря тогда, ночь теперь, счастлив и испуган как бес. Что я тут делаю? Ага! Что я делаю?..

— Мыш, ты лопочешь. — Лорк оставил позади столб на вершине лестницы. — Давай обратно в Таафит.

— А, да. Конечно, капитан. — Мыш вдруг вгляделся в разрушенное лицо. Капитан глядел сверху вниз. В глубине ломаных и бликов Мыш видел радость и сострадание. Засмеялся. — Жаль, сиринги нет. Я бы сыграл — у вас бы глаза вылезли. Я бы вывернул вам нос через ноздри наизнанку, и вы, капитан, стали бы в два раза уродливей! — Глянул на улицу; мокрый тротуар, люди, блики, отражения разом закалейдоскопили за пронзительными слезами. — Жаль, нет со мной сиринги, — шептал Мыш, — жаль, что ее… сейчас нет.

Они направились к станции монорельса.

— Еда, сон, ставки зарплаты: как бы я объяснил современную концепцию этой триады человеку из, скажем, двадцать третьего

века?

Кейтин сидел на краю вечеринки и смотрел на танцоров, в том числе себя, смеющихся перед Златом. Время от времени нависал над записчиком.

— Наш способ управления этими процессами был бы абсолютно недоступен человеку семьсот лет назад, даже если тот знал о внутривенном питании и пищевых концентратах. Ему все равно не хватило бы информационной оснастки, чтобы уразуметь, как все и каждый в нашем обществе, исключая очень-очень богатых и очень-очень бедных, ежедневно принимают пищу. Половина процесса показалась бы непроницаемо непонятной, другая — мерзкой. Странно, что пьем мы точно так же. За промежуток времени, когда свершились эти перемены — спасибо Эштону Кларку, — более-менее умер роман. Интересно, есть ли связь. Раз уж я выбрал архаичную форму искусства, должен ли я считать аудиторией тех, кто прочтет роман завтра, или же адресоваться к вчерашнему дню? Прошлое, будущее — не важно; если я избавлю нарратив от этих элементов, сочинение только выиграет.

Сенсор-записчик поставлен на запись и перезапись, в комнате толпятся множественные танцоры и их духи. Идас играет контрапункт звуков и образов на Мышовой сиринге. Помещение переполняют беседы, настоящие и записанные.

— Вокруг не утихает свистопляска, но я творю искусство для мифической аудитории — одного человека. При каких еще обстоятельствах хранить надежду на коммуникацию?

Тййи вышла из толкучки Тййи и Себастьянов:

— Кейтин, дверной мигает фонарь.

Кейтин щелчком отключил записчик:

— Видимо, Мыш и капитан. Тййи, не тревожься. Я их впущу.

Кейтин шагнул из двери и заспешил по холлу.

— Эй, капитан… — Кейтин распахнул дверь на себя, — вечер в полном… — И уронил руку. Сердце дважды ударило в глотку, потом, кажется, остановилось. Он отступил от двери.

— Полагаю, вы узнали меня и мою сестру?.. Тогда не стану затрудняться с представлениями. Мы можем войти?

Рот Кейтина заработал, порождая какое-то слово.

— Мы знаем, что его нет. Мы подождем.

Железные ворота с кусками цветного стекла закрылись, впустив шлейф пара. Лорк глядел на силуэты растений на фоне янтарного Таафита.

— Надеюсь, они еще веселятся, — сказал Мыш. — Столько пройти и увидеть, как они спят вповалку в уголке!

— Блажь их разбудит. — Шествуя по камню, Лорк вынул руки из карманов. Ветерок толкался под отворотами жилета, подпускал холодок между пальцами. Ладонь улеглась на круг панели. Дверь поддалась. Лорк вошел. — Судя по всему, они в строю.

Мыш осклабился и поскакал к гостиной.

Вечеринка записывалась, перезаписывалась и переперезаписывалась. Танцующая Тййи в дюжине экземпляров билась под разнобой множащихся ритмов. Прежние близнецы ныне стали двенадцатерняшками. Себастьян, Себастьян и Себастьян на разных стадиях опьянения подливали себе красное, синее, зеленое.

Лорк вошел за Мышом:

— Линкей, Идас! Мы добыли вам… Не пойму, кто тут кто. Минуту тишины! — Шлепнул по стенному переключателю сенсор-записчика…

С края песчаного пруда глядели близнецы; белые руки разжались; черные сошлись.

Тййи сидела в ногах Себастьяна, обняв колени; под бьющимися ресницами вспыхивали серые глаза.

Кейтиново адамово яблоко прыгало в длинной шее.

А Князь и Лала отвлеклись от разглядывания Злата.

— Кажется, мы погасили это сборище. Лала предложила всем продолжать и о нас забыть, но… — Князь развел руками. — Рад, что мы встречаемся здесь. Йорги долго не хотел говорить, где ты остановился. Он — твой хороший друг. Но не такой хороший, как я — враг.

Черный виниловый жилет свободно висит на матово-белой груди. Резко выдаются выпирающие ребра. Черные штаны, черные ботинки. Вокруг плеча наверху черной перчатки белый мех.

Рука лупила Лорка в грудину, лупила снова, снова. Рука внутри.

— Ты по-всякому мне угрожал, и прелюбопытно. Как собираешься приводить в исполнение? — Страх Лорка поймала сеть экзальтации.

Князь сделал шаг, и крыло Себастьянова питомца огладило его голень.

— Не вопрос… — Князь наградил тварь мимолетным взглядом. У песчаного пруда встал, вогнал руку между близнецов, вкопал фальшивые пальцы в песок, сжал кулак. — *Уффф*… — Он и с открытыми губами выдыхал шипение. Выпрямился, растопырил пальцы.

На ковер, дымясь, упало матовое стекло. Идас резко отдернул ногу. Линкей только быстрее заморгал.

— Каким боком это ответ на мой вопрос?

— Считай это демонстрацией моей любви к силе и красоте. Видишь? — Князь пнул осколки горячего стекла по ковру. — Фу! Слишком много примесей, муранскому не чета. Я пришел сюда…

— Меня убить?

— Урезонить.

— Что ты принес, кроме резонов?

— Правую руку. Я знаю, ты без оружия. Я доверяю своему. Мы оба играем на слух, Лорк. Правила установил Эштон Кларк.

— Князь, какова твоя цель?

— Оставить все как есть.

— Стазис есть смерть.

— Не столь гибельная, как твои безумные ходы.

— Я же пират, ты помнишь?

— Ты стремительно превращаешься в величайшего злодея тысячелетия.

— Скажешь что-нибудь, чего я не знаю?

— Искренне надеюсь этого избежать. Ради нас здесь, ради миров вокруг нас… — Князь прыснул. — По любой логике спора, Лорк, я в этой нашей битве *прав*. Ты об этом не думал?

Лорк прищурился.

— Я в курсе, ты хочешь иллирия, — продолжил Князь. — Хочешь по единственной причине — нарушить равновесие власти; иначе тебе неинтересно. Знаешь, что произойдет?

Лорк стиснул зубы, сказал:

— Я тебе расскажу: экономика Внешних Колоний полетит к чертям. Мигрирует огромная волна рабочих. Они наводнят космос. Империя будет близка к войне, как никогда после подавления Веги. Если компания типа «Красного смещения» достигает стазиса в этой культуре, это равносильно уничтожению. В Драконе работу потеряют столько людей, сколько потеряли бы в Плеядах, будь уничтожены мои компании. Ну, как тебе такое начало твоего довода?

— Лорк, ты неисправим!

— Тебе полегчало оттого, что я все продумал?

— Я в ужасе.

— Вот еще довод, Князь, можешь использовать: ты бьешься не только за Дракон, но и за экономическую стабильность Внешних Колоний. Если побеждаю я, треть галактики вырвется вперед, а две трети отстанут. Если побеждаешь ты, две трети галактики будут жить как живут, а треть падет.

Князь кивнул:

— Давай спали меня *своей* логикой.

— Я должен выжить.

Князь ждал. Супился. Сдвинутым бровям перечил недоуменный смех:

— Это все, что ты можешь сказать?

— К чему мне утруждать себя, доказывая, что рабочих можно, пусть и сложно, переместить? Что войны не будет, потому что миров и еды им хватит… если, Князь, распределять ее как надо? И что прибавка иллирия создаст кучу новых проектов и работы хватит всем?

Князевы черные брови выгнулись дугой.

— *Столько* иллирия?

Лорк кивнул:

— Столько.

У громадного окна Лала подбирала уродливые комки стекла. Разглядывала их, кажется не слушая беседы. Но вот Князь вытянул руку. Лала мгновенно вложила в нее стекло. Она ловила каждое их слово.

— Интересно, — сказал Князь, глядя на осколки, — сработает ли. — Пальцы сжались. — Ты настаиваешь на возобновлении междоусобицы?

— Князь, ты дурак. Силы, вскрывшие старую вражду, струились вокруг нас, когда мы были детьми. К чему делать вид, что наше поле боя маркируют эти параметры?

Кулак Князя завибрировал. Рука открылась. Яркие кристаллы жег изнутри синий огонек.

— Гептодиновый кварц. Он тебе знаком? Умеренное давление на стекло с примесями часто порождает… «Умеренное», говорю я. Разумеется, термин геологически условен.

— Ты опять мне угрожаешь. Уходи, сейчас же. Или тебе придется меня убить.

— Ты не хочешь, чтобы я ушел. У нас тут маневры в рамках одного поединка — решается, какие миры падут и где. — Князь взвесил кристаллы на ладони. — Я могу идеально продырявить одним из них твой череп. — Повернул руку; осколки вновь упали на пол. — Лорк, я не дурак. Я жонглер. Хочу, чтобы все наши миры вращались вокруг моих ушей. — Он поклонился и отступил. И снова его нога задела зверя.

Себастьянов питомец рванул цепь. Рассекли воздух паруса, толкая хозяйскую руку взад-вперед…

— Сидеть! Сидеть, сказал кому!..

…цепь вырвалась из руки Себастьяна. Тварь воспарила, замоталась туда-сюда у потолка. И бросилась на Лалу.

Та замахала руками, защищая голову. Князь увернулся, сделал нырок под крылья. Рука в перчатке ударила вверх.

Тварь запищала, отлетела, отбиваясь крыльями. Князь снова

стеганул рукой по черному телу. Оно забилось на лету, рухнуло.

Тййи вскрикнула, подбежала к зверю — тот слабо трепетал на спине, — оттащила. Поднялся с табуретки, бугря кулаки, Себастьян. И упал на колени, склонился над раненым питомцем.

Князь повертел черной рукой. Ткань замарал жидкий пурпур.

— Это создание атаковало тебя на Эскларос, верно?

Лала все так же молча выпрямилась и столкнула темные волосы с плеча. Платье — белое; низ, воротник и рукава — с черной каймой. Она коснулась окропленного кровью атласного лифа.

Князь смотрел на мяучащее нечто между Тййи и Себастьяном.

— Счет почти равный, Лала? — Потер руки — плоть о кровавый мрак, — набычился на заляпанные пальцы. — Лорк, ты задал вопрос: когда я воплощу угрозы в жизнь? В любой момент в течение шести минут. Но между нами еще эта звезда. Слухи, о которых ты говорил Лале, нас достигли. Защитная вуаль, в которую завернулась Великая Белая Сука Севера, твоя тетушка Циана, эффективнее некуда. Вуаль заволокла все, едва ты покинул кабинет. Но мы подслушивали и у других замочных скважин; и узнали о звезде, что станет новой. Она или такие же звезды, очевидно, влекут тебя уже какое-то время. — (Голубые глаза отстали от испачканной ладони.) — Иллирий. Не вижу связи. Не важно. Люди Аарона работают над этим.

Напряжение болью скакнуло между бедрами Лорка и поясницей.

— Ты к чему-то готовишься. Давай. Действуй.

— Я должен понять как. Голой рукой, я думаю… нет. — Выгнулась арка бровей. Князь поднял темный кулак. — Нет, этой. Я уважаю твою попытку оправдаться передо мной. Но как ты оправдаешься перед ними? — Окровавленными пальцами он показал на экипаж.

— Эштон Кларк был бы на твоей стороне, Князь. И правосудие. Я здесь не потому, что сотворил ситуацию. Я всего лишь стараюсь ее разрядить. Я должен драться с тобой, потому что думаю: победа за мной. Ничего сложного. Ты за стазис. Я за движение. Все движется. Никакой этики. — Лорк посмотрел на близнецов. — Линкей? Идас?

Черное лицо поднялось; белое опустилось.

— Вы знаете, чем рискуете в этом состязании?

Один глядел на него, другой в сторону, оба кивнули.

— Хотите уволиться с «Птицы Рух»?

— Нет, капитан, мы…

— …в смысле, даже если все это…

— …все изменится, на Табмене…

— …во Внешних Колониях, может быть…

— …может, Товия оттуда уедет…

— …и мы снова будем вместе.

Лорк усмехнулся:

— Думаю, Князь возьмет вас с собой, если захотите.

— В дегте и перьях, — сказал Князь. — Отбелю — завороню. Вы воплотили свои мифы в жизнь. Черт бы тебя побрал, Лорк.

Вышла вперед Лала.

— Вы! — сказала она близнецам; оба подняли глаза. — Вы хоть понимаете, что случится, если поможете капитану фон Рэю и он преуспеет?

— Он может победить… — Линкей наконец отвернулся, серебряные ресницы дрожали.

Идас придвинулся, прикрывая брата.

— …а может и не победить.

— Что говорят о нашей культурной общности? — Это Лорк. — Мир не таков, каким ты его видел, Князь.

Лала резко обернулась:

— Есть доказательства, что в нем все по-твоему? — Не дожидаясь ответа, уставилась на Злато. — Лорк, посмотри.

— Я смотрю. Что ты видишь, Лала?

— Вы — ты и Князь — хотите подчинить внутренний огонь, движущий миры против ночи. Здесь огонь прорвался. Ранил этот мир, этот город так же, как Князь ранил тебя.

— Чтобы носить такой шрам, — сказал Князь (Лорк ощутил, как деревенеет челюсть; кучкуются мышцы на виске и лбу) неспешно, — ты, верно, должен быть круче меня.

— Чтобы его носить, я должен тебя ненавидеть.

Князь улыбнулся.

Мыш, видел Лорк краем глаза, попятился к косяку, обе руки за спиной. Вялые губы отпали от белых зубов; оба зрачка очертил белок.

— Ненависть — привычка. Мы долго ненавидели друг друга, Лорк. Я, пожалуй, все закончу прямо сейчас. — Князь согнул пальцы. — Помнишь, с чего началось?

— На Сан-Орини? Помню, вы были избалованными и злобными, такими же, как…

— Мы? — Брови Князя вновь выгнулись дугой. — Злобные? Хм… но ты-то был вопиюще жесток. И я тебя за это не простил.

— За то, что я пошутил насчет твоей руки?

— А ты пошутил? Странно — не помню. Нападки такого рода, ты знаешь, я забываю редко. Но нет. Я о том варварском представлении, куда ты нас повел, в джунглях. Звери; и мы даже

не видели зверей на арене. Все эти: повисли на ограждении, потеют, орут, пьянь и… зверье. И Аарон — один из них. Я его помню как сейчас: лоб блестит, волосы всклокочены, лицо искривлено жутким воплем, кулак трясется. — Князь сомкнул бархатные пальцы. — Да, кулак. Я тогда впервые увидел своего отца таким. Меня это ужаснуло. С тех пор мы видели его таким часто, да, Лала? — Глянул на сестру. — После слияния с «Де Тарго», когда он вечером вышел из зала заседаний… скандал с антифламиной семь лет назад… Аарон — человек милый, интеллигентный и запредельно злобный. Ты первый показал мне голую злобу на его лице. Лорк, я так и не смог тебе это простить. Твой план, что бы ты ни задумал, с этой дурацкой звездой: я его остановлю. Остановлю безумие фон Рэя. — Князь сделал шаг. — Если Федерация Плеяд обвалится с тобой, только так выживет Дракон…

Себастьян на него бросился.

Все произошло внезапно, удивив всех несказанно.

Князь рухнул на колено. Его рука упала на куски кварца; те брызнули синим огнем. Себастьян ударил; Князь пульнул осколок по воздуху: *ххвик*. Кварц впился в волосатую руку киберштыря. Себастьян зарычал, отшатнулся. Князева рука хватала яркие раздробленные кристаллы.

…ххвик, ххвик и *ххвик*.

Кровь заструилась из двух точек на Себастьяновом животе и одной на бедре. Линкей ринулся с края пруда:

— Эй, ты не смеешь…

— …да, он смеет! — Идас вцепился в брата; белые пальцы с черным засовом на груди не справлялись.

Себастьян упал.

Ххвик…

Тййи взвизгнула и упала рядом, обняла его кровавое лицо ладонями, нависла над ним.

…ххвик, ххвик.

Себастьян выгнулся, задыхаясь. Запульсировали раны на бедре и щеке и две на груди.

Князь встал:

— Теперь я убью *тебя*! — Переступил через ноги Себастьяна; каблуки штыря пахали ковер. — Это ответ на твой вопрос?

Оно пришло откуда-то из недр, где стояло на якоре среди вчерашних дней. Спасибо блажи: Лорк видел форму и силуэт чисто и светло. Внутри сотряслось. Из гамака паха продралось в желудок, взвилось по ребрам, яростно заизвивалось и изверглось из лица. Лорк взревел. Периферийным осознанием, которое усугубил наркотик, он увидел оставленную на круге Мышову

сирингу. Подхватил ее…

— Капитан, нет!

…Князь метнулся вперед. Лорк присел, прижимая инструмент к груди. Выкрутил ручку интенсивности.

Кончиками пальцев Князь сокрушил косяк (где секунду назад стоял Мыш). Тот расщепился на четыре и пять футов вверх и вниз.

— Капитан, это моя…

Мыш прыгнул, и Лорк сшиб его ладонью. Мыш отлетел и шлепнулся в песчаный пруд.

Лорк вильнул вбок и развернулся к двери, а Князь, все еще улыбаясь, отступил.

Тогда Лорк ударил по тумблеру настройки.

Вспышка.

Отражение на Князевом жилете; луч был плотным. Князь взметнул руки к глазам. Помотал головой, промаргиваясь.

Лорк ударил по сиринге еще раз.

Князь вжал ладони в глаза, ступил назад, заверещал.

Лорковы пальцы рвали струны звуковой проекции. Хотя луч был узконаправлен, по комнате, затапливая вопль, грохотало эхо. Голова у Лорка тряслась от грома. Но он ударял по звуковой панели снова. И снова. С каждым взмахом его руки Князь отступал дальше. Он запутался в ногах Себастьяна, но не упал. Вот опять. Голова у Лорка раскалывалась. Обособленная от гнева часть сознания думала: среднее ухо *точно* в клочья… Ярость карабкалась все выше по извилинам. Теперь ею пылал весь Лорк.

И снова.

Руки Князя стегали голову. Рука без перчатки врезалась в висячую полку. Упала статуэтка.

Разъяренный Лорк двинул что есть силы по обонятельной панели.

Едкий смрад обжег его же ноздри, опалил верхнюю стенку носовой полости так, что на глазах выступили слезы.

Князь закричал, зашатался. Кулак в перчатке ударил по панельному стеклу. Стена раскололась от пола до потолка.

Лорк с мутными и горящими глазами подкрадывался ближе.

Теперь Князь ударил по стеклу обоими кулаками. Оно взорвалось. Осколки зазвенели на полу и камнях.

— Нет! — Это Лала. Обхватила лицо руками.

Князь, кренясь, выбрался наружу.

Жар жег лицо. Но Лорк шел следом.

Князь петлял и спотыкался в направлении Злата. Лорк по-крабьи выбрался на зубчатый склон.

И врезал.

Свет захлестнул Князя. Тот явно восстановил толику зрения

— снова стал царапать глаза. Упал на колено.

Лорк с трудом стоял. Плечо шаркнуло по горячему камню. Он стал глянцевым от пота. Пот тек по лбу, запруживал брови, просачивался в шрам. Лорк сделал шесть шагов. На каждом он выбивал свет живее полудня, звук громче рева лавы, запах резче серных паров, скребших глотку. Его ярость была реальной, красной и ярче Злата.

— Гнида… Дьявол… Грязь!

Князь рухнул, когда Лорк до него добрался. Голая рука скачет по обжигающему склону. Голова приподнялась. Руки и лицо порезаны павшим стеклом. Рот открывается-закрывается, как у рыбы. Слепые глаза моргают, жмурятся, распахиваются опять.

Лорк отвел ногу, разнес спазмирующее лицо…

И она иссякла.

Лорк всосал горячий газ. Глаза клокотали от жара. Он повернулся, руки сползли по бедрам. Вдруг земля опрокинулась. Обвалилась черная корка, жар ударил в ответ. Лорк зашатался между изрытых камней. За зыбкими пленками подрагивали огни Таафита. Лорк тряхнул головой. Мысли роились внутри горящей костяной клетки. Он кашлянул; вышел далекий рев. И он выронил сирингу…

…она невесомо парила среди острых скал.

Прохлада коснулась лица, просочилась в легкие. Лорк рывком встал. Она сверлила его взглядом. Губы Лалы трепетали, не рождая слов. Лорк шагнул к ней.

Она подняла руку (он думал, она его ударит. И ему было все равно), потянулась к жилистой шее.

Ее горло дрожало.

Лорк оглядел ее лицо, волосы, перевитые вокруг серебряного гребня. В мерцании Злата ее кожа обрела цвет бархатной ореховой скорлупы. Глаза над выпирающими скулами щедро подсурьмлены. Но ее величие крылось в легком наклоне подбородка, в извиве медных губ, застигнутых между устрашающей улыбкой и покорностью некой невыразимой печали; в изгибе пальцев на его шее.

Лицо наплыло на лицо. Горячие губы врезались в его губы, повлажнели. На руке — тепло ее пальцев, холод ее кольца. Скольжение ее ладони.

Сзади закричал Князь.

Лала шарахнулась прочь, ощерилась. Ногтями полоснула плечо. Мимо Лорка сбежала вниз по камням.

Лорк даже не посмотрел ей вслед. Его держало на плаву истощение. Он пробрался через осколки стекла. Окатил экипаж свирепым взглядом:

— Пошли, черт подери! Выметайтесь!

Под перекрученной бечевой плоти ходили цепями мускулы. За ослабленной шнуровкой жилета при каждом вздохе подергивались на блестевшим животе рыжие волосы.

— Хватит стоять!

— Капитан, что стало с моей?..

Но Лорк уже шел к двери.

Мыш бешено прочертил глазами линию от капитана к пылающему Злату. Бросился через комнату, разметал разбитое стекло.

В саду Лорк уже хотел закрыть ворота, когда сзади между близнецов скользнул Мыш: сиринга ухвачена одной рукой, сумка другой.

— Назад на «Птицу Рух», — сказал Лорк. — Улетаем с этого мира!

Тййи поддерживала раненого питомца на одном плече и Себастьяна — другим. Кейтин пытался ей помочь, но слабый сверкающий штырь был слишком короток, и пользы не вышло. В итоге Кейтин сунул руки за пояс.

Туман вращался под фонарями; экипаж спешил по брусчатке Города Страшной Ночи.

— Паж кубков.

— Королева кубков.

— Колесница. Взятка моя. Девятка жезлов.

— Рыцарь жезлов.

— Туз жезлов. Взятка теперь болвана.

Старт прошел гладко. Кораблем правили Лорк и Идас; остальные расселись по кают-компании.

С пандуса Кейтин смотрел, как Тййи и Себастьян играют в две руки.

— Парсифаль — жалкий дурак — отказался от Младших Арканов, должен теперь пройти через оставшуюся двадцать одну карту Старших. Он показан на краешке скалы. Белый кот дерет сиденье его брюк. Невозможно сказать, свалится он или улетит. Но на одной из следующих карт, Отшельник, нам дан намек: старик с посохом и фонарем, на той же скале, грустно глядит вниз…

— Черт, о чем ты вообще? — спросил Мыш. Он то и дело водил пальцем по шраму на полированном палисандре. — Нет, не объясняй. Сволочные карты Таро…

— Я, Мыш, о поисках. Я уже думаю, что мой роман может стать своего рода историей поиска. — Кейтин вновь приблизил ко рту записчик. — Рассмотрим архетип Грааля. Странный,

тревожный факт: ни один писатель, атаковавший легенду о Граале в ее голой целостности, не дожил до завершения труда. Мэлори, Теннисон и Вагнер, отвечающие за самые популярные версии, исказили основной материал настолько, что мифическая структура их версий неразличима либо бесполезна, — может, оттого они и избегли проклятия. Однако все истинные рассказы о Граале — «Повесть о Граале» Кретьена де Труа в двенадцатом веке, цикл Робера де Борона и «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха в тринадцатом или «Королева фей» Спенсера в шестнадцатом — все они по смерти авторов остались незавершенными. В конце девятнадцатого столетия, кажется, американец Ричард Хоуви начал цикл из одиннадцати пьес о Граале и умер, не закончив номер пятый. Ровно так же друг Льюиса Кэрролла Джордж Макдональд не успел завершить свое «Происхождение легенд о Святом Граале». То же со стихотворным циклом Чарльза Уильямса «Талиесин чрез Логр». А сто лет спустя…

— Да заткнись ты! Кейтин, зуб даю, если бы я втыкал мозг так же часто, как ты, слетел бы с катушек!

Кейтин вздохнул и выщелкнул записчик.

— О Мыш, я бы слетел с катушек, если бы втыкал так же редко, как ты.

Мыш положил инструмент обратно в сумку, скрестил на ней руки и упокоил подбородок на запястье.

— Мыш, да ладно тебе. Видишь, я уже не бормочу. Не куксись. Что тебя гнетет?

— Моя сиринга…

— На ней теперь царапина. Но ты ее разглядывал и так и этак — и сказал, что игре она не повредит.

— Дело не в инструменте. — Лоб Мыша пошел складками. — То, что сделал капитан… — Он помотал головой, вспоминая.

— А.

— И даже не в этом. — Мыш выпрямил спину.

— А в чем?

Мыш снова помотал головой.

— Когда я бежал по осколкам, чтоб ее забрать…

Кейтин кивнул.

— Там было невероятно жарко. Три шага, и я думал, что не пройду. Потом увидел, где капитан ее бросил, — на полдороге вниз по склону. Я зажмурился и попер. Думал, нога вся обгорит, и, кажись, полдороги проскакал. В общем, когда я ее нашел и поднял, я… увидел их.

— Князя и Лалу?

— Она пыталась вытащить его на камни. Увидела меня,

замерла. А я испугался. — Он отвел взгляд от рук. Пальцы сжаты. Ногти врезались в смуглые ладони. — Я наставил на нее сирингу: свет, звук и запах, все сразу — жестко! Капитан не знает, как сыграть на сиринге то, что он хочет. Я — знаю. Она ослепла, Кейтин. И я, наверное, убил ей обе барабанные перепонки. Лазер шел таким плотным лучом, что у нее загорелись волосы, потом платье…

— Ох, *Мыш*…

— Я перепугался, Кейтин! После всего, что капитан и они… Только, Кейтин… — Шепот споткнулся о всевозможный мусор в Мышовой глотке. — Погано так пугаться…

— Королева мечей.

— Король мечей.

— Влюбленные. Взятка моя. Туз мечей…

— Тййи, иди подмени Идаса, ненадолго. — Голос фон Рэя сквозь динамик.

— Да, капитан. От болвана тройка мечей. От меня Императрица. Взятка моя. — Она сложила карты, покинула столик, пошла в свою проекторную.

Себастьян потянулся:

— Эй, Мыш?

Глава седьмая

— Что?

Себастьян шагал по синему покрытию, разминая предплечье. Корабельный медико-блок починил сломанный локоть за сорок пять секунд, раны помельче и поярче шли чуть быстрее. (Блок заморгал неопределенными цветами, когда ему поднесли темное нечто со спавшимся легким и тремя порванными реберными хрящами. Но Тййи химичила с кодом, пока блок не загудел над зверем на всю катушку.) Ныне тварь шла вразвалку за хозяином, зловещая и счастливая.

— Мыш, медико не дашь почему корабля горло поправить? — Себастьян крутанул рукой. — Отлично справился он бы.

— Не могу. В детстве пару раз пытались. Когда я получил разъемы, попытались опять. — Мыш вздохнул.

Себастьян помрачнел:

— Говоришь ты так, ерунда будто какая это.

— Так и есть, — сказал Мыш. — Мне фиолетово. Просто меня нельзя починить. Нейрологическое кон-чего-то-там.

— Именно что?

Мыш озадаченно развел руками.

— Нейрологическая конгруэнтность, — сказал Кейтин. — Видимо, незакрепленные связки — нейрологически конгруэнтный врожденный порок.

— Да, мне так и говорили.

— Два типа врожденных пороков, — объяснил Кейтин. — В обоих случаях часть тела, внутри или снаружи, деформирована, атрофирована или просто не так размещена.

— Мои связки все при мне.

— Но в основании мозга есть маленький пучок нервов, который в разрезе выглядит почти как лекало человека. Когда это лекало целое, мозг оборудован нервами для контроля над всем телом. Очень редко в этом лекале бывают такие же искажения, как в теле, и это случай Мыша. Можно устранить физический дефект, но внутри мозга просто нет нервных связей, чтобы управлять физически правильной плотью.

— Видно, с рукой Князя то же самое, — сказал Мыш. — Если б ее оторвало в аварии или еще как-то, ему пересадили бы новую, подсоединили бы нервы, вены и все такое, был бы как новенький.

— А, — сказал Себастьян.

По пандусу сошел Линкей. Белые пальцы массируют кремовые булавы запястий.

— Капитан летит забавным маршрутом…

К краю пруда прибрел Идас.

— Эта звезда, его цель, где…

— …по координатам на кончике внутреннего рукава…

— …во Внешних Колониях, значит…

— …даже за Внешними Как Ничто.

— Лететь долго туда, — сказал Себастьян. — И путь капитан весь сам пролетит.

— Капитану много о чем надо подумать, — предположил Кейтин.

Мыш спустил лямку с плеча.

— А еще он много о чем думать не хочет. Эй, Кейтин, может, в шахматы?

— Тебе фора в ладью, — сказал Кейтин. — Так по-честному.

Они устроились за игровой доской.

Три партии спустя по кают-компании разлился голос фон Рэя:

— Все в проекторные. Впереди мудреные встречные течения.

Мыш и Кейтин оттолкнулись от булькресел. Кейтин вприпрыжку побежал к дверце за змеящейся лестницей. Мыш припустил по ковру, взлетел на три ступени. Зеркальная панель ушла в стену. Он переступил через ящик с инструментом, моток кабеля, три выброшенные плитки памяти с мороженой обмоткой — тая, они изгваздали пол солью там, где высохла лужа, — сел на ложемент. Вытряхнул кабели, воткнул.

Ольга заботливо помигивала над, под и рядом с ним.

Встречные течения: красные и серебряные блестки, швыряемые горстями. Капитан решительно шел против потока.

— Крутым вы были гонщиком, капитан, — констатировал Кейтин. — На какой яхте летали? У нас в школе гоночный клуб арендовал три яхты. Я думал, не попробовать ли и мне один семестр.

— Заткнись и держи крыло ровно.

Здесь, внизу галактической спирали, звезд куда меньше. Гравиметрические сдвиги не буйствуют. Полеты вблизи центра галактики с его более плотным приливом требуют работы с десятком конфликтующих частот. Здесь же капитан вынужден перебирать даже сгустки следов ионных модуляций.

— Куда мы вообще летим? — спросил Мыш.

Лорк показал координаты на статической матрице, а Мыш прочел их с матричного движка.

Где же звезда?

Возьмите концепции «отдаленный», «обособленный», «неяркий», выразите строго математически. При подобном переводе они исчезнут.

Но за миг перед этим — вот она.

— Моя звезда. — Лорк развел крылья, чтобы видели все. — Вот оно, мое солнце. Вот моя нова со светом восьмивековой давности. Гляди хорошенько, Мыш, и откинь крыло как следует. Если твое халтурное крылевание отдалит меня от звезды хоть на секунду…

— Капитан, вы чего?

— …я спущу колоду Тййи по твоему пищеводу, поперек. Крыльни́ назад.

И Мыш крыльнул, и вся ночь пронеслась в его голове.

— Здешние капитаны, — излагал Лорк, оставив течения позади, — когда попадают в модуляционный кавардак срединного узла, не в состоянии оседлать прилив в сложном скоплении вроде Плеяд и спастись. Они сходят с осей, закручиваются и прут напролом через любую заваруху. Половина известных аварий приходится на эксцентричных капитанов. Я общался с некоторыми. Они говорят: здесь, на окраине, именно мы то и дело бьем корабли в гравиштопорах. «Вечно вы дрыхнете на этих своих ниточках», — говорят они. — Он засмеялся.

— Слушайте, капитан, вы ведете уже очень долго, — сказал Кейтин. — Впереди вроде ясно. Может, вам пока отключиться?

— Я не прочь подрючить пальцами эфир еще одну вахту. Ты и Мыш — втыкайте дальше. Прочие марионетки — обрезайте ниточки.

Крылья сдувались и складывались, пока все и каждое не стали отдельным лучиком света. И свет погас.

— А, капитан фон Рэй, кое-что…

— …мы хотели кое-что спросить…

— …в тот раз. Не будет у вас еще…

— …не скажете, куда вы положили…

— …если вы не против, капитан…

— …блажь?

Ночь затихает у них на глазах. Машущие крылья несут их к проколу в бархатной маскировке.

— Спорим, они все время кайфовали в шахтах на Табмене, — заметил Мыш чуть погодя. — Я тут поразмыслил, Кейтин. Когда мы с капитаном шкандыбали вниз по Злату за блажью, там были типы, которые пытались завербовать нас в шахты на работу. Ну и я подумал: втык есть втык, разъем есть разъем, и если я с этой стороны, мне должно быть почти по барабану, что́ с той — крыло звездолета, аквалатовая сеть или шахтерский бур. Думаю, может, поишачить там немного.

— Да воспарит тень Эштона Кларка над твоим правым

плечом и да охранит левое.

— Спасибо. — Еще чуть погодя Мыш спросил: — Кейтин, почему, когда меняешь работу, все время говорят «с Эштоном Кларком»? В Куперовке рассказывали, что мужика, который изобрел втык, звали Разъем или как-то так.

— Русийон, — сказал Кейтин. — Но для него это явно было злосчастное совпадение. Эштон Кларк жил в двадцать третьем веке, философ дробь психолог, чьи работы вдохновили Владимира Русийона на разработку нейронных втыков. Я думаю, ответ — работа. Мыш, труд, каким его знали до Кларка и Русийона, был совсем не то, что сегодня. Человек мог прийти в офис и запустить компьютер, соотносивший огромные массивы чисел из отчетов о продажах, скажем, пуговиц — или иной похожей архаики, — как пуговицы продаются в таких-то районах страны. Труд этого человека был важен для пуговичной индустрии: на основе данных решалось, сколько пуговиц произвести в будущем году. Но хотя этот человек делал важную работу для пуговичной индустрии и пуговичная индустрия его нанимала, оплачивала и увольняла, он мог неделями не видеть ни единой пуговицы. Ему платили сколько-то денег за то, что он запускает компьютер. На эти деньги его партнер покупал еду и одежду для него и всей семьи. Но не было никакой *прямой* связи между местом работы людей и тем, как они питались и жили в свободное время. Им не платили пуговицами. По мере того как доля населения, жившего сельским хозяйством, охотой и рыболовством, уменьшалась, пропасть между работой и стилем жизни — что человек ест, что носит, где спит — делалась все шире для все большего числа людей. Эштон Кларк указал на то, как это вредит человечеству психологически. Серьезной опасности подвергались самоконтроль и ответственность перед собой, обретенные людьми за время Неолитической Революции, когда они впервые поняли, как сеять зерно, одомашнивать животных и жить в том месте, которое выбрал сам. Опасность возникла в Промышленную Революцию, и многие говорили о ней до Эштона Кларка. Но Эштон Кларк пошел еще дальше. Если в технологическом обществе обстоятельства таковы, что нет и не может быть прямой связи между работой человека и его *modus vivendi*, кроме денег, — пусть он хотя бы ощутит, что его труд напрямую что-то меняет, формирует, делает вещи, которых раньше никто не делал, перемещает что-то из одного места в другое. Нам нужно трудиться с самоотдачей и видеть перемены своими глазами. Иначе жизнь будет казаться бесплодной… Живи Эштон Кларк на сто лет раньше или позже, вероятно, сегодня никто о нем и не вспомнил бы. Но технологии тогда развились

настолько, что мысль Эштона Кларка не пропала втуне. Русийон изобрел свои втыки, и разъемы, и нейронно-рефлекторные цепи, то есть всю базовую технику, позволяющую контролировать машину прямым нервным импульсом, какой движет твою руку и ногу. Концепция работы изменилась революционно. Весь основной промышленный труд разбивали на задачи, которые можно омашинить людьми «напрямую». Управляемые одним человеком заводы были и прежде: некто со стороны утром включает рубильник, полдня спит, в обед проверяет пару шкал и вечером перед уходом все вырубает. Теперь человек приходил на завод, втыкался и мог загружать сырье левой ногой, делать тысячи тысяч высокоточных деталей одной рукой, собирать их другой и отгружать готовую продукцию правой ногой, проверив все собственными глазами. И удовлетворения от труда он получал куда больше. Суть основной части работ такова, что их можно преобразовать в задачи для втыка и выполнять эффективнее прежнего. В редких случаях, когда эффективность была чуть меньше, Кларк указывал на психологический выигрыш общества. Эштон Кларк, сказал кто-то, философ, вернувший работнику человечность. При этой системе многие эндемические душевные болезни, обусловленные отчуждением, попросту исчезли. Метаморфоза превратила войну из редкости в невозможность и — после начального хаоса — сделала стабильной экономическую суть миров на последние восемьсот лет. Эштон Кларк сделался пророком работяг. Вот почему и сегодня, когда мужчина или женщина меняет работу, ты посылаешь с ними Эштона Кларка — ну или его дух.

Мыш глазел на звезды.

— Я помню, цыгане иногда им проклинали. — Чуть подумал. — Ну правильно, мы ж неразъемные.

— Отдельные клики противостояли идеям Кларка, особенно на Земле — она всегда была чуток реакционной. Но долго не продержались.

— Ага, — сказал Мыш. — Всего-то восемьсот лет. Не все цыгане — предатели, как я. — Но он смеялся ветрам назло.

— Как по мне, у системы Эштона Кларка есть только один серьезный недостаток. И проявился он далеко не сразу.

— Да? Какой?

— Профессора, похоже, вещали о нем студентам годами. На любом сборище умников ты о нем хоть раз да услышишь. Сегодня, судя по всему, есть некая нехватка культурной цельности. Это ее пыталась восстановить Республика Вега в две тысячи восьмисотых. Мужчины и женщины трудятся легко и довольны работой, причем где угодно, поэтому последние десять

поколений порхают с мира на мир так часто, что фрагментация достигла абсолюта. Вот и получилось цветистое, китчевое межпланетное общество без единой настоящей традиции… — Кейтин запнулся. — Я перед тем, как воткнуться, раздобыл капитановой блажи. И пока говорил с тобой, подсчитывал в уме, от скольких людей между Гарвардом и Пеклом[три] слышал то же самое. И знаешь что? Они не правы.

— Не правы?

— Не правы. Просто все ищут наши социальные обычаи не там, где надо. Очень даже есть культурные традиции, которые вызревали столетиями и достигли величайшего расцвета именно сегодня. И знаешь, кто у нас ярчайшее олицетворение такой традиции?

— Капитан?

— Ты, Мыш.

— Э?

— Ты вобрал всю сложность, оставленную нам десятком культур за много веков, и присвоил так, будто она твоя с самого начала. Ты — продукт конфликтов, бушевавших в эпоху Кларка, и ты разрешаешь их на своей сиринге в высшей степени сегодняшними узорами…

— Ой, Кейтин, хорош.

— Я охотился на тему для книги, исторически важную и одновременно человечную. Мыш, это ты. Моя книга должна стать *твоей* биографией! Мой роман будет историей твоей жизни. Расскажет о том, где ты был, что делал, что там видел, что показал другим. Тут и социальная значимость, и исторический масштаб, и искра среди звеньев, освещающая сеть во всю ширь…

— Кейтин, ты сбрендил!

— Вовсе нет. Я наконец увидел то, что мне…

— Эй, штыри! Туже крылья!

— Простите, капитан.

— Да, капитан.

— Нечего болтать среди звезд, если вы при этом зажмуриваетесь.

Два киберштыря уныло переключили внимание обратно на ночь. Мыш — задумчив. Кейтин — воинствен.

— На нас мчит звезда, яркая и жаркая. Больше в небе ничего нет. Зарубите на носу. Держите ее прямехонько по курсу и не давайте юлить. О культурной цельности потреплетесь в свободное время.

Горизонта нет, звезда восходит.

На двадцати расстояниях от Земли до Солнца (или от Ковчега

до его солнца) света средней звезды класса G не хватает, чтобы преломляться в атмосфере земного класса, создавая дневное время суток. На такой дистанции ярчайший объект выглядит ночью как звезда, не солнце, — очень яркая звезда.

Они уже в двух миллиардах миль — это чуть больше двадцати расстояний до Солнца.

Ярчайшая, но звезда.

— Красотка, а?

— Нет, Мыш, — сказал Лорк. — Просто звезда.

— Как вы поймете…

— …узнаете, когда она станет новой?

— По образованию тяжелых элементов на поверхности, — пояснил Лорк близнецам. — Мельчайшее покраснение абсолютного цвета, соответствующее мельчайшему охлаждению температуры поверхности. И небольшое ускорение активности солнечных пятен.

— Но с поверхности ее планет этого не разглядишь?

— Верно. Покраснение слишком слабое для невооруженного глаза. К счастью, у этой звезды — ни планеты. Только мусор размером с луну, плавающий слишком близко, — может быть, неудачная попытка сотворить мир.

Луну?

— Луну! — возразил Кейтин. — Лун без планет не бывает. Планетоиды, наверное, — но уж никак не луны!

Лорк засмеялся:

— *Размером* с луну — все, что я сказал.

— А.

Чтобы забросить «Птицу Рух» на околозвездную орбиту с радиусом два миллиарда миль, задействовали все крылья. Кейтин лежал в проекторной, не решаясь допустить вид на звезду до огней компьютера.

— А что с научными станциями Алкана?

— Они тоже в одиночном дрейфе. Свяжемся с ними, когда придет время. Пока они не нужны нам, а мы — им. Циана предупредила их о нашем прилете. Я их покажу на матричном движке. Вот, можете следить за их локациями и перемещениями. Это главная станция, с людьми. В пятьдесят раз дальше нас.

— Мы будем в опасной зоне, когда бабахнет?

— Когда стартует нова, эта звезда сожрет небо и все в нем на огромном расстоянии.

— А когда начнется?

— Через считаные дни, по прогнозу Цианы. Но погрешность таких прогнозов известна: две недели в обе стороны. Если бабахнет, у нас будет пара минут на сборы. Сейчас мы от нее в

двух с половиной светочасах. — (Вся картинка рисовалась не светом, а возмущением эфира, дававшим синхронный вид на звезду.) — Когда стартует — бабахнет, это мы не пропустим.

— А иллирий? — спросил Себастьян. — Как добудем мы его?

— Это предоставьте мне, — сказал ему Лорк. — Настанет час добыть — добудем. Можете пока все выткнуться.

Только выдергивать кабели никто не спешил. Крылья сокращались до отрезков света, но два — не сразу, а два мерцали еще какое-то время.

Кейтин и Мыш задержались дольше всех.

— Капитан? — спросил Кейтин через пять минут. — Мне просто интересно. Сказал патруль что-нибудь, когда вы сообщили об… инциденте с Даном?

Прошла почти минута, прежде чем Лорк сказал:

— Я не сообщил.

— А, — сказал Кейтин. — Я примерно так и думал.

Мыш трижды начинал говорить «но» — и не сказал.

— У Князя есть доступ ко всем официальным записям, проходящим через драконский патруль. Ну или я предполагаю, что есть. Для меня компьютер сканирует все, что идет через Плеяды. Конечно, он запрограммирован отслеживать то, что хоть как-то меня касается. Отследи Князь Дана, он обнаружил бы нову. Я не хочу, чтобы он нашел ее таким способом. Я бы предпочел, чтобы он не знал об этой смерти. Насколько мне известно, все, кто знает, сейчас у меня на борту. И хорошо.

— Капитан?

— Что, Мыш?

— Что-то приближается.

— Транспорт снабжения станции? — спросил Кейтин.

— Она слишком далеко. Нас вынюхивают по волшебной пыльце.

Лорк молчал; корабль-чужак двигался по координатной матрице.

— Отключайтесь — и в кают-компанию. Я скоро буду.

— Но капитан… — У Мыша получилось.

— Это грузовик-семикрыл вроде нашего, только, по позывным, из Дракона.

— Что он тут делает?

— В кают-компанию, я сказал.

Кейтин прочел название корабля, которое расшифровывал под сеткой луч позывных:

— «Черный какаду»? Мыш, пошли. Капитан велел отключаться.

Они выткнулись и присоединились к остальным на краю

пруда.

У вершины вьющейся лестницы откатилась дверь. Лорк шагнул на затененную ступеньку.

Мыш смотрел на схождение фон Рэя и думал: капитан устал.

Кейтин смотрел на фон Рэя и отражение фон Рэя в зеркальной мозаике и думал: он движется устало, но это усталость спортсмена перед вторым дыханием.

Когда Лорк был посередине лестницы, свет-фантазия в позолоченной раме на дальней стене сгинула.

Они вздрогнули. Мыш так и вовсе ахнул.

— Ну что, — сказала Лала. — Почти ничья. Так вообще честно? Ты все еще впереди. Мы не знаем, где тебя ждет трофей. Не гонка — сплошные старты и остановки. — Ее голубой взгляд омыл команду, задержался на Мыше, возвратился к Лорку. — До той ночи в Таафите я не знала такой боли. Видно, жила в оранжерее. Но каковы бы ни были правила, благородный капитан… — (тут прорвалось презрение), — нас тоже растили для игры.

— Лала, я хочу с тобой поговорить… — Голос Лорка дрогнул. — И с Князем. Наедине.

— Не уверена, что Князь хочет говорить с тобой. Промежуток с того момента, когда ты оставил нас на краю Злата, и до момента, когда мы наконец прорвались к медико, не относится к моим… *нашим* приятнейшим воспоминаниям.

— Скажи Князю, что я переправляюсь на «Черный какаду». Я устал от этого кошмара, Лала. Что-то ты хочешь узнать у меня. Что-то я хочу сказать тебе.

Ее рука нервно дернулась к упавшим на плечо волосам. Ее темная накидка оканчивалась высоким воротником. Через миг она сказала:

— Очень хорошо, — и пропала.

Лорк поглядел вниз, на экипаж:

— Вы слышали. Вернитесь на крылья. Тййи, я видел, как ты управлялась с ниточками. Твой полетный опыт явно больше, чем у остальных. Возьмешь на себя капитанские разъемы. И если случится что-то не то — что угодно, вернусь я или нет, — уводите отсюда «Птицу Рух», быстро.

Мыш и Кейтин посмотрели друг на друга, потом на Тййи.

Лорк пересек ковер, взошел на пандус. Посередине белой арки замер и уставился на свое отражение. Сплюнул.

Исчез прежде, чем рябь коснулась берега.

Озадаченно переглядываясь, они разошлись от пруда.

На ложементе Кейтин воткнулся и включил сенсор-импульсы

извне корабля; остальные все уже вышли в сенсорику.

Он смотрел, как «Черный какаду» подплывает, чтобы принять челнок.

— Мыш?

— Ага, Кейтин.

— Мне тревожно.

— За капитана?

— За нас.

«Черный какаду» ударил крыльями по темноте и медленно развернулся рядом, выравнивая орбиты.

— Мы дрейфовали, Мыш, — мы с тобой, близнецы, Тййи и Себастьян, хорошие люди, все мы… но бесцельно. Одержимец схватил нас и понес прочь на край всего. И вот мы прибыли и видим, что одержимость заковала нашу бесцельность в порядок… а может, в более осмысленный хаос. Тревожит меня то, что я так ему благодарен. Мне бы взбунтоваться, чтобы отстоять собственный порядок. Но я не бунтую. Я хочу, чтобы он выиграл свою адскую гонку. Я хочу ему победы, и, пока он не победит или проиграет, всерьез желать чего-либо для себя я не смогу.

«Черный какаду» принял шлюпку-челнок: пушечный выстрел наоборот. Когда надобность поддерживать выравненные орбиты отпала, корабль отдрейфовал прочь. Кейтин смотрел на его темное вращение.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— По Гринвичу, Лала, сейчас утро.

— А я из учтивости приветствую тебя по времени Ковчега. Прошу сюда. — Она придержала одеяние, пропуская его в черный коридор.

— Лала?

— Да? — Ее голос сразу за левым плечом.

— Когда я тебя вижу, всегда задаюсь одним и тем же вопросом. Ты столько раз давала мне понять, какой ты прекрасный человек. Но это отблески в тени, которую отбрасывает Князь. Много лет назад, когда мы говорили на той вечеринке, на Сене, меня поразило: как сложно было бы тебя любить.

— Лорк, Париж остался за много миров отсюда.

— Князь тебя контролирует. Я знаю, это мелко, но тебя я не могу простить ему больше всего. Рядом с ним ты никогда не проявляешь свою волю. Разве что тогда в Таафите, на другом мире под изможденным солнцем. Ты думала, Князь мертв. Я знаю, ты помнишь. Я с тех пор только о том и думал. Ты меня

поцеловала. Но он закричал — и ты ринулась к нему. Лала, он пытается уничтожить Федерацию Плеяд. Все миры на орбитах трех сотен звезд — сколько это миллиардов людей. Это мои миры. Я не дам им погибнуть.

— Чтобы их спасти, ты опрокинул бы колонну Дракона — и пусть Змей отползает по грязи куда подальше? Вышиб бы экономическую опору из-под Земли — и пусть осколки падают сквозь ночь? Свалил бы миры Дракона в эпохи хаоса, гражданской смуты, лишений? Миры Дракона — миры Князя. Неужели ты в своем высокомерии решил, будто он любит свое меньше, чем ты — свое?

— Лала, что любишь ты?

— Не у тебя одного есть тайны, Лорк. У нас с Князем тоже. Когда ты вышел из горящих камней, да, я подумала, что Князь мертв. В моей челюсти был зуб со стрихнином. Я хотела наградить тебя победным поцелуем. Но Князь закричал.

— Князь любит Дракон? — Лорк перекрутился, поймал ее за плечи, притянул к себе.

В грудь ударила волна ее дыхания. Их лица сшиблись; оба не закрыли глаз. Он давил ее тонкие губы своими полными, пока ее рот не сдался и его зубы и язык не наскочили на ее зубы.

Ее пальцы вцепились в его жесткие волосы. Она омерзительно закряхтела.

Он держал ее, изумленную, ошеломленную, перепуганную, на пике страстного желания покончить со всем этим, здесь, сейчас. Но ничто не кончилось. Она отбивалась, извивалась, дергалась.

Едва он ослабил хватку, она вырвалась: глаза навыкате. Потом веки занавесили голубой свет, пока ярость не отверзла их вновь.

— Ну?.. — Он дышал тяжело.

Лала завернулась в накидку.

— Если оружие подводит меня хоть раз… — голос хриплый, как у Мыша, — я от него избавляюсь. Иначе, благородный пират, ты бы… — Она чуть смягчилась? — *Мы* бы… Но теперь у меня есть оружие другого рода.

Кают-компания «Какаду», тесная и пустая. На скамейках — два киберштыря. Еще один застыл на ступеньках у двери в проекторную.

Угловатые лица, белая форма; эти люди напомнили Лорку его предыдущую команду. На шевронах — багровая эмблема «Красного смещения». Штыри посмотрели на Лорка и Лалу. Тот, что стоял, шагнул в свою проекторную, и лязг двери эхом отразился от высокого потолка. Двое встали, готовясь уйти.

— Князь спустится?

Лала кивнула на железную лестницу:

— Он примет тебя в капитанской каюте.

Лорк пошел вверх по лестнице. Сандалии щелкали по перфорированным ступеням. Лала поднималась следом.

Лорк постучал в обитую гвоздями дверь.

Та распахнулась, Лорк — Лала за ним — ступил внутрь, и перчатка из металла и пластика на шарнирной руке выдвинулась с потолка и ударила его по лицу — дважды.

Лорк отшатнулся к двери — изнутри покрытой кожей и засаженной латунными заклепками, — и та захлопнулась.

— За то, — возвестил труп, — что лапал мою сестру.

Лорк потер щеку и глянул на Лалу. Та замерла у нефритовой стены. Густо-бордовые балдахины — в тон ее накидке.

— Думаешь, я не слежу за всем, что происходит на корабле? — спросил труп. — Плеядские варвары, деревенщины — верно Аарон о вас говорит.

Пузыри рождаются в резервуаре, ласкают ободранную голую ногу, гнездятся гроздьями в скукоженном паху, катятся по груди — прутья ребер, почерневшие лохмотья кожи, — овевают обожженную безволосую голову. Безгубый рот зияет обломками зубов. Носа нет. Вокруг сгнивших разъемов вьются трубки и провода. Трубки пронзают живот, бедро и плечо. Раствор в резервуаре вихрится, единственную руку качает туда-сюда, трупное окоченение сжало обугленные пальцы, превратило в клешню.

— Тебя не учили, что глазеть невежливо? Ты именно *глазеешь*, знаешь ли. — Голос из динамика в стеклянной стене. — Боюсь, на другом мире я повредился несколько сильнее Лалы.

Пара движущихся камер над резервуаром сместились, когда Лорк сделал шаг от двери.

— Для владельца «Красного смещения» твое решение выровнять орбиты не слишком… — Изумление Лорка ничуть не маскировалось банальностью.

Кабели управления кораблем воткнуты в разъемы на стеклянном фасаде резервуара. Само стекло — часть стены. Кабели извиваются над черно-золотой плиткой и исчезают в медно-красной решетке, закрывшей переднюю панель компьютера.

На стенах, полу и потолке все экраны эфирных возмущений в роскошных рамах показывают один и тот же лик ночи.

На краю каждого — серые очертания «Птицы Рух».

По центру каждого — звезда.

— Увы, — сказал труп, — я не ты, я никогда не был

спортсменом. Кажется, ты хотел со мной говорить. Что скажешь?

И вновь Лорк взглянул на Лалу.

— Я почти все сказал Лале, Князь. Ты слышал.

— Как-то я сомневаюсь, что ты притащил нас обоих сюда, на край звездной катастрофы, чтобы сообщить именно это. Иллирий, Лорк фон Рэй. Ни ты, ни я не забыли о главной цели твоего полета. Ты не уйдешь, не сказав, где собрался взять…

И тут звезда стала новой.

Неминуемое настолько непредвиденно.

В первые мгновения на усиленных картинках вокруг них точки сменились разливами света. И разливы делались ярче.

Лала вжалась в стену, закрыв глаза рукой.

— Рано! — заорал труп. — Еще несколько дней!..

Лорк пересек каюту в три прыжка, выдернул два втыка из резервуара, вставил себе в запястья. Третий перегнул и вогнал в хребетный разъем. Его затопила музыка корабля. Хлынул сенсор-поток. На вид каюты наложилась ночь. И ночь занималась огнем.

Вырвав контроль у штырей, Лорк развернул «Какаду» и устремил его к узлу света. Корабль бросился вперед.

Камеры-близнецы, сместившись, поймали его в фокус.

— Лорк, что ты делаешь? — крикнула Лала.

— Останови его! — Это труп. — Он тащит нас в звезду!

Лала прыгнула на Лорка, схватила. Они развернулись, зашатались. Каюта и звезда снаружи липли к его глазам двойной экспозицией. Лала поймала петлю кабеля, набросила Лорку на шею, закрутила, стала душить. Кабельная оболочка жевала горло. Лорк вцепился одной рукой в ее спину, другую вдавил ей в лицо. Она закряхтела, голова запрокинулась (рука давила в средоточие света). Ее волосы соскользнули, открепились; парик упал с опаленного черепа. В медико она вернула себе только здоровье. Косметическая пластикожа, восстановившая лицо, расползлась под пальцами. Эластичная пленка сошла с пятнистой ямчатой щеки. Лорк вдруг резко отдернул руку. Руины ее лица обрушили на него крик сквозь пламя; он оторвал ее руки от шеи, оттолкнул. Лала отпрянула, наступила на накидку, упала. Лорк повернулся, и тут с потолка замахнулся механический кулак.

Лорк его перехватил.

Кулак был слабее человека.

Лорк с легкостью сдержал эту руку, пока ее пальцы ловили ярящуюся звезду.

— Хватит! — проревел он. И в тот же миг волей погасил сенсор-импульсы по всему кораблю.

Экраны посерели.

Сенсор-импульсы всех шести киберштырей он отрезал еще

раньше.

Огни испарились из его глаз.

— Ради всего святого, Лорк, ты что творишь?

— Я нырну в геенну и выужу иллирий голыми руками!

— Он спятил! — завизжал труп. — Лала, он спятил! Он убивает нас, Лала! Он хочет одного — с нами разделаться!

— Да! Я тебя убиваю!

Лорк отшвырнул руку. Та вцепилась в кабель, шедший из запястья, дернула. Лорк поймал руку снова. Корабль накренился.

— Ради бога, вытащи нас, Лорк! — орал труп. — Вытащи нас отсюда!

Корабль опять затрясло. Искусственную гравитацию перемкнуло, жидкость перелилась через край резервуара и испятнала стекло, едва притяжение исправилось.

— Слишком поздно, — прошептал Лорк. — Нас засосал гравиштопор!

— Зачем ты это делаешь?

— Чтобы тебя убить, Князь. — Лицо Лорка бурлило яростью, пока не пролилось смехом. — Да, Князь, больше ни за чем! Это все, чего я сейчас желаю.

— Не хочу умирать вновь! — провизжал труп. — Не хочу вспыхнуть, как горящая мошка!

— Вспыхнуть? — Лицо Лорка скривилось вдоль шрама. — О нет! Все будет медленно, медленнее прежнего! Не меньше десяти — двадцати минут. Воздух теплеет — чуешь? Но пять минут жару еще можно будет терпеть. — Под золотым блеском лицо Лорка мрачнело. Слюна кропила губы с каждым согласным. — Ты сваришься в этой банке, как рыба… — Он прервался, почесал живот под жилетом. Оглядел каюту. — Что здесь горючего? Занавески? Твой стол из настоящего дерева? А эти бумажки?

Механическая рука скакнула от Лорка. Метнулась через каюту. Пальцы сжали Лалину руку.

— Лала, нет! Останови его! Не дай ему нас убить!

— Ты в жидкости, Князь, успеешь полюбоваться пожаром. Лала, твоя уже обожженная кожа не потеет. Так что ты умрешь первой. Он будет видеть тебя еще несколько секунд, а потом закипит раствор, потечет резина, расплавится пластик…

— Ты говорил о любви, Лорк! — закричала Лала, схватив механическую руку. — И вот что она тебе принесет? Мою смерть и смерть и уничтожение всего, что я когда-либо любила, всего, что могла бы любить, даже тебя?..

— Нет! — (Рука оторвалась от Лалы, перелетела каюту, врезалась в фасад резервуара.) — Уголовник! Вор! Пират! Убийца! Нет!..

Рука была слабее, чем тогда, в Таафите.

Стекло тоже.

Стекло лопнуло.

Питательный раствор забрызгал Лорка; он изящно отпрыгнул на замоченных сандалиях. Труп в резервуаре перекорежился, запутавшись в трубках и проводах.

Камеры исступленно расфокусировались.

Рука с грохотом упала на мокрую плитку.

Пальцы застыли, и Лала завопила, и завопила вновь. Метнулась по полу, переползла через иззубренную кромку стекла, подхватила труп, прижала к себе, поцеловала, и завопила, и целовала, раскачиваясь, опять и опять. Ее накидка почернела от раствора.

Потом вопль задохнулся. Она уронила тело, бросилась на стену резервуара, схватилась за горло. Под ожогами и разоренным гримом ее лицо багровело. Она плавно сползла по стене. Когда достигла дна, глаза были закрыты.

— Лала?..

Порезалась она или нет, перебираясь через стекло, — не важно. Все решил поцелуй. Как ни старался медико, после стольких ожогов она стала гипераллергичной. Инородные белки в питательном растворе Князя попали в организм, вызвав обширную гистаминовую реакцию. Несколько секунд — и гибель от анафилактического шока.

А Лорк засмеялся.

Сначала в его груди заворочались глыбы. Затем родился раскованный звук, зазвенел по высоким стенам залитой кающи. Триумф смешон — и кошмарен — и за ним.

Лорк сделал глубокий вдох. Под пальцами пульсировал корабль. По-прежнему слеп, Лорк гнал «Черного какаду» в разрывающееся солнце.

Где-то на корабле плакал киберштырь…

— Звезда! — заорал Мыш. — Она нова!

По главному каналу шарахнул голос Тййи:

— Отсюда уходим! Сейчас же!

— Но капитан! — крикнул Кейтин. — Глядите, «Черный какаду»!

— «Какаду», боже мой, он…

— …господи, летит прямо…

— …падает…

— …в звезду!

— Так, всем крылья травить. Кейтин, я крылья травить сказала!

— Боже ты мой… — выдохнул Кейтин. — О нет…

— Ярко слишком, — решила Тййи. — Сенсорику вырубаем!

«Птица Рух» тронулась прочь.

— Господи боже! Они… они же точно, точно падают! Такой свет! Они умрут! Сгорят, как… они падают! Боже, останови их! Кто-нибудь, пожалуйста! Там же капитан. Надо что-то делать!

— Кейтин! — крикнул Мыш. — Вырубай сенсорику! Ты чокнулся?

— Им конец! Нет! Там дыра света в середине всего! И они в нее падают. О, они погружаются. Они падают…

— Кейтин! — визжал Мыш. — Кейтин, не смотри!

— Она растет, она яркая… яркая… еще ярче! Я их почти не вижу!

— Кейтин! — Вдруг осенило, и Мыш выкрикнул: — Не помнишь Дана? Отключи сенсор-импульсы!

— Нет! Нет, я должен видеть! Она ревет. Она сотрясает, раскалывает ночь! Я чую запах — она жжет, выжигает тьму! Я их уже не вижу… нет, вот они!

— Кейтин, прекрати! — Мыш извивался под Ольгой. — Тййи, отключи ему импульсы!

— Не могу. Корабль должна против гравитации я вести. Кейтин! Сенсорику выруби, приказ это!

— Вниз… вниз… я опять их потерял! Все, не вижу. Свет краснеет, весь… Я не…

Мыш ощутил, как передернуло корабль, когда внезапно и бешено забилось Кейтиново крыло.

Кейтин завопил:

— Я не вижу! — Вопль стал всхлип. — Я *ничего* не вижу!

Мыш свернулся в клубок на ложементе, прижав ладони к глазам, дрожа.

— Мыш! — Крик Тййи. — Черт, мы одно потеряли крыло. Свое выбирай!

Мыш вслепую выбрал свое. Слезы страха сочились между век; он слышал, как Кейтин плачет навзрыд.

«Птица Рух» восходила над звездой, и «Черный какаду» нисходил в нее.

И стала нова.

Пиратского рода, слепо мечусь в огне; меня кличут пиратом, убийцей, вором.

Перетерплю.

Миг спустя я соберу трофеи и стану тем, кто столкнет Дракона с края завтрашнего дня. И спасу Плеяды — что не смягчит моего преступления. Облеченные величайшей властью в

итоге совершают и величайшие злодеяния. Здесь, на «Черном какаду», я — пламя вдали от вечности. Однажды я сказал ей: нас не готовили к смыслу. Не готовили нас и к осмысленной смерти. (Есть смерть, единственный смысл которой — умереть в защиту хаоса. И они мертвы…) Такие жизни и смерти исключают значимость, отводят вину от убийцы, восторг от социально благотворного героя. Как другие преступники обосновывают преступления? Пустые миры извергают своих пустых детей, взращенных лишь играть и воевать. Достанет ли этого для победы? Я сокрушил треть космоса, чтобы вознести другую и потрясти еще одну; и я не вижу на себе греха. Значит, видимо, я свободен и я зло. Что же, я свободен… и скорблю по ней смехом. Мыш, Кейтин, вы, кто может говорить из сети: который из вас больше слепец, не узревший моей победы под этим солнцем? Я чувствую: вокруг бурлит пламя. Как ты, мертвый Дан, я вцеплюсь в рассвет и вечер; но я — я покорю полдень.

Темнота.

Безмолвие.

Ничто.

И трепет мысли:

Я мыслю… следовательно, я… я Кейтин Кроуфорд? Он отбивается. Но мысль — он; он — мысль. Негде бросить якорь.

Проблеск.

Перезвон.

Пахнет тмином.

Начинается.

Нет! Он продрался обратно во тьму. Мыслеслух припомнил чей-то визг: «Помнишь Дана…» — и мыслевзор нарисовал шатающегося отщепенца.

Еще один звук, запах, проблеск — за ве́ками.

Он бился за беспамятство в кошмаре потока. Но кошмар ускорил сердце, а учащенный пульс толкал его вверх, вверх, где распростерлось в ожидании великолепие гибнущей звезды.

Сон в нем убит.

Он задержал дыхание и открыл глаза…

Перед ним — пастельные капли жемчужин. Мягко перезваниваются высокие созвучия. Затем тмин, мята, кунжут, анис…

А за многоцветьем — силуэт.

— Мыш? — шепнул Кейтин и сам удивился, как ясно себя услышал.

Мыш отнял руки от сиринги.

Цвет, запах и музыка иссякли.

— Очнулся? — Мыш сидит на подоконнике: плечи и левая половина лица залиты медью. За ним — пурпурное небо.

Кейтин закрыл глаза, уронил голову на подушку, улыбнулся. Улыбка ширилась и ширилась, расщепилась над зубами — и вдруг перешла границу слез.

— Да. — Он расслабился, снова открыл глаза. — Да. Очнулся. — Рывком сел. — Где мы? Это станция Алкана? — Но в окне виднелся пейзаж.

Мыш спихнул себя с подоконника:

— Луна планеты именем Новая Бразилия.

Кейтин выбрался из гамака, подошел к окну. За атмосферным капканом над горсткой невысоких домов катила ковром к лунно узкому горизонту черно-серая скальность. Кейтин втянул холодный, порченный озоном воздух, оглянулся на Мыша:

— Мыш, что случилось? Ой, Мыш, я же думал, я проснусь и буду как…

— Дан подвис на пути в звезду. Ты подвис, когда мы отлетали. Все частоты доплеровали к красному смещению. То, что произошло с Даном, делает другой конец синхронного ионного спектра. Тййи все-таки улучила момент и отрубила твои сенсор-импульсы с капитанского пульта. Ты и правда ненадолго *ослеп* — ты в курсе? Мы, едва выбрались, отнесли тебя в медико.

Кейтин нахмурился:

— Тогда что мы тут делаем? Что было потом?

— Мы встали у алкановских станций, смотрели фейерверки с безопасного расстояния. До пика интенсивности она дошла меньше чем за три часа. Мы переговаривались с алкановцами и тут поймали капитанский сигнал с «Черного какаду». Помчались как угорелые, подобрали его и отпустили киберштырей «Какаду» восвояси.

— Подобрали! В смысле, он *выбрался*?

— Ага. Он тут рядом. Хочет с тобой поговорить.

— Так это были не байки — про корабли, что падали в нову и вылетали с другой стороны?

Они зашагали к двери.

Шли коридором со стеклянной стеной, глядевшей на бугристую луну. Кейтин успел утонуть в чудесном созерцании щебенки, когда Мыш сказал:

— Здесь.

Открыли дверь.

Трещина света расколола Лорково лицо.

— Кто?

Кейтин спросил:

— Капитан?

— Что?

— Капитан фон Рэй?

— Кейтин? — Пальцы царапали подлокотники. Желтые глаза таращились, скакали; скакали, таращились.

— Капитан, что?.. — Лицо Кейтина смялось; он поборол панику, принудил лицо расслабиться.

— Я велел Мышу привести тебя глянуть на меня, когда придешь в сознание. Ты… ты в порядке. Хорошо. — Боль побежала по растерзанной плоти, споткнулась. И мгновение боль *была*.

Кейтин перестал дышать.

— Ты тоже не отвел глаза. Я рад. Всегда думал, что именно ты поймешь.

— Вы… вы упали в звезду, капитан?

Лорк кивнул.

— Но как вы выбрались?

Лорк вдавил затылок в спинку кресла. Темная кожа, рыжие с прожелтью волосы, глаза не в фокусе — единственные цвета в комнате.

— Что? Когда говоришь со мной, надо громче. Иначе… Выбрался, говоришь? — Он резко усмехнулся. — Теперь это уже не тайна. Как выбрался? — (На руине челюсти задрожала мышца.) — Звезда… — Лорк поднял руку, изогнул пальцы, держа воображаемую сферу, — она вращается, как мир, как некоторые луны. Масса звезды такова, что вращение порождает невероятную центростремительную силу, толкающую все к экватору. В последней фазе образования тяжелых элементов на поверхности, когда звезда становится новой, она проваливается сама в себя, в собственный центр. — (Пальцы задрожали.) — Из-за вращения вещество на полюсах проваливается быстрее, чем на экваторе. — Он снова сжал подлокотник. — Когда образуется нова, через несколько секунд она уже не сфера, а…

— Тор!

Морщины иссекли Лорково лицо. И его голову дернуло вбок, будто отворачивая от сильного света. Затем очертания шрама вернулись.

— Ты сказал «тор»? Тор? Да. Эта звезда стала бубликом с такой дыркой, что прошло бы два Юпитера бок о бок.

— Но Алкан изучает новы уже почти сто лет! *Они* что, ничего не знали?

— Замещение вещества направлено в центр звезды. Замещение энергии — вовне. Гравитационный сдвиг загоняет всю материю в дыру; благодаря замещению энергии в самой дыре прохладно, как бывает на поверхности красных гигантов, —

меньше пятисот градусов.

В комнате было не жарко, но Кейтин видел, как на гребнях Лоркова лба выступает пот.

— Топологическое расширение тора таких габаритов — корона, которую только и видят станции Алкана, — практически идентично сфере. Как ни велика дыра, на фоне гигантского энергетического шара найти ее сложновато, если не знать, где искать… или не упасть в нее случайно. — (Пальцы на подлокотнике внезапно вытянулись, затряслись.) — Иллирий…

— Вы… вы добыли иллирий, капитан?

Лорк снова поднес руку к лицу, теперь — сжатой в кулак. Постарался на нем сосредоточиться. Сделал попытку схватить его другой рукой, почти промахнулся, повторил попытку, промахнулся напрочь, попытался опять; разведенные пальцы вцепились в сведенные. Двойной кулак трясло, как при парезе.

— Семь тонн! Единственная материя, чья плотность держит ее в центре дыры, — транстрехсотые элементы… это не шварцшильдовский объект, который больше тысячи лет предсказывает квантовая математика. Нет — иллирий! Он там плавает свободно, иди и загребай. Заводишь корабль в дыру, ищешь, где он, загребаешь крыльями. Он собирается на узлах проекторов. Иллирий… почти без примесей. — (Руки разошлись.) — Только… включаешь сенсорику и ищешь. — Он поник головой. — На Новой Бразилии есть иллириевая шахта… — За окном в небе внушительно висела пятнистая планета. — У них все оборудовано для работы с грузами иллирия. Но видел бы ты их лица, когда мы привезли семь тонн, да, Мыш? — Он снова громко усмехнулся. — Верно, Мыш? Ты сказал мне, как они выглядели, да?.. Мыш?

— Верно, капитан.

Лорк кивнул, глубоко вздохнул:

— Кейтин, Мыш, ваша работа завершена. Вы получили расчет. Корабли здесь летают регулярно. Вам не составит труда сесть на какой-нибудь.

— Капитан, — осмелел Кейтин, — что будете делать вы?

— На Новой Бразилии есть дом, где я провел в детстве много счастливых дней. Я вернусь туда… и буду ждать.

— Капитан, но разве ничего нельзя сделать? Я смотрел и…

— Что? Говори громче.

— Я сказал, я в порядке, а ведь *я* смотрел!.. — Голос Кейтина сорвался.

— Ты смотрел, улетая. Я смотрел, обыскивая центр. Нейронное искажение вплоть до мозга. Нейроконгруэнтность. — Лорк тряхнул головой. — Мыш, Кейтин, с Эштоном Кларком.

— Но капитан…

— С Эштоном Кларком.

Кейтин глянул на Мыша, снова на капитана. Мыш теребил лямку. Поднял глаза. Миг спустя они развернулись и ушли из комнаты без света.

Снаружи они еще поглазели на местный луншафт.

— Ну вот, — подумал Кейтин вслух. — Фон Рэй получил что хотел, а Князь и Лала — нет.

— Они мертвы, — сообщил Мыш. — Капитан сказал, он их убил.

— Ой. — Кейтин вгляделся в луншафт. После паузы сказал: — Семь тонн иллирия, и баланс смещается. Дракон заходит, Плеяды восходят. Внешние Колонии несколько изменятся. Спасибо Эштону Кларку, перемещение рабочей силы уже не катастрофа. И все равно без проблем не обойтись. Где Линкей и Идас?

— Улетели. Получили звездограмму от брата и поехали с ним повидаться, раз уж они во Внешних Колониях.

— С Товией?

— Точно.

— Бедные близнецы. Бедные тройняшки. Когда этот иллирий выплывет и все изменится… — Кейтин щелкнул пальцами. — Никакой больше блажи. — Посмотрел на небо, почти лишенное звезд. — Мыш, мы внутри исторического момента.

Мыш ногтем мизинца выскребал серу из уха. Его серьга сверкала.

— Ага. Я и сам это подумал.

— Куда ты теперь?

Мыш пожал плечами:

— Не знаю, правда. Поэтому попросил Тййи погадать мне на Таро.

Кейтин поднял брови.

— Они с Себастьяном внизу. Их звери разбежались по бару. Перепугали всех до смерти и почти разнесли заведение. — Мыш надрывно заухал. — Ты бы видел. Они только успокоят владельца — и погадают мне. Видимо, опять наймусь штырем. Про шахты теперь думать незачем. — (Пальцы сомкнулись на кожаной сумке под мышкой.) — Еще многое надо повидать, многое сыграть. Может, мы не будем пока разбегаться, устроимся на один корабль? Ты иногда смешной до чертиков. Но у меня к тебе неприязнь вдвое меньше, чем к куче других людей. Какие у тебя планы?

— У меня не было времени их продумать. — Кейтин сунул

руки за пояс, опустил голову.

— Что ты делаешь?

— Думаю.

— О чем?

— О том, что я на идеальной луне. Работа завершена, пока можно ни о чем не беспокоиться. Почему бы не осесть, не поработать серьезно над романом? — Он поднял голову. — Но знаешь что, Мыш? Я и не знаю, *хочу* ли я писать книгу.

— А?

— Когда я глядел на эту нову… нет, после, перед тем как я проснулся и подумал, что проведу остаток жизни в шорах, с кабелями в ухе и в носу, пока у меня с грохотом ехала крыша, я понял, сколько всего не видел, сколько всего не слышал, не нюхал, не пробовал… как мало я знаю про основы жизни, которые ты объяснишь буквально на пальцах. А потом капитан…

— Черт, — сказал Мыш. Голой ногой он смахивал пыль с ботинка. — Ты не станешь ее писать, хотя потратил столько труда?

— Мыш, я бы с радостью. Но у меня до сих пор нет темы. И я только приготовился пойти и ее отыскать. В данный момент я всего лишь неглупый парень, которому есть что сказать, но не о чем рассказывать.

— Ренегадство, — проворчал Мыш. — А капитан и «Птица Рух»? И ты говорил, что хочешь написать про меня. Лады, валяй. И о себе напиши тоже. О близнецах. Ты ж не думаешь, что они тебя засудят? Да они будут довольны как слоны, оба. *Я* хочу, чтоб ты написал свой роман, Кейтин. Может, я не смогу его читать, но уж точно послушаю, если его прочтешь мне ты.

— Правда?

— А то. В конце концов, ты зашел очень далеко, остановишься — будешь несчастен.

— Мыш, ты искуситель. Я годами хотел только этого. — Кейтин усмехнулся. — Нет, Мыш. Я все еще в основном мыслитель. Последнее странствие «Птицы Рух»? Я слишком хорошо знаю все архетипические паттерны, которым оно следует. Уже вижу, как превращаю его в аллегорические поиски Грааля. У меня не получится описать его иначе — только запрятав внутрь всякого рода мистический символизм. Помнишь писателей, которые умерли прежде, чем успели закончить свои переложения легенды о Граале?

— Эх, Кейтин, это все чушь. Ты *обязан* об этом написать!

— Чушь вроде Таро? Нет, Мыш. Если я решусь, моя жизнь будет в опасности. — Он снова вгляделся в пейзаж; луна, столь близкая знакомая, на миг примирила его с неизвестностью

впереди. — Я хочу. Правда. Только, Мыш, мне с самого начала придется сражаться со множеством проклятий. Может, и получится. Но вряд ли. Единственный способ защитить себя от проклятия, я полагаю, — бросить книгу, не дописав последнее

Афины, март 1966 г. — Нью-Йорк, май 1967 г.

Да, и Гоморра…

Посвящается
Саре Дилэни
и памяти
Маргарет Кэри Бойд Дилэни,
Сары Офелии Фицджеральд Бойд
и Сэмюеля Р. Дилэни-старшего

Да, было разрушение.

О Боже! О Боже мой!

И пламя. И смерть, и звуки смерти и пламени.

Был ли Содом уничтожен?

Да, и Гоморра на шесть лиг вокруг. Бежавшая под ней река кипела на улицах. Горы извергали камни на сады. И никто теперь не может там жить.

О мой город! Где мне сыскать другой? Куда мне идти, чтобы обрести дом?

Звездная Станция
(Перевод Т. Боровиковой)

Два стекла, пространство между ними заполнено землей, ячейки соединены ходами: в детстве у меня дома была муравьиная колония.

Однажды наши четырех-, пяти- и шестилетки соорудили экологариум из шестифутовых панелей оргстекла и алюминиевых уголков. Его поставили снаружи, на песке.

В одном углу налили лужу воды, и сквозь стенку просматривалась подводная жизнь. Иногда кольчатые черви, буря красноватую землю, проходили рядом со стеклом, и тогда было видно несколько дюймов туннеля. В жару оргстекло потело изнутри и покрывалось каплями конденсата. Круглые листики лакмусовых лиан меняли цвет — с голубого на розовый, с голубого на розовый — по мере того, как по небу проходили облака и кислотность светочувствительной почвы едва заметно варьировала.

Дети выбегали перед рассветом, плюхались голыми животами на прохладный песок, подпирали подбородок руками и вглядывались в полумрак, а тем временем красный жернов Сигмы поднимался над окровавленным морем. Песок багровел, и цветы хрустальных растений казались рубинами в тусклом свете гигантского солнца. Вдали на побережье начинали шептаться джунгли, и где-то рассыпался трелями ани-ворт. Дети хихикали, толкались и подбирались поближе.

Потом Сигма-прим, вторая половина двойной звезды, вспыхивала над водой, как бомба-зажигалка, и алые тучи светлели, переходя к коралловому цвету, к персиковому, к розовой пене. Дети к этому времени уже лежали практически друг у друга на голове. Они походили на кучку медных слитков. Их шевелюры выгорели на солнце — даже у двухлетнего Антони, моего старшего, с волосами черными и курчавыми, как бурлящая нефть (он пошел в мать), пушок на спинке, если присмотреться, был белый.

Все новые и новые дети выходили, присаживались на корточки или становились на коленки, прижав нос к стеклу. Они наблюдали, подобно юным магам, как рождаются, растут, зреют живые существа, как порождают себе подобных. Зачарованные делом собственных рук, дети смотрели на чудо, творящееся в живом музее.

У озерка-лужицы, зарывшись в ил, лежало красное семечко.

Как-то вечером, когда белая Сигма-прим села и небо стало фиолетовым, семечко лопнуло и выпустило коричневую личинку длиной с первую фалангу большого пальца Антони и такого же цвета. Личинка пару дней крутилась и извивалась в грязи, а потом заползла на нижнюю ветку ближайшего хрустального растения и бессильно повисла на самом кончике, вниз головой. Бурая плоть твердела, утолщалась, наконец стала блестящей и черной. И как-то утром на глазах у детей ониксовая куколка треснула, и к следующему рассвету за стеклом жужжала летучая ящерица с изумрудными глазами.

— Па, смотри! — кричали дети. — Она хочет вылезти!

Ящерица так стремительно металась, что казалась расплывчатой. Несколько дней она билась о стекло, потом наконец успокоилась и начала ползать среди широких листьев миниатюрных пальм, посаженных для тени.

Когда наступило холодное время года и родители начали дискутировать, следует ли детям носить рубахи — впрочем, они их все равно скидывали максимум через двадцать минут, — самоцветы хрустальных растений померкли, фасетки потеряли прозрачность, и цветы опали тусклыми камешками.

Еще в экологариуме жили маленькие ленивцы размером приблизительно с кулак шестилетнего ребенка, с четырьмя присосками на лапах. Бóльшую часть времени они проводили, прижавшись бархатными телами к стеклу и с тоской вглядываясь куда-то за горизонт, через пески. Потом двое из них разбухли и ходили так недели три. Сначала мы решили, что это какая-то инфекция. Но однажды вечером заметили две кладки белых бархатных шариков, полускрытых низкими листьями пальм. Теперь родители были заняты и уже не тосковали по воле.

Я помню, что в луже, наполовину торча из воды, лежал камень, поросший мхом, который я раньше видел в лесу и мысленно звал горчичным. Однажды мох выпустил щетку белых волосков. Потом в один прекрасный день дети вдруг притащили к экологариуму всех взрослых, до которых смогли добраться. «Смотрите! Ой, па! Па, ма, смотрите!» Волоски отделились и теперь расхаживали у края воды, «шагая» по мягкой влажной почве то одним кончиком, то другим.

Мне нужно было через несколько минут уезжать — предстоял рейс на тау Кита, транспортировка запчастей для двигателей. Но через пять дней, когда я вернулся, волоски успели пустить корни, стали толще и уже начали разворачивать круглые листки лакмусовых лиан. Среди ростков лежала на спине, прижав скрюченные когтистые лапки к сморщенному животу, летучая ящерица. Глаза ее помутнели, как раньше самоцветы хрустальных

растений, а крылья, похожие на кусочки целлофана, она отбросила уже давно. Жемчужное горлышко еще пульсировало — и тут же застыло, прямо у меня на глазах. Но перед смертью она успела снести и аккуратно зарыть в ил у воды россыпь красных семян.

Помню, как вернулся домой с другой вахты — в тот раз я занимался техобслуживанием челноков для строителей, монтирующих кольцевую станцию на орбите планеты, которая, в свою очередь, обращалась вокруг Альдебарана. Эта вахта выдалась длинной. Выйдя из посадочного комплекса космопорта, я направился к зарослям высоких растений на краю пляжа. На всем пути вокруг не было ни души.

Я этому был только рад, поскольку вчера хорошо вдарил по банке со строителями, обмывая новую станцию. А утром принял еще две в баре космопорта, чтобы поправиться. Но это никогда не помогает.

Шорох ветвей друг о друга был как лязг цепей. Лучи солнца били в песок и пытались выцарапать мне глаза невыносимым сиянием. Я радовался, что в поселке никого нет, — дети стали бы задавать вопросы, на которые мне не хотелось отвечать, а взрослые подчеркнуто не задавали бы никаких вопросов, что еще хуже.

И вдруг чуть поодаль, у экологариума, закричал ребенок. И опять. Я увидел, что в мою сторону несется Антони — наполовину бежит, наполовину ползет на четвереньках. Он вцепился мне в ногу:

— Ох, па! Па! Почему, па? Ну почему?

Рубашку и ботинки я сбросил на крыльце, но на мне еще оставался комбинезон. Антони вцепился обеими пятернями в мою штанину и не желал отпускать.

— Эй, малой, что случилось?

Когда я наконец взял его на руки, он уткнулся зареванным лицом мне в ключицу:

— Ох, па, па! Он сумашечий, он сума-а-а!

Голос перешел в визг и потонул в рыданиях.

— Кто сумасшедший, а, малыш? Ну скажи своему па.

Я направился к пластиковому сооружению, и Антони всю дорогу держался за мое ухо и плакал.

В одну прозрачную стенку вделали дверцу и заперли на замок с комбинацией из двух цифр, который должен был предотвратить именно то, что сейчас случилось. Антони, видно, подсмотрел комбинацию, когда старшие ребята открывали дверь, а может, просто подобрал.

Один молодой ленивец выбрался из экологариума и прополз по песку фута три.

— Смотри, па! Он меня укусил! Он сумашечий. Па, он меня укусил!

Антони перешел с рыданий на всхлипы и показал мне распухшее синее место на запястье; в середине виднелся полумесяц ранок, похожих на булавочные уколы. Затем нетвердой рукой указал на зверька.

Тот дрожал и ронял кровавую пену с губных заслонок. Он непрестанно и тщетно рыл песок неуклюжими лапками с присосками на концах. Глазки были втянуты внутрь. Вот он упал, дрыгая лапками, попытался встать — дыхание выходило словно из клапана.

— Он не переносит жару, — объяснил я и нагнулся, чтобы поднять зверька.

Тот щелкнул зубами, и я отдернул руку:

— У него солнечный удар, малой. Да, он сошел с ума.

Зверек вдруг очень широко открыл рот, выдохнул весь воздух и больше не вдыхал.

— Ему уже не больно, — сказал я.

Еще два крохотных ленивца подползли к двери, положили передние лапки с присосками на порог и глядели на волю блестящими черными глазками. Я оттолкнул их назад куском ракушки и закрыл дверцу.

Антони не отрываясь глядел на пушистый шарик, лежащий на песке.

— Он уже не сумашечий?

— Он мертвый, — сказал я.

— Он стал мертвый, потому что вышел наружу, да, па?

Я кивнул.

— И сумашечий?

Антони сжал кулак и растер что-то уже размазанное под носом.

Я решил переменить тему — мы слишком близко подошли к тому, о чем я и сам не любил думать.

— А с кем ты тут? — спросил я. — Ты ужасно чумазый. Пойдем-ка перевяжем тебе руку. Мальчика в твоем возрасте нельзя оставлять без присмотра.

Мы двинулись обратно к поселку. Укусы местных зверей легко воспаляются, и рука Антони уже начала распухать.

— Почему он стал сумашечий? Почему он стал мертвый, когда вышел наружу, а, па?

— Он не переносит света, — объяснил я, входя под полог джунглей. — Эти животные бóльшую часть времени проводят в

тени. Оргстекло не пропускает ультрафиолетовые лучи, совсем как листья, под тенью которых эти звери укрываются в джунглях. В лучах Сигмы-прим много ультрафиолета. Поэтому ты у меня такой красивый. Кажется, твоя ма мне рассказывала, что у этих зверьков нервная система на поверхности кожи, прямо под мехом. И под действием ультрафиолета ферменты распадаются так быстро, что… Ты вообще что-нибудь понимаешь из того, что я говорю?

— Не-а. — Антони помотал головой, на ходу разглядывая укушенную руку. И родил новую мысль: — Па, а правда было бы здорово, если бы хоть некоторые из них могли гулять на солнце?

Я остановился как вкопанный. На его иссиня-черных волосах играли солнечные пятна. Слабый зеленый блик от света, прошедшего сквозь толщу листьев, лежал у него на щеке. Антони ухмылялся. Он был маленький и чудесный. Гнев у меня в душе мгновенно претворился в кипящую нежность, она клубилась вокруг Антони, как пылинки в солнечном луче, падающем мне на плечо, и вскипала яростью, направленной на защиту моего ребенка.

— Не знаю, малой.

— Почему нет?

— Тем, которые не смогут выходить, будет очень обидно. Ну, скоро станет обидно.

— Почему?

Я снова зашагал вперед:

— Пойдем перевяжем тебе руку и умоемся.

Я умыл его зареванное лицо и оттер уже засохшую грязь, — похоже, мальчик не мылся как минимум дня два. Потом я дал ему антибиотик.

— Па, от тебя странно пахнет.

— Не важно, как от меня пахнет. Пойдем на воздух.

Я влил в себя чашку черного кофе — кажется, слишком быстро. Кофе и похмелье не поладили у меня в животе. Я постарался забыть об этом и начал осматриваться. В поселке по-прежнему не было ни души. Я разозлился. Конечно, Антони очень самостоятельный мальчик, ведь он мой сын. Но все-таки ему всего два года.

Мы вернулись на пляж и закопали мертвого ленивца в песок. Потом я показал Антони через стекло экологариума новые сверкающие ростки — молодые хрустальные растения. На дне пруда в студнеобразной массе яиц ани-ворта уже можно было различить очертания, напоминающие головастиков. Древесный гриб с оранжевой каемкой вымахал почти на восемь дюймов в диаметре — я помнил, что две недели назад тут было лишь

несколько черных спор на кучке опавших листьев.

— Растет, — пропищал Антони, прижавшись к стеклу носом и кулаками. — Все растет, растет!

— Верно.

Он расплылся в улыбке:

— И я расту!

— Это уж точно.

— А ты растешь? — Он тут же сам помотал головой — один раз, чтобы сказать «нет», а другой — потому что ему понравилось трясти волосами. Волосы у него были густые и длинные. — Нет! Ты не растешь! Не становишься больше! Почему?

— Еще как расту, — с негодованием сказал я. — Просто очень медленно.

Антони развернулся, привалился спиной к пластиковой стенке и уставился на меня, шевеля пальцами ног в песке — каждым пальцем отдельно, я так не умею.

— Люди должны расти все время. При этом они не обязательно делаются больше. Но внутри, у себя в голове, человек должен все время расти, понимаешь, малыш? Для нас, людей, это очень важно. Человек всю жизнь так растет, не останавливается. Во всяком случае, не должен. Он либо растет, либо умирает. Такой нам дан выбор, и этот выбор приходится делать всю жизнь.

Он оглянулся:

— Надо все время расти, даже если не можешь вылезти наружу.

— Да, — ответил я. И мне опять стало неловко. Я начал стягивать комбинезон, чтобы заполнить паузу. — Даже…

Тут у меня заело молнию.

— Черт побери!.. даже если не можешь выбраться.

Рррррр — я наконец открыл молнию.

Жители поселка вернулись тем же вечером. Они все ходили в поход вокруг подножия горы. Я немного покричал, чтобы до них лучше дошло, что нельзя было оставлять Антони одного. Но это не слишком помогло. Ну вы же знаете, как проходит типичный семейный скандал:

— Он не хотел идти! Мы не собирались его заставлять!

— Ну и что, что не хотел! Ему надо учиться делать и то, что не хочется.

— И кое-кому еще не помешало бы этому научиться!

— Слушай…

— У нас здоровая групповая динамика. Неужели ты не хочешь, чтобы он вырос здоровым…

— Я боюсь, что он может вообще не вырасти! Вы его бросили

без еды, без медицинской…

— В пищевом автомате полно еды! И он умеет им пользоваться!

— Слушайте, когда я вернулся, у него рука распухла до локтя!

И так далее и тому подобное. Антони сидел посреди всего этого с растерянным видом. Окончательно запутавшись, он деловито сообщил:

— Когда па пришел домой, от него странно пахло!

Повисла пауза. Потом кто-то сказал:

— Ох, Вайм, неужели ты снова явился в таком виде! Хоть бы детей постыдился!

Я сказал пару слов, о которых потом пожалел, и двинулся прочь по пляжу — на четырехмильную прогулку.

Я зачем про все это рассказываю — про те разы, когда вернулся с вахты, и про экологариум? Наверно, чтобы подвести к главному.

К очередному месту работы мне пришлось добираться неделю на перекладных. Я должен был участвовать в восстановлении военного корабля, выведенного из строя в бою где-то в районе альфы Возничего. Только когда я добрался, работы для меня уже не нашлось. Тамошняя война кончилась — сейчас это быстро. Я унижался, врал и кое-как устроился в ремонтную бригаду, которая обслуживала передвижную станцию замены. Унижаться и врать мне пришлось, потому что все остальные механики по движкам, которые прилетели восстанавливать тот корабль, тоже искали другую работу. Но в первый же день меня выгнали, потому что когда я вышел на рабочее место… от меня странно пахло. Еще неделю я искал рейс, чтобы вернуться в систему Сигмы. Денег у меня даже на проезд не хватало, но я договорился с пилотом, что половину времени буду вести корабль за него.

Мы только час как стартовали, и я был в рубке управления, когда случилось нечто небывалое. Мы чуть не столкнулись с другим кораблем. Подумайте, сколько места в космосе; вероятность подобного случая минимальна. Кроме того, каждый корабль обязан постоянно излучать свои позывные.

Но эта большая, неуклюжая космическая баржа проскочила так близко, что я ее *видел* через лобовой иллюминатор. Наша инерционная система просто взбесилась. Мы дергались в вихре стазис-поля от баржи. Я грохнул кулаком по кнопке видеоинтеркома и заорал:

— Ты, дебильный… здоровенный… кретин!

Я был так зол и испуган, что ничего другого мне в голову не пришло.

Золотой, который пилотировал корабль, уставился на меня с видового экрана; на лице у него читалось легкое удивление и раздражение. Я запомнил его лицо — оно было с негроидными чертами, лишь чуть менее выраженными, чем у меня.

Наша малютка-серпентина никак не могла ему повредить. Но будь мы хоть на сотню метров ближе, нас могло бы распылить на ионы. Из-за занавески выскочил проснувшийся пилот и начал меня костерить.

— Черт возьми, — заорал я, — там в рубке был один из этих… — я припомнил все ругательства, какие знал, — золотых!

— Так далеко вглубь галактики? Не может быть. Они все ошиваются вокруг Звездной Станции.

— Это была баржа, — настаивал я. — Она выскочила прямо у нас перед носом.

Я замолчал, почувствовав, что рычаг управления трясется у меня в руке. Вы ведь знаете логотип серпентин? Он у них в углу экрана, а еще, рельефный, пластиковый, на всех кнопках и рычагах управления. Ну и вот, этот логотип отпечатался у меня на мякоти большого пальца и сошел только через час. Так сильно я сжимал рычаг.

Когда пилот меня высадил, я двинулся прямиком в бар, чтобы охолонуть. И ввязался в дурацкую ссору, перешедшую в дурацкую потасовку, с каким-то мужиком, который наверняка и был-то тут проездом. Ну то есть я его раньше не видел. К поселку я подходил с пустыми карманами, с расквашенным носом (тот мужик меня пихнул), с больной головой и в ярости.

Дело было сразу после первого заката, и дети визжали у экологариума. Маленькая девочка, которую я даже не узнал, подбежала ко мне и стала дергать за руку:

— Па, ой, па! Иди посмотри! Ани-ворты сейчас как раз…

Я оттолкнул ее, и она удивленно села на песок.

Я только хотел добраться до воды и обмыть лицо, потому что еще минута — и оно начнет саднить.

Еще какие-то дети вцепились в меня с воплями и потянули:

— Па, па! Ани-ворты, па!

Я сделал с ними пару шагов. Потом просто взмахнул руками. Не издав ни звука. Нагнул голову и бросился на пластиковую стенку. Дети закричали. Алюминиевые рамки гнулись; пластик треснул и обрушился. Я все еще был в ботинках — я пинал и пинал красную землю и песок. Пальмы попáдали, и листья рвались у меня под ногами. Хрустальные растения трескались под пластиком, как стеклянные. Рой ящериц порхал вокруг. Меня окружало красное облако — частично свет Сигмы, частично что-то пылающее у меня в мозгу.

Я помню, как продолжал трястись, а вода текла из разбитого озерца и впитывалась в песок. Язык мокрого песка чуть приподнялся и разбух. Я поднял голову и увидел детей, которые снова бежали ко мне по пляжу, крича и плача. От страха они жались к маме Антони. Она приближалась твердым шагом — твердым, потому что она была женщина и ее окружали дети. Но я увидел тот же страх и на ее лице. Антони она несла на плече. Следом шли другие взрослые.

Мама Антони была биологом. Кажется, она первая и предложила соорудить экологариум. Она подняла взгляд от развалин, и я понял, что разрушил что-то и у нее в душе.

Странное выражение появилось у нее на лице — я хорошо помню ее лицо, такое красивое, — в нем мешались сострадание и гнев, презрение и страх.

— Вайм, я тебя умоляю, — воскликнула она, и даже не очень громко, — ну когда же ты вырастешь?

Я открыл рот, но все, что я хотел сказать, было слишком большое и застряло у меня в горле.

— Вырастешь? — повторил Антони и попытался поймать ящерицу, жужжащую в воздухе. — Теперь ничего не будет расти. Все сломалось. Все убежали.

Он снова посмотрел на сотворенные мною руины.

— Вайм нечаянно сломал, — сказала его мама всем остальным и тут же пронзила меня взглядом, как ножом, чтобы я не смел заикаться о благодарности. — Мы все починим.

Она посадила Антони на песок и подняла упавшую стенку.

Приступив к работе, они и мне позволили помогать. Многие растения были переломаны. Из ани-вортов удалось спасти только тех, которые уже завершили метаморфозу. Летающие ящерицы были очень любопытны и не упорхнули далеко, поэтому мы… то есть они… просто накрыли их сеткой и выпустили внутрь. Боюсь, от меня было не слишком много толку. И еще я так и не попросил прощения.

Они переловили почти всех зверей. Кроме ленивцев.

Мы не смогли их найти. А искали долго.

Маленькое солнце уже село, так что от него ленивцы не могли пострадать. По песку они передвигаются очень медленно и никак не успели бы скрыться в джунглях. Но следов на песке не было. Вообще ничего не было. Мы даже вскопали песок, думая, что, может быть, ленивцы зарылись в него. Прошло больше десятка лет, прежде чем я выяснил, куда они делись.

А пока что был вынужден согласиться с замечанием Антони:

— Наверно, они снова вылезли наружу.

Вскоре я покинул эту семейную группу. Просто однажды

уехал на вахту и не вернулся. Но, как я тогда сказал Антони, человек либо растет, либо умирает. Я не умер.

Одно время я подумывал вернуться. Но случилась очередная война — и возвращаться вдруг стало некуда. Часть семейной группы выбралась живыми. Антони и его маме не повезло. Ну то есть, подумайте сами, на планете даже воды не осталось.

Когда меня наконец занесло на Звездную Станцию, я уже много лет не пил. Но работа в тех местах, на краю галактики, что-то сотворила со мной — с той частью моей души, которая растет. С той, о которой я когда-то говорил Антони на пляже.

Если такое сделалось со мной, неудивительно, что оно сделалось и с Рэтлитом, и со всеми прочими.

(И я вспоминаю, как черноглазый зверек прижимался к прозрачной стенке и вглядывался в даль через непроходимые пески.)

Может, дело было в том, что мы знали: дальше нам пути нет.

Может, дело было в золотых.

Золотые — я впервые услышал это слово, когда еще даже к семейной группе не присоединился. Мне было шестнадцать лет, и я учился на втором курсе Лунного техникума. Я родился в городе под названием Нью-Йорк, на планете под названием Земля. Луна — ее единственный спутник. Наверняка вы слыхали о той планетной системе. Мы все оттуда родом. Ее многие знают. Впрочем, вы там, скорее всего, не бывали, если вы не антрополог. Она очень отсталая и лежит в жуткой глуши вдали от основных торговых маршрутов. Я поступил на отделение механики звездных двигателей. Я жил в общаге на стипендию и учился изо всех сил. Однажды мы все утро провели на занятиях по практической теории (дурацкое название и предмет дурацкий, так я тогда думал). Мы собирали модель межгалактической баржи. Вкручивая спиральные предохранители и бионические сенсоры суперинерции, я про себя ругал преподавателя, думая, как и все мои соученики: «Что с того, что на этой лоханке можно долететь в другую галактику? Водить-то их некому! Наша часть Вселенной отгорожена, как скорлупой, психическим и физиологическим барьерами».

Я вернулся в спальню, лег на кровать и стал логарифмической линейкой выковыривать графитовую смазку из-под ногтей, вполглаза читая сложенный обложкой внутрь журнал «Звездная механика». И тут я увидел эту статью и иллюстрации к ней.

По чистой случайности были обнаружены два человека, не

сошедшие с ума в двадцати тысячах световых лет от края галактики и не умершие в двадцати пяти тысячах световых лет от него.

У обоих были отклонения в психике и чудовищный гормональный дисбаланс. Девочка-азиатка и мужчина постарше, ширококостный блондин с холодной планеты, обращающейся вокруг беты Лебедя. Золотые. У обоих нечеловечески враждебные, мрачные лица.

Потом были новые статьи, новые иллюстрации — в журналах по экономике, социологии, в юридических рассылках — по мере того, как на соответствующую дисциплину начинали влиять золотые и новорожденная межгалактическая торговля. В конце концов глава какого-то комитета удачно подытожил: «Хотя человечество путешествует от одной звезды к другой уже триста лет, межгалактическая торговля была до недавнего времени невозможна: не из-за механических ограничений, но из-за барьеров, которые мы до сих пор не могли даже исследовать. Некий удар по психике сводит с ума любого человека — а также любое другое разумное существо, нейросеть или компьютер — если они удалились более чем на двадцать тысяч световых лет от внешней границы галактики. Затем у живых существ наступает полная физиологическая смерть, а компьютеры, которыми можно было бы заменить экипаж из людей, физически разрушаются. Выдвигались различные теории, объясняющие это явление, но ни одна не оказалась полностью удовлетворительной. По-видимому, проблема коренится в следующем: поскольку природа пространства-времени связана с концентрацией материи в соответствующей области континуума, природа самой реальности устроена по тем же или сходным законам. Совокупная масса всех звезд нашей галактики управляет „реальностью“ нашего микросектора Вселенной. Но когда космический корабль выходит за границу галактики, „реальность“ разрушается, вызывая безумие и в конце концов смерть любого экипажа, хотя некоторые законы механики — не все, впрочем, — остаются относительно неизменными по причине, которая нами до сих пор не понята. За исключением нескольких варварских экспериментов с психоделиками на заре космической эры, мы не выработали даже терминологии, описывающей „реальность“ за пределами ее измеримых физических проявлений. Однако в тот самый миг, когда человечество воззрилось в черную бездну межгалактического пространства, среди людей просияли искры новой надежды. Не многие из тех, чье восприятие реальности было разрушено из-за детской или пренатальной травмы, люди, чье физиологическое устройство делает их жизнь в межзвездном

обществе мучительной или невозможной, — не все, но некоторые из этих золотых… — тут речь прервалась, то ли из-за помех, то ли докладчик просто кашлянул, — способны пересечь границу и вернуться».

Название «золотые» — только прилагательное, без существительного — прижилось.

Слова «не многие» были самым колоссальным преуменьшением тысячелетия. Доля золотых среди остального человечества — чуть меньше одного на тридцать четыре тысячи. Какие-то гении придумали просто выгрести из сумасшедших домов всех обитателей и послать их за границу галактики. Это, впрочем, не сработало. Оказалось, что нужны совершенно конкретные, специализированные нарушения психики и гормональной системы. И все же тогда слово «золотые» вызывало восторг, изумление, радостное ожидание, надежду и обожание. Восхищение теми, кто способен выбраться наружу.

— Золотые? — повторил Рэтлит, когда я его спросил. Он работал механиком здесь, на Звездной Станции, в ангаре у Полоцки. — Я это слово знаю с детства. Вырос с ним. Я не здесь его первый раз услышал. Помню, было мне лет шесть, последнего из моих родителей убили, и я прятался с другими такими же сопляками в разбитом контейнере на брошенной сортировочной станции недалеко от развалин Гелиоса на Кретоне-шесть — там я родился, наверно. Бóльшая часть горожан к тому времени перемерла с голоду, но нас кто-то подкармливал. Там был один тип, горбатый старик, он тоже прятался. Он, бывало, сидел на крыше контейнера, колотил пятками по алюминию и травил байки про звезды. Вместо одежды на нем были тряпки, скрепленные проволокой, а на одной руке двух пальцев не хватало; он все время защипывал грязной клешней отвисшую кожу на подбородке. И вот он нам рассказал про золотых. Я его спросил: «Золотые кто, сэр?» А он подался вперед, так что его лицо стало как кровоподтек на фоне черного неба, и проскрипел: «Они выбрались! Вот что я вам скажу! Они видели больше, чем мы с вами когда-нибудь увидим. Они и люди, и не люди, малой, матерями им были женщины, а отцами мужчины, и все-таки они живут по своим законам и ходят своими путями!»

Мы с Рэтлитом сидели под уличным фонарем, свесив ноги с Края через дыру в заборе. Волосы Рэтлита на ветру были как дышащее пламя; сверкала его единственная серьга. Бесконечность, усеянная крапинками звезд, простиралась у нас под ногами, а ветер, порождаемый стазис-полем, которое держит на месте нашу атмосферу, — мы зовем его «космический ветер», потому что он не холодный, не горячий и не похож ни на что

другое во всем космосе, — трепал черную рубашку на костлявой груди Рэтлита. Мы глядели себе меж коленок, в галактическую ночь.

— Наверно, это было во время второй кайберной войны, — закончил он.

— Кайберной войны? — переспросил я. — Это которая?

Рэтлит пожал плечами:

— Я знаю только, что она началась из-за пары тонн диаллия — это поляризованный элемент, который золотые привезли из галактики в созвездии Волка. В войне использовались корабли с двигателями игрек-адна — потому она была такая ужасная. В смысле, еще ужасней обычной войны.

— Игрек-адна? Я даже не слыхал про такие.

— Какой-то золотой спер чертежи в девятой системе Магелланова Облака.

— Ясно. А почему война кайберная?

— Кайбер — так называлось биологическое оружие, ядовитый грибок, его золотые привезли с какой-то планеты на окраине Туманности Андромеды. Для людей он смертелен. Вот только, чтобы и противоядие от него привезти, у золотых ума не хватило.

— Золотые, они такие.

— Угу. Вайм, ты когда-нибудь задумывался о странности золотых? В смысле, о том, какое странное само это слово? Мы однажды говорили об этом с моим издателем. Оно раздражает с семантической точки зрения.

— Да? Они сами тоже. В смысле, раздражают.

У меня выдался очень тяжелый день — я монтировал восстановленную межгалактическую баржу в корпусе квантового корабля, который попросту был для нее слишком мал. Все время, пока я работал, заказчик-золотой дышал мне в затылок. И ежечасно выдавал новые требования, из-за которых следующий час работы превращался в ад. Но я справился. Золотой расплатился наличными, залез в лифт, не говоря ни слова, и через две минуты, когда я еще и смазку с рук не успел отмыть, эта проклятая пятисоттонная махина засвистела, готовясь ко взлету.

Сэнди, парнишка, которого я три месяца назад нанял во временные механики (он пока не дал мне повода его уволить), едва успел убрать с дороги дистанционно управляемые манипуляторы и спрятаться в камере виброзащиты, когда трехсотметровая болванка вырвалась из объятий мачт-опор. И Сэнди, обычно тихий и сливающийся с фоном, как часто бывает с юнцами, кочующими с одной работы на другую, вдруг заорал громко и отчетливо: «…две тысячи фунтов оборудования без виброзащиты… он бы все перепортил, если бы только… я не

расходный материал, мне плевать, что он там себе… эти золотые…» Корабль уже летел туда, куда, кроме золотых, никому ходу нет. Я только перевернул вывеску на двери, чтобы она гласила «закрыто», и, не домыв рук, пошел искать Рэтлита.

И вот мы сидели под фонарем, на Краю, омываемые космическим ветром.

— Золотые, — сказал Рэтлит, перекрывая шум ветра. — Это слово меньше раздражало бы, будь оно грамматически прицеплено к чему-нибудь еще: золотые люди, например. Или если его немного укоротить: золот, золоты.

— Он — золот, она — золота?

— Ну да, что-то вроде этого. А так оно ни прилагательное, ни существительное. Мой издатель рассказывал, поначалу к нему приклеивали дефис, чтобы показать, что там пропущено слово.

Я помнил этот дефис. То была шутка, выдающая замешательство — замена неловкого кашля на месте отсутствующего слова. Золотые *что*? Людям уже становилось не по себе. Потом шутки кончились, и золотых стали называть просто золотыми, без дефиса.

— Подумай об этом, Вайм. Один золотой; два, три золотых.

— Да, малой, тут есть о чем подумать, — ответил я.

Во время кайберной войны Рэтлиту было шесть лет. Если возвести это число в квадрат и потом еще раз прибавить его же, получится мой теперешний возраст. А Рэтлит? Ему два раза по шесть плюс один. Я люблю детей, и они меня любят. Возможно, из-за того, как прошло мое детство, в сорок два года я еще не повзрослел до конца. А из-за того, как сложилось детство Рэтлита, он в свои тринадцать уже непоправимо взрослый.

— А золотые не воевали, — сказал он.

— Они никогда не воюют.

Я смотрел, как сплетаются в узлы его худые пальцы.

Моя мать после двух разводов сбежала с бродячим торговцем, и нам, пятерым детям, пришлось в течение года жить с теткой-алкоголичкой. Да, там, где я родился, до сих пор существуют разводы, моногамные браки и всякое такое. Как я уже сказал, тамошнее общество очень отсталое. Я ушел из дома в пятнадцать лет, сам выучился в техникуме и достаточно узнал про космические двигатели, чтобы в конце концов — после неудачной попытки образовать семью, об этом я уже рассказывал — обзавестись собственным ремонтным ангаром на Звездной Станции.

По сравнению с детством Рэтлита мое детство было прямо-таки благополучным.

Да, в шесть лет он потерял последнего из родителей. В семь,

сбежав с Кретона VI, был осужден за первое преступление. Его определили в тюрьму-колонию-психлечебницу, и там, чтобы вылечить, ему частично стерли память. «Они что-то такое сделали с моей головой. Видно, поэтому я так и не выучился читать». Потом он года два убегал изо всех патронатных семей, куда его определяли на жительство. Когда ему было одиннадцать, какой-то тип забрал его с планеты-диснейленда, где он жил под дощатым настилом пляжного променада и питался фастфудом, не доеденным посетителями. «Жирный, курил ароматизированные сигары, звали его Вивиан». Тип оказался издателем. Рэтлит пробыл у него три месяца и за это время надиктовал ему роман. «Я защищал свою честь от посягательств, — объяснил мне Рэтлит. — Пришлось что-то делать, чтобы его отвлечь».

Роман разошелся тиражом в несколько сот тысяч — диковинка, творение очередного вундеркинда. Но Рэтлит сбежал. Несколько лет работал зицпредседателем в какой-то криминальной схеме, которую я так до конца и не понял. Он тоже ее до конца не понимал. «Но я точно сделал на ней миллион, Вайм! Я заработал не меньше миллиона». Это возможно. В тринадцать лет Рэтлит по-прежнему не умел ни читать, ни писать, но за время скитаний неплохо освоил три языка. Пару недель назад он сошел на Звездную Станцию с корабля, на котором путешествовал автостопом, — грязный, без гроша в кармане. И я устроил его механиком к Полоцки.

Рэтлит оперся локтями на колени, а подбородком на руки:

— Жалко, Вайм.

— Что жалко, малой?

— Что в мои годы я уже все. У меня уже все было! Приходится мириться с тем, что, кроме этого, — он плюнул в какую-то звезду, — уже больше ничего не будет.

Это он снова вспомнил про золотых.

— Но у тебя еще есть шанс. — Я пожал плечами. — Эта штука обычно проявляется только по достижении пубертата.

Он иронично склонил голову набок:

— У меня пубертат наступил в девять лет, чтоб ты знал.

— Ах, прошу прощения.

— Вайм, мне тут тесно. Вокруг — огромная ночь, которую можно познавать, в которую можно расти.

— Когда-то весь наш вид был прикован к поверхности одной планеты, — задумчиво произнес я. — Самое большее, что мы могли, — это подняться или спуститься на пару футов. А у тебя есть целая галактика. Да, ты повидал в ней многое. Но не все.

— Но за ее пределами — миллиарды других галактик! Я хочу их увидеть! В нашей галактике все жизнеформы на всех

известных планетах вокруг всех звезд основаны на углероде либо кремнии. А я однажды подслушал двух золотых в баре — они говорили о том, что в какой-то галактике есть одна штука размером со звезду, ни живая, ни мертвая, и поет. Вайм, я хочу ее услышать!

— Рэтлит, против реальности не попрешь.

— Иди уже спать, дедуля. — Он закрыл глаза и откинул голову назад так сильно, что жилы на шее задрожали. — Что делает золотого золотым? Сочетание физиологических и психологических… чего?

— Это в основном нарушение гормонального обмена плюс обусловленная внешними воздействиями таламическая реакция и личностные…

— Да, да… — Он опустил голову. — И еще какая-то ерунда про сцепление с Х-хромосомой, это обнаружили совсем недавно. Все, что я знаю, — золотые нечувствительны к перепадам стазис-поля при межгалактических путешествиях, а для нас с тобой, Вайм, стоит удалиться от края на двадцать тысяч световых лет — и нам каюк.

— На двадцати тысячах мы сойдем с ума, — поправил я. — Каюк наступает на двадцати пяти тысячах.

— Не важно. — Он открыл глаза. Они были большие, зеленые, с огромными зрачками. — Ты знаешь, я как-то украл пояс у золотого. С неделю назад. Он вывалился из бара пьяный и отрубился прямо на улице. Я пошел на другой край станции, на авеню J, где меня никто не знает, надел пояс и ходил там несколько часов — хотел понять, почувствую ли я себя по-другому.

— И как, почувствовал? — Безбашенность Рэтлита изумляла меня примерно каждый день.

— Я — нет. Зато окружающие чувствовали. Полоска желтого металла шириной два дюйма. Когда я просто ходил в ней по улице, никто в мире не мог бы догадаться, что я не золотой, — для этого нужно было со мной поговорить или сделать мне анализ гормонов. И, надев пояс, я понял наконец, до чего ненавижу золотых. Потому что я вдруг понял по лицам встречных, как они ненавидят меня в этом поясе. Я бросил его с Края. — Он вдруг ухмыльнулся. — Может, я еще один украду.

— Рэтлит, ты их в самом деле ненавидишь?

Он прищурился и снисходительно посмотрел на меня.

— Ну да, я про них говорю, — ответил я. — Они бывают неприятны как заказчики. Но ведь не они виноваты, что мы не переносим сдвига реальности.

— Я всего лишь ребенок, и такие тонкости для меня

недоступны. Я их ненавижу. — Он вгляделся в ночь. — Вайм, как ты можешь жить в ловушке?

Когда он это сказал, на меня обрушились три воспоминания.

Первое. Я стою на набережной Ист-Ривер — это река, она течет мимо Нью-Йорка, про который я вам уже рассказывал. Полночь. Я смотрю на сияющего дракона — Манхэттенский мост, распростершийся над водой, потом на мерцающие огни заводов в дымном Бруклине, потом на ртутные фонари у себя за спиной, которые высвечивают белым площадку и бóльшую часть Хьюстон-стрит. Потом — на отражения в воде: то как мятая фольга, то как блестящая мокрая резина; и наконец на само полуночное небо. А оно не черное, а мертвенно-розоватое, без единой звезды. Сверкание этого мира превратило небо в крышу, и она так давила на меня, что я едва не закричал… Через сутки я уже был в двадцати семи световых годах от Солнца, в своем первом звездном рейсе.

Второе. После нескольких лет отсутствия я приехал погостить к матери. Полез в чулан что-то искать, и на голову мне свалилось непонятное приспособление из ремешков и пряжек.

— Мама, что это?

Она расплылась в идиотской умильной улыбке:

— Ваймочка, да это же твоя шлейка! Мы с твоим первым папочкой брали тебя на пикники на Медвежьей горе, надевали на тебя шлейку и привязывали к дереву шнуром длиной футов десять, чтобы ты не…

Остального я не слышал — я представил себя связанным этой штукой, и меня затопил внезапный ужас. Да, мне двадцать лет, год назад я присоединился к замечательной семейной группе на Сигме, уже стал гордым отцом троих детей и ожидаю еще два прибавления. Мы, сто шестьдесят три человека, владеем целым пляжем, девятью милями джунглей и половиной горы. Может быть, мне представился Антони — скованный, он пытается поймать птичку, жука или волну, но все его пространство ограничено десятью футами веревки. Весь последний год я ходил голым — одевался только для выездов на работу. Мне страшно не терпится покинуть обиталище своего детства — удивительное место, называемое квартирой, — и вернуться к женам, мужьям, детям, нормальной жизни. В общем, это было ужасно.

Третье воспоминание? После того, как я покинул свою семейную группу — бросил, откровенно говоря, обуреваемый чувством вины и какими-то другими чувствами, которые не мог назвать… Тогда мне еще снились каждую ночь кошмары о судьбах детей, и я просыпался с криком, хотя прекрасно знал: весь смысл семейной группы в том, чтобы дети не пострадали,

потеряв одного, двух или даже трех родителей… Я все еще ломал голову, пытаясь понять, не делаю ли тех же ошибок, что совершили мои родители, и надеялся, что мои дети выйдут не такими, как я, или даже хуже, вроде тех детей, про которых я читал в газетах (наподобие Рэтлита, хотя с ним я тогда еще не был знаком)… И меня охватывало ужасное подозрение, что, как бы я ни пытался отличаться от своих предков, я поневоле повторяю все те же ошибки… В общем, я тогда летел на корабле, который должен был впервые принести меня на Звездную Станцию. На борту я познакомился с одной золотой, которая для золотой была очень приятной девушкой. Мы с ней говорили о двигателях внутригалактических и межгалактических кораблей. Ее впечатлила широта моих познаний. А меня впечатлило, что она летает на этих кораблях и знает о них так мало. Ей как девушке нравился механик ростом шесть футов четыре дюйма, весом двести десять фунтов, с въевшейся под ногти смазкой, то есть я. А мне как парню нравилась стройная девушка с янтарными глазами, повидавшая *все*. Мы стояли на обзорной палубе и смотрели, как приближается огромный искусственный диск Звездной Станции. Тут девушка взглянула на меня и сказала — в ее голосе как будто вовсе не было жестокости: «Ты ведь дальше не можешь, правда?» И меня снова затопил ужас, потому что я знал: она права примерно в девяти разных смыслах.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Рэтлит; пару раз, когда на него нападал неразговорчивый стих, а мне хотелось поговорить, я, пожалуй, рассказал ему слишком много. — Ну так для меня возведи это в куб, папаша. Вот до какой степени я чувствую себя в ловушке!

Я засмеялся, и Рэтлит снова показался мне очень юным.

— Пойдем погуляем, — предложил я.

— Угу. — Он встал; ветер перебирал нам волосы. — Я хочу повидать Алегру.

— Я тебя провожу до авеню G. Потом пойду спать.

— Интересно, что Алегра думает обо всем этом? Я нахожу ее весьма хорошей собеседницей, — сказал он, будто древний мудрый старец. — Не хочу тебя обидеть, но ее жизненный опыт несколько свежее твоего. Ты не можешь не признать, что ее мировоззрение более современно. Кроме того, она старше.

Ну, старше, чем Рэтлит, во всяком случае. Ей было пятнадцать.

— Мне кажется, она не переживает, что стеснена границами галактики. Возможно, стоит брать с нее пример, — сказал я.

По мнению Рэтлита, Алегра превосходила меня в нескольких аспектах. Люди моего поколения если и становились

наркоманами, то ближе к двадцати годам или уже после двадцати. Алегра же родилась с наркозависимостью — ей необходимо было получать в сутки триста миллиграммов какого-то экзотического препарата, сочетающего психоделические свойства мощнейших галлюциногенов с аддиктивностью сильнейших депрессантов. Я мог ей только посочувствовать. Наркоманкой была мать Алегры, и зависимость от препарата передалась плоду через плацентарный барьер. Обычно такое правят прямо при рождении — достаточно пары полных переливаний крови. Но Алегра оказалась также телепатом с мощнейшей проективной способностью. Она транслировала все чудовищные муки рождения и все блаженство своих младенческих галлюцинативных грез и совершенно оглушила врачей; они дали ей препарат. С тех пор Алегра каждый день без особого труда раздобывала очередную дозу.

Однажды я спросил Алегру, когда она впервые услышала о золотых, и она рассказала мне страшную историю. Многие золотые возвращались из кластера Тибр-44 в состоянии шока. Душевное равновесие золотых очень хрупко, и порой даже небольшие неприятности могут оказаться для них губительными. В общем, правительство, которое спонсировало импорт микро-микрохирургических инструментов с какой-то планеты в той галактике, решило защитить свои интересы и наняло Алегру, тогда восьмилетнюю, в качестве психиатра-психотерапевта. «Я помогала золотым конкретизировать и проработать фантазии. Всего через пару часов они приходили в себя — становились прежними, злобными и глупыми. А ведь некоторые попадали ко мне почти приятными в общении людьми». Но пациентов было слишком много: проективные телепаты редки. Поэтому работодатели начали урезать Алегре дозу препарата, чтобы заставить работать больше, а потом вознаграждали ее повышенной порцией. «До того я еще могла бы бросить. Но когда эта работа закончилась, я уже нуждалась в дозе вдвое больше прежней. Они загнали меня в точку невозврата — теперь, попытайся я слезть, это меня убьет. Но до того я точно могла бы бросить, Вайм». Ага. В восемь лет.

Ах да. Алегрин наркотик привозят золотые из галактики Рак-9, и бóльшая часть его идет через Звездную Станцию. Алегра потому и приехала сюда, что здесь легче доставать нелегально ввозимые вещества и купить их можно за гроши — если они вам нужны. Золотые не употребляют наркотиков.

Мы с Рэтлитом шли, удаляясь от Края, и ветер постепенно слабел. Рэтлит начал насвистывать. На авеню К первый фонарь оказался разбитым, и вся улица была как черный тоннель.

— Рэтлит? Как ты думаешь… где ты видишь себя, скажем, через пять лет?

— Тихо, — сказал он. — Я пытаюсь добраться до конца этой улицы без того, чтобы врезаться в стену, споткнуться обо что-нибудь или попасть в какую-нибудь еще катастрофу. Если мы выживем в следующие пять минут, тогда будем беспокоиться о следующих пяти годах.

Он снова начал насвистывать.

— Врезаться в стену? Споткнуться?

— Тише, я слушаю эхо. — И он снова принялся издавать трели.

Я сунул руки в карман на животе комбинезона и шагал тихо, пока Рэтлит изображал летучую мышь. И тут произошла катастрофа, хотя тогда я этого не понял.

В круг света под еще работающим фонарем на том конце улицы вошел золотой.

Он прижимал руки к лицу и смеялся. Звук рассыпáлся по улице. Пояс съехал на живот, как бывает у совсем опустившихся и нищих…

Тут мне пришло в голову, как лучше его описать. Сходство поразило меня сразу. Он был похож на Сэнди, моего механика, — тот низкорослый, двадцати четырех лет, с мускулатурой как у гориллы и ходит в поношенном рабочем комбинезоне даже вне работы. («Понимаете, босс, я ненадолго к вам. Я не собираюсь жить на Звездной Станции. Подкоплю деньжат и вернусь поближе к центру галактики. А то у вас тут как-то странно, как будто все мертвое. — Поднимает глаза и смотрит через люк в крыше ангара на небо, беззвездное и безоблачное. — Угу. Я только недолго тут побуду». — «Меня это устроит, малой». Как я уже сказал, то было три месяца назад. Сэнди до сих пор у меня работает. И работает хорошо, чего нельзя сказать о некоторых других. И все-таки что-то в нем есть такое…) С другой стороны, у Сэнди все лицо изрыто угрями. И волосы стрижены коротко, как ворс. Если вдуматься, в этом смысле золотой был полной противоположностью Сэнди. Но все-таки что-то в нем было такое…

Он пошатнулся, упал на колени, все еще хохоча, и потерял сознание. Когда мы до него дошли, он молчал. Носком ботинка Рэтлит отвел его руку от пряжки пояса.

Рука упала на мостовую ладонью вверх. Ноготь на мизинце был длиной три четверти дюйма, как у многих золотых. (У Сэнди не только все лицо как лунная поверхность, но и ногти обгрызены до мяса. И все-таки что-то общее у них было…)

— Ты подумай. — Рэтлит покачал головой. — Вайм, что мы с ним будем делать?

— Ничего. Пускай проспится.

— Бросить его тут, где кто попало может прийти и снять с него пояс? — Рэтлит ухмыльнулся. — Я не такая сволочь.

— Ты же мне только что рассказывал, до чего ненавидишь золотых.

— Я плохо обойдусь с любым, кто украл пояс и носит. Такой ненависти заслуживают только золотые.

— Рэтлит, оставь его.

Но Рэтлит уже опустился на колени и тряс золотого за плечо.

— Давай дотащим его к Алегре и выясним, что с ним такое.

— Он просто пьян.

— Не-а. Тогда от него бы странно пахло.

— Ну-ка отойди. — Я взвалил золотого себе на плечи. — Давай шевели ногами. Я думаю, ты чокнутый.

Рэтлит ухмыльнулся:

— Спасибо. Вдруг он преисполнится благодарности и уделит мне малую лепту за то, что я забрал его с улицы.

— Ты плохо знаешь золотых. Но если вдруг, поделишься со мной.

— А как же.

Мы прошли два квартала и оказались у дома Алегры. (Как я уже говорил, Сэнди крепкий парень, но невысокого роста; так что мне было не тяжело.) Мы стали подниматься по лестнице с продавленными ступенями, и на полпути Рэтлит сказал:

— Она в хорошем настроении.

— Похоже. — Тяжесть на моих плечах становилась приятной.

Я не мог бы описать жилище Алегры. Я в принципе способен описывать подобные жилища; и я могу рассказать, как оно выглядело до нее, поскольку был знаком с опустившимся типом по кличке Пьяный Таракан, который жил тут раньше, спал на том же полу, на котором теперь спит Алегра. Вы знаете, как выглядит неистирающийся пластик, когда он окончательно истерся? Нержавеющий металл, проржавевший насквозь? Когда здесь жил Пьяный Таракан, это был ветхий закуток с трещинами в стенах, грязью в углах и шрамами на подоконнике. Но с тех пор как тут поселилась галлюцинирующая проективная телепатка, никто не знает, как выглядит эта комната.

Рэтлит открыл дверь. За ней стояла потрясающая красавица.

— Входите, — сказала она, и ее голосу вторил большой симфонический оркестр с хором в полном составе. — Вайм, что это ты тащишь? О, да это же золотой!

У меня перед глазами замерцали головокружительные желтые вспышки.

— Положи его, положи скорей, надо понять, что с ним!

Сотни глаз, прожекторов, сверкающих объективов. Я опустил золотого на матрас в углу.

— О-о-о… — выдохнула Алегра.

И оказалось, что золотой возлежит на оранжевых шелковых подушках в ладье драгоценного дерева, влекомой лебедями под звук флейт и барабанов.

— Где вы его нашли? — прошипела Алегра, облетая на метле луну цвета слоновой кости.

Мы смотрели, как сверкающая ладья скользит по серебристым водам меж утесами в сотнях футов под нами.

— Подобрали на улице только что, — ответил Рэтлит. — Вайм решил, что он пьян. Но от него не пахнет.

— Он смеялся? — спросила Алегра.

Смех раскатился по воде и отразился от скал.

— Угу, — ответил Рэтлит. — Как раз перед тем, как отрубиться.

— Значит, он из Андокской экспедиции, она только что вернулась.

Комары пикировали на нас сквозь мокрые кроны. Насекомые роились средь листьев, задевая капли, которые осыпали нас осколками хрусталя, а ладья, едва видимая за пальмами, дрейфовала по томной от зноя, сверкающей реке.

— Точно. — Я лихорадочно заработал веслами, чтобы не столкнуться с гиппопотамом, который чуть не перевернул мою пирогу. — Я и забыл, они только что прилетели.

— Так, — дыхание Рэтлита вырывалось из губ облачком, — вы меня потеряли. Найдите меня обратно. Откуда они прилетели?

Снег скрипел под полозьями, а мы смотрели на баржу, почти достигшую белого горизонта.

— Из Андока, разумеется, — сказала Алегра; лай затихал вдали. — Откуда еще?

Белое затмилось и стало черным, а ладья — сверкающим пятном в галактической ночи, влекомым трудолюбивыми кометами.

— Андок — самая дальняя из посещенных на сегодня галактик, — объяснил я Рэтлиту. — Экспедиция вернулась только на прошлой неделе.

— Больная, — добавила Алегра.

От жара кровавые пузыри вскипели у меня в глазах; я соскользнул на землю, хватая ртом воздух… язык стал шершавый, как бумага…

Рэтлит кашлянул.

— Алегра, хватит! Перестань! Не нужно драматических эффектов!

— Ой, Рэтти, Вайм, простите.

Прохлада, влага. Тошнота уходит, заботливые сиделки торопливо собирают куски тела, пока целое не становится прекрасным — или настолько ужасным, что в этом ужасе есть своя красота.

— Ну, в общем, — продолжала она, — они вернулись больные, подхватили там что-то. Оказалось, что оно не заразное, но они будут этим болеть до конца жизни. Раз в несколько дней они внезапно теряют сознание. А перед тем истерически хохочут. Дурацкая болезнь, но ее пока не научились лечить. Золотые от нее не перестают быть золотыми.

Рэтлит рассмеялся. И вдруг спросил:

— А сколько времени они валяются в отключке?

— Всего несколько часов, — ответила Алегра. — Наверно, ужасно противно так болеть.

И я ощутил легкий зуд в разных местах, которые невозможно почесать, — между лопатками, в глубине уха, на нёбе. Вы когда-нибудь пробовали почесать нёбо?

— Ну что ж, — сказал Рэтлит, — давайте посидим переждем.

— Мы можем разговаривать, — предложила Алегра. — Тогда нам не покажется, что прошло так ужасно много…

И несколько веков спустя закончила:

— …времени.

— Хорошо. Я вообще хотел с тобой поговорить. Потому и пришел сегодня, — сказал Рэтлит.

— Замечательно! — воскликнула она. — Я люблю говорить. Я хочу говорить о любви. Когда любишь человека…

Невыразимая тоска по кому-то скрутила мне живот и поднялась комом в горле.

— …то есть когда по-настоящему любишь…

Тоска переросла в агонию.

— …это значит, что ты готов признать: человек, которого ты любишь, — не тот, кого ты полюбил вначале, не тот образ, который был с самого начала у тебя в душе; и ты продолжаешь любить этого человека за то, что он так близок к этому образу, и стараешься не возненавидеть его за то, что он от этого образа так далек.

Сквозь нежность, которая внезапно погасила всю боль, из-за стены золоченых мозаик донесся голос Рэтлита:

— Алегра, я хочу говорить об одиночестве.

— Дети, я пошел домой, — сказал я. — Потом поведаете мне дальнейшую историю спящего красавца.

Они продолжали беседовать, пока я с трудом нашаривал путь наружу без помощи Алегры. Когда я достиг середины лестницы, в

голове у меня прояснилось, но я не мог бы сказать, пробыл я у Алегры пять минут или пять лет.

Наутро, когда я пришел в ангар, Сэнди полировал восьмифутовые зубья конвейера.

— У тебя заказ через двадцать минут! — крикнул он сверху, с лесов.

— Надеюсь, не очередная перестроенная колымага?

— Именно.

— Черт. Я надеялся ни одной такой не увидеть еще хотя бы месяца два.

— Он хочет только отрегулировать двигатель. Часа на два максимум.

— Это смотря где он побывал. А где он побывал, кстати?

— Только что вернулся из…

— Не важно. — Я двинулся к помещению конторы. — Займусь-ка, пожалуй, бухгалтерией за последние полгода. Сколько можно откладывать.

— Босс! — запротестовал Сэнди. — Это же на весь день!

— Ну тем более надо поскорее начать. — Я вошел в контору, но тут же высунулся наружу. — И не беспокой меня!

Конечно, когда тень корабля упала на окно конторы, я выждал ровно пять минут (чтобы Сэнди успел поставить корабль в мачты-опоры и начал тревожиться) и вышел уже в рабочей одежде. Я поднялся в лифте на мостик, проходящий на высоте сто пятьдесят футов. Когда я вышел из лифта, лицо Сэнди, изрытое ямами от прыщей, расплылось в благодарной улыбке. Золотой уже начал выдавать инструкции. Когда я подошел и кашлянул, золотой взглянул на меня и продолжал говорить, даже не позаботившись повторить для меня сказанное раньше — ожидая, что мы с Сэнди как-нибудь разберемся. По виду этого золотого было ясно, что он богат. На нем был идеально чистый синий камзол, бронзовый гульфик, браслеты и серьги. Волосы были такого же бронзового цвета, кожа сожжена до красноватой черноты, серо-голубые глаза и сильно сжатый рот — сама заносчивость. Пока я дослушивал его инструкции, Сэнди начал потихоньку срезать восьмифутовую пломбу с бионического двигателя, чтобы мы могли приступить к проверке контуров.

Наконец золотой замолчал — только по этому и можно было догадаться, что он закончил отдавать распоряжения. Он прислонился длинным угловатым телом — все шесть с половиной футов — к перилам мостика и пощелкал блестящими наманикюренными ногтями по железной трубе. У него тоже был длинный ноготь на мизинце, похожий на саблю, очень белый на

фоне загорелой кожи. Я полез на леса помогать Сэнди.

Мы проработали минут десять, когда по мостику неспешно подошел юноша — лет восемнадцати-девятнадцати, грязный, босой, смуглый, черные волосы кое-как обкорнаны до плеч, под пояс заткнута тряпка на манер набедренной повязки. Большими пальцами рук он потирал желтые металлические звенья пояса. Золотой.

Сначала я решил, что он явился с корабля. Потом понял, что он просто зашел в ангар с улицы и поднялся на лифте.

— Эй, брат! — Юноша-золотой зацепил большие пальцы за пояс; мы с Сэнди слушали разговор, стоя на лесах, смонтированных вокруг корабля. — Мне надоело околачиваться тут на станции. И деньги все вышли. Ты куда путь держишь?

Старший золотой снова щелкнул ногтями:

— Уходи, дальний родственник.

— Ну слушай, брат, возьми меня к себе на борт, мне нужно убраться из этой дыры.

— Уходи, или я тебя убью.

— Слушай, брателло, я всего лишь юнец, затерявшийся в этом про́клятом небесами звездном сегменте. Ну пожалуйста…

Блондин внезапно отделился от перил, схватил подвернувшийся под руку четырехфутовый отрезок трубы и замахнулся так стремительно, что раздался свист. Смуглый оборванец отскочил и выхватил из-под набедренной повязки что-то черное; щелчок ногтя — и у этого предмета выросло семидюймовое лезвие. Еще один взмах трубы — она задела плечо юноши и лязгнула о корпус корабля. Юноша взвизгнул и бросился вперед. Два тела сплелись, извернулись и упали. Что-то забулькало, и руки мужчины, сжимающие смуглую шею, разжались. Юноша поднялся на ноги. Кровь пузырилась на раскаленном лезвии.

По телу мужчины пробежала последняя судорога; он перевернулся, пятная кровью мостик, перевернулся еще раз, уже под перилами, и упал — с высоты двухсот пятидесяти футов на цементный пол.

Щелчок — нож отключился. Золотой вытер о бедро уже подсохшую на ноже кровь, сплюнул через перила вниз и тихо сказал:

— Тоже мне родственник.

Щелчок. Лезвие втянулось. Золотой двинулся прочь по мостику.

— Эй! — крикнул Сэнди, когда снова обрел голос. — А как же… то есть вы… ну, ваш корабль!

У золотых нет понятия наследства — только право сильного.

Золотой обернулся.

— Можешь забрать его себе, — насмешливо произнес он.

Плечо наверняка страшно болело, но он шагнул в лифт как ни в чем не бывало, словно в телефонную будку. Золотые, они такие.

Сэнди был в ужасе и не понимал, что происходит. Под уродливой маской его лица прятались настоящие растерянность и смятение — особенно жгучие, как бывает у сильно ранимых людей.

— Ты что, первый раз такое видишь? — Мне стало его жаль.

— Ну, я забрел в бар Герга всего через пару часов после той резни. Но ее затеяли спьяну.

— Пьяные, трезвые… Это не так сильно меняет человека, как ты думаешь. — Я покачал головой. — Я все время забываю, что ты тут только три месяца.

Сэнди расстроенно поглядел на распростертое внизу тело:

— А как же он? Босс, а что будет с кораблем?

— Я вызову труповозку, чтобы его забрали. А корабль теперь твой.

— А?

— Он отдал его тебе. Любой суд подтвердит. Достаточно свидетельских показаний одного человека. Моих.

— А что мне с этим кораблем делать? Ну то есть я могу отбуксировать его на свалку и сдать на металлолом. Слушайте, босс, давайте я его вам отдам. Продайте его или что-нибудь. Мне как-то странно быть владельцем корабля.

— Мне он ни к чему. Кроме того, если я стану заинтересованным лицом, то не смогу быть свидетелем.

— Я буду свидетелем. — Из лифта выступил Рэтлит. — Я все слышал еще от двери. Здесь отличная акустика.

Он снова свистнул. Эхо прилетело обратно. Рэтлит на миг закрыл глаза:

— Отсюда до потолка… сто двадцать футов примерно. Правильно?

— Сто двадцать семь, — сказал я.

Рэтлит пожал плечами:

— Надо тренироваться. Ну давай, Сэнди, подари корабль ему, а я буду свидетелем.

— Ты несовершеннолетний, — сказал Сэнди.

Он не любил Рэтлита. Раньше я думал, это потому, что Рэтлит яростен и пылок, а Сэнди флегматичен и некрасив. Сэнди все время убеждал меня, что он на этой работе временно. Но я помнил, как долго сам питал уверенность, что скоро уеду со Звездной Станции. Мне было слишком просто представить себе

Сэнди через тридцать лет — по-прежнему механиком тут на станции. Я не один такой. А Рэтлит работает тут три недели, но я бы не взялся предсказать, где он будет еще через три.

— А ты почему не на работе? — Сэнди снова устремил все свое внимание на бионический двигатель.

— Перерыв на кофе, — объяснил Рэтлит. — Сэнди, если ты все равно хочешь отдать корабль, может, отдашь мне?

— Чтобы ты его продал на слом? Обойдешься!

— Я не собираюсь его продавать на слом. Я хочу его подарить.

Сэнди снова поднял голову.

— Честно. Подарить кое-кому. Заканчивай настройку и отдай его мне, лады?

— Малой, ты чокнулся, — сказал Сэнди. — Даже если я отдам тебе корабль, чем ты мне заплатишь за работу?

— Ну-у-у, тебе тут дел на пару часов от силы. Ты уже половину сделал. Я думал, ты мне настройку вроде как в придачу отдашь. Но если ты по правде хочешь денег, я могу тебе выплатить помаленьку. Вайм, ты мне сделаешь скидку как коллеге? Я, конечно, только механик, но все-таки…

Я слегка треснул его по рыжему затылку — шутя, почти не больно:

— Пошли, малой. Поможешь мне подтереть пол. Сэнди, ты давай заканчивай.

Сэнди хрюкнул и снова запустил обе руки в бионический двигатель.

Как только дверцы лифта закрылись, Рэтлит спросил:

— Вайм, отдашь мне корабль?

— Он принадлежит Сэнди.

— Он отдаст, если ты скажешь.

Я засмеялся:

— Расскажи лучше, как там твой золотой, пришел в себя? Я так понимаю, корабль ты для него просишь. Каков он оказался?

Рэтлит запустил пальцы в ячейки сетчатых стенок лифта и откинулся назад.

— Золотые бывают только двух видов. — Он принялся раскачиваться. — Злобные и глупые.

Это была стандартная формулировка среди населения Звездной Станции.

— Я надеюсь, твой оказался глупым. — Я подумал о двух золотых, только что испортивших день Сэнди и мне.

— Кто знает, что хуже? — Сэнди пожал плечами. Это было стандартное окончание той самой стандартной формулировки. Когда золотой не намеренно жесток, он бездумен, и от этого

бездумья люди страдают по-настоящему — вспомните того золотого, что чуть не протаранил мой корабль, или тех, что не удосужились привезти противоядие от кайбера. — Но этот просто невероятно глуп.

Рэтлит встал.

— Вчера ты их ненавидел. Сегодня ты собираешься подарить одному из них корабль?

— У него же нет корабля, — спокойно сказал Рэтлит, как будто это все объясняло. — А он болен, и, значит, ему будет трудно найти работу, если у него не будет своего корабля.

— Понятно. — Лифт приземлился на силиконовый амортизатор и слегка подпрыгнул. Я открыл дверь и двинулся к конторе. — А что вообще было после того, как я ушел? Я, наверно, пропустил самое интересное.

— Да. А что, мне тоже надо будет столько спать после тридцати пяти?

— Кончай острить и рассказывай.

— Ну… — Рэтлит прислонился к дверному косяку, а я начал набирать телефон труповозки. — Когда ты ушел, мы с Алегрой еще поговорили и вдруг поняли, что золотой очнулся и слушает. И он сказал, что мы прекрасны.

— Мм? — Я поднял бровь.

— Он так сказал. А потом повторил и добавил, что это одно из прекраснейших зрелищ, виденных им за всю жизнь, — как мы разговариваем, думаем, строим картины. Мы спросили его: «А что ты вообще видел?» И он начал рассказывать. — У Рэтлита перехватило дыхание, и что-то громоздившееся в душе потоком хлынуло наружу. — Ох, Вайм, в каких местах он побывал! Что делал! В каких пейзажах голодал, в каком аду валился спать от усталости! В каких небесах парил с воплями! О, о чем он нам только не рассказывал! А Алегра транслировала его рассказы, так что они почти обретали плоть, будто мы сами оказывались там, — она так делала, когда была психиатром. Какие истории! Какие места! Какие существа!

— Похоже, это было что-то.

— Это было ничто! — яростно выкрикнул он. — Всего лишь слезы на глазах, гул в ушах, вкус на языке. Это была просто галлюцинация, Вайм! Это все было ненастоящее!

Голос метался между двумя октавами, срываясь с баса на визг.

— Но та тварь, про которую я тебе уже рассказывал… огромная… живая и одновременно неживая, как звезда… далеко, в другой галактике. Он ее видел! И вчера, хоть и не взаправду, я все-таки слышал, как она поет!

Огромные зеленые глаза блестели. Я позавидовал тому, кто сумел вызвать такие чувства у юных годами людей вроде Алегры и Рэтлита.

— И мы решили… — голос Рэтлита наконец определился с октавой, — после того как он опять заснул, мы еще какое-то время лежали и разговаривали — и решили, что попробуем ему помочь туда вернуться. Потому что там… дивно.

— Потрясающе. — Я поговорил с труповозкой, повесил трубку и встал со стола, на котором все это время сидел. — После работы я угощу тебя ужином, и ты мне расскажешь обо всем, что он описывал.

— Он все еще там, у Алегры, — сказал Рэтлит. В голосе слышалось замешательство. — Я туда пойду после работы.

— О, — сказал я. Меня, по-видимому, не пригласили.

— Очень жаль, что он *настолько* глуп, — сказал Рэтлит, когда мы вышли из конторы. Он покосился на кровавую лепешку, пятнающую бетонный пол, и покачал головой.

Я снова занялся бухгалтерией, и тут вошел Сэнди:

— Я все закончил. Может, по пиву, а, босс?

— Хорошо, — удивленно сказал я. В норме общительность Сэнди примерно равнялась его красоте. — Ты хочешь о чем-то поговорить?

— Угу, — явно обрадовался он.

— Утренняя история не идет из головы, да?

— Угу, — повторил он.

— Этому есть объяснение. — Я начал собираться. — Это имеет какое-то отношение к психологическому складу золотых. Жестокость и глупость, как все про них говорят. Но как бы они ни вели себя здесь, именно эти особенности психики позволяют им не сойти окончательно с ума на рубеже в двадцать тысяч световых лет.

— Угу, я знаю. — Сэнди неловко переминался с одной ноги на другую. — Но я не об этом хотел поговорить.

— Не об этом?

— Не-а.

— Ну? — спросил наконец я.

— Я насчет того парня, которому вы хотите отдать корабль.

— Рэтлита?

— Угу.

— Я еще не решил, отдавать ли ему корабль, — соврал я. — По закону он твой.

— Отдадите. И мне плевать. В смысле, на корабль плевать. Но, босс, я хотел с вами поговорить насчет этого парня.

Что-то такое есть в этом Сэнди…

Я и не подозревал, что у него есть какое-то мнение о Рэтлите — ну, кроме общей досады на то, что Рэтлит путается под ногами. Кроме того, Сэнди, кажется, искренне волновался. Мне стало любопытно. Он экал и мекал всю дорогу до бара и на протяжении двух кружек пива (я пил горячее молоко с медом), и наконец пережеванные мысли обрели форму:

— Босс, понимаете, я ближе к Рэтлиту, чем к вам. Не только по возрасту. Моя жизнь больше похожа на его жизнь, чем ваша. Для вас он почти как сын. А для меня он как младший брат; я его учил всему. Я не понимаю его до конца, но вижу яснее, чем вы. У него была тяжелая жизнь, но не до такой степени тяжелая, как вам кажется. И он вас облапошит — не в смысле денег, но вытянет из вас все, что сможет.

Я понятия не имел, откуда это взялось, но мне не нравилось то, что происходит.

— Он не вытянет из меня ничего против моей воли.

— Босс, у вас есть свои дети? — спросил вдруг Сэнди.

— Девять, — ответил я. — Было. С теми, кто остался в живых, я больше не вижусь, и их другие родители всегда были этому только рады — за единственным исключением. Но и у нее хватало ума не ссориться с остальными, пока она была жива.

— Ох. — Сэнди опять замолчал. Вдруг он полез в карман комбинезона и вытащил трехдюймовую фоторамку. Огромные ручищи со въевшейся смазкой — я научил их поднимать с пола яйцо, не раздавив, манипулятором с коэффициентом передачи пятьсот к одному — неуклюже возились с рычажками. — А у меня семеро.

На фотографии хихикали и толкались семеро мартышек, как две капли воды похожих на Сэнди. Разве что прыщей недоставало у самых младших. Они даже переминались с ноги на ногу точно так же. Они замахали руками, и из динамика послышалось: «Привет, па! Здравствуй, па! Па, мама велела сказать, что мы тебя любим! Па, па, приезжай скорей!»

— Сейчас я не с ними, — хрипло сказал он. — Но я вернусь, как только скоплю достаточно денег. Заберу их из этой адской дыры, где они сейчас живут, и пристрою в семейную группу приличного размера. Сейчас там только двадцать три взрослых, и обстановка накалилась. Я потому и уехал. Мы уже даже не могли по-человечески друг с другом разговаривать. Дети, их у нас тридцать два, переживали, что я уехал. Но скоро я смогу это поправить.

— На то жалованье, что я тебе плачу?

Я впервые слышал обо всем этом, и такова была моя первая

мысль. Вторая (я не стал ее озвучивать): «Так какого черта ты не возьмешь этот корабль и не продашь его?» Когда человеку за сорок и он работает на себя, даже самый закоренелый романтик мигом становится практичным.

Сэнди грохнул кулаком по стойке бара:

— Босс, я это и пытаюсь сказать! Про вас и про Рэтлита. Вы оба вбили себе в голову, что это все, конец. Ну да, человек должен понимать, в чем его ограничения, но это должны быть реальные ограничения! Да, надо понимать, что в определенную сторону тебе путь заказан. Но когда это поймешь, поймешь и то, что есть и другие направления и по ним можно уйти настолько далеко, насколько захочешь. Слушайте, я не собираюсь всю жизнь околачиваться на Звездной Станции! И если я выберусь обратно в центр галактики, накоплю денег, чтобы вернуться домой и обеспечить семье достойную жизнь, — для меня это будет путь вперед, а не назад! Даже отсюда это будет путь вперед! А не отступление!

— Ну ладно, ладно, — сказал я. Тихоня Сэнди удивил меня. Я все же не мог понять: если деньги ему так нужны, почему он не рвется продать корабль, сам упавший к нему в руки. — Я рад, что ты мне открылся. Но какое отношение все это имеет к Рэтлиту?

— Ага, Рэтлит. — Он засунул фоторамку обратно в карман. — Босс, Рэтлит мог бы быть вашим сыном. Вы хотите стать ему советчиком, другом и опекуном, которых у него никогда не было, — дать ему то, чего вы не дали своим детям. Но Рэтлит еще и я — каким я был десять-пятнадцать лет назад, без родины, без цели, без системы ценностей, которая помогает понять, куда идти, замешанный в разных неблаговидных вещах — главным образом потому, что понятия не имеет о благовидных.

— Мне кажется, ты не так уж похож на Рэтлита, — сказал я. — Может, тебе просто хочется быть на него похожим. Ты много успел сделать из того, что успел он? Может, роман написал?

— Трилогию, — ответил Сэнди. — Паршивую. Но она помогла мне сбросить кое-какие камни с души. Так что я ее не напрасно писал, хоть, может, кроме меня, ее и не прочитал никто. А это самое важное. Потому что я из-за этого стал лучше как механик. Пока человек не выяснит для себя, чего он не может, ему тяжело понять, что он может. Это и к Рэтлиту относится. И к вам. Это и значит вырасти, повзрослеть. Вот вы, например, точно не поможете Рэтлиту, если подарите ему корабль, на котором он не может летать.

Слово «вырасти» мне кое-что напомнило.

— Сэнди, скажи, пожалуйста, ты в детстве не строил экологариум?

— Нет. — Слово прозвучало удивленно и означало «я даже не знаю, что это за штука».

— Я тоже, — сказал я. Ухмыльнулся и ткнул его кулаком в плечо. — Может, ты и на меня немножко похож? Пойдем-ка обратно, работать.

— И еще одно. — Сэнди встал с табуретки с несчастным видом. — Босс, этот парень сделает вам больно. Я не знаю как, но вам покажется, что он специально и долго искал, как бы сделать побольнее. Вот это я и хотел вам сказать.

Я хотел уговорить его оставить корабль себе, но когда мы вернулись, он сразу сунул мне ключи и пошел прочь. Когда люди, которым со своими проблемами разобраться бы, начинают давать вам советы… Да, в Сэнди было что-то такое, неприятное.

Если мне не с кем подолгу прогуливаться ночами, я прогуливаюсь один. Я шел вдоль Края, космический ветер приутих, и Стелларплекс, огромный космический отражатель-обогреватель, висящий в девяти тысячах миль над Станцией, был выключен. Он выглядит почти как Луна с Земли, только в два раза больше на вид, идеально ровный, серебряный и в течение трех с половиной дней, когда диск повернут к нам, всегда полный.

Вдруг впереди, у пролома в заборе, я увидел Рэтлита — он пинал камешки, сталкивая их с Края. Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, и его рубашка надувалась от ветра, как воздушный шар, и липла к спине.

— Привет, малой! А что, золотой уже ушел от Алегры?

Рэтлит увидел меня и пожал плечами.

— Что такое? — спросил я, подойдя к нему. — Ты уже ужинал?

Он опять пожал плечами. У него был очень быстрый обмен веществ — стоило не поесть сутки, и он заметно худел.

— Пойдем, я обещал тебе ужин. Чего ты такой мрачный?

— Лучше угости меня выпивкой.

— Я знаю, у тебя есть липовое удостоверение личности, где написано, что ты совершеннолетний. Но мы пойдем есть. Ты можешь выпить молока. Я буду пить молоко.

Рэтлит не стал протестовать или читать мне лекцию о несправедливости ограничений в продаже спиртного. Он двинулся за мной.

— Ну же, малой, расскажи дедуле, кто тебя обидел. Ты что, больше не хочешь корабль?

Он вдруг схватил меня за руку выше локтя белыми костлявыми пальцами. Плечо у меня довольно массивное, и его

пальцы не сомкнулись.

— Вайм, ты должен заставить Сэнди отдать мне корабль сейчас же! Должен!

— Малой, ну расскажи, что случилось.

— Алегра. — Он разжал пальцы. — И золотой. Вайм, ненавидь золотых. Не переставая ненавидь. Потому что если кто-нибудь из них начинает тебе нравиться, а потом ты опять начинаешь его ненавидеть, то это еще гораздо хуже.

— Что случилось? Что они делают?

— Он рассказывает. Она галлюцинирует. И ни один из них не обращает внимания на *меня*.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно. Тебе непонятно, что́ у нас с Алегрой.

Ну, значит, из тех, кто видел их вместе, я единственный ничего не понял.

— Я знаю, что вы очень привязаны друг к другу.

Я мог бы сказать и больше.

Рэтлит и сказал больше:

— Мы друг другу даже не особенно нравимся. Но мы нуждаемся друг в друге. С тех пор как она здесь, я достаю для нее препарат. Она теперь слишком больна и редко выходит наружу. А когда мне становится хуже или одолевают слишком яркие воспоминания… это не важно, я все приношу ей, и она строит картины для меня, мы разбираем их вместе и… выясняем всякое. Когда она работала психиатром на правительственном контракте, она страшно много узнала о том, как устроены человеческие мозги. И она страшно многому должна меня научить, всему, что мне нужно знать.

Пятнадцатилетняя наркоманка, в прошлом психиатр? Та же акселерация, что творит тринадцатилетних романистов. Привыкайте.

— Теперь я нуждаюсь в ней почти так же сильно, как она нуждается в своем… лекарстве.

— А ты уже сказал золотому, что раздобыл для него корабль?

— Ты же еще не сказал, что отдашь его мне.

— Ну вот теперь говорю. Хочешь, пойдем и скажем ему, что скоро он сможет отсюда убраться? Если сказать вежливо, может, это сработает.

Рэтлит промолчал. Но его лицо стало почти таким же живым, как раньше.

— Пойдем туда сразу, как поужинаем. Черт с ним, куплю тебе выпивку. Может, даже сам с тобой выпью.

Когда мы пришли, Алегра была ослепительно красива.

— Рэтлит, ты вернулся! Привет, Вайм! Я так рада, что вы оба здесь! Сегодня вечером все прекрасно.

— Золотой, — сказал Рэтлит. — Где золотой?

— Его здесь нет. — Мимолетный укол печали, сменившийся мучительной радостью. — Но он скоро вернется!

— О, — сказал Рэтлит. Отсутствие золотого обвивало комнату длинными коридорами, и голос Рэтлита эхом отразился в них. — Потому что я раздобыл для него корабль. Готовенький. Двигатель только что отрегулирован. Он может улететь, как только захочет.

— Вот ключи. — Я достал их из кармана ради драматического эффекта. — Они у меня случайно с собой.

Я протянул их Рэтлиту. Фейерверки, овации, фанфары.

— О, как замечательно. Замечательно! Потому что — знаешь чего, Рэтлит? Знаешь чего, Вайм?

— Не знаю, — ответил Рэтлит. — Что такое?

— Я тоже золотая! — вскричала Алегра с плеч восторженной толпы, которая проталкивалась сквозь еще бóльшую толпу, бушующую радостью.

— А?

— Я, я самая, собственной персоной — не кто иная, как золотая, честное слово! Я только сегодня узнала.

— Не может быть, — сказал Рэтлит. — Ты слишком взрослая, это не могло проявиться только сейчас.

— Дело в моем препарате. Это ужасно сложно. — (На стенах появились анатомические таблицы, зазвучала музыка Штокхаузена.) — Он каким-то образом не давал этому проявиться, пока ко мне не пришел золотой, он это вытянул из меня, из глубины моего организма, и оно вырвалось наружу, прекрасное, удивительное и… золотое! Сейчас он пошел в лабораторию с образцом моей мочи, чтобы анализ окончательно все подтвердил. Они дадут ему знать через час, и он принесет мой золотой пояс. Но он и без того уверен. И когда он придет, я отправлюсь с ним в дальние галактики как его ученица. Мы найдем средство от его болезни и что-нибудь такое, чтобы я больше не нуждалась в своем лекарстве. Он говорит, если у тебя в распоряжении вся Вселенная, в ней можно найти все, что ищешь. Но нужна *вся* Вселенная, а не паршивая горстка из нескольких миллиардов звезд где-то в дальнем углу! Ох, Рэтлит, я теперь свободная, я такая, каким ты всегда хотел стать! Пока тебя не было, он… ну… что-то со мной сделал, и это было… золотое! Оно запустило мой гормональный дисбаланс.

Образ взорвался всеми пятью чувствами. Но мелодичный

экстаз прервался лязгом — это Рэтлит швырнул ключи в стену.

Я ушел — мне было не по себе. Рэтлит тоже хотел уйти, но Алегра позвала его:

— Ох, Рэтти, не уходи так! Не будь ребенком. Пожалуйста, останься, окажи мне последнюю маленькую услугу!

И он остался. Выбравшись из жилища Алегры и шагая домой, я все время вспоминал ее слова о любви.

Следующий рабочий день прошел на удивление без происшествий. Часов в десять зазвонил телефон: Полоцки. Не знаю ли я, где Рэтлит? Он сегодня не явился на работу. «Ты уверен, что он не заболел?» Я ответил, что видел его вчера и с ним вроде бы все было в порядке. На том конце издали звук отвращения и положили трубку.

Сэнди сегодня ушел на несколько минут раньше, как уходил всю неделю: он хотел забежать на почту, пока она не закрылась, так как ожидал письма от семьи. Мне до сих пор было не по себе оттого, что я отдал его корабль другому человеку. Мне виделось в этом поступке что-то незрелое. Но Сэнди ни словом не обмолвился, что хочет корабль, а Рэтлит все еще оказывал маленькие услуги Алегре, так что, может, все выйдет к лучшему.

В тот вечер я хотел навестить Алегру. Но у меня на совести была финансовая отчетность, до сих пор не законченная. Я вошел в офис, включил компьютер и приготовился работать допоздна.

В двенадцатом часу я все еще работал, когда лампочка над входом мигнула — это значило, что кто-то открыл входную дверь ангара. Я-то ее запер. Когда-то я дал Сэнди ключи, чтобы он мог прийти пораньше. Значит, это Сэнди. Я готов был сделать перерыв и поболтать с ним. Он часто приходил в разные неурочные часы, чтобы закончить какую-нибудь мелкую работу. Я ждал, что он зайдет в контору. Но он не шел.

Тут стрелка электросчетчика, до того стоявшая на нуле — маленький офисный компьютер энергию почти не расходовал, — дернулась и встала на семерку. Включилось что-то из тяжелых машин.

У нас оставались кое-какие дела, но ни одно из них не требовало оборудования такого размера. Я нахмурился, выключил компьютер и вышел из конторы. Первый большой люк в крыше ангара был почти закрыт корпусом корабля, принадлежавшего мне, Рэтлиту или Сэнди. Свет Стелларплекса выхватывал из темноты гладкий бок корпуса и терялся в паутине лифтов, мостков, тросов подъемников и грузозахватных крюков. Два других люка были пусты, и серебряные лучи падали на бетонный пол, образуя освещенные круги диаметром тридцать

метров. И тут я увидел Сэнди.

Он стоял в световом круге от последнего люка, глядя вверх на Стелларплекс — блеск светила терялся на изрытом шрамами лице. Сэнди поднял левую руку, и мне показалось, что она какая-то слишком большая. Свет блеснул на серебряных суставах управляющей перчатки. Я понял, куда уходит энергия.

Рука Сэнди взметнулась над головой, и его накрыла тень — пятнадцатифутовый управляемый коготь грузозахватчика вымахнул из темноты, повторяя движения перчатки. Сэнди уронил руку перед лицом, скрючив пальцы. Металлические когти опустились на него и задрожали. Что-то в нем было такое… Он пытается покончить с собой!

Я рванулся к трепещущим, неуверенным когтям, прыгнул между ними, потянулся через плечо Сэнди и с силой вставил предплечье в пальцы управляющей перчатки — как раз в тот момент, когда Сэнди хотел сжать руку. Как я уже сказал, у меня довольно массивное плечо, но, когда управляемые когти сжались, нам едва хватило места в зажиме. Сэнди рыдал.

— Ты идиот, — заорал я, — безмозглый, инфантильный кретин, думаешь только о себе!.. — Я наконец содрал с него перчатку. — Какого черта, что с тобой случилось?

Сэнди сидел на полу, повесив голову. От него воняло.

— Слушай… — сказал я, возвращая грузозахватчик на место с помощью той же перчатки. — Если ты хочешь спрыгнуть с Края, пожалуйста. В заборе куча дыр. Но не смей приходить за этим сюда и портить мои инструменты. Свою голову можешь плющить сколько хочешь, а мою перчатку — не смей. Ты уволен. А теперь рассказывай, в чем дело.

— Я знал, что ничего не получится. Можно было и не пробовать. Я знал… — Слова мешались с рыданиями. — Но я думал, что, может быть…

Рядом с его левой рукой валялась разбитая фоторамка. И скомканный лист бумаги.

Я отключил перчатку, и жужжание грузозахватчика высоко у нас над головой умолкло. Я подобрал бумагу и расправил. Я не собирался читать письмо целиком.

Дорогой Сэнфорд!

С тех пор как ты уехал, у нас были трудности, но не очень большие. Скажем так, напряжение заметно спало после твоего отъезда, и дети привыкают, что тебя нет, хотя Бобби-Ди сильно плакала поначалу. Но теперь уже больше не плачет. Мы получили твое письмо и рады были узнать, что дела у тебя налаживаются, хотя Хэнк

сказал, что ты должен был написать гораздо раньше, и очень сердился, несмотря на то что Мэри пыталась его успокоить, но он только сказал: «Когда он женился на вас всех, он женился и на мне тоже, и я имею право на него злиться точно так же, как и вы». И это правда, Сэнфорд, но я передаю тебе то, что он сказал, потому что это его точные слова, а я думаю, ты должен узнать, что мы тут о тебе говорим, особенно потому, что мы все в той или иной степени с его словами согласны. Ты написал, что, может быть, сможешь посылать нам немножко денег, если мы хотим, чтобы ты вернулся домой, и я думаю, это будет очень хорошо — в смысле, насчет денег, — хотя Лора сказала, если я тебе об этом напишу, она с нами разведется, но она только так говорит, а я, как и Хэнк, имею право высказать свои мысли, а именно: да, я считаю, ты должен посылать деньги, особенно после той неприятной истории, которая случилась прямо перед твоим отъездом. Но мы все согласились между собой, что не хотим, чтобы ты возвращался. И если в этом случае ты не будешь посылать деньги, то мы лучше без них обойдемся.

Это горькая правда, но это правда. Как ты уже догадался, твое письмо нас очень расстроило. Мне бы хотелось — этим я отличаюсь от всех остальных, но именно поэтому ответ поручили писать мне, — чтобы ты посылал мне весточки и держал меня в курсе, потому что я тебя когда-то очень любил и никогда не смогу тебя возненавидеть. Но, как и Бобби-Ди, я уже больше не плачу.

Искренне твой,

Джозеф

Ниже стояли имена других мужчин и женщин из группы.

— Сэнди?

— Я знал, что они меня не примут обратно! Я даже не пытался, правда ведь? Но…

— Сэнди, вставай.

— Но дети, — прошептал он. — Что же будет с детьми?

С другого конца ангара донесся звук. На высоте трех этажей над нами в борту корабля был открыт люк, и в нем, посеребренный светом Стелларплекса, стоял золотой — тот самый, которого мы с Рэтлитом нашли на улице.

Вы помните, на кого он был похож.

Должно быть, он и Алегра пробрались внутрь, пока я боролся с Сэнди и зажимом для грузов. Вероятно, хотели взлететь как

можно скорее, боясь, что Рэтлит навредит им по-настоящему или что я передумаю и заберу ключи. Ведь я дарил им корабль без свидетелей. Звук, который мы слышали, издавал лифт, поднимающийся к люку.

— Дети… — снова прошептал Сэнди.

Дверь лифта открылась, в белый свет вышел человек и двинулся к люку корабля. Но это был Рэтлит! Его рыжие волосы, его золотая серьга, его пружинистая походка. И еще… у него на поясе блестел желтый металл!

В полной растерянности я услышал, как золотой произнес:

— Внутри все в порядке, брат! Долетим куда угодно!

А Рэтлит воскликнул:

— Кузен, я открыл зажимы! Летим!

Их голоса отдавались эхом по ангару. Сэнди задрал голову и прищурился.

Рэтлит прыгнул в люк. Золотой обнял его за плечо. Секунду они глядели друг на друга, затем Рэтлит повернулся и окинул взором ангар, прощаясь с миром, который собирался покинуть. Не знаю, заметил ли он нас. Люк захлопнулся, и корабль начал посвистывать.

Я втащил Сэнди в виброзащитную камеру. Я даже не успел дверь запереть, когда грянул гром и у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Думаю, шум удивил Сэнди и помог ему опомниться. У меня в голове что-то сломалось и куски легли неправильно.

— Сэнди, — сказал я, — нам надо бежать!

— А? — Он боролся с опьянением и, вероятно, с подступающей тошнотой. — Я никуда не хочу идти…

— Пойдешь как миленький, я не собираюсь тебя тут оставлять.

На середине лестницы я решил, что Алегры нет дома. Ведь мое настроение не изменилось. Может, она с ними в корабле?

— Мое лекарство… Пожалуйста, достань мое лекарство… я без него не могу… пожалуйста… ну пожалуйста…

Слабый высокий голос был едва слышен из-за двери. Я вошел.

Алегра лежала на матрасе — розовые глаза огромны, белые волосы как пух на лысеющем черепе. Она была чудовищно худая, нестриженые ногти черны, как у Сэнди, хоть ей и не приходилось часами работать в смазанной графитом перчатке. При виде прозрачной кожи альбиноса под неизвестно-сколько-дневным слоем грязи у меня по спине поползли мурашки. Ее лицо осунулось, рот был как шрам.

— Мое лекарство… Вайм, это ты? Вайм, ты принесешь мое

лекарство? Ведь правда принесешь?

Ее губы не двигались, но я слышал голос. Она была слишком слаба — ее сил хватало только на излучение слухового уровня. Я впервые увидел Алегру без покрова галлюцинаций, и это зрелище меня потрясло.

— Алегра, — сказал я, овладев собой, — Рэтлит и золотой улетели на корабле!

— Рэтлит. Гадкий Рэтти, нехороший мальчик! Он не принесет мне лекарство. Но ты принесешь, правда, Вайм? Вайм, я умру минут через десять. Я не хочу умирать. Только не так. В мире теперь так мерзко и больно. Я не хочу умирать в таком мире.

— А что, у тебя совсем нет лекарства?

Я оглядел комнату, которой не видел с тех пор, как тут жил Пьяный Таракан. В ней стало еще гораздо хуже. Сухой мусор, когда-то лежавший кучкой в углу, теперь закрывал половину пола. Остальное было усеяно газетами и битым стеклом. В луже валялась банка, но жидкость не удалось опознать — лужа заросла плесенью.

— Нет, тут совсем нету. Рэтлит достает его у человека, который сидит в баре Герга на авеню Х. Рэтлит доставал мне лекарство каждый день. О, он такой хороший мальчик, он каждый день приносил мне мое замечательное лекарство, мне вообще не нужно было выходить на улицу. Вайм, сходи принеси мне лекарство!

— Алегра, сейчас ночь! У Герга закрыто! К тому же авеню Х на другой стороне Станции, за десять минут я туда при всем желании даже не добегу, не говоря уже о том, чтобы отыскать этого типа и вернуться!

— Вайм, будь я здорова, я пронесла бы тебя туда на облаке света, запряженном павлинами и дельфинами, и ты вернулся бы под звуки гобоев и тамбуринов и принес бы мне мое прекрасное лекарство, не успев и глазом моргнуть. Но теперь я больна. И умираю.

Морщинистое веко одного розового глаза дернулось.

— Алегра, что такое?

— Рэтлит сошел с ума! — излучила она с потрясшей меня злобой; Сэнди у меня за спиной резко втянул воздух. — Сошел с ума в двадцати тысячах световых лет от Края, мертв — в двадцати пяти.

— Но у него золотой пояс…

— Это мой! Это был мой пояс, а Рэтлит его украл. И не хотел принести мне лекарство. Рэтлит не золотой, это я золотая! Я могу отправиться куда угодно, вообще в любое место! Я золотая, золотая, золотая… Но теперь мне плохо. Мне очень плохо.

— Но разве золотой не знал, что пояс — твой?

— Золотой? О, он такой глупый! Ужасно доверчивый. Он пошел проверить какие-то бумаги, купить провизию и достать мой пояс. И его не было целый день. Но ты был у меня той ночью. Я попросила Рэтлита сходить за моим лекарством и отнести еще один анализ мочи в лабораторию. Но оба они вернулись, только когда я была уже очень больна, очень слаба. Понимаешь, Рэтлит нашел золотого и сказал ему, что я передумала лететь, но что он, Рэтлит, тоже золотой — что он только что был в лаборатории и там это подтвердили. И золотой отдал ему мой пояс, и они улетели.

— Но как он мог в такое поверить?

— Вайм, ты же знаешь, какими дураками бывают золотые. Они могут быть настолько же глупыми, насколько они жестоки. Кроме того, ему все равно, умрет ли Рэтлит. Ему плевать, правду сказал Рэтлит или нет. Для него главное — что выживет он сам. Когда Рэтлит начнет пускать слюни, блевать кровью, оглохнет, под конец ослепнет и умрет, золотой даже не опечалится. Он слишком глуп, чтобы печалиться. Золотые, они такие. Но я печальна, Вайм, потому что никто не принесет мне лекарство.

Я должен был на ком-нибудь сорваться, и Алегра оказалась под рукой.

— Ты хочешь сказать, что не понимала, что сделает с Рэтлитом твой отъезд? Ты хочешь сказать, что не понимала, насколько сильно он хочет выбраться и насколько сильно при этом нуждается в тебе? Ты не понимала, что с ним будет, если ты лишишь его необходимого и в то же время похвалишься чем-то ненавистным для него? Ты не догадывалась, что он устроит какую-нибудь безумную выходку? Ох, малая, ты еще говоришь про золотых. Это ты глупая!

— Я не глупая, — тихо излучила она. — Я жестокая. Я знала, что он попытается помешать. Я просто не думала, что у него получится. Он на самом деле такой ребенок.

Мой гнев, выплеснувшись, перешел в печаль.

— Алегра, неужели ты не могла чуточку подождать? Не могла придумать, как уехать по-другому, чтобы не ранить его так сильно?

— Я хотела выбраться отсюда. Лететь и лететь, а не сидеть в ловушке. Но я была жестока. Мне подвернулся шанс, и я им воспользовалась. Вайм, неужели это так плохо? Разве быть свободным — плохо?

Веко опять дернулось. И опустилось. Второй глаз остался открытым.

— Алегра…

— Вайм, я золотая. Золотая. А золотые устроены именно так. Пожалуйста, Вайм, не сердись на меня. Не надо. Рэтлит был нехороший, он не принес мне лекар…

Закрылся и второй глаз. Я тоже закрыл глаза и попытался плакать, но язык слишком сильно давил на нёбо.

На следующий день Сэнди вышел на работу, и я не стал напоминать ему, что он уволен. Журналисты выведали всю историю и постарались выложить ее под максимально мерзкими заголовками:

ПОДРОСТОК-РЕЦИДИВИСТ

(про роман они не упомянули)

УБИЛ СВОЮ ДЕВУШКУ-НАРКОМАНКУ

И ПОГИБ УЖАСНОЙ СМЕРТЬЮ

Про золотого они тоже не упомянули. Про них вообще никогда не упоминают.

Какое-то время наш ангар осаждали репортеры, пытаясь вытянуть признание, что корабль у нас угнали. Но Сэнди держался молодцом.

— Это был его корабль, — бурчал он, смазывая управляющую перчатку. — Я ему его подарил.

— С чего это вы подарили такому мальчишке корабль? Может, вы ему его одолжили? «УЖАСНАЯ СМЕРТЬ В ЧУЖОМ КОРАБЛЕ» — звучит неплохо.

— Я ему его подарил. Вот босс подтвердит. — Сэнди кивнул назад, на леса. — Он был свидетелем.

— Слушайте, даже если вам нравился этот мальчик, вы ему уже ничем не поможете, скрывая правду.

— Он мне не нравился, — отвечал Сэнди. — Но я подарил ему корабль.

— Спасибо, — сказал я Сэнди, когда нас оставили в покое. Я не знал, за что благодарю его, но чувствовал, что благодарен. — Считай, что я тебе должен.

Через неделю Сэнди пришел ко мне и сказал:

— Босс, вы мне должны.

Я слегка прищурился, услышав его воинственный тон:

— Значит, ты наконец решил уволиться. Может, доработаешь хотя бы до конца недели?

Он заметно смутился и начал шарить в кармане-кенгуру комбинезона:

— Ну да, я хочу уволиться. Но не прямо сейчас. Мне тут трудновато становится.

— Ты привыкнешь, — сказал я. — Ты же знаешь, в тебе что-то такое есть, ты чем-то похож на меня. Я привык. И ты тоже привыкнешь.

Сэнди помотал головой:

— Я, кажется, не хочу привыкать.

Он вытащил руку из кармана:

— Видите, у меня билет.

В грязных пальцах торчала карточка с металлической полоской.

— Через четыре недели я уеду со Звездной Станции. Только я пока не хотел вам говорить. Хотел, чтобы вы для меня кое-что сделали за тот долг.

Я очень удивился:

— Ты же не можешь вернуться в свою группу. Чем ты будешь заниматься?

Он пожал плечами:

— Устроюсь на какую-нибудь работу. На свете есть и другие семейные группы. Может, я немножко повзрослел. — Он засунул в карман-кенгуру оба кулака и начал переминаться с ноги на ногу. — Да, босс, так насчет того одолжения…

— Что такое?

— Я тут разговорился на улице с одним парнишкой. Вайм, у него по правде была тяжелая жизнь. — В первый и единственный раз Сэнди назвал меня по имени, хотя я уже давно просил его об этом. — И ему не помешала бы работа.

Я чуть было не засмеялся. Но все-таки удержался — из-за выражения на уродливом лице Сэнди: за всей воинственностью проглядывала такая жгучая надежда и такая уязвимость. Уязвимость? Но ведь Сэнди купил свой билет; он едет дальше.

— Отправь его к Полоцки, — сказал я. — Наверняка там пригодится лишний подмастерье. А теперь, с твоего позволения, я пойду опять работать.

— А вы можете его отвести? — быстро спросил Сэнди. — Это и есть то самое одолжение.

— Сэнди, я ужасно занят. — Я увидел его лицо. — Ну ладно, ладно.

— Слушайте, босс, — сказал Сэнди, пока я выбирался из-за письменного стола. — Помните, вы спрашивали про одну штуку — не было ли у меня в детстве такой?

Я не сразу понял, о чем он.

— Ты про экологариум?

— Угу, он самый. — Сэнди ухмыльнулся. — У этого малого тоже есть такой. Он прямо у двери сидит, снаружи, ждет вас.

— У него с собой экологариум?

Сэнди кивнул.

Я двинулся к двери ангара, представляя себе ребенка, волокущего шестифутовый куб из оргстекла.

На пожарном гидранте у входа в ангар сидел мальчик. Посаженные мною деревья в искусственном дневном свете отбрасывали на него кружевную тень.

Мальчику было лет четырнадцать. Медная кожа, курчавые черные волосы. Я понял, почему Сэнди просил меня пойти с ним. Мальчик сидел сгорбившись, растопырив пальцы ног на широком металлическом основании гидранта. На талии у него был широкий пояс из желтого металла. Золотой.

Мальчик вглядывался в странную штуку из меди и драгоценных камней, висящую на цепочке у него на шее.

— Привет.

Он поднял голову. На иссиня-черных волосах играли солнечные пятна.

— Тебе нужна работа?

Он моргнул.

— Меня зовут Вайм. А тебя?

— Зови меня Ан.

Голос был ровный, отстраненный, с типичными для золотых интонациями.

Я нахмурился:

— Это уменьшительное?

Он кивнул.

— А полное имя как?

— Андрокл.

— А.

Мой старший сын погиб. Я точно знаю — у меня есть куча официальных документов, подтверждающих его смерть. Но иногда мне трудно об этом помнить. И не важно, какого цвета волосы — черные, белые или рыжие.

— Ну что ж, попробуем тебя куда-нибудь пристроить. Пойдем.

Ан встал, не сводя с меня глаз и пряча подозрительность.

— А что это за штука у тебя на шее?

Он покосился на нее и снова на меня:

— Кузен?

— А? — Тут я вспомнил, что это сленг золотых. — А, конечно. Двоюродные братья. Просто братья, если хочешь.

— Брат, — сказал Ан. Улыбка обрушилась на его лицо — молчаливая и мощная, как извержение вулкана; я двинулся к Полоцки, Ан поскакал рядом. — Это экологариум. — Он показал мне штуковину, которая висела у него на цепочке. — Хочешь посмотреть?

Он выговаривал слова кратко, точно и отстраненно. Но уж если у него на лице проявлялись чувства, они были пугающе сильными.

— А, маленький! С микроорганизмами?

Ан кивнул.

— Конечно хочу посмотреть.

Он склонил голову и стащил цепочку, пригладив ею пух у себя на шее.

Я поднес экологариум к глазам.

Какая-то голубая жидкость, существенный пузырь воздуха и сгусток студня с черными точками внутри. Все это помещалось в прозрачном шарике размером с глазное яблоко. Шарик был вставлен в два кольца, одно в другом, таким образом, что мог вертеться во все стороны. На внешнем кольце крепилась изогнутая трубка с линзой размером с булавочную головку. Трубка вставлялась во втулку, — видимо, через нее полагалось смотреть, что происходит в шарике.

— Он работает по замкнутому циклу, — объяснил Ан. — Нужен только свет. Любая частота годится, за исключением синего с самого края спектра. А его отрезает корпус.

Я посмотрел в медный окуляр.

Я бы поклялся, что в шарике не меньше сотни жизнеформ и у каждой от пяти до пятидесяти стадий развития: споры, зиготы, семена, яйца, и все это становится по очереди личинками, куколками, бутонами, воспроизводится половым способом, сизигией, делением.

— Весь экологический цикл занимает около двух минут, — сказал рядом Ан.

Губчатые скопления, похожие на заросли красных лотосов, жались к воздушному пузырьку. Каждую секунду одно из них выпускало в воздух облако черных частиц, похожих на мятую копирку. На эти частицы тут же набрасывались крохотные мошки, которых трудно было разглядеть даже в объектив. Черное становилось серебряным. Серебряные комки падали обратно в жидкость, подобно каплям ртути, и дрейфовали к студню, который испускал пену. Что-то в этой пене заставляло серебряные шарики менять курс. Они краснели, выпускали нити, отращивали пузырчатую массу и на границу жидкости с воздухом прибывали уже в виде лотосов.

Лотосы могли бы размножиться и заполнить собой все пространство, но каждые восемь-девять секунд бóльшую их часть пожирал рой зеленых инфузорий-туфелек. Я не понял, откуда они брались; я ни разу не видел, чтобы они размножались делением или чтобы их кто-нибудь ел, но они, кажется, имели какое-то отношение к колючим шарам — я так решил, потому что в жидкости плавали либо туфельки, либо колючие шары, но никогда те и другие вместе.

Черная спора в студне принялась извиваться и вырвалась на поверхность уже в виде белого червя. Уставший от борьбы червь

отложил яйца, отдохнул, отрастив за это время плавники и хвост, и всплыл на воздух, где сделал еще одну кладку яиц среди лотосов. Его плавники становились все больше, хвост отсох, проявились синие и оранжевые пятна, и вот он уже взлетел причудливой бабочкой и запорхал по воздушному пузырю. Вероятно, мошки, которые серебрили черных детенышей лотоса, ели это цветное создание — оно становилось все тоньше и тоньше и наконец исчезло совсем. Яйца, отложенные среди лотосов, проклюнулись, и из них вылупились существа, похожие на раздутых рыб — каждая проплыла обратно сквозь слой пены, изрыгнула комок студня, прибавив его к массе студня на дне, и сдохла. Яйца из первой кладки не сделали ничего особенно интересного, только превратились в черные споры, когда их покрыл достаточно толстый слой студня.

Все это происходило в калейдоскопе хрупких, вянущих цветов и разноцветных, словно покрытых драгоценными камнями, паутинок, лиан и червей, грибов и медуз, симбиотов и сапрофитов. Радужные стада водорослей дефилировали туда и сюда, как сверкающие конфетти. Что-то покрытое грубой коркой, такое большое, что его можно было разглядеть невооруженным глазом, распласталось на стене, пожирая студень и хлопая светочувствительными глазками, а прилив омывал его трепещущие жаберные щели.

Я опустил экологариум и заморгал:

— Какая сложная штука. — Я вернул ее Ану.

— Не очень. — Он надел экологариум на шею. — Мне пришлось две недели вести записи, чтобы разобраться, что к чему. Вы видели большого?

— Который подмигивает?

— Ага. Его репродуктивный цикл длиной примерно в два часа, и это поначалу сбивает с толку. Все остальное происходит так быстро. Но когда я увидел, как он спаривается с тварью, которая похожа на паутину с драгоценными камнями, — то же существо, только другого пола, — и посмотрел, как их отпрыски складываются в инфузорий-туфелек, а потом снова распадаются, я сразу понял, в чем дело…

— Единый организм! — воскликнул я. — Вся эта штука — единый организм!

Ан энергично закивал.

— Иначе он не мог бы существовать в замкнутом пространстве. — Его ухмылка исчезла, будто окно захлопнули. Лицо стало очень серьезным. — Даже после того, как я увидел спаривание этого большого, мне понадобилась еще неделя, чтобы понять — это все одно существо.

— Но если большой спаривается с паутиной и производит на свет инфузорий… — начал я. Когда я догадался, все остальное уже логично вытекало друг из друга.

— Вы уже видели экологариумы?

Я покачал головой:

— Совсем не такие. Я видел нечто похожее, но тот был гораздо больше, около шести футов шириной.

Серьезность Ана сменилась ужасом. Я имею в виду, что его совершенно буквально затрясло.

— Как же можно… разве можно все увидеть в таком огромном объеме? Тем более — каталогизировать? Вы сказали, что это у меня экологариум сложный!

— Эй, ну-ка успокойся. Успокойся! — сказал я. Он тут же успокоился. Прямо вот так. — Тот был гораздо проще.

Я объяснил в меру своих возможностей, как выглядел экологариум, сооруженный много лет назад нашими детьми.

— О, — сказал наконец Ан, и его лицо стало бесстрастным, как раньше. — Значит, макроорганизмы. Все просто. Да. — Он посмотрел на мостовую. — Очень просто. — Он поднял голову — черты лица снова исказились каким-то чувством; я не сразу понял каким. — Но я не понимаю, зачем он тогда нужен.

Он двигался с удивительной уверенностью; его нервозность была кошачьей, а не человеческой. Но так уж устроена физиология золотых.

— Ну, — сказал я, — идея была в том, чтобы продемонстрировать детям круговорот жизни.

Ан звякнул цепочкой:

— Эти штуки нам дали для того же самого. Но ваш был слишком примитивен. Так что демонстрация вышла не очень убедительной.

— Это с твоей точки зрения. Вот у меня в детстве вообще была только колония муравьев. Я вырабатывал представление о мире, глядя на кучку насекомых, бегающих между двумя стеклянными пластинами. Думаю, я получил бы более реалистичное представление о жизни, глядя на двух крыс, бегающих в колесе. Или, может быть, на тороидальный аквариум со стаями акул и пираний — пускай гоняются друг за другом по кругу…

— Экологического равновесия не выйдет, — сказал Ан. — Понадобятся улитки, чтобы пожирали экскременты. И куча растений, чтобы насыщать воду кислородом. И какое-нибудь травоядное, чтобы растения не слишком разрастались, потому что ни пираньи, ни акулы их не едят и они могут заполнить собой всю воду.

Черт бы побрал этих детей и их буквальное мышление.

— Если бы травоядные умели отбиваться от акул, то все могло бы получиться.

— Но что не так с тем экологариумом, про который я рассказал?

Мышцы лица двигались, пока он подыскивал объяснение.

— Ящерицы, кольчатые черви, растения, ани-ворты — у них у всех цикл развития и размножения полностью замкнут. Они рождаются, растут, воспроизводятся, в лучшем случае заботятся некоторое время о потомстве и, наконец, умирают. Единственное, для чего они живут, — чтобы размножиться. Это же ужасно.

Я не смог понять, какое чувство написано у него на лице.

В этом чересчур умном мальчишке — золотом, моложе Алегры, моложе Рэтлита — было что-то симпатичное.

— А здесь… — Ан постучал по шарику ногтем мизинца, — есть существа, у которых определенные функции проявляются только на поздних стадиях развития — уже после того, как они произвели на свет потомство и прошли еще через пару трансформаций. Вот эти зеленые червячки — они бесплодны, в них в конце концов превращаются вот эти синие перистые штуки. Но червячки выделяют свободные фосфаты, которыми питаются водоросли. А водорослями питаются абсолютно все обитатели экологариума, кроме колючих шаров. Колючие шары пожирают зеленых червяков, когда те дохнут. Здесь есть фагоциты, которые поедают мошек, когда те выбираются из воздушного пузыря и начинают плодиться в жидкости. — Он вдруг ужасно возбудился. — В нашем классе всем раздали такие штуки! И велели разобраться, как они устроены! А потом заставили писать реферат о том, является ли процесс размножения главной функцией жизни или вспомогательной. — У него на губах проступила белая пена. — Я думаю, что взрослые должны оставить детей в покое, черт бы их побрал! Пускай пойдут займутся делом и перестанут к нам приставать! Вот что я сказал! Я им так и сказал!

Он замолчал, слизнул пену с губ. Кажется, вернулся в норму.

— Иногда, если детей оставляют в покое и забывают про них, — начал я ровным голосом, — из них вырастают чудовища, которых и детьми-то не назовешь. Если бы тебя бросили одного, у тебя сейчас не было бы шанса вставить свои два цента и этой штуки на шее тоже не было бы.

Он очень старался понять, о чем я говорю. Минуту назад он был в ярости, а теперь его лицо стало открытым и восприимчивым, как у двухлетнего. Боже, помоги мне перестать думать об Антони!

— Я не это имел в виду. — Ан обхватил себя руками и задумчиво прикусил предплечье.

— Ан, малой, ты ведь не дурак. Ты задираешь нос, но я не думаю, что ты злой. Ты золотой.

Рэтлит, я выплеснул всю свою обиду. Алегра, я ее выплеснул. Я не вырос с этим словом, так что для меня оно значит нечто совершенно другое.

Ан поднял голову, глядя на меня и пытаясь понять, что я имел в виду. На коже выделялись следы зубов — белые, а вокруг красное.

— А ты давно золотой?

Он смотрел на меня, все так же сложив руки на груди.

— Меня диагностировали в семь лет.

— Так давно?

— Да. — Он отвернулся и снова зашагал рядом. — Я созрел довольно рано.

— Понятно. — Я кивнул. — Примерно полжизни, значит. И как тебе, младший братик, нравится быть золотым?

Ан уронил руки:

— Все время забирают из семьи. — Он пожал плечами. — Специальные предметы. Особые учебные программы. Я психотик.

— Я бы ни за что не догадался. — Интересно, а как можно было бы назвать Алегру? А Рэтлита?

— Я знаю, что это заметно. Но это помогает нам выдержать нагрузку на психику, когда реальность ломается на рубеже в двадцать тысяч световых лет. В самом деле помогает. Впрочем, в последние годы психоз генерируют искусственно, глубоко в подсознании, он не влияет на наше повседневное поведение так, как у самых первых золотых. Этот метод можно использовать на любом человеке, у которого гормональная система хоть как-то подходит. Так что теперь золотых производят больше и качеством они гораздо лучше, чем если просто сидеть и ждать, пока они появятся сами по стечению обстоятельств.

Я засмеялся, но тут мне пришла в голову мысль:

— Слушай, а зачем тебе работа на Станции? Ты же можешь попроситься на борт к какому-нибудь брату или устроиться подмастерьем на межгалактический корабль?

— У меня есть работа в другой галактике. Через два месяца меня отсюда заберут. В разных галактиках, лежащих на пути к Андокской, устраивают целую систему Звездных Станций. Я буду мотаться туда-сюда, управлять робоями, делать менеджерскую работу. Я решил, что до отъезда не помешает набраться практического опыта.

— Очень развит для своих лет, — кивнул я. — Слушай, даже

если ты умеешь управлять робоями, ты должен кучу всего знать об устройстве самых разных межгалактических двигателей. За два месяца работы механиком ты этому не сможешь выучиться. А робой-оборудование? У меня в ангаре его и нету. У Полоцки есть, но тебя вряд ли к нему подпустят.

— Я уже многое знаю, — сказал Ан с напускной скромностью.

— Да?

Я задал ему не слишком сложный вопрос, и он дал адекватный ответ. Мне было приятно, что ответ не оказался блестящим. Я все-таки знаю больше, чем этот мальчишка.

— А где же ты учился?

— Мне внедрили информацию точно так же, как внедряли психоз.

— Ты очень хорошо подготовлен для своих лет. — Я вспомнил старый добрый Лунный техникум. Что ж, возможно, за эти годы методы обучения несколько усовершенствовались. — Впрочем, если вдуматься, я начал изучать межгалактические двигатели примерно в твоем возрасте. Десятки и сотни спиральных предохранителей…

— И скользкие бионические сенсоры в графитовой смазке! Да, брат! Но я никогда не пробовал управлять манипуляторами с перчатки.

Я нахмурился:

— Да я это умел, когда был моложе тебя… — Я осекся. — Конечно, если ты умеешь управлять робоями, перчатка тебе и не нужна. Но все равно неплохо и ее освоить, просто на всякий случай.

— Вот потому я и хочу устроиться на работу. — Он вставил палец под пояс. — Мы с зятьком, Сэнди, поговорили, и я его спросил, нельзя ли мне поступить сюда. Он сказал, что вы можете меня куда-нибудь пристроить.

— Очень хорошо, что он так сказал. Я у себя в ангаре работаю только с большими кораблями, и у меня только перчатки. Мы справляемся вдвоем с помощником. У Полоцки ангар меньше, но там обслуживают и внутригалактические, и межгалактические корабли, так что разнообразия больше и работает там больше народу. Найди Полоцки, скажи, что ты от меня, объясни, что ты умеешь и зачем сюда приехал. Пояс там или не пояс, но, надеюсь, тебя возьмут на что-нибудь повыше подмастерья.

— Спасибо, брат.

Мы свернули с Авеню D. Впереди показался ангар Полоцки. Оттуда как раз поднялся корабль — глухой гром пронесся над крышей.

— Стоит мне разочароваться в нынешней молодежи, и я

встречаю кого-нибудь вроде тебя и понимаю, что надежда еще есть, — сказал я. — Даже притом, что ты психотик, ты гораздо лучше своих старших родственников.

Ан настороженно взглянул на меня.

— Ты просто еще не сталкивался тут со своими так называемыми братьями. Но не удивляйся, если завтра тебя кто-нибудь убьет и займет твое место. Какой-нибудь тип, которому просто вздумалось расколоть тебе башку и посмотреть, что там внутри. Я стараюсь привыкнуть к тому, как вы себя ведете, — хотя такого даже дикари себе не позволяют. Эх, малой, умеет же ваш брат перевернуть человеку картину мироздания.

— А чего вы от нас ждете, черт возьми? — выкрикнул Ан. Пена снова показалась у него на губах. — Что бы вы сами сделали на нашем месте, в ловушке?

— А? — переспросил я. — Вы — в ловушке?

— Слушай. — Его плечи передернуло судорогой. — Психотехник, который подсадил мне хороший крепкий психоз, сам не был золотым, *братец*! Вы платите нам за то, что мы привозим оружие, *папаша*! Мы не воюем в ваших проклятых войнах, *дедуля*! Это вы забираете нас из семей, говорите, что мы слишком ценные, чтобы жить по вашим законам, а потом отнимаете у нас наследство, потому что мы, видите ли, другой породы, *неродственничек*!

— Эй, погоди, погоди!

Ан сдернул цепочку с шеи и натянул перед собой. Голос его упал до шепота, глаза сверкали.

— Я задушил одноклассницу этой цепочкой — вот этой самой, которая у меня в руках.

С его лица медленно исчезло всякое выражение.

— У меня ее забрали на неделю, в наказание за убийство.

Шепот замолк всего в нескольких децибелах от тишины, потом возобновился:

— Здесь меня никто не накажет. А рефлексы у меня быстрее твоих.

Страх подхлестнул мой гнев. Я следил за безумием, мерцающим у него в глазах.

— Вот! — Он замахнулся; я присел. — Дарю!

Он швырнул цепь в меня. Я машинально поймал ее обеими руками. Ан повернулся и вошел в ангар Полоцки.

Я вбежал в собственный ангар, с лязгом распахнув дверь. Сверху спускался лифт. Сэнди крикнул сквозь сетчатую стенку:

— Ну что, взяли его?

— Наверно! — крикнул я в ответ и направился к себе в

контору.

Я услышал, как клеть лифта ударилась о силиконовый амортизатор. Ухмыляющийся Сэнди тут же материализовался рядом со мной:

— Ну как вам мой деверь?

— Деверь? — Я слышал, что Ан назвал Сэнди зятьком, но решил, что это просто сленг золотых. Однако в интонациях Сэнди было что-то особое. — Он по правде твой деверь?

— Он младший брат Джо. Я не хотел ничего говорить, пока вы с ним сами не познакомились. — Сэнди двинулся за мной к двери конторы. — Джо мне снова написал. О том, что, раз Ан летит в эту сторону, он ему скажет, чтобы зашел ко мне, и, может, я ему помогу.

— Теперь я еще должен знать, кто такой Джо? — Я толкнул дверь; она грохнула о стену.

— Это один из моих мужей — тот, который написал то письмо. Вы сказали, что прочитали его.

— А, он. — Я начал собирать бумаги в стопки.

— Я считаю, это очень мило с его стороны после всего — сказать Ану, чтобы нашел меня, когда будет тут. Хоть один человек на свете думает, что я не полное говно. Так как вам Андрокл?

— Необычный мальчик. — Я сгреб в кучу послеобеденную почту, намереваясь ее разобрать, но тут же положил на стол и начал искать свой рабочий комбинезон.

— Ан приезжал к нам в гости раз в месяц, когда его отпускали с учебной программы для золотых, — продолжал Сэнди. — Родители Джо и Ана жили в зарослях камышей в дельте реки. А мы — подальше, возле ущелья, где водопад Хрома. Ан и Джо были очень близки, хотя Джо мой ровесник, а Ану тогда было всего лет восемь или девять. Наверно, Джо единственный понимал, каково приходится Ану, ведь они оба золотые.

Я ошарашенно повернулся к столу:

— Ты был женат на золотом?

Письмо, лежащее сверху, было адресовано Алегре. На конверте стоял штамп лаборатории. Еще раньше я сложил немногие пожитки, оставшиеся от Алегры и Рэтлита, в ящик и унес его к себе. И их почту переадресовал на себя, словно за ней кто-нибудь должен был явиться.

— Угу, — ответил Сэнди, удивившись моему удивлению. — На Джо.

Чтобы не стоять с отвисшей челюстью, я взял со стола письмо, адресованное Алегре.

— Поскольку генетические черты золотых полихромазоичны,

они исчезают у потомства, если золотые скрещиваются только друг с другом. Поэтому в центре галактики идет масштабная кампания — агитируют золотых присоединяться к разнородным семейным группам.

— Как у сиамских блюпойнтов? — Пальцем с въевшейся смазкой я поддел клапан конверта.

— Точно. Но они не животные, босс. Я помню, каково пришлось этому малому, когда у него закрепляли психотические отклонения, чтобы он окончательно стал золотым. Он рассказывал, когда приезжал в гости. У меня просто сердце разрывалось.

Я вытащил из конверта, адресованного Алегре, фоторамку. Станционная лаборатория старается, чтобы ее извещения выглядели как можно более душевно.

— Хорошо хоть, что они потом стирают ребятишкам сознательную память об этом.

— Благодарение небесам даже за мелкие благодеяния и все такое. — Я включил фоторамку.

Извещения, конечно, душевные, но все же штампуются по одному образцу.

— …радостное прибавление… — забормотала рамка. Мы с Полоцки тоже пару раз пользовались услугами этой лаборатории. Как, наверно, и любой другой механик на Звездной Станции. Рамка стала воспроизводить послание с середины, потом вернулась к началу.

— И вы знаете, босс, — никак не затыкался Сэнди, — Джо и правда был не такой, как мы, некоторые вещи он вроде как не понимал…

Из рамки лучилась улыбкой женщина, похожая на добрую бабушку, — в лаборатории всегда используют таких для этого типа сообщений.

— Алегра, мы были очень рады получить образец мочи, который ты отправила на прошлой неделе с мистером Рэтлитом…

— …но все равно он был самый милый из всех, кого я знаю, и мужчин, и женщин. С ним мне было проще всего ладить, из всей группы. Может, потому, что он подолгу бывал в отъезде…

— …и теперь, всего через неделю — помни, что наша лаборатория выдает результаты мгновенно и подтверждает через неделю персонализированной фоторамкой, — мы счастливы сообщить, что в вашей группе ожидается радостное прибавление. Однако…

— …ну да, он был не такой, как мы, на многие вещи странно реагировал. Но ничего похожего на убийственную глупость, какую так часто встречаешь тут, на Звездной Станции…

— …отец — не мистер Рэтлит. Если тебе для евгенического архива нужна более подробная информация, пришли нам образцы мочи остальных мужчин вашей группы, и мы с радостью установим отцовство.

— …босс, я вообще не понимаю здешних людей. Потому и хочу двинуться дальше.

— …Спасибо, что дала нам возможность сообщить тебе эту радостную весть. Помни — если ты в сомнении, обращайся к нам!

— Ты был женат на… ты любил золотого? — спросил я у Сэнди.

Фоторамка завела опять с самого начала: «Алегра…» Я не глядя выключил ее.

— Сэнди… — сказал я. — Я нанял тебя, потому что ты неплохой механик и не путался у меня под ногами. Делай то, ради чего тебя наняли. Исчезни.

— Ох. Сию минуту, босс. — Он торопливо ушел.

Я сел.

Может, я старомодный, но я не люблю, когда бросают девушек в таком положении. Значит, это и была последняя небольшая услуга, которую Рэтлит должен был оказать Алегре и после которой так и не вернулся. Сбегать в лабораторию. Результаты мгновенно, с подтверждением через неделю. В состоянии Алегры беременность была таким же смертным приговором, как и попытка завязать с наркотиком. И аборт, все равно каким методом, тоже убил бы Алегру — настолько она была слаба. Мгновенный результат. Наверняка Рэтлит все это знал, когда получил ответ в лаборатории — ответ, которого Алегра боялась и за которым отправила Рэтлита. Он знал, что она в любом случае умрет.

И потому украл золотой пояс.

«Когда любишь человека, то есть когда по-настоящему любишь…» — сказала тогда Алегра.

Когда кто-то сбегает и бросает больную беременную женщину, тому должны быть веские причины.

Все это сошлось у меня в мозгу, как две порции ядерного топлива в критическую массу. От взрыва в голове слетели кое-какие крепления, которые я раньше считал прочными.

Я вытащил бухгалтерские книги, включил компьютер, выключил компьютер, убрал книги и уставился в экологариум, зажатый у меня в кулаке.

Среди плавающих, летающих, ползучих, спаривающихся, рожающих, растущих, меняющихся, занятых своими делами существ я заметил тупиковую ветвь — зеленых червей. Я не замечал их раньше, потому что они были где-то с самого края,

пытались пробить головой стекло. Когда им надоедало выделять свободные фосфаты и биться головой о стену, они затевали драку между собой и раздирали друг друга на куски.

Страх и злость действуют на меня плохо.

Однажды меня чуть не убил золотой — по жестокости и бездумью.

Те же самые жестокость и бездумье убили Алегру и Рэтлита.

А сейчас, когда этот чертов мальчишка грозился… то есть я сперва подумал, что он грозится…

До бара Герга я дополз, когда «дневной» свет только что погас и зажглись уличные фонари. Но по дороге я зашел еще в десяток мест. Помню, как что-то объяснял матросу с межзвездного челнока — он впервые попал на Станцию и очень расстроился, увидев, как одна золотая накинулась на другую с разбитой бутылкой-розочкой. Помню, я говорил, обращаясь к трехглавому бугру у него на плече:

— …муравьиная колония! Ну знаете, два куска стекла, между ними земля, и видно, как муравьишки роют ходы, откладывают яйца и все такое. В детстве… за стеклом… Если вы сидите за стеклом, вы не растете…

Я замахал руками у него перед лицом. На пальцы намоталась цепочка экологариума.

— Эй. — Он поймал мое запястье и прижал его к стойке бара. — Все в порядке. Расслабься.

— Слушайте, — не унимался я, хотя он уже отвернулся. — У меня были муравьи за стеклом! Если вы не выходите из-за стекла, вы не растете!

Матрос снова повернулся ко мне и облокотился на стойку.

— Ну ладно, — дружелюбно сказал он. И тут же сделал самую идиотскую и провальную ошибку, какую только мог. — Что там про тетю?

— Моя мать…

— Ты же вроде про тетю говорил?

— Не-а, — сказал я. — Моя тетка, она была пьяница. А я говорю про свою мать.

— Ну, значит, мать.

— Ну вот, моя мать, она вечно беспокоилась, чтобы я не заболел и все такое. Я в детстве часто болел. Она меня ужасно разозлила! Я ходил смотреть, как корабли взлетают, у нас было такое место, бруклинская верфь. Корабли, которые летели к звездам.

Азиатское лицо матроса расплылось в улыбке.

— Ага, я тоже! Тоже ходил смотреть, когда был мальчишкой.

— А в тот день был дождь, и она меня не пустила.

— У-у-у, обидно. Небось ты не сахарный, не растаял бы. А почему она не позвонила и не попросила, чтобы дождь выключили? Чтобы ты мог пойти погулять? Слишком занята была, чтобы с тобой возиться? Один из моих папаш был такой.

— Мои оба были такие, — сказал я. — Но не мать. Она-то надо мной тряслась все время, пока я с ней жил. Но она меня ужасно разозлила!

Он кивнул с неподдельным сочувствием:

— Ага, не хотела выключить дождь.

— Не не хотела, а не могла. Ты не знаешь, где я рос. Косный, отсталый мир. Никаких удобств.

— Вдали от торговых путей, значит?

— Да, в самой глуши. Она меня не выпускала, и я ужасно разозлился.

Он все еще кивал.

— И я его разбил! — Я грохнул кулаком по стойке, и пластиковый шарик в медной рамке стукнулся о дерево. — Разбил! Песок и стекло были везде, на ковре, на подоконнике!

— Что ты разбил?

— Расколотил, потоптал ногами и швырялся песком без конца, пока она хотела меня остановить!

— Песком? Ты жил у пляжа? Мы жили возле пляжа, когда я был маленький. Детям на пляже хорошо. Что же ты разбил?

— Выпустил этих чертовых мурашек. Потом без конца везде попадались мурашки. Я всех выпустил.

— А у нас на пляже было тепло, никаких мурашек. У вас была холодная планета?

— Выпустил! — Я снова грохнул кулаком. — Всех выпустил, хотели они того или нет! Пускай выживают как знают — это их забота! А не моя! Мне плевать, мне…

Я хохотал.

— Она тебя выпустила, и тебе было плевать?

При следующем ударе под кулак подвернулась металлическая рамка шарика. От боли у меня захватило дух.

— У нас на пляже. — Я вывернул ладонь ребром вверх. Там были красные отметины. — У нас на пляже не было никаких мурашек!

И я затрясся.

— Ты хочешь сказать, что это все не по правде? Ты просто дурака валял? Эй, тебе нехорошо?

— …разбил, — прошептал я. И изо всех сил грохнул кулаком, шариком и цепочкой по стойке бара. — Я их всех выпустил!

Я развернулся, прижимая ушибленную руку к животу.

— Эй, малой, осторожней!

— Я не малой! — заорал я. — Ты думаешь, я какой-нибудь безмозглый, чокнутый мальчишка?

— Да, да, ты старше меня. Успокойся.

— Я уже давно не мальчишка!

— Ладно, ладно, ты старше Сириуса. Только не бузи, а то нас отсюда выкинут.

Я вылетел из бара Герга, как бешеный бык. Я несся, не разбирая дороги, и несколько человек бросились за мной. Не знаю, кто победил, но помню, как кто-то орал: «Вон отсюда! Вон отсюда!» Возможно, это был я.

Помню, чуть позже я брел, шатаясь, в свете ртутных уличных фонарей. Космический ветер хлестал в лицо, звезды роились, мотаясь туда-сюда у меня под ногами, гравий скользил под подошвами ботинок, носки которых выступали за Край. Гравий щелкал по металлическому покрытию, и этот звук был чудовищно отчетливым, а я шатался на ревущем ветру, грозя ночи кулаком.

Когда я замахнулся, ветер хлестнул меня холодной цепью по щеке и переносице. Я отшатнулся, пытаясь отодрать цепь. Но я запутался в ней пальцами, а шарик раскачивался, блестя в свете фонаря. Ветер ревел. Гравий стрекотал по металлической обшивке.

Дальше я помню приоткрытую дверь ангара. Я рухнул в темноту — от падения в ничто меня спасли только собственные ноги. Чернота заложила вираж вокруг. Я остановился только оттого, что налетел бедром на верстак. Я шарил лапами под крышкой, пока не нашел выключатель. В тусклом оранжевом свете на верстаке выстроились управляющие перчатки в виброзащитных чехлах. Я вытащил одну и сунул в нее руку.

— Кто там?

— Иди нафиг, Сэнди.

Я отвернулся от верстака и нажал выключатель на запястье. Где-то в темноте над головой ожила и зажужжала пятнадцатифутовая клешня.

— Извини, чувак. Я не Сэнди. Положи эту штуку и вали отсюда.

Я прищурился: в оранжевом полумраке ко мне приближался человек, вытянув перед собой руку. Я разглядел вибропистолет и на лицо уже смотреть не стал.

Вдруг пистолет опустился.

— Вайм, дорогуша, это ты? Какого черта ты тут делаешь среди ночи?

— Полоцки?

— А ты думал кто?

— Так это я к тебе зашел?.. — Я огляделся и потряс головой. — Я думал, я у себя…

Я снова потряс головой.

Из полумрака фыркнули:

— Ну, я гляжу, ты сегодня порезвился!

Я взмахнул рукой, и управляемая клешня над головой опустилась на двадцать футов.

Пистолет живо подскочил.

— Эй, только испорть мне оборудование! Тогда я тебя точно убью, будь ты хоть кто! Ну-ка, снимай перчатку.

— Очень остроумно.

Я опустил клешню еще ниже — теперь я видел тень ее когтей.

— Слушай, Вайм. Я серьезно. Выключи и сними эту штуку. Ты пьян и ничего не соображаешь.

— Этот парень, золотой. Его сюда взяли?

— А как же. Он сказал, что от тебя. Мелкий, но умный. Смонтировал яхту в новом корпусе робоем-анакатастасайзером — просто показать, на что способен. Будь у меня еще люди, которые умеют обращаться с робоями, у меня в ангаре ничего другого и не водилось бы. С управляемой перчаткой этот мальчишка совсем не умеет, но ему и так неплохо.

Я опустил клешню еще на десять футов, так что огромные когти повисли между нами:

— Зато я умею обращаться с перчаткой.

— Вайм, сейчас тебе будет очень больно…

— Полоцки, хватит кудахтать надо мной. Мне не нужна тетка, у меня уже была одна.

— Вайм, ты чудовищно пьян.

— Да. Но я не какой-нибудь мальчишка. Ничего с твоим манипулятором не сделается.

— А если сделается, я тебя…

— Заткнись и смотри.

Я вытащил шарик за цепочку и швырнул на бетонный пол. В оранжевом свете невозможно было понять, из какого металла рамка — из серебра или меди.

— Что это?

Клешня спустилась почти до самого пола, и острия когтей сомкнулись на экологариуме.

— Эй, погоди! Последний раз мне такие попадались, когда мне было десять лет. Что, во имя небес, ты хочешь с ним делать? У этой штуки, между прочим, коэффициент передачи пятьсот к одному. Ты его сломаешь.

— Правильно! Этот тоже сломаю!

— Да ладно тебе. Дай я хоть посмотрю на него сначала.

Я поднял шарик в воздух:

— Я и яйцо так могу поднять, не раздавив. Пьяный или трезвый, я умею обращаться с манипулятором.

— Мне много лет такие штуки не встречались! А в детстве у меня такой был.

— Ты хочешь сказать, что его не золотые привезли? Что это не продукт непостижимых для нас технологий какой-нибудь дальней галактики?

— Нет, это наше производство. Они появились где-то в пятидесятых.

Шарик, зажатый в клешне, завис над вытянутой рукой Полоцки.

— Считается, что эти игрушки очень познавательны. Зачем ты хочешь его разбить?

— Я никогда таких не видел.

— Ты ведь откуда-то из глуши, верно? Они не так уж часто встречались. Не ломай его.

— А я хочу.

— Почему, Вайм?

Что-то застряло у меня в горле.

— Потому что хочу выбраться на волю! Я разобью либо этот шарик, либо голову кому-нибудь.

Моя рука внутри перчатки начинает дрожать. Когти манипулятора дергаются. Полоцки выхватывает шарик и отскакивает:

— Вайм!

— Я завис тут, на Краю. — Голос все время дрожит, цепляясь за непонятные штуки, застрявшие у меня в горле. — Я лузер! Я завис с кучкой уродов и дураков!

Клешня качается, сжимается, когти клацают друг о друга.

— А потом, когда дети… когда дети вырастают такими чудовищами, что даже достучаться до них…

Клешня раскрывается, тянется к Полоцки. Полоцки отскакивает в полутьме:

— Вайм! Черт побери!

— …даже достучаться до них не выходит… — Клешня перестает дрожать и медленно возвращается на место, складывая когти. — Я хочу что-нибудь разбить и выбраться на волю. Да, это очень по-детски. Потому что на меня никто не обращает внимания.

Клешня подпрыгивает.

— Даже когда я пытаюсь помочь. Я не хочу больше никому делать больно, клянусь, небеса мне свидетель…

— Вайм, сними перчатку и послушай!

Я приподнял клешню, чтобы она не царапала о цементный пол.

— Вайм, я́ хочу обратить на тебя внимание. — Полоцки медленно выходит обратно в оранжевый свет. — Ты уже пять лет посылаешь мне мальчишек, проведываешь их, выручаешь, когда они по глупости во что-нибудь вляпываются. Не все они — Рэтлиты. Я тоже хорошо отношусь к детям. Потому и подбираю твоих ребят. Я считаю, то, что ты делаешь, замечательно. В глубине души я люблю детей. В глубине души я люблю и тебя.

— Ах, Полоцки… — Я покачал головой. Где-то в глубине моей души зарождалось отвращение.

— Я не стыжусь этого. Я люблю тебя самую малость и не откажусь полюбить тебя всей душой. Мне уже давно хотелось предложить тебе создать семью.

— Полоцки, я тебя умоляю! У меня и так неделя выдалась тяжелая. Давай не сегодня, а?

Я отключил перчатку.

— Не надо бояться любви, Вайм. Не важно, как и когда она приходит. Не убегай от нее. Брак со мной? Да, для человека вроде тебя это поначалу может быть тяжело. Но ты скоро привыкнешь. А потом, когда появятся дети, нас будет двое…

— Я пошлю к тебе Сэнди. Это он у нас — доброе сердце. Он из тех, кто женится. Может, он готов еще раз попробовать.

Я стянул перчатку.

— Вайм, не уходи так. Погоди минуту!

— Полоцки! Я не настолько пьян! — Я швырнул перчатку на верстак.

— Вайм, я тебя умоляю!

— Ты что, хочешь меня удержать под дулом пистолета?

— Не надо так…

— Надеюсь, мальчишки, которых я к тебе посылаю, ценят тебя больше, чем я сейчас. Извини, что я сюда вломился. Спокойной ночи!

Я повернулся спиной.

В девяти тысячах миль от нас повернулся и Стелларплекс. Серебряные круги упали через отверстия крыши. Сквозь железную клетку выключенной клешни я увидел большие, полные страдания глаза Полоцки, похожие на кольца толченой бирюзы. Сейчас они блестели от слез.

В девяти футах от нас кто-то произнес:

— Мэм?

Полоцки оглянулась:

— Ан! Ты не спишь?

В круг серебряного света вышел Ан, потирая шею:

— У вас в конторе очень жесткие стулья, сестрица.

— Он тут? — произнес я.

— Ну да, — ответила Полоцки. — Ему негде жить, так что я разрешила ему поспать в конторе, пока заканчиваю работу. Вайм, то, что я сказала, было серьезно. Теперь можешь уйти, но только не так. Остынь сначала.

— Полоцки, ты очень милая, с тобой хорошо в постели, и ты отличный механик. Но я уже все это проходил. Звать меня в семейную группу — все равно что приглашать… ну, выкинуть что-нибудь совершенно неприличное. Я прекрасно знаю, чего стою.

— Я еще и деловая женщина. Не сомневайся, я все учла, когда обдумывала, сделать ли тебе предложение.

— Полоцки, ты сама видела: я напиваюсь до потери рассудка. Как ты думаешь, почему меня выгнали из семьи?

— Это же не сейчас было. Я тебя давно знаю. Ты с тех пор повзрослел. Теперь напиваешься только раз в пять-шесть лет. Поздравляю, это прогресс. Давай попьем кофе. Ан, сбегай в контору, воткни кофеварку.

Ан исчез в тенях, будто его космическим ветром сдуло.

— Пойдем. — Полоцки взяла меня за руку, и я пошел за ней.

Выходя из круга света, я заметил свое отражение на дверце хромированного стального шкафа для инструментов.

— Ох нет. — Я выдернул руку. — Пойду-ка я домой.

— Чего это? Ан кофе поставил.

— Малой. Не хочу, чтобы он меня таким видел.

— Он тебя уже видел. Ничего с ним не сделается. Пошли.

Войдя в контору Полоцки, я понял, что у меня нету вообще ничего. Впрочем, нет. Одно у меня еще оставалось. И я решил этим поделиться.

Когда Ан принес мне чашку, я положил руки ему на плечи. Он подскочил, но не настолько резко, чтобы пролить кофе.

— Слушай, малой! Первый и последний совет алкоголика на сегодня. Даже если сходишь с ума, не рассказывай незолотым, что они загнали тебя в ловушку. Это все равно как поехать на Землю и сказать ниггеру, что он хорошо поет и пляшет и у него отличное чувство ритма. Пускай он даже выбивает семь ударов на такт левой рукой, одновременно тринадцать правой и при этом насвистывает двенадцатитоновый звукоряд. Все равно такие твои слова показывают только чудовищное непонимание того, как на самом деле устроена жизнь.

Это еще одна подробность о моей родной планете, известная всей галактике. Если уж я говорю, что планета отсталая, значит — отсталая донельзя.

Ан вывернулся из-под моих рук, поставил кофе на стол и

снова повернулся ко мне:

— Я не говорил, что это вы загнали меня в ловушку.

— Ты сказал, что мы паршиво обращались с тобой и эксплуатировали тебя, что, может быть, и справедливо, и что это загнало тебя в ловушку…

— Я сказал, что вы нас эксплуатировали, — это чистая правда. И еще я сказал, что мы в ловушке, но не говорил, что из-за вас.

Полоцки села на стол, взяла мою чашку и отпила из нее кофе.

Я поднял голову:

— Ну хорошо. Расскажи мне, почему вы в ловушке.

— Ох, прости, — сказала Полоцки. — Я отпила твой кофе.

— Заткнись. Так почему ты в ловушке, Ан?

Ан задвигал плечами, словно пытаясь найти удобное положение тела:

— Все началось на Тибре — сорок четыре. Золотые возвращались оттуда в состоянии тяжелого шока…

— Да, я слышал. Это было несколько лет назад.

Лицо Ана задергалось. Мускулы вокруг глаз сокращались под кожей.

— Там обнаружилось кое-что…

Я положил руку ему на затылок так, что большой палец пришелся на ложбинку возле уха, и принялся поглаживать. Так успокаивают кошку.

— Спокойно. Расскажи мне.

— Спасибо. — Ан склонил голову. — Сначала мы нашли их на Тибре — сорок четыре, но потом они оказались всюду, на половине планет в каждой галактике, где возможна хоть какая-то жизнь, и на куче других планет, где они жить вообще никак не могут.

Он дышал все тяжелее. Я продолжал массаж, и его дыхание опять замедлилось.

— Наверно, мы так странно устроены, что когда работаем с ними, изучаем их, даже слишком много о них думаем… В них есть что-то такое, что меняет наше ощущение реальности. На фундаментальном уровне и непосредственно на биологическом они проникают сквозь барьеры, нарушая самые законы сохранения материи и энергии. Потрясение оказалось для нас слишком сильным.

— Ан… — сказал я. — Если ты говоришь, что вы в ловушке, значит есть места, куда вы не можете попасть. А твое расстройство значит, что кто-то другой туда попасть может.

Ан кивнул у меня под рукой и поднял голову:

— Я уже не психую. Только устал. Ты хочешь знать, кто и

куда может попасть?

Полоцки уже поставила мою чашку и теперь качала шарик на цепочке. Ан резко обернулся к ней:

— Куда? В другие вселенные.

— Более дальние галактики? — переспросила она.

— Нет. Совершенно иные матрицы времени и пространства. — Он не сводил глаз с качающегося шарика — это качание, похоже, успокаивало его. — Совсем никак не связанные с нашей.

— Нечто вроде параллельных…

— Параллельные? Черта с два! — почти выкрикнул он. — В них нет ничего параллельного. Их миллиарды миллиардов, они, как правило, в сотни раз больше нашей Вселенной и пустые. Но иногда попадаются даже меньше нашей галактики. Некоторые для нас совершенно непроницаемы — в них вроде бы есть материя, распределенная более или менее как у нас, но совершенно отсутствует электромагнетизм. Ни радиоволн, ни тепла, ни света.

Шарик все качался; голос Ана упал до шепота.

Я поймал шарик в кулак и забрал его у Полоцки.

— Откуда ты про них знаешь? Кто принес информацию? Кто может выбраться отсюда туда?

Ан, моргая, уставился на меня.

Когда он объяснил, я расхохотался. Психотическая личность золотых очень лабильна — это нужно им, чтобы приспосабливаться к сдвигам реальности. Ан засмеялся вместе со мной, сам не зная над чем. Сквозь истерический хохот он объяснил мне, как благодаря микро-микрохирургическим методам, полученным на Тибре-44, удалось исследовать нервную систему новооткрытого существа и прочитать значительную часть информации. Нервная система у него располагается прямо на поверхности кожи и напоминает бархат. Это существо переносит крайний холод и крайнюю жару, перепады давления от вакуума до сотен фунтов на квадратный миллиметр, но даже относительно слабое ультрафиолетовое излучение уничтожает его нервные синапсы, и оно гибнет. Эти твари небольшого размера и обманчиво кажутся органическими, поскольку в органических средах создается видимость, что они дышат и едят. У них четыре пола, из которых два вынашивают потомство. У них есть органы чувств на втягивающихся стебельках — сначала эти органы считались глазами, но потом оказались сенсорами двенадцати чувств, для трех из которых в нашей галактике даже не существует стимулов. Для передвижения в пространстве обычным образом эти существа пользуются четырьмя присосками.

Они маленькие и на вид пушистые. Единственный способ заставить их перепрыгнуть в другую вселенную — напугать до полусмерти. В этот момент они просто… исчезают.

Ан просунул руки под золотой пояс и начал разминать заболевший от смеха живот.

— Многие золотые попросту свихнулись, работая с этими существами на Тибре — сорок четыре. — Он откинулся назад и оперся спиной на стол, задыхаясь и ухмыляясь. — Их отправили домой на терапию. Мы до сих пор не можем напрямую думать об этих чертовых тварях, но мы лучше вас умеем намеренно избегать мыслей на определенную тему; это свойство золотых. Я даже одного такого держал как домашнюю зверушку. Они либо злобные, либо совершенно инертны. У меня был детеныш, очень белый и мягкий.

Ан показал мне руку.

— Вчера он меня укусил и исчез. — На запястье синела припухлость, в середине которой виднелся полумесяц из мелких ранок. — Хорошо еще, что детеныш. Их укусы легко воспаляются.

Полоцки опять принялась пить из моей чашки, а мы с Аном снова расхохотались.

Я шел домой той ночью, и черный кофе плескался у меня в животе.

Есть направления, куда нам путь закрыт. Но стоит выбрать то, которое тебе открыто, и сможешь уйти сколь угодно далеко. Это, кажется, Сэнди сказал? Да, он. В нем что-то такое есть — он чем-то напоминает золотых. Он ищет любые пути, чтобы двигаться дальше.

Я остановился под фонарем и поднес к глазам экологариум. Размножение — это главная или вспомогательная функция? Я подумал с подозрительной ясностью, какая бывает на рассвете после выпитого виски: если вся биосфера с ее экологией — единый организм, то размножение вторично, так же как еда и сон; они поддерживают главные занятия организма, которые заключаются в том, чтобы жить, работать и расти. Я надел цепочку на шею.

Я все еще не протрезвел до конца, и мне было нехорошо. Но я выл от смеха. Скажи, Андрокл, годится ли пьяный хохот, чтобы оплакать всех моих мертвых детей? Может, и нет. Но скажи мне, Рэтлит; скажи, Алегра: есть ли лучший способ проводить в бесконечную ночь моих живых детей, золотых? Не знаю. Знаю только, что смеялся. Потом засунул кулаки в карман-кенгуру и двинулся домой вдоль Края, хрустя гравием, а по левую руку от меня ревел космический ветер.

Нью-Йорк

Октябрь 1965 г.

Корона
(Перевод В. Кучерявкина)

Папаша Бадди слинял на Марс еще до его рождения. Мамаша не выходила из запоев. В свои шестнадцать Бадди уже вкалывал в мастерской по ремонту вертолетов в Сент-Габе под Батон-Ружем[13]. Однажды ему пришло в голову, что будет прикольно взять вертолет, контрабандного бухла, девицу по имени Долорес-Джо, а заодно шестьдесят три доллара и восемьдесят пять центов и махнуть в Новый Орлеан. Ничего из этого ему не принадлежало в каком бы то ни было смысле. Поймали его раньше, чем он успел взлететь с крыши гаража. В суде он наврал про свой возраст, не хотел оказаться в исправительной школе. Разыскали мамашу, но она не сумела вспомнить, когда он родился. (Бадди? Дайте сообразить. Это Лафорд. А Джеймс Роберт Уоррен — я назвала его в честь своего третьего мужа, который тогда с нами не жил, — так вот, маленький Джеймс родился вроде бы в две тысячи тридцать *втором*. Или в тридцать *четвертом*… вы уверены, что это Бадди?) Констебль на глаз не дал ему и шестнадцати, но все равно отправил его в тюрьму для взрослых. Там случилось нечто ужасное. Он вышел через три года куда более спокойным и вежливым, однако, если его что-нибудь пугало, становился агрессивным. Вскоре он обрюхатил официантку на шесть лет старше себя. Бадди огорчился и подал эмиграционное заявление на один из спутников Урана. Однако за двадцать лет колониальная экономика успела стабилизироваться. Требования к переселенцам стали гораздо строже, чем во времена его папаши: жить в колониях стало почти респектабельно. Отсидевших туда не брали. Бадди отправился в Нью-Йорк и со временем устроился помощником механика на космодром Кеннеди.

А в это время в одной из больниц Нью-Йорка лежала девятилетняя девочка, которая могла читать чужие мысли и совсем не хотела жить. Звали ее Ли.

И был еще тогда такой певец — Брайан Фауст.

Неторопливый вспыльчивый блондин по имени Бадди работал в Кеннеди уже больше года, когда впервые услышал музыку Фауста. Эти песни пронеслись над городом как шквал: они звучали из каждого радиоприемника, стояли на первых местах в меню всех музыкальных автоматов и скопитонов[14]. Они рычали, орали и шипели из репродуктора на стене космического ангара. Бадди легким шагом ходил по переходным мостикам;

контр-ритмы, внезапная тишина, чистый голос певца сменялись рокотом органа, плачем гобоя, контрабасом и тарелками. Мысли Бадди были короткими и неспешными. Зато руки в брезентовых рабочих рукавицах — большими, а ноги в резиновых сапогах — скорыми.

Под ним космический лайнер заполнял собой ангар, словно клубень длиной в восьмую часть мили. Техники шныряли по цементном полу, как раскатившиеся шарики подшипника. И музыка…

— Эй, малыш!

Бадди обернулся.

К нему вразвалку шел Бим, небрежно похлопывая себя по бедру в ритме звучащей мелодии.

— Тебя-то я и ищу, малыш.

Бадди было уже двадцать четыре, но его бы и в тридцать окликали «малыш». Он часто моргал.

— Поможешь нам перетащить вниз банки с растворителем? Чертов лифт опять застрял. Ей-богу, если все и дальше будет ломаться, мы объявим забастовку. Никакой техники безопасности. Слушай, ты видел тут утром толпу?

— Толпу? — Бадди растягивал слова так, что это граничило с дефектом речи. — Ну да, народу было много, ага. Я в мастерской с шести, так что, наверное, самое главное пропустил. А чего они там собирались?

На лице Бима выражение типа «ты что, смеешься, малыш» сменилось снисходительной улыбкой.

— Как — чего? Фауста посмотреть. — Он кивнул в сторону репродуктора; музыка запнулась, и голос Фауста взревел о его любви, которая не лжет. — Фауст сегодня вернулся, малыш. Не знал? У него ведь было турне по спутникам внешних планет. Говорят, на астероидах он их всех порвал. Был на Марсе, потом, слышу, на Луне от него все с ума посходили. Сегодня утром прибыл на Землю, двенадцать дней будет мотаться по Америкам. — Бим ткнул большим пальцем в сторону шахты и покачал головой. — Его лайнер. — Бим присвистнул. — Что тут утром творилось! Молодняка собралось несколько тысяч, прикинь? Да и тех, кто постарше и мог бы уже поумнеть, тоже хватало. А полицейским досталось, ты бы только видел! Швартуем, значит, лайнер сюда, в ангар, а тут сотни две мелких прорывают кордоны. Хотели разобрать корабль на сувениры. Тебе нравится, как он поет?

Бадди сощурился на репродуктор. Звуки врывались в уши, вламывались в мозг, расшатывали там все и вся. По большей части песни были хорошие, уверенные каденции, красивые

синкопы, чувства, выражаемые музыкой так быстро, что он не успевал их уловить, но все равно хорошие чувства. А вот некоторые…

Бадди пожал плечами, сморгнул:

— Ну, нравится. — (Стук сердца, дыхание и музыка были едины.) — Ага. Нравится.

Но тут музыка ускорилась; сердце и дыхание уже не поспевали за ней. Бадди чувствовал какую-то неправильность.

— Но она… странная…

Он смущенно улыбнулся щербатым ртом.

— Точно. Наверно, многие чувствуют то же самое. Ладно, пошли за растворителем.

— Ага.

Бадди направился к винтовой лестнице и уже стоял на площадке, собираясь идти наверх, когда оттуда кто-то заорал:

— Берегись!..

Десятигаллоновая канистра грохнулась на трап в пяти метрах от него. Бадди обернулся, и тут она треснула…

(Грохнули акустические барабаны Фауста.)

…и растворитель, окисляясь в воздухе, брызнул наружу.

Бадди заорал и схватился за глаз. Все утро он работал напильником, и пропитанные машинным маслом рукавицы были нашпигованы металлическими опилками. И этой рукавицей он тер себя по лицу.

(Электрический контрабас Фауста терся о диссонанс задержания.)

Бадди, шатаясь, спускался по лестнице, горячий растворитель дождем барабанил по его спине. Потом внутри что-то оборвалось, и он замахал руками.

(Заключительный хор устремился к финалу. Голос ведущего включился, не дожидаясь, когда отзвучит музыка: «Итак, наши маленькие друзья в удивительной стране музыки…»)

— В чем дело?

— Господи, что там случилось?..

— Что случилось?! Я говорил, чертов лифт опять сломался!

— Звоните в лазарет! Быстрее! Вызовите…

Голоса сверху, голоса снизу. Топот. Бадди, стоя лицом к трапу, орал и махал руками.

— Осторожней! Что с ним?

— Помогите мне его держать… О-ой!

— Он рехнулся! Позовите врача из лазарета…

(«…это был Брайан Фауст со своим умопомрачительным, мозговзрывательным релизом „Корона“! Можно не сомневаться, что это будет хит!..»)

Кто-то попытался схватить Бадди, но получил кулаком по физиономии. Ослепший, Бадди раскачивался, силясь унять боль взмахами рук, но это не помогало. В глазнице как будто взорвалась фотовспышка. Он отшвырнул кого-то на поручень и с криком двинулся прочь.

(«…и он наконец посетил нашу старушку Землю, посетил всех вас, ребята! Простой парень с Ганимеда, который за последний год начисто перевернул музыку сфер, прибыл сегодня утром в Нью-Йорк! И я хочу спросить одно: Брайан…»)

Боль, ярость и музыка.

(«…как тебе наша Земля?»)

Бадди даже не почувствовал, как в плечо вошла игла шприца. Он отрубился с последним ударом тарелок.

Ли крутила рукоятку громкости до тех пор, пока не раздался щелчок.

В трапеции света, падающего на стол через крохотное окошко, открытое из-за августовской жары, помещались радиоприемник, кусок миллиметровки с неоконченным вычислением площади фигуры, ограниченной кривой $X^4 + Y^4 = K^4$, и коричневый кулачок самой Ли. Она, улыбаясь, пыталась сбросить напряжение, созданное музыкой.

Плечи ее опустились, ноздри сузились, кулак упал тыльной стороной вниз. И все равно костяшки пальцев продолжали выстукивать ритм «Короны».

Внутреннюю сторону руки от запястья до локтя покрывала тонкая сетка розовых шрамов. Несколько таких же отметин было и на правой руке. Но все шрамы были старые, трехлетней давности, оставшиеся с ее шести лет.

«Корона!»

Ли закрыла глаза и представила солнечную корону. Из кольца пламени на нее смотрело дерзкое, чувственное и любопытное лицо Брайана Фауста, унаследовавшего зеленые глаза от отца-немца и широкие скулы от матери, индианки из племени араваков. На кровати за спиной Ли лежал открытый цветной глянцевый журнал с его бесконечной гламурной прозой.

Ли еще плотней сжала веки. Ах, если бы коснуться — нет, не его, это уж было бы слишком, — но кого-то, кто стоит, сидит, ходит рядом с ним, почувствовать, каково это: видеть его вблизи, слышать его голос сквозь воздух и свет; она потянулась сознанием, потянулась к музыке. И услышала…

…как ваша дочь?

Говорят, ей лучше, она идет на поправку, я каждую неделю ее навещаю. Но боже мой, я просто сама не своя, уверяю вас. Вы

представить себе не можете, как мне не хотелось снова ее туда отправлять.

Ну еще бы! Она же ваша родная дочь. И она такая лапочка! Такая умненькая. А зачем ее опять положили? Еще какие-нибудь исследования?

Она пыталась покончить с собой.

Не может быть!

У нее шрамы до самого локтя! Что я делаю не так? А врачи ничего мне не говорят. Ей еще и десяти нет. Не могу же я держать ее дома! Ее отец пробовал, сам чуть не рехнулся. Понимаю, когда родители разводятся, у ребенка могут возникнуть эмоциональные проблемы, но чтобы такая умная девочка, как Ли… нет, не могу себе представить! Пришлось снова отправить ее туда, я понимала, что иначе никак. Но что я делаю не так? Я сама себя из-за всего этого ненавижу, а иногда ненавижу ее за то, что она ничего мне не говорит…

Глаза Ли открылись. Коричневыми кулачками она изо всех сил ударила по столу и сжала зубы, чтобы сдержать слезы. Вся музыкальная красота исчезла. Ли еще раз вздохнула. Некоторое время смотрела на открытое окошко. Но до него от пола было целых семь футов.

Она резко нажала на кнопку, чтобы позвать доктора Гросса, а сама подошла к книжной полке. Пробежалась пальцами по корешкам: «Паутина Шарлотты», «Тайна талисмана из слоновой кости», «Закат Европы», «Ветер в и…»[15]

Она обернулась на звук отодвигаемой задвижки.

— Ты мне звонила, Ли?

— Это случилось. Опять. Минуту назад.

— Я отметил время, когда ты позвонила.

— Это было недолго, секунд сорок пять, не больше. Мать и соседка снизу. Ничего интересного. Так что и записывать нечего.

— А как ты себя чувствуешь?

Она глядела на полки и ничего не отвечала.

Доктор Гросс вошел наконец в комнату и сел на ее стол.

— Расскажешь, что ты делала перед тем, как это случилось?

— Ничего не делала. Слушала новую запись. По радио.

— Какую запись?

— Новую песню Фауста. Называется «Корона».

— Не слышал ее.

Он посмотрел на миллиметровку и поднял бровь:

— Это ты сама или из книги переписала?

— Вы велели звонить всякий раз, как у меня… случится приступ, верно?

— Да…

— Я сделала, что вы сказали.

— Конечно, Ли. Я знаю, ты держишь слово. Хочешь что-нибудь рассказать об этой песне? Что ты о ней думаешь?

— Очень интересный ритм. Пять седьмых, когда он есть. Но много долей пропущено, и мне приходилось вслушиваться очень внимательно, чтобы его поймать.

— А не было ли чего-нибудь такого, может в словах песни, что могло включить телепатию?

— У него такой сильный ганимедский акцент, что я почти ничего не разобрала, хотя по сути это английский.

Доктор Гросс улыбнулся:

— Я заметил, что с тех пор, как Фауст стал популярен, молодежь часто употребляет ганимедские словечки. То и дело их слышишь.

— Я не слышу. — Она быстро взглянула на доктора и снова отвернулась к книгам.

Доктор Гросс кашлянул.

— Ли, мы считаем, что тебе лучше быть подальше от других детей в больнице. Ты чаще всего настраиваешься на мысли тех, кого хорошо знаешь, или тех, кто пережил нечто подобное и в чем-то похож на тебя. Все дети тут у нас эмоционально нестабильны. А вдруг ты настроишься на всех одновременно? Тебе это может сильно повредить.

— Не настроюсь! — прошептала она.

— Помнишь, ты рассказывала, как в четыре года в детском саду настроилась сразу на всю свою группу и это длилось шесть часов? Помнишь, как тебе было плохо?

— Да, я пришла домой и попыталась выпить йод. — Ли злобно глянула на него. — Я все помню. Но я слышу маму через весь город. Я и незнакомых людей тоже слышу, постоянно! Я слышу миссис Лоуэри, когда она ведет уроки в классе! Я слышу ее! Я слышу людей с других планет!

— Насчет песни, Ли…

— Вы держите меня подальше от других детей потому, что я умней, да? Я знаю. Ваши мысли я тоже слышу…

— Ли, я прошу тебя рассказать, что ты еще думаешь об этой песне, какие чувства…

— Вы думаете, они расстроятся, что я такая умная. Вы не хотите, чтобы у меня были друзья!

— Что ты чувствовала, когда слушала эту песню, Ли?

Она задержала дыхание; губы ее дрожали, желваки на скулах ходили ходуном.

— Что ты чувствовала, когда слушала песню, понравилась она тебе или нет?

Ли с шипением выпустила воздух сквозь сжатые губы.

— Там было три лейтмотива, — наконец заговорила она. — Они следуют один за другим в порядке снижения интенсивности ритма. Последняя мелодическая линия содержит больше пауз, чем остальные. Его музыка состоит из тишины в той же мере, что из звуков.

— И все-таки что ты чувствовала? Я пытаюсь оценить твою эмоциональную реакцию, как ты не понимаешь?

Она посмотрела на окно. Посмотрела на доктора Гросса. Потом отвернулась к полкам.

— Тут есть одна книжка, часть книжки, там это сказано лучше, чем сумею я.

Она начала вытаскивать том из собрания сочинений Ницше.

— Какая книжка?

— Идите сюда, — сказала она, перелистывая страницы. — Я вам покажу.

Доктор Гросс встал со стола. Ли уже ждала его под окном.

Доктор Гросс взял у нее книгу и, нахмурившись, прочитал:

— «Рождение трагедии из духа музыки»… именно в этих диссонирующих тонах заключена смерть…

Ли головой выбила книгу у него из рук. Она полезла по нему, будто он — мебель, а она — зверек. Когда ее рука не цеплялась за его пояс, за ворот рубашки, за плечо, она тянулась вверх. Он ухватил ее, когда она уже вцепилась в подоконник.

А за окном девять этажей вниз.

Она высунулась в залитую солнцем раму. Доктор Гросс дернул ее за ногу, и она упала ему в руки с криком:

— Дайте мне умереть!

Они вместе рухнули на пол, он кричал: «Нет!», девочка плакала. Тяжело дыша, доктор Гросс поднялся на ноги.

— Я хочу умереть!

Она лежала на зеленом виниле, свернувшись клубком вокруг собственных рыданий, прижимая руки к животу.

— Ли, ну как тебе объяснить, чтобы ты поняла? Да, для девятилетнего ума то, что ты чувствуешь, — испытание несправедливо тяжелое. Но надо же с этим как-то смириться, надо как-то жить дальше. Это не выход, Ли. Я хотел бы тебе помочь, Ли. Если ты мне позволишь, возможно, я сумею…

Она, прижимаясь щекой к полу, закричала:

— Вы не можете помочь! Я знаю все ваши мысли, они такие же грубые и расплывчатые, как у всех остальных! Как можете вы — *вы* — помочь тем, кому страшно оттого, что у них в голове сформировались неверные ассоциации! Как? И я не хочу блуждать и в ваших страхах тоже! И я не ребенок! Я прожила больше лет,

видела больше мест, чем десять таких, как вы! Уходите и оставьте меня в покое…

Боль, ярость и музыка.

— Ли…

— Уйдите! Пожалуйста!

Вконец расстроенный доктор Гросс захлопнул окно, запер его, вышел из комнаты и запер дверь.

Боль, ярость… сквозь хаос пробивалась привязчивая мелодия «Короны». Кого-то — не ее, кого-то другого — везут в больницу, он плывет во тьме боли, и ему грезятся те же звуки. Обессиленная, все еще плачущая, она впустила это в себя.

Мысли этого человека искали спасения от боли в гармониях и ритмах «Короны». Ли попыталась спрятать там же и свои мысли, но тут же отпрянула. Там было что-то ужасное. Она пыталась оторваться, но сознание затягивало вслед за мелодией.

Ужасное заключалось в том, что ему запретили вставать на колени. («Бадди, прекрати хныкать и оставь маму в покое. Я плохо себя чувствую. Уйди и оставь меня в покое!» Бутылка разбилась о дверной косяк двери прямо возле уха, и он убежал.)

Ли вздрогнула. От того, чтобы встать на колени, хуже этого точно не будет. Так что она сдалась и позволила этому вливаться в нее — мыльным струпьям на грязной воде. Вода была вокруг него. Бадди, нагнувшись, шкрябал проволочной щеткой мокрый каменный пол. Парусиновые тапки промокли насквозь.

— Встанешь коленями на пол — я тебе покажу! Давай-давай, шевели своей…

Кто-то другой, не Бадди, получил пинка.

— И не касаться коленом пола! Ясно?

Снова пинок.

Скребя пол, они медленно движутся по тюремному коридору. Над дверью лифта табличка: «Исправительная колония штата Луизиана», но разобрать трудно — Бадди едва умеет читать.

— Не отставай, пацан! Опять тебя обогнали! Думаешь, если маленький, с тобой тут будут нянчиться? — орет Бигфут, шлепая подошвами по мокрому камню.

— И когда у них тут будет моющая машина… — проворчал кто-то. — Вон в окружной тюрьме уже есть.

— Это учреждение, — рявкнул Бигфут, — построено в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году! И уже девяносто четыре года у нас тут ни одного побега! И у нас одни и те же порядки с одна тысяча девятьсот сорок седьмого года. Как только учреждение перестанет справляться со своей задачей держать вас всех внутри, тогда и подумаем о переменах. А ну, работать, работать! Следите за коленями!

Бока болят, ноги сводит. Пятки горят. Отвороты штанов отяжелели от влаги.

Бигфут снял тапочки. Обходя работающих, он хлопал подошвами одна о другую то перед животом, то за толстым задом. Хлоп да хлоп. И при каждом хлопке топал по мокрому камню.

— На меня не смотреть! Смотреть на камни! И чтоб коленями пола не касаться!

Однажды в сортире на улице кто-то шепнул Бадди:

— Бигфут? Будь с ним поосторожней, малыш. Он был проповедником, из этих, религиозных возрожденцев, устраивал молитвенные собрания на болотах. Пришел в Управление эмиграции в городе, когда еще брали кого ни попадя, и говорит, назначьте меня римским папой или кем там еще в колонии на Европе — туда как раз объявили набор. Над ним только посмеялись. А в воскресенье, когда все пришли на молитвенное собрание, оказалось, он прокрался в город, дал чуваку в управлении по чайнику, приволок его на болота да и приколотил гвоздями к кресту в молитвенной палатке. И велел всем молиться, чтобы он воскрес. Час промолились — ничего, два — ничего, ну его, Бигфута этого, связали и сюда доставили. Теперь он тут староста.

Бадди принялся тереть быстрее.

— Давай, давай, три до дыр! И если коснешься коленом…

Бадди распрямил плечи. И поскользнулся.

Он упал на спину, ухватился за ведро, вода плеснула на него. Мыло щипало глаза. Несколько секунд он лежал не двигаясь. Босые ноги зашлепали в его сторону.

— Давай-давай, малыш, вставай и за работу!

Не открывая глаз, Бадди сел.

— Ну что, коряга, никак не встать?!

Бадди перекатился на колени.

— Я тебе говорил не вставать коленями на пол!

Мокрая подметка хлестнула его по щеке.

— Говорил?

Удар ногой в копчик бросил его на пол. Он ударился подбородком о пол, прокусил язык. Бигфут, ногой придавив Бадди к полу, лупил его по голове, сперва одной тапкой, потом другой. Бадди, ничего не видя, ерзал по мокрому полу, пытаясь увернуться от ударов.

— И чтоб больше коленями пола не касался! А ну, живо все за работу!

Босые ступни зашлепали прочь.

Превозмогая резь в глазах, Бадди разлепил веки. Прямо перед

носом валялась щетка. За железной щетиной было видно, как розовая пятка шлепает по мыльной пене.

Действие зрело долго. Хлоп да хлоп. На третий хлопок Бадди подобрал под себя ноги, вскочил, прыгнул Бигфуту на спину и ударил щеткой. И еще. И еще. А затем попробовал соскрести Бигфуту полморды.

Наконец охранники отодрали его от Бигфута, отволокли в камеру с железной кроватью без матраса и привязали к ней за руки, и за ноги, и за шею, и за пояс. Он орал во все горло, чтоб отпустили. Ему ответили, что нельзя, что он бешеный.

— А как я буду жрать? — орал он. — Вы меня отвяжете, чтобы пожрать?

— Ну-ну, остынь, парень. Пришлем кого-нибудь, тебя покормят.

Через несколько минут после того, как прозвонили к обеду, и в камеру заглянул Бигфут. Ухо, голова, шея, спина и левое плечо у него были замотаны, кое-где сквозь бинты проступала кровь. В одной руке он держал жестяную миску с рисом и куском жира, в другой — железную ложку. Он подошел, сел на краешек кровати и сбросил с одной ноги парусиновую тапку.

— Мне велели тебя покормить, малыш. — Он сбросил другую тапку. — Ты правда проголодался?

Когда через четыре дня Бадди отвязали, говорить он не мог. Один зуб был выбит совсем, другие поломаны. Кожа на нёбе содрана. На язык пришлось накладывать швы.

Ли ощутила во рту тошнотворный привкус железа.

Где-то в больнице лежит в темноте Бадди; ему страшно, глаз режет невыносимая боль, в голове звучат ритмы «Короны».

Ли съежилась, задвигала челюстью и языком, силясь прогнать боль, которую помнил Бадди. Ей хотелось умереть.

Прекрати! — шепнула она и попыталась вырваться из невыразимого ужаса, который вспоминал Бадди, отброшенный болью и ритмом песни в то время, когда ему не было и дважды ее лет. *Прекрати!* Но никто не слышит ее, как она слышит Бадди, маму, миссис Лоуэри на уроке…

Может быть, дело в музыке. Может, в том, что у нее нет сил ни на что другое. Может, осталось единственное место, где существует выход, — сознание Бадди…

…когда ночью ему надо было удрать из камеры в подвал, где они обычно играли в карты на сигареты, он жевательной резинкой приклеивал к дверной защелке крышечку от «Доктора Пеппера». Когда после вечернего свободного времени дверь закрывали, запор щелкал, но не срабатывал…

Ли посмотрела на запертую дверь палаты. Жвачку она могла добыть, когда после обеда ее выпустят погулять по этажу. Но автомат возле лифта выдавал напитки только в пластмассовых стаканчиках. Ли села, и тут взгляд ее упал на туфлю. На каблуке и спереди были металлические подковки — мама их поставила в обувной мастерской, чтобы меньше снашивались.

Она подошла к койке и, уперев подошву в раму, стала отдирать подковку.

Бадди лежал на спине. Ему было страшно. После укола его отвезли в город. Куда — он не знал. Он ничего не видел, и ему было страшно.

Кто-то тронул его лицо. Он мотнул головой, уворачиваясь от ложки…

— Ш-ш-ш! Не бойся, все в порядке…

В один глаз ударил луч света. С другим, видно, случилось что-то серьезное. Бадди заморгал.

— С тобой все в порядке, — повторила она; голос был не мужской, хотя лица Бадди по-прежнему не различал. — Ты не в тюрьме. Ты не… в учреждении. Ты в Нью-Йорке, в больнице. Что-то случилось с твоим глазом. Вот и все.

— Глазом?..

— Не бойся. Пожалуйста. Потому что я этого не вынесу.

Голос был детский. Бадди снова заморгал, потянулся к лицу, чтобы протереть глаз.

— Осторожней, — сказала она, — а то…

Глаз чесался, хотелось его потереть, так что Бадди отмахнулся от голоса.

— Эй-эй!

Что-то ужалило его, и он другой рукой схватился за большой палец.

— Извини, — сказала она, — я не хотела тебя кусать. Но ты мог сорвать повязку. С правого глаза я ее сдвинула. С ним все в порядке. Погоди-ка минутку.

Что-то мокрое и холодное коснулось его глаза.

Туман расчистился.

На кровати, упершись коленями, стояла хорошенькая маленькая негритянка, в руке у нее была мокрая тряпка. Над зеркалом умывальника горел ночник.

— Ты должен перестать бояться, — зашептала она снова, — понимаешь, должен.

Бóльшую часть жизни Бадди выполнял то, что ему говорили, если, конечно, назло не поступал наоборот.

Девочка села на корточки:

— Вот так, молодец, так будет лучше.

Бадди приподнялся. Руки и ноги не привязаны. Простыня холодит колени. Он посмотрел на себя: голубая пижама, пуговицы застегнуты неправильно. Он потянулся, чтобы перезастегнуться, но промахнулся.

— У тебя только один глаз видит, поэтому нет параллакса для восприятия глубины..

— Что?

Он снова посмотрел на нее.

На ней были шорты и красно-белая рубашка поло.

Он нахмурился:

— Кто ты?

— Дианна Ли Моррис, — сказала она. — А ты… — Она тоже нахмурилась. Слезла с кровати, встала, пошла к умывальнику, взяла зеркало и снова залезла на кровать. — Смотри. Так кто ты?

Он рукой с грязными от машинного масла ногтями коснулся повязки, закрывающей левый глаз. Поверх бинта торчали короткие пряди светлых волос. Указательный палец нащупал знакомый шрам над правой бровью.

— Кто ты?

— Бадди Магоуэн.

— Где живешь?

— Сент-Гэб… Стодивянацатая межу Второй и Третьей.

— Где ты живешь?

— Сто девятнадцатая улица между Второй и Третьей авеню. — Бадди произнес каждое слово четко, как весь последний год учила его учительница в вечерней школе.

— Хорошо. Где работаешь?

— Космопорт Кеннеди. Помощник механика.

— И тебе нечего бояться.

Он тряхнул головой:

— Ага. — И ухмыльнулся. Обломанный зуб отразился в зеркале. — Ага. Это был просто… плохой сон.

Она отнесла зеркало на место. Обернулась, закрыла глаза и вздохнула.

— Что такое?

Она снова открыла глаза:

— Все. Я больше не слышу, что у тебя в голове. А весь день слышала.

— Что? О чем ты?

— Может, ты читал про меня в журнале. В «Нью-таймс» года два назад про меня была большая статья. Я тоже лежу здесь в больнице. Только в другом крыле, в психиатрическом отделении. Не читал?

— Я тогда не очень-то читал журналы. Да и сейчас… Что там писали?

— Что я слышу и вижу чужие мысли. Таких, как я, у них еще двое. Они нас изучают. У меня получается лучше всех. Но это бывает не всегда; приходит, когда не ждешь. Другой парень, его зовут Эдди, слабоумный. Я его видела, когда нам давали тесты. Он старше тебя и намного глупей. А еще у них есть миссис Лоуэри. Она не слышит. Она просто видит. А иногда может заставить другого слышать, что она думает. Она работает тут у них в больнице училкой. Ей можно ходить везде, где захочется. А меня держат взаперти…

Бадди сощурил глаз:

— И ты можешь прочитать, что у меня в голове?

— Сейчас нет. Но могла. Как это было… — Губы ее задрожали, карие глаза вспыхнули. — Когда тот человек хотел… этой штукой… — И наполнились слезами. Она ухватилась за дрожащий подбородок. — Когда он… ломал тебе…

Бадди увидел, что она плачет, и удивился.

— Ну-ну, солнышко, — сказал он и потянулся к ее плечу…

Она ткнулась лицом ему в грудь, вцепилась пальцами в пижаму.

— Это было так больно, так больно!

Ее трясло от боли за его мучения.

— Мне надо, надо было сделать так, чтобы ты не мучился! Тебе это снилось, поэтому я удрала из палаты, прокралась сюда и разбудила тебя. А другие… девочка в горящем доме, шахтер в затопленной шахте… у них это был никакой не сон! Я ничем не могла им помочь! Не могла прекратить их боль, Бадди! Я хотела помочь. Но она была в Австралии, а он в Коста-Рике. — Она зарыдала у него на груди. — А еще один на Марсе! Ну как я могу попасть на Марс? Как?

— Ну успокойся, успокойся, — шептал он, ничего не понимая, и гладил ее жесткие волосы. Но постепенно до него стало доходить. — Ты пришла… чтобы меня разбудить?

Она кивнула, не отрывая лица от пижамы.

— Но как?

Животом он почувствовал, как она пожала плечами:

— Я… я не знаю… может, это из-за музыки.

Он подумал секунду и спросил:

— А раньше ты ничего не делала с тем, что слышишь?

— Я пыталась и раньше. Но получилось… впервые.

— Если раньше не получалось, почему ты на этот раз решила попробовать?

— Потому что… — теперь она говорила спокойней, — я

думала, если справлюсь, может, мне станет не так больно.

Бадди чувствовал, как двигается ее челюсть, когда она говорит.

— Так и вышло.

Что-то задрожало в ее лице.

— Мне уже не так больно.

Он накрыл ее ладонь своей, и она ухватилась за его большой палец.

— Ты знала, что мне было ужасно… ужасно страшно?

Она кивнула:

— Конечно, ведь мне было так же страшно.

Бадди вспомнил свой сон. У него похолодело в спине, кожа пошла мурашками. Он вспомнил реальность, породившую сон, и обнял девочку еще крепче, прижавшись щекой к ее волосам.

— Спасибо. — По-другому сказать он не умел, но чувствовал, что этих слов мало, и поэтому медленно повторил: — Спасибо тебе.

Немного погодя она отстранилась, и он опять увидел ее заплаканное лицо и бездонные глаза.

— Тебе нравится песня?

Он заморгал. И внезапно понял, что в голове по-прежнему звучит та же музыка.

— Ты снова… слышишь мои мысли?

— Нет. Но ты думал об этом раньше, а мне просто интересно.

Бадди немного подумал.

— Ага, — кивнул он. — Ага, очень нравится. Мне от нее… хорошо.

Она помолчала и призналась:

— Мне тоже! По-моему, это прекрасная песня. Я думаю, музыка Фауста такая… — и следующее слово она прошептала, будто это что-то неприличное, — *живая*! В ней жизнь, какой она *должна* быть! В ней есть все, но боль упорядоченная, в ней есть смысл и порядок, так что снова почти хорошо. А ты так же чувствуешь?

— Н-не знаю… Мне она просто нравится.

— Наверное, — сказала Ли с легкой печалью в голосе, — людям нравится одно и то же по разным причинам.

— Тебе эта песня сильно нравится. — Он опустил глаза, пытаясь понять, как именно ей нравится песня. Но у него ничего не вышло. На его пижаме были темные пятна от ее слез. Он не хотел, чтобы она плакала. Подняв глаза, он улыбнулся. — А знаешь, сегодня утром я чуть его не увидел.

— Фауста? Ты видел Брайана Фауста?

Он кивнул:

— Почти. Я работаю в бригаде ремонтников в Кеннеди. Когда это случилось, — он показал на глаз, — мы как раз обслуживали его лайнер.

— *Его* корабль? *Ты?*

Удивлялась она совершенно по-детски, и ему это нравилось.

— Может, я увижу его, когда он будет улетать, — похвастался Бадди. — Я могу попасть туда, куда никого не пускают. Кроме работников космопорта.

— Я бы… — она чуть не задохнулась от волнения, — я бы все отдала, чтобы хоть одним глазком на него взглянуть! Все, что угодно!

— Сегодня утром там было столько народу, просто ужас. Чуть не прорвали оцепление. А я мог просто стоять и смотреть, как он выходит. А я не догадался.

Она во все глаза смотрела на него, сжав крохотные кулачки на краю кровати.

— Ну, я, наверное, увижу его, когда будет улетать.

Бадди наконец добрался до своих пуговиц и стал перезастегивать их правильно.

— Вот бы мне тоже его увидеть!

— Слушай, а давай я скажу, что ты моя сестра. Я думаю, Бим тебя пропустит. Бим — это наш бригадир. — Бадди глянул на ее темное лицо. — Ну, может, не родная. Двоюродная.

— Ты возьмешь меня с собой? Ты правда возьмешь меня с собой?

— Конечно. — Он протянул руку, чтобы подергать ее за нос, но промахнулся. — Ты для меня так много сделала. Чего бы не пойти, если тебя отпустят…

— Миссис Лоуэри! — прошептала Ли и отступила от кровати.

— …из больницы. А?

— Они обнаружили, что я удрала! Меня зовет миссис Лоуэри. Она говорит, что видит, где я, а доктор Гросс уже идет сюда. Меня хотят отправить обратно в палату.

Она подбежала к двери.

Дверь открылась.

— Ли, вот ты где! С тобой все в порядке?

В дверях стоял доктор Гросс. Он схватил ее за руку. Она пыталась вырваться.

— Отпустите меня!

— Эй! — заорал Бадди. — Что вы делаете, она же еще маленькая!

Он заметался на кровати.

Доктор Гросс округлил глаза:

— Я хочу отвести ее обратно. Она здесь на лечении. Ее палата

в другом крыле, и она должна быть там.

— А сама она хочет? — решительно спросил Бадди, отбрасывая простыни.

— Она очень нездорова! — отпарировал доктор Гросс, нависая над кроватью. — Мы пытаемся ей помочь, неужели вы не понимаете? Не знаю, кто вы такой, но мы пытаемся спасти ей жизнь. Ей нужно вернуться в палату!

Ли билась головой о бедро доктора Гросса.

— О, Бадди!..

Он спрыгнул с кровати и размахнулся кулаком, но промазал. Из-за параллакса и еще потому, что в середине замаха решил превратить удар в широкий жест. Он был не в Исправительной колонии штата Луизиана. Осознание пришло, как приходит осознание звучавшей в голове музыки, когда она смолкнет.

— Постойте! — крикнул Бадди.

За дверью доктор говорил:

— Миссис Лоуэри, отведите, пожалуйста, Ли в ее палату. Дежурная сестра знает, какие лекарства ей нужно принять.

— Хорошо, доктор.

— Постойте! — еще раз крикнул Бадди. — Пожалуйста!

— Извините, — сказал доктор Гросс, заходя обратно. Уже без Ли. — Нам пришлось срочно отправить ее в палату и дать успокаивающее. Поверьте, я очень сожалею, что так вышло.

Бадди сел на кровать и скривился:

— А что… что с ней такое?

Доктор Гросс некоторое время молчал.

— Наверное, я должен вам объяснить, что трудно, поскольку я и сам не знаю. Из трех человек с доказанными телепатическими способностями, выявленных с тех пор, как мы стали изучать этот феномен, Ли самая одаренная. Она удивительный ребенок, с невероятно творческим складом ума. Но сознание ее глубоко травмировано — и все из-за того, что она слышит, как страдают другие люди. Она постоянно хочет покончить с собой, а мы пытаемся ее спасти. Но если оставить ее в покое, через какое-то время, иногда через несколько недель, иногда через несколько часов, она сделает попытку себя убить.

— А когда она поправится?

Доктор Гросс сунул руки в карманы и уставился на свои сандалии.

— Боюсь, чтобы вылечить душевное расстройство, надо прежде всего оградить пациента от душевных травм. В случае Ли это невозможно. Мы не знаем даже, какая часть мозга отвечает за телепатию, и не можем прибегнуть к лоботомии. Лекарства мы тоже пока не нашли. — Он пожал плечами. — Мы очень хотим ей

помочь. Но, глядя объективно, я не верю, что она вообще поправится. Такой она будет до конца жизни. И чем раньше вы о ней забудете, тем меньше вреда ей причините. Спокойной ночи. Еще раз извините, что так вышло.

— Спокойной ночи.

Бадди немного посидел на кровати. Потом выключил свет и лег. Уснуть никак не удавалось, пришлось три раза мастурбировать. Наконец он погрузился в беспокойный сон. Однако утром он по-прежнему помнил чернокожую девочку, которая пришла к нему и разбудила… разбудила в нем столько всего.

На утреннем обходе врачи огорчились, что повязка сдвинута, и говорили про симпатическую офтальмию. Потом исследовали левую роговицу и удалили последние металлические пылинки. В клинике его продержали еще три дня, приводя в норму давление стекловидного тела и внутриглазной жидкости для профилактики прежде не выявленной склонности к глаукоме. Врачи объяснили, что то, отчего иногда туманится его левый глаз, — это плавающее помутнение стекловидного тела и причин для беспокойства нет. Сказали посидеть дома недели две. И повязку с глаза снять не раньше чем за два дня до выхода на работу. С компенсацией за несчастный случай на производстве его тоже помурыжили, но Бадди разобрался — оказалось, он просто неправильно вписал дату.

Девочку он больше не видел.

А из всех радиоприемников, музыкальных автоматов и скопитонов в Нью-Йорке и в Буэнос-Айресе, Париже и Стамбуле, Мельбурне и Бангкоке звучала музыка Брайана Фауста.

В день, когда Фауст должен был лететь с Земли на Венеру, Бадди вернулся на работу в космопорт. Это было за три дня до конца срока, который назначили врачи, так что на глазу его еще красовалась телесного цвета повязка.

— Господи, — сказал он Биму, перегнувшись через перила смотровой площадки на крыше ангара, — народищу-то сколько!

Бим сплюнул на горячий гудрон. Лайнер стоял на взлетной площадке под августовским солнцем.

— Перед стартом он обещал спеть, — сказал Бим. — Надеюсь, беспорядков не будет.

— Спеть?

— Видишь там деревянный помост с усилителями? Лишь бы эти малолетки не учинили тут безобразий.

— Бим, а можно я спущусь поближе к помосту?

— Зачем?

— Хочется увидеть его поближе.

— Ты сам только сказал про народище.

Держась за перила, Бадди смотрел вниз. Его мышцы перекатывались под наколкой: «Спляшем на Марсе чечетку с Долорес-красоткой» на фоне колец Сатурна.

— Ну мне надо!

— Не понимаю, какого черта…

— Бим, есть такая одна маленькая негритянка, еще совсем девчонка…

— Мм?

— *Бим!*

— Ладно, ладно. Залезай в комбинезон и шагай с ребятами, которые работают на запуске. Будешь в первых рядах вместе с журналистами. Но что это я тебя послал, никому, понял? Знаешь, сколько народу хотело бы туда попасть? Не врубаюсь, зачем тебе быть так близко?

— Это для одного человека, для друга. Потом расскажу.

И он кубарем скатился по лестнице в раздевалку.

Брайан Фауст вышел на деревянный помост и подошел к микрофонам. Кометы мелькали над его плечами и исчезали под мышками. На груди вспыхивали сверхновые. У локтей проносились метеоры. Рубашки из поляризированной ткани со светящимся, постоянно меняющимся рисунком теперь назывались «фаустами». В толпе тоже многие были в «фаустах», вспыхивающих то здесь, то там. Он откинул назад волосы, улыбнулся, и тысячи подростков за полицейскими кордонами отозвались дружным ревом. Он засмеялся в микрофон, и все смолкло. Позади него сверкали на солнце электронные инструменты. Управлял он ими с помощью нанизанных на пальцы тяжелых колец, украшенных драгоценными камнями. Он поднял руки, провел большими пальцами по камням, запрограммированные на это инструменты заиграли вступление к песне «Корона». Брайан Фауст запел, и тысячи по всему космодрому — включая Бадди — затаили дыхание.

А Ли слушала, лежа на больничной койке.

— Спасибо тебе, Бадди, — шептала она, — спасибо.

И ей уже не так сильно хотелось умереть.

Да, и Гоморра…
(Перевод В. Кучерявкина)

И опускаемся в Париже.

Где бежим по Рю-де-Медичи. Бо, Лу и Мюз за оградой, мы с Келли снаружи, корчим рожи через прутья, орем на весь Люксембургский сад в два часа ночи. Наконец сворачиваем к площади перед Сен-Сюльпис, и там Бо чуть не сталкивает меня в фонтан.

Тут Келли замечает, что происходит вокруг нас, хватает крышку от урны, бежит к уличному сортиру и давай колотить по стенам. Оттуда выскакивают сразу пятеро, хотя в самую большую уличную кабинку помещается только четверо.

Тут подходит ко мне какой-то блондинчик, берет за руку и лыбится:

— Слышь, спейсер, тебе не кажется, что вам пора отсюда валить?

Гляжу на его бледную руку: такая нежная на небесном фоне моей формы.

— *Est-ce que tu es un frelk?*[16]

Он поднимает брови, качает головой.

— *Une frelk*[17], — поправляет он. — Нет, приятель. Увы. Ты, похоже, когда-то был мужиком. А теперь… — Он снова лыбится. — У тебя ничего для меня нет. Полиция.

Он кивает в сторону площади, и я только сейчас замечаю жандармов.

— Нас они не трогают. А вот вы тут чужие…

Но Мюз уже орет:

— Эй, пошли! Валим отсюда, быстро!

И отчаливает, не дожидаясь остальных.

И мы снова летим.

И опускаемся в Хьюстоне.

— Вот черт, — говорит Мюз, — центр управления «Джемини»! То есть отсюда все и начиналось? Смываемся, быстро!

Короче, вскакиваем в автобус на Пасадену, потом по монорельсу до Галвестона, а там до Залива рукой подать. Лу тормозит грузовой пикап, а там симпатичная такая парочка…

— Конечно подбросим, спейсеры! Ведь это вы заселяете всякие там планеты, осваиваете и все такое… А значит, для людей доброе дело делаете.

…и мчимся на юг, а у них там еще ребенок в кабине, а мы сидим в кузове, двести пятьдесят миль под солнцем и ветром.

— Слушай, может, они фрелки? — Лу тычет меня локтем в бок. — Ей-богу, фрелки. Может, они сидят там и ждут, когда мы сами предложим.

— И не мечтай. Глупые деревенские ребята, милые — да, но не более.

— Ну и что, что деревенские? Это вовсе не значит, что не фрелки.

— Ты никому не доверяешь, верно?

— Верно.

И снова мы в автобусе, с грохотом мчим по Браунсвилю и через границу в Матаморос. И вот уже прыгаем вниз по ступенькам; пыльный, знойный вечер, кругом полно мексиканцев, и кур, и ловцов креветок с Техасского залива — от них сильнее всего воняет. Ну а мы орем громче всех. Сорок три шлюхи — сам считал — вышли встречать ловцов, и к тому времени, как мы выбили два стекла на автобусной остановке, они уже все хохочут. Ловцы креветок и говорят, мол, выпить — пожалуйста, хоть залейся, если хотим, конечно, а уж закусить — это извините, это вы сами, такой уж обычай у нас, у ловцов креветок. Но мы снова орем, разбиваем еще одно окно. Я лежу на спине, на ступеньках, кажется у телеграфа, ору во все горло свою любимую песню, а тут надо мной, вижу, женщина наклоняется, губы темные такие, и ладони кладет мне на щеки.

— Да ты милашка, — говорит, и целый водопад прямых черных волос падает мне на лицо. — Только все мужики стоят и глазеют на вас. И на это уходит время. А их время — наши деньги. Как думаешь, спейсер, может, тебе… может, всем вам лучше валить поскорей отсюда?

– *¡Usted!* — шепчу я и хватаю ее за руку. — *¿Usted es una frelka?* [18]

— *Frelko en español*[19]. — Она улыбается, похлопывая меня по пряжке на ремне. — Ты уж извини, но у тебя для меня ничего нет. Жалко, конечно. Личико-то у тебя… раньше ты был бабой, разве нет? А я и баб люблю не меньше…

И тут я скатываюсь со ступенек вниз.

— Скукота! — кричит Мюз. — Пошли отсюда!

В Хьюстон ухитряемся попасть до рассвета.

А там снова вверх.

И опускаемся в Стамбуле.

А в Стамбуле дождь.

Пьем чай в кафетерии; стаканчики такие, формой как груши; глядим в окно на Босфор. Принцевы острова — словно кучи мусора перед городом, а сам он так и щетинится колючками минаретов.

— Ну а теперь кто куда? — спрашивает Келли.

— А мы что, разве не вместе? — Мюз удивленно поднимает брови. — Мне казалось…

— Мне баталер чек не выдал, — оправдывается Келли. — У меня ни гроша в кармане. Думаю, у баталера на меня зуб… — И пожимает плечами. — Не хочется, но куда денешься, придется подцепить какого-нибудь фрелка с толстым лопатником и как следует с ним подружиться. — Отхлебывает из стакана и только тут замечает, какая тишина вдруг повисла. — Эй, да что с вами со всеми? Что рты-то поразевали? Хотите, косточки посчитаю на ваших нежных и так заботливо сохраняемых от полового созревания телах? Ну ты! — Это уж мне, лично. — Ну что ты корчишь из себя целку? Что вытаращился, сам ни разу не клеил фрелков, что ли?

Начинается.

— Отвали, ничего я не корчу. — Меня охватывает тихое бешенство.

Желание, старое желание.

Тут Бо смеется, и атмосфера разряжается.

— Помню, в последний раз мы были в Стамбуле — примерно за год до моего прихода в этот отряд, — ну вот, помню, идем по Истикляль от площади Таксим. Проходим дешевые киношки — там они подряд, одна за другой, сворачиваем в переулок, он еще весь в цветах, плюнуть негде. Смотрим, а впереди топают еще двое спейсеров. Там рынок, дальше рыбу продают, потом дворик, где апельсины всякие, сладости, морские ежи, капуста, ну, в общем, чего только нет. Но цветы раньше всего. И вдруг видим: какие-то эти спейсеры странные. Форма в порядке, все на месте, не придерешься. Прически — как надо. Ну не врубаемся — в чем тут дело… а потом слышим — разговаривают. Господи, да это же просто мужик и баба, вырядились спейсерами и пытаются *клеить фрелков*! Представляете, дурят фрелков!

— Ага, — отзывается Лу, — мне тоже такое случалось видеть. В Рио таких полно.

— Ну мы их спокойненько так отвели в тихий переулок и отметелили, — заканчивает Бо.

Келли ставит чайный стакан на стойку.

— От площади Таксим по Истикляль до цветочного переулка? Чего было сразу не сказать, что там фрелки водятся!

Улыбка на лице Келли означала бы, что все в порядке. Но улыбки не было.

— Черт, — говорит Лу, — мне никто никогда не объяснял, где искать. Выхожу на улицу, а фрелки сами меня чуют. Я их на другом конце Пикадилли вижу. Тут дают что-нибудь, кроме чая?

И вообще, где у них можно выпить?

Бо усмехается:

— Ты что, не помнишь, в какой мы стране? Правильно, мусульманской. Хотя, знаешь, в конце того самого цветочного переулка полно забегаловок с зелеными дверями и мраморными стойками, там литр пива примерно пятнадцать центов. А еще дальше лотки, где жарят жуков в масле и делают бутерброды со свиной требухой.

— А замечали, как фрелки ее хлещут? В смысле, выпивку… не свиную требуху.

И мы пускаемся в воспоминания. Заканчиваем историей фрелка, которого один спейсер пытался раскрутить, а тот ему: «Чего я люблю — это, во-первых, спейсеры, во-вторых, хорошая драка…»

Весь этот треп лишь паллиативная мера, не лекарство. Даже Мюз понимает: этот день мы проведем не вместе.

Дождь перестал. Мы выходим, садимся на паром до Золотого Рога. Только высадились, Келли с ходу спрашивает, где тут площадь Таксим и как пройти на улицу Истикляль, а ему отвечают, надо ехать на долмуше, потом оказалось, так у них тут маршрутное такси называется, едет, значит, только по одному маршруту, и народу в нем — как селедок в бочке. Зато дешево.

Раньше всех выскакивает Лу, возле моста Ататюрка: захотелось, видите ли, полюбоваться видами Нового города. Бо заприкалывало своими глазами увидеть Долмабахче. А когда Мюз узнает, что всего за пятнадцать центов (лира — пятьдесят курушей по-ихнему) можно попасть в Азию, — Мюз отправляется в Азию.

Я выхожу за мостом. Улица забита машинами. Топаю вдоль троллейбусных проводов, мимо серых мокрых стен Старого города. Бывает так: плачь не плачь, ругайся не ругайся, ничего не поможет. Иногда нужно побыть в одиночестве, потому что одиночество так мучительно.

Долго брожу по узеньким улочкам, где мокрые ослики, мокрые верблюды да женщины в паранджe, и по большим, где автобусы, урны и мужчины в деловых костюмах.

Одни люди уставляются на спейсера, другие не уставляются. Некоторые уставляются особым образом, который спейсер научается узнавать через неделю после того, когда в шестнадцать выходит из учебки. Иду я по парку и вдруг вижу: смотрит. А потом поняла, что вижу, и отвернулась.

Ну а я иду не торопясь, гляжу в мокрый асфальт. Она все там же, под низенькой аркой маленькой пустой мечети, никуда не уходит. Прохожу мимо, а тут она и выходит из-под арки во

дворик со старинными пушками.

— Извините…

Останавливаюсь.

— Вы не знаете, это церковь Святой Ирины? — (Акцент в ее английском просто очаровательный.) — Я забыла в гостинице путеводитель.

— Извините, я тоже турист.

— А-а-а. — Она улыбается. — А я из Греции. Я подумала, вы турок, вы такой смуглый.

— Американский индеец. — Я чуть-чуть наклоняю голову. Теперь ее очередь делать реверансы.

— Вот как! А я в этом году поступила в Стамбульский университет. А ваша форма… кажется, она означает, что вы… — после некоторой паузы она все-таки решается произнести это слово, — спейсер?

Мне слегка не себе.

— Да.

Сую руки в карманы, облизываю зуб, третий сзади, то есть проделываю все то, что всегда делаю, когда мне не по себе. Как-то один фрелк сказал мне, что в такие минуты я выгляжу особенно возбуждающе.

— Вот именно. — Сказано, пожалуй, резковато, громче, чем надо: она даже вздрагивает.

Итак, она теперь знает, что я знаю, что она знает, что я знаю, и я уже пытаюсь представить, в каком ключе мы станем разыгрывать дальше этот отрывок из Пруста.

— Никакая я не гречанка, — вдруг говорит она, — я турчанка. И университет уже окончила. Изучала историю искусств. Случайным знакомым часто говорят неправду, чтобы хоть как-то защитить свое «я»… только, по-моему, зачем все это? Мне иногда кажется, что мое «я» такое крохотное.

Ну что ж, можно сделать и такой ход, почему нет, тактика бывает разная.

— Вы далеко живете? — спрашиваю. — И какие тут цены в турецких лирах? — А можно и такой вот; тактика, повторяю, бывает разная.

— Мне нечем вам заплатить. — Она еще плотней закутывается в плащ. Да она хорошенькая! — Я бы очень хотела. — Пожимает плечами и улыбается. — Но я… бедна, как студентка. Денег у меня нет. И если вы сейчас повернетесь и уйдете, я не обижусь. Хотя мне будет грустно.

Я не трогаюсь с места. Я знаю, что в конце концов она даст денег, пускай немного, но даст. Что ж, возьму, сколько даст. Но нет, она, похоже, и не собирается. Ага, можно сделать, значит, и

такой ход. Интересная тактика.

И тут я спрашиваю себя: «А за каким чертом тебе нужны эти проклятые деньги?» И тут порыв ветра стряхивает на нас с веток кипариса капли холодной влаги.

— Мне кажется, все это вообще достаточно грустно. — Она вытирает капли с лица. И голос какой-то надломленный. Я чересчур пристально разглядываю полоски влаги на ее щеках. — Грустно, потому что вы — спейсер, а чтобы вы им стали, вас непременно нужно было модифицировать. Если бы этого не случилось, то… Если бы не было спейсеров, мы бы не были… такими. Раньше вы кем были, мужчиной или женщиной?

Снова ливень холодных капель. Я смотрю себе под ноги; капли падают прямо за воротник.

— Мужчиной, — отвечаю. — Какая разница.

— А сколько вам лет? Двадцать три? Двадцать четыре?

— Двадцать три, — машинально отвечаю я.

На самом деле мне двадцать пять, но чем мы для них моложе, тем они больше платят. Черт подери, да не нужны мне ее деньги…

— Значит, я угадала, — кивает она. — Как правило, такие, как я, хорошо разбираются в спейсерах. Вы замечали? Впрочем, что нам еще остается? — Смотрит на меня огромными черными глазами. Быстро-быстро моргает, прежде чем отвести взгляд. — Вы были бы очень красивым мужчиной. А теперь вот вы — спейсер, вы строите водосберегающие установки на Марсе, программируете рудничные компьютеры на Ганимеде, обслуживаете ретрансляционные станции на Луне. Модификация… — Из всех людей только фрелки произносят это слово с таким смешанным чувством восхищения и сожаления. — Вы знаете, трудно избавиться от мысли, что все можно было бы сделать как-нибудь по-другому. Ну почему не могли придумать ничего лучше кастрации, превращения вас в существ даже не андрогинных, а…

Кладу руку ей на плечо, и она сразу умолкает, словно ее ударили. Оглядывается: нет, кругом никого, никто не смотрит. И, облегченно вздохнув, накрывает мою ладонь своей.

Я отдергиваю руку:

— Так что мы такое?

— Можно было придумать какой-нибудь другой способ! — Теперь обе ее руки в карманах.

— Можно было. Верно. Но вы же знаете, милая моя, что выше ионосферы для этих ваших драгоценных половых желез многовато радиации. И на Луне, и на Марсе, и на спутниках Юпитера.

— Можно было придумать специальные скафандры… Поглубже изучить механизмы биологической защиты…

— Время демографического взрыва. Ну уж нет, тогда искали любой предлог уменьшить число детей, особенно с генетическими уродствами.

— Ах да… да. — Она кивает. — Мы все еще никак не освободимся от неопуританской реакции на сексуальную свободу двадцатого века.

— Так что решение приняли верное. — Я с улыбкой чешу в паху. — Я, например, просто счастлив.

Ну никак не могу понять, почему, если этот жест делает спейсер, он считается особенно непристойным.

— Прекратите! — резко произносит она и делает шаг назад.

— А что такого?

— Прекратите! — повторяет она. — Не делайте так. Вы как ребенок.

— Нас отбирают из детей, чьи сексуальные отклики в период пубертата безнадежно отстают от возраста.

— А ваша детская агрессивность, заменяющая собой любовь? Возможно, это и делает вас особенно привлекательными. Да, я знаю, что вы ребенок.

— Вот как? А про фрелков вы мне что-нибудь расскажете?

Она задумывается.

— Думаю, мы те сексуально заторможенные, кого не отобрали в спейсеры. Наверное, вы правы, решение было верное. Вы и в самом деле не жалеете о том, чего лишены?

— У нас есть вы, — отвечаю я.

— Да. — Она смотрит вниз. Заглядываю ей в лицо, пытаюсь увидеть, какое выражение она прячет. Это улыбка. — Ваша жизнь возвышенна, исполнена славы, а вдобавок у вас есть мы. — Она снова поднимает голову. Лицо ее так и сияет. — Вы парите в небесах, миры вращаются под вами. Вы шагаете через континенты, а мы… — Она повела головой вправо, влево, черные волосы свиваются в кольца на плече плаща. — А мы влачим серую, однообразную жизнь, скованные земным тяготением… и *боготворим* вас! — И снова смотрит мне прямо в глаза. — Скажете, противоестественно? Влюбиться сразу в целую компанию летающих трупов! — Она вдруг вся так и сгорбилась. — Мне вовсе не нравится жить с комплексом невесомостного сексуального замещения.

— Мне всегда казалось, что это чересчур длинно.

Она отворачивается:

— Мне вовсе не нравится быть фрелкой. Так лучше?

— Тоже не очень. Будь кем-нибудь еще.

— Перверсию не выбирают. У вас их нет и быть не может. Вы свободны от этих проблем. Вот за это я вас и люблю, спейсер. Моя любовь берет начало в страхе полюбить по-настоящему. Разве это не прекрасно? Извращенец замещает недоступное для «нормальной» любви. Гомосексуалист — зеркалом, фетишист — обувью, часами, корсетом. А те, у кого комплекс невесомостного сексуального за…

— Фрелки.[20]

— Фрелки замещают, — она вновь пристально смотрит на меня, — парящим куском мяса.

— Я не обиделся.

— Жаль, я как раз хотела вас обидеть.

— Зачем?

— У вас нет желаний. Вам не понять.

— Продолжайте.

— Я хочу вас потому, что вы не хотите меня. Это наслаждение. Когда кто-то и впрямь испытывает сексуальную тягу к… к нам, мы пугаемся. Интересно, сколько людей до вас ждало вашего появления? Мы — некрофилы. Я уверена, что с вашим появлением осквернители могил исчезли. Да нет, вы этого не поймете… — Она помолчала. — А если б могли понять, я бы не ворошила ногами опавшие листья и не ломала голову, где одолжить шестьдесят лир. — Она переступила через древесный корень, проломившего мостовую. — А как раз такие нынче в Стамбуле расценки.

Мысленно перевожу в доллары.

— Чем дальше на восток, тем все дешевле.

— А знаете, — она отпускает полы плаща, и они расходятся, — вы не такой, как другие. По крайней мере, хотите понять…

Я говорю:

— Если я плюну столько раз, сколько ты говорила это другим спейсерам, ты утонешь.

— Проваливай обратно на свою Луну, ты, кусок мяса. — Она закрыла глаза. — Убирайся на свой Марс. У Юпитера много спутников — там от тебя будет какой-то прок.

— Простите, так где вы живете?

— Вы хотите пойти со мной?

— Подарите мне что-нибудь. Ну что-нибудь такое… не обязательно, чтобы стоило шестьдесят лир. Такое, что вам самой нравится, что вы любите, что для вас хоть что-то значит.

— Нет!

— Но почему?

— Потому что я…

— Потому что вы не хотите расставаться даже с крохотной частичкой своего «я». Все вы, фрелки, такие!

— Вы правда не понимаете, что я не хочу вас покупать?

— Вам не на что меня купить.

— Вы ребенок, — говорит она. — Я люблю вас.

Подходим к воротам парка. Она останавливается. Мы стоим, довольно долго — ветер успевает налететь, пошевелить траву и снова утихнуть.

— Я, — она робко указывает, не вынимая рук из карманов плаща, — я живу вон там.

— Прекрасно, — отвечаю я, — идем.

Она рассказала, что как-то здесь взорвалась газовая магистраль и пламя бушевало до самой пристани, сжигая все на своем пути. Погасили всего за несколько минут, ни одно здание не рухнуло, но облицовка обгорела.

— Здесь живут художники и студенты, — продолжает она (мы как раз пересекаем булыжную мостовую). — Улица Юри-Паша, четырнадцать. На случай, если еще когда-нибудь окажетесь в Стамбуле.

Облупившаяся дверь, рядом сточная канава, полная отбросов.

— Люди творческих профессий часто бывают фрелками, — говорю я, изображая придурка.

— Среди других тоже хватает. — Она входит, придерживая для меня дверь. — Мы просто не очень-то это скрываем.

На площадке первого этажа — портрет Ататюрка. Ее квартира на втором этаже.

— Минутку, только достану ключ…

Марсианские пейзажи! Лунные пейзажи! На мольберте шестифутовый холст: восход Солнца над гребнем лунного кратера. На стенах — копии с обсерверовских фотографий Луны и лощеные лица генералов Международного корпуса спейсеров.

На одном углу стола стопка журналов с фотографиями из жизни спейсеров — такие продаются почти в любом киоске по всему свету. Некоторые всерьез говорят, что их издают для жаждущих приключений подростков. Это они датских не видели. У нее и такие есть, несколько. Полка с книгами по искусству. Над ней шесть футов космоопер в бумажной обложке: «Грех на космической станции № 12», «Донжуан космоса», «Опасная орбита».

— Арак? — спрашивает она. — Узо или перно? Выбирайте. Правда, наливать я буду из одной и той же бутылки. — Она достает стаканы, открывает какой-то шкафчик по пояс высотой, который оказывается холодильником. Ставит поднос с закусками:

фруктовый пудинг, рахат-лукум, тушеное мясо.

— А это что?

— Долма. Виноградные листья, фаршированные рисом с кедровыми орешками.

— Как-как это называется?

— Долма. Турецкое слово «долмуш» того же корня. Означает «наполненный». — Она ставит поднос рядом со стаканами. — Садитесь.

Сажусь на диван-кровать. Под покрывалом чувствуется упругость гликогелевого матраса. Они все воображают, будто на таком матрасе ощущаешь себя словно в невесомости.

— Вам удобно? Извините, я выйду на минутку. Внизу у меня живут друзья. Я скоро. — Она подмигивает. — Им тоже нравятся спейсеры.

— Вы что, хотите привести мне целую толпу? Или, может, они выстроятся за дверью в очередь?

Она резко вдыхает:

— Если честно, я хотела предложить и то и другое. — Внезапно она мотает головой. — О, что вы хотите!

— Что вы мне предложите? Я хочу что-нибудь. За тем и пришел. Мне одиноко. Может, хотелось узнать, как далеко это может зайти. Не знаю еще.

— Так далеко, как сами захотите. Я? Учусь, читаю, пишу картины, разговариваю с друзьями… — она подходит к дивану и садится на пол, — хожу в театры, гляжу на спейсеров, которые проходят мимо меня по улице, пока кто-нибудь не оглянется. Мне тоже одиноко. — Она кладет голову мне на колени. — Я чего-то хочу, но… — она замолкает, и с минуту мы сидим не двигаясь, — но вы мне этого не дадите.

— Вы мне не заплатите, — парирую я, — ведь правда?

Она мотает головой, не поднимая ее с моих колен. И, помолчав немного, едва слышно шепчет:

— Вам не кажется, что вам… пора?

— Хорошо, — говорю я и встаю.

Она вновь садится на по́лу своего плаща, который так и не сняла.

Подхожу к двери.

— Да, кстати, — она складывает руки на коленях, — в Новом городе есть местечко, там вы найдете то, что ищете. Цветочный переулок называется…

Я резко поворачиваюсь:

— Фрелковская тусовка? Да послушайте же, мне не нужны деньги! Говорю же вам, дайте хоть что-нибудь, все равно что! Я не хочу…

Она тихо смеется и качает головой. Щека ее теперь лежит на том самом месте, где я только что сидел.

— Вы нарочно не понимаете? Это спейсерская тусовка. Когда вы уйдете, я пойду к друзьям, и мы станем говорить про… ах да, про красивое существо, которое ушло. Я думала, там вы встретите… кого-нибудь знакомого.

Досада.

— А, — говорю я. — Спейсерская тусовка. Ага. Ну спасибо.

И ухожу.

И отыскиваю Цветочный переулок, а там Келли, и Лу, и Бо, и Мюз. Келли угощает всех пивом, и мы скоро уже на бровях и едим жареную рыбу, и жареных моллюсков, и жареные колбаски, а Келли размахивает деньгами и говорит:

— Вы бы только его видели! Что с ним творилось, вы бы только посмотрели! В этом городе такса восемьдесят лир, а он дал сто пятьдесят! — И хлещет пиво.

И взлетает.

Милфорд

Сентябрь 1966 г.

Стеклышки, обточенные морем (Перевод Т. Боровиковой)

I

Иногда я хожу в порт, размахивая бесполезной рукой и взрывая песок негнущейся ступней, приделанной к негнущейся ноге, торчащей из негнущегося бедра. Мне хочется еще раз намокнуть от морских брызг, выпить в портовом кабаке с дружками, чувствуя себя старым, изломанным, жалея себя и смеясь все громче. Треть лица у меня сгорела во время аварии, и на это место пересадили кожу с груди, так что дыра, ныне заменяющая мне рот, искажает все громкие звуки; тот, кто меня латал, оказался никуда не годным портным. И еще у меня грудь волосатая. Волосы на груди совсем не такие, как борода на лице, а они у меня теперь покрывают всю правую щеку. К тому же борода у меня рыжая, волосы на груди темные, а кудри, прикрывающие шею и уши, местами выгорели на солнце добела, местами бронзовые, а в целом светлые.

Поскольку я ходячий (точнее, с трудом ковыляющий) балаган ужасов и редко бываю весел, бóльшую часть времени я провожу в прибрежном домике из дерева, стекла и алюминия, что отстегнула мне корпорация «Акватик» вместе с пенсией. Там у меня турецкие ковры, медные кувшины, теноровая блокфлейта, на которой я уже не могу играть, и книги.

Но порой, когда золотой туман смягчает блеск утра, я иду на пляж и шлепаю босиком по мокрому песку у края воды, ища обточенные морем стеклышки.

В то утро был туман, и солнце просвечивало сквозь него, похожее на медный половник. Я всхромал на камни, посмотрел сквозь высокие травы вниз, в узкий пролив, в котором лежала она, и захлопал глазами.

Она села, поднявшись из воды, — длинные жаберные щели на шее сомкнулись, а от вторичных щелей на спине только самые кончики виднелись из-под тяжелой массы медных волос, длинных, мокрых и кудрявых. Она увидела меня.

— А ты что это тут делаешь? — Она прищурила синие глаза.

— Ищу стеклышки.

— Что?

— Вот кусочек. — Я указал на песок рядом с ней и спустился

по каменистому склону боком, наподобие краба, у которого одна нога не гнется.

— Где? — Она повернулась — половина тела в воде, половина в воздухе, перепонки между пальцами растопырились на торчащих черных камнях.

Когда холод просочился у меня между пальцами ног, я нагнулся и подобрал прямо у ее локтя млечный осколок, которого она не заметила. Она подскочила от неожиданности — видно, думала, что стекло должно было оказаться где-то еще.

— Видишь?

— Что… что это?

Она подняла прохладную руку и коснулась моей руки. Свет, прошедший сквозь матовое стекло и бледную пленку моих собственных перепонок, на миг оперламутрил витраж ее ладоней. (Да, детали важны. Они — крюки, на которых мы позже развешиваем собственную боль.) Еще миг — и мокрые пальцы сомкнулись на моих.

— Стекло, обточенное морем, — сказал я. — Ну знаешь, бутылки из-под кока-колы, хрустальные вазы, силикатный шлак с заводов? Это все попадает в море.

— Я знаю только про бутылки, — ответила она.

— Они бьются, и прилив таскает осколки туда-сюда по песчаному дну, стачивает края, придает иную форму. Иногда вещества в составе стекла реагируют с веществами в океанской воде, и стекло меняет цвет. Иногда в стекле проступают прожилки; узоры бывают правильные, геометрические, как у снежинок, или ломаные, угловатые, как кораллы. Когда эти стеклышки сухие, они матовые. Если положить их в воду, они опять станут прозрачными.

— О! — выдохнула она, когда красота округленного треугольного осколка атаковала ее, словно запах духов.

Тут она взглянула мне в лицо, моргая третьим веком, заполненным жидкостью. Мы используем его как линзу для коррекции зрения под водой.

Она спокойно созерцала мои увечья.

Потом потянулась к моей ступне с оборванными во время аварии перепонками. Она начала понимать, что́ перед ней. Я ждал ужаса, но увидел лишь легкую печаль.

По значку на поясе — ее живот чуть вибрировал, как всегда при переходе от дыхания водой к дыханию воздухом — я понял, что она биотехник. (У меня дома в нижнем ящике шкафа лежала точно такая же форма — с текстурой, имитирующей чешую, а значок на пряжке гласил: «Измеритель глубин».) Сейчас на мне были очень драные джинсы и красная хлопчатобумажная рубашка

без пуговиц.

Она потянулась к моей шее, спустила рубашку с плеч, коснулась нежных жаберных щелей, провела по ним прохладными пальцами.

— Кто ты?

Ну наконец.

— Кэл Свенсон.

Она соскользнула обратно в воду:

— Так ты тот самый, который тогда так ужасно… но это было много лет назад! Об этом до сих пор рассказывают легенды — там, под…

Она осеклась.

Как море выравнивает скол стекла, так же оно обтесывает души и чувства людей, что трудятся под водой. А согласно последнему отчету Департамента освоения морского дна, на сегодняшний день семьсот пятьдесят тысяч человек снабжены жабрами и перепонками и отправлены в глубину, туда, где нет штормов, — вдоль всего американского побережья.

— Ты живешь на берегу? В смысле, где-то тут? Но ведь ты уже очень давно…

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Я был на два года старше тебя, когда произошла авария.

— Тебе было восемнадцать?

— А сейчас мне тридцать один. А значит, с тех пор прошло больше двенадцати лет. И впрямь давно.

— Но об этом говорят до сих пор.

— А я почти забыл. Честно. Скажи, ты, случайно, не играешь на флейте?

— Когда-то играла.

— Отлично! Пойдем ко мне, посмотришь на мою флейту. А я заварю чая. Может, заодно и пообедаешь со мной?

— Мне надо в штаб к трем часам. Торк будет проводить брифинг — он собирается прокладывать кабель для большого спуска, вместе с Джонни и ребятами. — Она сделала паузу и улыбнулась. — Но если я оседлаю донное течение, то могу уйти отсюда в полтретьего и буду в штабе в три.

По дороге к дому я узнал, как ее зовут: Ариэль. Она сказала, что мой дворик очарователен, а при виде мозаик воскликнула: «Ах, какая прелесть!» и «Неужели это ты сам сделал?» не меньше пяти раз. (Да, мозаику выложил я сам — в первые одинокие годы.) Больше всего ей понравились битва кита со спрутом, раненая акула и ныряльщик. Она сказала, что у нее нет времени на чтение, но обилие книг в моем доме ее впечатлило. Она

слушала мои рассказы о былом. И сама много рассказывала о своей работе — она занималась глубоководными тварями, которых подводные работы выгоняют из глубин. Потом она сидела на кухонной табуретке, играя серенаду Лукаса Фосса на моей флейте, а я в это время насыпал соль на противень, готовясь сунуть в духовку две дюжины устриц а-ля Рокфеллер. Свистел чайник. Я относительно одинок. Поэтому мне приятно общество прелестных юных дев.

II

— Эй, Жоан! — заорал я с другого конца пристани.

Он кивнул мне из средоточия сетей. Солнце играло на гладкой коже плеч и терялось в жестких волосах. Я подошел туда, где он сидел и чинил сети, опутанный ими, как паук. Он подтянул к себе еще кусок сети, закрыв ею ороговевшие ступни, и ухмыльнулся мне — его улыбка напоминала мозаику: золотой зуб, белый зуб, черная дыра, кривой желтый клык; белый, золотой, белый. Я присел, выставив вперед увечную ногу.

— Я рыбачил у кораллов, где ты сказал. — Он выпучил щеку изнутри языком и кивнул. — Зайдем в дом, выпьем?

— Хорошо.

— Только еще минутку…

На побережье, в рыбацких деревнях, живет особая порода бразильцев. Немолодых, но при этом без возраста. С виду такому дашь лет пятьдесят-шестьдесят, но в восемьдесят пять он, скорее всего, будет выглядеть точно так же. Таков был и Жоан. Мы однажды выяснили, сколько ему лет. Оказалось, он на семь часов старше меня.

Мы подружились еще до моей аварии — я запутался в его сетях, прокладывая высоковольтные линии в течении Воррея. Многие на моем месте взяли бы нож и прорубили себе дорогу, испортив сетей на пятьдесят-шестьдесят долларов. В здешних местах рыбак столько зарабатывает за месяц. Но я вместо этого всплыл и сидел в лодке Жоана, пока он меня распутывал. Потом мы с ним, как положено приморским парням, пошли и надрались вместе. Поскольку Жоан из-за меня потерял целый день лова, с тех пор я ему подсказываю, где лучше клюет. Если совет оказывается удачным, Жоан меня угощает.

Так продолжается уже пятнадцать лет. За это время моя жизнь разлетелась на куски и я оказался прикован к берегу. Жоан же выдал замуж пять сестер, женился сам и обзавелся двумя детьми. (О, какие изумительные бразильские блюда готовила

Амалия — косы закинуты на спину, смуглые груди трясутся от смеха — для воскресного ужина, плавно переходящего в понедельничный завтрак.) Я был с ними в вертолете скорой помощи, летящем в столицу. В больничном приемном покое я стоял рядом с Жоаном — он оборванец с рыбьей чешуей в волосах, я просто оборванец, — и обнимал его, плачущего, и объяснял ему, как это врачи могут за неделю превратить ребенка в амфибию, способную подолгу жить под водой и на воздухе, но бессильны перед определенными видами рака, особенно если при этом почки перестают работать. Мы с Жоаном вернулись в деревню вдвоем, автобусом, за трое суток до нашего дня рождения. Мне исполнилось двадцать три года, а Жоану — двадцать три года и семь часов.

— Сегодня утром, — сказал Жоан (челнок плясал в сетях, таща за собой оранжевую нить), — я получил письмо, и ты должен мне его прочитать. Это насчет детей. Пойдем выпьем.

Челнок замер, два раза дал задний ход, и Жоан прочно закрепил узел. Мы пошли по порту в сторону деревенской площади.

— Как ты думаешь, там написано, что их приняли?

— Если это от корпорации «Акватика», то для отказа они обычно посылают открытку. Вопрос в том, что́ ты сам об этом думаешь.

— Ты хороший человек. Если они вырастут такими, как ты, я буду доволен.

— Но ты все-таки беспокоишься.

Я уговаривал Жоана отдать детей в международную корпорацию «Акватика» чуть ли не с тех самых пор, как стал их крестным отцом. Если их примут, все годы учебы они будут жить вдали от родной деревни, а потом их могут послать на работу в любой океан мира. Но Жоану и его пяти сестрам нелегко поднимать двоих детей без матери. А в корпорации они получат образование, увидят мир, у них будет интересная работа — в целом неплохая жизнь. Они не будут к тридцати годам выглядеть на шестьдесят. А моя судьба — скорее исключение.

— Жизни без беспокойства не бывает. Но эта работа опасная. Ты знаешь, что кое-кто собирается проложить кабель по дну Шрама?

Я нахмурился:

— Опять?

— Да. Ведь ты как раз это пытался сделать, когда море порвало тебя на куски и сожгло обрывки?

— Не обязательно все расписывать в таких подробностях. Так кто теперь лезет тигру в пасть?

— Некий Торк. В порту говорят, что он храбрый.

— А за каким чертом понадобился кабель именно там? До сих пор без этого как-то обходились.

— Из-за рыбы, — объяснил Жоан. — Ты мне сам рассказывал пятнадцать лет назад…

— Шестнадцать, — поправил я. — Наш с тобой день рождения уже три месяца как прошел.

Жоан продолжал, будто не слыша:

— Рыба все еще водится в океане, и мы, рыбаки, которые не могут жить под водой, все еще здесь. Если мои дети решатся на операцию, то рыбаков станет меньше. Но сегодня… — Он пожал плечами. — Кабель приходится прокладывать либо поперек рыболовных маршрутов, либо внизу, по дну Шрама.

Жоан покачал головой.

Они очень странные, эти огромные энергетические кабели, которые корпорация «Акватика» прокладывает по океанскому дну, чтобы питать подводные шахты и фермы, нефтяные скважины — сколько раз я глушил пожары на этих скважинах! — китовые пастбища и опреснительные установки. По кабелям идет ток с частотой 260 герц. На отдельных участках океанского дна и там, где вода содержит определенные минералы, вокруг кабеля индуцируются наведенные токи, которые иногда — тот, кто объяснит, почему не всегда, наверняка получит Нобелевскую премию — прогоняют всю рыбу в радиусе двадцати пяти — тридцати миль. Единственное средство этого избежать — класть кабель на глубине, в подводных впадинах, врезающихся в океанское дно.

— Этот Торк думает о рыбаках. Он еще и хороший человек.

Я поднял брови — во всяком случае, ту единственную, что у меня осталась, — и попытался припомнить, что говорила о Торке маленькая ундина сегодня утром. Я почти ничего не запомнил.

— Ну что ж, удачи ему, — сказал я.

— И каково тебе оттого, что он собирается лезть в коралловые челюсти Шрама?

Я поразмыслил с минуту.

— Наверно, я его ненавижу.

Жоан поднял голову.

— Он — словно образ в зеркале: глядя на него, я поневоле вспоминаю, каким сам был когда-то. Я завидую, что у него есть шанс — преуспеть там, где не преуспел я. Видишь, я тоже умею выражаться высоким стилем. Надеюсь, у него все получится.

Жоан пожал плечами — сложный жест, типичный для обитателей бразильского побережья (когда-то я тоже так умел) и означающий: «Не знаю, как мы до такого докатились, но раз все-

таки докатились, уже ничего не поделаешь».

— Это зеркало — море, — сказал я.

— Да. — Жоан кивнул.

У нас за спиной зашлепали сандалии по бетону. Я повернулся как раз вовремя, чтобы подхватить свою крестницу здоровой рукой. Крестник уцепился за мою больную руку и раскачивался на ней.

— Тио[21] Кэл!

— Эй, Тио Кэл, что ты нам принес?

— Клара, ты его сейчас опрокинешь! — рассердился Жоан. — Фернандо, отпусти его!

Дети, благослови их небо, не обратили внимания на слова отца.

— Что ты нам принес?

— Тио Кэл, что ты принес?

— Если отпустите, я вам покажу.

И они отступили — темноглазые, дрожащие от восторга. Я видел, как смотрит на них Жоан: карие радужки на фоне белков цвета слоновой кости, в левом глазу лопнул сосудик кровавым зигзагом. Жоан любит своих детей, а они скоро станут ему такими же чужими, как рыба, которую он загоняет в сети. И еще он смотрел на уродливую тварь, то есть на меня, и гадал, что станется с его собственным потомством. И еще наблюдал, как вертится Земля, как она стареет под тиканье волн, отражаясь в зеркале океана.

Демографический взрыв, зарождающиеся колонии на Луне и Марсе, освоение морского дна — я не знал, что обо всем этом думают обитатели прибрежного рыбацкого городка. Прогресс разрывает самую ткань их жизни. Но я ближе к ним, чем многие другие, и умею понимать, когда чего-то не понимаю.

Я порылся в кармане и достал млечный осколок, найденный на пляже:

— Вот. Нравится?

И они склонились над моей ладонью — с перепонками меж пальцев, как у инопланетянина.

Супермаркет располагался в самом большом здании городка. Жоан накупил кучу готовых смесей для кекса. «Влажная, нежная мякоть, — шептала коробка, стоило взять ее в руки, — с дивным ароматом упоительней шоколада!»

Я как раз прочитал в американском журнале, дошедшем до нас на прошлой неделе, статью о новых упаковках со звуком. Так что я был морально готов и, чтобы избежать искушений, остался во фруктово-овощном ряду. Потом мы пошли к Жоану. Оказалось,

насчет письма я догадался правильно. Назавтра детям нужно было ехать на автобусе в столицу. Мои крестники вступали на путь, который превратит их в рыб.

Мы сидели на ступеньках крыльца, пили и смотрели, как движутся мимо ослики, мотоциклы, мужчины в мешковатых штанах, женщины в желтых платках и ярких юбках, со связками чеснока и мешками лука. Кое-кто из прохожих был в зеленой чешуйчатой форме амфибий.

Наконец Жоан устал и пошел прилечь. Бóльшую часть жизни я прожил в прибрежных странах, где в обычае сиеста, но мои первые десять лет, которые и формируют человека, прошли в датском коллективном фермерском хозяйстве, и я так и не научился отдыхать после обеда. Так что я перешагнул через свою крестную дочь, уснувшую прямо на ступеньке крыльца, и зашагал по деревне обратно к пляжу.

III

В полночь из моря вышла Ариэль, взобралась на скалы и постучала ногтями в стеклянную стену моего дома. Капли воды в лунном свете были как жемчуг.

Вечером я читал, растянувшись на овечьей шкуре у камина, потом задремал. Умный дом спросил меня, не будет ли каких распоряжений, и, не дождавшись ответа, отключил концерт Дворжака для виолончели с оркестром, пошедший уже по второму кругу, и перестал подбрасывать поленья в камин. Когда я проснулся, на решетке остались только угли.

Ариэль снова щелкнула ногтем по стеклу, и я поднял голову с подушки. Зеленая форма, янтарные волосы — все выцвело под серебряным светом снаружи. Я сорвался с места, нажал на кнопку, и стеклянная панель ушла в пол. Мое лицо овеял ветерок с моря.

— Что случилось? — спросил я. — И вообще, сколько времени?

— Торк на берегу. Он тебя ждет.

Ночь была теплая, но ветреная. Под скалами серебряные чешуйки гонялись друг за другом. Вода стояла у самых скал — прилив.

Я потер лицо:

— Новый главный? А чего ты его сюда не привела? И зачем я ему понадобился?

Она коснулась моей руки:

— Пойдем. Они все там, на берегу.

— Кто все?

— Торк и все остальные.

Она повела меня через дворик, по извилистой тропе, на пляж. Море шумело в лунном свете. Внизу, на пляже, вокруг хлещущего ночь костра из пла́вника, стояли люди. Ариэль шла рядом со мной.

Двое рыбаков из городка сидели бок о бок на перевернутом корыте и играли на гитарах. Пение, пронзительное и ритмичное, раздирало уши, даже несмотря на то, что от певцов меня отделяла полоса бледного песка. Танцевала старуха, на шее у нее тряслось ожерелье из акульих зубов. Еще какие-то люди сидели на перевернутой лодке и ели.

С краю костра стояла сковородка двух футов в диаметре, и на ней пузырилось масло вокруг бледно-розовых островков — креветок. Одна женщина выкладывала их на сковородку, другая снимала.

— Тио Кэл!

— Смотри, Тио Кэл тут!

— Эй, что вы двое тут делаете? Вам не пора спать? — спросил я.

— Папа Жоан нам разрешил! Он тоже скоро придет.

Я посмотрел на Ариэль:

— Почему они все тут собрались?

— Потому что завтра на рассвете будут прокладывать кабель.

Кто-то бежал к нам по пляжу, размахивая бутылками, зажатыми в обеих руках.

— Они не хотели тебе говорить про этот праздник. Думали, это может ущемить твою гордость.

— Мою… что?

— Если ты узнаешь, что они так празднуют дело, которое тебе не удалось…

— Но…

— …и при этом ты еще покалечился. Они не хотели, чтобы ты грустил. Но Торк хочет тебя видеть. Я сказала, что ты не будешь грустить. И потому пошла и привела тебя сюда, вниз.

— Ну… спасибо.

— Тио Кэл?

Но на этот раз голос был низкий, совсем не детский.

Он сидел на бревне чуть поодаль от огня и ел печеный батат. Отблески огня играли на смуглых скулах, на мокрых черных волосах. Он встал, подошел ко мне и протянул руку. Я протянул свою, и мы схлопнулись ладонями.

— Хорошо. — Он улыбался. — Ариэль сказала, что ты придешь. Завтра я прокладываю электрический кабель по дну

Шрама.

Его руки обтягивала блестящая чешуйчатая униформа. Он был очень сильный. И, даже стоя неподвижно, он двигался. Это было видно по игре света на ткани.

— Я… — Он умолк; мне представился робеющий и счастливый танцор. — Я хотел с тобой поговорить про кабель.

Мне представился орел; мне представилась акула.

— И про… аварию. Если ты не против.

— Конечно, — ответил я. — Если я могу рассказать что-нибудь полезное.

— Видишь, Торк, — сказала Ариэль. — Я тебе говорила, он не откажется.

Я слышал, как изменился ритм его дыхания.

— Тебе в самом деле не неприятно говорить об этом?

Я мотнул головой и догадался кое о чем. Это голос мальчика, притворяющегося взрослым. Торку не больше девятнадцати лет.

— Мы скоро идем ловить рыбу, — сказал он. — Пойдешь с нами?

— Если не помешаю.

Женщина у ящика с креветками передала бутылку одному из гитаристов, потом бутылка перешла к Ариэль, ко мне и к Торку. (Спиртное гнали в пещере, в семи милях от берега, и это был почти ром. У меня слишком сильно натянута кожа с левой стороны рта, и потому мне трудно пить залпом, как пьют настоящие мужчины. «Ром» потек у меня по подбородку.) Торк выпил, вытер рот, передал бутылку дальше и положил руку мне на плечо:

— Пойдем к воде.

Мы пошли прочь от костра. Кое-кто из рыбаков пялился нам в спину. Несколько амфибий взглянули и отвели глаза.

— А что, вся молодежь в деревне зовет тебя «дядя Кэл»?

— Нет, только мои крестники. Мы с их отцом дружим с тех пор, когда я еще был… ну, моложе тебя.

— А. Я думал, это прозвище. Потому и назвал тебя так.

Мы дошли до мокрой полосы песка, на которой играли оранжевые отсветы. Разбитая спасательная шлюпка качалась в лунном свете. Торк присел на бортик. Я устроился рядом. Вода плескалась, доходя нам до колен.

— А что, другого места, чтобы проложить кабель, не нашлось? — спросил я. — Кроме как по дну Шрама?

— Я хотел спросить, что ты думаешь обо всей этой затее. Но я уже понял. — Торк пожал плечами и похлопал одной ладонью о другую. — Все проекты по эту сторону залива разрослись и жрут электричество со страшной силой. Старые линии перегружены. В

июле прошлого года в Кайине, в мезопелагической зоне случились перебои с питанием. Вся подводная деревня два дня сидела без света; двое людей-амфибий умерли из-за переохлаждения в холодных течениях, идущих из глубин. Если проложить кабель выше, мы рискуем помешать не только деревенским рыбакам, но и собственным рыболовным операциям.

Я кивнул.

— Кэл, что случилось с тобой в Шраме?

Решительный и испуганный Торк. Теперь я припомнил — не катастрофу, а ночь накануне, когда мерил шагами пляж и у меня крутило живот от страха и предвкушения. Индейцы в тех местах, где гонят местный ром, до сих пор используют вместо письменности узлы на пальмовом волокне. Если бы в ту ночь кто-нибудь взглянул на мои кишки или сегодня — на кишки Торка, он мог бы прочесть по ним наше будущее.

Мать Жоана владела узелковым письмом, а вот он сам и его сестры так и не удосужились научиться. Они хотели быть современными, но по молодости принимали за современность новое невежество, которому недостает и современных знаний.

— В детстве мы подначивали друг друга пройти по доскам паромного причала. Солнце палило, и доски качались на волнах, а когда паром стоял тут же, можно было убиться, если провалиться между ним и пристанью. — Он покачал головой. — Мальчишки в этом возрасте чокнутые. Мне тогда было лет восемь-девять, и я еще не стал водяным.

— Где это было?

Торк поднял голову:

— А. В Маниле. Я с Филиппин.

Море лизало нам колени, и планшир уходил под воду от нашей тяжести.

— Что случилось в Шраме?

— Там у основания вулканический разлом.

— Знаю.

— И море в том месте сверхчувствительное. Ему слова поперек не скажи. Случился обвал. Кабель лопнул. Искры были такие горячие и такие яркие, что в пятидесяти футах над нами, на поверхности, море кипело.

— А почему случился обвал?

Я пожал плечами:

— Может, просто неудачное совпадение. Там все время бывают обвалы. Может, шум от машин, хотя мы их хорошо звукоизолировали. Может, наведенные токи от других кабелей, поменьше. А может, просто кто-нибудь случайно выбил ногой камешек, на котором все держалось.

Перепончатая рука сжалась в кулак, ударила в ладонь другой и бессильно повисла.

— Кэл! — позвал кто-то.

Я поднял голову. Жоан, в закатанных до колен штанах — рубашку развевал морской ветер, — стоял в кружевной полосе белой пены. Торк тоже посмотрел туда. Ветер приподнял его волосы с шеи; на пляже ревел костер.

— Сейчас будут ловить большую рыбу! — крикнул Жоан.

Люди уже сталкивали лодки в воду. Торк хлопнул меня по плечу:

— Пойдем, Кэл. Сейчас время охоты.

Мы пошли вброд к берегу.

Как только я выбрался на песок, Жоан перехватил меня:

— Кэл, ты со мной в лодке!

Кто-то подошел с едко пахнущими, шипящими подводными факелами. Мы двинулись по воде к лодкам. Море лизало их борта.

Жоан впрыгнул в лодку и взялся за весла. Вокруг нас зеленые люди-амфибии входили в море, отталкивались и исчезали в воде.

Жоан налегал на весла. Лунный свет обливал его руки. Костер на пляже начал удаляться.

И тут среди лодок плеснуло, грохнуло, и красная сигнальная ракета расцвела в небе: амфибии засекли большую рыбу.

Ракета зависла в воздухе, пульсируя — одна вспышка, две, три, четыре, то есть найденная рыба потянет на двадцать… сорок… шестьдесят… восемьдесят стоунов, — и упала.

Я вдруг стянул рубашку и расстегнул ремень:

— Жоан, я пойду вниз.

Он все налегал на весла.

— Привяжись.

— Обязательно.

Веревка крепилась на корме. Я сделал на конце петлю и надел себе на плечо. Перекинул больную ногу через борт и плюхнулся в черную воду.

Меня осыпало осколками перламутра. Это был свет луны, которую загораживала тень лодки Жоана в десяти футах надо мной. Я перевернулся под бурлящими ранами, которые Жоан проделывал веслами в поверхности моря.

Гребя одной рукой и одной ногой с порванными перепонками, я развернулся так, чтобы смотреть вниз. Веревка натянулась, и я почувствовал, как гребки Жоана перемещают лодку и меня вместе с ней.

Люди-амфибии рассыпались веером, у каждого в руке подводный сигнальный факел. Свет играл на спинах, на пятках.

Они кружили, сжимая кольцо, похожие на глубоководных рыб, несущих на голове собственный фонарь. Я видел добычу — она блеснула в подводном свете.

На рыбу ходят с одним копьем на всех. И сегодня это копье в руке у Торка. У остальных — веревки, чтобы связать добычу, одним концом прикрепленные к рыбацким лодкам наверху.

Строй огней внизу вдруг смешался. Копье брошено в цель!

Рыба, длиной в рост одного высокого человека и одного низкорослого, поднялась в путанице веревок. Она бросилась прочь от берега, подальше от преследователей. Но на пути ее подстерегали другие, с веревочными петлями. Когда-то и я бросал эти петли, пропитанные смолой и негашеной известью, чтобы растворить слизь на теле рыбы и надежно заарканить ее. Петли зацепились, и по движению сигнальных факелов я понял, что добыча потащила охотников за собой. Она развернулась, снова пошла наверх — на этот раз по направлению ко мне.

Рыба задергалась, когда полностью выбрала длину одного конца (в этот момент на поверхности одна лодка низко осела в воде), и бросилась в другую сторону.

Вокруг меня внезапно замелькали люди-амфибии — центр событий переместился и оказался рядом. Торк вонзил копье глубоко в тело марлина, впереди и чуть левее спинного плавника, и теперь восседал на добыче верхом.

Рыба попыталась сбросить Торка, потом опустила хвост и пошла прямо вверх. Все охотники тоже двинулись к поверхности. Я пробил слой морской пены и схватился за планшир лодки Жоана.

Взрыв среди лодок — Торк и марлин вырвались из воды. Они извивались в воздухе, в лунном свете, в пене. Рыба плясала, стоя на хвосте, потом упала.

Жоан встал в лодке и завопил. Другие рыбаки тоже завопили, и кто-то сидящий на корме бросил конец. Кто-то в воде его поймал.

И вдруг рыба, Торк, я и с десяток охотников разом оказались под водой.

Они шли ко дну в венце пузырей. Марлин умудрился натянуть до отказа другую веревку и сбросить путы. Он стряхнул Торка, но тот сумел опять оседлать добычу.

Рыбу снова начали подтаскивать кверху — то натягивая тросы, то слегка стравливая их, то опять натягивая. Тросов было шесть. Марлин на долю секунды замер в подводном свете луны. Ленты крови из раны разворачивались в воде.

Марлин снова поднялся на поверхность (и мы вместе с ним) и забился прямо у лодки Жоана. Я держался за борт, когда

лоснящийся в свете луны Торк вылетел из воды и прыгнул в лодку.

— Давай-ка. — Он оперся коленом о планшир и втянул меня наверх, а Жоан в это время налег на другой борт, чтобы лодка не перевернулась.

Мокрый трос задел о корму.

— Эй, Кэл! — Торк засмеялся, схватил трос и принялся тянуть.

Рыба резала белые волны на белой воде.

Лодки пришли назад все вместе. Амфибии тоже выбрались на берег. Ариэль сидела в лодке рядом с нашей и держала факел, который капал дымом ей на руку. Она выглядывала из-за ноги стоящего перед ней рыбака.

Жоан и Торк тянули веревку. Я сидел позади них и одной рукой укладывал конец в бухту.

Рыбу вытянули наверх и плюхнули в лодку, где сидела Ариэль. Хвост торчал над водой, голова, запрокинутая вверх, хватала воздух челюстями.

Я только успел натянуть штаны, когда на банку рядом со мной упал Торк и схватил меня за плечи мокрыми руками:

— Тио Кэл, посмотри, какую мы рыбу поймали! Только посмотри! — Он задыхался, хватая ртом воздух, и хохотал. Темное лицо сверкало алмазами в свете факелов. — Посмотри на нашу рыбу!

Жоан, расплываясь в бело-золотой ухмылке, привел лодку к берегу. Огонь, пение, ритмичные хлопки ладоней. Мой крестник насыпал гальки в бутылки из-под рома и брякал ими в такт музыке. Звон гитар вился вокруг нас, пока мы тащили рыбу по песку. Рыбаки принесли вертел.

— Гляди! — Торк схватил острый конец кола, который был толще его запястья.

Мы перевернули рыбью тушу.

— Сюда, Кэл?

Он ткнул двумя пальцами в белую плоть в шести дюймах от костяной челюсти.

— Годится.

Он вонзил кол в рыбу.

Мы с усилием продели его через всю тушу. К тому времени, как мы подтащили рыбу к костру, другие принесли еще рома.

— Эй, Торк! А ты не хочешь поспать перед утренней работой? — спросил я.

Он помотал головой:

— Я весь день спал. Это мой завтрак.

Он указал локтем на рыбу, которая уже жарилась над

костром.

Но несколько часов спустя, когда пляски стали исступленными, рыбу уже вот-вот надо было снимать с огня, а дети выкатывали палочками из углей последние печеные бататы, я пошел назад к затонувшей лодке, на которой мы раньше сидели. Она была на три четверти полна воды.

Под слоем неподвижной прозрачной воды, свернувшись в клубочек, спал Торк — возле рта рука, неплотно сжатая в кулак, жабры сзади на шее ритмично пульсируют. Только плечо и бедро торчат из-под воды в затопленной лодке, как острова.

— Где Торк? — спросила меня Ариэль у костра; шкварчащую рыбу снимали с подпорок.

— Он прилег поспать.

— Ой, он же хотел разделать рыбу!

— Ему завтра предстоит тяжелая работа. Ты точно хочешь его разбудить?

— Нет, пускай поспит.

Но Торк уже шел от воды, откидывая со лба мокрые, капающие волосы.

Он ухмыльнулся нам и пошел разделывать рыбу. Помню, как он стоял на столе — ноги по обе стороны рыбьей туши, рука с большим ножом ходит вверх-вниз (да, детали — такие вещи запоминаются). Прерывается, чтобы раздать порции рыбьего мяса, и снова начинает резать.

В ту ночь — музыка, топот по песку, крики над костром — мы шумели сильней, чем море.

IV

Автобус, который по расписанию уходил в полдевятого, прибыл более или менее вовремя.

— По-моему, им не хочется ехать, — сказала сестра Жоана. Она должна была везти детей в штаб-квартиру корпорации «Акватика» в столице.

— Они просто устали, — ответил Жоан. — Зря полуночничали вчера. Ну-ка, полезайте в автобус. Да попрощайтесь с дядей Кэлом.

— До свидания. — Это Фернандо.

— До свидания. — Клара.

Дети в подобные моменты всегда держатся скованно. Кроме того, я подозревал, что мои крестники переживают первое в жизни похмелье (или одно из первых). Все утро они вели себя

очень тихо.

Я наклонился и неуклюже обнял их:

— Когда приедете на выходные в первый раз, я возьму вас на подводную разведку, к мысу. Теперь вы сможете сами собирать себе кораллы.

Сестра Жоана прослезилась, обняла детей, обняла меня и Жоана и полезла в автобус.

Из окна автобуса кто-то кричал кому-то стоящему на остановке, чтобы тот чего-то не забыл. Автобус с лязгом объехал площадь и свернул в сторону шоссе. Мы пошли через улицу назад, туда, где владельцы кафе расставляли парусиновые стулья.

— Я буду по ним скучать, — сказал Жоан таким тоном, словно долго думал, признаться в этом или нет.

— Я тоже.

У доков возле причала — оттуда ходили подводные лодки в подводные города — стояла толпа.

— Интересно, удалось ли им проложить кабель безо всяких…

В толпе закричала женщина. Она растолкала людей и выбралась наружу, роняя лук и яйца. И стала, визжа, рвать на себе волосы. (Помните сковороду с креветками? Женщина была та, которая их снимала со сковороды.) Несколько человек бросились к ней.

Кучка мужчин оторвалась от толпы и побежала в переулок. Я вцепился в пробегающего человека-амфибию. Он резко повернулся ко мне.

— Какого черта там творится?

Он хлопал губами, как рыба на суше, складывая слова, понятные в обычной жизни.

— Это со взрыва… — проговорил он. — Только что привезли тела после взрыва в Шраме!

Я перехватил его за другое плечо:

— Что случилось?

— Часа два назад… Они проложили кабель примерно на четверти дистанции… И тут весь разлом подался. Полчаса извергался подводный вулкан, черт бы его побрал. Толчки идут до сих пор.

Жоан бежал к пристани. Я оттолкнул амфибию и похромал за Жоаном. Мы пробились через толпу (ситец, холст, зеленые чешуйки).

Трупы вытаскивали из люка подводной лодки и укладывали на расстеленный брезент. Корпорация по-прежнему возвращает тела на родину, чтобы семья решила, как именно хоронить погибшего. Когда разлом подался, он изрыгнул в море огненную лаву — в основном расплавленный кремнезем.

Четыре тела были лишь слегка обожжены в нескольких местах; судя по распухшим лицам (у одного из уха вытекла кровь), они погибли от звукового удара. Но несколько других были почти полностью покрыты коркой тусклого черного стекла.

— Торк, — не переставая спрашивал я. — Один из них Торк?

У меня ушло на это сорок пять минут. Сначала я приставал с вопросом к людям, которые укладывали трупы, потом залез в подводную лодку и там допрашивал какого-то типа с клипбордом, потом вылез обратно на причал и пошел в контору. Там я наконец выяснил, что одно из неузнаваемых тел в самом деле принадлежит Торку.

В кафе на площади Жоан принес мне стакан кефира. Рыбак долго сидел неподвижно. Наконец стер белые усы, убрал ноги с перекладины стула, оперся руками о колени.

— О чем ты думаешь?

— Думаю, что пора идти чинить сети. Завтра утром выйду на лов. — Несколько секунд он смотрел на меня молча. — Кэл, где мне завтра ловить?

— Ты думаешь о том, что… отправил сегодня детей?

Он пожал плечами:

— Рыбаки из нашей деревни иногда гибнут. Но это по-прежнему рыбацкая деревня. Так где мне ловить?

Я допил кефир.

— После извержения в воде над Шрамом дофига минеральных солей. Сегодня там разрастутся водоросли. В глубине будет ходить мелкая рыбешка. Крупные рыбы — над ней.

Он кивнул:

— Хорошо. Завтра выйду на лов туда.

Мы встали.

— До свидания, Жоан.

Я похромал назад, к пляжу.

V

К десяти полотно тумана, прикрывающее пляж, рассеялось. Я расхаживал по песку, приподнимая палочкой клубки водорослей и постукивая той же палочкой по больной ноге. Дохромав опять наверх, на скалы, я застыл в неподвижной траве:

— Ариэль?

Она стояла на коленях в воде, опустив голову. Рыжие кудри расступились, открыв жабры. Ее плечи затряслись, замерли, снова затряслись.

— Ариэль?

Я спустился по камням, покрытым пузырями.

Она отвернулась и уставилась в океан.

Детская любовь так важна и так хрупка.

— Ты давно тут сидишь?

Теперь она поглядела на меня. Капли морской воды и другой соленой влаги смешались у нее на лице, застыли на впалых щеках. Лицо было изможденное. Она покачала головой.

Сколько ей лет — шестнадцать? Семнадцать? Как фамилия того гениального психолога, заявившего в семидесятых годах, что подростки — умственно и физически те же взрослые, только не заняты полезной работой?

— Хочешь, пойдем в дом?

Она замотала головой еще чаще, потом остановилась.

После паузы я сказал:

— Наверно, тело Торка отправят обратно в Манилу.

— У него не было родных, — объяснила она. — Его похоронят тут, в море.

— А, — сказал я.

А волны будут таскать грубое вулканическое стекло туда-сюда по песку, меняя форму, стачивая острые углы…

— Ты ведь… Торк ведь тебе нравился, да? Мне показалось, вы друг к другу привязаны.

— Да. Он был очень хороший… — Тут она поняла, что я имею в виду, и заморгала. — Нет. О нет. Я была… была помолвлена с Джонни. Это тот, из Калифорнии, шатен… Ты видел его вчера на празднике… Мы оба из Лос-Анджелеса, но познакомились только тут. А теперь… его тело отправят обратно сегодня вечером.

Глаза очень широко раскрылись, потом зажмурились.

— Мои соболезнования.

Я неуклюжий калека; вечно наступаю другим на больные места души. Наверно, я слишком пристально гляжу в зеркало на несбывшееся и потому не вижу, что творится вокруг.

— Ариэль, мне очень жаль.

Она открыла глаза и начала озираться.

— Пойдем ко мне, я тебя угощу авокадо. На них сейчас сезон — я имею в виду, не в супермаркете. А на старом рынке, на другом конце города. Там они гораздо вкуснее, чем калифорнийские.

Она все озиралась.

— Люди-амфибии не ходят на рынок. И очень жаль, потому что он, наверно, скоро закроется, а свежие продукты там отличные. К ним ничего не нужно, кроме масла и уксуса. — Я откинулся назад и прислонился к скале. — А может, ты хочешь

чая?

— Ладно. — Она вспомнила, что положено улыбнуться. Я знал, что бедная девочка улыбается через силу. — Спасибо. Только ненадолго.

Мы пошли по камням к дому. Море было у нас слева. Войдя во дворик, она повернулась ко мне:

— Кэл?

— Да, что такое?

— Вон те облака вдали, над водой. Они только там, а так небо ясное. Это от взрыва в Шраме?

Я прищурился:

— Наверно. Пойдем в дом.

Нью-Йорк

Ноябрь 1966 г.

Мы, силою неведомой гонимы, по линии начертанной идем (Перевод В. Кучерявкина)

Роджеру Желязны

I

Темнота и крик. Ее крик.

Сначала искры с сухим треском бегут по ее ногам, освещая скалы и землю. Потом — тишина, ни звука, ни вскрика. Она почти падает, резко выпрямляется, серебрятся гетры. Треск-треск-треск. Огонь хлестнул еще выше, она взмахивает руками (пытаюсь сказать себе: «Она уже мертва…»). А силуэт все колеблется, словно вырезанный из белой бумаги и фольги, пылает на огромном ребристом кабеле, уложенном в вырытую нами траншею.

— Все думаешь о своем повышении?

— А?

Я поднял голову и посмотрел на Скотта, уставившего в меня веснушчатый палец. Веснушки, с десятицентовик величиной, цветом как медный пенни, покрывали его лицо, губы, руки, плечи, терялись в золотистых волосах на груди и животе.

— Каково это — быть секционным дьяволом? Два года я ждал этой должности! — (Веснушчатые пальцы щелкнули в воздухе.) — Обойти меня и назначить тебя! — Он откинулся на подвесной койке, сунул лапу под монтажный пояс и зашкрябал ногтями по животу.

Я покачал головой:

— Да нет, я не об этом думал. Так, вспоминал один случай. Ничего особенного.

Ночь неслась за окнами.

Ядозуб мчался вперед.

Свет мазнул по стеклам и ускользнул прочь.

Скотт резко сел, ухватился за пальцы ног и нахмурился:

— Порой мне кажется, я всю жизнь так и пропляшу на этих чертовых струнах простым линейным демоном в серебристом костюме. — Он кивнул на чертеж шестнадцатифутового кабеля в разрезе. — Стукнет тридцать пять, на пенсию потянет — а осталось-то всего ничего, меньше десяти лет, — и что я смогу сказать? Что хорошо работал? — Он зажал край койки в кулаке. — А что ж карьеру не сделал? Значит, не очень-то хорошо

работал. — Пальцы разжались, руки взметнулись кверху. — Приходит черномазый вроде тебя, устраивается на работу, и через три года он уже секционный дьявол!

— Как демон ты лучше меня, Скотт.

— А то я не знаю. — Он хохотнул. — Но вот что я тебе скажу: из хорошего демона не всегда выходит хороший дьявол. Там нужны другие умения. Другие таланты. Черт, Блэки, как друг, я мог бы к тебе и не цепляться. Скажи, когда освободишь эту конуру? Буду привыкать к чьему-нибудь еще барахлу. Ты как, останешься на Ядозубе?

— Меня вроде собирались перевести на Игуану. С учетом волокиты это недели через две, не раньше. Пока буду, наверное, просто помогать Мейбл. Она выделила мне помещение прямо над двигателем. Я ей пожаловался, что ты храпишь, и мы решили, что так будет лучше.

Вроде обменялись выпадами по-честному. Скотт молча кивнул.

Я пошевелил мозгами, что бы еще сказать, и добавил:

— Мне потребуется помощник, и я могу выбирать…

— Да пошел ты! — Он откинулся на спину, так что теперь я видел только его ноги. (Под койкой: один белый шерстяной носок [серый на пальце], журнал, три гаечных ключа.) — Я писанины не люблю. Следить за компьютерами, распутывать, что ты там напутал, составлять и отслеживать заявки, и все это за меньшую зарплату?..

— Я не уменьшу тебе зарплату.

— Все равно я скоро озверею.

— Так и знал, что ты это скажешь.

— Так и знал, что ты вынудишь меня это сказать.

— Ну ладно, — сказал я. — Мейбл просила меня к ней заглянуть.

— Ну ладно, шагай. Хитрая дьяволица Мейбл. Слушай! Ты ведь теперь будешь отбирать новеньких? Будь другом, подыщи мне какую-нибудь девчонку вместо себя!

— Если получится. — Я улыбнулся и вышел.

Рассказать про чрево Ядозуба?

С три четверти мили коридоров (много меньше, чем на шикарном океанском лайнере), два машинных отделения, которые приводят в движение регулируемые гусеницы, несущие нас по суше и по морю; кухня, столовая, электрощитовая, штурманская рубка, кабинет, ремонтная мастерская и так далее. Со всем этим добром в брюхе Ядозуб ползет в ночи (крейсерская скорость около полутора сотен км), вдоль огромных кабелей, которые (спасибо Мировому энергетическому комитету)

опутывают планету и сплетают вечер с ночью, утро с полднем, сегодняшний день с завтрашним.

— Заходи, Блэки, — отозвалась Мейбл на мой стук.

Она откинула серебристые (натуральные, кстати) волосы с серебристого воротника и захлопнула папку.

— Похоже, у нас будет остановка сразу за канадской границей.

— Ну что, есть Скотту напарник в каюту?

— Курсант-энергетик Сьюзан Суяки. Семнадцать лет. Окончила Академию прошлым летом. Третий результат в группе.

— Семнадцать? Скотту понравится.

— Плохо, что у нее нет опыта. Эти отличники вечно дерут нос после училища.

— Я не драл.

— Ты до сих пор дерешь.

— Ну ладно. Скотту нравятся девушки с характером.

— Ее доставят на вертолете прямо к нашему следующему участку.

— Авария на линии?

— Нет. Подключение.

Я поднял бровь:

— Что касается опыта, тут мисс Суяки повезло. Лично я этим занимался всего раз, в свои первые два месяца на Саламандре. Давно это было. Чертовски давно.

Мейбл бросила на меня презрительный косой взгляд:

— Ты не служишь в Энергетическом Корпусе *чертовски* давно. Отличник…

— Для меня это действительно чертовски давно. Не все у нас с тридцатилетним стажем, мэм.

— Я всегда считала, что значение опыта переоценивают. — Она принялась чистить ногти металлической линейкой. — Иначе не рекомендовала бы тебя на повышение.

Н-да, Мейбл — отличный дьявол.

— Ну спасибо. — Я сел и глянул на потолочную карту. — Значит, прокладка. — Задумался. — Наша Саламандра проложила кабели почти по всей Монголии. Надо было подсоединить к линии тибетскую деревушку. Мы тянули кабель по непроходимым горам. Там была какая-то лихорадка, от которой вздуваются волдыри, и врачи пытались пробиться туда вместе с нами. Трое суток мы вкалывали по двадцать четыре часа — тянули линии, ставили розетки, подсоединяли оборудование. Три дня на то, чтобы втащить этот доисторический анклав — они жили в палатках из шкур, в пещерах и шалашах — в двадцать первый век. У них не было даже ничего похожего на калорифер, а

ведь когда мы туда добрались, шел снег.

Мейбл сложила пальцы в замок и подперла подбородок.

— И только подумать, что так они жили последние три тысячи лет.

— Вряд ли больше двухсот. Селение основали беженцы во время японо-китайской войны. Но я понял, о чем вы.

— И что, когда вы оттуда уходили, они были счастливы?

— Счастливее, чем прежде, — сказал я. — И все-таки, если глянуть на карту линий, трудно поверить, что где-то еще остались неэлектрифицированные места.

— Ты прямо идеалист. Каждые пару лет Ядозуб или Игуана натыкаются на поселения, не охваченные нашей сетью. И возможно, что-то будут электрифицировать и сто лет спустя. Люди привыкают к своей отсталости.

— Может быть, да, но граница *Канады*!

— Долго же до тебя доходит… Проснись, мой мальчик! Я тут всем рассказываю, какой ты умненький, на повышение тебя рекомендовала…

— Мейбл, ну как может быть электрификация на канадской границе? Подключают деревни в горной части Анатолии, безымянные островки в Индийском океане, селения в Тибете. А тут Америка, тут места живого не осталось, сплошь кабели. И вдруг поселок, не подключенный к Мировой энергетической системе?

Мейбл кивнула.

— Я не люблю подключений. Всегда что-нибудь идет не так. Казалось бы, действуй по учебнику, и все будет проще простого.

— Вы меня знаете. Я никогда не действую по учебнику.

Она проговорила задумчиво:

— Да, малыш. И все-таки я не люблю подключений.

— Тогда, в Тибете. У нас произошел несчастный случай.

Мейбл вопросительно подняла брови.

— Возгорание. Дело было ночью, в одном из соединений обнаружили неисправность, послали человека, это была женщина. Она уже вылезала на защитную оболочку, как вдруг пошел ток. Короткое замыкание. Она сгорела, как мотылек от свечи.

Мейбл перестала кивать.

— Кто это был?

— Моя жена.

— Ох… — Она помолчала. — Хуже нет этих замыканий. Черт знает, сколько энергии уходит впустую, это как минимум. А я еще удивилась, почему ты решил поселиться со Скоттом, а не с Джейн, Джуди или…

— Тогда дамой для моего усталого черного тела была

Джулия.

— Вы с женой наверняка только что выпустились из Академии, года не прошло? Это ужасно, Блэки…

— Да, не прошло. И да, ужасно.

— Я не знала. — Вид у нее был самый искренний.

— Хотите сказать, даже не догадывались?

— Не надо шутить… а впрочем, шути, если хочешь. — (Прекрасная женщина наша Мейбл.) — Подключение у самой канадской границы. — Она покачала головой. — Блэки, у нас с тобой будут проблемы.

— Почему, мэм?

— Повторяю: у тебя будут проблемы со мной, а у меня с тобой.

— Почему, сударыня?

— Ты теперь секционный дьявол. Я тоже. Ты в этой должности шесть часов. Я — шестнадцать лет с хвостиком. Но формально власть у нас одинаковая.

— Прекрасная дама, — воскликнул я, — вы, кажется, изволили спятить!

— Ты никогда не действуешь по учебнику. А я наоборот. Из такого двоевластия ничего путного не выйдет.

— Если вам так легче, я по-прежнему считаю вас боссом. Вы — лучший босс в моей жизни. И вы мне нравитесь.

— Блэки… — Она посмотрела в потолочное окошко, озаренное невидимой луной. — Там, на границе, происходит нечто, о чем я, вероятно, знаю больше тебя. Тебе известно, что будет подключение, известно где, и ты понимаешь, что это странно. Позволь предупредить: тебе захочется провести операцию одним способом, а мне — другим.

— Значит, сделаем по-вашему.

— Только я не уверена, что мой способ лучше.

— Мейбл…

— Ладно, иди, черный рыцарь. Встретимся за канадской границей перед сражением.

Она встала, лицо у нее было очень серьезное.

— Как прикажете, моя госпожа.

— До завтра, Блэки.

Я вышел из кабинета и поплелся к себе, размышляя о рыцарях и днях. Скотт храпел, так что я открыл книгу и читал, пока проносящаяся за окном тьма не начала сереть.

II

Рассветное небо (сверху вниз):

Чернь, лазурь, червлень…

…справа горы, слева дубы, много сосен, немного кленов. Ядозуб встал над пенистым ручьем, прыгающим по камням от водопада. Я вышел на балкон и тут же получил порцию холодного душа: листья стряхнули капли на нержавеющий бок нашего чудовища.

— Привет! Эй, привет!

— Привет.

Я помахал рукой в ту сторону, где по камням спускалась… шлеп! — ну вот, по колено в воде! Она вскрикнула, выбралась на камень и сконфуженно глянула на меня.

— Курсант Суяки?

— Э-э… да, сэр. — Она принялась вытирать ногу; канадские реки, особенно по утрам, не парное молоко.

Я стащил с себя рубаху, смял в комок и швырнул ей.

— Секционный дьявол Джонс. — (Она поймала рубаху.) — Можно просто Блэки. У нас тут без церемоний.

— Спасибо вам большое.

Она подняла серебристые гетры, сняла ботинок и принялась вытирать очень хорошенькую щиколотку.

Я пнул ногой трап.

Лязг! Бамц!

Ступеньки раскрылись, и металлические ноги уперлись во влажные сосновые иголки. Я сошел на землю.

— Давно ждешь?

Она улыбнулась:

— Нет, меня только что высадили.

В подтверждение ее слов раздался рев и над деревьями поднялся вертолет.

Курсант Суяки живо вскочила и замахала руками.

Кто-то в кабине замахал в ответ и тут же пропал за медным отблеском на стекле.

— Мы видели, как вы становитесь на стоянку… — Она окинула взглядом громадное тело Ядозуба.

Не помню, говорил я или нет?

Скрестите броненосца с футбольным полем. Пусть детеныша выкармливает танк. К подростковому возрасту получите Ядозуба.

— Я буду работать под вашим руководством?

— Под моим и Мейбл Уаймен.

Она посмотрела вопросительно.

— На самом деле начальник у нас — секционный дьявол Уаймен, Мейбл. А я только-только произведен из линейных демонов.

— Ой, поздравляю!

— Эй, Блэки! Это что, моя новая соседка?

— А вот это, — я указал на перегнувшегося через перила Скотта, с ног до огненно-рыжей головы покрытого веснушками, — твой напарник. Будете жить в одной комнате.

Скотт сбежал по ступенькам, босой, джинсы обрезаны на середине бедра, пояс для инструментов полон разнокалиберными кусачками, рулетками, катушками с изолентой.

— Сьюзан Суяки, — объявил я, — Скотт Макелуэй.

Она протянула руку:

— Очень приятно…

Скотт положил обе лапищи на плечи мисс Суяки:

— Мне тоже, зайка.

— Мы будем работать в паре? — радостно спросила Сьюзан. — Это здорово! — Она стиснула его руку. — Думаю, все будет отлично!

— Ну конечно, — ответил Скотт. — Я… — Тут ухо у него порозовело. — Надеюсь, что да.

— Эй, вы, там, парочка демонов, давайте-ка к гнезду хамелеона!

Скотт, держа Сью за руку, указал в сторону балкона:

— Это Мейбл. Эй, босс! Куда идем, может, надеть ботинки?

— На разведку. Иди так, если хочешь.

— Хамелеона мы держим под левой гусеницей, — объяснял Скотт, ведя Сью вдоль цепной передачи Ядозуба — каждое звено в человеческий рост.

А я думал: если бы сутки назад Мейбл крикнула: «Эй, вы, там, парочка демонов!..», этими демонами были бы мы со Скоттом.

Она, вся в серебре, спускалась ко мне по ступенькам.

— Улыбка перед поединком, Бритомарта?[22]

— Блэки, я превращаюсь в распутную старуху.

На нижней ступеньке она приложила указательный палец к моей груди, медленно провела им вниз к животу и уцепилась за ремень.

— Ты прекрасен. А я не улыбаюсь, а хищно скалюсь.

Я обнял ее за плечи, и мы пошли по мягким сосновым иголкам. Руки она держала в серебристых карманах, ее бедро касалось моего бедра, плечо мягко упиралось в мое, волосы щекотали мне локоть. Она глядела на папоротник и на дубы, на скалы и на воду, на бок лежащего Ядозуба, на сияние утра между ветвями.

— Ты дьявол. А значит, я могу говорить тебе то, что было бы бессмыслицей для других.

Она кивнула туда, где за трехметровой ступицей только что скрылись Скотт и Сью.

— С нетерпением жду ваших слов, госпожа.

Мейбл указала на Ядозуба:

— Блэки, ты понимаешь, что такое на самом деле Ядозуб и линии, по которым он рыщет?

— Догадываюсь, что вы ждете ответа не по учебнику, мисс Инструкции-и-Правила.

— Это символы образа жизни. Всемирные линии электропередачи поддерживают работу сотен тысяч холодильных установок на экваторе, обеспечивая хранение продуктов; благодаря им Арктика стала обитаемой. Население таких городов, как Токио и Нью-Йорк, сократилось втрое. Прежде люди боялись, что на планете станет слишком тесно, что наступит голод. И притом бóльшая часть населения обрабатывала менее трех процентов пахотной земли, жила менее чем на двадцати процентах земной поверхности. Всемирные линии электропередачи означают, что человек может жить на суше, где захочет, и много где под водой. Государственные границы служили предлогом для войн, теперь они нужны лишь картографам. А мы в брюхе Ядозуба дальше других от того образа жизни, который помогаем поддерживать, — ирония судьбы, не так ли? И все же мы в выгодном положении.

— Согласен.

— А ты когда-нибудь задавал себе вопрос — почему?

— Образование, много свободного времени, — предположил я, — мы рано уходим на пенсию…

Мейбл усмехнулась:

— О нет, Блэки, это далеко не все. Мужчины и женщины работают вместе. Наш штурман, Фальто, один из лучших поэтов современности, пишущих по-французски, прославленный на весь свет, и притом лучший штурман, какого я видела. А Джулия, которая нас так прекрасно кормит, может вести Ядозуб почти не хуже меня и пишет паршивые картины, работает с тобой, со мной, с Фальто и Скоттом — мы все работаем на одной станции техобслуживания. И даже тот факт, что ты запросто можешь переселиться из комнаты Скотта, а маленькая мисс Суяки — к нему вселиться с легкостью, которая изумила бы твоих африканских предков не меньше, чем моих финских. Вот что такое этот стальной драндулет.

— О’кей, — сказал я, — я тронут до слез.

Мы обошли ступицу. Скотт открывал вторую дверь хамелеонова гаража и показывал Сью, где хранятся домкраты и графит.

— Некоторым, — продолжила Мейбл, когда я убрал руку с ее плеча, — не особо нравится этот образ жизни. Вот почему мы попытаемся сделать подключение здесь, у канадской границы.

— Подключение? — живо обернулась Сью. — Это когда поселок присоединяют к Всемир…

Тут Скотт со всей силы толкнул Мейбл, и она с криком упала на листья.

Я отпрыгнул назад, а Сью судорожно сглотнула. Что-то вжикнуло о ступицу и унеслось через папоротники, срезая их на лету.

— Глядите! — крикнула Сью.

Я ошалело разглядывал восьмидюймовую царапину на очень крепкой шкуре Ядозуба, примерно на том уровне, где мгновение назад была сонная артерия Мейбл.

За ручьем по камням карабкалась рыжая девчонка, на которой одежды было еще меньше, чем на Скотте.

Сью юркнула в заросли папоротника и подняла лезвие.

— Они пытались кого-то *убить*?

Мейбл пожала плечами.

— Ты кадет Суяки? Мы собираемся обследовать участок подключения. Ой, эта штука выглядит серьезно.

— Я охотилась с боло, — осторожно проговорила Сью. — У себя дома. Но таких никогда не видела.

Два изогнутых клинка соединялись в виде креста, все четыре лезвия были заточены.

— Я тоже первый раз это вижу. Надеюсь, и последний. — Мейбл оглядела поляну. — Я всегда была оптимисткой. Рада познакомиться, Суяки. Ну, заводите Нелли. И бога ради, давайте заберемся внутрь.

Хамелеон, длиной футов десять, почти целиком сделан из прозрачного пластика, то есть из него можно видеть и море, и лес, и закат.

Скотт правил, Мейбл сидела рядом.

Сью и я устроились сзади.

Мы выехали на разбитый асфальт древней дороги и поползли в гору.

— А куда… куда мы едем? — спросила Сью.

— Как приедем, я скажу, детка, — ответила Мейбл.

Она с недовольным ворчанием убрала летающее лезвие в бардачок. И мало чего этим добилась: сквозь прозрачную пластмассу его было прекрасно видно.

III

Сью прилипла к дверце хамелеона:

— Ой, смотрите, смотрите! Вон там, внизу!

Мы уже прилично поднялись по раздолбанному серпантину, так что в просветы между камнями и деревьями видели Ядозуба. Он по-прежнему выглядел большим.

— Э… гляньте вперед, — посоветовал Скотт и сбавил скорость.

Поперек дороги лежало вывернутое с корнями дерево.

Перед ним стоял очень грязный человек. Сквозь сплетение корней за его спиной выглядывала девушка, которая только что пыталась обезглавить Мейбл.

— Кто они? — прошептала Сью.

— Скотт, Сью, оставайтесь на месте. Дверцу держите открытой, чтобы мы могли быстро забраться внутрь. Пошли, Блэки.

Волосы незнакомца под слоем грязи были медно-рыжие.

Его левая щека была когда-то вспорота, а потом зашита кое-как, так что остались поперечные шрамы от ниток. Левое ухо походило на скомканную тряпку. Рубашка с оторванными рукавами и без пуговиц была настолько коротка, что он не смог бы заправить ее в штаны, даже если бы захотел. Еще один рубец, пробороздив густую шерсть на груди и смяв правый сосок, пропадал где-то под воротом.

Мейбл пошла впереди, а когда я попытался ее обогнать, обожгла меня угрожающим взглядом.

Мужик был крепкий, но с намечающейся складкой живота над фиговиной из металлических пластинок и цепи, которой он застегивал усаженный металлическими бляшками ремень. Сперва я подумал, что на ногах у него разная обувь, на одной потертый сапог, но, приглядевшись, понял свою ошибку: на другой вообще ничего не было, кроме черной цепочки на щиколотке, не было даже двух пальцев, среднего и мизинца.

Я глянул ему в лицо, и наши взгляды встретились.

Я был по-прежнему без рубахи, Сью в хамелеоне по-прежнему сидела в закатанных штанах. Одна лишь Мейбл выглядела аккуратно и подтянуто.

Он глянул на Мейбл. Глянул на меня. Снова на Мейбл. Потом наклонил голову и сказал:

— Хр-р-ап-тьфу! Что вам тут нужно?

В итоге вступления к этой речи в восьми дюймах к северу от обутой ноги Мейбл и в шести к югу от его босой возникло нечто похожее на желтую устрицу.

Он вскинул голову. Мокрая нижняя губа отвисла, обнажая длинные желтые зубы.

— Доброе утро. — Я протянул руку. — Мы… — (он глядел на мою ладонь), — проводим изыскания.

Он вытащил большой палец из драного кармана, и мы обменялись рукопожатиями. Покрытая слоем грязи, мозолистая, это была рука очень крупного мужчины, который грыз ногти с раннего детства.

— Да? Какие такие изыскания?

На пальце красовался изумительный перстень.

— Мы из Мирового энергетического комитета.

Взять золотой самородок неправильной формы…

— Так я и думал. Видел вашу машину там, на дороге.

…раза в три больше, чем хороший вкус дозволяет для перстня…

— Нам сообщили, что этому району недостает энергии для такого количества жителей.

…провертеть в нем дырку для пальца, чтобы почти все неровности остались с одной стороны…

— Наверное, козлы из Хайнсвиля нажаловались. А мы живем тут, а не в Хайнсвиле. Не понимаю, какое им до нас дело.

…в золотой кратер, не по центру, вставить опал размером с ноготь его… нет, моего большого пальца…

— Мы должны проверить. Недостаток энергии — это всегда плохо.

…в кончики трех держащих опал зубцов вставить по бриллиантику…

— Вы так думаете?

…а по неровностям и складкам блестящего металла раскидать кусочки сподумена, пиропа, шпинели — все абстрактно, все великолепно.

— Послушайте, мистер, — сказал я, — в докладе из Хайнсвиля говорится, что на этой горе проживает более двадцати человек. В Энергетическом комитете не зарегистрировано ни одной розетки.

Он сунул руки в задние карманы:

— И впрямь, я вроде ни одной не видел.

— Сколько энергии и сколько розеток должно быть доступно каждому, устанавливает закон, — сказала Мейбл. — Мы будем прокладывать здесь линии сегодня днем и завтра утром. Мы не собираемся доставлять вам неприятностей и не хотим, чтобы их доставляли нам.

— Почему вы думаете, что кто-то может доставить вам неприятности?

— Ваша приятельница уже попыталась отрезать мне голову.

Он нахмурился и глянул в путаницу корней. Потом вдруг

перегнулся через ствол и размахнулся рукой:

— А ну, вылезай отсюда, Питт!

Девушка взвизгнула, между корней мелькнуло ее лицо (гладкие волосы, россыпь прыщей на худых щеках и остром подбородке), звякнули метательные лезвия на бедре, и она пропала в лесу.

Когда мужик повернулся, я увидел у него на плече татуировку: крылатый дракон обвил свастику и грызет ее.

Мейбл продолжала:

— Утром мы закончим внизу, а днем потянем линию наверх.

Он ответил полукивком (опустил голову и не поднял), и тут до меня дошло, что мы что-то делаем не так.

— Мы не сделаем вам ничего дурного, — сказал я.

Он снова положил руки на пояс.

— И вы поможете нам, если объясните это другим. Если у кого-нибудь возникнут вопросы, если что-нибудь будет неясно, можно прийти и спросить меня. Я секционный дьявол Джонс. Просто подойдите к Ядозубу и спросите Блэки.

— Роджер… — дальше последовала непроизносимая польская фамилия, которая начиналась на «ж» и заканчивалась на «ы». — Если возникнут затруднения, можете обращаться ко мне. Хотя не обещаю, что смогу помочь.

Хорошая заключительная фраза. Только Роджер стоял и никуда не уходил. И Мейбл явно не одобряла происходящее.

— А где здесь люди в основном живут? — спросил я, чтобы заполнить паузу.

Он вскинул подбородок:

— В Небесной обители.

— У вас есть кто-нибудь старший, мэр или староста, с кем я мог бы поговорить?

Роджер посмотрел на меня так, словно выбирал, куда бы врезать, чтоб я сразу отключился.

— Именно поэтому я здесь и разговариваю с вами.

Я не спросил: «Ты?!» Я сказал:

— Тогда, может, поднимемся в поселок? Мне надо узнать, сколько людей там проживает, предложить оборудование, разобраться, что предстоит сделать.

— Вы хотите подняться в Обитель?

— Если можно.

Он сжал кулак и перстнем почесал себе шею.

— Хорошо. Только дальше вы на этом не проедете. — Он махнул в сторону хамелеона.

— Тогда, может, вы нас проводите?

Роджер задумался.

— Ну конечно. — Он растянул губы в улыбке, показав желтую клеть зубов. — И назад тоже доставлю.

Маленькая победа.

— Подождите минутку, — сказала Мейбл, — мы сходим к машине, предупредим водителя.

Мы зашагали к хамелеону.

— Что-то не слышу радости в твоем голосе по поводу моей попытки заключить мир.

— Разве я сказала хоть слово?

— А я как раз ждал его. Ты, Мейбл, представляешь, как живут эти люди, если Роджер у них глава Торговой палаты?

— Вполне.

— Он ничем не лучше тибетских селян. А девчонку видела? И это в середине двадцать первого века!

— …у канадской границы. Скотт, — сказала Мейбл, — отвези меня и Сью обратно. Блэки, если к ночи не вернешься, мы отправимся тебя искать.

— Ты разве не со мной? — Я глянул в озадаченное лицо Скотта и добавил: — Да не волнуйся ты, куда я денусь? Сью, отдашь мне рубаху?

— Ой, простите ради бога! Вот, держите. Правда, она еще сырая…

— Мейбл, может, все-таки пойдем вместе?

— Блэки, два дьявола во главе операции — слишком много. А если не останется ни одного, возникнут проблемы другого порядка. Ты теперь взрослый дьявол. Сам знаешь, что делаешь. И я знаю. Боюсь, ты сошел с ума.

— Ме-е-ейбл…

— И хватит об этом! Сей добро, если сможешь. Если это избавит нас хоть от десятой доли хлопот, с которыми, я уверена, мы столкнемся, я буду тебе очень благодарна.

Она с решительным видом, Сью и Скотт — с обескураженным забрались в хамелеон.

— Да… — Мейбл снова высунула голову, — верни им это. — Она протянула мне метательное лезвие. — До вечера.

Хамелеон тронулся вниз по серпантину. Я натянул рубаху, сунул лезвие за пояс и пошел к Роджеру.

На лезвие он особого внимания не обратил, так, скользнул взглядом, но, кажется, в этот момент мы оба подумали друг про друга что-то очень нехорошее.

— Ну, пошли.

Он перелез через ствол. Я за ним.

Сразу за деревом лежал старенький двутурбоптероцикл. Роджер поднял его за черно-желтое облупившееся крыло, по

форме как у летучей мыши. Свободной рукой взялся за рукоятку управления. Другой рукой с тем равнодушием, за которым мы иногда пытаемся скрыть сильные чувства, погладил крыло.

— Давай прыгай на мою метлу, и я отвезу тебя в Обитель ангелов. — Он улыбнулся.

И я многое понял.

Итак:

НЕБОЛЬШОЕ ЭССЕ,

описывающее феномен, возникший около полувека назад, когда число, обозначающее год, было с тремя нулями. (Примерно в то же время начали прокладывать первые кабели, а по миру начали рыскать демоны в серебристых доспехах, сращивая разрывы, чиня реле, заменяя износившиеся защитные оболочки. Социологические связи выведите, пожалуйста, сами.) Тогда птероциклы вошли в моду как средство передвижения на небольшие (а иногда и вполне приличные) расстояния. И тогда же они полюбились довольно странной группе асоциальных личностей. Они называли себя индивидуалистами, но перемещались стаями. Недовольные современным обществом, выуживали из прошлого символы самых деструктивных эпох: череп и кости, фасции, свастику, гильотину. Их обвиняли в самых гнусных поступках, иногда оправданно, иногда нет. Они называли себя ангелами (Ночные Ангелы, Красные Ангелы, Ангелы Ада, Кровавые Ангелы; одно из этих названий было позаимствовано у сходного популярного культа полувековой давности[23]. Впрочем, и большинство их мифологических побрякушек было взято напрокат). Общепринятое социологическое объяснение: реакция на децентрализацию, последние рецидивы насилия. Психологическое: на что похож птероцикл? Две круглые турбины, на которых сидишь между крыльями, и шестифутовая металлическая оглобля растет между ног, ею нужно править (отсюда и название «метла») — и больше ничего, кроме очков, между тобой и небом. В общем, понятно, о чем речь. И последнее. Ангелы были продуктом рубежа веков. Уже лет тридцать про них никто не слышал. Они исчезли вместе с неоновыми пуговицами, насморком и

прозрачными виниловыми шортами. Да, подростки двадцать первого века чего только не вытворяли!

Конец

Я влез на заднее сиденье. Роджер устроился впереди и большим пальцем правой ноги нажал одну из кнопок на подножке (чтобы выделывать в полете всякие фокусы, на кнопки надо жать быстро, следовательно, босой ногой), врубил газ, и у моих ног взметнулись листья. Птероцикл понесся над дорогой, раза два подпрыгнул на ухабах и свернул с обрыва. Мы упали футов на десять, прежде чем поймали воздушный поток и начали плавно набирать высоту. Роджер летел без очков.

Ветер из-за его плеч нес запах — сначала я подумал, что так пахнет птероцикл. Вообразите самогонщика, не мывшегося месяца три. Но летал Роджер, конечно, здорово.

— Сколько вас в Небесной обители?

— Что?

— Я спросил, сколько человек в…

— Примерно двадцать семь.

Мы сделали крутой вираж прочь от горы, потом снова к ней.

Внизу блеснул Ядозуб и тут же пропал среди камней. Гора развернулась перед нами, открывая скалистое ущелье.

В его конце, аркой нависая над горным потоком, вытекающим из паха скалы, стоял дом — уродина из стекла и бетона, типичная для конца двадцатого века (до энергетической системы). Четыре этажа, террасами спускавшиеся вниз, упирались в скалу. Почти все окна были выбиты. Там, где раньше располагался сад, теперь все заросло лисохвостом и диким виноградом. От пруда в конце дороги (скорее всего, той самой, по которой мы ехали на хамелеоне) к террасам поднималась внушительная металлическая лестница, вся в пятнах ржавчины, как змея.

И все же здание сохраняло массивную величественность. У кирпичной балюстрады стояло штук двадцать птероциклов — что может быть удобней для взлета, чем бетонный карниз с обломанным ограждением? Один птероцикл лежал в сторонке, перед ним среди деталей разобранного двигателя стоял на коленях какой-то парень; другой, уперев руки в бока, давал ему советы.

Третий, приложив ладонь козырьком ко лбу, смотрел в нашу сторону. Еще парочка остановилась на краю пруда. Я узнал девушку, Питт, которая была с Роджером внизу.

— Небесная обитель?

— Что?

Моторы у птероциклов громкие.

— Это Небесная обитель?

— Ага!

Мы скользнули меж скал, пронеслись над пенистым потоком, взмыли к стеклу и бетону. Заскрежетал под полозьями цемент, и мы остановились.

Из разбитого окна вылезли двое парней. Еще двое поднялись по ступенькам. Наблюдатель с верхней террасы исчез, но через минуту снова появился, а с ним еще пятеро, включая девчонку.

Грязные лица, длинные волосы, серьги в ушах. (Я насчитал еще четыре порванных уха; если бы я носил серьги, то старался бы избегать драк.) Рыжий парнишка с редкой порослью на подбородке уселся на стойку для птероциклов, распахнул кожаную куртку и принялся черными ногтями чесать живот. Дракон на его груди махал крыльями над перекошенным крестом.

Я слез с птероцикла слева, Роджер — справа.

Голос спросил:

— Это кто?

Несколько парней обернулись, потом расступились.

Она стояла в свете зари за шлейфом осколков у разбитой стеклянной стены.

— Из Мирового энергетического комитета. — Роджер ткнул в мою сторону большим пальцем. — Они остановились внизу.

— Скажи ему, чтобы убирался ко всем чертям.

Она была немолода, но по-прежнему красива.

— Пускай продает свой товар в другом месте, мы в нем не нуждаемся.

Остальные задвигались, зашумели.

— Тихо, — сказал Роджер. — Он ничего не продает.

В своей серебристой форме я чувствовал себя неловко и гадал, каким образом мне удалось привлечь Роджера на свою сторону.

— Это Фидесса, — сказал он.

Она шагнула на площадку.

Широкие скулы, темный рот и еще более темные глаза. Мне бы хотелось назвать ее волосы янтарными, но то был настолько темный янтарь, что его отлив проступал лишь под прямыми солнечными лучами. Сейчас они рассыпались по ее плечам в ярком утреннем свете. Руки у нее были в муке, и, подходя ко мне, она вытерла их о бедра.

— Фидесса?

Ну что ж, прекрасно. Я ничего не имею против реальности,

подражающей искусству.[24]

— Нормальный парень, — ответил Роджер на ее вопросительный взгляд.

— Да?

— Да. Дай пройти.

Он оттолкнул ее. Она чуть не налетела на парня, еле успевшего отскочить. Тем не менее она кинула на беднягу взгляд, говоривший *«noli me tangere»*[25] [26]. И при этом ни капли не утратила достоинства.

— Хочешь посмотреть, как мы живем? — спросил Роджер и направился в дом; я за ним.

Один из парней — похоже, это входило в его обязанности — взял птероцикл Роджера и понес к стойке.

Фидесса вошла вместе с нами.

— Давно вы тут живете? — спросил я.

— Ангелы обитают здесь уже сорок лет. Одни приходят, другие уходят. Нынешняя компания тут с начала лета.

Мы вошли в комнату. Впечатление было такое, будто сначала тут повеселились вандалы, потом бушевал пожар, а остальное довершило время. Дальняя часть комнаты была вырублена в скале. Одну стену, обшитую деревом, покрывал палимпсест нацарапанных имен и похабщины. Всюду валялись разобранные двигатели и их части, цепи, поленья, грязное тряпье.

— Нам не нужна энергия, — заявила Фидесса. — Она нам ни к чему. — Голос ее звучал враждебно и властно.

— Чем вы тут живете?

— Охотимся, — ответил Роджер, ведя нас к лестнице; стены внизу поблескивали. — Хайнсвиль недалеко, милях в десяти. Когда очень надо, отправляемся туда подработать.

— Маленький такой набег? — спросил я; Роджер сжал губы. — Когда очень надо?

— Ага, когда очень надо.

Откуда-то доносился запах жареного мяса. И свежего хлеба.

Я бросил взгляд на испачканные мукой бедра Фидессы; она покачивала ими при ходьбе. Я не стал отводить взгляд.

— Послушайте… — Я остановился в трех шагах от двери. — Насчет энергии…

Свет, падавший на мою форму, бил в глаза.

Роджер и Фидесса смотрели на меня.

— Вас тут двадцать с лишним человек, и вы говорите, что люди здесь живут лет сорок. Как вы готовите еду? Как обогреваетесь зимой? А если кому-нибудь срочно понадобится медицинская помощь? Забудьте про закон. Это делается не для нас, а для вас.

— Пошел ты… — прошипела Фидесса и повернулась, чтобы уйти; Роджер взял ее за плечо и потянул обратно.

— Мне не важно, как вы тут живете, — сказал я, поскольку хотя бы Роджер меня слушал. — Но ведь зима на пороге! Ваши метлы летают на жидком топливе. Вы могли бы переделать их в аккумуляторные и подзаряжать прямо здесь. Это в три раза дешевле.

— Полный бак дает на сто пятьдесят миль больше аккумулятора.

Фидесса зло глянула на меня и стала спускаться по ступенькам. Похоже, Роджеру тоже надоело: он пошел следом. Я двинулся за ними.

В нижнем помещении полыхал огонь.

С потолков свисали цепи и блоки. В двух выкопанных в полу ямах горел огонь, покрывая копотью потолок. В лицо мне пахнуло жаром, я скоро вспотел.

Я огляделся, пытаясь понять, как же они тут готовят.

— Это кузница. — Роджер взял молоток и постучал по прислоненному к стене листу гофрированного железа. — Эй, Денни, где ты там?

Босой, весь в саже и лоснящийся от пота. Работа с мехами и молотами так накачала его мышцы, что каждая выступала отдельно. Помыть его да постричь — был бы симпатичный парень лет двадцати? двадцати пяти? Он подошел поближе, потирая кулаком левый глаз. Правый был того серовато-голубого цвета, который у смуглолицых, как он, выглядит ярким, точно взрыв.

— Ты как? — Роджер подмигнул в мою сторону. — Он у нас почти глухой.

Дэнни оторвал кулак от лица и жестом пригласил нас внутрь.

У меня перехватило дыхание.

Вместо глаза в левой глазнице сочилась какой-то дрянью мокрая язва.

Вслед за Дэнни мы прошли между горнов и наковален к верстаку у задней стены. Здесь грудами валялись метательные лезвия разной степени готовности (я тронул свое за поясом). На досках рядом с молоточками, пробойниками и ножами блестели несколько слитков золота, кучка драгоценных камней и три куска серебра. Возле ювелирной наковаленки лежали серьги и пряжка с пустыми гнездами для камней.

— Ты над этим сейчас работаешь? — Роджер взял пряжку грязными пальцами.

Я наклонился, затем перевел взгляд на перстень Роджера и вопросительно поднял брови. (Интересно, почему в присутствии глухих мы либо стараемся обойтись без слов, либо орем?) Роджер

кивнул.

— Дэнни многое тут для нас делает. А какой механик! Мы все неплохо разбираемся в двигателях, но до Дэнни нам далеко. Иногда мы сажаем его на метлу и везем в Хайнсвиль подработать.

— Еще один источник дохода?

— Верно.

Тут между огнями прошла Питт. В руке она держала полбуханки свежего хлеба.

— Эй, Дэнни! — закричала она, чтоб глухой ее услышал. — Я тебе принесла… — Она увидела нас и замолчала.

Дэнни поднял голову, улыбнулся, одной рукой обнял девушку за плечи, другой взял хлеб и вгрызся в него зубами.

Лицо Питт, как зеркало, отразило его улыбку. Страх в ее глазах исчез, когда она смотрела, как он хрустит коркой. В эти мгновения она казалась почти хорошенькой.

Я этому порадовался.

По-прежнему обнимая Питт, Дэнни повернулся к верстаку, порылся в куче колец, выбрал для нее какое поменьше. Она потянулась вперед, и золото блеснуло в ее ладони. Улыбка блуждала по ее лицу, словно отсветы пламени. (На поясе позвякивали метательные лезвия.) У Дэнни было блаженное выражение человека, который сумел кого-то осчастливить.

— Они что, уже всю первую партию из печи вытащили? — Фидесса глянула на хлеб, сердито цыкнула зубом, резко повернулась и ушла.

— Скажи, — спросил я Питт, — тебе здесь нравится?

Она положила кольцо, глянула на меня, и на ее лице снова мелькнул страх.

Дэнни, вероятно, не слышал моих слов, но увидел перемену в лице Питт. Переводя взгляд с меня на нее, он медленно наливался злостью.

— Пошли. — Роджер двинул меня кулаком в плечо. — Не будем мешать маленьким. Идем.

Я, вообще-то, не привык к такому обращению и раскрыл было рот, но вовремя сообразил, что Роджер со всеми так разговаривает. Мы вышли.

— Знаешь что, — сказал Роджер, внимательно глядя себе под ноги, — я хочу тебе кое-что объяснить. — Мы миновали огни. — Не нужна нам никакая энергия.

— Это мне уже сказали. — Я старался говорить так же искренне, как и он. — Но есть закон.

Искренность — моя любимая форма агрессии.

Роджер остановился перед окном (не разбитым), сунул руки в задние карманы и стал смотреть на горный поток.

Я сообразил, что это та река, на которой милей ниже стоит Ядозуб.

— Понимаешь, Блэки, я в этом новичок, — сказал он после недолгого молчания. — Всего пару недель как стал архангелом. И взял это дело в свои руки только потому, что считал: у меня получится лучше, чем у чувака, который был до меня. В частности, я считаю, что надо по возможности избегать неприятностей.

— А кто раньше был у вас главным?

— Сэм был архангелом до меня, а Фидесса — главным херувимом. Они тут всем заправляли довольно жестко.

— Сэм?

— Возьми побольше дерьма, сунь в шкуру раза в три пострашней моей — получится Сэм. Это он выбил Дэнни глаз. Когда нам случается добыть пару ящиков выпивки, тут начинается черт-те что. Сэм спустился в кузницу, раскалил в горне конец трубы и начал ею на всех замахиваться. Ему нравилось, как они отпрыгивают и орут. Вот какое он был дерьмо. А Дэнни вообще не любит, когда балуются с его инструментом. Сэм с трубой погнался за Питт, Дэнни на него бросился. А Сэм возьми и ткни раскаленной трубой ему в лицо. — Роджер сжал кулаки. — Когда я это увидел, сразу понял: надо что-то делать. Пару недель назад у меня с ним была разборка. — Он рассмеялся и опустил руки. — И произошла на небе война в тот день![27]

— Как это было?

Он смотрел на воду.

— Видел верхнюю террасу? Я сбросил его оттуда на следующую. Потом спустился и скинул на нижнюю. — Он указал в окно. — Потом снова спустился и швырнул его в реку. Он некоторое время тут ошивался, пока я не сказал ребятам взять пару факелов и отогнать его за камни, чтоб я его больше не видел. — Роджер, держа руки за спиной, покрутил перстень на пальце. — Больше я его не вижу. Может, он в аду… или в Хайнсвиле.

— А Фидессу… это устроило?

— Да. — Он вытащил руки из-за спины. Солнце заиграло на неровностях перстня. — Вряд ли я бы решился, будь она против. Крутая женщина.

— Шлепнул короля и взял королеву?

— Да нет, сначала я взял Фидессу. Потом пришлось… шлепнуть короля. Такие здесь порядки.

— Роджер!

Он не смотрел на меня.

— Послушай, Роджер, там у наковальни парень, которому

срочно нужен врач. Ты сам сказал, что он в основном зарабатывает вам на хлеб. А ты ничего не делаешь. Чего ради это все?

— Сэм говорил, наша цель — прожить столько, чтобы показать этим ублюдкам, как мы круты. А я говорю, что мы стараемся просто жить.

— Что, если инфекция в глазу пойдет дальше? Я не развожу мораль, я спрашиваю: действительно ли ты делаешь что хочешь?

Он играл перстнем на пальце. Я продолжал:

— Ты отомстил за Дэнни, получил в награду прекрасную даму… Так что насчет инфекции?

Роджер повернулся ко мне; шрам на щеке дергался, лоб прорезали гневные морщины.

— Ты правда думаешь, мы не пытались его лечить? Мы возили его в Хайнсвиль, в Кингстон, снова в Хайнсвиль и, наконец, в Эджвер. Таскали вопящего от боли придурка всю ночь. — Он ткнул пальцем в сторону кузницы. — Дэнни вырос в приюте. Если приволочь его в город, он пугается и старается убежать. Мы не смогли отвести его к врачу.

— Он не убежал отсюда, когда ему выжгли глаз.

— Он здесь живет. Здесь у него есть место, чтобы делать то немногое, что у него хорошо получается. Здесь у него женщина. Здесь он всегда сыт, вокруг него люди, которые о нем заботятся. А с Сэмом… думаю, Дэнни даже не понял, что к чему. Допустим, ты идешь по лесу, на тебя падает дерево и ломает тебе ногу. Ты не бежишь из леса. Дэнни не понимал, что был в Обители важнее, чем Сэм с его командирскими замашками и угрозами сделать из тебя отбивную, если косо на него посмотришь. Потому-то Сэм и ткнул его трубой. Но попробуй объясни это самому Дэнни! — Он указал в сторону кузницы. — А мне объяснять не нужно.

Когда он взмахнул рукой, солнечный луч вспыхнул на перстне. Роджер снова покрутил его на пальце.

— Дэнни делал эту штуку для Сэма. А я снял ее у Сэма с пальца на нижней террасе.

— И все-таки я хочу знать, что будет с Дэнни.

Роджер нахмурился:

— После того как мы не убедили его пойти к врачу в Эджвере, мы вернулись в город, разбудили врача в два часа ночи, уговорили его выйти за город и осмотреть Дэнни там. Врач вколол ему два шприца антибиотика, дал мазь, и Питт следит, чтобы Дэнни мазал глаз каждый день. Врач сказал, перевязка не нужна, на воздухе заживает быстрее. На следующей неделе мы снова покажем Дэнни этому врачу. За кого ты нас, черт возьми, принимаешь? — (Непохоже, чтобы он ждал ответа на свой

вопрос.) — Ты сказал, что хочешь посмотреть, как мы тут живем. Ну давай, смотри. Как закончишь, приходи, я отвезу тебя обратно, и ты скажешь своим, что нам тут энергетические линии не нужны.

Последние слова он подкрепил тем, что потряс перед моим носом пальцем с перстнем.

Я погулял по Обители (раздумывая, пока взбирался по хлипким лестницам, что даже у ангелов есть собственный ад), изображал, будто радуюсь солнцу и ветерку, заглядывал через плечо парням, которые ковырялись в своих птероциклах. При моем появлении разговоры умолкали. Всякий раз, как я поворачивался, кто-нибудь отводил взгляд. Стоило поднять голову, как с верхней террасы исчезала чья-нибудь фигура.

Через долгие двадцать минут я наконец оказался в комнате, где сидела улыбающаяся Фидесса.

— Голодный?

В одной руке она держала яблоко, в другой половинку исходящего паром черного хлеба.

— Ага.

Я сел рядом с ней на скамейку из расколотого пополам бревна.

— Меда?

Мед был в заржавленной по краям консервной банке, из которой торчал кухонный нож.

— Спасибо.

Я намазал мед на хлеб; он таял в порах, будто что-то в ювелирном горне Дэнни. А я ведь еще не завтракал. Яблоко оказалось сочным и таким холодным, что ломило зубы. А хлеб горячим.

— Ты очень любезна.

— Это экономит время. Ты пришел посмотреть, как мы живем. Отлично. Что ты увидел?

— Фидесса… — сказал я после молчания, за время которого пытался увязать ее улыбку с последними словами (они ведь значили «вали к черту»?), но так и не смог. — Я не дурак. И я не вижу ничего дурного в том, что вы приезжаете сюда жить вдали от людей. Цепи и кожа не совсем в моем вкусе, но я не видел тут никого младше шестнадцати, значит вы достаточно взрослые, чтоб голосовать, а для меня это значит — чтобы жить, как считаете нужным. Скажу даже, что ваш образ жизни открывает путь ко всякой мифической и стихийной хрени. Я говорил с Роджером, и да, на меня произвело впечатление, насколько его представление об ответственности сходно с моим. Я тоже новичок в своей должности. И все равно не понимаю этих страданий из-за полудюжины розеток. Мы пришли с миром, и через пару часов

нас тут не будет. Оставьте нам ключи, полетайте с грохотом над какой-нибудь тихой деревушкой поблизости, попугайте местных. Перед уходом мы запрем дверь и положим ключи под половик. Вы даже не заметите, что мы здесь побывали.

— Послушай, линейный демон…

Моя восьмидесятисемилетняя бабка, участница детройтских расовых беспорядков тысяча девятьсот шестьдесят девятого, вероятно, таким тоном обращалась в свисте пуль к ясноглазому гражданскому активисту, который через три года стал моим дедом: «Послушай, белый мальчик…» Теперь я понимал, что бабка хотела этим сказать.

— …ты не знаешь, что тут происходит. Ты провел у нас полчаса, и никто, кроме меня и Роджера, с тобой не разговаривал. Что ты мог понять?

— Не демон. Дьявол.

— Ты видел срез процесса. Знаешь ли ты, что тут было пятью, десятью, пятнадцатью годами раньше? Что будет через пять? Когда я впервые сюда попала, почти десять лет назад…

— С Сэмом?

Четыре мысли пробежали по ее лицу, и ни одну из них она не выразила словами.

— Когда мы с Сэмом впервые сюда попали, в Обители жили полторы сотни ангелов. Теперь — двадцать один.

— Роджер сказал, двадцать семь.

— Шестеро ушли, когда Сэм с Роджером поцапались. Роджер думает, они вернутся. Йогги, может, и вернется. Остальные — не думаю.

— А через пять лет?

Фидесса покачала головой:

— Ты что, не понимаешь? Нас не надо убивать, мы и так вымрем.

— Мы не собираемся вас убивать.

— Собираетесь.

— Когда я спущусь к своим, я буду агитировать в вашу пользу. Дьявол часто говорит, — я отломил еще кусочек хлеба, — медвяными словами. Попытаюсь опробовать это на Мейбл.

Я смахнул крошки со своих коленей, в которых отражалось солнце.

Она печально улыбнулась и снова покачала головой:

— Нет.

Ох, не люблю я, когда женщины улыбаются мне так печально.

— Вы добрый, красивый, может, даже хороший человек.

Вечно они сводят разговор к этому.

— И вы пришли сюда нас убить.

Я возмущенно засопел.

Она протянула мне яблоко.

Я откусил. Она засмеялась.

Она перестала смеяться.

Я повернул голову.

В дверях стоял слегка озадаченный Роджер.

Я встал.

— Отвезешь меня обратно? — спросил я с грубоватой непосредственностью. — Ничего не обещаю. Но постараюсь убедить Мейбл типа как забыть про эту работу и направить свою серебряную колесницу Джаггернаута куда-нибудь в другое место.

— Да уж постарайся, — ответил Роджер. — Ну, пошли.

Пока Роджер отгонял свой птероцикл от табуна, я подошел к краю террасы.

В пруду по пояс в воде стояла Питт и пыталась затащить к себе Дэнни. Было не теплее восемнадцати градусов, но они резвились, словно тритоны в… э-э… более теплом климате.

IV

Вздыбленный Ядозуб?

Смотрите:

Шесть гидравлических подъемников — цилиндры толщиной с бочку — приподнимают подвеску на пять футов, чтобы освободить место для ножей. Тот, что впереди, «плуг», чуть больше черепа трицератопса, с урчанием вгрызается в грунт. То, что раньше урчало, рычит. Боковые ножи скользят назад.

Затем Мейбл с большей частью своего кабинета выезжает на телескопическом подъемнике и смотрит через телекамеру с телеобъективом.

Серебристая команда рассыпается по сосновым иголкам, как блестящие шарики из подшипника. Ядозуб сдает назад, извлекает из земли плуг (угол которого установил один из лучших поэтов современности, пишущих по-французски), и готова траншея двадцать футов в ширину и глубину. Выдвигаются два жвала с шестифутовыми проволочными щетками и расчищают верх ребристой оболочки шестнадцатифутового кабеля. Два демона (Ронни и Энн) управляют щетками, ведут их вдоль ребер, проверяют, нет ли замыканий на высокочастотных уровнях. Когда серебристый червь обнажается на сотню футов, открываются боковые отсеки, и над левой гусеницей выдвигается кран с магнитными захватами.

Одна из самых прямых дорог в мире связывает Ленинград с

Москвой. Тогдашний русский царь, когда его спросили, где именно прокладывать дорогу, взял линейку и соединил города прямой линией, ошарашив архитекторов и строителей. «Здесь», — сказал он. И притом, какой была Россия в середине восемнадцатого века, дорогу построили.

Кроме некоторых глубоководных линий в Тихом океане и высокогорных в Гималаях, магистральные и почти все промежуточные кабели кладутся по тому же принципу. Поворачивает кабель только там, где нужно сделать отводку. Мы делали отводку.

Итак, бригада демонов (Джулия, Билл, Фрэнк, Дмитрий) готовит перемычку: U-образный кабель длиной пятнадцать футов. На концах очень сложные муфты. Их проверяют крайне тщательно, потому что, пока делают отводку, по этой перемычке идет весь ток.

Кран начинает визжать, а Мейбл сидит в своей башне, давит нужные кнопки. Из чрева Ядозуба выдвигается готовая перемычка, а Скотт, держась за трос, едет на ней, как некий инфернальный серфер.

Фрэнк и Дмитрий выкатываются между гусеницами и бегут помогать Сью, чтобы полукруглая перемычка встала на кабель точно в отмеченных мелом местах. Потом к ним спускается Скотт и принимается выплясывать по кабелю с торцевым ключом в руках. В паре с ним — Сью, тоже с ключом. На двух концах перемычки они вгоняют контакты на разную глубину кабеля.

Фрэнк:

— А ловко она управляется!

Дмитрий:

— Может, за столько лет в Академии чему-то научили?

Фрэнк:

— Просто выпендривается, потому что новенькая, а, Сью? Как ты думаешь, если послать ее за жгутом на шею, побежит?

Восьмифутовый штырь проникает до центральной жилы. Там шестьдесят тысяч вольт. Следующий, длиной семь футов шесть дюймов, идет к нулю высоковольтной трехфазной линии с напряжением более трехсот тысяч вольт. Вместе они позволяют обеспечить электричеством город с населением до шести миллионов жителей. Третий штырь опускается к высокочастотной линии общего пользования. Дальше такая же низкочастотная. За ней — слой коммуникационной сети, которая позволит подключится к всемирной компьютерной сети, если вам вдруг понадобится всемирный компьютер. Затем — местные антенны радио- и телевещания. Дальше контрольные цепи, следящие за работой внутренних, и антенны поменьше, сообщающие

непосредственно Ядозубу и его собратьям данные контрольных цепей. И так далее и так далее. По всей шестнадцатифутовой толщине.

Скотт закручивает болт последнего штыря (Сью перегнала его; потом он станет рассказывать, что нарочно поддался), и кто-то машет Мейбл — она заметила, что они на полторы минуты выбились из графика, и забеспокоилась.

Другой кран опускает двойной нож. Трещат зубья, искры отражаются в блестящей форме. Демоны щурятся и отступают назад.

Дмитрий со Скоттом уже катят соединительный диск по металлическим полозьям к краю траншеи. (Эй, Сью! Берегись, малышка! Эта штука весит не меньше трехсот фунтов!)

(«Держу пари, сама она и на сотню не потянет!»)

Еще мгновение — и лезвия убираются. Ядозуб поднимает секцию кабеля и укладывает ее себе под брюхо.

Стык с отводами и зажимами от основного кабеля, чтобы протянуть линию электропередачи к Обители, ставится на место. Снова в дело идут торцевые ключи. Теперь вся команда завинчивает зажимы на контактах.

Мейбл вздыхает и вытирает бледный влажный лоб. Ни одна точка цивилизованного мира и на секунду не осталась без электричества, нигде не закоротило, человеческих жертв — ноль, травм — столько же. Осталось только снять перемычку, и ток снова пойдет прежним руслом. Дальше накладок быть уже не должно.

Роджер доставил меня обратно, когда уже снимали перемычку. С камня на камень я поскакал вниз, сделал ручкой народу, сплясал вверх по лестнице и выбрался на крышу, заслоняясь ладонью от яркого света.

Меня накрыла тень кабинета. Я полез по лестнице сбоку от подъемника и сунул голову в люк:

— Привет, Мейбл! Угадай, что там в Небесной обители.

Она меня, видимо, не ждала, потому что слегка подпрыгнула от неожиданности:

— Что?

— Ангелы с птероциклами, прямиком из начала века. Татуировки, серьги, кожаные куртки и все такое… хотя вряд ли большинству там кожа по карману.

— Очень мило, — нахмурилась Мейбл.

Я подтянулся и сел на пол.

— Вообще-то, неплохие ребята. Чокнутые, конечно. Я видел, у тебя уже все готово. Но что ты скажешь, если мы смотаем наши

удлинители и отправимся куда-нибудь еще?

— Ты с ума сошел. — Она помрачнела еще больше.

— Нисколько. Слушай, они ведь просто хотят жить сами по себе. Давай уйдем отсюда.

— Нет.

— Они думают, что мы хотим их уничтожить. Почему не оставить их в покое?

— Потому что я хочу их уничтожить.

— Да-а? Только не говори, что в детстве тебя напугали ангелы и ты с тех пор мечтаешь им отомстить.

— Я предупреждала, что мы будем спорить, Блэки. — Она крутанулась на стуле. — Последний раз я проводила подключение в Скалистых горах. Секта вегетарианцев. Мясо они ели раз в году в канун осеннего равноденствия. Никогда не забуду лица того ребенка. Первая стрела пригвоздила его рубашку к дубу…

— С Хеллоуином, святой Себастьян. Бррр! Но они вовсе не каннибалы, Мейбл.

— А перед этим мы подключали группу утопических социалистов в Швейцарских Альпах. Я не могу доказать, что в убийствах повинны именно они, извини, я не считаю троих моих людей, которые погибли, когда дело дошло до открытого столкновения. Но в сравнении с ними вегетарианцы были белые и пушистые. А до этого…

— Мейбл…

— Надеюсь, ты перебиваешь меня потому, что принял мою точку зрения.

— Мы говорили с тобой про образ жизни. Тебе не приходило в голову, что образы жизни могут быть разные?

— Глупо отвечать на этот вопрос. Встань с пола.

Я встал.

— Раз уж мы начинаем спор с очевидных банальностей, подумай вот о чем. Тяжелая работа не ломает человеческий механизм. Для этого мы и созданы. Но тяжело работать только для того, чтобы недоедать, или работать больше, чем в твоих силах, чтобы кто-то жил хорошо, когда ты голодаешь, или сидеть без работы и видеть, как голодают ты и другие, — это для человеческого механизма губительно. Помести любую статистически значимую группу людей в такие условия, и через пару поколений получишь войны, гражданские и межгосударственные, а также все неврозы, порождаемые таким *Weltanschauung*[28].

— Ставлю тебе пятерку за банальность.

— В мире, где все взаимосвязано, двести миллионов

голодных азиатов произвели не поддающееся учету воздействие на психологию и социологию двухсот миллионов закормленных и не особенно перетруждавшихся североамериканцев во времена наших дедов.

— Четверка за самоочевидность.

— Вывод…

— За который ты автоматом получаешь трояк.

— …вот уже сорок лет на земле нет войн. В прошлом году в Нью-Йорке было всего шесть убийств. В Токио — девять. Девяносто семь процентов населения земного шара грамотно. Восемьдесят четыре процента знают как минимум два языка. Из всех политических и технологических факторов прошлого века, которые к этому привели, главный, вероятно, создание Мировой энергетической системы. Люди больше не должны работать сверх сил и при этом умирать с голоду. Эта проблема снялась и нынешнее положение сложилось примерно за то время, за какое ребенок становится дедом. Поколение, при котором началось строительство Линий, получило время произвести на свет занятное поколение невротиков, и им хватило ума вырастить достаточно здоровых детей, которые стали нашими родителями.

— Исторический экскурс закончен?

— Не язви. Я просто хочу сказать: в мире, где миллионы гибли на войне и сотни тысяч от других причин, было, *возможно*, какое-то оправдание для того, чтобы при виде несправедливости развести руками и сказать: «А что я могу поделать?» Но нынешний мир не таков. Наверное, мы слишком много знаем про мир наших дедов, если считаем такое допустимым. Однако при нынешней статистике даже один мальчик, пригвожденный стрелами к стволу, — это очень серьезно.

— Но то, что я увидел там, наверху…

— …свидетельствует о насилии, грубости, неоправданной жестокости и если не об убийстве, то о потенциале убийства на каждом шагу. Я угадала?

— Но они сами выбрали такую жизнь! У них собственное понимание чести и ответственности. Ты их не видела, Мейбл. Я видел.

— Послушай! Сегодня утром меня пытались убить вот этой самой штуковиной, которая до сих пор у тебя на поясе!

— Ме-ейбл!.. — Но это восклицание уже не имело никакого отношения к нашему спору.

Она схватила микрофон, ткнула пальцем в кнопку:

— Скотт, что ты там вытворяешь, черт тебя побери!

Ее голос, усиленный громкоговорителями, прокатился по скалам и обрушился на головы демонов.

А Скотт вытворял вот что.

Он вскарабкался на перемычку — ехать обратно в Ядозуба. Почти все штыри были вывернуты, так вот он взял соединительный провод (и небось сказал перед этим Сью: «Держу пари, ты такого в жизни не видела!»), подал на него высокое напряжение и прижал его к металлической оболочке. Ток там в долю ампера, так что опасности почти никакой. А высоковольтное напряжение на оболочке дает коронный разряд по всей длине выкопанного кабеля. Очень впечатляет. Трехфутовые фонтаны искр, а Скотт ухмыляется, и волосы на голове дыбом.

Стена платины…

Река бриллиантов…

Усыпанная самоцветами змея…

Что здесь опасно и почему рассердилась Мейбл, это (Раз) случись что при таком напряжении, мало не покажется. (Два) Перемычка касается (Бах!) крюка лебедки, лебедка крепится к (Пых!) корпусу крана, а кран (Бип!) стоит на главном шасси, а значит, может произойти много чего плохого.

— Черт бы тебя подрал, Скотт!

Мейбл села за пульт и медленно повела вниз рукоятку реостата. Она могла снизить силу тока вообще до нуля (а все вольты мира ничего сделать не могут, если за ними нет ни ампера).

— Они прекрасно знают, что я не люблю, когда впустую тратят энергию! — проворчала она. — Ну все, слышите, шуты в серебряных латах! — загремел ее голос над скалами. — Марш на корабль! На сегодня хватит!

Она злилась. Я не стал продолжать разговор.

Рожденный не в то время, я бродил в недрах Ядозуба. Сел. Снова заходил. Мне нужно было заполнять бумажки в штурманской рубке, а я думал, не лучше ли сменить серебристую форму на джинсы и бороздить облака. Зачем таскаться по свету с грязными демонами, когда можно нестись в ночном небе на метле, бросая свою злость навстречу ветру, оправдывая обычаи ангелов, если не богов, перед… только злился я исключительно на Мейбл.

Я вышел на балкон, отдохнуть от писанины.

И, опершись на поручень, увидел и подслушал:

Сью и Питт стояли на краю траншеи.

— Я тебе скажу, — говорила Сью, — мне нравится здесь работать. Всего два года Академии после школы — и ты знаешь про энергетику все. А еще тут здорово потому, что много путешествуешь.

Она продолжала, словно читала вступление к учебной брошюре. Что ж, неплохое вступление.

— А кстати, — закончила она, и по тону было ясно, что она не сразу решилась задать этот вопрос, — что у твоего парня с глазом?

Питт помолчала, ковыряя носком землю.

— Подрался тут с одним… потом воспалилось.

— Ясно, — сказала Сью; девушки глянули в сторону леса. — А почему он не выйдет? Никто тут его не тронет.

— Он стесняется. А еще он плохо слышит.

— Ну ладно, пусть остается где хочет.

— Здорово, наверное, путешествовать в этой вашей машине, — сказала Питт.

— Хочешь зайти внутрь?

— Нет-нет! Ой, мне уже пора!

Через мгновение она исчезла между деревьев. Возможно, успела заметить меня на балконе.

— До свиданья! — крикнула Сью. — Передай ему еще раз спасибо, что покатал меня над горами! Было здорово!

Через минуту над деревьями, сбивая тонкие ветки, взмыла метла.

Я вернулся к себе. Вошла Мейбл и, усевшись бочком на мой стол, принялась разглядывать бланки, которые я заполнял.

Я придумывал, о чем бы поговорить, чтобы избежать спора с боссом.

— Слишком трудно найти что-нибудь, о чем мы не будем спорить, — сказала Мейбл. — Может, закончим?

— Давай. Только у меня не было возможности спорить.

— Отлично. Продолжай.

— Это ты продолжай. У меня есть единственный способ тебя поймать: дать тебе наговорить столько, чтобы ты сама загнала себя в тупик.

Она положила бланки на стол.

— Поймай себя сам на очевидной банальности: допустим, мы провели линию, установили розетки. Никто не заставит их ими пользоваться. Не хотят — не надо.

— Эх, Мейбл! Это дело принципа!

— Я еще не загнала себя в тупик.

— Послушай… Ты начальник. Я сказал, будем делать по-твоему. И я от своих слов не отступаюсь. Спокойной ночи!

Раздосадованный, но с чистой совестью и в серебристом костюме, я вышел из рубки.

Фрэнк Фальто как-то говорил мне, что по-французски это

называется *l'esprit d'escalier* — остроумие на лестнице. Самые убедительные доводы придумываются задним числом. Я лежал на подвесной койке в новой комнате и не мог уснуть.

Вечер шуршал листьями за окном, бросая на стекло золотые покерные фишки. Поворочавшись, я встал и вышел взглянуть на игру.

На берегу речки я постоял, ногой сбрасывая камешки в воду, посмотрел, как закручиваются воронки, прошел немного вверх по течению. Впереди шумел водопад, сзади демоны на гусеницах Ядозуба смеялись и пили пиво.

Потом кто-то позвал их внутрь, и со мной остались только вечер и шум воды.

И неожиданный смех над моей головой…

Я посмотрел на камни над водопадом.

Там, качая ногами в кедах, сидела Фидесса.

— Привет, — сказал я.

Она молча кивнула, глядя на меня так, будто знает какую-то тайну. Потом спрыгнула и пошла вниз.

— Эй-эй, осторожней! Не поскользнись…

Она не поскользнулась.

— Блэки!

— Мм… Чем могу быть полезен?

— Ничем! — Она сверкнула карими глазами. — Хочешь на вечеринку?

— Что?

— В Небесную обитель.

Так. Раз кабель к ним сегодня не протянули, они там решили, что я одержал верх.

— Знаешь, пока я ничего не сумел для вас сделать. — Ох уж это хитрое «пока». Я почесал в затылке, проделал еще несколько движений, демонстрирующих мою нерешительность. — Очень мило, что вы с Роджером решили меня пригласить.

— Вообще-то, это я тебя приглашаю. Кстати, — (заговорщицкий взгляд), — почему бы тебе не прихватить какую-нибудь из ваших девчонок?

Целую секунду я думал, что это приглашение без всякой задней мысли.

— Роджер бы немного обиделся, если бы узнал, что я нарочно за тобой спустилась.

Парень я высокий, красивый, темнокожий, поэтому привык к подобному обхождению со стороны различных дам даже в наш просвещенный век.

Так что нисколько не смутился.

— Конечно. С удовольствием.

Моей задней мыслью был шанс вытащить туда Мейбл и убедить ее в моей правоте. (И дьяволы, ступив на ангельский порог… я прикончил эту мысль в зародыше.) Кроме того, я все еще на нее злился. Кто захочет отправиться на вечеринку с противником в споре?

Я посмотрел в сторону Ядозуба. На верхней ступеньке трапа сидела Сью с книгой на коленях.

— Эй!

Она подняла голову. Я помахал рукой: иди, мол, сюда. Она отложила книгу и спустилась к нам.

— Чем занимается Скотт?

— Спит.

Одна из причин, почему Скотт никогда не станет дьяволом: он может спать где угодно и когда угодно. А дьявол должен всю ночь не спать от переживаний, а к утру не уснуть оттого, что чересчур взволнован найденным к рассвету решением.

— Хочешь на вечеринку?

— Конечно.

— Фидесса приглашает нас в Небесную обитель. Увидишь свою приятельницу Питт.

Она нырнула мне под руку, положила голову мне на плечо и нахмурилась:

— Питт — странная девушка. — (Морщинки на лице семнадцатилетней девчонки просто очаровательны.) — Но она мне нравится. — Сью подняла голову, ухватилась за большой палец моей правой руки и спросила: — А когда идем?

— Сейчас, — ответила Фидесса.

Мы полезли по камням наверх.

— Когда-нибудь летал на метле? — спросила Фидесса.

— В Академии я возил на ней жену на занятия и с занятий, — ответил я (интересно, как это я до сих пор не включил такой важный факт в свое повествование. Надо подумать на досуге). — Давай поведу.

Мы уселись: я впереди, у рукоятки управления, потом Сью, уткнувшись подбородком мне между лопаток, за ней — Фидесса. Неуклюжий старт, изящный вираж («Вон туда!» — крикнула Фидесса) и разворот над ущельем.

— Мне так нравится кататься на этих штуках! — говорила Сью. — Как на серфинге, только в сто раз лучше!

Это относилось не к моему летному мастерству. Мы ухнули в каменистое устье. (Впрочем, ездить на велосипеде не разучаешься.) На верхнюю террасу я опустился лучше, чем Роджер.

Я обнаружил, где они готовят еду, запах которой я чуял

утром. Фидесса провела нас среди деревьев над домом. (Жарят мясо…) Пробираясь сквозь кусты под руку со Сью, я заметил, что наш бывший курсант морщит носик:

— Свиное барбекю?

На закопченной решетке над неглубокой ямой с углями лежал поросенок, скосив глаза к носу. Уши уже успели обуглиться. Губы завернулись, обнажив зубы. Запах был — с ума сойти.

— Эй! — крикнул Роджер, сидевший по другую сторону ямы. — Решили заглянуть? Молодцы! — Он отсалютовал банкой пива. — На вечеринку?

— Вроде да.

По скале к нам карабкался кто-то с коробкой. Это был рыжий парень с татуированным драконом на груди.

— Эй, Роджер, лимоны нужны? Я был в Хайнсвиле, свистнул коробку лимонов!

Кто-то двумя руками схватил его за шкирку и рванул кожаную куртку на себя. Парень зашатался. Коробка упала на край ямы. Лимоны запрыгали и покатились.

— Да отпусти ты, черт…

С полдюжины лимонов провалилось сквозь решетку. Кто-то пнул коробку, и еще несколько штук покатилось по склону.

— Эй…

Через две минуты после начала потасовки ко мне порхнули две банки пива. Я поймал их и глянув в ту сторону, откуда они прилетели, увидел возле кулера смеющегося Роджера. Я откупорил обе банки (кажется, были времена, когда такой полет не обошелся бы пиву даром, — прогресс), вручил одну из них Сью, отсалютовал.

За спиной Роджера стояла Фидесса. И тоже смеялась.

Сью глотнула пива и спросила:

— А где Питт?

— В доме.

Она сверкнула мне белозубой улыбкой. Я кивнул.

— Позовите, когда будет готово!

Она вскочила, обогнула дерущихся ангелов и запрыгала вниз по камням.

Что там на горе выше Небесной обители?

Я не знал и поэтому оставил пирующих и полез меж зарослей и валунов. Ветер качал сосны. Я заглянул в ущелье, оглядел крышу Обители и сел на поваленное дерево. На душе было спокойно.

Я услышал сзади шаги по листве и не стал оборачиваться. Чьи-то ладони закрыли мне глаза, раздался смех. Фидесса. Я взял

ее за руку и потянул к себе. Она по-прежнему смеялась. Так мы смотрели друг на друга: она — забавляясь, я — с любопытством.

— С чего это ты вдруг ко мне подобрела? — спросил я.

Она задумалась.

— Может быть, потому, что умею отличить лучшее.

— Лучшее?

— Сравнительная степень от слова «хорошее». — Она села рядом. — Я никогда не понимала, как в этом мире распределяется сила. Когда двое дерутся, побеждает более сильный. Я была совсем молодой, когда встретила Сэма. Думала, что он сильный, поэтому пошла за ним. Это звучит наивно?

— Поначалу — да. А если задуматься, то не очень.

— Он хотел полностью противопоставить себя обществу. А для этого нужна… сила.

Я кивнул.

— Я по-прежнему не знаю, растерял ли он ее под конец. Может, просто Роджер оказался сильней. Но я сделала свой выбор еще до того, как они померились силой. И угадала.

— Ты не глупа.

— Да. Но скоро будет еще одна схватка. И мне кажется, я знаю, кто победит.

— А я — нет.

Она посмотрела на свои колени:

— К тому же я уже немолода. Устала быть за ангелов. Мой мир рушится, Блэки. У меня есть Роджер. Я понимаю, почему Сэм проиграл, но не понимаю, почему Роджер победил. А в следующей схватке победишь ты, Блэки. Роджер проиграет. И этого я тоже не понимаю.

— Ты просишь меня, дьявола в серебристых портках, забрать тебя отсюда?

Она нахмурилась:

— Вернись и поговори с Роджером.

— Накануне войны встречаются военачальники противоборствующих армий. Говорят, что война будет всем только во вред. Однако вся вселенная знает, что они будут воевать.

Она глянула вопросительно.

— Это цитата.

— Пойди поговори с Роджером.

Я встал и пошел обратно к костру. Минут через пять меня окликнули:

— Блэки!

Я остановился у дуба, обхватившего мощными корнями валун. В таких местах большим деревьям не за что удержаться, и

они рано или поздно падают.

— Я видел, как ты ушел в эту сторону.

— Роджер, — сказал я, — на Ядозубе все не так здорово, как хотелось бы.

Он пошел рядом со мной.

— Ты не можешь сделать так, чтобы сюда не тянули линию? — Он покрутил перстень на покрытом шрамами пальце.

— В законе сказано, что такому-то числу людей полагается столько-то энергии. Послушай… Ну протянем мы линию. Обязательно ли вам ею пользоваться? Не понимаю, почему это так вас пугает.

— Не понимаешь?

— Я говорил, что сочувствую…

Он сунул руки в карманы. Под деревьями было темно, и, хотя сквозь листья проникал свет, я не видел его выражения.

Его тон меня удивил.

— Ты не понимаешь, что тут происходит, да? Фидесса сказала, не понимаешь. — В голосе его слышалась усталость. — Я думал, ты… — Тут ход его мысли переменил направление. — Эти ваши линии… Знаешь, что удерживает здесь наших ребят? Я не знаю. Зато знаю, что они привязаны к этому месту не так крепко, как ты думаешь.

— Фидесса говорила, они отсюда уходят.

— Я никого не держу против воли. И Сэм не держал. В этом была его сила, и моя. Их свобода была нашей силой. Вы протянете сюда ваши линии, и, будь спокоен, ими станут пользоваться. Может, не сразу. Но станут. Если человека долго бить, он в конце концов сломается.

За деревьями я видел яму для барбекю.

— Может быть, ты просто с этим смиришься.

Он покачал головой. Лицо было совсем скрыто в тени.

— Мне-то что. У меня это было недолго, так что и потерять будет не жалко. Но нет.

— Роджер, ты ничего не теряешь. Ну проведут сюда линии — да наплюй на них, и все.

— Я говорю о силе. О моей силе.

— Не понял?

— Они видят, что происходит. — Он повел рукой, как бы обнимая всех ангелов Небесной обители. — Знают, что идет борьба. И я в ней проиграю. Было бы лучше, попробуй я действовать, как Сэм? Он бы попытался проломить тебе башку. Потом атаковал бы ваш серебряный драндулет с воздуха. Вероятно, угодил бы в кутузку, и мы вместе с ним.

— Да.

— Ты когда-нибудь терял что-нибудь для тебя дорогое, Блэки? Настолько дорогое, что невозможно даже говорить, как оно тебе дорого? Этого не стало. Ты провожал его взглядом. И вот его нет.

— Да.

— Да? Что это было?

— Моя жена.

— Она ушла к другому?

— Сгорела на оголенном кабеле. Это было в Тибете, мы работали ночью. И я все видел. И ее не стало.

— Знаешь, — сказал Роджер, помолчав, — мы с тобой во многом похожи. — Он опустил голову. — Я думаю, каково это будет… потерять Фидессу…

— Почему ты говоришь это именно мне?

Он пожал широкими плечами.

— Бывает, женщина ведет себя так, что чувствуешь… Сэм знал. Но это глупо, да? Ты думаешь, это глупо, Блэки?

Зашуршали листья, послышались чьи-то шаги. Мы обернулись.

— Фидесса?.. — спросил Роджер.

Она остановилась в полумраке. Я догадывался, что она не ожидала нас здесь увидеть.

Роджер глянул на меня. Потом на нее.

— Что это вы там делали вдвоем?

— Просто сидели, — ответила она, прежде чем я успел открыть рот.

Еще мгновение мы стояли молча. Было уже совсем темно. Под нами лежала Обитель. Потом Роджер резко повернулся, раздвинул ветки и зашагал к поляне. Я пошел за ним.

Поросенка уже разделали. Бóльшую часть окорока срезали. Однако Роджер схватил кость и повернулся ко мне:

— Эй, Блэки, ты пришел сюда веселиться! — Его покрытое шрамами лицо исказилось хохотом. — Давай, Блэки, веселись! — Он швырнул горячую кость мне в руки; она обожгла мне ладони.

Роджер обнял кого-то за плечи и начал протискиваться между пирующими. Кто-то сунул мне банку пива. Кость, которую я уронил на бурые сосновые иглы, скоро почернела под подошвами ангелов.

Поесть я себе все-таки добыл. Достал еще выпить. А потом еще.

Помню, как стоял на верхней террасе Обители, опершись на остатки перил. Сью сидела у пруда. Возле нее сутулился Дэнни; плечи его блестели, словно он только что отошел от горна.

Голос за моей спиной:

— Полетаем? Сшибем луну с неба? Я вижу три звезды! Кто их погасит? — Роджер, расставив ноги, балансировал на стойке для птероциклов и грозил небу кулаком. — Я буду летать! Пока моя метла не проткнет в небе дырку! Бог, слышишь меня? Мы идем к тебе в гости! Мы забьем тебя метлами до смерти и будем швырять вниз метеоры…

Вокруг него орали ангелы. Затарахтел птероцикл. Потом еще два.

Первая метла сорвалась с бетона, Роджер отскочил в сторону. Остальные расступились. Метла метнулась над террасой, провалилась за кромку леса и вдруг взмыла над ветвями деревьев, расправляя темные крылья.

— Полетишь со мной вместе?

Я хотел было пожать плечами, но его рука остановила мое движение.

— Там есть боги, на которых стоит взглянуть. Посмотришь со мной?

Кроме пива, они все еще и закидывались таблетками.

— Боги — это низкое содержание сахара в крови, — сказал я. — Святой Августин, индейский пейотль[29]… Ты знаешь, как это действует…

Он повернул свою ладонь так, что ее тыльная сторона уперлась мне в шею.

— Летим!

Дерни он руку на себя, перстень прихватил бы дюйм моей яремной вены.

С площадки сорвались еще три метлы.

— Ладно, почему бы нет?

Он уселся на свой птероцикл. Я взгромоздился за его спиной. Заскрежетал бетон. Мы сорвались с краю, и опять внутри у меня все упало. Ветки цепляли нас, ветки проносились мимо.

Вот мы уже над Обителью.

Вот мы уже над горой, которая выше Обители.

Ветер запрокинул мою голову; я смотрел в ночь. Ангелы проносились над нами.

— Слышь, Блэки! — проревел Роджер, полуобернувшись ко мне. — Ты когда-нибудь шоркал?

— Нет! — твердо сказал я.

Роджер кивком показал, куда смотреть.

В сотне ярдов впереди и выше, прямо над сияющей луной какой-то ангел расправил крылья, развернулся лицом вниз, и вдруг локти его резко сошлись: разом крутанув обе рукоятки газа, он отключил обе турбины.

И его метла камнем полетела вниз, в темноту ночи.

Ниже.

Еще ниже.

Наконец я совсем потерял его из виду на черно-зеленом фоне. И вдруг…

Огонек, озаренные на миг крохотные крылья — птероцикл выходил из пике. Даже на таком расстоянии я отчетливо видел, как гнутся под нагрузкой крылья. Он был так близко к верхушкам деревьев, что в скользящем свете различалась структура листвы. (Сколько ангелов может сплясать на кончике иглы?) Он был такой крошечный…

— На какой мы высоте? — крикнул я.

Роджер откинулся назад, и мы поднялись еще выше.

— Куда летим?

— Чтобы хватило высоты хорошенько шоркнуть.

— Вдвоем на одной машине? — заорал я.

Подъем продолжался.

Вот и ни одного ангела больше над нами.

Только луна.

На луне есть человек.

И он лыбится.

Мы вышли на верхнюю точку дуги. Роджер прижал локти к бокам.

И снова в животе у меня оборвалось. Странное ощущение: вибрация под задницей и на подножках прекратилась. Турбины замолкли.

Мы падали очень тихо.

Ниже.

Еще ниже.

Наконец я схватил Роджера за плечо, нагнулся к нему и заорал прямо в ухо:

— Надеюсь, тебе весело!

Две метлы вжикнули в разные стороны, уступая нам дорогу.

Роджер обернулся:

— Что ты там делал с моей женщиной в лесу?

Когда выключены обе турбины, орать не нужно.

— Грибы собирали.

— Коли зашел спор, кто сильнее, я не хочу проиграть.

— А грибы любишь? — спросил я. — Вот сядем в Обители, отдам тебе всю корзину.

— Я не стал бы шутить, если бы сидел так далеко от рукоятки газа.

— Роджер…

— Когда женщина так себя ведет, сразу видно, что к чему, Блэки. Я наблюдал за тобой, и за Фидессой, и даже за девчонкой,

которую ты притащил с собой. Забирай ее и Питт! Они примерно одного возраста. Питт до нее далеко, конечно. И я не про внешность. Я про шансы выжить, если что. Мне тридцать три, Блэки, а тебе?

— Э-э… тридцать один.

— У нас тоже не сказать что все блеск.

— А если дать себе шанс?

— Отпусти плечо, больно!

Я снова схватился за скобу. Потный отпечаток моей руки остался у него на куртке.

Роджер помотал головой:

— Мне охота посмотреть, как тебя размажет по этим камням.

— Если не включишь газ, упустишь такую возможность.

— Черт, — сказал Роджер и раздвинул локти.

Метла задрожала.

Ветки, которые только что неслись навстречу, замедлились. (Я различал отдельные ветки!) Сила поворота чуть не выбросила меня из седла. Я говорил раньше, что видно, как гнутся крылья? Это и слышно тоже. Свист, рев, визг.

И вот мы наконец снова плавно набираем высоту.

Я посмотрел вверх.

Перевел дух.

Ночь была прохладна, полна звуков и прекрасна.

Еще один ангел, крохотный в вышине, камнем упал на фоне луны. Мы взмывали вверх, он несся к нам.

Роджер первый заметил неладное:

— Эй, да там у него что-то не так!

Парень не прижимал локти к бокам, а быстро двигал ими, словно пытался что-то открутить.

— Заело! — охнул Роджер.

Остальные тоже это заметили и устремились за ним. Падал он быстро, и его мотало. Он пронесся мимо нас!

Зубы у него были оскалены, глаза выпучены. На голой груди извивался дракон. Это был рыжий парень в расстегнутой кожаной куртке.

Все ангелы, что были в небе, стаей летели за ним.

Он был прямо под нами. Роджер рванул наперехват, но промахнулся, и парень снова промчался мимо нас.

Одно крыло у него отчасти слушалось, но толку от этого было мало: он просто заваливался в сторону.

Снова ветки…

Тут то, что заело в его птероцикле, включилось. Из турбин полыхнуло пламя, и траектория падения немного спрямилась.

Три секунды я думал, что он выйдет из пике.

Волна пламени прошла по верхушкам деревьев — мы пронеслись над ней. В ее конце ничего не было.

Через минуту мы нашли поляну. Ангелы падали, словно взбесившиеся листья. Мы побежали между деревьями.

Он не разбился насмерть.

Он кричал.

Он выпал из седла и футов двадцать падал, через сучья и ветки. Обе ноги и одна рука были сломаны. Одежда в клочья. Кожа в значительной части тоже.

Роджер забыл про меня и начал действовать быстро и эффективно, уложил рыжего на носилки между двумя метлами и быстро доставил в Хайнсвиль. Рыжий уже только плакал, когда врач наконец вколол ему снотворное.

Мы поднялись над зелеными улицами пригорода и взяли курс на Обитель.

Под нами вилась серебристая змея ущелья.

Луна заливала светом окна Обители.

Там всё знали, — видимо, кто-то успел сообщить раньше нас.

— Пива хочешь? — спросил Роджер.

— Нет, спасибо. Ты не видел девчонку, которая пришла со мной? Думаю, нам пора.

Но он уже двинулся прочь. Несмотря ни на что, праздник продолжался.

Я вошел в дом, поднялся по одной лестнице, по другой, Сью нигде не нашел. Я уже спускался в кузницу, когда услышал крик.

Из двери выскочила Сью, взбежала по ступенькам и врезалась в меня. Только я успел ее подхватить, как из двери показался одноглазый Дэнни, а за ним — Питт. Она вырвалась вперед и занесла руку с метательным лезвием.

И застыла на месте.

— Кто-нибудь мне объяснит, что тут происходит? — спросил я. — Убери свою штуку — а я тогда уберу свою!

Помните про лезвие, которое я заткнул себе за пояс? Теперь я держал его в руке. Мы с Питт разом опустили руки.

— Ой, Блэки, давай уйдем отсюда поскорей, — прошептала Сью.

— Хорошо, — сказал я.

Мы поднялись по ступенькам, нырнули в дверной проем и вышли на террасу. Сью все еще прижималась ко мне. Отдышавшись, она сказала:

— Вот психи!

— Что случилось?

— Не знаю… В смысле… — Она отпустила мое плечо. — Дэн

со мной разговаривал, показывал мне кузницу. Он делает такие красивые вещи. Потом стал ко мне приставать… представляешь, с его-то глазом? Я пыталась его успокоить… а тут вошла Питт… — Она оглядела террасу. — А тот парень, который упал… его отвезли к врачу?

Я кивнул.

— Это тот самый, рыжий, да? Надеюсь, с ним все хорошо. — Сью тряхнула головой. — Он мне лимон подарил.

Рядом появилась Фидесса:

— Хотите домой?

— Ага.

— Берите вот тот птерик, хозяин уже в отрубе. Завтра кто-нибудь отвезет его вниз, он заберет.

— Спасибо.

Зазвенело стекло. Кто-то что-то выбросил из окна.

В дальнем конце террасы праздник перешел в драку. Роджер, неподвижный среди мелькания людей, смотрел в нашу сторону.

Фидесса на мгновение задумалась, потом толкнула меня в плечо:

— Ну, давай.

Мы сорвались с террасы и понеслись над серебристой водой.

V

Скотт открыл один глаз и, нахмурив веснушчатый лоб, свесился с койки.

— Где… — [смазано зевком] — …были?

— На танцах. Не волнуйся. Доставил ее в целости и сохранности.

Скотт потер кулаком нос:

— Весело было?

— Очень увлекательно с социологической точки зрения.

— Серьезно? — Он приподнялся на локте. — А почему меня не разбудили?

Он оглянулся на Сью, которая уже тихо сидела на своей койке.

— Мы трясли тебя минут пятнадцать, а ты пытался двинуть меня в морду.

— Да? — Он снова потер нос. — Не может быть!

— Да ладно, не волнуйся, ничего страшного. Спи дальше. Спокойной ночи, Сью.

Я отправился к себе, забрался в койку и задремал. В ушах

тарахтели птероциклы.

Разбудил меня (сколько прошло времени, полчаса?) треск настоящего мотора. Над крышей Ядозуба спускался птероцикл.

Полозья…

Поправка: не спускался, а сел на крышу.

Я натянул серебристый комбинезон, вышел на длинную террасу, посмотрел влево и наверх.

Глухой стук справа…

Дэнни вставал после неудачного прыжка. Его здоровый глаз часто мигал, на месте второго мерцала влажная тень величиной с кулак.

— Что ты тут делаешь? — спросил я, но слишком тихо, так что вряд ли он меня услышал.

Я глянул вверх — по стене съезжала Фидесса. Дэнни ее поймал.

— Не будете ли так любезны объяснить мне, что привело вас сюда в столь ранний час?

После пяти секунд молчания я решил, что она надо мной издевается. Следующие три меня мучило параноидальное чувство, что я сейчас стану жертвой какой-то изощренной гнусности.

Однако Фидесса была чем-то напугана.

— Блэки…

— В чем дело, малышка?

— Я… — Она потрясла головой. — Роджер… — Она потрясла еще раз.

— Зайдем ко мне.

Она схватила Дэнни за руку:

— Пойдем! Пойдем, Дэнни… пожалуйста!

Она глянула на небо.

Дэнни вяло поплелся за нами. В кающе я увидел у него на лице синяк, которого там прежде не было, к тому же он припадал на одну ногу. Дэнни сел на койку, зажав в правой ладони левый кулак.

Фидесса постояла немного, прошлась по комнате, остановилась.

— Ну, в чем дело? Что там снова у вас стряслось?

— Мы оттуда уходим.

Она смотрела на меня, ожидая реакции.

— Рассказывай.

Она сунула руки в карманы, снова вынула.

— Роджер наехал на Дэнни.

— Что?

Мы оба посмотрели на молчащего кузнеца. Он заморгал и

заулыбался.

— Как только вы улетели, у Роджера крыша поехала.

— Надрался?

— Да нет же, крыша поехала! Привел всех в кузницу, и они принялись там все крушить… Потом он их остановил, но стал говорить, что надо убить Дэнни. Сказал, что Сэм был прав. Потом сказал мне, что убьет и меня.

— Звучит как глупая шутка.

— Он не шутил… — Она мучительно подбирала слова, чтобы объяснить мне, что это было.

— В общем, вы перепугались и удрали?

— Тогда еще я не испугалась, — отрывисто сказала она и подняла взгляд. — А теперь боюсь.

Дэнни, раскачиваясь, положил ногу на ногу и принялся чесать ступню пальцами другой ноги.

— Так это ты притащила сюда Дэнни?

— Он хотел убежать. После драки ушел в лес. Я сказала ему идти со мной.

— Ты умно сделала, что явилась сюда.

Она бросила на меня сердитый взгляд, но гнев в ее глазах сразу же сменился страхом.

— Мы не знали, куда еще идти. — Руки ее сходились и расходились, как крылья. — И в первую очередь я хотела тебя предупредить…

— О чем?

— Роджер… боюсь, он соберет своих и они устроят здесь разборку.

— Что?..

Она кивнула.

— Это уже серьезно. Пошли поговорим с начальством. — Я открыл дверь в коридор. — И ты тоже с нами.

Дэнни удивленно поднял голову, расцепил ноги.

— Да, ты!

Мейбл практиковалась в своих дьявольских талантах.

Окурки от пачки сигарет в пепельнице, повсюду бумаги; один карандаш торчал за ухом, другой она жевала. Было три часа ночи.

Мы вошли в кабинет: я, Фидесса, за ней — Дэнни.

— Блэки? Ой, привет… господи! — Это она заметила глаз Дэнни.

— Привет, Мейбл. Полуночничаешь?

Она нахмурилась, глядя на Дэнни, сообразила, что хмурится, и улыбнулась.

— Что это у парня с лицом?

— Познакомься: это Фидесса, а это Дэнни, они из Небесной обители. Они только что оттуда убежали, а по пути заскочили предупредить нас, чтобы мы ждали в гости банду ангелов, недовольных нашими линиями и розетками.

Мейбл посмотрела на кончики пальцев.

— Это уже серьезно, — повторила она мои слова. Голос звучал устало. — Ядозуб — передвижная ремонтная станция, не мобильная крепость. А как твои миротворческие усилия?

Я собрался виновато развести руками…

— Если бы Блэки не побывал у нас, — сказала Фидесса, — и не поговорил с Роджером, они были бы здесь еще вчера.

Я послал ей астральный поцелуй.

— А с ним что? — Мейбл кивнула на Дэнни. — Кто его так?..

— Что за черт? — В кабинет, как пятнистый грифон, ворвался Скотт. — Куда ты таскал бедного ребенка?!

— Какого ребенка?

— Сью! Ты сказал, что вы ходили на танцы! Я это называю иначе!

— Не понял!..

— Два синяка на ноге, с мою ладонь, а на плече и того больше! Говорит, какой-то одноглазый козел пытался ее изнасиловать…

Тут он увидел Дэнни и нахмурился. Дэнни загадочно улыбнулся в ответ.

— Мне она говорила, — сказал я, — что он пытался ее тискать…

— Ногой и доской два на четыре? Мне она сказала, что не хотела тебе говорить, — он затряс веснушчатым пальцем у меня перед носом, — чтоб ты там не разошелся!

— Послушай, я не собирался от тебя ничего скрывать…

Тут Мейбл встала.

Все сразу замолчали.

Этакая немая сцена, представляете?

Что-то брякнуло в потолочное окно: стекло не разбилось, но пошло трещинами. Мы подпрыгнули, Скотт икнул. На стекле лежало четырехконечное лезвие.

Я подскочил к столу Мейбл и нажал на кнопку рядом с ее большим пальцем.

— Что?.. — спросила Фидесса.

— Прожекторы, — ответил я. — Они нас видят и без света. А так и мы их увидим как минимум метров за пятьдесят.

Прожекторы мы включали, когда работали по ночам.

— Я подниму нас, посмотрим, что происходит, — сказал я Мейбл.

Она уступила мне место за пультом.

Кабинет дернулся, улыбка сошла с лица Дэнни. Фидесса потрепала его по руке.

Кабинет пошел вверх.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь… — начал Скотт.

Мейбл едва заметным движением подбородка велела ему заткнуться.

За окном метлы чиркали в темноте как спички.

Под водопадом шептала вода. Листья на ближних деревьях вспыхивали неоном. И кабель выгибался дугой, словно обглоданное ребро.

По воде скользили тени крыльев. У меня на глазах сели три птероцикла.

— Это Роджер!

У окна Фидесса стояла слева от меня, Мейбл — справа.

Метла Роджера запорхала над кабелем и опустилась на него в пятнышке тени. Я слышал, как полозья заскрипели по оболочке. Еще с полдюжины ангелов приземлились по обе стороны траншеи.

В дальнем конце траншеи Роджер слез с птероцикла, положил его набок и медленно зашагал по ребристой оболочке.

— Что им надо? — спросил Скотт.

— Пойду узнаю, — сказал я. (Мейбл резко обернулась.) — У тебя ведь тут микрофоны слежения…

Чтобы подслушивать за проказливыми демонами: были б они включены днем, Мейбл не дала бы Скотту устроить свой спектакль.

— Слушай, а ты помнишь вчерашний спектакль Скотта? Ты ведь можешь повторить его отсюда?

— Высоковольтный коронный разряд на оболочке. Могу, конечно…

— Ночью будет еще эффектней! Я пойду поговорю с Роджером на кабеле. Если что — я крикну, и сразу включай, пусть поискрит немного. Вреда никакого, зато они напугаются, и я успею сделать ноги.

Я щелкнул выключателем микрофона и направился к люку. Треск помех сменился голосами ангелов.

Мейбл положила руку мне на плечо:

— Блэки, я могу отсюда устроить высоковольтный коронный разряд. А могу и сжечь всех на кабеле.

Я глянул на нее. Глубоко вдохнул. Потом сбросил ее руку с плеча и спрыгнул на крышу Ядозуба. Пробежал по бронированному корпусу к носу, где сияли два прожектора, и посмотрел вниз:

— Роджер!

Он остановился и сощурился на свет:

— Блэки?

— Что ты здесь делаешь?

Не дожидаясь ответа, я пнул ногой задвижку и перелез на двухфутовый крюк крана. Я собирался крикнуть Мейбл, но она и сама все видела. Кран заворчал, и стрела начала поворачиваться.

Я спрыгнул на кабель (свет прожекторов заливал мне плечи) и едва удержал равновесие на ребристой оболочке.

— Роджер!

— Да?

— Что ты тут делаешь?

Другие ангелы кучками стояли на отвале из траншеи. Я шагнул вперед:

— Что вы тут делаете? Ну что молчишь, я в третий раз спрашиваю.

Не так уж сложно быть канатоходцем на канате толщиной в шестнадцать футов.

Роджер сделал шаг. Я остановился.

— Вы не проложите здесь кабель, Блэки.

Выглядел он ужасно. С нашей последней встречи он успел подраться. По виду нельзя было сказать, победил он или проиграл.

— Роджер, возвращайся в Небесную обитель.

Плечи его обвисли. Он то и дело сглатывал слюну. На поясе позвякивали метательные лезвия.

— Думаешь, ты выиграл, Блэки.

— Роджер…

— Нет. Мы этого не позволим. Не позволим. — Он оглянулся на своих ангелов. — ВЕДЬ ПРАВИЛЬНО?!

Я вздрогнул от его рева.

Ангелы молчали. Он снова повернулся ко мне и прошептал:

— Мы не позволим…

Моя тень касалась его ступней. Тень Роджера лежала на ребристой оболочке позади него.

— Роджер, ты напрашиваешься на неприятности. Чего ты добиваешься?

— Хочу проверить тебя на вшивость.

— Вечером уже проверял.

— Это было до того, как… — он скосил глаза на ремень, и у меня засосало под ложечкой, — ушла Фидесса. Она от меня сбежала.

Растерянность прятала его черты.

— Знаю.

Я обернулся на выдвинутый над Ядозубом кабинет. В окне маячили четыре силуэта: два мужских и два женских.

— Она там?! — Растерянность сошла с его лица, и за ней полыхнула ярость. — Она пришла сюда… к тебе?!

— К нам. Твои мозги способны понять разницу?

— А кто там с ней? — Он сощурился на свет прожекторов. — Дэнни?

— Верно.

— Почему?

— Она сказала, он так и так от вас убежал.

— Да чего я тебя тут спрашиваю. Мне все ясно.

— Они нас слышат. Спроси у них, если хочешь.

Роджер оскалился и запрокинул голову…

— Дэнни! Зачем ты от меня убежал? Возвращайся к нам.

Молчание.

— Ты бросишь Обитель, и Питт, и все остальное?

Молчание.

— Фидесса!

Да… Роджер.

Голос ее, обычно такой сильный, теперь почти потонул в помехах.

— Дэнни что, правда хочет убежать к дьяволам?

Правда… Роджер.

— Дэнни!

Молчание.

— Я знаю, что ты слышишь меня! Фидесса, сделай так, чтоб он меня услышал! Дэнни, ты разве не помнишь…

Молчание.

— Дэнни, если хочешь вернуться со мной, выходи сейчас же! Я должен был тебя побить за то, что ты пытался сделать с девушкой. Вот и все. Когда ты украл у нас деньги, Сэм отделал тебя еще хуже. Но труба — это было слишком. А теперь архангел я. Выходи.

По мере того как тишина полнилась волнением Роджера, самой доброй моей мыслью была такая: как Дэнни не понимал жестокости Сэма, так сейчас не понимает щедрости Роджера.

— Фидесса!

Роджер?

— Ты вернешься со мной в Небесную обитель. — Это не было ни вопросом, ни восклицанием.

Нет, Роджер.

Роджер повернулся ко мне, и показалось, что череп у него переломан и кости свалены в мешок лица.

— И вы… завтра вы станете тянуть эти свои кабели?

— Да.

Роджер выбросил кулак, и мир вокруг разлетелся на куски.

— Давай, Мейбл!

Второй раз он ударил через огонь.

Мы оба искрились. Я споткнулся, потерял равновесие, но кое-как устоял на ногах.

Сквозь сияние я увидел, что ангелы пятятся. Разряд напугал всех, кроме Роджера.

Мы сцепились. Искры пробегали по его волосам, вспыхивали в глазах, на зубах; мы боролись в огне. Он пытался сбросить меня с кабеля.

— Я… тебя… раздавлю…

Мы расцепились.

Я отскочил в сторону и, развернувшись к нему, начал отступать. Хотя другие ангелы разбежались, Роджер уже понимал, что фейерверк — не более чем блеф.

Рука его метнулась к поясу.

— Я тебя остановлю…

Лезвие сверкнуло над его плечом, как пылающий крест.

— Роджер, даже если ты остановишь меня, ты не остановишь…

— Я тебя убью!

Лезвие завертелось над кабелем.

Я пригнулся, и оно просвистело мимо.

— Роджер, прекрати! Оставь в покое свои ножи!

Я снова пригнулся, но на этот раз лезвие задело мне руку. Под рукавом побежала кровь.

— Роджер! Тебя сожгут!

— Поторопись!

В воздухе завертелось третье лезвие.

Я прыгнул на край траншеи, упал, перевернулся на спину и увидел, как он пригнулся после броска от силы замаха. Лезвие вонзилось в землю там, где только что был мой живот.

Я сорвал с пояса свое. Швырнув его что есть силы (знал, что промажу, мне нужно было только, чтоб Роджер хоть на секунду помедлил), я заорал в ярости и досаде:

— Жги!

Он занес над головой еще одно лезвие.

Лежа на спине, я никак не мог увернуться. И тут…

Искры втянулись в оболочку.

Краем глаза я видел, как Мейбл в окне кабинета метнулась к реостату.

Роджер застыл.

Потом дернулся, заорал, и судорога свела поднятую для

броска руку.

Крик оборвался.

По джинсам побежали первые язычки пламени.

Цепочка на ноге стала вишневой, от кожи пошел дым.

Вспыхнуло лезвие в поднятой руке.

В небе взревели птероциклы — ангелы спасались бегством. Я перевернулся на живот, кашляя от ярости, и попытался вползти на отвал (запах горелого мяса…), но меня хватило лишь на половину пути: рука отказала. Я распластался и медленно сползал к кабелю. Рот был полон земли. Я пытался ползти, но все равно съезжал. Наконец мои ноги уперлись в ребристую оболочку.

Я свернулся на кабеле, дрожа, и единственная мысль стучала в мозгу: Мейбл не любит попусту тратить энергию.

VI

Червлень, лазурь, чернь…

(Снизу вверх.)

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

Я потрогал повязку под рваным серебром:

— Мейбл, твоя забота прекрасна. Только не перестарайся.

Она глянула в сторону водопада:

— Хочешь проверить Обитель, прежде чем приступим к работе?

Глаза у нее были красными от усталости.

— Да.

— Хорошо. Метла все еще здесь.

Тут как раз с дороги свернул хамелеон. Из кабины высунулся Скотт, одетый по всей форме:

— Я отвез Дэнни в город. Врач осмотрел его глаз. — Он передернул плечами.

— Загони машину и ложись спать.

— На двадцать минут?

— Скорее, на полчаса.

— Лучше, чем ничего. — Скотт почесал в затылке. — Я там слегка побеседовал с Дэнни. Да не пугайся. Он живой.

— Что ты ему сказал?

— Не важно. Главное, что сказал. И он меня услышал.

Скотт хлопнул дверцей, ухмыльнулся за стеклом и поехал к ступице.

Образ жизни.

Мы с Мейбл поднялись на крышу. Здесь Фидесса и Дэнни

оставили метлу. Мейбл, немного поколебавшись, вскарабкалась в седло.

— На хамелеоне туда не проехать, — сказал я.

Заурчали турбины, и мы взмыли над деревьями.

Мы дважды облетели горы. Когда показалась Обитель, я прокричал:

— Сила, Мейбл. Как ты ее делегируешь, чтобы другие работали на тебя? Как организуешь ее, чтобы она не обратилась против тебя, порождая хаос?

— Смотри лучше, куда летишь.

Небесная обитель оказалась пуста. Ангелы покинули свои Небеса. Стойка была опрокинута, на ней ни одной метлы. Огни в кузнице погасли. Мы поднялись по металлической лестнице, заваленной битым стеклом и банками из-под пива. У ямы для барбекю я пнул валявшийся в золе лимон.

— Дьяволы захватили Небеса и увидели, что ангелы оттуда бежали.

— Чертовски похоже на то, — пробормотал я.

На верхней террасе Мейбл сказала:

— Поехали обратно на Ядозуба.

— Прикинула, куда ставить розетки?

— Похоже, им всем здесь разонравилось. — Она глянула себе под ноги. — А если тут больше никто не живет, значит кабель сюда тянуть не нужно — по закону. Быть может, Роджер все-таки добился своего: мы проиграли.

— Погоди…

— Сегодня утром я много об этом думала, Блэки.

— Я тоже.

— Так поделись с дамой своими выводами.

— Мы только что убили человека. А при нынешней статистике…

Мейбл откинула седые волосы со лба:

— Это была самозащита. Впрочем, я сомневаюсь, что сегодня я нравлюсь себе так же, как вчера.

— Так ты не станешь тянуть кабель?

— Нет.

— Погоди… Всего лишь потому…

— Нет, не поэтому. Не из-за ангелов. Из-за того, чему они меня научили. Здесь никого больше нет. Я действую по инструкции.

— Хорошо. Давай возвращаться.

Я тоже не особенно хорошо себя чувствовал. Но я понимал: надо уважать того, кто силой заставляет тебя признать его ценности. А в данной ситуации чем меньше соглашаешься, тем

больше должен уважать.

Мы полетели вниз с горы.

Я приземлился (довольно неуклюже) ярдах в пятидесяти от горной речки.

— Понравилось?

Мейбл только глубоко вздохнула и слегка улыбнулась:

— Наверное, это просто не мое. Пошли.

Я сощурился:

— Иди одна. Я через пять минут догоню.

Она подняла серебристые брови, словно понимала что-то, чего не понимал я, но снова улыбнулась. И пошла вниз.

На самом деле мне хотелось полетать еще. И хотелось выбросить все из головы: в рубке у меня лежала куча незаполненных бланков. Не бог весть какая дилемма, но я никак не мог сдвинуться с места. Я стоял на берегу и носком ботинка сбрасывал камешки в воду.

Шорох листьев за спиной заставил меня обернуться.

Фидесса, закинув ногу на сиденье, поднимала птероцикл. Увидев меня, она съежилась:

— Он мой! — В голосе ее снова звучала та же враждебность, что и в первую нашу встречу.

Я уже сунул руку за спину, прежде чем сообразил, что она имеет в виду птероцикл.

— Ой!.. — сказал я. — Да, конечно. Забирай, я налетался на неделю вперед.

Но Фидесса как-то странно на меня смотрела. Она открыла рот. Снова закрыла. И вдруг зашипела:

— Ты чудовище! Ты чудовище, Блэки, и самое ужасное, что ты никогда не поймешь почему!

Моим первым движением было вновь спрятать руку за спину. Но это было глупо, и я не стал.

— Ты считаешь меня этаким упырем? Но мне чужого не надо. Я хотел вернуть его Дэнни, но он не взял…

Я потянулся к пальцу, чтобы снять перстень.

Тут Фидесса опустила взгляд, и по ее глазам я с изумлением и стыдом понял, что она не видела перстня — до этого мгновения.

Я открыл рот. Извинения, оправдания и упреки вертелись у меня на языке. В итоге я так ничего и не сказал.

— Чудовище! — снова прошептала она еще раз, и от ее торжествующей улыбки у меня побежали мурашки.

Тут Фидесса отбросила назад темно-рыжие волосы и расхохоталась. Смеясь, резко крутанула обе рукоятки. Хохот перешел в рычание. Рычание в рев. Метла подпрыгнула как

бешеная. В радиусе тридцати футов закружились ветки и сухая хвоя. Фидесса опасно (как мне показалось) накренилась вбок, развернулась и взмыла вверх. Крылья чиркнули по кончикам веток, на меня посыпались листья и хвоя.

Я отряхнулся и отступил на шаг. За листьями она взмывала все выше, выше, выше, как старуха Мэг[30], как вечно юная Маб, как летающая Аэндорская волшебница.

Добавить почти нечего.

К концу недели меня перевели на Игуану. Месяцев через шесть пришло сообщение, что Мейбл ушла в отставку. Мировая энергетическая система потеряла еще одного хорошего дьявола. Игуана громыхает главным образом в окрестностях пролива Дрейка, рыщет в Антарктиде и на мысе Горн. Я частенько засиживаюсь в кабинете допоздна: предаюсь воспоминаниям, пока холодные южные ветры бьют в потолочное окно.

Да, вот что я забыл рассказать.

Я ведь тогда ходил посмотреть на мертвого Роджера.

Он упал прямо возле кабеля. И мы собирались похоронить его вместе с кабелем.

Я думал, перстень расплавится. Но рука была лишь немного обожжена.

Я снял с него перстень и выбрался из траншеи на отвал. Кто-то зашуршал в кустах.

— Питт!

Она выскочила вперед, но, видно, передумала и метнулась обратно в кусты.

— Погоди, Питт! Ты не могла бы передать эту штуку Дэнни?

Я протянул ей перстень.

Она осторожно подошла глянуть, что я держу. Ахнула и убежала в лес.

Я надел его себе на палец.

Почти сразу после этого на балкон вышла заспанная, улыбающаяся Сью.

— Привет, Блэки.

— Привет. Как самочувствие?

— Отличное. Правда, тут чудесно?.. — Она согнула руку в локте. — Плечо только немножко болит.

Я нахмурился.

— Да нет, не беспокойся, ничего страшного, я вполне могу [вздох] работать.

— Это хорошо.

— Блэки, а что за шум был сегодня ночью? Я раза два просыпалась, видела огни. Мейбл отправила всех работать ночью?

— Ничего особенного. Просто не подходи к траншее, пока мы ее не засыплем. Ночью у нас были неприятности.

— А что? Тут так чудесно…

— Это приказ.

— Ой. Слушаюсь, сэр.

Она, конечно, удивилась, но вопросов больше не задавала. А я пошел к Мейбл готовиться в обратный путь.

Я сохранил этот перстень.

Нет, я не стал снимать его.

Я продолжаю его носить.

Вот уже много лет.

Он и сейчас у меня на пальце.

И часто, почти так же часто, как ту зиму в Тибете, я вспоминаю октябрь, горы на канадской границе, где солнце поет гимны переменам, где ныне не смеют ступать ангелы[31], где и сегодня по-прежнему веют ветры, деревья по весне одеваются зеленой листвой и грохочет горный поток.

Рифтон

Ноябрь 1967 г.

Медная клеть
(Перевод В. Кучерявкина)

Можно ли описать тьму, царящую в Медной клети? Она слишком всеобъемлюща для слов. И в этой тьме он двигался, пока не остановился в одной из камер, где механические руки опустили его в глицериновый гроб и крышка упала, как перышко на кучу других перьев. О, эта тьма. Может быть, какое-то представление о ней даст отсутствие слов. Может быть, получится дать представление о ней, сказав, что, когда раздались голоса, кроме них, не было ничего:

— Эй!

— …а-а-а-а-а-а…

— Эй! Как тебя кличут, дружище?

— Да он еще не проснулся.

— Заткнись! Эй! Хватит хрюкать, скажи что-нибудь!

— …а-а-а-а… что?..

— Ага, похоже, очухался.

— …кто… вы?..

— Я — Коршун, хрюкало. А там…

— А я — Хряк. Коршун хочет знать, за что тебя.

— Я… Меня зовут…

— Давай-давай, молодец, парень. Выдай Коршуну все, что он хочет знать. Коршун всегда получает что хочет.

— Во-во. Скажи ему, Коршун, пущай выкладывает.

— …Кейдж. Джейсон Кейдж.

— Так кому ты встал поперек дороги, Кейдж, что тебя засунули сюда с такими, как мы?

— Я… послушайте… оставьте меня в покое!

— Нет!

— Я не… я хочу одного: чтоб меня оставили…

— Ах так! Ну тогда попросим Хряка изобразить! Ты, парень, совсем чокнешься, когда послушаешь. Ну-ка, Хряк, изобрази! Постарайся для новенького!

— Алю-глю-глю-глю-гле-гле-гле-гле! Уауауауауауауауауауауауауау! Бада-бада-бада-бада-бада-бада-бада-бада! Алю-глю-глю-глю-глю-глю-глю!

— Хватит!..

— Нет, в покое тебя не оставят, мистер Джейсон Кейдж. Со мной тут целый год никого, кроме Хряка, не было, только с ним и болтали, больше не с кем. А ему, перед тем как сгрузить сюда, выжгли половину мозгов. Нет уж, в покое тебя не оставят! Говори

со мной!

— Коршун хочет знать, за что тебя сюда.

— И ты расскажешь Коршуну, за что тебя упекли в Медную клеть. Ты слышал, мистер Еще-не-проснувшийся-Кейдж?

— (вдох)… (выдох)… наверное, вам сюда редко доставляют газеты.

— Не читал энтих газет даже и на воле. — (Смешок.)

— Заткнись, Хряк! Ну, давай! Трави, Кейдж!

— Я не хочу говорить о…

— Говори!

— Если расскажешь мне про себя, я расскажу тебе про меня. Надо, мистер Кейдж. Про Коршуна я уже слышал почти все. И про себя все рассказал. Пожалуйста, мистер Кейдж…

— Заткнись, Хряк. Кейдж, я сказал, говори!

— Ладно. Ладно. Но это… ужасно больно.

— Пускай будет больно, Кейдж.

— Не для того нас упекли в Медную клеть, чтобы мы радовались…

— Там снаружи целая планета. С какой вы планеты, Коршун?

— Планета называется Скалы, а город — Разлом, где улицы — трещины до расплавленных недр и лава кипит серой и смрадом.

— Ага, ага, ты рассказывал мне про Разлом, где зеленые и желтые дымки вьются меж балконами богатеев…

— Заткнись, Хряк. Продолжай, Кейдж.

— Не надо затыкаться, Хряк. Расскажите лучше о себе.

— Вы хотите знать, откуда я, мистер Кейдж?

— Он с планеты под названием Альба, Кейдж.

— Ага, Альба, верно, а город зовется Сумрак. Сумрак стоит в горах, там у нас во льду вырублены пещеры, а рассветы и закаты пылают огнем, и лед сверкает алмазами.

— Я это слышал, Хряк. Пусть говорит Кейдж.

— Я с планеты под названием… Земля.

— Земля?

— Замолкни, Хряк!

— Из города под названием Венеция. По крайнем мере, там я был, когда меня арестовали, судили и приговорили к заключению в Медной клети до конца дней. Венеция! Так океан входит в город, создавая улицы между великолепными палаццо и грязными трущобами, где меж домами натянуты веревки с бельем, где моторки останавливаются на базарной улице, а их палубы завалены капустой, помидорами, хурмой, мидиями, артишоками и омарами. Там гости, студенты-архитекторы, художники и банкиры прохаживаются по мощеной трапеции

Пьяццы, гуляют меж розовых колонн Дворца дожей, спускаются к набережной и смотрят в узкие каналы, где между дворцом и старой тюрьмой перекинут мост Вздохов. Если студенты видят, что вы одиноко бредете между парком и морем, они подбегут, похлопают вас по спине, и позовут с собой, и потащат в вапоретто, который пыхтит по Гранд-каналу, и будут распевать и шутить с девушками, покуда я показываю Бруно здания, восхищавшие землян со времен Рёскина.[32] Затем бегут по аллее к «Менсе», по мосту Академии с его бурыми, замшелыми снизу досками, мимо винных погребков и по лестнице на верхний этаж, где надо стучать, чтобы кухарка открыла, а потом все едят и поют, а Бруно говорит, что так и надо, что не стоит грустить, потому что это Венеция…

— Эй, в чем дело, мистер Кейдж?

— Продолжай, Кейдж.

— Кто-нибудь из вас видел Медную клеть снаружи?

— Да как ее увидишь, изнутри-то?

— Заткнись, Хряк. Нет.

— Она стоит на заснеженной каменистой равнине. Даже облака здесь жидкие. Сквозь них ночами звезды смотрят на Медную клеть. А она даже не смотрит на них.

— Медную клеть никому видеть не положено, мистер Кейдж.

— Ага, и откуда ты знаешь, какая она?

— Я видел рисунки. Я много такого видел, Хряк, чего мне видеть не положено. Я изучал архитектуру.

— На Земле?

— В Венеции?

— Да-да. Однажды мне дали посмотреть планы. Я имел случай увидеть, куда коридоры ведут и где начинаются.

— Правда?

— Я мог бы рассказать, где лежит каждый кирпич, каждый камень Айя-Софии. Я мог бы рассказать, как и по какому принципу построен оптикоиллюзорный храм Анкора на планете Кеплар, вплоть до последнего зеркала. И мне известен каждый тупик, поворот, ворота, часовой замок и дренажная труба в Медной клети.

— Чего, правда?

— Ты хочешь сказать, что знаешь, как отсюда выбраться?

— Венеция…

— Слышь, Коршун, может, Кейдж знает, как отсюда сбечь?

— Заткнись, Хряк. Продолжай, Кейдж.

— Венеция теперь так далека. Не будет больше веселых ночей в винном погребке, где Джамба бросает нож, чтобы отрезать колбасу, подвешенную к потолочной балке, ночей, когда мы пьем

северные вина и южные, проверить, какое слаще. Их не будет. И Бруно больше нет. И нет больше красавицы с томными очами, которая всех сгубила: меня, Бруно и красавицу по имени…

— Кейдж!

— …Сапфира!

— Слышь, Кейдж!

— Да, Кейдж, слушай Коршуна!

— Нет больше Сапфиры…

— Можешь рассказать, почему мы в этих трех гробах можем друг с другом разговаривать? До этого гроба я лежал в другом. Я орал, и вопил, и выл, как собака. Но только в этом мне отозвались. Отозвался, правда, один Хряк, но раньше и того не было. Это что, какой-то эффект шепчущей галереи?[33]

— Почему мы трое… слышим?

— Ага, расскажи Коршуну и мне — почему? Я до этого гроба был в двух и никаких голосов не слышал.

— Тройное сочленение… да, это должно быть оно. Узники Медной клети заключены в глицериновые гробы, которые кормят их, и моют, и оказывают медицинскую помощь, и следят, чтобы они себя не поувечили… чересчур сильно. Можно довести себя почти до смерти, тогда гроб накачает вас лекарствами, и вы станете здоровее прежнего. Раз в день можно выходить на прогулку, в темноте, в отдельной крохотной каменной каморке…

— Ну да, мы все это знаем, Кейдж. Но почему мы можем трепаться в этих трех гробах?

— Тройное сочленение — это в самом низу тюрьмы, три камеры сходятся у старых канализационных труб. Между этими камерами вместо камня — полые металлические трубы. Сто пятьдесят лет назад проложили новую систему канализации. Если трубы наполнены отходами, через них не слышно. Однако новая система проходит где-то еще, а эти трубы пустые, и у трех гробов на нижнем уровне… в общем, вы слышите через трубы.

— А как насчет свалить отсюда, мистер Кейдж? Мы с Коршуном не прочь сделать ноги.

— Молчи, Хряк.

— …канализация города… выливается в канал, в воду, бумага, листья, отбросы, испражнения людей и животных плывут по черным каналам…

— Чего это с ним, Коршун?

— Молчи и слушай, Хряк.

— …бродил в одиночестве в темных городских закоулках, и небо, подобно пурпурным водам, струилось меж узкими кровлями, вода у моих ног была как грязная кровь, вскрытые артерии, зажатые крошащимися каменными стенками. О, это

страшный город, прекрасный своими фонтанами и ржавыми решетками, хрупкими портиками, нависающими над водой витринами, за которыми сверкает муранское стекло, своими черноглазыми, черноволосыми детьми, смуглыми, как грязное мыло, город красоты, город одиночества…

— Кейдж, мы одни. Здесь, в Медной клети, как все знают, нет тюремщиков, только автоматы. Смена гроба, кормление — все без тюремщиков. А ты говоришь, будто знаешь план Медной клети. Как нам в это поверить?

— Знаю. Я знаю камни города лучше Рёскина, лучше Перси. Я знаю трещину в камне, где Наполеон снес колонну. Я знаю, как работает механизм в темнице, открыв который дож мог затопить нижние камеры, чтобы без лишнего шума избавиться от большого числа политических заключенных. Я знаю подземный ход, по которому «Успение Богородицы» Тициана вынесли из Сан-Марко в подвал торговца шерстью Ди Треви, и фундамент тех ворот, которыми Марион приходил к Анджолине до их помолвки.[34] Я спускался по лестнице дворца, как Байрон и Шелли, и, подобно им, я нашел потайной вход в палаццо Скарлотти, где в зеркальных залах и увешанных шпалерами павильонах растленные сыновья сынов Фоттии до сих пор устраивают ночные оргии. Весь город был открыт передо мной, а я был в нем совершенно одинок…

— О чем это он, а, Коршун?

— Тссс…

— И вот венецианским вечером в мое одиночество вошла Сапфира. Хряк, Коршун, вы когда-нибудь видели женщину?

— Хряк, кто была самая красивая женщина, какую ты видел?

— А? Была такая, Джоди-б звали… ну вот, принесу, бывало, добычу в пещеры Сумрака, а она как увидит, да как захохочет, и давай хлопать меня по спине, а потом отбирает, что получше, а я не даю, а все стоят вокруг огня, и подбадривают нас, и спорят, кто победит, я или она…

— Я знал одну женщину в Разломе. Она шла по горящим улицам, и вокруг нее пламя уходило в землю. Звали ее Ланца, и когда ее огненные волосы касались моего лица, а огненные губы — моих губ…

— Вы не видели Сапфиру, значит не знали женщин вообще. Отец ее был на Земле послом тринадцатой планеты Сириуса. Вы со Скал и Альбы? Она провела зиму на Скалах и лето на Альбе и нашла их скучными, пошлыми, вгоняющими в тоску. И она приехала в Венецию. За один день она попадалась мне трижды. Венеция — маленький город, и, бродя по улицам, встречаешь других гуляющих постоянно. В первый раз на ступенях моста в

Феровии, когда женщины с мужьями втаскивали по ступеням детские коляски, а в толпе сновали продавцы лотерейных билетов. Затем на Риальто, когда уже закрывались стоящие на мосту лавчонки, и она остановилась рассмотреть кувшинчик, потом вернула его на место и стала через перила смотреть на воду. В третий раз я осмелился с ней заговорить; это было на узком канале, она стояла на крохотном Понте-Дьяволо, опершись на перила, закат золотил волны, плещущие о ржавые гнилые камни. Я увидел ее как раз в тот миг, когда она что-то протягивала бродячей кошке. Я подбежал и ударил ее по руке. Она отпрянула в испуге и удивлении, но я объяснил, что бродячие кошки здесь очень злые, а многие и заразные, а вдобавок в городе ловят так много рыбы, что они могут прокормиться сами. Сначала она обиделась и рассердилась, но наконец рассмеялась. Я убедил ее прогуляться до университета — я так ее уговаривал, рассказывал, как весело со студентами и как хорошо гулять по городу в такой компании, — и она улыбнулась и сказала: «Бедненький, вам тут одиноко. Ну конечно же, я пойду с вами». И по пути я рассказывал ей про свои награды, и про здания, которые проектировал, и про мои статьи. А когда мы подошли к Гранд-каналу, я помог ей сесть в вапоретто, и мы поплыли мимо великолепных фасадов, и я показал ей Ка-Д'Оро, скуолы и купеческие палаццо, высящиеся за яркими причальными столбами; отражения мерцали в воде, пока волны от проходящих лодок не разбивали их вдребезги. А когда мы пришли в студенческую столовую, о, как все были приветливы, а Бруно даже пригласил нас на вечеринку, которую устраивал в тот вечер. «Я тебя не мог найти раньше, не то бы уже пригласил», — сказал он. В тот вечер мы пили вино и танцевали на балконе, и ветер подхватил шарф Сапфиры и на мгновение забросил на луну, так что ее лицо оказалось в тени, и я взял ее за руку, а она улыбнулась, а внизу вода несла к мосту отблески серебра. А потом шарф опустился…

— Эй, Коршун! Он опять замолчал!

— Кейдж? Продолжай, Кейдж.

— П-п-почему…

— Все нормально, давай дальше, Кейдж.

— Почему… люди совершают преступления? Вы, голоса во мраке, скажите мне, почему люди совершают преступления?

— Я так потому, что жрать хотелось. В Сумраке бывает холодно. Мне жрать хотелось, а красть легче, чем работать. Раз меня поймали. Все бы обошлось, только потом я снова захотел жрать и опять что-то стащил. Где-то на пятый раз я сцепился с парочкой патрульных, и двое из них откинули копыта, и меня

бросили в Медную клеть. Ты спрашиваешь, почему…

— Я скажу почему, Кейдж. В Разломе на улицах полно горячих огней и горячих людей; есть гордость, есть месть, жгучая ненависть к насквозь прогнившему миру с его клятой моралью. Вот почему я собрал шайку грабителей, и бился с летучими патрульными на крыше дворца, и видел, как один за другим падают мои люди, и хохотал в лучах прожекторов, и грозил кулаком небу, расцвеченному реактивными огнями патрульных, ярче огней на улице, и отстреливался, пока не остался один…

— Нет… Коршун. Это не то, Хряк. Или, может, у некоторых так. Но в моем случае это было больше, гораздо больше. В тот же вечер, позже, я снова вышел на балкон проветриться. Голова кружилась от радости и от вина, и я глядел на воду, огни дрожали, и тут ноги у меня подогнулись, и я упал лицом на холодный каменный парапет и глядел на красные черепичные крыши, выбеленные луной, а потом выпрямился и пошел, шатаясь, к стеклянным дверям. Занавески трепетали на ветру. На ковре валялись бутылки. Темнели пятна пролитого вина. Джамба лежал на диване: волосы всклокочены, рубашка в блевотине. Из тарелок с остатками еды торчали окурки. Комнату освещал лишь огрызок свечи в последней неупавшей бутылке. Белый лунный свет прогнали тени. Я шагнул вперед. Все разошлись, подумал я. Но дверь в комнату Бруно была открыта, и там я увидел их.

Словно тысячи игл разом пронзили мой мозг, силясь стереть увиденное глазами! Я сглотнул подкатившую к горлу желчь! Меня затрясло. Что-то вырвалось из меня, я думал, это будет рыдание, но это был смех.

Бруно поднял лицо от ее спины, нахмурился. Потом спросил заплетающимся языком: «Уходишь?..»

«О да, — ответил я, — но вам обоим придется пойти со мной. Еще не поздно. Пошли-пошли, я покажу вам кое-что действительно интересное». Она глянула на меня, такая же пьяная, как и он, и я понял, что она не сразу вспомнила, кто я такой. О, как я хохотал! Я хохотал как безумный, как маньяк! Я растормошил Бруно, заставил его одеться и, наматывая ей на шею шарф, почувствовал внезапно, как она вздрогнула и отпрянула. Однако я притворился, будто ничего не заметил, я болтал без умолку и почти силой вытолкал их в коридор, и тут Бруно спросил: «Кто во всей Венеции пригласил бы тебя на вечеринку?» Я лишь рассмеялся в ответ, и скоро мы уже шагали по узенькому тротуару вдоль канала.

«Сюда! Сюда!» И они поплелись за мной по набережной, затем в сторону Кампанилы, по мосту Академии, через Страда-Нова в темный безымянный проулок. Мы прошли по еще одному

из тысячи мостов этого города (на самом деле их не тысяча, а всего лишь шестьсот восемьдесят два), и вскоре еще две улочки вывели нас к ступеням, ведущим к Риальто со стороны Феровии. Но туда мы подниматься не стали, а спустились в узкий, выложенный синей плиткой переход, протиснулись в узкие ворота и заспешили по улице, на которой не горели фонари. Я перелез через низенькую стенку.

«Где мы?» — начала она, но Бруно сказал «тсс» и засмеялся. «Я почти год учусь в этом городе, а сам по-прежнему не знаю. А Джейсон знает здесь каждую канаву и каждый закоулок. Он ведет нас коротким путем. — Затем проворчал: — Надеюсь, мы скоро доберемся туда, куда он нас тащит». Но я лишь подгонял их. Помню, она еще сказала: «Здесь канал не огорожен, можно упасть в воду…» — однако я уже отодвигал решетку: «Сюда, сюда». И снова Бруно ответил за меня: «Джейсон обожает устраивать неожиданности. Вечно вылезает в чьих-то подвалах. Понимаешь, Венеция — город интриг…» К тому времени наши шаги и дыхание эхом отдавались в темном тоннеле. Она начала всхлипывать. И вновь я убеждал их идти быстрее. «Не волнуйся, — говорил Бруно, но и в его голосе слышалась тревога. — Джейсон не зря получает свои награды. У него абсолютное чувство пространства. Он не может заблудиться». Мы прошли под решеткой, впускавшей полдюжины лунных лучей в туман над подземным мостиком. Сапфира ахнула. Мостик тоже был без перил. Я посоветовал быть осторожней на скользких ступеньках. Мы вышли из лунного света и через пятнадцать минут были на месте. Я закрыл за нами дверь и облегченно вздохнул. «Пришли, — сказал я. — Ну-ка, Бруно, поможешь мне». Я двинулся вдоль стены, почти что видя планы перед глазами. Четыре ступеньки, пять. «Пригнись, Бруно!» и «Сюда. Дай руку». Я подвел его к огромному колесу с поперечной рукоятью. «Давай-ка нажмем». Он взялся за рычаг. «И что, окажемся у кого-то на вечеринке? Что-то ничего не слышно…» Я перебил его: «Это ход в подвал. Ну, нажали!» Сперва я думал, старинный затвор не сдвинется с места. Всем телом я налег на рычаг, так что носки оторвались от пыльного каменного пола. Потом надавил Бруно… И затвор поддался! Заскрежетало железо. Раздался звук падающей воды. Сапфира спросила: «Что это, Бруно, Джейсон?» Потом она закричала. Вода плескала у моих ног. «Что все это значит?» — воскликнул Бруно. Я отступил от рычага и засмеялся. «Мы в тюрьме, Бруно, в тюрьме герцога, в нижних подвалах, там, где водяной затвор. Помнишь, Бруно? Где он мог открыть шлюз и утопить узников!»

«Послушай, Джейсон, если ты хотел пошутить, то это не

смешно!» Я услышал, как она зашлепала по воде в нашу сторону. «Как отсюда выбраться? Куда нам идти? Здесь темно, ничего не видно». Сапфира снова закричала и споткнулась. Вода хлестала так, что трудно было устоять на ногах; она уже подбиралась к нашим коленям. Я двинулся прочь, они за мной. Сапфира догнала меня, но ударилась головой о выступающий камень и упала. Бруно попытался ее поднять и вдруг рассвирепел, бросился ко мне, схватил меня за плечи. «Слушай, если ты решил нас утопить, то утонешь сам!» Сапфира визжала и бултыхалась позади нас. Я вырывался, но теперь они вцепились в меня вдвоем, и мы все вместе упали. Помню ее мокрый шарф у себя в руке. Они думали, я вынырну, однако я поплыл вниз, чего они не ждали… При таком течении трудно было точно определить расстояние, но я один раз вынырнул, глотнул воздуха, потом поднырнул под низкую стенку, уже затопленную, протиснулся под камнем, вырвался на поверхность и вполз на ступени. Вода дошла уже до середины лестницы. Я слышал их крики за каменной стеной. Когда наконец я встал, вода была мне по грудь… Меня нашли, когда я брел через Пьяццу, перед византийским фасадом собора Святого Марка в тени четырех исполинских бронзовых коней. Я был мокрый насквозь и тащил за собой ее шарф.

— О боги Альбы…

— О единый бог Скал…

— О боги, если они еще остались на Земле, клянусь, я хохотал как демон! Меня нашли. Меня нашли, и я рассказал им все. К тому времени уже выли сирены, но было поздно! Дожи знали свое дело. А поскольку она была дочерью инопланетного посла, преступление отнесли к разряду межпланетных и меня приговорили не к обычной тюрьме, а к межпланетной, под названием Медная клеть…

— Эй, Коршун, он опять замолчал!

— Кейдж! Слушай, Джейсон Кейдж, ты правда знаешь архитектуру Медной клети не хуже устройства тюрьмы как-ее-бишь? Ну же! Говори!

— Знаю. Я знаю их все. Я знаю план подземелий Зеркальной мечети в Иране. Я знаю расположение подвалов Музея Жизни на бете Центавра. Если б Дедал оставил после себя планы Лабиринта и я бы взглянул на них хоть раз, мне не понадобилась бы нить Ариадны…

— Так как насчет Медной клети, Кейдж? Как насчет нее? Можешь ли ты нас отсюда вытащить?

— Отсюда… из тройного сочленения… Здесь совсем близко… да, тоннели, по которым ходили рабочие, когда строили ее давным-давно. Однако… они замурованы. Выбраться? Разве я

имею право выбраться? Я виновен. Сердце мое заковано в глухой панцирь вины. Я здесь, чтобы… страдать. Да! Если бы я и бежал, вина осталась бы тюрьмой для моего сердца.

— Ей-богу, Коршун, он чокнулся.

— Слушай, Кейдж. Есть ли способ попасть в тоннель оттуда, где мы сейчас, из тройного сочленения?

— Вы… вы хотите выйти? Но… но… я их убил. Я виновен. Я заслуживаю…

— Послушай, Кейдж!

— Мое преступление запятнало все планеты.

— Да бросьте вы, мистер Кейдж. Мы хотим отсюда выбраться.

— Говори, Кейдж. Говори, не молчи.

— Она была… она была прекрасна, как вода, как пламя, как туман…

— Говори про Медную клеть!

— Медная клеть? Да, Медная клеть… тюрьма… тюрьма, где три камеры сходятся возле рабочего тоннеля. Возможно, замковые камни… Да, они не зацементированы…

— Что ты там бормочешь, Кейдж? Рассказывай, чтобы я все увидел, ясно, как Венецию.

— Три эти камеры, в которых мы. Они сходятся к канализации, как три больших куска торта. Там, где торт разрезали, — стены…

— А канализационная труба там, где втыкают свечку, когда новорожденному год?

— Да. А камни, где сходятся стены, не сцементированы. Весят они примерно по триста фунтов.

— Триста фунтов? Коршун, одному тут не справиться.

— А вдвоем — вполне, Хряк.

— И каждый закрывает собой люк в рабочий тоннель, который вьется, и поворачивает, и выводит на камни снаружи…

— Хряк, ты станешь толкать со своей стороны, а я со своей.

— А как насчет него?

— Кейдж, мы сдвинем наш камень, а потом твой…

— Нет. Нет, я остаюсь.

— Коршун, крышка гроба открывается, время прогулки. Идем сдвинем этот камень.

— Кейдж, один ты свой камень не сдвинешь. Давай мы тебе поможем. Если мы уйдем, ты останешься здесь навсегда.

— Нет! Нет… Мое место здесь. Я должен остаться… Должен. У меня нет выбора. Я должен стать частью великой Медной башни, ее камнем, ее скальным фундаментом. Я слышу, я слышу вас… слышу, как скрежещет камень о камень. Вы сопите от натуги. Но он сдвигается. Да, я слышу, как он сдвигается со

скрипом, как огромный водяной затвор в темнице дожа. Ага! У вас получилось! Хряк? Каким плутовством блистал ты на Альбе? А ты, Коршун, против кого ты столь яростно боролся на Скалах? Хряк?.. Коршун?.. Коршун?.. Хряк?.. Я вас не слышу! Вы… ушли? Хряк? Коршун?..

Можно ли описать безмолвие, царящее в Медной клети?

Теперь и оно было всеобъемлюще. Быть может, некое представление о нем даст отсутствие слов. Может быть, получится дать представление о ней, сказав, что, когда исчезли голоса, не осталось ничего.

Нью-Йорк

Декабрь 1967 г.

Город Большого хребта (Перевод В. Кучерявкина)

I

— Подумать только! — Смит с верхней ступеньки приставной лестницы.

— Что там? — Джонс снизу.

А Римкин в отчаянии думал: вареная картошка! Господи, вареная картошка! Если натыкать зубочисток в вареную картофелину, сверху приладить еще одну, сделать руки, ноги, голову — вроде снеговика, это будет выглядеть точно как люди в скафандрах на Марсе.

— Вогнутые! — крикнул Смит сверху. — Знаешь эти старые религиозные картинки в витринах магазинчиков, которые следили за тобой глазами? Так и тут, вырезаны обратным рельефом.

— Вовсе не обратным! — крикнул Мак; он стоял рядом с Римкином. — Мне отсюда видно.

— Да нет, не все лицо, — отозвался Смит. — Глаза только. Потому они и казались странными, когда мы шли сюда через пустыню.

Мак, думал Римкин. Мак. Мак. Что особенного в этом человеке, кроме странной фамилии?

— Отсюда они красивые, — сказала Ходжес. — Целый год мы ломали голову, просто это куски красного камня или их кто-то обрабатывал. И вот оно тут, на Большом хребте. Ответ. Посмотрите. Это означает разум. Культуру. Развитую культуру по меньшей мере уровня древнегреческой. Вы понимаете, что промежутки между храмовыми колоннами ведут к совершенно новому направлению антропологии?

— У нас нет никаких свидетельств, что это именно храм, — проворчал Мак.

— Целый новый комплекс исследований! — продолжала Ходжес. — Мы все — сэры Артуры Эвансы, раскапывающие великую лестницу Кносса. Шлиманы, нашедшие сокровища Атрея.[35]

Не знаю, где кто из них, думал Римкин. Их голоса доносятся из окаймленных резиной решеток в моем шлеме. Все эти картофельные фигуры на шероховатой ржавчине. Вон про ту я думаю, что это Ходжес; солнце сверкает на лицевом щитке.

Вполне может быть, что за пластиком нечто столь же гротескно-уродливое, как эти куполообразные головы на архитраве…

— Эй, Римкин, ты же лингвист! Порыскай кругом, может, попадутся какие-нибудь надписи!

— А?.. — Говоря это, он не слышал смеха, но знал, что они улыбаются под своими луковичными шлемами.

Джонс сказал:

— Мы на Марсе, а Римки все еще на другой планете. Смит, там у тебя не видно каких-нибудь каракулей?

— Ничего похожего. Слушай, как странно вырезан этот глаз!

— Что с ним?

Тут Джимми — Римкин всегда мог ее узнать, потому что скафандр Джимми был на полторы головы ниже остальных, — вскарабкалась по грубому каменному фундаменту, пересекла его великолепными «марсианскими прыжками», взметая красновато-коричневую пыль, и, достигнув дальнего угла, обернулась:

— Смотрите-ка!

Ее голос он узнавал всегда, несмотря на помехи и искажения (короткие волны, искажения страшные).

— Тут одна упала!

— Покажи! — крикнул Римкин. Пускай думают, что ему тоже интересно.

В наушниках снова зазвучал ее мягкий голос:

— Ее с места не сдвинуть. Сам иди сюда, Римки.

Он уже карабкался к ней.

— Да-да, конечно. Иду.

И тут же услышал в наушниках, как кто-то подавляет смешок. Из-за отсутствия стерео было не понять, с какой стороны идет звук.

Действительно, одна из каменных фигур, расколотая на части, валялась в пыли.

Он подошел к Джимми. Макушка ее шлема не доставала ему до плеча.

— Так забавно, — сказала она, и даже радиопомехи не могли скрыть удивительность ее смеха. — Лицо как у настоящего марсианина.

— Что?

Она посмотрела на него снизу вверх — коричневое личико в белой раме. Мимика ее смеющихся черт не совпадала со звуком в его наушниках.

— Ну посмотри сам. — Она снова повернулась к упавшей статуе. — Огромный, высокий лоб, выпуклые глаза, подбородка почти нет. Ты бы не угадал? Такими были марсиане в фантастических фильмах тысяча девятьсот пятидесятых.

— Может быть… — начал он. Треть лица отвалилась. Трещина прошла через левый глаз. То, что осталось от рта, кривилось оттопыренными губами. — А может, это шутка. Может, военные из Беллоны поставили это, просто чтобы нас разыграть. С них станется. Ведь это же бред какой-то: мы пятеро едем на скиммере в обычный разведочный маршрут на плато Большого хребта и меньше чем в шестидесяти пяти милях от базы натыкаемся…

— …на сооружение размером с Парфенон? Да черт возьми, оно больше, чем храм Зевса! — воскликнула Ходжес. — Бросьте вы, Римки! Невозможно выскользнуть с базы утречком и воздвигнуть каменные руины такого масштаба.

— Да, но все-таки…

— Эй, люди! — Это опять голос Смита. — Кто-нибудь, подойдите гляньте на эти глаза. Они из того же материала, что остальное здание, только отполированы? Или из другого материала? Я отсюда не разгляжу.

Джимми неуклюже наклонилась и провела перчаткой по расколотой поверхности. Темнокожая, стройная, воплощение изящества, думал Римкин, среди сияющих руин под темно-бирюзовыми небесами.

— Они вставлены, доктор Смит. — Она поманила рукой, и Римкин наклонился над статуей.

Глаза были сделаны из какого-то прозрачного материала и представляли собой цилиндры дюймов девять в диаметре и около фута в длину. Они были вставлены в глазницы вровень с лицом и зашлифованы до мерцающих выемок.

— И они разного цвета, — заметил Мак.

Римкин и сам обратил внимание, что ряд глаз издали производил впечатление флюоресцентных красок, однако вблизи они были как будто в мелкую крапинку.

— Из чего они? — спросила Ходжес.

— Постройки из марсита, — отозвался Джонс.

Легкий розовый камень марсит обнаружили вскоре после того, как военная база в Беллоне разрослась за пределы единственного купола. Римкин, прибывший на Марс в составе группы Университета международной астрономической лиги, подолгу разглядывал стертые обломки, играл в послеобеденные игры с военными (которые еле-еле терпели присутствие штатских ученых) и размышлял, природные это образования или вырезанные. Багровые камни могли быть троюродными марсианскими сестрами Венеры Виллендорфской,[36] а могли быть выточены за тысячелетия безводными волнами.

— Из чего сделаны глаза? — повторила Ходжес. —

Полудрагоценный камень? Или что-то сплавленное либо синтетическое… Это открывает целый пласт возможных предположений касательно уровня культуры.

— Я могу отколоть кусочек от разбитой фигуры и забрать в…

— Римкин! Нет! — закричала Ходжес в наушниках, и через мгновение надутый воздухом скафандр взобрался на фундамент. Ходжес качнулась на пухлых ногах. — Римкин… очнитесь! Мы только что нашли неопровержимое свидетельство, что во Вселенной есть… по крайней мере, когда-то была разумная жизнь, помимо нашей. В Солнечной системе! И ты хочешь отбить кусочек! Иногда ты ведешь себя не лучше тупоголовых солдафонов с базы.

— Да хватит, Ходжес! — воскликнула Джимми. — Оставь его в покое. И так нам трудно с упомянутыми вами солдафонами! Не хватало еще между собой переругаться…

— Нечего защищать его, Джимми, — парировала Ходжес. — Ладно, может, он и блестящий лингвист, когда сидит в библиотеке. Но в нашей экспедиции он мертвый груз! То ему совершенно неинтересно, что происходит, то он предлагает разбить кувалдой важнейшую археологическую находку в истории человечества!

— Я не собирался разбивать…

Потом:

— О боже… Нет!.. Не может быть…

Римкин подумал: кто это сказал? Господи, из-за помех я не могу понять, откуда идут голоса. Я узнаю любой акцент на Земле, а тут даже людей не могу узнать! Который из них?

Ходжес неуклюже обернулась:

— Что там?

Джонс, все еще остававшийся внизу на песке, тоже закричал:

— Что там у вас такое, доктор Смит?

— Да это же… нет… это поразительно!

Все пошли к основанию колонны, у которой стояла лестница, так что Римкин двинулся за ними.

Фигура в белом скафандре на верхней ступеньке светила фонариком в глаз статуи.

— Доктор Смит, у вас все порядке?

— Да-да, со мной все хорошо… Подождите минутку… Не может быть… Да это ведь…

— Он светит лазером малой мощности… — начал кто-то.

— Он просил помолчать, — перебил другой.

Я слышу в наушниках дыхание пятерых людей, думал Римкин. На что он там смотрит?

— Доктор Смит! — позвал Римкин.

— Ш-ш-ш!

Римкин упрямо продолжал:

— Можете ли вы описать то, на что смотрите?

— Да… наверное. Я вижу Марс. Только не такой, как сейчас, а такой, каким он, наверно, когда-то был. Город, да, город, вокруг этого здания. Дорога. Движущиеся машины, по всему горизонту какие-то… здания? Возможно, здания. Картинка движется, улицы полны существ, похожих на эти статуи. Нет, они другие. Одни спешат, другие идут медленно… все плато, весь Большой хребет был акрополем для огромного высокоразвитого сообщества. Подождите-ка… Там снимают покров с какой-то статуи. Теперь кого-то выводят к народу. Возможно, это жрец. А может, и жертва…

Несколько секунд все молчали. Потом раздался голос Мака:

— О каких картинках вы говорите?

— Я словно гляжу в окно на то, что, наверное, когда-то здесь происходило… на этом плато, возможно, сотни тысяч лет назад. Как только я посветил лазером в вогнутую поверхность, я внезапно увидел объемное кино, как настоящее… такое странное…

Мак повернулся к Ходжес:

— Это какая-то анимированная диорама?

— Должно быть, что-то вроде голограммы. Движущаяся голограмма!

Доктор Смит глянул наконец вниз:

— Вам надо подняться и посмотреть самим! Я просто хотел получше рассмотреть глаз этой статуи. Думал, лазер позволит различать кристаллическую структуру, может быть, даст намек, что это за материал. И вдруг — картинки! — Он начал спускаться с лестницы. — Полезайте и посмотрите сами! — (Дыхание Смита рокотало у Римкина в наушниках.) — В жизни не видел ничего более удивительного!

— Все еще думаешь, кто-то выстроил это сегодня, чтобы нас разыграть, а, Римкин? — съязвила Ходжес. — Дайте-ка я гляну. У меня свой фонарик, доктор Смит.

Она дождалась, когда Смит сойдет с последней ступеньки, и полезла наверх.

Хмурясь под шлемом, Римкин достал собственный фонарик, помедлил мгновение, затем пошел по ржавому песку и багровым камням к упавшей голове. Глянул на неповрежденный глаз. Глянул на расколотый. Неизвестно, что за извращенная мысль побудила его склониться над вторым. Он включил фонарик.

Прошло не менее получаса, пока Мак, Ходжес, Джимми и

Джонс взбирались по лестнице, смотрели по две-три минуты и спускались обратно. Они уже собирались возвращаться к скиммеру, когда Джимми увидела Римкина. Длинными прыжками она направилась к нему.

Увидев, чем это он занимается, она расхохоталась:

— Ну мы и дураки! Кто-то из нас мог бы смотреть здесь! Ладно, пошли, мы возвращаемся.

Римкин выключил фонарик, но по-прежнему сидел на корточках рядом с опрокинутым лицом статуи.

— Идем, Римки! Все уже собрались.

Римкин вздохнул, потом медленно поднялся:

— Хорошо.

Они пошли обратно по отшлифованному каменному полу. Песок, тонкий, как пыль, завивался у их белых башмаков, словно порошковая кровь.

II

Кают-компания скиммера являла собой передвижной фрагмент классического научного учреждения. Целитексовые стены, отделанные под унылый орех. Над складными столами с бронзовой фурнитурой стояли микрофильмы за корешками из кожзама с золотым тиснением. Электрокамин бросал бледные отблески на меховые покрывала. Весь конструкт, включая балкон с библиотечными кабинками для чтения (и с бюстом президента Университета международной астрономической лиги Ричарда Нильсона на пьедестале, на повороте винтовой лесенки), был полусерьезной шуткой доктора Эдварда Джонса. Однако университетские в целом очень ценили эту видимость после двух недель в неприветливых помещениях военной базы Беллона.

Мак уселся на пуфик и закатал рукава шерстяной рубашки. Руки у него были как у шофера грузовика. Он возглавлял югославскую экспедицию, нашедшую Гевгелийского человека. Могучее телосложение Мака (и лоб, который он прятал под пышным чубом цвета сахарских песков) породило на факультете антропологии новый всплеск остроумных высказываний вроде: «Знакомьтесь, доктор Мак Харгус, гевгелийский человек. Вернее…»

Мак вынул из кармана рубашки перископ вересковой трубки:

— Расскажите мне про голограммы. Я, конечно, их видел: трехмерное изображение и все такое. Но как оно получается? И как древние марсиане сохраняли все эти картинки, чтобы те оживали под лучом лазера?

Лин Вон Смит сунул кулаки в бездонные карманы вельветовой куртки. Они с Маком смотрели в окно поверх папоротников на подоконнике. По другую сторону триплекса на пыльном кровоподтеке Большого хребта темные колонны — двенадцать целых, семь сломанных — высились наброском невероятной культуры, жизнь которой они видели в отполированных глазах на резном карнизе.

Джимми забросила за спину темную косу и перегнулась через перила.

Лин Вон Смит отвернулся от окна:

— По сути, это вопрос хранения информации, Мак. — Он сел на ручку кресла, сцепил длинные пальцы и подался вперед, так что черные прямые пряди упали на лицо.

— Марсиане точно сохранили в этих глазах чертову уйму информации, — отозвалась Ходжес, спускаясь по лестнице на костылях.

Она была довольно крупная, почти как Мак (и настолько же рыхлая, сколь Мак был мускулистым). У нее был блестящий список достижений в культурной антропологии, а сочетание напора, идеализма и чуткости (она была инвалидом с рождения) позволило ей близко узнать самые странные и загадочные культуры Восточной Африки, Анатолии, Северной Камбоджи и получить исчерпывающую достоверную картину их верований, обычаев и манер. Скафандр ее был чудом искусства протезирования, позволявшим ей передвигаться по Марсу так же легко, как всем остальным. Однако без него она по-прежнему должна была ходить на алюминиевых костылях.

Подняв глаза от их с Лином игры го, Римкин смотрел, как она ковыляет по лестнице. Наверняка она считает такое положение психологически более выгодным, решил он.

— Давай, Лин. Расскажи нам про голограммы. — Она помахала в сторону китайца-психолога костылем, едва не опрокинув достопочтенного Нильсона.

— Хранение информации, — повторил Смит. — По сути, это фотография, сделанная без линз, но при помощи абсолютно параллельных лучей света — как в лазере. Фиксируется только отражение от неровностей на поверхности воспроизводимого объекта. Итоговая пластинка выглядит как набор серых или, если изображение цветное, бурых пятен. Но если осветить ее параллельными лучами лазера, мы увидим над пластиной трехмерное полноцветное изображение…

— …которое можно обойти кругом, — закончил Мак.

— Нет, примерно на сто восемьдесят градусов, — поправил Смит. — Это просто иной способ хранения информации, чем в

обычной фотографии. И гораздо более эффективный.

Джонс, глядя на доску, пробормотал вполголоса:

— Твой ход, Римки.

— Ой. — Римкин взял из чаши еще одну черную чечевицу и задумался над решеткой с черными и белыми точками. Биты информации. Он попытался увидеть картину на доске целиком, но она распадалась на отдельные схватки по углам.

— Так. — Он положил камешек на доску.

Джонс нахмурился:

— Ты уверен? Может, переходишь?

— Нет.

— Смотри, ты ведь имеешь право, — еще раз любезно предложил Джонс. — Это ж не шахматы. По правилам ты можешь взять ход назад, если…

— Знаю, — громко сказал Римкин. — По-твоему, я не знаю? Я хочу пойти… — он огляделся и вдруг увидел, что все на него смотрят, — сюда!

Камешек щелкнул по доске очень громко.

— Хорошо. — (Камешек Джонса щелкнул по доске.) — Двойное атари.

Однако Римкин смотрел мимо маленького острого нигерийского лица Джонса на других в комнате и думал: как мне их отличить? Все они сливаются в одно лицо. Комната круглая, лица круглые и сидят на маленьких круглых телах. Внезапно он закрыл глаза. Если они сейчас заговорят, я не смогу отличить одного от другого. Как это определить? Как?

А если я открою глаза?

— Твой ход, Римкин, — сказал Джонс. — У меня два твоих камня в атари.

Римкин открыл глаза и уставился на черно-белую сетку.

— Ой, — сказал он, подавляя смешок. — Да. Глупый ход, ты был совершенно прав.

III

Такой нелепый ход; Римкин лежал на койке, сомкнув веки и раздвинув губы в ухмылке, пытался придумать ход лучше. Он не спал две ночи. В такое время… может, прошло всего несколько минут, но кажется, что час… Он сел.

Развернул к кровати машинку для чтения, перемотал «Трактат» к концу. Он перечитывал этот текст в тот день, когда скиммер выехал с Беллоны: *Wovon man nicht sprechen kann…*[37] Он оттолкнул машинку в сторону и сунул руку под майку. До утра

скиммер никуда отсюда не уедет. Им следовало вернуться на базу сегодня вечером — доложить об открытии Ответственным Лицам. Однако университетские ученые (особенно с факультета антропологии) дорожили своей краткой свободой. Завтра они еще раз обследуют находку: сделают кое-какие замеры…

Римкин босиком вышел в холл. Наверное, и впрямь прошло всего несколько минут: под тремя дверьми горела полоска света от машинок для чтения. Где тут чья комната? Он знал, конечно, но порой ему казалось, что определить это невозможно.

Он спустился к шлюзу, надел скафандр на нижнее белье. Без верхней одежды кольца на локтях и коленях ощущались непривычно. Он шагнул в шлюз.

Звезды лучились резким льдистым светом. На песке лежали огромные лужи чернил. Холодно, снаружи холодно. Еле слышно жужжал крохотный моторчик в районе подбородка, гоняющий силикон между двойным лицевым стеклом, чтобы не заиндевел. Римкин сделал шаг. Еще один. Пустыня засасывала его башмаки.

Другие… Дело было даже не в том, что они ему неприятны. Они просто оставляли его в бесконечном недоумении. Дюны и тени приняли его. Он шел и глядел вверх. Одна яркая звезда… двигалась. Если стоять неподвижно, это было видно отчетливо. Фобос? Деймос? Он знал, что это одна из двух крохотных марсианских лун. Но хоть убей, Римкин не помнил, Страх или Ужас бежит по застывшей россыпи самоцветов в марсианской ночи.

Впереди лежали развалины.

Он попытался заглушить тревогу, корчившуюся на периферии сознания. В человеческом теле постоянно происходит более семисот пятидесяти жизненно важных ферментных реакций. Если хоть одна из них остановится на две-три минуты, человек умрет. Итак, чтобы локализовать страх, свободно гулявший в его мозгу, Римкин тревожился, что одна из семисот пятидесяти с лишним сложных реакций внезапно остановится, пока не затерял предмет своего страха среди дюн. А сам страх свободно парил над ним, осязаемый, как тонкие колонны и резной архитрав.

Он поглядел в лица, почти невидимые во мраке. Лишь мерцание звезд отражалось в глазах, отчего они казались серыми; глаза эти смотрели на него. Римкин порылся в рюкзаке, ища фонарь. Нашел не скоро — дважды забывал, что ищет, — и покрутил насадку, чтобы превратить лазерный луч в обычный.

Он повел лучом по камням. Теперь они тоже были серыми. Он подумал, не был ли багровый цвет лишь отражением пустыни. Нет, просто фонарь слабоват. Римкин прошел по песку до места, где можно было взобраться на фундамент, и начал подъем, вновь

чувствуя голой кожей скафандр. Подогрев работал нормально, но касание металла и пластика было странным. Захотелось снять скафандр и положить руку на камень, но он тут же испугался своего желания: по ночам температура на Марсе на сто градусов Фаренгейта ниже точки замерзания льда.

Римкин встал на краю фундамента, посветил на упавшую голову и подошел к ней по засыпанным песком плитам. Отколотый фрагмент лица лежал, как блюдце. Отбитая половина глаза была вся в трещинах. Римкин присел на корточки перед бóльшим осколком лица и склонился над раздробленным оком. Поднял фонарик и повернул насадку обратно, чтобы одинокий узкий луч бил в разбитый круг; там что-то замерцало, и возникло изображение. Образы ушедших столетий, как слезы, потекли из поврежденного глаза.

На планетах с разреженной атмосферой светает быстро. Утро за спиной Римкина вскарабкалось по дюнам и положило сверкающие руки ему на плечи. И тут же в скафандре загудел специальный механизм, едва ощутимою дрожью сообщая телу, что скафандр готовится к подъему температуры на двести градусов Фаренгейта, который произойдет за ближайшие двадцать минут.

— Римкин?..

Кто это дышит ему в ухо?

— Римкин, ты там наверху?

До него вдруг дошло, что вот уже несколько минут он слышит этот голос. Но если это просто звук из механизма у твоего уха, откуда ему знать, где они?

— Римки, вот ты где! Что ты тут делаешь? Ты давно здесь?

Он резко повернулся — и упал.

— Римкин!

Почти девять часов он не менял позы, и теперь все мышцы свело. Сквозь боль, туманом застилающую глаза, Римкин видел, как в облаке пыли к нему скачет вареная картофелина.

Он силился выговорить:

— Зачем… кто… кто вы…

— Это я, Эвелин!

Эвелин, подумал он. Кто такая Эвелин?

— Кто?..

Она добралась до него.

— Эвелин Ходжес, какая еще, по-твоему? Ты ранен? Что-то случилось со скафандром? Так я и знала, надо было захватить с собой Мака. Сейчас наружная температура около десяти по Фаренгейту. А минут через пятнадцать будет не меньше

девяноста. В одиночку я тебя до корабля не донесу.

— Нет-нет. — Римкин потряс головой. — Все в порядке. Скафандр. Я просто…

— Так в чем дело?

Боль была невероятная, но на мгновение он овладел собой и сумел выговорить:

— Я просто отсидел… Слишком долго пробыл в одной позе. Я просто… просто забыл.

— Что значит долго? — Голос ее звучал требовательно.

— Наверное, почти всю ночь.

Руки уже немного отошли. Он толкнулся и привалился спиной к камню.

Ходжес наклонилась, подобрала фонарь (движение, которое она могла проделать лишь в своем спецскафандре) и повертела его в руках.

— Ты что, кино тут смотрел?

— Д-да… — кивнул он.

Она фыркнула, отчасти от неловкости, отчасти от досады.

— Твое счастье, что я пошла тебя искать!

Ходжес опустилась рядом с ним на корточки и, проделав несколько сложных движений, села.

— В полшестого я обычно уже не сплю. И мне подумалось, что я пару раз говорила с тобой слишком резко. Знаешь, на базе, среди этих солдафонов, которые вечно говорят глупости, нервы начинают сдавать. Рано утром я вышла в холл, увидела свет от твоей машинки для чтения и решила, ты уже встал. Заглянула в комнату — дверь-то открыта, — а постель пустая. Я подумал, ты в библиотеке; а тут вижу, дверь к шлюзам нараспашку, твоего скафандра нет. А это место — единственное, на что стоит смотреть. Ты что, здесь всю ночь?

— Да.

— Римки, — помолчав, заговорила Ходжес, — мы все тут по-своему чудны́е. Если посмотреть на остальных, ты не такой уж странный. Просто хуже умеешь притираться к другим. Я о тебе тут немного думала и, кажется, поняла, чем ты был так вчера… озабочен. Послушай, а потом скажешь, права ли я.

Она повозилась чуть-чуть, устраиваясь поудобнее внутри скафандра.

— Вчера я сказала, что марсиане по развитию цивилизации достигли по меньшей мере уровня древних греков. Но это было до того, как мы обнаружили движущиеся голографические записи. Выходит, их технологии — по крайней мере одна из отраслей — сравнимы с нашими в середине двадцатого века. А может быть, и выше. Мы по-прежнему не умеем заключать движущееся

голографическое изображение в кристалл, чтобы оно начинало автоматически проигрываться под лучом лазера. При таком уровне развития здесь должны быть тонны письменных свидетельств — пусть не книги, но хотя бы что-то вырезанное на камне. Однако нет ни царапинки, ни датированного закладного камня, ни имени правителя над дверным проемом. Черт, на плитах пирамиды Хеопса есть хотя бы метки каменщика! Ты семантик, Римки, и для тебя наверняка важно найти какие-то свидетельства марсианского языка. Однако в таком грандиозном сооружении ничего подобного не видно, а при этом ясно, что они хранили столько всего *визуально*… — Ее голос застыл на этом слове, словно пальцы игрока перед рискованным сносом. — Что ж, Римки, существует большая вероятность, что эта раса вообще не была вербальной и все-таки достигла такого технологического уровня без всякой письменной коммуникации, примерно как инки и майя достигли своего культурного уровня, но так и не изобрели колеса. И если мой вывод верен, то в нашей экспедиции ты вроде как бесполезен. И я вижу, что тебя это угнетает.

По ее молчанию Римкин догадался, что она ждет от него какого-то отклика — облегчения оттого, что правда наконец прозвучала вслух. Но как она рассчитывает это определить? Услышать в наушниках, как изменилось его дыхание? Он попытался вспомнить, кто она такая. Но приходилось думать обо всех семистах пятидесяти с лишним ферментных реакциях, чтобы ни одна из них внезапно не прекратилась…

— Знаешь, — продолжала она, — (Ходжес? Да, была какая-то Ходжес), — уж если кто действительно бесполезен в этой экспедиции, так это я. Знаешь, в чем мой главный талант? Я могу подружиться с любыми эскимосами и черномазыми. А племя каннибалов в горах Кавказа хотело сделать меня своей царицей. — Она металлически рассмеялась. — Правда. Я прекрасно готова обойтись остаток жизни без прогорклого масла из молока яка. Римки, меня взяли сюда на случай, если мы обнаружим здесь племя *живых* марсиан. — Она помолчала, глядя на голую медную пустыню. Потом сказала: — Думаю, ты согласишься, что у тебя гораздо больше шансов найти здесь марсианскую письменность, чем у меня — кочующие племена тех, с кого ваяли этих каменных истуканов. И мне это, конечно, действует на нервы. Наверное, в таком состоянии я пару раз сказала, тебе в том числе, такое, что лучше было не говорить. Если что-то умеешь делать, хочется применять свои знания. Мало радости тащиться через половину Солнечной системы ради одного шанса из тысячи, что кому-то понадобится минута твоего времени. — Она похлопала его по руке. — Я хоть сколько-нибудь

угадала?

Римкин думал: живые марсиане? Будь я живым марсианином, мне не надо было бы беспокоиться о семистах пятидесяти с лишним ферментных реакциях, поддерживающих жизнь в моем теле. Но с другой стороны, были бы другие, еще более сложные, еще более опасные, ведь приходилось бы существовать в куда более широком температурном диапазоне. Марсианин ли я? Из тех ли я странных созданий, которых наблюдал в луче моего фонаря, как они ходят по странным улицам со стенами цвета граната, ездят на своих странных животных и приветствуют друг друга непонятными жестами. Но эта женщина, кто она?

— Где Джимми? — спросил он.

Ходжес что-то пробормотала, но, видимо, передумала отвечать и вместо этого начала сложный маневр, чтобы встать на своих протезах.

— Ты можешь идти, Римкин? Думаю, надо отвести тебя на скиммер.

— Скиммер?.. Ах да. Конечно. Пора возвращаться на скиммер, да?

Ныло все его тело. Однако он кое-как поднялся, думая: отчего мне так больно? Может, одна из семисот реакций затухает и я скоро…

— Давай поскорее, — сказала Ходжес. — Если ты и правда провел здесь всю ночь, воздуха у тебя осталось меньше трети. Наверняка там у тебя духота такая, будто в мешке с грязным бельем.

Римкин поплелся по каменным плитам. Ходжес, задержавшись на минуту, наклонилась над треснувшей статуей и направила луч его фонарика на поврежденный глаз. Она глядела всю ту минуту, что Римкин добирался до края фундамента. Дважды она озадаченно замычала.

Когда Ходжес нагнала его и начала спуск, ее лицо за стеклом шлема хмурилось и раза два она строила странные гримасы.

IV

Процедура укладывания Римкина в постель закончилась тем, что они перебудили всех. Когда доктор Джонс захотел дать ему снотворное, Римкин вступил с ним в долгую и довольно связную дискуссию о том, какой урон может нанести лекарство ферментной химии его организма. Остальные слушали с серьезными лицами, пока Римкин вдруг не расплакался. Наконец он поддался уговорам и позволил Джимми сделать себе укол. И

пока хорошенькая химик-аналитик из Микронезии гладила его по голове, он уснул.

Мак сумел упрятать среди предметов первой необходимости для исполнения профессиональных обязанностей кусок вестфальской ветчины и галлон отличной сливовицы, считая, что завтрак не имеет смысла без ломтя первой и как минимум стопки второй. Однако он готов был делиться; обряд приготовления пищи поручили ему. В любом случае он лучше всех умел взбивать омлет из яичного порошка. Теперь он священнодействовал в закутке под лестницей, попыхивая своей трубкой.

По ступенькам спустился Смит.

Крышка зазвенела о край сковородки. Мак засопел:

— Лин, я понятия не имел, что с ним все так плохо.

Джонс сложил игральную доску, разрушив черно-белый узор. Ссыпал камешки в чашу и нажал на выступ в ее основании.

— Думаю, мы тоже.

Чаша завибрировала. Белые камешки были заметно легче черных, поэтому после хорошей встряски оказались наверху.

— Думаешь, он не выдержал марсианских условий?

Доктор Джонс еще раньше заметил, что на Марсе, в условиях меньшей тяжести, камешки сортируются гораздо дольше, чем дома.

— Нет. — Мак вынырнул из-под лестницы, неся на блюде омлет с ветчиной. Пар от нее мешался с табачным дымом. — Скорей всего, это копилось в нем давно, может, всю жизнь, если верить последователям Фрейда.

Он наклонился над грузной мисс Ходжес и поставил блюдо на стол. Нахмурился:

— Вы чем-то необычно озабочены, мэм.

Ходжес, опираясь на алюминиевые костыли, обошла стол, чтобы видеть Смита на нижней ступеньке.

— Лин, что будет, если разрезать — или расколоть — голограмму пополам?

— Наверное, получите половину изображения, — сказала Джимми.

Она сидела на верхней ступеньке. Ричард Нильсон смотрел прямо из-за ее головы.

— Если я сяду за стол первый, — сказал Мак, ныряя под лестницу за кофейником, — вам достанется только половина завтрака.

Смит, Джонс и Джимми уселись на стулья. Мак поставил кофейник (он тоже был из Югославии, провезенный с теми же предметами первой необходимости) на керамическую подставку, сел и взял четыре куска поджаренного хлеба.

— Вот и нет. — Лин передал тарелку с яичницей Ходжес. — И это станет понятно, если думать о голограмме как о способе хранения информации. Берешь обычную голографическую пластинку, режешь пополам, наводишь лазерный луч и видишь полное трехмерное изображение объекта. Только уже не совсем резкое, как бы затуманенное.

Он взял кусок обжаренной ветчины и положил на хлеб.

— Сломай половинку еще раз, изображение станет еще чуть менее резким. Представьте, вот перед вами фотография предмета, а рядом голограмма того же предмета. В обеих каждое зерно светочувствительной эмульсии — часть информации об этом предмете. Однако информационные точки на фотографии соотносятся лишь с определенной точкой двумерной проекции. Информационные точки на голографической пластине соотносятся со всем трехмерным предметом. Как видите, она эффективнее и намного сложнее. Теоретически даже квадратный миллиметр пластинки должен выдать нам какую-то информацию о целом предмете.

— Это «теоретически» что-нибудь означает, — спросил Мак между двумя затяжками, — или ты так сказал для красного словца?

— Существует эффект убывающей отдачи, — сказал Лин. — Из того, что я говорил, может сложиться впечатление, что бóльшая часть информационных хранилищ имеет фотографический характер: письмо, магнитофонная лента, перфокарта…

— Но они все линейные, — возразил Джонс.

— Аналогия с фотографией в том, что каждое данное и каждый зафиксированный факт соотносятся один в один…

— Можно считать, что фотография состоит из строк, как телевизионное изображение, — сказала Джимми, торопливо проглатывая бутерброд с омлетом. — Фотографию тоже можно свести к линейным терминам.

— Верно, — кивнул Лин.

— Эффект убывающей отдачи… — напомнила Ходжес.

— Ах да… Это просто вот что: если у вас относительно малое число адресов — так в кибернетике называют места, куда попадут ваши данные, — пояснил он, заметив непонимающий взгляд Джимми, — тогда лучше обойтись фотографическим, то есть линейным, хранением. Потому что нужно очень много битов голографической информации, прежде чем изображение станет чем-то больше…

— …зловещей тени, привидения, призрака, смутного очертания чего-то неопределенного и нематериального.

Все поглядели на Ходжес.

— О чем вы, Эвелин?

— О Римкине. — Она отодвинула стакан, чтобы Мак не наполнил его доверху. — О бедном безумном Римки.

— Он не безумен, — возразил Джонс. — Возможно, у него нервный срыв, что очень плохо. А так он гений, настоящий гений. Вчера он все-таки обыграл меня в го. Иногда я боюсь, что такого рода ситуации — профессиональный риск.

— Да, Джонси. — Она горько улыбнулась и отхлебнула из стакана. — Именно это я и называю безумием.

— Ты первая начала разговор про разломанные голограммы, — сказал Лин. — Почему, Эвелин?

Пламенеющий свет утренней пустыни превращал стакан в ее пухлых пальцах в драгоценный камень.

— Помните голову, упавшую с фриза? Она раскололась, и трещина прошла посередине глаза. Римкин просидел над ней с фонариком всю ночь, смотрел картинки в треснувшем глазу. — Она поставила стакан на стол.

После недолгого молчания доктор Смит спросил:

— А ты заглянула в этот глаз?

Эвелин Ходжес кивнула.

— И?.. — спросил Мак.

— Как ты и сказал, Лин. Изображение было цельным, но слегка размытым, нечетким. Подозреваю, и с ходом времени там было что-то не совсем ладно. Вот и все.

Мак подался вперед, недовольно засопел и принялся выколачивать трубку в тарелку с промасленными крошками.

— Давайте закончим измерения. — Он сунул трубку в карман. Перископ убрался. — Если он проторчал там всю ночь, значит будет спать до вечера.

V

Но все получилось совсем не так.

Через двадцать минут после их ухода Римкин, преодолевая действие лекарства, очнулся.

Он по-прежнему не знал, где находится. И где ему следует быть. Голова болела так, будто от нее откололся кусок. Все тело ныло. Он сполз с постели и попытался сфокусировать взгляд на столе, но вокруг всех предметов сиял ореол, как при спецэффектах в старых цветных фильмах.

Джимми сидела на нижней ступеньке и читала. Она осталась

(правда, без особой охоты) подежурить с больным.

Трах-тара-рах!

По лестнице к ней катился Ричард Нильсон. А на верхней ступеньке стоял голый Римкин. Джимми отпрыгнула, и бюст грохнулся на ее машинку для чтения.

— Римки, что с тобой?..

Первые три ступеньки он преодолел медленно, семь быстро и две последние снова медленно. Пока Джимми раздумывала, попытаться ли удержать его силой, он прошел через двойные двери к шлюзам. Она бросилась за ним — две бронзовые ручки повернулись и щелкнули. Джимми налегла плечом, но под имитацией орехового шпона была арматурная сталь.

В шлюзе Римкин нащупывал застежки скафандра и думал: жарко. Снаружи жарко. Дважды он ронял скафандр на решетчатый пол. Вареная… Вареное *что-то*. Без скафандра землянин сварится в этой пустыне. Но ему-то что об этом беспокоиться? Римкин по-прежнему не знал, кто он на самом деле, но улицы с флагами, где изящные жители выгуливают переваливающихся на ходу животных с глазами цвета крови, ждали его в знойном городе, пыльном городе, где с высоких фасадов из марсита смотрят на сухие каналы резные головы.

Конечно, ему не нужен скафандр. Однако кнопка, открывающая наружный люк, внутри скафандра и не сработает, пока скафандр не загерметизирован. Он снова взял в руки скользкий белый материал. Застегнуть его было делом привычки, и привычка, похоже, работала: дверь скиммера открывалась. За лицевым щитком он почти видел великий город Большого хребта, раскинувшийся у подножия храма. Правда, слегка нерезко, расплывчато… Как отличить, что́ тут нанесенные временем песчаные холмы, а что — разумное творение удивительной культуры его народа, его планеты? Он провел рукой по стеклу шлема, но это не помогло.

Он пошел по залитой светом чужой улице.

И улица засасывала его ступни.

Он намеревался снять скафандр. Да. Потому что в этом прекрасном городе скафандр не нужен. Но не сейчас, а через несколько минут, а то все пока слишком расплывчато, слишком аморфно. И песок, который он смахнул рукой со щитка, все еще сыпался. А фигуры перед ним… нет, это не марсиане. Белые, раздутые, они возились среди обломков багрового камня, что-то делали со стройными колоннами, пронзающими марсианский полдень.

— Кто вы такие? — спросил он.

Двое обернулись:

— Римкин!..

— Я не знаю, кто вы, — сказал он.

— Слушай, как он здесь оказался?

— Я марсианин, — продолжал Римкин. — А вы… вы просто… просто картошка! — Он хотел засмеяться, но вместо этого странно всхлипнул, потому что сильно болела голова и он чувствовал вялость от лекарства, которым его напичкали утром.

— Надо отвести его на скиммер! Пойдем, Римки!

— Я сниму скафандр, — объявил он. — Поскольку я марсианин, а вы…

Но его уже окружили. И удерживали его руки, что было нетрудно, поскольку он ослабел из-за лекарства. И резные головы, их сверкающие глаза, расплывались за слезами.

— Римкин! Римкин! Где ты? Эвелин, Мак! Римкин где-то здесь!

— Нашелся, Джимми! Все в порядке! Мы ведем его на скиммер.

— Кто вы такие? Я вас не знаю!

— Ой, Римки, да что это с тобой?!

— Я марсианин. Я могу снять скафандр…

— Нет, приятель. Держи руки по швам.

— Вы все сошли с ума. Я марсианин, а вы говорите с кем-то другим, кого здесь нет!

— Римкин, иди с ними, пожалуйста. Ради меня, ради Джимми! Они хотят тебе помочь!

— Я вас не знаю. Зачем мне куда-то возвращаться? Здесь мой город. Мои здания, мой дом. Просто его не очень ясно видно. И мне от этого больно.

— Не поднимай руки. Пошли…

— Джимми, с тобой все в порядке? Он тебе ничего не сделал? Как он выбрался?

— Наверное, снотворное было недостаточно сильное. Он вышел неожиданно и запер меня в кабинете. Минуту назад я нашла запасные ключи Эвелин у нее в комнате и сразу побежала к пульту, чтобы связаться с вами. Что вы с ним собираетесь делать?

— Я буду жить на Марсе. Я могу снять скафандр. Я марсианин. Я марсианин…

— Он вроде не буйный. Его доставят обратно на Землю, накачают успокаивающим, и через полгодика он будет как новенький. Не удивлюсь, если станет известно, что такое бывало с ним и раньше. В свое время я две недели лежал в больнице — лечился от алкоголизма.

— Почему мне не дают снять скафандр? Я ведь марсианин…

— Римки, вспомни про ферментные реакции, из-за которых ты утром не хотел успокаивающего укола. Если расстегнуть скафандр, ты глазом не успеешь моргнуть, как все они пойдут не так. А ты изжаришься.

— Но которые? Как мне узнать, какие из них…

— Эвелин, я не могу ударить его по башке. Шлем расколется.

— Знаю, знаю, Мак. Мы отведем его обратно. Как все это ужасно! Что могло произвести такую перемену в замечательном… более чем замечательном уме, Лин?

— Не бейте меня по голове. Не надо… Я марсианин. И мне больно.

— Мы не сделаем тебе больно, Римки.

— Эвелин, вот мы исследуем руины новых цивилизаций на других планетах, однако по-прежнему не знаем ответа на твой вопрос. Мы более или менее знаем химизм этих процессов, умеем со многими из них справляться, но мы по-прежнему не… Голограммы, Эвелин…

— Что такое, Лин?

— Никто до сих пор так и не разобрался, каким образом наш мозг хранит информацию. Мы знаем, что мозг запоминает все, что видит, слышит, осязает, обоняет, плюс связывает это все системой перекрестных ссылок. Люди всегда думали, что это, по сути, фотографический эффект — каждый бит информации хранится в конкретном синапсе. Но допустим, Эвелин, что мозг хранит информацию голографически? Тогда безумие может быть эмоциональным либо химическим состоянием, блокирующим доступ к большим отделам мозговой голограммы.

— И тогда большие куски окружающего мира утрачивают резкость…

— Как в случае с Римкином?

— Убери руки от застежек скафандра!

— Идем, Римкин. Доберемся до дому, и тебе сразу станет лучше.

— И больше не будет больно?

— Да. Постарайся расслабиться.

У шлюза Римкин обернулся к одной из раздутых белых фигур и со слезами в голосе проговорил:

— Я… я правда не марсианин?

Две белые руки похлопали его по плечам скафандра.

— Вы Джордж Артур Римкин, доцент семантики в Университете международной астрономической лиги, блестящий ученый, которому в последнее время пришлось пережить большой стресс.

Римкин еще раз посмотрел на прекрасные ущелья и долины,

на очертания, которые могли быть дюнами, а могли быть величавыми зданиями марсианского города на Большом хребте… И он снова заплакал.

— Так больно, — тихо сказал он. — Как же мне понять?

Нью-Йорк

Май 1968 г.

Время как спираль из полудрагоценных камней (Перевод Г. Корчагина)

Наложите на столетие оси координат. Выделите квадрант — для меня. Третий, если вас не затруднит. Я родился в пятидесятом, ныне — семьдесят пятый.

В шестнадцать меня выпустили из сиротского приюта. Пока я под именем, которым меня там наградили (Гарольд Клэнси Эверет; подумать только, какую уйму кличек пришлось сменить с тех пор! но не беспокойтесь, вы узнаете меня под любой личиной), таскался по холмам восточного Вермонта, в моей голове созрело судьбоносное решение.

В те дни я вкалывал на молочной ферме Папаши Майклза. Если бы не «Свидетельство о государственном попечительстве», с которым меня спровадили за порог приюта, не видать бы мне этой работы как своих ушей. А заключалась она в том, что мы с Папашей Майклзом ухаживали за тринадцатью тысячами тремястами шестьюдесятью двумя пегими коровами гернзейской породы, мирно дремавшими в стальных гробах. По прозрачным пластмассовым шлангам (ужасно жестким и своенравным в неловких мальчишеских руках) в пищевод наших питомиц поступал розовый питательно-наркотический раствор, а электрические импульсы вызывали сокращение мускулов, отчего коровы доились, не просыпаясь, и молоко струилось в нержавеющие баки.

Так вот, Решение с большой буквы я принял в середине дня, после трех часов изнурительного физического труда, когда стоял в чистом поле, точь-в-точь «Человек с мотыгой»,[38] взирающий сквозь пелену усталости на машинную цивилизацию Вселенной. Мне пришло в голову, что на Земле, Марсе и Внешних Спутниках, где полным-полно народу и всякой всячины, наверняка найдется кое-что и для меня. Нечто большее, чем я имею здесь. И я решил добраться до этого нечто.

С этой целью я спер у Папаши Майклза две кредитные карточки, прихватил бутыль дрянного виски, который старый чудак гнал собственноручно, забрался в одну из его вертушек и был таков. Вам случалось в нетрезвом виде сажать на крышу «ПанАм билдинг» краденый вертолет?

Суд, тюрьма и еще несколько серьезных встрясок основательно пополнили копилку опыта. Но знайте, милые мои:[39] тогда на молочной ферме у меня были лучшие три часа в

жизни. С того дня минуло почти десять лет, и уже никто не называл меня Гарольдом Клэнси Эверетом…

Гарри Кюлафруа Эклз (рыжеволосый, слегка рассеянный, рост шесть футов два дюйма) широким шагом выходит из багажного отделения космопорта. В руке у него брифкейс с вещами, которые ему не принадлежат.

Семенящий рядом Бизнесмен частит:

— Ох уж эта молодежь! Говорю тебе, возвращайся на Беллону. Согласись: история с малюткой-блондинкой — еще не причина хандрить и носиться с планеты на планету… и уж тем паче бросать работу.

Гарри останавливается, на губах печальная улыбка.

— Видишь ли…

— Я, конечно, не спорю, у вас, юных, свои заботы, которых нам, старикам, не понять, но должно же быть чувство ответственности… — Бизнесмен замечает, что Гарри остановился возле двери с надписью «М». — А, ну ладно. — Он смущенно улыбается. — Рад был с тобой познакомиться, Гарри. В этих скучных полетах всегда приятно потолковать с интересным человеком. Будь здоров.

Гарри исчезает за дверью, а через десять минут появляется Гармони К. Эвентайд, рост шесть футов ровно (лопнул фальшивый каблук, поэтому пришлось оторвать оба и похоронить под ворохом использованных бумажных полотенец), волосы каштановые (о чем не знает даже мой парикмахер). Он такой щеголеватый, такой современный; он с таким вкусом одевается во все самое безвкусное, что Бизнесмен уже не рискнул бы завести с ним разговор. Он садится в маршрутный вертолет и летит до «ПанАм», спрыгивает на крышу (да-да, ту самую), выходит уже из здания Центрального вокзала Нью-Йорка и шагает по Сорок второй улице к Одиннадцатой авеню, неся брифкейс с вещами, которые ему не принадлежат.

Вечер уже выгравирован по серебру дня.

Сквозь сумрак течет река света. Я пересекаю устланную пластиплексом Большую Белую дорогу[40] (по мне, так люди, утопающие в белом сиянии до подбородка, выглядят неестественно), огибаю толпы, исторгаемые эскалаторами подземки, подподземки и подподподземки (сразу после тюрьмы я, восемнадцатилетний, неделю шарил здесь по карманам у прохожих, но делал это так грациозно, что ни разу не попался), и натыкаюсь на стайку школьниц с мерцающими в прическах огоньками. Они дружно жуют резинку и смущенно хихикают. Смущены они оттого, что на них прозрачные блузки из

синтетики, только что вновь разрешенные. Я слышал, что вид обнаженной женской груди считается пристойным (как, впрочем, и наоборот) с семнадцатого века. Поймав мой одобряющий взгляд, школьницы хихикают еще пуще. «Боже мой, — думаю, — а ведь я в их возрасте ишачил на проклятой молочной ферме…» И выбрасываю эту мысль из головы.

Треугольный фасад «Комьюникейшн, инк.» опоясан светящейся лентой слов — прохожим рассказывают на бейсик-инглиш о том, какими средствами сенатор Регина Абулафия обуздает организованную преступность в городе. Не передать словами, до чего же я счастлив, что неорганизован.

Близ Девятой авеню я вношу брифкейс в длинный переполненный бар. В Нью-Йорке я не был два года, но помню, что в последний раз, когда я сюда наведывался, тут ошивался очень способный типчик, выгодно, быстро и безопасно сбывший вещи, которые мне не принадлежали. Не знаю, удастся ли найти его в этот раз.

Я направляюсь к стойке, протискиваюсь между посетителями, уткнувшими нос в пивные кружки, замечаю тут и там одетых по последней моде и окруженных телохранителями старикашек. Стоит жуткий шум, над головами висят косые слои дыма. Подобные заведения не в моем вкусе. Здесь все, кто помоложе меня, — *морфадинисты* или дебилы, а тем, кто постарше, подавай тех, кто помоложе. Я протискиваюсь к стойке и пытаюсь привлечь внимание коротышки в белом пиджаке. Внезапная тишина за спиной заставляет меня оглянуться.

Платье-футляр из вуали; ворот и манжеты стянуты огромными медными пряжками (ох уж мне этот вкус на грани безвкусицы!); левая рука обнажена, правая обтянута винно-красным шифоном. Да, не мне тягаться с ней по части франтовства. Но этот бар — не самое подходящее место для демонстрации фасонов моды; здешняя публика из кожи вон лезет, притворяясь, будто ей начхать, какой на тебе наряд.

Она постучала кроваво-алым ногтем по желто-оранжевому камню на латунной клешне браслета; миг — и вуаль уже не скрывает лица.

— Мистер Элдрич, известно ли вам, что это такое?

У нее — ледяные глаза и черные брови. У меня — три мысли. Первая: передо мной модная львица (по пути с Беллоны я прочел на обложке «Дельты» рекламу «меркнущих» тканей — их оттенки и прозрачность можно менять, касаясь самоцветов на специальных браслетах). Вторая мысль: в тот раз, когда я появлялся здесь под именем Генри Каламин Элдрич, я вроде бы не совершил ничего такого, за что можно влепить больше месяца

тюрьмы, хотя трудно вспомнить мои проделки все до одной. И наконец, третья мысль: камень, который она показывает, называется…

— Яшма? — спросил я.

Она подождала, не скажу ли я чего еще. Я подождал, не даст ли она понять, что ожидает услышать. В тюрьме моим любимым автором был Генри Джеймс. Честное слово.

— Яшма, — подтвердила она.

— Яшма… — Я воссоздал атмосферу неопределенности, которую она с таким упорством пыталась рассеять.

— Яшма… — Голос дрогнул — она заподозрила, что я заподозрил, что ее уверенность в себе — показная.

— Да, яшма. — Ее лицо открыло мне, что мое лицо открыло ей: я знаю, что она знает, что я знаю.

— Мэм, за кого вы меня принимаете?

В этом месяце Слово — Яшма. Слово — это пароль/код/сигнал, который Певцы Городов (в прошлом месяце они пропели «Опал», и на Марсе я трижды воспользовался этим Словом, чтобы добыть вещи, которые на самом деле мне не принадлежат; даже здесь у меня не выходят из головы Певцы и их священные язвы) вкладывают в уста представителей вольного и плутоватого братства, в котором я состою (под разными личинами) уже девять лет. Слово меняется через каждые три десятка дней и за считаные часы облетает все шесть миров и мирков. Бывает, его бормочет окровавленный подонок, падающий в ваши объятия из темного дверного проема; бывает, его шипит кто-то невидимый в ночном переулке; бывает, вы читаете его на клочке бумаги, что сунул вам в ладонь оборванец, тотчас скрывшийся в толпе.

Истолковать Слово можно по-разному. Например:

ПОМОГИ!

или:

МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

или:

МОГУ ПОМОЧЬ!

или:

ЗА ТОБОЙ СЛЕДЯТ!

или:

ЗА ТОБОЙ НЕ СЛЕДЯТ, ДЕЙСТВУЙ!

Последняя точка над «i». Если Словом воспользовались правильно, вам не придется ломать голову, что оно означало в данной ситуации. В том-то и кроется фокус — нельзя доверять тому, кто произносит Слово невпопад.

Я ждал, когда ей надоест ждать. И дождался.

Она сунула мне под нос раскрытый бумажник и

продекламировала, не глядя на текст под серебряным полицейским жетоном:

— Шеф Департамента специальных служб Модлайн Хинкль.

— Очень рад за вас… Мод, — сказал я и нахмурился. — Хинкль?

— Да.

— Мод, я знаю, вы мне не поверите. Похоже, вы из тех женщин, кто не прощает себе ошибок. Но на этот раз вы ошиблись — я Эвентайд, а не Элдрич. Гармони К. Эвентайд. И разве не удача для всех и каждого, что сегодня ночью изменится Слово?

Кстати, для легавых Слово — не такой уж большой секрет. Однако я встречал полицейских, не знавших его и через неделю после замены.

— Что ж, Гармони так Гармони. Я хочу с вами поговорить.

Я вопросительно приподнял бровь.

Она вскинула свою и сказала:

— Мне все равно, как вас называть, хоть Генриеттой. Лишь бы вы меня выслушали.

— И о чем же вы хотите говорить?

— О преступлении, мистер…

— Эвентайд. Я намерен величать вас Мод, так что зовите меня Гармони, не стесняйтесь. Это мое настоящее имя.

Мод улыбнулась. Она была немолода — пожалуй, на несколько лет старше Бизнесмена, — но куда лучше пользовалась косметикой, чем он.

— Возможно, о преступлениях я знаю больше, чем вы, — сказала она. — Пожалуй, не удивлюсь, если вы скажете, что никогда не слыхали о деятельности нашего Департамента. Вам знакомо название «Специальные службы»?

— Вы правы — впервые слышу.

— Да, последние семь лет вы старались избегать Регулярных служб, и в известной степени вам это удавалось.

— Простите, Мод, но…

— Специальные службы занимаются людьми, которые с каждым днем причиняют обществу все больше хлопот и заставляют мигать наши сигнальные лампочки.

— Но ведь я не сделал ничего такого ужасного, за что…

— Мы не следим за тем, что вы делаете, этим занимается компьютер. Мы всего лишь проверяем первую производную кривой, имеющей ваш номер. Она очень резко пошла вверх.

— Она даже имени моего не удостоена?

— В правоохранительных органах наш Департамент — самый эффективный. Хотите — считайте это хвастовством, хотите — просто информацией.

— Так-так-так, — сказал я. — Хотите пива?

Коротышка в белом пиджаке поставил перед нами два высоких стакана, зачарованно поглазел на пышный наряд Мод и занялся своими делами.

— Благодарю.

Она проглотила полстакана залпом, и я упрекнул себя: нельзя судить о крутости человека по мельком увиденному запястью.

— Вы знаете, ловить большинство преступников попросту бессмысленно. Что известных рэкетиров, вроде Фарнсуорта, Ястреба и Блаватской, что мелюзгу — карманников, барыг, домушников и сутенеров. И у тех и у других доходы довольно стабильны. Эти правонарушители не раскачивают социальную лодку. С ними воюют Регулярные службы — и пусть воюют, мы не вмешиваемся. Но давайте представим, что мелкий барыга расширяет дело, сутенер средней руки пытается стать крупным рэкетиром. Вот когда возникают социальные проблемы с непредсказуемыми последствиями; вот когда на сцену выходят Специальные службы. Мы разработали два-три метода, которые весьма облегчают нашу работу.

— Неужели вы намерены познакомить меня с ними?

— Во всяком случае, хуже от этого не будет. Один из этих методов носит условное название «архив голографической информации». Знаете, что получится, если голографическую пластинку разрезать пополам?

— Две половинки трехмерного изображения?

— Два целых изображения, только слегка размытых, нечетких.

— Надо же! Ни за что бы не догадался.

— А если половину снова разрезать надвое, получаются еще менее четкие голограммы. Но пусть от оригинала останется квадратный сантиметр, на нем будет целое изображение. Неузнаваемое, но целое.

Я восхищенно поахал.

— В отличие от фотографии, каждая точка фотоэмульсии на голографической пластине содержит информацию всего снимка. «Архив голографической информации» — это аналогия. Иными словами, каждая крупица информации о вас, которой мы располагаем, — это сведения о всей вашей жизни, о воровской карьере, о взаимоотношениях с преступным миром. Специфические факты, касающиеся специфических проступков, наказуемых в судебном или административном порядке, регистрируются Регулярными службами, а мы собираем любые сведения, и рано или поздно у нас появляется возможность

предполагать, а то и четко предугадывать время, место и состав будущего преступления.

— Очень любопытный параноидальный синдром, — заключил я. — Впервые сталкиваюсь с подобным. То есть впервые — в баре, беседуя с незнакомкой. В больницах я встречал чудиков и…

— В вашем прошлом, — перебила она, — я вижу коров и вертолеты. В вашем не столь отдаленном будущем — вертолеты и ястребов.

— О Добрая Ведьма Запада, с чего вы взяли…

И тут у меня похолодело в груди, ибо никому, кроме нас с Папашей Майклзом, не полагалось знать о той проделке. Я утаил правду от сотрудников Регулярных служб, которые вытащили меня, совсем очумевшего, из взбесившейся вертушки у самого края крыши «ПанАм». Еще в небе я увидел легавых на крыше, и тотчас кредитки исчезли в моем желудке. А все серийные номера на вертолете были давно спилены рукой куда более умелой, чем моя. В первый же вечер, когда я появился на ферме, славный мистер Майклз залил зенки и хвастливо поведал мне, тоже пьяному, как раздобыл в Нью-Гемпшире «паленую» вертушку…

— Зачем вы мне все это говорите? — выдавил я стандартную фразу, одну из тех, что подсказывает нам в подобных случаях тревога.

Она улыбнулась, но улыбка сразу истаяла под вуалью.

— Информация только тогда приносит пользу, когда ею делятся, — донесся до меня голос Мод с того места, где находилось ее лицо.

— Послушайте, я…

— Возможно, скоро вам встретятся большие деньги. Надеюсь, мой прогноз верен. Так вот: едва эти деньги попадут в ваши теплые лапки, за вами прилетит вертолет с отборными городскими полицейскими. Вот вам ваша доля информации…

Она шагнула назад, и кто-то сразу вклинился между нами.

— Эй, Мод!..

— …и распоряжайтесь ею, как сочтете нужным!

Бар был набит битком, и ломиться сквозь толпу означало приобретать врагов. Я потерял Мод и приобрел врагов: это пятеро грязных, патлатых типов. У троих на костлявых плечах вытатуированы драконы, у четвертого закрыт повязкой глаз, а пятый царапнул меня по щеке черными от смолы ногтями. Если вы потеряли нить повествования, поясняю: мы уже две минуты ведем свирепый бой без правил. Кричат женщины. Я нанес удар и увернулся от ответной плюхи, и в этот миг сменилась тональность гвалта. Кто-то пропел «Яшма!» в особой манере, и это на сей раз означало «Шухер!». Ну, ясно: тупицы, неумехи из

Регулярных служб, которых я семь лет водил за нос, уже в пути.

Драка выплеснулась на улицу. Я протиснулся между двумя патлатыми, увлеченно тузившими друг дружку, и выбрался из толпы, отделавшись не бóльшим количеством царапин, чем остается обычно после бритья. Потасовка распалась на отдельные очаги. Я подбежал к одному из них и обнаружил, что это вовсе не очаг, а кольцо людей вокруг человека, которому очень не повезло.

Кто-то заставил людей расступиться.

Кто-то перевернул лежащего на спину.

Я узнал коротышку, скорчившегося в луже крови. Мы познакомились два года назад. В тот раз он без особых хлопот сбыл вещи, которые мне не принадлежали.

Я попятился, стараясь не задевать людей брифкейсом. Заметив первого «регулярного» копа, прикинулся случайным прохожим, подошедшим узнать, в чем дело.

Полицейский не обратил на меня внимания.

Я свернул на Девятую авеню и сделал три шага вальяжной, но быстрой походкой…

— Стой! Эй, погоди!

Я сразу узнал этот голос. За два года он ничуть не изменился.

— Постой! Это я, Ястреб!

И я остановился.

Это прозвище уже звучало в моем рассказе, но Мод говорила о другом Ястребе, о рэкетире-мультимиллионере, обосновавшемся в том районе Марса, где я не бывал. Наши пути не пересекались, хотя он раскинул щупальца по всей Солнечной системе.

Я повернулся и сделал три шага к дверному проему. Навстречу — мальчишеский смех:

— Ха-ха! Видок у тебя такой, будто ты круто облажался!

— Ястреб? — обратился я к темному прямоугольнику.

Парень был все еще в том возрасте, когда за два года подрастают на дюйм-другой.

— По-прежнему здесь ошиваешься? — спросил я.

— Захожу иногда.

Я оглянулся на дерущихся.

— Слушай, Ястреб, мне надо смыться.

— Усек. — Он спустился с крыльца. — А мне можно с тобой?

Забавный парнишка. Нашел о чем спрашивать.

— Ну пошли.

В полуквартале от бара горел фонарь, и в его лучах я увидел, что волосы Ястреба светлы, как свежая сосновая щепа. Он вполне мог сойти за бездомного: грязнющая черная куртка из грубой

хлопковой саржи, под курткой — голая грудь; старенькие черные (во всяком случае, в полумраке) джинсы, голые ступни. На темной нью-йоркской улице не отличить босого от обутого, но я помнил, что Ястреб обуви не признает. Когда мы дошли до угла, он улыбнулся и запахнул куртку на покрытой струпьями и свежими язвами груди. Глаза у него были зеленые-презеленые.

Вы узнали этого парня? Если вести о нем, летящие с планеты на планету, не добрались до вас по той или иной причине, позвольте представить Певца Ястреба, шагающего рядом со мною по берегу Гудзона.

— Скажи, ты давно вернулся?

— Несколько часов назад, — ответил я.

— Что привез?

— Тебя это действительно интересует?

Он кивнул, сунув руки в карманы:

— Конечно.

Я тяжело вздохнул — этакий взрослый дядя, не умеющий отказывать детям.

— Так и быть, покажу.

Мы миновали еще один квартал вдоль набережной. Вокруг — ни души. Ястреб уселся на парапет верхом, свесив ногу над мерцающей мглой Гудзона. Я пристроился перед ним и с усилием провел большим пальцем по краю брифкейса.

— Ух ты! — Ястреб сгорбился над моими сокровищами. Потом поднял голову и изумрудно блеснул глазами. — А потрогать можно?

Я пожал плечами:

— Валяй.

Он запустил в брифкейс тощие, с шишковатыми суставами и обкусанными ногтями пальцы. Поднес к глазам две вещицы, положил, взяв три другие.

— Ух ты! — повторил он шепотом. — И много за них выручишь?

— Раз в десять меньше, чем они стоят. Надо побыстрее их сплавить.

Он опустил взгляд на воду и сказал:

— Зачем спешить? Всегда успеешь выбросить.

— Не мели чепухи. Я искал в баре парня, который мог бы мне посодействовать. У него это здорово получалось.

На стрежне Гудзона взбивало подводными крыльями пену судно с дюжиной вертолетов на палубе. Как пить дать, их переплавляют на полицейский аэродром возле Верразано. Я стоял, поглядывая то на мальчишку, то на вертушки; в голову лезли параноидальные мысли насчет Мод.

«Мммммм…» — гудело судно, пронзая тьму.

— Моего приятеля нынче пришили…

Ястреб спрятал в карманы пальцы и устроился поудобнее.

— …что изрядно прибавило мне хлопот. Я, конечно, не надеялся, что он заберет весь товар, но он хотя бы мог подсказать, к кому мне обратиться…

— Я как раз собирался на тусовочку… — Ястреб сделал паузу, чтобы обкусить заусенец на мизинце. — Там ты смог бы, наверное, сбыть все оптом. Это на крыше Башни. Алексис Спиннел[41] дает званый ужин в честь Регины Абулафии.

— На крыше Башни?

Что и говорить, много воды утекло с тех пор, как мы с Ястребом шатались по злачным местам Нью-Йорка. К десяти — в Адскую Кухню,[42] к двенадцати — на крышу Башни…

— Там будет Эдна Сайлем, — добавил Ястреб.

Эдна Сайлем — самая старшая из нью-йоркских Певцов, а имя Абулафия промелькнуло сегодня надо мной в светящейся ленте. О Спиннеле я прочел в одном из бесчисленных журналов, когда летел с Марса. В том же абзаце, где шла речь о нем, упоминался астрономический капитал.

— Хотелось бы повидать Эдну, — сказал я как бы между прочим. — Но вряд ли она меня узнает.

Сведя знакомство с Ястребом, я вскоре открыл, что у знати вроде Алексиса Спиннела — свои маленькие игры. В них побеждает тот, кому удается собрать под одной крышей наибольшее число городских Певцов. Нью-Йорк, в котором пятеро Певцов, делит второе место с Люксом, что на Япете. Лидирует Токио — там семь Певцов.

— Вечеринка с двумя Певцами? — поинтересовался я.

— Скорее, с четырьмя. Если я там буду.

Вчетвером Певцы собираются разве что на инаугурационный бал у мэра. Я одобрительно приподнял бровь.

— Надо бы узнать у Эдны Слово. Сегодня оно изменится.

— Ладно, — сказал я, закрывая брифкейс. — Не знаю, что у тебя на уме, но рискну, пожалуй.

Мы двинулись назад, в направлении Таймс-Сквер. На Восьмой авеню, едва ступив на пластиплекс, Ястреб остановился:

— Погоди-ка. — Он застегнул куртку доверху. — Так будет лучше.

Прогулка с Певцом по улицам Нью-Йорка (два года назад я очень долго сомневался, что это полезно для человека моей профессии) — возможно, наилучшая маскировка для человека моей профессии. Вспомните, как вы однажды на углу Пятьдесят

восьмой увидели любимую звезду стереовидения. Скажите теперь честно: узнали ли вы парня в твидовом пиджаке, отставшего от нее на полшага?

Пока мы пересекали Таймс-сквер, Ястреба узнала половина встречных. И неудивительно — с его молодостью, траурным одеянием, грязными босыми ногами и светло-пепельными волосами он был самым колоритным из Певцов. Кто улыбался ему, кто щурился, напрягая глаза, а кто и пальцем показывал.

— Давай-ка уточним, с кем я буду говорить насчет хабара.

— Алексис мнит себя искателем приключений. Может, ему приглянутся твои цацки. Тогда он заплатит куда больше, чем ты выручишь за них на улице.

— А ты предупредишь его, что они паленые?

— Это его еще больше раззадорит. Он любит острые ощущения.

— Ну, будь по-твоему.

Мы спустились в подподземку. Кассир в кабинке потянулся было за монетой Ястреба, но узнал его и, пробормотав что-то неразборчивое, махнул рукой — проходите, мол.

— О! — воскликнул Ястреб с неподдельным изумлением и восторгом, будто с него впервые в жизни не взяли денег за проезд. — Огромное вам спасибо!

Умеют же некоторые носить ореол славы! Помнится, два года назад Ястреб цинично объяснил мне: «Как только люди заметят, что я ожидаю поблажек, — все кончится». Когда я познакомился с Эдной Сайлем, она столь же бесхитростно заявила: «Но ведь для того-то мы им и нужны, чтобы нас баловать».

Мы вошли в блестящий вагон и уселись на длинную скамью. Ястреб устроился с комфортом — руки разбросаны, нога на ногу. Напротив сидели две школьницы в ярких блузках, с неизменной жвачкой во рту. Они тыкали в нашу сторону пальцами, хихикали и перешептывались, да еще пытались это делать незаметно! Ястреб не смотрел на них, а я поглядывал — но тоже украдкой.

Потом окна затянуло тьмой, загудело под серым полом. Рывок, нас кренит и выносит на поверхность земли. Город собирает в горсть тысячу блесток и швыряет их за деревья Форт-Трайона. Окна вагона покрываются сверкающей чешуей, за ними покачивается поручень ограждения платформы.

Мы выходим под мелкий дождик. Читаем станционную вывеску: «Двенадцать Башен».

Дождь, едва мы спускаемся с платформы на улицу, прекращается. Только листья роняют капли на длинную кирпичную стену.

— Эх, знал бы я, что пойду не один, велел бы Алексу

прислать за нами тачку. Я не обещал ему, что буду наверняка.

— Уверен, что мне можно с тобой?

— А разве ты здесь со мной не бывал?

— Был разок и без тебя, но все-таки, как думаешь, Алекс не…

Он метнул в меня обжигающий взгляд. Ну ясно: Спиннел будет на седьмом небе от счастья, приведи Ястреб хоть целую ораву настоящих бомжей (Певцы славятся подобными выходками). А если с ним придет всего один, да еще вполне респектабельный вор, у Алекса просто гора с плеч свалится.

Справа от нас убегали к городу опоры железнодорожных путей, слева за воротами раскинулся сад, а дальше, едва не задевая крышей облака, высился первый из двенадцати роскошных жилых небоскребов.

— Певец Ястреб, — буркнул мой спутник в микрофон, замурованный в стену у ворот.

Щелк-тик-тик-тик-щелк! Мы направились по дорожке к парадному подъезду.

По вестибюлю к выходу навстречу нам шла группа мужчин и женщин в вечерних костюмах и платьях. Мы их увидели через три ряда стеклянных дверей. Одну из женщин я сначала принял за Мод — на ней было облегающее платье из «меркнущей» ткани. Но секундой позже она повернула голову, и я разглядел лицо под вуалью — темное, цвета жареного кофе.

Видели бы вы, с каким неудовольствием уставились господа на побродяжку, непонятно как проникшего в эти хоромы! Впрочем, кто-то узнал Ястреба и сказал остальным; брезгливые мины тотчас сменились улыбками.

Ястреб уделил снобам не больше внимания, чем девчонкам в подземке.

Но потом, когда толпа вышла, сказал мне:

— Один парень смотрел на тебя. Ты заметил?

— Ага.

— Знаешь почему?

— Пытался вспомнить, видел ли меня раньше.

— И что, видел?

Я кивнул:

— До того, как мы с тобой познакомились. Аккурат когда я откинулся. Я же говорил, что бывал здесь.

— Понятно.

Три четверти вестибюля покрыто синим ковром, остальное пространство занимает огромный бассейн, а в нем ряд двенадцатифутовой высоты шпалер поддерживает огромные пылающие жаровни. Вестибюль — в три этажа, увенчанный куполом и с зеркальными стенами. По узорчатым решеткам

вьются дымные жгуты.

Сдвинулись металлические створки. Казалось, кабина лифта не тронулась с места, а семьдесят пять этажей сами ушли вниз.

На крыше был разбит пейзажный сад. Со склона холма, усыпанного камнями (искусственными), пробираясь между папоротниками (живыми) вдоль ручья (вода настоящая, но течение имитированное), к нам спустился человек — очень загорелый, очень светловолосый, в абрикосового цвета комбинезоне, из которого выглядывал ворот черной манишки.

— Здравствуйте! — Пауза. — Добро пожаловать! — Пауза. — Как я рад, что вы все-таки пришли! — Пауза. — Я уж и надеяться перестал. — Пауза.

Паузы предназначались для Ястреба — чтобы догадался меня представить. По моей одежде Спиннел не мог определить, кто я — лауреат Нобелевских премий в разных областях, с которым Ястреб познакомился на званом ужине, или прохиндей, чьи манеры еще сомнительнее моих и нрав еще низменнее.

— Позвольте вашу курточку, — протянул руки Алекс.

Эге, да он совсем не знает Ястреба, хоть и строит из себя приятеля на людях. Но этот тип достаточно чуток: что-то заметил в микромимике парнишки и решил не настаивать на своем предложении.

Алекс кивнул мне с улыбкой (а что еще он мог сделать в ту минуту?), и мы направились к гостям.

Эдна Сайлем сидела на прозрачном надувном пуфе и, наклонясь вперед, спорила о политике с людьми, сидевшими рядом прямо на траве. Я сразу узнал ее — волосы цвета потускневшего серебра, медный звон голоса. Бокал она держала обеими руками; из обшлагов костюма мужского кроя торчали, подрагивая от мощи ее сентенций, отяжеленные серебром и каменьями морщинистые пальцы.

Переводя взгляд обратно на Ястреба, я успел заметить еще с полдюжины гостей, чьи имена и лица способствуют торговле журналами и звукозаписями и привлекают в театры публику. Знакома ли вам фамилия театрального критика из «Дельты»? А вон тот — математическое светило из Принстона, пару месяцев назад взошедшее на научный небосклон с новой теорией происхождения то ли кварков, то ли квазаров.

К одной из женщин мой взгляд вернулся. Когда он вернулся к ней в третий раз, я узнал сенатора Абулафию, самую вероятную кандидатуру от неофашистов на пост президента. Сложив руки на груди, она прислушивалась к диспуту, сузившемуся до Эдны и не в меру общительного молодого человека с опухшими глазами, как от непривычных контактных линз.

— Миссис Сайлем, неужели вы не чувствуете, что…

— Прежде чем выступать с подобными пророчествами, необходимо вспомнить…

— Миссис Сайлем, я интересовался статистическими данными…

— Необходимо вспомнить о том, — голос зазвучал резче и ниже, и паузы между словами не уступали выразительностью их металлическому звучанию, — что, если бы люди все знали — абсолютно все, — в статистических прогнозах не было бы нужды. Наука о вероятности математически выражает наше невежество, а отнюдь не мудрость.

Мне ее суждения показались интересным дополнением к лекции Мод.

Вскоре Эдна подняла глаза и воскликнула:

— А, Ястреб!

Все обернулись к нам.

— Хорошо, что ты пришел. Льюис, Энн! — окликнула Эдна двоих Певцов. (Он смуглый, она бледная: оба стройные как тополь; лица наводят на мысли о чистых озерах, о приношении дани в безветренном, безмолвном лесу; Певцами они стали семь лет назад, за день до свадьбы.) — Глядите, он нас не бросил. — Эдна встала, простерла руку над головами сидящих и ударила поверх костяшек словами, словно бильярдным кием: — Ястреб, эти люди спорят со мною о вещах, в которых я разбираюсь не больше твоего. Ведь ты меня поддержишь, правда?

— Миссис Сайлем, — подали голос с травы, — я вовсе не хотел…

Рука Эдны вдруг переместилась в горизонтальной плоскости на шесть градусов, пальцы растопырились. Мне:

— Ты?! Дорогой мой, вот уж кого не чаяла встретить! Ведь ты тут почти два года не появлялся, верно?

Господь с тобой, Эдна. Заведение, в котором ты, я и Ястреб как-то провели вместе долгий пьяный вечер, больше напоминает давешний бар, чем крышу Башни.

— Где тебя носило?

— В основном на Марсе, — правдиво ответил я. — Вообще-то, я только что вернулся.

Забавно все-таки говорить такие слова в таком месте.

— Ястреб… Нет, оба, — поправилась Эдна (что означало: либо она забыла, как меня зовут, либо помнит достаточно хорошо, чтобы не называть на людях по имени), — идите сюда и помогите разделаться с отменной выпивкой душки Алекса.

Приближаясь к ней, я сдерживал ухмылку. Скорее всего, Эдна помнит мою профессию и не меньше моего наслаждается

ситуацией.

По лицу Алекса было видно, что у него упал камень с души. Теперь он знает, что я — кто-то.

Подойдя к Льюису и Энн, Ястреб одарил их своей коронной лучезарной ухмылкой. Они ответили призрачными улыбками. Льюис кивнул; Энн протянула руку, чтобы коснуться Ястреба, но не завершила движения. Эта сцена не укрылась от гостей.

Алекс спросил, что мы предпочитаем, и вручил нам с Ястребом большие бокалы, не забыв насыпать льда. К стойке подошел молодой человек с набрякшими веками, попросил наполнить заново его бокал.

— Как вы полагаете, миссис Сайлем, — обратился он к Эдне, — кто может эффективно противодействовать нечистоплотным политиканам?

Регина Абулафия носила брючный костюм из белого шелка. Ногти, волосы и губы — одного цвета. На груди — ручной работы медная брошь. Маршевая дюза, толкающая только вбок. Никогда не понимал таких людей.

Прислушиваясь к разговору, Регина вертела в ладонях бокал.

— Я противодействую, — ответила Эдна с категоричностью, свойственной исключительно Певцам. — Ястреб противодействует. А еще Льюис и Энн. Никого у вас больше нет.

В этот момент Ястреб своим смехом разорвал нить разговора.

Мы обернулись. Певец сидел у живой изгороди, сложив ноги по-турецки.

— Смотрите, — шепнул он.

Все обернулись в ту сторону, куда указывал его взгляд. Льюис и Энн стояли совершенно неподвижно, слегка напряженно. Она — высокая, светловолосая. Он — еще выше, брюнет. У обоих закрыты глаза, у Льюиса слегка приоткрыт рот.

— О! — тихо воскликнул кто-то. — Сейчас они…

Я внимательно наблюдал за Ястребом, поскольку ни разу не видел, как Певец реагирует на выступления других Певцов. Он соединил черные ступни, ухватился за большие пальцы ног и наклонился вперед. На шее засинели ручейки вен. Ворот куртки расстегнулся, но вряд ли кто-нибудь, кроме меня, заметил края двух зарубцевавшихся язв.

Эдна поставила бокал, ее лицо сияло гордостью за друзей и предвкушением удовольствия. Алекс, который нажимал кнопку автобара, требуя еще льда (подумать только — прибавочный труд теперь достояние знати, средство самопиара! Вот они, плоды автоматизации!), взглянул на молодую пару и щелкнул выключателем. Агрегат еще немножко погудел и затих. Налетел ветерок (не знаю, искусственный или настоящий), и деревья

шепнули нам: «Тсс!»

Льюис и Энн спели. Сначала по одному, потом дуэтом, затем снова поодиночке.

Певцы — это люди, которые ходят по жизни с открытыми глазами и рассказывают всем об увиденном. Певцами их делает умение заставить себя слушать. Доступнее объяснить я не могу, это и так сверхупрощение. Однажды в Рио-де-Жанейро восьмидесятилетний Эль Посадо стал свидетелем обрушения целого квартала многоквартирных домов, после чего выбежал на Авенида-дель-Соль и пустился в импровизацию. В его песне были ритм и рифма (ничего удивительного — в португальском языке масса рифмующихся слов); по пыльным старческим щекам струились слезы, а голос гулко бился о пальмы, растущие вдоль залитой солнцем улицы. Сотни людей остановились послушать: вскоре к ним присоединились еще сотни и сотни, и многим сотням рассказали они о песне Эль Посадо. Через три часа на месте катастрофы собралась огромная толпа с одеялами, едой, деньгами, лопатами и (что самое главное) желанием сплотиться в работоспособный коллектив. Никакой репортаж по стереовидению из района бедствия не вызвал бы подобной реакции. Эль Посадо считается первым Певцом в истории. Вторым стала Мириамна из Люкса, города под куполом. Тридцать лет, бродя по мощенным металлом улицам, пела она славу Кольцам Сатурна, на которые нельзя смотреть незащищенными глазами из-за сильного ультрафиолетового излучения. Но Мириамна, страдавшая необычной разновидностью катаракты, встречала за городом каждый рассвет и возвращалась, чтобы спеть об увиденном.

Все бы ничего, но в те дни, когда она не пела по причине болезни или отъезда (однажды Мириамну пригласили в другой город, куда докатилась ее слава), в Люксе падали котировки на фондовой бирже и подскакивала кривая преступности.

Объяснить эту взаимосвязь не мог никто. Колонистам оставалось только одно: присвоить ей титул Певицы.

Отчего же возникло сообщество Певцов, почему они появились практически во всех крупных городах Солнечной системы? Некоторые считают это спонтанной реакцией на воздействие вездесущих средств массовой информации. От радио, стереовидения и новостных лент просто некуда деться: они отучили людей самостоятельно оценивать события. В самом деле, кто сейчас ходит на спортивные состязания или политические собрания без миниатюрного приемника в ухе, дабы не усомниться в том, что происходящее у него на глазах — не плод

воображения?

На первых порах любой желающий мог назваться Певцом, а от публики зависело: признать его таковым или поднять на смех. Но к тому году, когда люди, которым я не был нужен, выгнали меня за порог, сама собой установилась неофициальная квота, и теперь, если возникает вакансия, Певцы решают, кого им принять в свои ряды. Кандидату, помимо стихотворческого и актерского талантов, необходима харизма, чтобы не пропасть в паутине общественного мнения, где немедленно оказывается новоизбранный. Ястреб, прежде чем стать Певцом, приобрел некоторую известность благодаря поэтическому сборнику, опубликованному в пятнадцатилетнем возрасте. Он гастролировал, читал стихи в университетах, но к моменту нашего знакомства в Центральном парке (я только что насладился тридцатисуточным отдыхом в качестве гостя города; в библиотеке «Томбса» можно найти потрясающие книги[43]) еще не успел прославиться и был весьма удивлен тем, что мне знакомо его имя.

Ястребу только-только стукнуло шестнадцать, а через четыре дня ему предстояло сделаться Певцом (о чем его уже предупредили). Мы до утренней зари просидели на берегу озера, и Ястреб маялся, не зная, соглашаться или нет; мальчишку страшило такое огромное бремя ответственности. Сейчас, два года спустя, он все еще младше на полдюжины лет самого юного из Певцов, живущих на шести планетах. И что ни говори, Певцу не так нужен стихотворческий талант, как актерский. Но в списке его коллег тогда числились портовый грузчик, двое университетских профессоров, наследница миллионов «Силиклея» («Все, что хочешь, клей смелей, сверхнадежен „Силиклей“») и как минимум две личности с весьма сомнительным прошлым, которое даже вечно голодная до сенсаций пиар-машина согласилась не освещать.

Каким бы ни было происхождение этих «живых легенд», таких разных, таких ярких, все они пели. Пели о любви, смерти, смене времен года, общественных классах, правительствах и дворцовой страже. Пели перед большими толпами и в тесной компании, пели для одинокого грузчика, устало бредущего из порта домой, пели на улочках трущоб, в лимузинах членов аристократических клубов, в клубных вагонах пригородных поездов, в элегантных садах на крышах Двенадцати Башен; пели у Алексиса Спиннела на суаре для сливок общества. Но воспроизведение их песен с помощью технических средств (в том числе публикация текстов) запрещено законом, а я уважаю закон, насколько это позволяет моя профессия, и потому вместо текста песни Льюиса и Энн

предлагаю вам вышеизложенное.

Певцы умолкли, открыли глаза и огляделись. На лицах у них — не то смущение, не то стыд.

Ястреб, подавшись вперед, взирал на друзей с восторгом, Эдна вежливо улыбалась. Мои губы расползлись в улыбке, от которой невозможно удержаться, когда ты тронут до глубины души и испытал огромное удовольствие. Да, Льюис и Энн спели потрясающе.

К Алексу вернулось дыхание. Он окинул гостей взглядом и, удовлетворенный их реакцией, нажал кнопку. Автобар загудел, кроша лед. Никто не хлопал, одобрение выражалось лишь кивками и перешептыванием. Регина Абулафия подошла к Льюису и заговорила. Я навострил уши, но в этот момент Алекс ткнул в мой локоть бокалом.

— Ой, простите…

Я взял брифкейс в другую руку и, улыбаясь, принял бокал. Сенатор Абулафия вернулась на прежнее место, а Певцы взялись за руки и застенчиво посмотрели друг на друга. И сели.

Гости группками разбрелись по роще и саду. Облака цвета старой замши то смыкались, пряча луну, то расползались. Я стоял в одиночестве среди деревьев на сухом каменистом дне пруда и слушал музыку: канон ди Лассо в двух частях, оцифрованный для аудиогенераторов. Помните, недавно в одном популярном журнале по искусству утверждалось, что иначе невозможно избавиться от ощущения тактов, которое выработалось у музыкантов за последние пять столетий? Будет чем развлечься человечеству пару-тройку недель.

Внизу, в пластмассовой кровле, змеились и сплетались светящиеся линии абстрактного рисунка.

— Прошу прощения…

Я обернулся и увидел Алекса. На сей раз у него не было ни бокала со спиртным, ни представления, куда девать руки. Он нервничал.

— Наш общий друг намекнул, что вы… можете мне кое-что предложить.

Я поднял было брифкейс, но указательный палец Алекса оторвался от уха (куда переместился с пояса, коснувшись воротника и прически) и сделал предостерегающий жест. Ох уж мне эти нувориши…

— Не затрудняйтесь, мне пока не нужно смотреть. Думаю, будет лучше, если я вообще останусь в стороне. Я бы охотно приобрел эти вещи, если Ястреб не переусердствовал, расхваливая их, но теперь ими заинтересовался один из моих

гостей.

Мне это показалось странным.

— Понимаю, вам это кажется странным, — продолжал он, — но, думаю, мое предложение вас заинтересует, поскольку сулит немалую выгоду. Видите ли, я эксцентричный коллекционер, а потому мог бы вам предложить цену, соответствующую предназначению моей эксцентричной коллекции — то есть вещам, которые вызывают у гостей интерес и становятся темой для обсуждения. Но вещи, предлагаемые вами, я мог бы обсуждать со слишком узким кругом людей.

Я кивнул.

— Зато мой гость найдет им куда более широкое применение.

— Вы не могли бы назвать его имя?

— Я все-таки поинтересовался у Ястреба, кто вы, и он дал понять, что задавать подобные вопросы крайне неблагоразумно. Пожалуй, столь же неблагоразумно называть имя моего гостя. — Алекс улыбнулся и добавил: — Но ведь неблагоразумие — это топливо, на котором работает социальная машина. Не правда ли, мистер Гарви Кэдвейлитер-Эриксон?

Я никогда не был Гарви Кэдвейлитер-Эриксоном, но Ястреб известный выдумщик. Тут мне в голову пришла еще одна мысль, а именно:

Кэдвейлитер-Эриксоны — семья вольфрамовых магнатов, живущая в Титисе на Тритоне. Да, мой приятель не только изобретателен, он и во всех прочих отношениях выдающийся человек, о чем постоянно трубят газеты и журналы.

— Надеюсь, вы все-таки забудете еще раз о благоразумии и откроете, кто ваш таинственный гость.

— Так и быть, — уступил Алекс с улыбкой кота, закусившего канарейкой. — Мы с Ястребом сошлись во мнении, что наибольший интерес ваши вещи, — он указал на брифкейс, — должны вызвать у Ястреба.

Я сдвинул брови к переносице. В голову полезли тревожные мысли, которые я выскажу чуть позже.

— У Ястреба?

Алекс кивнул. Я постарался не хмуриться слишком уж заметно.

— Вы не попросите нашего общего друга подойти сюда?

— Отчего же. — Алекс поклонился и отчалил.

Примерно через минуту появился Ястреб. Взглянув мне в лицо, он перестал улыбаться.

— Мм… — начал я.

Он вопросительно склонил голову набок. Я потер подбородок суставом согнутого пальца:

— Скажи-ка, Ястреб, ты слышал о Специальных службах?

— Вроде слышал.

— Дело в том, что этот Департамент полиции вдруг заинтересовался моей персоной.

— Ну да? — В зеленых глазах мелькнуло неподдельное изумление. — Это плохо. Говорят, там не дураки сидят.

— Мм… — повторил я.

— Как тебе это нравится: мой тезка сегодня здесь. И я нисколько не удивлен.

— Алекс своего не упустит. И что же здесь нужно Ястребу, как думаешь?

— Наверное, хочет договориться с Абулафией. Завтра она начинает свое расследование.

— Даже так? — Снова тревожные мысли. — Тебе знакомо имя Мод Хинкль?

Его озадаченный взгляд достаточно убедительно ответил: нет.

— Она из этой таинственной организации. Большая шишка, судя по манерам.

— И что?

— Незадолго до того, как мы с тобой встретились, она мне прочитала проповедь. И в конце намекнула на какие-то вертолеты и каких-то ястребов. Потом она ушла, и появился ты. Сначала я решил, что это случайная встреча, но теперь мне так не кажется. — Я укоризненно покачал головой. — Знаешь, внезапно я попал в параноидальный мир, где стены имеют не только уши, но и глаза, а может, и длинные когтистые лапы. Любой из тех, кто меня окружает, — в том числе и ты — может оказаться шпионом. Такое чувство, будто под каждым канализационным люком, за каждым окном второго этажа прячется легавый с биноклем, автоматом или чем похуже. Одного я понять не могу. Пусть эти службы коварны, вездесущи и всемогущи, но все-таки как им удалось втянуть в это дело тебя? Почему ты согласился на роль подсадки?

— Прекрати! — Он возмущенно тряхнул шевелюрой. — Никакая я не подсадка.

— Быть может, ты сам этого не осознаешь. Но у Специальных служб есть так называемый архив голографической информации, их методы изощренны и жестоки…

— Прекрати, я сказал! — У Ястреба исказилось лицо, как в тот момент, когда Алекс предложил ему снять куртку. — Неужели ты способен допустить, что… — Тут он, похоже, понял, что я испуган не на шутку. — Слушай, Ястреб не какой-нибудь карманник. В отличие от тебя, в параноидальном мире он не

наездами — он там живет. Раз он здесь, можешь не сомневаться, что у него кругом не меньше собственных ушей, глаз и когтей, чем у Мод Хикенлупер.

— Хинкль, — поправил я.

— Какая разница? Ни один Певец… Слушай, неужели ты всерьез решил, что я…

— Да, — ответил я, хоть и знал, что мои слова сдирают коросту с его язв.

— Ты для меня однажды кое-что сделал, и я…

— Я добавил тебе несколько рубцов, только и всего, — хмуро возразил я.

Вот и все. Струпья содраны.

— Ястреб, покажи, — попросил я.

Он глубоко вздохнул, затем расстегнул медные пуговицы. Полы куртки распахнулись. Светящийся внизу рисунок расцветил его грудь пастельными тонами.

У меня стянуло кожу на лице. Я не отвел взгляда, но с присвистом вздохнул, чего тоже не следовало делать.

Он посмотрел мне в глаза:

— Куда больше, чем тогда, верно?

— Ты решил себя угробить?

Он пожал плечами.

— Даже не знаю, какие из них — старые, какие — новые. — Он опустил голову и уставился на грудь.

— Не надо! — произнес я слишком резко.

Ястреб трижды глубоко вздохнул. С каждым вздохом (я это ясно видел) ему все больше становилось не по себе, и наконец его пальцы потянулись к нижней пуговице.

— Зачем ты это делаешь?

Я хотел, чтобы в голосе не звучало отчаяния, — и перестарался. В голосе вообще ничего не прозвучало. Отчаянная пустота.

Он пожал плечами, видя, что я не желаю отчаянной пустоты. На миг в зеленых глазах вспыхнул гнев. Этого я тоже не желал. Поэтому он сказал:

— Знаешь, нормальный человек так устроен: коснешься его — мягко, нежно, любовно, — и в мозг поступает информация о прикосновении как о чем-то приятном. А с моим мозгом что-то не так, он почему-то воспринимает все наоборот…

Я покачал головой:

— Ты Певец. Певцам и положено быть не такими, как все, но…

Ястреб затряс головой. Снова в его глазах мелькнул гнев, и снова исказились черты лица, реагируя на боль — впрочем, сразу

утихшую. Он опять опустил взгляд на щуплую грудь, покрытую язвами.

— Застегнись, дружище. И забудь мои слова.

— Ты в самом деле считаешь, что я связался с легавыми?

— Застегнись, — повторил я.

Он застегнулся и сказал:

— Ого! — И пояснил: — Между прочим, уже полночь.

— Ну и что?

— Эдна только что сказала мне Слово.

— Какое?

— Агат.

Я кивнул. Он застегнул воротник и спросил:

— О чем ты думаешь?

— О коровах.

— О коровах? — удивился Ястреб. — А что о них думать?

— Ты бывал на молочной ферме?

Он мотнул головой.

— Для повышения удойности у коров заторможена жизнедеятельность. Это практически полутрупы. Они лежат в стальных ящиках, а в пищеводы по шлангам, разветвляющимся на тонкие трубки, поступает из огромного резервуара питательный раствор.

— Я видел на картинках. Так при чем тут коровы?

— Сейчас ты сказал мне Слово, и теперь оно пойдет дальше, как питательный раствор по шлангам. От меня — к другим, от других — к третьим, и так — до завтрашней полуночи.

— Я схожу за…

— Ястреб!

Он оглянулся:

— Что?

— Насколько я понял, ты не считаешь, что я стану жертвой таинственных сил, которые осведомлены куда лучше нашего и любят играть с людьми в кошки-мышки. Что ж, интересно было узнать твое мнение. Но даю слово: как только я избавлюсь от этого… — я похлопал по брифкейсу, — ты увидишь фокус с исчезновением, какого ни разу в жизни не видел.

Чело Ястреба прорезали две глубокие складки.

— А ты уверен, что я его не видел?

— Если честно — не уверен. — Наконец-то я позволил себе ухмыльнуться.

В шумном выдохе паренька угадывалась структура смеха.

— Приведу Ястреба. — И Ястреб исчез за деревьями.

Я смотрел вверх, на листву, усыпанную лунными блестками.

Потом опустил взгляд на брифкейс.

Между валунами, огибая окустья высокой травы, приближался Ястреб. На нем был серый вечерний костюм с серой же шелковой манишкой. Лицо будто высечено из камня. Голова обрита наголо.

— Мистер Кэдвейлитер-Эриксон?

Я пожал протянутую руку — острые мелкие косточки в дряблой коже.

— А вы, если не ошибаюсь…

— Арти.

— Арти Ястреб.

Не знаю, укрылся ли от него беглый осмотр, которому я подверг серый наряд.

Он улыбнулся:

— Да, Арти Ястреб. Я приобрел это прозвище, будучи моложе нашего общего друга. Алекс сказал, что у вас есть… скажем так: вещи, которые не совсем ваши. То есть по закону вам не принадлежащие.

Я кивнул.

— Нельзя ли взглянуть?

— А вас предупредили, что…

Его нетерпеливый жест не дал мне закончить фразу.

— Все в порядке, показывайте.

Он протянул руку, улыбаясь — любезный, как банковский клерк.

Я провел пальцем по краю брифкейса. «Тск», — щелкнул замок.

— Скажите, можно отвязаться от Специальных служб? — спросил я, разглядывая склонившийся к брифкейсу бритый череп. — Похоже, я чем-то привлек их внимание.

Череп приподнялся. Удивленное выражение сменилось усмешкой каменного истукана.

— Вот как, мистер Кэдвейлитер-Эриксон? — Ястреб окинул меня изучающим взглядом. — Если это действительно так, постарайтесь, чтобы ваши доходы не скакали. Это единственное, чем можно усыпить интерес Специальных служб.

— Не так-то просто будет это сделать, если вы предложите достойную цену.

— Надо полагать, я могу приобрести их дешево…

Замок снова произнес: «Тск».

— …ведь, если мы не договоримся, вам придется крепко поработать головой, чтобы уйти с товаром от Специальных служб…

— Вам, должно быть, случалось разок-другой от них

уходить, — предположил я. — Сейчас-то вы сидите на ровном киле, но прежде вас носило по волнам.

Арти кивнул с озорной ухмылкой:

— Вероятно, вам предстоит помериться силами с самой Мод. В таком случае я должен надлежащим образом поздравить вас и выразить сочувствие. Люблю все делать надлежащим образом.

— Похоже, вы стреляный воробей. Я не заметил вас в толпе.

— Сейчас здесь две вечеринки, — сказал Арти. — Как думаете, куда исчезает Алекс через каждые пять минут?

Я вопросительно приподнял бровь.

— Светящийся рисунок под камнями, — указал Ястреб пальцем мне под ноги, — это разноцветная мандала на потолке нашего зала… — он хихикнул, — обставленного с восточной роскошью…

— …а на двери — особый список приглашенных, — договорил за него я.

— Регина в обоих списках. И я. А еще мальчишка, Эдна, Льюис, Энн…

— И мне полагается об этом знать?

— Но ведь вы пришли с человеком, внесенным в оба списка. Я подумал… — Он умолк.

Так. Выходит, я выбрал неверный путь. Что ж, актер, постигающий искусство моментального перевоплощения, очень скоро убеждается, что для достоверного вживания в образ необходима вера в свое неотъемлемое право на ошибку.

— А как насчет того, чтобы обменять это, — я постучал по брифкейсу, — на информацию?

— То есть на способ уйти от когтей Мод? — Арти отрицательно покачал головой. — Если бы я и знал такой способ, было бы непростительной глупостью выдать его вам. Да и не следует столь дешево продавать фамильные драгоценности. Поверьте, мой друг, — он ткнул себя в грудь большим пальцем, — вы не за того принимаете Арти Ястреба. — (Его кисти утонули в карманах.) — Покажите, что у вас там.

Я снова открыл брифкейс.

Некоторое время Ястреб рассматривал содержимое. Взял две вещицы, повертел перед глазами, положил на место и опять сунул руки в карманы.

— Даю шестьдесят тысяч. Активированными кредитками.

— А как насчет информации?

— Ничего я вам не скажу. — Он улыбнулся. — Даже который час.

На планете Земля очень мало везучих воров. На других планетах и того меньше. Тяга к воровству — это, по сути, тяга к

абсурду и безвкусице (иное дело — криминальный талант, он сродни поэтическому или актерскому, так сказать, божий дар шиворот-навыворот), но все же это тяга — такая же, как к порядку, власти или любви, и ее трудно преодолеть.

— Ладно, — сказал я.

В небе послышался слабый гул.

Глядя на меня с улыбкой, Арти сунул руку за лацкан пиджака и достал пригоршню кредитных карточек — каждая с красным пояском, то есть на десять тысяч. Отделил одну, другую, третью, четвертую…

— Эти деньги можно безо всякого риска положить в банк.

— Как считаете, почему Мод заинтересовалась мной?

…пятую, шестую.

— Отлично, — сказал я.

— Может, уступите чемоданчик? — спросил Арти.

— Попросите у Алекса бумажный пакет. Могу, если хотите, послать их поч…

— Давайте сюда.

Гул нарастал.

Я протянул раскрытый брифкейс, Арти запустил в него обе пятерни. Переложил товар в карманы пиджака и брюк. Оглянулся налево-направо, сказал: «Спасибо, спасибо», повернулся и быстро зашагал прочь, унося в оттопыренных карманах вещи, которые теперь не принадлежали ему.

Я задрал голову, пытаясь разглядеть сквозь листву источник шума, затем опустил брифкейс на траву и открыл потайное отделение, где хранились вещи, принадлежавшие мне по праву.

Алекс протянул очередной стакан шотландского джентльмену с опухшими глазами. Тот спросил:

— Вы не видели миссис Сайлем? И что это за шум?

В этот миг из-за деревьев, оступаясь на камнях, появилась дородная матрона в платье из «меркнущей» ткани. Она визжала, вонзая пальцы в лицо сквозь вуаль.

— О господи! — ахнул джентльмен с опухшими глазами, которому Алекс пролил содовую на рукав. — Кто это?

— Нет! — крикнула дородная женщина, взмахивая морщинистыми руками с унизанными перстнями пальцами. — Нет! Нет! Помогите!

— Неужели не узнаете? — шепнул Ястреб кому-то из гостей. — Генриетта, княгиня Эффингемская.

Алекс услышал эти слова и бросился на помощь княгине. Но та уже протиснулась между двумя кактусами и исчезла в высокой траве. Гости всей толпой помчались следом. Пока они ломали

кустарник, рядом с Алексом появился лысеющий джентльмен в черном смокинге и галстуке-бабочке. Он деловито кашлянул и с тревогой в голосе произнес:

— Мистер Спиннел, прошу извинить…

Алекс крутанулся волчком.

— Мистер Спиннел, моя мама…

— Кто вы такой?! — воскликнул ошеломленный и испуганный Алекс.

Джентльмен выпятил грудь, представился: «граф Клемент Эффингемский» — и хлопнул штанинами, желая, видимо, щелкнуть каблуками. Но в тот же миг горделивое выражение исчезло с его лица.

— Ох, мистер Спиннел, моя бедная мамочка… Мы были внизу, на другой вечеринке, как вдруг она разволновалась… и бросилась сюда. Я ей кричу: мамочка, не надо, мистер Спиннел будет недоволен! Но она… Вы должны ей помочь!

Он посмотрел вверх. И все кругом подняли головы. Луну затмил черный силуэт вертолета с двумя зонтиками вращающихся лопастей. Вертолет снижался.

— Я вас умоляю! — настаивал джентльмен. — Надо ее найти, наверное, она заблудилась.

Он бросился на поиски княгини. Остальные разбежались в разные стороны.

Гул внезапно перешел в треск; сквозь ветки сыпались, стучали по камням осколки прозрачного пластика…

Я забрался в лифт и нажал на край брифкейса. Секундой позже между створками проскочил Ястреб. Электрический глаз тотчас послал сигнал механизму раздвижения дверей, но я заставил их закрыться, ударив кулаком по соответствующей кнопке.

Парнишку мотануло вправо-влево, стукнуло о стены, но он сразу восстановил равновесие и дыхание.

— Слушай, из вертолета высаживаются полицейские!

— Без сомнения, отобранные лично Мод. — Я сорвал с виска клок седых волос и отправил его в брифкейс, где уже лежали перчатки из пластиковой кожи (морщины, толстые синие вены, длинные ногти цвета сердолика — руки Генриетты) и шифоновое сари.

Потом — рывок, и кабина остановилась. Разъехались створки дверей. К тому времени я успел лишь наполовину избавиться от маски бравого графа.

В лифт шагнул серый-пресерый Ястреб. Его лицо ровным счетом ничего не выражало. За его спиной я мельком увидел

роскошный восточный павильон с играющей красками мандалой на потолке. Арти жестом велел закрыть двери, после чего устремил на меня загадочный взгляд.

Я вздохнул и поспешил избавиться от последних черт Клемента.

— Это полиция? — повторил Ястреб.

— Похоже на то, — произнес я, застегивая брюки. — Арти, вы вроде расстроены не меньше, чем Алекс.

Кабина вздрогнула и помчалась вниз. Я сбросил с плеч смокинг, не вынимая рук из рукавов, вывернул его наизнанку. Освободил одну кисть, стянул белую накрахмаленную манишку с черной бабочкой. Запихал их в брифкейс, к остальным манишкам и галстукам. И вот уже на Говарде Кэлвине Эвингстоне не смокинг, а добротный серый в елочку пиджак.

Ястреб следил за моими манипуляциями, удивленно подняв голые брови. Я снял плешивый парик Клемента и тряхнул шевелюрой. У Говарда, как и у Гарри, волосы рыжие, но не такие курчавые.

— Вижу, вы уже выложили из карманов те вещички, — заметил я.

— Вы правы, я позаботился о них, — сухо подтвердил Ястреб. — Все в порядке.

— Арти, — произнес я нагловатым баритоном Говарда, — можете упрекнуть меня в чрезмерном самомнении, но, сдается, Регулярные службы нагрянули сюда исключительно по мою душу…

— Они не слишком огорчатся, если сцапают и меня, — прорычал Ястреб.

А другой Ястреб сказал из угла кабины:

— Арти, говорят, вы шагу не ступаете без охраны.

— Ну и что?

— У тебя только одна возможность выбраться отсюда, — прошептал Ястреб мне на ухо. Куртка расстегнулась на нем до середины, открыв изувеченную грудь. — Вместе с Арти.

— Блестящая мысль, — заключил я. — Арти, хотите за услугу тысчонку-другую?

— Ничего мне от вас не нужно. — Ястреб повернулся к Ястребу. — Зато нужно кое-что от тебя. Видишь ли, малыш, я не ждал встречи с Мод и не успел подготовиться. Если хочешь, чтобы я помог выбраться твоему дружку, выполни мою просьбу.

На лице мальчишки — недоумение. На физиономии Ястреба — самодовольство (возможно, мне это показалось), сразу сменившееся озабоченностью.

— Надо привлечь в вестибюль побольше народу, и побыстрее.

Я хотел было спросить «зачем?», но вспомнил, что не знаю, каковы возможности у его охраны. Я решил спросить «как?», но тут под ногами вздрогнул пол и открылись двери.

— Если не сумеешь, — прорычал Ястреб Ястребу, — никто из нас не выйдет отсюда! Никто!

Я до последней минуты не догадывался, на что решился мальчишка. Едва я двинулся за ним следом, Ястреб схватил меня за руку и прошипел:

— Стой на месте, идиот!

Я шагнул назад. Арти встал в проеме, заклинив дверь.

Ястреб подбежал к бассейну, нырнул, добрался вплавь до двенадцатифутового треножника и полез вверх.

— Он же угробится! — прошептал Ястреб.

— Ага, — согласился я.

Не думаю, что в моем голосе сквозил цинизм.

Ястреб возился под громадной пылающей чашей. Вдруг там что-то поддалось, а затем еще что-то звякнуло, а затем еще что-то потекло в бассейн.

А затем в бассейн метнулся огонь.

А за ним — черная стрела с золотым наконечником. Ястреб.

Я до крови закусил щеку. Завыла пожарная сирена. По синему ковру к бассейну бежали четверо в форме. Неподалеку группа людей заметила огонь; закричала женщина. Вспомнив, что ковер, стены и потолок сделаны из невоспламеняющихся материалов, я вздохнул с облегчением. Забыть-то, глядя на исполинский столб адского пламени, было несложно.

Ястреб вынырнул у стенки бассейна, на единственном участке, не охваченном огнем, выбрался на ковер и покатился, прижимая ладони к лицу.

Он катился, катился, катился. Потом встал.

Еще одна кабина лифта исторгла пассажиров; они вытаращились и заголосили. От дверей к бассейну спешили пожарные со снаряжением. Сирена не умолкала.

Ястреб повернулся к собравшейся в вестибюле дюжине людей. С грязных черных штанин стекала и впитывалась в ковер вода. Пламя превращало капли на щеках и волосах Певца в сверкающую медь и кровь.

Он ударил кулаками по мокрым ляжкам, набрал полную грудь воздуха и запел, перекрывая вой сирены и людские крики.

Два человека прянули назад и скрылись в кабинах лифтов. С улицы вошли шестеро. Кабины вскоре вернулись, каждая привезла с десяток пассажиров. В мгновение ока по всему зданию пронеслась весть о том, что внизу поет Певец.

Вестибюль быстро заполнялся народом. Ревело пламя,

мельтешили вокруг шестидесятифутового костра пожарные, а Ястреб стоял на синем ковре, широко расставив ноги, и пел. В песне звучал ритм Таймс-сквер, кишащей ворами, морфадинистами, хулиганами, пьяницами, старыми шлюхами, способными обольстить разве что бомжа. Ритм драки, в которой нынче очень не поздоровилось одному старику.

Арти потянул меня за рукав.

— В чем де…

— Пошли, — прошипел он.

За нами закрылась дверь лифта.

Мы побрели сквозь толпу зачарованных слушателей, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться и послушать. Признаюсь, я не смог должным образом оценить пение Ястреба — меня отвлекали тревожные гадания о том, как Арти намерен выбраться.

Стоя возле парочки в купальных халатах, пялившейся на огонь, я предположил, что замысел Арти очень прост: переместиться к двери, прячась в толпе. Для чего он и велел Ястребу собрать побольше народу.

Но у выхода стояли полицейские из Регулярной службы. Впрочем, вряд ли они имели отношение к тому, что происходило наверху, — очевидно, их привлек с улицы пожар и остановило в дверях пение Ястреба. Когда Арти со словами «прошу извинить» похлопал по плечу одного из них, давая понять, что хочет пройти, тот обернулся, отвел глаза и снова уставился, в манере Мака Сеннета[44]. Но другой дотронулся до руки не в меру бдительного приятеля и помотал головой, после чего они снова застыли, глядя на Певца.

Когда в моей груди утихло землетрясение, я подумал, что у Ястреба разветвленная сеть разведки и контрразведки, и что его люди сейчас во множестве маневрируют в пылающем вестибюле, и что ломать голову над их хитроумными манипуляциями — значит обрекать себя на неизлечимую паранойю.

Арти отворил последнюю дверь. Из помещения с воздушным кондиционированием мы вышли в ночь. Сбежали по пандусу.

— Послушайте, Арти…

— Идите направо. — Он показал вдоль по улице. — Я пойду налево.

— А… куда я приду? — Я вытянул руку в направлении, предназначенном мне.

— На станцию подподземки «Двенадцать Башен». Побыстрее уносите отсюда ноги, мой вам совет. Время еще есть, и чем раньше сядете в поезд, тем больше у вас шансов. Все, прощайте. — Он сунул кулаки в карманы и торопливо зашагал по улице.

Я пошел вдоль стены в противоположную сторону, ожидая выстрела духового ружья из проезжающей машины или луча смерти из кустов. Но обошлось — я без приключений добрался до метро.

За Агатом наступил Малахит.

Потом был Турмалин.

За ним Берилл. В этом месяце мне исполнилось двадцать шесть.

За Бериллом — Порфир.

Далее — Сапфир. В начале месяца я вложил десять тысяч в «Глетчер», абсолютно легальный дворец мороженого на Тритоне (первый и единственный дворец мороженого на Тритоне) — и он сразу принес баснословную прибыль (каждый пайщик получил восемьсот процентов дохода, хотите верьте, хотите нет). За две недели я сдуру потерял половину вырученного, вложив деньги в предприятия до абсурдного нелегальные, но «Глетчер» не дал мне надолго впасть в тоску и покрыл убытки. А там и новое Слово подоспело — Киноварь.

Потом — Бирюза.

За ней — Тигровый Глаз. Эти три месяца Гектор Кэлхус Эйзенхауэр, наконец-то остепенившийся, посвятил задаче стать респектабельным представителем верхушки среднего класса преступного мира. Пришлось изучить финансовый менеджмент, корпоративное право, технологию найма и тому подобное. Все это было совсем не просто, но ведь меня всегда интриговали трудности. Я добился успеха, применяя любимое правило: сначала — внимательное наблюдение, потом — точное подражание.

За Тигровым Глазом пришел Гранат.

За ним — Топаз. Я прошептал это Слово на крыше Транссателлитовой энергостанции, дав сигнал наемникам убить двух человек. Вы что-то слышали об этом? А вот я — ничегошеньки.

За Топазом — Таффеит. Месяц был на исходе. Я находился на Тритоне (исключительно по делам, связанным с «Глетчером»). Утро выдалось чудесное, дела шли как нельзя лучше. Решив денек отдохнуть, я отправился на экскурсию в Потоки.

— …высоте двести тридцать ярдов, — сообщил экскурсовод, и все мы, туристы, облокотясь на поручень, воззрились сквозь пластмассовую стену на утесы из замерзшего метана, дрейфующие в холодном зеленом свечении Нептуна.

— Леди и джентльмены, всего в нескольких ярдах от нашей подвесной дороги вы видите Колодец Этого Мира, где более

миллиона лет назад таинственная сила, которую наука до сих пор не может объяснить, вызвала таяние твердого метана на площади двадцать пять квадратных миль. За несколько часов образовался водоворот с воронкой в два раза глубже Большого каньона на Земле, застывший навеки, когда температура вновь упала до…

Неторопливо шагая по длинному прозрачному коридору, я увидел ее улыбку. В тот день у меня была каштановая кожа и объемная прическа. Я не сомневался, что узнать меня невозможно, и рискнул остановиться рядом с ней.

Признаюсь, она застала меня врасплох, когда резко обернулась и с абсолютно каменным выражением лица произнесла:

— Извините, вы, случаем, не Гамлет Калибан Энобарб?

Спасибо старым рефлексам — они позволили скрыть изумление и испуг за снисходительной улыбкой. «Прошу прощения, но вы, похоже, обознались…» Нет, на самом деле я сказал другое:

— Мод, вы пришли сообщить, что настал мой час?

На ней было платье в синих тонах, на плече огромная синяя брошь, явно стеклянная.

Почему-то мне показалось, что в этом платье Мод гораздо меньше выделяется среди пышно разодетых туристов (Регина победила на выборах в Порфирий, и брючные костюмы стремительно вернулись в моду), чем я в моем прикиде.

— Нет, — ответила Мод. — Вообще-то, я сейчас отдыхаю. Как и вы.

— Вы не шутите? — (Мы отстали от толпы.) — Нет, наверное, шутите.

— Успокойтесь. На Тритон не распространяется юрисдикция Специальных служб Земли. Мы сотрудничаем со здешними Специальными службами, но, поскольку вы прибыли сюда с деньгами и бóльшую часть регистрируемых доходов получаете от «Глетчера», у нас нет к вам претензий. Правда, Регулярные службы только и ждут, чтобы вы дали им повод для ареста. — Она улыбнулась. — Мне еще не довелось побывать у вас в «Глетчере». Вот бы похвастать на Земле, что меня пригласил туда один из его владельцев. Не выпить ли нам лимонада?

Величественный водоворот — Колодец Этого Мира — низринулся в опаловое сияние. Изумленные туристы загалдели, а экскурсовод принялся объяснять что-то насчет коэффициентов преломления и углов падения.

— Похоже, вы мне не верите, — сказала Мод.

Мой взгляд подтвердил правильность ее догадки.

— Вы занимались когда-нибудь наркобизнесом?

Я насупил брови.

— Нет, я серьезно. Попробую объяснить… Видите ли, правдивый ответ на этот вопрос может упростить жизнь нам обоим.

— Косвенно, — ответил я. — Уверен, что в ваших досье найдется правдивый ответ на любой вопрос.

— А я занималась наркобизнесом несколько лет, и отнюдь не косвенно. До перевода в Специальные службы я работала в Регулярных, в отделе по борьбе с наркотиками, и круглые сутки имела дело с наркоманами и наркодилерами. Чтобы ловить крупных торговцев, нам приходилось дружить с мелюзгой. Чтобы ловить крупнейших, мы дружили с крупными. Мы говорили на их языке, месяцами жили на тех же улицах, в тех же домах, что и они, спали и бодрствовали синхронно с ними. — Мод отошла от перил, пропуская юного туриста. — Мне дважды пришлось лечиться от морфадиновой зависимости. И мой послужной список был получше, чем у многих.

— К чему вы клоните?

— Вот к чему. Мы с вами движемся по одной орбите только потому, что уважаем свои профессии. Вы бы поразились, узнав, сколько у нас общих знакомых. Не удивляйтесь, если однажды мы столкнемся на Беллоне посреди Суверенной площади, а через две недели встретимся на Япете, в каком-нибудь ресторане Люкса. Да, у нас с вами одна орбита, и она не так уж широка.

— Пойдемте в «Глетчер». — Кажется, это прозвучало не так бодро, как мне хотелось. — Угощу вас мороженым.

Мы двинулись к выходу из коридора, держась за перила.

— Видите ли, — продолжала Мод, — если вы сумеете достаточно долго не попадаться земным и местным Специальным службам, может наступить момент — пусть не завтра и не послезавтра, а через несколько лет, — когда кривая роста ваших огромных доходов станет пологой и ровной. Такое в принципе возможно. Как только это случится, Специальные службы потеряют к вам интерес. Так что нам незачем считать друг друга врагами. Думаю, даже стоит иногда встречаться, оказывать взаимные услуги. Ведь я располагаю огромными запасами информации и могу кое-чем вам помочь.

— Опять эти байки насчет голограмм?

Мод пожала плечами. В бледном сиянии планеты ее лицо казалось призрачным. Когда мы вошли в город и естественный свет сменился искусственным, она сказала:

— Между прочим, недавно я встретила ваших друзей, Льюиса и Энн.

— Певцов?

Она кивнула.

— Вообще-то, я с ними почти не знаком.

— Да? В таком случае они о вас наслышаны. Может быть, от третьего Певца? От Ястреба?

— О, — сказал я. — Они ничего о нем не рассказывали?

— Пару месяцев назад я прочла в газете, что он выздоровел. Что с ним стало с тех пор — не знаю.

— У меня примерно те же сведения.

— Я встречалась с ним один-единственный раз, — сказала Мод. — Когда вытащила его из бассейна.

Ястреб еще пел, пока мы с Арти выходили из здания. На другой день я узнал из новостных лент, что, допев до конца, он сбросил куртку и брюки и снова прыгнул в бассейн. Ястреб получил ожог третьей степени — семидесятипроцентное поражение кожи. Я изо всех сил старался не думать об этом.

— Вы его вытащили?

— Да. Я была в том вертолете. Думаю, тогда наша встреча произвела бы на вас неизгладимое впечатление.

— Возможно. А как получилось, что вам пришлось его вытаскивать?

— Как только вы двинулись к выходу, охрана Арти заклинила кабины лифтов на семьдесят первом этаже, и мы опоздали в вестибюль. А когда спустились, Ястреб попытался…

— Вы сами его спасли? Своими руками?

— Да. Дело в том, что пожарные лет двадцать не видели настоящего пожара и совершенно разучились работать. Я велела моим парням заполнить бассейн пеной, потом забралась туда и вытащила мальчишку…

— Вот как? — сказал я.

С того дня прошло одиннадцать месяцев. Я трудился в поте лица и добился неплохих результатов. К тому же меня не было в вестибюле, когда случилось то, о чем рассказывала Мод. Меня это не касалось.

— Мы надеялись, что он скажет, где вас искать. Но когда я выволокла его на ковер, он был без сознания, все тело — ужасная кровоточащая…

— Мне бы следовало знать, что Специальные службы пользуются услугами Певцов, — сказал я. — Как ими пользуются все кому не лень. Кстати, сегодня меняется Слово. Льюис и Энн, случаем, не назвали вам новое?

— Я видела их вчера, и Слово изменится еще только через восемь часов. Да они бы мне его и не сказали. — Она посмотрела на меня и нахмурилась. — Уж не сомневайтесь.

— Давайте выпьем лимонада, — предложил я. — Выпьем и

поговорим о том о сем, как старые друзья. Вы послушаете меня в надежде, что я проговорюсь и тем самым ускорю собственный арест, а я в ваших словах попытаюсь найти лазейку, чтобы избежать ареста. Идет?

Она кивнула:

— Угу.

— Чем вы объясните нашу встречу в том баре?

Глаза у нее — словно льдинки.

— Я же сказала, у нас с вами общая орбита. Ничего удивительного в том, что однажды вечером мы оказались в одном баре.

— Короче говоря, мне далеко не все положено знать. Так?

Мод ответила двусмысленной улыбкой. Я понял, что допытываться не стоит.

Я не возьмусь пересказывать нашу пустую болтовню. Было очень скучно. Сидя за горами взбитых сливок, увенчанных вишнями, и притворяясь, будто разговор нам не в тягость, мы порядком утомили друг друга. Сомневаюсь, что кому-то из нас был прок от той беседы.

В конце концов Мод ушла. Я посидел еще немного в грустных раздумьях о черном обугленном фениксе.

Потом управляющий позвал меня на кухню и спросил насчет контрабандного молока (в «Глетчере» подают не привозное, а приготовленное здесь же мороженое), о поставке которого я договорился, будучи в последний раз на Земле (оказывается, за эти десять лет прогресс почти не коснулся молочных ферм — старого болтливого вермонтца по-прежнему до обидного легко обвести вокруг пальца), и в сиянии ламп дневного света среди большущих пластиковых резервуаров, пока я старался разложить по полочкам услышанное от Мод, он высказался насчет Гения криминальной эстетики. От его трепа мне стало совсем тошно.

К вечеру собрался народ, заиграла электронная музыка, засверкали хрустальные стены, и в зале, несмотря ни на что (при перевозке потерялся — или был украден, но не мог же я высказать такую догадку — ящик с театральными костюмами), должно было вот-вот начаться представление среди публики, наше последнее новшество. Бродя в тоске между столиками, я собственноручно поймал с поличным маленькую патлатую грязнулю, совершенно обалдевшую от морфадина. Она пыталась стащить у посетителя бумажник, прячась за спинкой стула. Я схватил ее за руку и увлек к выходу — деликатно, грациозно, — а она лишь таращилась на меня расширенными зрачками и моргала. Вытолкав ее за дверь, я, разумеется, ничего не сказал

посетителю.

Актеры, решив: черт с ними, с костюмами, вышли в зал *au naturel*[45], и все балдели, как в старые добрые времена, а мне хотелось удавиться. Я вышел за дверь. Сидя на широких ступенях, рычал, когда приходилось отодвигаться, чтобы пропустить входящих или выходящих. Последний, на кого я зарычал (семьдесят пятый по счету), остановился рядом со мной и прогудел:

— Я знал, что найду вас, если буду искать надлежащим образом.

Я посмотрел на ладонь, что похлопывала меня по плечу, поднял взгляд по руке к черной манишке, к бритой наголо голове с мясистым ухмыляющимся лицом.

— Арти? Откуда вас черти принесли?

А он знай похлопывает и смеется с непрошибаемой *Innerlichkeit*[46].

— Дружище, знаете, где я раздобыл ваш снимок? Не поверите — в здешнем Департаменте Специальных служб, за взятку. Снова молниеносное перевоплощение? Ловко, очень ловко. — Ястреб уселся рядом и положил руку — косточки в рыхлом тесте, пронизанном жилами, — мне на колено. — И теперь у вас чудесное заведение. Мне нравится, честное слово. Хотя не настолько, чтобы предложить за него хорошую цену. Вы растете на глазах — придет время, и я буду хвастаться тем, что помог вам взобраться на первую ступеньку нашей лестницы. — Он убрал кисть с моего колена и сплел ее с другой. — Если всерьез собираетесь играть по-крупному, намотайте на ус: надо хотя бы одной ножкой прочно опираться на закон. Главное — стать необходимым для нужных людей. Добившись этого, способный жулик приобретет ключи ко всем сокровищницам Солнечной системы. Впрочем, боюсь, я не открыл вам ничего нового.

— Арти, не кажется ли вам, что если нас здесь увидят…

Он пренебрежительно помахал ладонью:

— Никто не сможет нас сфотографировать. Тут кругом мои люди. Я не появляюсь на публике без охраны. Слышал, вы тоже обзаводитесь охраной?

Это соответствовало действительности.

— Здравая мысль. Очень здравая. Вообще, мне нравится, как вы держитесь.

— Спасибо, Арти. Знаете, что-то здесь не жарко.

Я вышел глотнуть свежего воздуха и сразу — обратно.

Он снова помахал рукой:

— Не волнуйтесь, я не собираюсь рассиживаться. Вы правы, не нужно, чтобы нас видели вместе. Я просто мимо проходил и

решил вас навестить.

Он встал и двинулся вниз по ступенькам.

— Арти!

Он оглянулся.

— Рано или поздно вы пожелаете приобрести мою долю в «Глетчере» и вернетесь. Вам кажется, что я слишком быстро расту. А я не подчинюсь, так как буду считать, что вполне способен с вами справиться. Мы станем врагами. Я попытаюсь убить вас. Вы — меня.

Впервые на лице Арти — замешательство. Затем — снисходительная улыбка.

— Вижу, вам запал в душу «архив голографической информации». Что ж, вы правы — это единственный способ перехитрить Мод. Но, создавая собственный «архив», постарайтесь не упустить ни единой мелочи. Увидеть картину во всех деталях — единственный способ перехитрить меня.

Он улыбнулся. Хотел было идти, но задержался и произнес:

— Если вы сможете бороться со мной и при этом расти, если доведете свою защиту до совершенства, то рано или поздно может возникнуть ситуация, когда нам будет выгодно не враждовать, а сотрудничать. Сумеете продержаться — и мы снова станем друзьями.

— Спасибо на добром слове.

Ястреб посмотрел на часы:

— Ну, все. До свидания.

«Наконец-то уйдет», — подумал я. Но Ястреб снова оглянулся:

— Вы уже знаете новое Слово?

— Да, кстати, оно же сегодня меняется. Не скажете?

Из «Глетчера» вышли посетители. Дождавшись, когда они спустятся с крыльца, Ястреб торопливо огляделся и наклонился ко мне, держа руки чашечкой у рта. Прошептал: «Пирит» — и заговорщицки подмигнул:

— Только что узнал от знакомой девицы, а та — от самой Колетт.

Колетт — одна из трех Певцов Тритона.

С этими словами Арти сбежал с крыльца и исчез в толпе пешеходов на бульваре.

Я просидел на крыльце целую вечность, а потом встал и пошел по улице. Ходьба добавила к моему мерзкому настроению нарастающий ритм паранойи. На обратном пути в мозгу возникла прелестная сценка: Ястреб охотится на меня, а я — на него и в итоге мы оба оказываемся в глухом переулке, где я, чтобы

получить помощь, кричу: «Пирит!» Но Пирит — вовсе не Слово, а средство идентификации, и человек в черных перчатках, с пистолетом, или гранатой, или газовым баллончиком, услышав его, делает свой выбор…

На углу, в свете из окна кафе, доламывает изувеченный автомобиль стайка шпаны а-ля Тритон: цепи на запястьях, татуированные шмели на щеках, сапоги на высоком каблуке у тех, кому они оказались по карману. Среди вандалов юная морфадинистка, которую я изгнал из «Глетчера». Она стоит пошатываясь, с разбитой фарой в руках.

Сам не знаю, почему я вдруг направился к девчонке.

— Эй!

Из-под грязных косм на меня вытаращились глаза. Не глаза — сплошные зрачки.

— Знаешь новое Слово?

Она почесала и без того в кровь разодранный нос и ответила:

— Пирит. Уже почти час…

— Кто тебе сказал?

Она ответила после некоторых колебаний:

— Один парень. А ему — другой парень, он только что прилетел из Нью-Йорка. Услышал там Слово от Певца по кличке Ястреб.

— Ну спасибо, — поблагодарил я.

Трое патлатых, что стояли поблизости, прикидывались, будто не замечают меня. Остальные пялились без всякого смущения.

Лучшие средства от паранойи — это бритва Оккама и достоверная информация о работе охранных служб. Итак, все-таки Пирит. Паранойя — это в известной степени профессиональное заболевание. Уверен, что Арти и Мод такие же его жертвы, как и я.

Над входом в «Глетчер» погасли лампы. Спохватившись, я взбежал на крыльцо.

Дверь была заперта. Я стукнул пару раз в стекло, но безрезультатно — все уже разошлись по домам. Вот ведь невезение! И вдвойне обидно оттого, что забытые вещи видны отсюда. Завтра в полдень Гуй Куан Эню нужно выкупить бронь на каюту люкс межпланетного лайнера «Платиновый лебедь», который в час тридцать отправится на Беллону. За стеклянной дверью лежат парик и накладные эпикантальные складки, благодаря которым пасленовые глаза Гуй Куан Эня сделаются вдвое у́же. Заботливый управляющий положил их на стойку под оранжевую лампу, чтобы я сразу заметил, как приду.

Я всерьез подумывал о взломе, но в конце концов принял

трезвое решение: переночую в гостинице, а утром войду в «Глетчер» с уборщиками.

Уже на ступеньках крыльца у меня возникла мысль, от которой на глаза навернулись слезы, а губы дрогнули в невеселой улыбке. Я могу уходить с легким сердцем, ведь в «Глетчере» нет вещей, которые мне не принадлежат…

Милфорд

Июль 1968 г.

Омегахелм
(Перевод М. Клеветенко)

Во времена, когда залогом успеха служили гладкость и ровные грани, Гессе по-прежнему ассоциировала предметность с прикосновением. Она будет создавать формы — результат личного тактильного столкновения… «Порой мне казалось, что чем больше мысли, тем больше искусства, — сказала она в 1970 году. — Но я должна признать, что есть много того, чему я просто позволяла совершиться…» Она хотела создавать искусство, которое удивляет, и понимала: если что-то с первого взгляда кажется прекрасным, второй может и не потребоваться.

Люси Липпард[47]. Ева Гессе[48]

Бухта алела кровавым кружевом.

Небо затянула филигрань розовых облаков.

Багровый солнечный лик у края мира окрасил зеленое море под ней, восток цвета меди за ней, мраморные скалы, по которым она взбиралась.

Щурясь, она обернулась.

Слепите ее плоские, залитые солнечным светом черты из темной терракоты вокруг зеленых, как это море, глаз. Высушите. Затем ударьте молотком изнутри — и в миг между ударом и первыми трещинами сделайте снимок анфас.

Таким было ее лицо.

Казалось, в кистях у нее избыток суставов, руки опутаны чрезмерным количеством мелких мышц, крупных вен. Левая — как могут пять пальцев выдерживать столько колец? — три массивных из железа, четыре еще массивнее из бронзы, несколько узких медных, три из серебра (на разных пальцах) с кусочками нефрита разных оттенков, два из блестящего алюминия (на одном) с агатами и опалами. Золотой перстень на большом пальце был отлит в форме головы ящерицы, размером с орех дилы, грызущей млечный камень. Она держалась пальцем с

кольцом-ящерицей за плетеный ремень на бедре. С одной стороны острые кости таза выпирали над ремнем. (Лишние кости бугрились также на запястье.) Правая рука, огрубевшая от трудов, закаленная ветрами далеких миров, с большими костяшками и без колец, висела криво, как палка.

Сильное тело. И все же вы первым делом замечали, какое оно костлявое. Трава позади нее — металлические шипы — дрожала на ветру. Красные корни, словно нити, заплетали глиняный берег. Обнаженные груди, плоские, шестидесятилетние, качнулись.

Она смотрела на море.

Узкая, с обрезок ногтя шириной, полоса цвета слоновой кости расширялась, замутняя воду светом. Луна, носящая имя Претания IV, вставала над горизонтом.

Кусты в пяти метрах ниже зашевелились. Между веток показалось лицо Гильды: черное, взволнованное, пытливое, молодое.

Блики играли на ее сапогах в гуще папоротников; цвета смещались. Она выбралась на тропу, несмело улыбаясь, отряхивая пестрые штаны. Сделала три шага по пыльной тропе, мягкие подошвы скрипели.

Свет Претании залил море.

— Меня вызвали из Омегахелма, — сказала Вондрамах, — сообщить, что ты подала официальное прошение об отставке.

— До того как я покинула Омегахелм, — рука Гильды застыла на бедре, — мне сказали, что ты приняла ее.

— Значит, это частная встреча, прощание двух женщин, двух подруг, плодотворно сотрудничавших на протяжении четырех лет. — Вондрамах протянула руку без колец.

— Пяти. — Гильда продолжала карабкаться на уступ, глядя в пространство между рукой и зелеными глазами Вондрамах.

— Так долго?

— Точнее, пяти с половиной. Это случилось через неделю после моего двадцать четвертого дня рождения, поэтому я помню. На самом деле чуть больше пяти с половиной. Ближе к шести.

Вондрамах расхохоталась:

— Ты поправляешь меня всегда с таким тактом! Порой я ошибалась намеренно, хотела увидеть, как ты выпутаешься. Но иногда просто… ошибалась. Не люблю ошибаться. — Она посмотрела на море. — Но ценю такт.

— Да, мы и раньше обсуждали, что я могу уйти. — Гильда выбралась на выступ. — Однако я не знала, как ты отнесешься к тому, что я и правда уйду.

— Я обладаю властью, ты — нет. И я умею злиться. Ты убила многих ради меня. Многих спасла. И мне никогда бы не

заполучить некоторые миры, если бы ты — и подобные тебе — не были бы столь эффективны. Я сожалею о твоем уходе, но благодарна за то, что ты сделала. Ты была отличной шпионкой. Вот как я к этому отношусь. И намерена поступить соответственно. — (Что-то в лице Вондрамах заставляло людей ощущать себя не в своей тарелке, но Гильда знала, что, даже в гневе, оно многих притягивало.) — Я всегда понимала, что должна выражать свои чувства предельно ясно. Слишком много было смятения и боли — и смерти, — когда я поступала иначе. Но тебе это известно. Я хочу дать тебе кое-что, Гильда. Куда ты намерена отправиться? Чем думаешь заняться?

— Я хочу вернуться в свой мир. Помнишь, он называется Вельм и вращается вокруг звезды Ириани? На юге в горной долине есть мебельная мастерская, наймусь туда в подмастерья. Мой такт — как ты его называешь — пригодится в общении с клиентами. Впрочем, в месте, где я намерена поселиться, есть чем заняться. Возможно, скоро там вырастет целый город. И потом, я хочу растить детей.

— Да, ты рассказывала, при нашей первой встрече. А ты себе не изменяешь. Постоянство — добродетель, к обладанию которой я стремлюсь. Отлично, я дам тебе… — Вондра посмотрела на солнечный диск, уже третий из висящих над горизонтом, — дом для твоих детей. Он будет… он будет огромен, как Омегахелм, и…

Гильда несмело хихикнула, но не выдержала и расхохоталась:

— Омегахелм? Вондра, что я буду там… — Она замотала головой. — Ты хочешь подарить мне административное здание размером с маленький город, пригодное для того, чтобы управлять оттуда полудюжиной миров, в качестве дома для моих…

— …и если в Омегахелме у меня размещены банки информации, — продолжила Вондра, — архивы и компьютерные сети, твой дом украсят произведения искусства… лучшие из тех, что способен предложить твой мир. Ты выберешь с десяток художников из тех, кого узнала, когда путешествовала по моим заданиям, и я прослежу, чтобы тебе доставили достойные коллекции их лучших работ, которые искусствоведы будут изучать годами. Дом будет размером с Омегахелм, но устроен целиком по твоему вкусу лучшими моими архитекторами. Новейшие технологии, разумеется, на основе местных разработок. И естественно, я позабочусь об экологической безопасности места, где ты собираешься… — Она не успела нахмуриться, мириады мышечных сокращений, образующих гримасу, застыли. В стазисе чувства, которые отражались на ее лице, отличались до

неузнаваемости.

— Лучшее, что есть в Омегахелме, — Гильда говорила беспечно, но осторожно, — это то, что до него восемьсот километров. — Оно говорила все тише и всматривалась в лицо Вондры все пристальнее. — Здесь, с тобой, я рада… свободе от него.

Гильда поднесла руку к груди. На тонкой цепочке с шеи свисал дюймовой длины золотой слиток, и каждую нить в проволочном пучке на его конце украшал драгоценный камень. До сих пор амулет был в тени. Алый свет озарил одну из черных рук Гильды, сияние Претании IV посеребрило другую. Гильда сжала амулет в кулаке.

— Он был на мне, когда мы впервые встретились, Вондра, — сказала Гильда.

— И тогда я посмеялась над тобой, — сказала Вондрамах, но ни следа смеха не было в ее ровном, бесстрастном голосе. — И ты сняла его на пять, почти на шесть лет.

— Но ты приняла мою отставку. Я тебе больше не служу. И я решила, что могу снова надеть мой талисман. — Гильда пожала плечами. — Я думала, ты опять надо мной посмеешься.

— Я ценю постоянство, но мне не всегда удается его сохранять. — Вондрамах погладила свой локоть левой, унизанной кольцами рукой. — Как и тебе — быть тактичной.

— Такт — это честность и участие, — сказала Гильда. — Ты обладаешь властью, я честна. Я думала об этом и решила, что будет нечестно не надеть мой *тали* сегодня.

— Тебе нравится думать, будто честность своего рода власть? Многие люди, не обладающие ни властью, ни тактом, так считают. Так вот, это не соответствует истине. Вернее, я больше не могу об этом судить. Настоящая власть — та, которой я обладаю и о которой знаю не понаслышке, — устанавливает новые горизонты. Придает вещам странную перспективу. Когда-то давно, когда я была очень, очень молода, я думала, что приятно иметь много денег. Лет двадцать лет назад я осознала — во время ежегодного совещания с моими финансовыми советниками в разных мирах, — что в сорок я проводила такие встречи еженедельно. Когда моего внимания потребовали иные, более важные материи и от обладания двумя мирами я перешла к полному контролю над тремя, встречи стали ежемесячными. К тому времени, как я стала полноправной владелицей девяти миров, они проводились ежегодно. Та часть моей власти, которая измеряется деньгами, так ничтожно мала в сравнении с остальным, что я не могу позволить ей отнимать мое время. Теперь совещания можно отменить, они всего лишь

формальность, больше необходимая моим советникам, чем мне.

— Ты упразднила деньги как средство обращения в некоторых из твоих миров, — заметила Гильда. — Думаю, когда у тебя достаточно денег в других мирах, они перестают тебя волновать.

— И упразднение денег идет этим мирам на пользу, — сказала Вондра. — Однако я оказалась не в силах упразднить… — (Толстый, унизанный кольцами палец ткнул в амулет между грудей Гильды.) — Ни для одного из миров, ни для моей подруги и самой доверенной из сотрудниц.

— Это всего лишь символ, Вондра, — промолвила Гильда устало — сколько можно твердить об одном и том же тому, кто не желает слушать? — Как говорится, символ, значение которого меняется от места к месту, от мира к миру, от личности к личности. В моем мире, в той крошечной его части, где я хочу жить, он означает дом, будущее, детей, которых я хочу вырастить, общество, которым надеюсь их окружить, отношения и связи, в которые они меня вовлекут. Питающий источник, который забьет посреди песков вельмианских пустынь, — ведь я намерена поселиться на юге. В последний раз, когда я была в северных секторах, я стала свидетельницей неприятных инцидентов между колонизаторами-людьми и местной расой…

— Символ, значение которого меняется от мира к миру, от личности к личности? — Вондра покачала головой. — Где твое хваленое постоянство? И ты спрашиваешь, почему некто столь могущественный, как я, не желает с этим мириться? — Она перехватила запястье Гильды, отводя ее ладонь от талисмана. Потревоженные самоцветы и металлические нити закачались между грудей. Пальцы Вондры на бедре, лишенные колец, сжались в кулак.

Драгоценные камни на черной коже сияли, словно пролитое вино. Последний косой луч скользнул по воде, скалы заалели. Амулет окрасился в цвет крови.

— Для тебя амулет означает ту жизнь, о которой ты мечтаешь. — Солнце зашло, оставив румянец на воде. Небо за спиной Вондры стало темно-синего цвета. Она отпустила запястье Гильды. — Почему бы тебе просто не сказать, что ты хочешь иметь семью?

Сияние Претании IV обесцветило нефритовую воду. Волны стали как свинец, алая пена вплеталась в них, как корни — в глинистый берег.

— В мире, куда я возвращаюсь, в секторе, куда иду, это называют питающим источником. Почему бы не использовать термин, принятый в моем мире? Семья? Я понятия не имею, что

такое семья.

— Ты лукавишь. Как и мне, тебе прекрасно известно, что семья — это мать, отец и сын, — промолвила Вондра тоном, каким говорят о вещах очевидных. — Базовая модель человеческой репликации. В любой из частей формулы пол можно заменить. Любую часть можно исключить. Но это базовая модель, допускающая исключения, дублирования и замещения.

— Я выросла в лагере клонов, в мире, которому срочно потребовалось резко увеличить численность населения. Ты провела детство в экспериментальной группе для детей с врожденными дефектами на станции Л-пять, которая вращалась вокруг луны. Ни одна из нас не знала настоящей семьи, хотя наше детство не назовешь несчастным. Тем не менее ты работаешь над концепцией семьи, ты поддерживаешь идею семьи в десятке миров. И те, кому близка эта идея, всегда тебя поддерживали. Это традиция, институция со своими формами и историей, которую ее приверженцы отказываются обозначать неким символом, давать ей имя, ибо, по-твоему, стоит ее обозначить — и внутреннее содержание начнет меняться, размываться, приспосабливаться к новым веяниям, хотя те самые люди, которые его меняют, в свое оправдание апеллируют к символу. Ты утрачиваешь постоянство, к которому стремишься, упуская из виду настоящие перемены. — Гильда улыбнулась — это было видно лишь по движению мышц на силуэте ее лица. — Все твои доводы мне известны.

— Да, и, несмотря на это, ты по-прежнему следуешь институции, предлагающей символ, который ты носишь, лишенный определенного значения.

— Я же сказала, Вондра, я верю в то и следую тому, что талисман — мой *тали* — означает в моем мире. Поэтому он был на мне, когда мы встретились. И поэтому я так легко отказалась от него, исполняя твои поручения в других мирах, во что бы ни верили их обитатели: в семью или в талисманы. Но теперь я ухожу, и мой талисман снова со мной.

— И ты упорно не видишь, как изменилась за это время его суть? — Выражение лица Вондрамах осталось прежним, и все же те, кто знал ее близко, научились распознавать иронию в ее суровых чертах. — Раньше мне было смешно. Теперь нет. Как она изменилась? Говори, женщина.

Серебристые шипы зашипели под ветром.

— Изменяются чувства. — (Камни висели, словно Плеяды, между грудей Гильды.) — Или ты находишь в себе силы признать, что они были такими всегда.

Вондра оглядела поросший мхом плоский выступ.

— Иди сюда, сядь рядом.

Она опустилась на корточки.

Гильда устроилась рядом, плечом ощущая тепло голой руки, так близко, что трава между подошвой ее сапога и ногой Вондрамах сбилась в пучок.

Вондра смотрела на воду, на алые осколки света. Теперь она тоже сидела, упираясь ладонями в скалу позади себя.

— Однажды, — промолвила она, вытянув ногу и покрутив ступней, — у меня был ребенок.

— Ты женщина, обладающая властью, — тихо заметила Гильда. — Возможно, самая могущественная во Вселенной. На свете осталось мало того, чего бы ты не попробовала.

— Вздор, — ответила Вондра. — Если бы я отчетливо не представляла себе, насколько Вселенная велика, насколько она больше меня, то никогда бы не справилась с той властью, которой обладаю. Ты говоришь о воспитании детей. Я расскажу тебе, что это значит в реальности, в самых идеальных условиях, которые дает власть. Отец, мать, сын? Мы знаем, что можно обойтись одним родителем. Сын? Мне в голову не приходило дать жизнь мужской особи. И поскольку семья — это естественное состояние, я следовала моим естественным инстинктам. И я создала дитя… дитя, которому было предначертано стать творцом, великим скульптором. В те времена я увлекалась скульптурой. Поэтому я наделила его всем, что можно извлечь из наших знаний о пространстве и строении материалов, а также записала в его меметосомы трехтысячелетнюю историю ваяния. Но поскольку мой интерес к этому проекту был, как и все остальное, преходящим, я задала кодирующую последовательность нуклеотида, которая ограничивала жизнь моей дочери семью минутами. Ей предстояло последовательно перейти от юности к зрелости и старости за отрезок времени, равный дыханию. — Унизанные кольцами и лишенные колец пальцы Вондры уцепились за теплый влажный камень.

Слушая ее, Гильда втянула голову в плечи.

— Я стояла у смотрового стекла и наблюдала, как открывается дверь матки. Моя дочь выкатилась на подстилку, куда я сложила все орудия и материалы, которые могли ей пригодиться: резцы, молотки, глину, а еще механический множительный аппарат, запрограммированный на любое искажение. Ее протезы были установлены внутриутробно, их крепления регулировались сами, по мере ее роста. Мокрая, в налипших остатках от плодной оболочки, она немедленно завертелась на месте, ловя воздух, толкаясь, падая, ее руки изгибались, на глазах становясь сильнее, взгляд фокусировался,

бескостная голова на тонкой шее пульсировала и сотрясалась, дыхало втягивало распыляемые теплые газы, несущие питательные вещества, гормоны и энзимы, которыми я не наделила ее генетически. Она уже начала сочиться желтой слизью — результат избыточного метаболизма, который совершался в ее теле весом не более тридцати фунтов. Ее искусственные конечности изгибались, на мгновение я решила, что присоски не приклеятся к черной пластмассовой поверхности подстилки и ей суждено стать калекой! Но нет, обошлось, она могла передвигаться, могла подтянуть свое тело вперед, к инструментам, глине, дереву, проволоке, стекловолокну и камню. Могла склониться над инструментами и материалами, коснуться их, ощупать — чем и занялась с внезапно пробудившейся жадностью. За минуту с половиной она достигла половой зрелости: кожистая сумка на животе переполнилась и раздулась, обратившись в прозрачный шар. Вены и капилляры подрагивали на мембране. Кажется, за минуту до того, как она достигла предельного размера, она повернула голову ко мне — я вперилась в стекло, обхватив лицо растопыренными пальцами. — (Пальцы Вондрамах в траве — с кольцами и без — были сжаты.) — Она смотрела на меня своими безмерными зелеными глазами… моими глазами. В них было гораздо больше интеллекта, чем в твоих или моих. Ее интеллектуальные способности, развивавшиеся с момента рождения, в девять раз превышали способности обычного человека. Она протянула ко мне суставчатый пластмассовый коготь, и… мне показалось, что она будто взвизгнула. Возможно ли, что гигантский мозг в этой мокрой, клонящейся набок головке на мгновение осознал нашу связь? Ее рот открылся, обнажив мягкие беззубые десны. Оттуда раздалось влажное шипение. Механическая конечность, качнувшись в мою сторону, случайно задела глину, которую я для нее подготовила. Она обернулась, всмотрелась в глину и задумалась. И вот коготь подцепил случайный комок и рассеянным движением слепил из него крохотный шар. Внезапно она выпустила шар, погрузила две другие конечности в мягкую субстанцию, уронила комок и застыла над разрушенным пейзажем — это была ее первая скульптурная композиция. Затем быстро переместила ее на металлический стеллаж, который я приготовила для готовых работ, установила на подставке из оникса, вертя ее по сторонам, разглядывая со всех углов. Никому не понять, о чем поведало моей дочери ее творение или о чем она размышляла, созерцая его. В течение следующих полутора минут она произвела на свет еще шесть ранних, экспериментальных работ, каждая из которых представляла собой комки глины,

отделенные от основного куска и разбросанные в произвольном порядке, — всего она создала девять. Две из них ее не устроили, и она смешала их с основным куском. Покончив с этим, она обратилась к множительному аппарату, принцип действия которого, как и принцип действия остальных инструментов, был записан в ее меметосомах. Она мгновенно воспроизвела копию резца из мелкозернистого мрамора, маленького молота из стекловолокна, ножа для глины из бронзы. Законченные скульптуры, которые она расположила на стеллаже, представляли собой копии рядом с оригиналами: резец с резцом, молоток с молотком, нож с ножом — так, чтобы охватить их одним взглядом. Больше инструментов не осталось, но множительный аппарат уже трудился над новой задачей, которую она ему задала. Поскольку места на стеллаже закончились, его сменил стол множительного аппарата внутри электростатических колец. На нем появилась копия ее собственного уродливого перекачанного тельца, исполненная в прозрачном бледном камне: выпученные глаза, лопающийся мочевой пузырь, тонюсенькая шейка и полдюжины протезов. Поначалу я была поражена банальностью этой копии и гадала, для чего она предназначена. Но пока я размышляла, она обрушилась на своего двойника. Отползла назад и снова навалилась на него всей массой, и еще раз. Мои пальцы на стекле вспотели, в горле пересохло. Моя дочь снова обрушилась на собственное объемное изображение. И тут ее мочевой пузырь лопнул, обдав камень мощной струей. Я генетически усовершенствовала железы, которые у нас выделяют желудочный сок, заставив их вырабатывать более едкую кислоту. Она должна была выпускать кислоту крохотной, но мощной струей из сфинктера у основания мочевого пузыря для полировки и тонкой обработки изделий. Но она предпочла воспользоваться ею таким способом — и погибнуть. Статуя вспыхнула, задымилась и покрылась пузырями с одной стороны. Жертвуя собой, моя дочь прижалась к статуе, ее искусственные конечности дергались и сучили на подстилке. Одна из суставчатых ручек отвалилась от мраморного плеча. Она повернула голову и снова посмотрела на меня, зеленые глаза помутнели и вылезли из орбит. Она умерла, создав свое последнее ужасающее творение… впрочем, ей все равно оставалась до смерти пара минут, и она так ослабела, что могла лишь предаваться воспоминаниям о достижениях юности и зрелости.

Гильда смотрела на затылок Вондрамах, пока та обнимала свои колени.

— Работы моей дочери — в числе самых ценных вещей, которыми я обладаю. Я храню их в витрине в моих омегахелмских

покоях: семь комков глины на подставках из оникса, полдюжины копий инструментов рядом с оригиналами и мраморную статую горбатого пучеглазого матоида, чье и без того искаженное лицо и конечности еще сильнее изуродованы кислотой. Ах да, еще у меня сохранился удивительный образец ее юношеских работ — кусок глины, который она отбросила, когда слепила почти совершенный шар. На протяжении многих лет я разглядываю их, уделяя им время, во много раз превосходящее время ее жизни, пожертвованной для их создания. Они прекрасны в своей простоте. Но меня до сих пор преследует ее визг, ее суставчатый протез, протянутый ко мне, ее безмерные, мудрые, страдающие глаза одного цвета с моими. И я поклялась, что больше никогда не произведу на свет дочь.

Поднялся ветер. Вондрамах повернулась к Гильде. Листья между скал позади них зашипели.

— Ты поддерживаешь идею семьи в более чем десятке миров. — Лицо Гильды было в тени. — И я знаю, что первыми тебе оказывают поддержку именно семьи. Я всегда удивлялась, почему у тебя никогда не было собственной… — Гильда зарычала.

Вондра не сдвинулась с места.

Лицо Гильды по-прежнему было в тени. Лишь по сдавленному сопению можно было догадаться, как искажены ее черты. Гильда отпрянула, спиной уперлась в скалу. Свет Претании IV выхватил из темноты ее лицо: боль!

Боль столь невыносимая, что заставила ее зарычать. В груди Гильды булькало, изо рта вырывался рык, она выгибала спину, пытаясь привстать на колени. Гильда рванула цепочку с шеи.

Цепочка поддалась.

Задыхаясь, она отшвырнула ее от себя.

Вондра рассмеялась.

Амулет и унизанная камнями проволока тлела розово-оранжевым, в воздух поднимался дымок. Мандариновый цвет сменился серым. Сгорая, влажный мох издавал аромат мяты.

Гильда нащупала место между грудями, где висел тотем. К блестящей обожженной коже было больно притронуться. Гильда ловила ртом воздух, стараясь не разрыдаться в голос.

— Я смеюсь, — промолвила Вондра, вставая, — над твоим талисманом — твоим глупым талисманом — по той же причине, по которой смеялась, когда мы встретились впервые.

Тлеющий металл на земле потемнел, алый цвет обратился черным.

— Тебе известно, почему я смеялась шесть лет назад? Потому что уже тогда могла сделать то, что сделала сейчас. Тогда я

отказалась от этой мысли, сегодня уступила ей. Власть всегда связана с выбором, даже в таком ничтожном эпизоде. Этот трюк я проделала с помощью индуктивного поля в одном из моих колец. Но ток всегда в нем. И мой смех всегда со мной. Постоянство. Возвращайся в Омегахелм и оттуда — в свой мир. Там, в скудной пустыне на юге, неподалеку от мебельной мастерской, ты найдешь свой новый дом с многочисленными этажами, подземными и надземными, и верхними дворами, числом не меньше, чем в Омегахелме.

Тяжело дыша, Гильда шагнула вперед, не сводя глаз со смеющейся женщины, на руках у которой переливался свет Претании IV. Внезапно Гильда согнулась, схватила что-то с земли, отвернулась и стала спускаться к густым зарослям внизу.

— И пожалуйста, носи свой драгоценный талисман! Хоть я и смеюсь, у меня нет никаких претензий к тому, что он символизирует. В твоем мире. На юге. В твоей мебельной мастерской. Там, где тебя встретит новый Омегахелм — не больше, чем старый. Да! Он будет больше! И надеюсь, лучше послужит твоим экспериментам с воспитанием детей, чем Омегахелм послужил мне. И пусть ты окажешься удачливее меня. И да, носи свой талисман! Носи как символ моей щедрости и власти! И моей дружбы. У меня нет никаких претензий к подобным символам. Хоть я и смеюсь… — Вондрамах вздохнула, вздохнула еще раз и еще.

Она постояла немного — не одна. Уже многие годы она передвигалась не в одиночку, хотя большинство ее спутников были механическими, многие крохотными, а большинство невидимыми. Вондра смотрела, как свет Претании IV отражается в темных водах. Затем, как несколько минут назад Гильда, она спустилась со скалы, чтобы начать короткое путешествие в Омегахелм.

Лондон

Октябрь 1973 г.

Среди Масс
(Перевод Т. Боровиковой)

«Извиняюсь, мэм. Дико извиняюсь». Он покачнулся — одна рука приподнята, тело замерло в полуобороте. Его зовут Джо. У него в спине, сбоку, не то что боль, даже вовсе не ощущение — призрак ощущения, бесформенный комок там, где она врезалась в его армейскую куртку или он попятился прямо в ее твидовое пальто. «Я вас не задел?» Наверняка она не слышит за шумом в вагоне. «Вы в порядке?» — «Да. — (Кажется, она чуть растеряна, сбита с толку?) — Ничего страшного». Качается у стойки, малиновый шарф продет во что-то золотое, амебообразное, в кляксах рубинового стекла. Она выглядит как чернокожая мисс Подземка. Джо не может определить, она моложе его на пять лет или старше на пять. Он отворачивается — ведь ничего не случилось, просто он ее слегка толкнул. Или она его. «Но я мог бы и улыбнуться», — думает он, тянется к ближайшей свисающей сверху петле, промахивается, хватается за соседнюю. Он знает, что у него приятная улыбка. (2) А Бэт Д. в ракете из люципрена-6 с витролевыми прокладками несется со второй космической скоростью сквозь межзвездную ночь. Чернота кое-где отшелушилась, пропуская свет: звезды. Бэт начеку, его обуревают подозрения, наполняют страх и восторг. Ему первому из всего человечества предстоит встреча с Массами, которые, по последним данным, флактулируют (что это — способ передачи сигналов? процесс пищеварения? игра?) в секторе Е-3. До прихода этого сообщения Бэт Д., носитель сверкающего смертоносного лазера, победитель двадцати семи семифутовых уранцев, покрывший себя славой во время кптийского мятежа на Фомальгауте-G, считал, что никаких Масс не существует, но чем ближе люципреновый корабль подлетал к владениям Галактического Совета, тем более бесспорной казалась степень онтологического разрешения этих самых Масс — то, что в более раннюю, менее вульгарную эпоху назвали бы «реальностью». (3) А Джо едет в метро по бродвейской ветке в сторону Сорок второй улицы, одетый в куртку армейского фасона — «Пендлтон», но по виду не скажешь, поскольку его приятель Джо — другой Джо — позавчера пригнал грузовик и они вдвоем шесть часов возились с трансмиссией в авторемонтной мастерской на Дикман-стрит.

Одну дверь вагона заклинило.

Джо в расстегнутой куртке скачет по бетонным ступенькам наверх, в подземный пересадочный вестибюль, проносится под

лампами дневного света и трубами на потолке, пробегает мимо ряда телефонных будок, мимо киоска с пончиками. Еще двадцать пять ступенек — и вот уже цветочный киоск с тусклыми листьями, прижатыми к стеклу; потом вниз, мимо стола с записями латиноамериканской музыки, мимо сосисок в тесте во фритюре и пина-колада-кока-колы-кучифритос, к поездам линии BMT.

Все это время Джо движется против течения — сейчас самый конец часа пик, но мы до сих пор не упоминали о людских толпах, поскольку Джо не желает иметь с ними ничего общего. Он мысленно зовет их Массой и в целом к ним равнодушен.

Впрочем, как Масса, так и равнодушие Джо поддаются анализу. Часть Массы составляют мужчины, которых Джо слегка остерегается: если встать слишком близко к одному из них в давке или сесть слишком вплотную — чересчур тесный физический контакт, — они могут заподозрить, что он вовсе не похотливое гетеросексуальное чудовище, а телеграф джунглей сообщал, что они могут плохо обойтись с представителем иного вида. Другую часть Массы составляют женщины, которых Джо слегка остерегается: поскольку известно, что все мужчины — похотливые гетеросексуальные чудовища, если случайно столкнешься с женщиной или заденешь ее (не говоря уже — если встанешь или сядешь слишком близко), следует извиниться, быть вежливым до пресмыкания и вообще разбиться в лепешку, убеждая, что ты на самом деле вовсе *не* похотливое гетеросексуальное чудовище. В свои двадцать шесть лет Джо, однако, умеет обходиться с мужчинами: стой или сиди где хочешь, и пошли они все. Кого это не устраивает, тот может отодвинуться. С женщинами, однако, ему не по себе, он теряется. Относительно женщин телеграф джунглей плохо информирован или вовсе дезинформирован. Когда ты вынужден остерегаться всех окружающих, пусть даже и слегка, это неприятно; отсюда и равнодушие, которым Джо, ездя в метро, оборачивается, как броней.

У сине-белой колонны Джо сворачивает налево, в сортир.

Деревянная калитка, криво свисающая на петлях — на этот раз без объявления «Закрыто на уборку», — распахнута и чем-то подперта. Стены предбанника, выложенные кафелем, закрашены поверх синей краской. Она слезает кусками размером с ладонь. Оставшаяся краска идет пузырями от хлорки, которой через день моют стены. Иногда внутри воняет хлоркой до невозможности выдержать даже столько времени, сколько нужно, чтобы честно поссать.

Перед пятью из десяти фаянсовых писсуаров — медные

педали для спуска воды в основном бессильно валялись на полу — (4) присутствовала половина членов Галактического Совета. Это была протокольная встреча. Участники приходили и уходили по сложному сценарию, который Бэт Д. пока так и не осмыслил. Каждый входил в Высочайший Ледяной Зал (все еще отчасти припахивающий ядовитыми парами) и оставался там, напряженно вслушиваясь и молча, в течение некоторого времени, стоя перед тем, что Бэту Д. казалось… что кому угодно показалось бы похожим на иллюстрации из книги по сантехнике двадцатого века.

Члены Совета напрягались, чтобы постигнуть Массу.

Масса вполне поддавалась анализу: это была в основном слизистая эмульсия, окруженная частично проницаемой мембраной, в которой дрейфовало ядро, различные ядрышки, вакуоли, рибосомы, митохондрии и хлоропласты, в целом — симбиоз эукариотических и прокариотических клеток из менее вульгарного момента в истории плюромы, когда все сущее было ближе к неорганической материи — в отличие от нынешнего момента, когда оно больше напоминает органический суп.

Члены Совета, погрузившись в свои компьютеры, устремляли ум к высоким материям.

Масса сейчас была рядом с Бетельгейзе.

А Бетельгейзе находится в секторе Е-3. (5) Джо замедляет шаг у предпоследнего писсуара. Он питает слабость к мужикам постарше, с большим пенисом, на котором проступают крупные синие вены, и маленькими руками с чересчур длинными ногтями; мужчина у крайнего слева писсуара (под шестьдесят? Самое то), возможно, библиотекарь. На нем дурацкое пальто с меховым воротником, который не застегивается. А может, дизайнер. У стенки за писсуаром стоит черный портфель. Но это самое то.

В дверь вваливается бомж (вероятно, моложе того мужчины, что сейчас стоит слева от Джо, с этими длиннющими ногтями цвета алюминия в лучах зимнего солнца, — член Джо в его собственной руке, слишком широкой и мозолистой, на миг отвердел, не от происходящего, а от собственных воспоминаний секундной давности). У бомжа усы полны соплей, над одним ухом проплешина, пуговиц на рубашке не хватает, нагрудный карман оторван. Штанина разодрана от манжеты до колена, видна лодыжка, белая, как мыло. Бомж оглядывается:

— В бога душу мать… Да тут одни эти вот… Ну то ись все как один… Эй, ты, зуб даю, ты тоже из них…

Двое членов Галактического Совета, стоящих справа от Джо, переглянулись и улыбнулись. Один покачал головой. Стоя перед белым фаянсом, они сосредоточенно работали руками,

погрузившись в вычисления.

Влетел Уилсон, глухонемой проститут, — сжатые кулаки в карманах потрепанной ветровки. Джо с ним знаком, потому что Уилсон однажды предложил ему свои услуги. Джо тогда повел его в вестибюль станции, купил ему кофе и хот-дог и объяснил — он владел языком знаков, поскольку в возрасте десяти лет прожил год у двух своих глухонемых теток в Портленде, — объяснил, что на данной точке навалом бесплатного товара, так что искать тут платных клиентов — только время терять. Уилсон обошел стороной бомжа («Эй, неужто и ты тут за-ради этих гребаных педиков?»), оглядел занятых своим делом членов Совета и вышел.

— Черт!

Бомж развернулся, двинулся к выходу и налетел на дверной косяк. Входящий член Совета — рабочий метро, Джо его видел тут уже несколько раз — придержал бомжа:

— Эй, дедуля, смотри, куда идешь.

Рабочий отодвинул бомжа на расстояние вытянутой руки и оглядел: с разодранной штанины капало, и лодыжка была мокрая. Не добрался до писсуара. Бомж вылетел наружу, оставляя отпечатки из мочи на присыпанном мелом полу.

Джо снова повернулся к стоящему рядом: седой, бородка клинышком, очки. Джо и седой встретились взглядами — боязливыми, полными восторга, глаза — очки, глаза — пах. О, этот шлонг, эти ногти! У Джо под коленками потеплело от подступающего оргазма. (6) Розовый, как лососина, свет Бетельгейзе падал косыми лучами через прозрачную стену Самптера VII — космической крепости, в шутку названной так первопроходцами, галактическими антропологами.[49] Сколько лет прошло с тех пор? И где они сегодня? Вероятно, превращены в студень в ходе трагичных событий кптийского мятежа. Так что там с Массой? Бэт Д. шел по красноватым плитам из люципрена-57 мимо прозрачного северного фасада крепости, сквозь который виднелись магнетитовые пески, пронизанные, как паутиной, подтеками жидкого аммиака, — они были как ходы червей в гиперборейском холоде и стремились к прозрачному горному хребту под названием Палитра, прозванному так за розовые, малиновые и алые глины, окрасившие его серебристые склоны. Бэт осторожно отделился от прозрачной стены-окна и завернул за перегородку, усаженную рубиновыми бляшками из витроля…

Там трепетала Она, втиснутая в высокие сияющие чертоги Самптера VII, — гаргантюанская туша спрессовалась внутрь себя и вытянула раздутые псевдоподии, перелив в них часть вязкой, мыльной плоти. Под мембраной вздувались ядрышки, вакуоли и

просто пузыри. Бэт знал, что Она чует его присутствие. Она медленно и лениво надвинулась.

Большим пальцем Бэт Д. отщелкнул крышку кобуры из искусственной кожи. Он выхватил свой смертельный лазер с рукояткой из черной слоновой кости, украшенной дивной инкрустацией, — работа малого народца с Антареса-10. Множественный ствол с симметричными прожилками был отлит в форме из чистого люцита фирмой «Джонас и Барболи» из города Фентон в штате Пенсильвания. Бэт неторопливо прицелился.

— Брбл… брбл… брбл… — сказала Масса; амебообразная туша слегка сплющилась и тут же снова нависла над ним.

Бэт выстрелил — и чуть обугленная псевдоподия, дымясь, упала с потолка и выбила у него из рук смертельный лазер. Оружие отлетело на пятнадцать футов и ударилось о переборку, которая треснула, осыпав плитки пола сверкающим дождем витролевых рубинов.

Бэт Д. в ужасе и торжестве отступил на шаг. Разъяренная Масса ринулась на него. Бэт Д. взвизгнул и всплеснул руками. Она врезалась в него — от коленей до подбородка — странным фиолетовым теплом, и он распростерся на полу. Масса накрыла его волной, заполнив все отверстия — уши, уретру, анус, рот, ноздри. Она была вовне его. Была внутри его. Прокатывалась сквозь него. Обтекала его.

Пока он лежал, блаженно обездвиженный Ее турбулентным потоком, внутри Ее внутри его внутри Ее, Она сказала:

— Дорогуша, что это за херня про неприязнь к незнакомой негритянке в метро? Так ты не заработаешь купонов на попкорн в большом кинотеатре на небесах. Попытайся вообразить более зрелую, менее вульгарную эру. Будь самим собой, у тебя ведь и правда такая милая улыбка! Но боже, как меня достал этот люципрен. Он на вкус как клей для авиамоделей.

На миг Бэту Д. показалось, что ему по правде пришел конец. Но Масса отступила. Издав вопль, больше всего похожий на боевой клич Шины, королевы джунглей,[50] Она бросилась на северную стену крепости Самптер VII.

Стена треснула.

Бэт, все еще плотно зажмурившись, услышал, как осколки стены сыплются наружу, глухо стуча по песку, и внутрь, лязгая о кафельный пол.

Несколькими мгновениями позже, когда он, задыхающийся и слабый, с трудом поднялся на ноги, опираясь о стену, по которой уже ползла изморозь от гиперборейского холода, Масса — на расстоянии футбольного поля от него — флактулировала (метод

передвижения? способ размножения? разновидность искусства?) по черным пескам, хаотично перемещаясь между ручейками в сторону терракот и серебра Палитры. (7) Джо, тяжело дыша, прислонился лбом к кафельной стенке над писсуаром.

Сосед застегнул ширинку, сжал локоть Джо через рукав куртки (этой *изящной* кистью) и шепнул:

— Вы знаете, это как-то затягивает, не правда ли? — (Один из членов Совета, что поотчаянней, реально зааплодировал, а второй испугался и сбежал.) — Вы такой… Может, как-нибудь еще пересечемся тут?..

Джо ухмыльнулся и кивнул, не поднимая головы, — потому что, когда в самый обыкновенный будний день встречаешь воплощение всех своих фетишей сразу, нужно время, чтобы очухаться. В районе селезенки пульсировала слабая боль — с такой силой он кончил. Он заправил все, что надо, обратно в ширинку, сделал глубокий вдох, поднял глаза…

Ни мужчины, ни портфеля рядом не было.

На краю писсуара блестела, как глазурь, сперма.

Джо протиснулся меж двух новоприбывших членов Галактического Совета (синяя дверь была маркирована «E-3») и чуть не врезался в полисмена. Ухмыльнулся ему — тот машинально улыбнулся и кивнул, но тут же опомнился и сделал сердитое лицо.

Но Джо уже несся по бетонному пандусу к поезду RR. И тут в него сзади врезались две старшеклассницы. Он повернулся, уже заведя привычное «извините», но прикусил язык и превратил его в «алё!».

И улыбнулся.

Одна девчонка, нагруженная свертками, захихикала. Другая, нагруженная еще бóльшим количеством свертков, захлопала глазами.

Та, что хлопала глазами, наконец произнесла:

— Ой… извините.

— Ничего, — ответил Джо. — А что это у вас?

Свертки оказались экспонатами выставки по истории Пуэрто-Рико, которую девочки устраивали в Бруклинской библиотеке. Они разговорились и пропустили три поезда. Прощаясь наконец, все трое улыбались до ушей — слишком уж сильно улыбались, решил Джо, оказавшись в вагоне.

Но старые привычки живучи. Поэтому убивать их надо старательней. Может, Джо съездит посмотреть на эту выставку. Может, в следующую среду, когда отстоит очередь на бирже труда. А оттуда можно за десять минут попасть в сортир на станции Четырнадцатой улицы — если не заглянуть по дороге в

сортир Двадцать третьей: говорят, там нынче движуха.

Нью-Йорк

Февраль 1976 г.

Шпалера [51]
(Перевод М. Клеветенко)

Заметили, что девственность нужна
Была, чтоб уловить единорога,
Но среди девственниц беда одна:
Уродливых там было слишком много.

У. Х. Оден. Поиск (перевод Я. Пробштейна)

Вообразите, что кто-то с силой потянул торчащую нить, — и охотники, девы, гончие, певчие птицы, соколы и тот ухмыляющийся слуга огрызнутся, сморщатся, расползутся. Скелет шпалеры — грубый холст, подбитый чем-то наподобие парусины. Лица и руки сотен фигур на семи шпалерах искажены. Всмотритесь в руки мужчины, у него еще рукав с разрезом на предплечье. Что это? Нить, шелк, ничего живого, серые и белые стежки.

Фрагмент неполон. Видите неровные края? Как он мал в сравнении с остальными! А когда-то был огромен, как прочие. Продлите нити, сплетите их и увидите, как дева снова обретает девственность. Единорог бел, единственное живое существо на шпалере, чьи половые признаки явственно различимы, в то время как гончие, лисы, охотники в обтягивающих чулках и дублетах застенчиво прикрывают срам — или перед нами кастраты. Соедините разорванные нити, продолжите сплетенье цветов и лоз, составляющее фон. Кто кого преследует? Бледная пленная дева завлекла зверя или — по законам логики — конь соблазнил ее? Часть шпалеры утрачена. Нам не дано знать. Европа и белый бык, божество, принявшее облик пышущего мужской силой зверя, чья мужественность — нити, шелк и парча. Колдунья, оставившая нам пособие, как отлавливать единорогов, забыла упомянуть, была ли у девы вторая попытка.

Кровь — на всех шпалерах, кроме первой.

Дикий вепрь пронзает гончую. Единорог в загоне ранен в бок, а дева… больше не дева. Ухмыляющийся слуга пал жертвой несчастного случая на охоте.

Смотрите, ни на одной из шпалер нет воды, за исключением той, что льется из искусственного источника — фонтана. Ни ручейка, ни дальнего морского пейзажа, ни росы, ни дождя. Сам

фонтан выткан на той шпалере, где нет крови, а значит, это не христианская аллегория. Но для непосвященного должна выглядеть именно так. Крови как христианскому символу всегда сопутствует вода: пронзенный бок Христа и пролившийся затем ливень; вода, претворившаяся в кровь на Тайной вечере, обретает силу лишь через воду, которой Христос омыл ноги ученикам. Нет, женщины, которые ткали эти шпалеры, вкладывали в них другие, не религиозные таинства, но, боясь ереси, придали шпалерам мнимый религиозный подтекст, изобразив единорога с пронзенным боком: распятого Христа. Без моря, ручьев, величия морских волн нет истинного религиозного достоинства. Иордан, Ганг, Евфрат, Стикс, река, что пересекает Темпейскую долину, бореальные воды вокруг острова Туле и озеро Неми.

Нигде нет и намека на море, значит подразумевается что-то иное. Всмотритесь в неполную шпалеру. Что было выткано на утраченном холсте? Наберитесь терпения и размотайте золотые, алые и бирюзовые нити. Сотките лесные цветы, бузину, дубы, буки и тисы с багряной корой. Предположительно на утраченном фрагменте дева увлекает единорога в ловушку. Но как именно? Потратьте двадцать минут и мысленно сотките картину на холсте. Должно быть, деве пришлось долго торчать в лесу, переминаясь с ноги на ногу, корсет жал невыносимо, а в парчовые складки подола забились листья. Дева грызет большой палец, пронзительные крики соек и чибисов заставляют ее вздрагивать. Сырая подстилка под вышитыми цветами промочила тонкие подошвы туфель. Дева потеет под тяжелым бархатом, хотя воздух свеж, и боится, что запах ее подмышек просочится сквозь аромат духов. Она несмело ищет глазами мяту, чтобы освежить дыхание, но не находит ее среди трав и подлеска.

Звук. Дева крутит головой и замирает, раскрыв рот, пристально вглядываясь в темноту между деревьями, уложенные в прическу волосы встают дыбом под вуалью ее конусообразного колпака. Листья прямо перед ней шуршат, и она ощущает, как в животе извивается целый выводок мелких зверьков, о существовании которых она не подозревала. Шлейф платья шелестит под порывом ветра, который поднимает листья, обнажая что-то грязно-белое — плечо зверя. Весь день он проспал в уютной сырой ложбине, где на деревьях почти не осталось листьев, а трава под бешеными копытами сбита в труху. Четыре месяца единорог не мылся, и теперь от него несет отвратительным конским потом. Вставая с земли, он тычется мордой в заросли, рог протыкает цветы и подрагивает. Дева сразу замечает, что витой рог не такой уж ровный. Он тусклый и расщепленный на конце, неухоженный. Глаза у зверя большие и

карие, белки выделяются на фоне миндалевидных глазниц и налиты кровью. В уголках скопился гной, как у комнатной собачки, которой вовремя не промыли глаза борной кислотой. Темная поверхность ноздрей вывернута наружу.

Деву охватывает омерзение.

Как и единорога: хотя запах ее потеющей плоти привлекает его, едкая лекарственная вонь спирта и амбры — вонь прогорклого масла для волос, ароматизированного засушенными цветами, отвратительна. Однако единорог еще плохо соображает после сна, и он подходит ближе. Она замечает его грязные копыта. Мужчины, которые не моют ног, особенно перед тем, как лечь в постель, всегда возмущали ее — в теории, поскольку она девственница и знает о подобных вещах понаслышке, из книжек. Его рог следовало бы отполировать. Дева делает шаг навстречу и останавливается, когда конь фыркает и слизь ошметками летит из ноздрей. Затем уставляет в нее ноздрю и тихо ржет. Дева заворожена его грубостью. Чувствует слабость в желудке, но не в силах сдвинуться с места. Она смотрит на омерзительную морду зверя и уже готова отказаться от дурацкой затеи и вернуться в замок, и чем скорее, тем лучше, но единорог опускает голову и проводит мордой по земле, оставляя на траве темный блестящий след. Что ж, с мерзкой слизью покончено. Когда единорог поднимает голову, дева делает шаг вперед.

Ободренный, единорог прыгает.

Дева вскрикивает, пятится, наступает на шлейф, падает навзничь, раскинув руки и ноги, сердце выпрыгивает из груди. Ее колпак в грязи, прическа растрепана, а глупый единорог взирает на нее сверху вниз с самой странной ухмылкой, которую можно вообразить на лошадиной морде. Она робко пытается перекатиться на спину, но копыта придавили подол. Дева замечает между передних ног единорога розовое брюхо, почти лишенное растительности, как у крысы, и неописуемо грязное. Гениталии скрыты буйной порослью, заляпаны грязью и выглядят абсолютно бесполезными. Чтобы довести их до такого состояния, думает дева, надо долго тереться ими о грязное бревно.

Единорог ржет, забрызгивая лицо девы слизью из ноздрей. Только этого не хватало! Она рывком перекатывается на бок — платье трещит под грязными копытами. Затем вскрикивает, потому что единорог наклоняется и рогом толкает ее назад, пропарывает корсаж, оставляет рану от соска к ключице, рвет плечевую связку. Боль адская. «Прекрати сейчас же!» — кричит она. Глаза щиплет от слез, на пальцах кровь.

И вновь она силится освободиться, платье рвется дальше, но единорог отскакивает, вероятно испугавшись вида крови. Дева с

трудом встает, одной рукой придерживая подол, другой прижимая к груди разорванный корсаж. Единорог отступает, ходит кругами (ниже крупа до самых колен все заляпано навозом, хвост щетинится репьями и кишит насекомыми), бьет копытами. И снова устремляется к деве, блестя мокрыми боками, копыта сквозь засохшую грязь вспыхивают серебром. Сердито шурша, сучья клонятся к земле, и внезапно солнечные лучи осыпают золотыми монетами лошадиную холку. Одна за другой монеты скатываются на землю, а единорог все ближе.

Дева пятится назад, испуганная, кровоточащая.

Пока не натыкается спиной на древесную кору.

Наливаясь рубинами белков, единорог тянется к ней мордой, и мухи ползают у него в ушах, мерцая как зеленые витражи в мраморных оконных раструбах. Мокрый бархатный нос тычется деве в шею, и зверь опускается на колени. Ее рука на грубой шкуре медлит, не решаясь ни оттолкнуть его, ни прижать к себе, как велел отец. Единорог шепчет, и его шепот словно скрип песка в сухих листьях. Между прерывистыми вздохами и ржанием дева различает слова: «Дурочка! Дурочка! Я всего лишь миф в шкуре единорога, но я разорву тебя на кровавые ошметки!..» Его согнутое колено давит ей на живот. Хрип застревает в горле. Дева вырывается, оступается и чуть не падает, бежит со всех ног…

Лес в ее голове обращается храмом. Древесный лабиринт уже не лабиринт, а залы, галереи, каменная резьба, нагромождение апсид и притворов, и среди них возникает видение распятия, но распинают не ее. Лозы на глазах каменеют, обращаясь классическими фризами. Топот ее ног по мягкому дерну отзывается грохотом металлических шариков по граниту. Словно злобные ведьмы и духи деревьев, листья хлещут деву, хлещут по плечам — там, где голое тело под разорванным платьем. Ветви тянут к ней растопыренные пальцы, шлепают по лбу, дергают за волосы, когда она ныряет под низкими сучьями, которые служат ей опорой, когда несется мимо колонн из дубовых стволов, что поддерживают хоры. Единорог не отстает, ритму копыт вторит треск ветвей, шорох камней и листвы у нее под ногами. Дева будет бежать, а боль будет разгораться в груди, будет нестись сломя голову, а ужас будет сгущаться трухлявыми корнями поперек тропы, жгучими ударами черных ветвей, пронзительными криками семи грачей, дева будет…

Нью-Йорк

Сентябрь 1960 г.

Призматика
(Перевод С. Силаковой)

Оммаж Джеймсу Терберу[52]

1

Жил-был Эймос, бедняк бедняком. Ничегошеньки у него не было — только огненно-рыжие волосы, проворные пальцы, быстрые ноги, а еще голова, которая соображала быстрее, чем бегали ноги. Как-то серым вечером, когда в небе ворчал гром и дождь уже вот-вот должен был пролиться на землю, Эймос шел по мощенной булыжником улице к таверне «Мореход», чтобы сыграть в бирюльки с моряком Билли Бастой. Одна нога у Билли была деревянная, а рот полон баек, которые он весь вечер пережевывал, пока ему не надоедало. Билли Баста болтал, пил и смеялся, иногда напевал, а Эймос сидел тихо и слушал и непременно выигрывал в бирюльки.

Но в тот вечер, когда Эймос вошел в таверну, Билли помалкивал, и все, кто был в таверне, — тоже. Даже Идальга, хозяйка таверны, — а не было на свете мужчины, чьи россказни Идальга приняла бы всерьез, — облокотилась о стойку и слушала раскрыв рот.

Говорил только один человек. Высокий, худой и весь какой-то серый. Серый плащ-пелерина, серые перчатки, серые сапоги, и даже седина с каким-то пепельным оттенком. Эймосу показалось, что голос у него — как ветер, что обдувает мышиную шерсть, или как песок, что сыплется на потертый бархат. Все у незнакомца было серое, кроме огромного сундука, который стоял рядом с ним. Сундук был черный, высокий — по плечо хозяину. Вместе с серым незнакомцем за столом сидели несколько суровых чумазых моряков с абордажными саблями на поясе. Они так заросли грязью, что казалось, были и вовсе бесцветными.

— …Итак, — продолжал вкрадчивый серый голос, — мне нужен человек, у которого хватит ума и отваги, чтобы помочь моему самому дорогому, самому близкому другу и мне. Этот человек не потратит время попусту.

— А кто ваш друг? — спросил Эймос.

Хоть он и не слышал начала истории, но заинтересовался: отчего это в таверне субботним вечером — и вдруг такая тишина?

Серый господин обернулся, выгнул серые брови:

— Вот мой друг, самое дорогое и близкое мне существо.

С этими словами он указал на сундук, и изнутри донесся низкий звук, от которого стало липко и душно: «Алмпф».

Все разинутые рты моментально захлопнулись.

— А как ему надо помочь? — спросил Эймос. — Найти доктора?

Серые глаза удивленно расширились, а все рты посетителей таверны снова открылись.

— Ты говоришь о моем самом дорогом, самом близком друге, — прошелестел серый голос.

Билли Баста из дальнего угла попытался сделать Эймосу знак — мол, не болтай, — но серый господин обернулся, и Билли, приложивший было палец к губам, торопливо засунул его в рот, притворившись, что просто ковыряет в зубах.

— В наше время дружба — большая редкость, — сказал Эймос. — Какая помощь нужна вам и вашему другу?

— Вопрос в том, готов ли ты ее оказать? — спросил серый.

— А ответ вот в чем: если я потрачу время не попусту, — ответил Эймос, соображавший очень быстро.

— Хватит ли тебе всех жемчугов, которыми ты сможешь набить свои карманы, всего золота, которое ты сможешь унести одной рукой, всех алмазов, которые ты сможешь поднять другой, и всех изумрудов, которые ты сможешь вытащить из колодца, зачерпнув их медным котелком?

— За настоящую дружбу как-то негусто, — сказал Эймос.

— А если ты увидишь человека в самый счастливый миг его жизни, хватит ли тебе этого?

— Может, и хватит, — кивнул Эймос.

— Значит, ты поможешь моему другу и мне?

— За все жемчуга, которыми я смогу набить свои карманы, все золото, которое я смогу унести одной рукой, все алмазы, которые я смогу поднять другой, все изумруды, которые я смогу вытащить из колодца, зачерпнув их медным котелком, и за шанс увидеть человека в самый счастливый миг его жизни… Да, я вам помогу!

Билли Баста уронил голову на стол и зарыдал. Идальга закрыла лицо руками, а все остальные в таверне поскорее отвернулись и тоже стали словно слегка серые.

— Тогда иди со мной, — сказал серый, и суровые матросы с абордажными саблями вскочили, подхватили сундук и подставили под него свои плечи в засаленных куртках (из сундука послышалось «онвпрмф»), а серый господин, взмахнув в воздухе плащом, ухватил Эймоса за руку и выбежал на улицу.

В небе облака закручивались в воронку, толкались, пытаясь

выжать из себя дождь.

Пробежав пол-улицы по булыжной мостовой, серый закричал:

— Стоп!

Все остановились, опустили сундук на тротуар.

Серый подошел к помойке и поймал бродячую кошку апельсиновой масти, которая искала среди мусора рыбьи головы.

— Открыть сундук! — велел он.

Один из матросов снял с пояса железный ключ и отпер замок на крышке сундука. Серый выхватил свою шпагу — тонкий клинок из серой стали, невысоко приподнял крышку сундука и швырнул кошку внутрь.

Затем поспешно опустил крышку. Матрос запер замок. Изнутри раздалось мяуканье, но скоро оно оборвалось, перейдя в басовитое, угрюмое «элмблмпф».

— Должно быть, — сказал Эймос, который быстро соображал и так же быстро делился своими мыслями с другими, — что-то тут неладно.

— Прикуси язык и помоги мне, — ответил худой серый господин, — а иначе я посажу тебя в сундук к моему самому дорогому, самому близкому другу.

И Эймос слегка испугался, но лишь ненадолго.

2

Вскоре они взошли на корабль — деревянное судно, где все доски были серы, потому что их давным-давно не красили. Серый господин привел Эймоса в свою каюту, и они уселись за стол друг против друга.

— Итак, — сказал серый, — вот карта.

— Где вы ее взяли? — спросил Эймос.

— Украл у моего злейшего, злее не бывает, врага.

— И что на этой карте? — спросил Эймос. Он знал: когда ты мало что понимаешь, следует задавать как можно больше вопросов.

— На этой карте полно разных стран и сокровищ. Мне требуется человек, который поможет их найти.

— И что это за сокровища — те жемчуга, золото, алмазы и изумруды, о которых вы мне говорили?

— Глупости болтаешь! Изумрудов, алмазов, золота и жемчугов у меня и так хватает, прямо не знаю, что с ними делать. — И серый потянул на себя дверцу шкафа.

Эймос только глазами захлопал: на пол, сверкая и переливаясь, посыпались тысячи драгоценных камней. Алые,

зеленые, желтые…

— Помоги-ка убрать их обратно в шкаф, — велел серый. — Они такие яркие, что я не могу на них долго смотреть: голова начинает болеть.

Они затолкали камни обратно в шкаф и навалились на дверцу, чтобы прикрыть ее поплотнее.

Разговор вернулся к карте.

— Так что же это за сокровища? — спросил Эймос; его распирало от любопытства.

— Сокровище одно — счастье, счастье для меня и моего самого дорогого, самого близкого друга.

— И где вы собираетесь его искать?

— В зеркале, — сказал серый. — В трех зеркалах, а точнее, в одном зеркале, которое разбилось на три части.

— Разбитое зеркало приносит несчастье, — сказал Эймос. — Кто его разбил?

— Один волшебник, такой могучий, старый и ужасный, что нам с тобой не стоит за него беспокоиться.

— И на этой карте указано, где спрятаны осколки?

— Именно, — сказал серый. — Смотри, сейчас мы вот здесь.

— Откуда вы знаете?

— Карта подсказала, — ответил серый.

И действительно, в уголке карты огромными буквами было написано «ЗДЕСЬ».

— Первый осколок спрятан, пожалуй, ближе, чем тебе кажется, второй чуть выше вот этого места, а третий — не доходя двух лиг до вон того места.

— И когда вы посмотритесь в это зеркало, то испытаете величайшее счастье?

— Это станет величайшим счастьем для меня и для моего самого дорогого, самого близкого друга.

— Хорошо, — сказал Эймос. — Когда начнем поиски?

— Когда рассвет будет туманным, и солнце спрячется за облаками, и воздух станет серым-серым, серее не бывает.

— Хорошо, — повторил Эймос. — Пойду-ка я пока прогуляюсь, осмотрю ваш корабль.

— Поиски начнутся завтра в четыре часа утра, — сказал серый господин. — Не полуночничай.

— Хорошо, — в третий раз сказал Эймос.

Когда Эймос уже направился к двери, серый подобрал с пола рубин, который они не убрали в шкаф. На боку сундука — а сундук теперь стоял в углу — был маленький треугольный люк, которого Эймос раньше не замечал. Серый господин открыл люк, кинул в него рубин и торопливо захлопнул дверцу. «Орхмфлбфе».

3

Эймос вышел на палубу. Облака висели так низко, что верхушка самой высокой мачты корабля запросто могла их распороть. Ветер шевелил рыжие волосы Эймоса, забирался в дыры его отрепьев. На поручнях палубы сидел матрос и наращивал канат.

— Вечер добрый! — сказал Эймос. — Я хочу посмотреть корабль, а времени у меня в обрез. Завтра мне вставать в четыре утра. Не подскажете ли, что тут смотреть никак не стоит? Что-нибудь глупое, неинтересное, от чего мне не будет никакого толку?

Матрос озадаченно наморщил лоб и, помедлив, сказал:

— На корабельной гауптвахте точно ничего интересного нет.

— Большое спасибо! — сказал Эймос и пошел дальше, пока ему не встретился другой матрос, стоявший по щиколотку в мыльной пене. Моряк работал шваброй так энергично, будто пытался оттереть с серых досок последние остатки цвета.

— И вам тоже добрый вечер, — сказал Эймос. — Я осматриваю корабль, а времени у меня в обрез, потому что мне завтра вставать в четыре утра. Мне посоветовали не смотреть гауптвахту. Не покажете ли, где она? А то еще забреду на нее случайно, а мне это совсем ни к чему.

Матрос озадаченно замер, уперся подбородком в ручку швабры и, помедлив, сказал:

— Если не хочешь забрести на гауптвахту, не спускайся во второй люк за рулевой рубкой.

— Большое спасибо! — сказал Эймос и поспешил к рубке.

Найдя второй люк, он кубарем слетел по трапу и двинулся было к тюремной камере, которая была отгорожена решеткой, но заметил чумазого моряка с железным ключом на поясе.

«Наверно, он по совместительству тюремщик», — подумал Эймос.

— Добрый вечер, — сказал Эймос. — Как поживаете?

— Я-то хорошо, а ты как поживаешь? И что ты здесь вообще делаешь?

— Да так, стою перед вами, хочу поговорить по-дружески. Мне сказали, что тут, внизу, ничего интересного нет. А раз тут скучно, я решил составить вам компанию.

Моряк озадаченно потеребил ключ на поясе и, помедлив, сказал:

— Ты, значит, хочешь мне одолжение сделать?

— Ну да, — сказал Эймос. — Что такое скучное здесь хранится, что мне все советуют сюда не соваться?

— Это корабельная гауптвахта, мы здесь пленников держим. А что еще тут держать?

— Хороший вопрос, — сказал Эймос. — И что же вы тут держите?

Тюремщик снова потеребил ключ на поясе, а потом сказал:

— Да ничего интересного.

И тут Эймос заметил, как груда грязных серых одеял за решеткой шевельнулась. Среди тряпья Эймос заметил краешек чего-то рыжего — рыжего, как его собственные огненные волосы.

— Ну тогда, наверное, — сказал Эймос, — я правильно сделал, что не стал сюда заходить.

Он развернулся и ушел. Но в ту же ночь, когда полил дождь и тяжелые капли, мерно барабаня по палубе, убаюкали весь экипаж, Эймос пробежал по скользким доскам, укрываясь под карнизом рубки, с которого лила вода, и нырнул во второй люк. Лампы горели тускло, тюремщик дремал в углу, свернувшись на серой парусине, а Эймос прошел прямо к решетке и заглянул в камеру.

Половина одеял съехала вбок, и Эймос увидел не только что-то рыжее, пылающее, как его волосы, но и что-то зеленое, как перья попугая, и что-то светло-желтое, как китайская горчица, и синеву, что была лучезарнее небосвода июльским утром. Вы когда-нибудь наблюдали, как человек спит под грудой одеял? Одеяла вздымаются и опускаются в такт дыханию. Эймос догадался, что здесь есть живой человек.

Он тихонько свистнул:

— Эй, яркий, но неинтересный человек, проснись, давай поговорим.

Одеяла разлетелись в разные стороны, и человек, переливающийся всеми оттенками — Эймос в жизни не видывал столько цветов сразу, — привстал, протирая глаза. Рукава у него были из зеленого шелка с голубой и лиловой опушкой. Плащ — малиновый с оранжевыми узорами. Рубашка — золотая в радужную клетку, один сапог — белый, другой — черный.

— Кто ты? — спросил пестрый пленник.

— Эймос. Пришел посмотреть, что в тебе такого скучного. Отчего все мне советуют держаться от тебя подальше и прячут тебя под одеялами?

— Я Джек, Принц Далекой Радуги, меня здесь держат в плену.

— Что ж, слыхал я и более странные речи; твои речи не самые немыслимые, — заметил Эймос. — Отчего ты Принц Далекой Радуги и как ты оказался в плену?

— Ох, — ответил Джек, — на второй вопрос ответить легко, но на первый — не так-то просто. Я оказался в плену, потому что

один костлявый серый человек украл мою карту и, чтобы я не смог вернуть ее, засадил меня в эту камеру. Но отчего я Принц Далекой Радуги? Год назад я услышал тот же самый вопрос от волшебника, такого могучего, старого и ужасного, что нам с тобой не стоит за него беспокоиться. И я ответил: «Я Принц, потому что мой отец — Король, и все знают, что я Принц по законному праву». Тогда волшебник спросил: «Почему Принцем должен быть ты, а не кто-нибудь из дюжины других? Годишься ли ты в правители, способен ли ты вершить справедливый суд, сможешь ли ты устоять перед соблазном?» Я не понял, что он этим хочет сказать, и снова ответил: «Я Принц, потому что мой отец — Король». Волшебник взял зеркало и поднес его к моему лицу. «Что видишь?» — спросил он. «Я вижу себя, как и полагается, Принца Далекой Радуги». Тут волшебник вспылил, разбил зеркало на три части и объявил: «Пока ты не посмотришься в это зеркало, когда оно снова станет целым, ты не станешь Принцем Далекой Радуги, ибо за этим стеклом заперта женщина, достойная принца, и пока она не станет свободной, ты не сможешь править в своей родной стране». Что-то взорвалось, и я очнулся уже без короны. Я лежал в одежде, в которой ты видишь меня теперь, на зеленом лугу. В моем кармане обнаружилась карта. На ней было указано, где спрятаны все осколки зеркала, но не говорилось, как вернуться на Далекую Радугу. Я до сих пор не знаю, как мне попасть домой.

— Понимаю, понимаю, — сказал Эймос. — А как этот тощий серый человек украл у тебя карту? И зачем она ему понадобилась?

— Когда я понял, что домой вернуться не смогу, — сказал Джек, — то решил начать искать осколки. Первый, кто мне повстречался, был тот самый костлявый серый господин. При нем был большой черный сундук, в котором, как он сказал, находится его самый дорогой, самый близкий друг. Он сказал: если я наймусь к нему таскать сундук, он заплатит мне хорошие деньги, чтобы я смог купить себе корабль и продолжать поиски. И еще он сказал, что ему самому хотелось бы увидеть женщину, достойную принца. «Особенно, — сказал он, — такого пестрого принца, как вы». Много месяцев я таскал его сундук, и наконец он заплатил мне хорошие деньги, и я купил на них корабль. Но после этого костлявый серый человек украл у меня и карту, и корабль, а меня засадил сюда, за решетку, и объявил мне, что они с его самым дорогим, самым близким другом найдут зеркало и оставят его себе.

— Зачем он хочет отыскать женщину, которая достойна принца вроде тебя? — спросил Эймос.

— Об этом мне не хочется даже думать, — сказал Джек. — Однажды он попросил меня расстегнуть молнию на кожаном клапане с краю сундука и засунуть туда голову, чтобы проверить, как там его самый дорогой, самый близкий друг. Но я не согласился, потому что раньше видел: он поймал красивую синюю птицу с красными перышками вокруг шеи и засунул ее в то самое отверстие на молнии, и из сундука раздался только какой-то нехороший звук, что-то вроде «орулмхф».

— Вот-вот, — сказал Эймос. — Знакомый звук. Мне тоже неохота думать о том, что он сделает с женщиной, достойной принца вроде тебя.

И все же Эймос продолжал размышлять.

— С тобой он поступил вовсе не как друг, — сказал он Джеку. — А значит, его дружба с самым дорогим, самым близким существом какая-то ненастоящая.

Джек кивнул.

— А почему он не добудет зеркало сам? Зачем поручать это мне? — поинтересовался Эймос.

— Ты видел, где спрятаны осколки?

— Я запомнил, что один из них лежит не доходя двух лиг до некоего места, второй чуть выше другого места, а третий — «пожалуй, ближе, чем тебе кажется».

— Верно, — сказал Джек. — «Ближе, чем тебе кажется» — это огромное серое, унылое, заросшее, топкое зловещее болото. Первый осколок лежит на дне серебристой заводи посреди болота. Но на болоте все так серо, что серый господин полностью сольется с пейзажем и никогда уже не выберется наружу. «Чуть выше» — это на горе, а гора такая высокая, что сам Северный Ветер живет в пещере на ее склоне. Второй осколок зеркала лежит на вершине высочайшего пика горы. Но там так ветрено, а серый человек такой тощий, что его сдует в пропасть на полпути к вершине. «Не доходя двух лиг» — это сад буйных красок и пряных ароматов, где на бортиках фонтанов из розового мрамора, оплетенных виноградными лозами, поблескивают черные бабочки. Во всем саду нет ничего белого, кроме серебристо-белого единорога, который охраняет последний осколок зеркала. Возможно, серый смог бы добыть зеркало из сада, но я знаю: он не захочет туда идти, потому что от ярких красок у него болит голова.

— Тогда он человек выносливый: так долго терпеть твои пестрые одежды! — сказал Эймос. — В любом случае, я думаю, это несправедливо, если наш поклонник всех оттенков серого добудет твое зеркало с помощью твоей же карты. Тебе как минимум тоже надо дать шанс. Дай-ка подумать… сначала мы

отправимся в место, которое ближе, чем ты думаешь.

— Значит, на болото.

— Хочешь пойти со мной и сам добыть осколок? — спросил Эймос.

— Еще бы! — воскликнул Джек. — Но как?

— У меня есть план, — сказал Эймос. Когда требовалось, соображал он очень быстро. — Просто делай, как я скажу.

Эймос начал что-то шептать Джеку через решетку. А тюремщик по-прежнему храпел на своей парусине.

4

В четыре часа на следующее утро, когда рассвет выдался туманным, солнце спряталось за облаками и воздух стал серым-серым, серее не бывает, корабль приблизился к берегу, где расстилалось огромное серое, унылое, заросшее, топкое зловещее болото.

— Посередине болота, — сказал серый господин, указывая направление рукой, — есть серебристая заводь. На дне лежит осколок зеркала. Сможешь к обеду вернуться и принести мне этот осколок?

— Наверно, смогу, — сказал Эймос. — Но тут все такое серое, просто ужас. Что, если я полностью растворюсь в пейзаже и никогда уже не смогу выбраться?

— С твоими-то рыжими волосами? — удивился серый.

— Волосы у меня рыжие, но я же не весь волосатый, — возразил Эймос. — Одежда у меня грязная и рваная, а в этом тумане, верно, вмиг посереет. Не найдется ли у вас на борту какой-нибудь яркой одежды, чтобы золотые нити сверкали, а шелковые — мерцали?

— У меня полный шкаф драгоценных камней, — сказал серый. — Надень столько драгоценностей, сколько захочешь.

— Слишком уж они тяжелые, — ответил Эймос. — С таким грузом я не успею обернуться к обеду. Нет, мне нужен яркий, блестящий костюм, чтобы не потеряться на болоте. Ведь если я потеряюсь, вы никогда не получите свое зеркало.

Тогда серый обернулся к одному из матросов и сказал:

— Ты знаешь, где достать ему такой костюм.

Матрос пошел было выполнять приказание, но Эймос сказал:

— Негоже отбирать у кого-то одежду, тем более что на болоте опасно, — вдруг я вообще не вернусь? Отдайте мои отрепья хозяину костюма — пусть побережет их, пока я не вернусь.

С этими словами Эймос скинул с себя отрепья и отдал

матросу, а тот поспешил в сторону рубки. И через несколько минут вернулся с ярким костюмом: рукава из зеленого шелка с голубой и лиловой опушкой, малиновый плащ с оранжевым узором, золотая рубашка в радужную клетку, а сверху — пара сапог: один белый, другой черный.

— Самое то! — воскликнул Эймос и быстро оделся, так как уже замерз стоять в одних подштанниках.

Перелез через борт и вскоре был уже на болоте. Он был такой яркий и пестрый, что никто не заметил фигурку в грязных отрепьях, которая юркнула на корму за спинами матросов, тоже перелезла через борт и ступила на болото. Будь то Эймос, его рыжие волосы бросались бы в глаза, но у Джека, хоть он и носил разноцветную одежду, волосы были неприметные, русые.

Серый господин смотрел вслед Эймосу, пока тот не исчез из виду, а потом приложил руку ко лбу, который пульсировал от головной боли, и прислонился к черному сундуку, который матросы уже успели вынести на палубу.

Из сундука донеслось: «Глумпфвмр».

— О, мой самый дорогой, самый близкий друг, — сказал серый, — я чуть про тебя не забыл. Прости меня, пожалуйста.

Он достал из кармана конверт, а из конверта вынул большую ночную бабочку, которая била крыльями.

— Она влетела в мой иллюминатор вчерашней ночью, — сказал он.

Крылья у бабочки были бледно-голубые с коричневой каймой, а с изнаночной стороны — пятнистые в золотую крапинку.

Серый господин надавил на длинный металлический щиток на боку сундука — что-то вроде заслонки, которая прикрывает прорезь почтового ящика, — и протолкнул бабочку внутрь.

Из сундука прозвучало «фаффл», и серый улыбнулся.

На болоте Эймос подождал, когда принц его догонит.

— Ну как, без проблем? — спросил Эймос.

— Легче легкого, — рассмеялся Джек. — Они даже не хватились тюремщика.

Минувшей ночью, после того как мы расстались с нашими героями, Эймос взял у спящего тюремщика ключ и освободил принца. Они вдвоем скрутили тюремщика, затащили его в камеру и закидали серыми одеялами. Утром, когда матрос пришел обменивать одежду, Джек подождал, пока тот уйдет, а потом сам отпер замок и вслед за Эймосом незаметно покинул корабль.

— Ну, пошли искать твою серебристую заводь, — сказал Эймос, — надо обернуться к обеду.

Вместе они зашагали по топи и грязи.

— А знаешь, — сказал Эймос, остановившись поглядеть на серую паутину, которая тянулась от ветки дерева над их головами до ползущей по земле лианы, — не так уж здесь и серо. Присмотрись-ка.

В каждой капельке росы на каждой нитке паутины преломлялся, словно через крохотную призму, свет, распадаясь на синие, желтые и красные лучи.

Глядя на это, Джек вздохнул:

— Цвета Далекой Радуги.

И ничего больше не сказал, но Эймосу стало его очень жалко. Они поспешили к середине болота.

— Да, здесь не все серое, — заметил Джек.

Зеленовато-серая ящерица, сидя на пне, подмигнула им красным глазом, над их макушками прожужжал золотой шершень, а змея с серой спиной, уступая им дорогу, перевернулась и обнажила оранжевое брюшко.

— Смотри скорей! — вскрикнул Эймос.

Впереди, за серыми стволами высоких деревьев, сквозь туман пробивался неяркий свет.

— Серебристая заводь! — вскричал принц, и оба побежали вперед.

И вскоре действительно оказались на краю круглого сверкающего водоема.

На том берегу заквакали крупные лягушки, а из глубин поднялись и всплыли несколько воздушных пузырьков.

Эймос и Джек вместе заглянули в воду.

Они ожидали увидеть блеск зеркала среди водорослей и гальки на дне, а может, собственные отражения, но увидели совсем другое.

Из-под воды смотрело лицо красивой девушки.

Джек с Эймосом изумленно наморщили лоб. Девушка засмеялась, рассыпая по озеру пузырьки.

— Кто ты? — спросил Эймос.

И в ответ из пузырьков донеслось:

— А вы кто?

— Я Джек, Принц Далекой Радуги, — сказал Джек, — а это Эймос.

— Я женщина, достойная принца, — произнесло лицо в воде, — и зовут меня Леа.

Тут Эймос спросил:

— Отчего ты достойна принца? И как ты попала туда, где теперь находишься?

— Ах, — сказала Леа, — на второй вопрос ответить легко, но на первый не так-то просто. Год и еще один день назад я

услышала тот же самый вопрос от волшебника, такого могучего, старого и ужасного, что нам с вами не стоит о нем беспокоиться.

— И что ты ему ответила? — спросил Джек.

— Я сказала, что могу говорить на всех языках рода человеческого, что я храбра, сильна и красива, что я могу править государством бок о бок с любым мужчиной. Он сказал, что я горда и гордость — мое достоинство. Но тут он заметил, как я разглядываю себя в зеркалах, и сказал, что я тщеславна, а тщеславие — мой изъян, оно разлучит меня с принцем, которого я достойна. Блестящая поверхность всего сущего, сказал он мне, будет разлучать нас, пока какой-нибудь принц не сумеет заново собрать зеркало из осколков, и тогда я смогу снова стать свободной.

— Значит, я тот самый принц, который тебя спасет, — объявил Джек.

— Правда? — спросила Леа с улыбкой. — Осколок зеркала, в котором я заперта, лежит на дне этого озера. Когда-то я сама прыгнула с утеса в синее море, чтобы достать белую огненную жемчужину, которую теперь ношу на лбу. Я нырнула глубоко, глубже, чем все мужчины, глубже, чем все женщины, о чьих погружениях слыхал весь свет. Но это озеро еще на десять футов глубже, чем та пучина. Ты не раздумал?

— Я попытаюсь, даже если при этом погибну, — сказал Джек. — Но я сделаю все, что в моих силах, не больше, но и не меньше.

И, набрав полную грудь воздуха, Джек прыгнул в озеро.

Эймос прекрасно понимал: если бы его спросили, готов ли он нырнуть, он бы долго-долго колебался. Шли секунды. Эймос испугался за жизнь Джека и пожалел, что не успел придумать какой-нибудь другой способ. Прошла минута. Может, надо было обхитрить девушку, подстроить, чтобы она сама принесла им зеркало? Две минуты. Например, поймать лягушку, привязать ей к лапе веревку, пусть нырнет и найдет зеркало?..

Три минуты миновало, а на воде — ни пузырька. Эймос, к собственному удивлению, решил, что остается только одно — прыгнуть в озеро и попробовать хотя бы спасти принца. Но тут у самых ног раздался тихий всплеск воды.

Сначала вынырнула голова Джека, а через миг появилась и его рука с большим осколком разбитого зеркала. Эймос запрыгал от радости. Принц подплыл к берегу, и Эймос помог ему вылезти. Они прислонили осколок к дереву и сели немного передохнуть.

— Хорошо, что я был в твоих отрепьях, — сказал Джек, — а не в моей собственной одежде, иначе водоросли вцепились бы в мой плащ, а сапоги утянули бы меня на дно и я так никогда бы и

не выплыл. Спасибо, Эймос.

— Такая мелочь не стоит благодарности, — ответил Эймос. — Но если мы хотим поспеть на корабль к обеду, пора возвращаться.

Они отправились обратно и к полудню почти дошли до берега. Принц отдал зеркало Эймосу и ускорил шаг: ему надо было вернуться в камеру. Эймос сделал привал, а потом не торопясь направился к кораблю, неся осколок зеркала.

— Эй, — крикнул он тощему серому господину, который дожидался его, сидя на сундуке, — вот ваше зеркало со дна серебристой заводи!

Серый так обрадовался, что спрыгнул с сундука, прошелся по палубе колесом и тут же повалился, хрипя и кашляя. Пришлось несколько раз шлепнуть его по спине.

— Молодец, — сказал он, когда Эймос поднялся на борт и отдал ему осколок. — А теперь пойдем. Ты пообедаешь за моим столом, только, ради всего святого, сними этот цирковой шатер, пока у меня голова не разболелась.

Эймос снял одежду принца, матрос отнес ее на гауптвахту и вернулся с отрепьями Эймоса. Когда он оделся, его рукав случайно коснулся руки серого господина. Тот замер и нахмурился, и лицо его сделалось почти черным.

— Эта одежда мокрая, а та, в которой ты ходил на болото, была сухая.

— Ну да, — сказал Эймос. — И как вы это объясните?

Серый господин буравил его глазами, долго думал и рядил, но так и не нашел никакого объяснения. Наконец он буркнул:

— Не важно. Пойдем обедать.

Они спустились в каюту, и матросы несли за ними черный сундук. Эймос и хозяин пообедали сытно и вкусно. Всю редиску из салата серый господин выудил, насадив на нож, и высыпал в широкую воронку, которую вставил в круглое отверстие на сундуке. «Фулрмп, мелрулф, улфмфграмф!»

5

— Когда мне отправляться за следующим осколком? — спросил Эймос, когда трапеза закончилась.

— Завтра вечером, когда закат будет золотым, небо — бирюзовым, а заходящее солнце окрасит скалы багрянцем, — сказал серый господин. — Я надену солнцезащитные очки и буду наблюдать за процессом.

— Это вы хорошо придумали, — отозвался Эймос. — Голова

не разболится.

Той ночью Эймос снова пошел на гауптвахту. Тюремщика пока не хватились, так что камеру принца никто не сторожил.

— Как там наш друг? — спросил Эймос у Джека, указав на груду одеял в углу.

— Неплохо. Я поделился с ним своей едой и водой. Сейчас он вроде бы спит.

— Отлично, — сказал Эймос. — Итак, треть твоего волшебного зеркала найдена. Завтра вечером я отправляюсь за вторым осколком. Хочешь пойти со мной?

— Я-то, конечно, хочу, — сказал Джек. — Но завтра вечером будет нелегко — тумана не обещают, как же мне спрятаться?

— Значит, устроим так, чтобы тебе не пришлось прятаться, — заявил Эймос. — Если я правильно запомнил, второй осколок — на вершине горы, где очень ветрено, а гора такая высокая, что сам Северный Ветер живет там в пещере.

— Верно.

— Не волнуйся, у меня есть план. — И Эймос снова начал нашептывать что-то сквозь решетку, а Джек улыбался и кивал.

Всю ночь и весь день они плыли и под вечер подошли к скалистому берегу, где в нескольких сотнях ярдов от моря возвышалась гора, и ее вершина терялась в небе, хотя погода была ясная.

Когда солнце начало опускаться за горизонт, экипаж собрался на палубе и серый человек, положив руку в серой перчатке на плечо Эймоса, другой рукой указал на гору:

— Там, среди вершин, овеваемых ветрами, находится пещера Северного Ветра. Еще выше, на самом высоком пике, где дует самый сильный ветер, лежит второй осколок зеркала. Взбираться придется долго по опасным и коварным склонам. Ждать тебя обратно к завтраку?

— Конечно, — сказал Эймос. — Если вам не трудно, сделайте мне, пожалуйста, яичницу — переверните ее один раз, но смотрите не пережарьте — и горячие колбаски, да побольше.

— Я скажу коку, — пообещал серый.

— Отлично, — отозвался Эймос. — Ой, вот еще одна просьба. Вы говорите, там очень ветрено. Мне понадобится длинный моток веревки. А может, вы дадите мне кого-нибудь в помощники? От веревки мало толку, если на одном ее конце есть человек, а на другом — никого нету. Если со мной пойдет напарник, я удержу его, если ветер его сдует, а он сможет удержать меня.

И Эймос обернулся к матросам.

— Может, вот этот подойдет? — спросил он. — У него есть при себе веревка, и закутан он тепло — ветер ему не страшен.

— Бери кого хочешь, — сказал серый, — только принеси мое зеркало.

И тепло закутанный матрос с мотком веревки на плече сделал шаг вперед и присоединился к Эймосу. Если бы серый господин не надел солнцезащитные очки, чтобы защититься от яркого заката, то, возможно, уловил бы что-то знакомое в фигуре матроса. Тот, кстати, неотрывно смотрел на гору и не оборачивался. Но как бы то ни было, серый ничего не заподозрил.

Эймос и матрос перебрались на скалы, которые солнце окрасило багрянцем, и зашагали к горе. Один раз серый господин сдвинул свои очки на лоб, провожая их взглядом, но тут же поспешил снова надеть, ибо был самый золотой миг заката. Потом солнце село, и серый господин потерял Эймоса и матроса из виду. Тем не менее он еще долго стоял у борта, пока от забытья его не пробудил голос во мраке: «Блмвгхм!»

Весь вечер Эймос и Джек с трудом карабкались по склонам. Когда стемнело, они подумали, что придется сделать остановку, но ясные звезды озаряли зазубренные скалы, а скоро взошла луна. Идти стало намного легче. Но тут задул ветер. Вначале легкий ветерок просто дергал их за воротники. Затем сердитые порывы начали кусать им пальцы. И наконец гневный ураган начал то придавливать их к каменной стене, то в следующую же секунду пытаться сбросить их в пропасть. Веревка очень пригодилась. Ни Эймос, ни Джек ни на что не жаловались, а просто лезли все выше и выше, час за часом, не сбавляя скорости.

Только один раз Джек остановился, чтобы оглянуться через плечо на серебряное море, и что-то произнес.

— Что ты сказал? — завопил Эймос, перекрикивая ветер.

— Я сказал, — откликнулся принц, — посмотри на луну!

Эймос тоже оглянулся и заметил, что белый диск медленно опускается.

Они стали карабкаться еще быстрее, но через час нижний край луны уже погрузился в океан. Наконец они забрались на широкий карниз, где было не так ветрено. И им показалось, что выше залезть никак невозможно.

Джек уставился на луну и вздохнул:

— Будь сейчас день, а не ночь… может быть, мне удалось бы увидеть отсюда даже мою Далекую Радугу.

— Вполне возможно, — сказал Эймос. Он всем сердцем сочувствовал Джеку, но понял, что надо его как-то подбодрить. — Но с вершины наверняка видно гораздо лучше.

Не успел Эймос договорить, как последние лучи луны погасли. Теперь даже звезды куда-то подевались. Вокруг расстилалась непроглядная тьма. Но когда они обернулись,

пытаясь укрыться от крепчающего ветра, Эймос воскликнул:

— Свет!

— Где свет? — откликнулся Джек.

— Вон там, за скалами, огонек теплится.

Оранжевое свечение окаймляло контур скалистого утеса, и оба поспешили туда, ступая по узенькой тропинке, которая осыпалась у них под ногами. Взобравшись на утес, они увидели, что свет исходит из-за следующей каменной стены, и начали карабкаться к ней. Камешки и льдышки обламывались, когда они пытались за них уцепиться. Друзья перебрались через стену и там увидели, что свечение усилилось, но источник этого света за следующим хребтом, и им пришлось покорить и этот перевал, рискуя упасть в пропасть на глубину невесть скольких футов. Наконец они подтянулись, забрались на уступ и, тяжело дыша, прислонились к стене. Далеко впереди полыхало яркое оранжевое пламя, освещая лица Эймоса и Джека. Несмотря на холодный ветер, на лбу у них поблескивали капли пота — столько сил они потратили на восхождение.

— Давай дальше, — сказал Эймос, — еще немножко…

И тут из полудюжины разных сторон они услышали: «Давай дальше, еще немно… еще немножко… немножко…»

Эймос и Джек уставились друг на друга. Джек вскочил:

— Да мы же в пещере…

Снова послышалось эхо: «В пещере… в пещере… щере…»

— …в пещере Северного Ветра, — договорил шепотом Эймос.

Они двинулись на свет огня. Было так темно, а пещера была такая большая, что даже пламя не позволяло разглядеть ни потолок, ни дальние закоулки. Оказалось, костры горят в огромных чашах, вырубленных в каменной толще. Огни предостерегали об опасности, ибо сразу за ними пол пещеры обрывался, а в пропасти царила непроглядная тьма, и в этой тьме что-то погромыхивало.

— Интересно, он дома? — шепнул Джек.

И тут перед ними раздался шелест, переходящий в рев, переходящий в рокот наподобие грома, и из тьмы раздался голос:

— Я Северный Ветер, и я еще как дома.

Пламя в чашах затрепетало, клонясь на ветру, и матросская шапка с головы Джека улетела во мрак.

— Вы вправду Северный Ветер? — спросил Эймос.

— Да, я вправду Северный Ветер, — зарокотал голос-гром. — А теперь скажите мне, кто вы такие, а то сейчас разорву вас на мелкие клочки и разнесу их по всему белому свету.

— Я Эймос, а это Джек, Принц Далекой Радуги. В вашу пещеру мы забрели случайно; пожалуйста, не сочтите наше

появление за невежливость. Просто луна зашла, нам пришлось прекратить восхождение, и тут мы увидели ваши костры.

— А куда вы держали путь?

Ответил Джек:

— На вершину горы, там лежит осколок зеркала.

— Да, — сказал Северный Ветер, — там действительно лежит зеркало. Один волшебник, такой могучий, старый и ужасный, что нам с вами не стоит за него беспокоиться, положил его там год и еще один день назад. Я сам вознес его на вершину своим дуновением. Так я наградил его за услугу, которую он оказал мне миллион лет назад, ибо это он выстроил для меня эту пещеру своими искусными и хитроумными чарами.

— Мы пришли забрать зеркало, — объявил Джек.

Северный Ветер захохотал так громко, что Эймосу с принцем пришлось ухватиться за стены, чтобы их не сдуло.

— Вам туда ни за что не забраться: слишком высоко, слишком холодно, — проговорил он. — Даже волшебнику пришлось просить меня о помощи, чтобы доставить туда зеркало.

— Значит, вы могли бы и нам помочь забраться туда? — спросил Эймос.

Северный Ветер молчал целую минуту, а затем спросил:

— С чего вдруг я стану вам помогать? Волшебник выстроил мне пещеру. А вы что сделали, чтобы заслужить мою помощь?

— Пока ничего, — сказал Эймос. — Но если вы окажете нам услугу, то и мы сможем помочь вам.

— Это чем же вы мне сможете помочь?

— Ну-у… — сказал Эймос. — Да вот, например. Вы говорите, что вы вправду Северный Ветер. Но как можете это доказать?

— А ты как докажешь, что ты и вправду ты? — выпалил Ветер.

— Запросто, — ответил Эймос. — У меня рыжие волосы и веснушки, рост — пять футов семь дюймов, глаза карие. Просто сходите к Идальге, хозяйке таверны «Мореход», и спросите ее, у кого рыжие волосы, такой рост и карие глаза, и она вам ответит: «Да это же мой милый Эймос». А слово Идальги — веское доказательство для всех людей на свете. Ну а вы как выглядите?

— Как я выгляжу? — сердито переспросил Ветер.

— Да, опишите-ка свою внешность.

— Я большой, холодный, жгучий…

— Ну, это ваши внутренние ощущения, — сказал Эймос. — Это не внешность. Я хочу знать, как мне вас опознать, если я увижу вас в нерабочее время, когда вы мирно идете по улице мне навстречу.

— Я — морозный, я — ледяной, я пробираю до костей…

— Ну, это тоже не про внешность, опять внутренние ощущения.

Северный Ветер что-то пошуршал себе под нос и наконец смущенно проговорил:

— Но никто на свете не видел ветра.

— Да, мне так тоже говорили, — сказал Эймос. — Но разве вы ни разу не смотрелись в зеркало?

— Увы, — вздохнул Северный Ветер, — люди всегда хранят зеркала у себя дома, а меня в гости никогда не приглашают. Мне ни разу не довелось посмотреться в зеркало. Да и не до того мне было.

— Что ж, — сказал Эймос, — если вы поможете нам забраться на вершину горы, мы разрешим вам посмотреться в этот осколок зеркала. — А потом добавил: — А ваш друг, волшебник, этого для вас не сделал, насколько я понимаю.

Джек легонько лягнул Эймоса в ногу, ибо неразумно оскорблять такого могучего, старого и ужасного волшебника, даже если никому и никогда не придется за него беспокоиться.

Северный Ветер долго что-то бурчал и ворчал во мраке, но наконец сказал:

— Хорошо. Лезьте ко мне на закорки, и я отнесу вас на самый высокий пик этой горы. Когда я посмотрюсь в ваше зеркало, то снова отнесу вас вниз, куда-нибудь, откуда вы без труда спуститесь сами.

Эймос и Джек безумно обрадовались и забрались на закорки Северного Ветра — один на одно плечо, другой — на другое. Они уцепились за его длинные густые волосы, и огромные крылья Ветра захлопали, вызвав в пещере такой ураган, что он запросто задул бы костры в чашах, не будь они волшебными. Гигантские перья зазвенели, точно сталь, которая ударяется о бронзу.

Северный Ветер встал на ноги и помчался к выходу из пещеры — такой высокой арке, что Эймос и Джек не могли разглядеть ее свода, и такой широкой, что они не могли разглядеть ее боков. Косматая голова Ветра задела за потолок, длинные обломанные ногти на ногах царапнули по полу, а кончики крыльев задели за валуны по бокам арки, и камни посыпались вниз. Ветер ринулся во тьму, описал круг в воздухе — так высоко, что пелена облаков осталась внизу и звезды снова засияли, точно алмазная пыль на бархате ночи. Они летели так долго, что солнце уже принялось метать из-за горизонта золотые копья своих лучей, а когда солнечный шар всплыл из моря наполовину, Северный Ветер встал одной ногой на утес слева, другой ногой на скалу справа, а потом наклонился и опустил людей на вершину, которая находилась между утесом и пиком.

— Но где же зеркало? — спросил Эймос, озираясь.

Рассвет одел снега и льды в серебристое сияние.

— Год назад, когда я вознес сюда волшебника, — раздался сверху голос Ветра, — он оставил зеркало прямо на вершине, но теперь оно, верно, скрыто под сугробами и льдинами.

Эймос и принц принялись стряхивать снег с какой-то глыбы, и из-под белого покрова засверкал прозрачный лед. Глыба была огромная, размером почти что с черный сундук тощего серого господина.

— Наверное, зеркало посередине этой льдины, — сказал Джек; оба уставились на огромный кусок льда, скоро внутри что-то зашевелилось, и они узнали прелестную Леа, которая являлась им в озере.

Улыбнувшись им, она промолвила:

— Я рада, что вы пришли за вторым осколком зеркала, но он погребен внутри этой льдины. Однажды, еще в детстве, я прорубила в льдине дыру, чтобы достать сережку, которую моя мама уронила вечером на зимнем балу. Та льдина была самой холодной и самой твердой, о каких только слыхали на свете. Но эта льдина холоднее, чем та, на десять градусов. Сможешь ли ты ее разрубить?

— Я попытаюсь, даже если при этом погибну, — сказал Джек. — Но я сделаю все, что в моих силах, не больше, но и не меньше.

И он схватил маленький топорик, который они прихватили с собой, чтобы покорить гору.

— До завтрака закончишь? — спросил Эймос, покосившись на солнце.

— До завтрака? Да запросто! — И принц начал рубить лед.

Ледышки полетели во все стороны, а он от усердия так вспотел, что, несмотря на мороз, снял рубашку. За час усердной работы принц вырубил в льдине дыру, обнажив осколок зеркала. Усталый, но с довольной улыбкой, он вытащил зеркало и отдал Эймосу. И пошел за своей рубашкой и курткой.

— Северный Ветер… — сказал Эймос. — Посмотрись в зеркало.

— Встань так, чтобы солнце светило тебе в глаза, — отозвался Ветер, нависая над Эймосом. — Не хочу, чтобы другие увидели мое отражение раньше, чем увижу его я.

Эймос и Джек встали так, чтобы солнце светило им в глаза, а могучий ледяной Северный Ветер нагнулся, чтобы посмотреться в зеркало. Должно быть, он остался доволен увиденным, потому что громко, заливисто рассмеялся, чуть не сдув людей с вершины.

Потом подпрыгнул в воздух на милю, трижды

перекувырнулся, спикировал, ухватил Эймоса и Джека и усадил к себе на плечи. Люди уцепились за его длинные густые волосы, и Ветер полетел вниз.

На лету он напевал, присвистывая:

— Теперь-то я расскажу всем листьям и нашепчу всем волнам, кто я такой и какой я с виду, пусть болтают об этом между собой по осени, пусть встают и снимают передо мной свои белые шапки перед зимними штормами.

Северный Ветер так не радовался с тех пор, как волшебник выстроил ему пещеру.

На вершине горы светает намного раньше, чем у ее подножия, а эта гора была такая высокая, что, когда они опустились вниз, солнца еще не было видно и до завтрака оставалось добрых полчаса.

— Беги вперед и вернись в камеру, — сказал Эймос. — Я дам тебе фору, а потом вернусь и позавтракаю яичницей с колбасками.

Принц побежал по скалам на берег и незаметно шмыгнул на корабль, а Эймос дождался рассвета. Когда солнце взошло, он отправился к кораблю.

6

Однако ночью на борту корабля случилось кое-что, не предусмотренное планом Эймоса. Серый господин продолжал размышлять над загадкой мокрой одежды Эймоса. Затем он начал расспрашивать, кого из матросов Эймос взял с собой. А потом серый господин отправился на гауптвахту.

Там он не обнаружил ни тюремщика, ни пленника. Взбешенный серый ворвался в камеру, начал рыться в груде тряпья. Из-под одеял выкатился связанный матрос с кляпом во рту, наряженный в пестрый костюм Принца Далекой Радуги, ведь, перед тем как отправиться с Эймосом на гору, Джек переоделся в одежду тюремщика.

Вынув кляп, серый услышал всю историю, а о той части, которую тюремщик проспал, смог догадаться и сам. Он развязал тюремщика, созвал экипаж и отдал указания, что делать, когда принц и Эймос вернутся. Красивый костюм он отнес в свою каюту, где стоял черный сундук.

И вот Эймос, неся под мышкой осколок зеркала, подошел к кораблю и окликнул:

— Вот ваше зеркало. А где моя яичница и колбаски?

— Греются и шипят на плите, тебя дожидаются, — сказал

серый господин, подняв солнцезащитные очки на лоб. — А где же матрос, которого ты взял себе в помощники?

— Увы, — ответил Эймос, — его сдуло ветром.

Он взобрался по трапу и вручил серому господину зеркало.

— Если я правильно запомнил, нам остался только третий осколок. Когда мне приступать к его поискам?

— Сегодня днем, когда солнце поднимется всего выше и будет припекать всего жарче, — ответил серый.

— Как, даже отдохнуть мне не дадите? Я всю ночь лазил вверх-вниз по горам.

— Можешь немного поспать, — сказал серый господин. — Но сначала иди позавтракай.

Серый обнял Эймоса за плечи и повел в свою каюту, кок принес им огромное блюдо с колбасками и яичницей. От еды поднимался пар.

— Ты хорошо справился, — сказал серый, указывая на стену, где повесил два осколка зеркала, соединив их вместе. Теперь стало ясно, какой формы должен быть третий осколок. — А если добудешь последний осколок, справишься с делом отменно.

— Я уже почти чувствую в своих руках тяжесть всех этих алмазов, изумрудов, золота и жемчугов.

— Да неужели? — спросил серый.

Он вынул из кармана лоскут зеленого шелка, подошел к черному сундуку и просунул лоскут в маленькую квадратную дверцу. «Орлмнб!»

— Где спрятана третья часть зеркала? — спросил Эймос.

— Не доходя двух лиг от этого места есть сад буйных красок и пряных ароматов, где на бортиках фонтанов из розового мрамора, оплетенных диким виноградом, поблескивают черные бабочки. Во всем саду нет ничего белого, кроме серебристо-белого единорога, который охраняет последний осколок зеркала.

— В таком случае хорошо, что я пойду за осколком, — сказал Эймос, — потому что в этом саду у вас страшно разболится голова, даже если вы пойдете в солнцезащитных очках.

— Тысяча проклятий, — пробурчал серый господин, — ты совершенно прав.

Он достал из кармана полоску малиновой ткани с оранжевым узором, подошел к сундуку и опустил полоску в узкую круглую дырочку в крышке. Когда кончик полоски исчез из виду, сундук выговорил: «Млпбгрм!»

— Жду не дождусь, когда увижу вас в самый счастливый момент вашей жизни, — сказал Эймос. — Но вы мне до сих пор не сказали, что́ вы и ваш самый дорогой, самый близкий друг надеетесь найти в зеркале.

— Разве я не говорил? — спросил серый.

Он достал из-под стола белый кожаный сапог, подошел к сундуку, приподнял крышку и швырнул сапог внутрь.

«Орг!» Этот звук раздался не из сундука — это Эймос чуть не подавился последним куском колбаски. Эймос и серый господин взглянули друг другу в глаза… и промолчали. И только сундук вставил свое слово: «Грублмеумплефрмп… и-ик!»

— Ну ладно, — произнес наконец Эймос, — пойду-ка я на палубу, прогуляюсь немножко.

— Не делай глупостей, — возразил серый господин, разглаживая на запястьях свои серые перчатки. — Если после обеда ты собираешься бодрствовать, лучше сразу пойти спать.

— Поверьте, глоток свежего воздуха поможет мне заснуть.

— Нет уж, это ты поверь мне, — ответил серый господин, — я посыпал твою яичницу и колбаски кое-чем, что поможет тебе заснуть намного лучше, чем весь свежий воздух на свете.

Эймос вдруг почувствовал, как его веки тяжелеют, а в голове становится легко и пусто, и сполз со стула.

Очнулся Эймос на полу, в камере на корабельной гауптвахте. Точнее, его разбудил Джек. Джек был в одних подштанниках: утром, когда Джек вернулся, матросы набросились на него, отобрали одежду и отдали обратно тюремщику.

— Что с тобой случилось? — спросил Джек.

Эймос все ему рассказал.

— Значит, мы разоблачены и все потеряно, — заключил принц. — Уже полдень, солнце поднялось всего выше и припекает всего жарче. Корабль встал на якорь, не доходя двух лиг до того места, и серый, наверно, собирается пойти за третьим осколком сам.

— Чтоб у него голова раскололась на тысячу осколков от головной боли! — выпалил Эймос.

— Эй, вы, там, потише! — прикрикнул на них тюремщик. — Мне спать охота.

Он расстелил на полу свою серую парусину и прилег.

Волны били в борт корабля, и через минуту Джек сказал:

— Мимо замка Далекой Радуги течет река, и, если спуститься в сад, можно услышать, как вода бьется о стену. Точь-в-точь как этот шум.

— Гони грусть! — велел ему Эймос. — Нам нужно хорошенько поднапрячь мозги.

Откуда-то донесся стук.

— Честно говоря… — сказал Эймос, покосившись на потолок, — был у меня один друг, Билли Баста, старый моряк с деревянной ногой. Мы с ним часто играли в бирюльки. Когда он

поднимался в свою комнату, на второй этаж таверны «Мореход», было слышно, как он там наверху расхаживает. Точь-в-точь как этот стук.

Стук повторился.

— Но это стучат не наверху, — сказал Джек. — А под нами.

Оба уставились на пол. Джек встал на четвереньки и заглянул под койку.

— Там есть люк, — шепнул он Эймосу, — и в него кто-то стучится.

— Люк в днище корабля? — удивился Эймос.

— Не будем задавать вопросов, — сказал Джек, — просто откроем.

Они схватились за кольцо и подняли крышку люка. В проеме не было ничего, кроме зеленой толщи воды. Но вдруг в глубине возникла Леа.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал Эймос.

— Пришла вам помочь. Вы добыли две части разбитого зеркала. Теперь добудьте последний осколок.

— Но как ты сюда попала? — спросил Джек.

— Нас разлучает только блестящая поверхность всего сущего, — пояснила Леа. — Слушайте: если вы выберетесь через люк, то сможете проплыть под кораблем и вынырнуть.

— А когда мы проплывем под кораблем, — сказал Эймос, — то сможем снова забраться на борт.

— Но зачем нам забираться на борт? — спросил Джек.

— У меня есть план, — ответил Эймос.

— Но сработает ли твой план, если серый уже в саду буйных красок и пряных ароматов, если он уже идет мимо розовых мраморных фонтанов, где на бортиках поблескивают черные бабочки? — спросил Джек.

— Мой план сработает, пока осколок зеркала остается под охраной серебристо-белого единорога, — ответил Эймос, — а не попал в руки серому. А теперь ныряй в люк.

Принц нырнул, Эймос последовал за ним.

— Эй, вы, там, потише, — буркнул тюремщик, не открывая глаз.

В саду серый господин, прикрывая голову зонтиком, в солнцезащитных очках, плотно прилегающих к лицу, действительно уже шел сквозь мир буйных красок и пряных ароматов, мимо розовых мраморных фонтанов, где поблескивали черные бабочки. Было жарко; серый господин обливался потом, голова у него раскалывалась от боли.

Он шел долго и даже сквозь темные очки начал различать зеленые листья и алые бутоны, пурпурные плоды на ветках и

оранжевые дыни на лианах. Но сильнее всего его раздражали стайки золотых мошек, жужжащие вокруг. Он отгонял их зонтиком, но они тут же прилетали снова.

Ему показалось, что он идет уже целую вечность. И вот перед ним замаячило что-то серебристо-белое, и, подойдя поближе, он увидел единорога. Зверь, моргая, стоял на маленькой полянке. Прямо позади единорога на земле валялся последний осколок зеркала.

— Наконец-то… — буркнул серый и направился к зеркалу.

Но едва он вышел на полянку, единорог засопел и ударил передними ногами по земле — сначала одним копытом, потом другим.

— Я просто подойду и возьму зеркало; я быстро, я вас не побеспокою, — сказал серый.

Но стоило ему сделать шаг вперед, как единорог тоже шагнул вперед, и серый господин обнаружил, что острый кончик рога уткнулся в серую ткань его рубашки, в том самом месте, где под рубашкой был пупок.

— Значит, придется тебя обойти, — сказал серый господин.

Но когда он пошел вправо, и единорог взял правее, а когда он направился влево, единорог сделал то же самое.

Из зеркала донесся смех.

Серый господин заглянул за единорога и увидел в стекле не свое отражение, а лицо какой-то девушки.

— Боюсь, — жизнерадостно сказала она, — что тебе так и не удастся взять зеркало, если единорог не разрешит, ибо это зеркало принес сюда волшебник, такой могучий, старый и ужасный, что нам не стоит о нем беспокоиться.

— И что же я должен сделать, чтобы этот упрямый зверь пропустил меня к зеркалу? Говори скорей, потому что я спешу, у меня ужасно разболелась голова.

— Ты должен доказать, что ты этого достоин, — сказала Леа.

— Как доказать?

— Ты должен проявить свой ум, — сказала Леа. — Когда меня выпустили на волю из этого зеркала, мой наставник, чтобы проверить, хорошо ли я усвоила уроки, задал мне три вопроса. Я ответила на все три, а эти три вопроса были труднее всех вопросов, которые когда-либо слыхали и мужчины, и женщины. Я же задам тебе три вопроса, которые труднее в десять раз, и если ты ответишь верно, то сможешь забрать зеркало.

— Спрашивай, — сказал серый.

— Первый вопрос: кто стоит прямо за твоим левым плечом?

Серый господин оглянулся через левое плечо, но увидел только яркую пестроту сада.

— Там никто не стоит.

— Второй вопрос: кто стоит прямо за твоим правым плечом?

Серый господин оглянулся через правое плечо и чуть не снял свои солнцезащитные очки, но рассудил, что толку от этого не будет — все равно ничего не видно, кроме непонятной разноцветной мешанины.

— Там никто не стоит, — ответил он.

— Третий вопрос, — продолжала Леа. — Что они с тобой сделают?

— Никого тут нет, и ничего они не сделают, — ответил серый.

— На все три вопроса ты ответил неверно, — печально протянула Леа.

Тут кто-то схватил серого господина за правую руку, а кто-то другой — за левую, его повалили, перекатили на живот и связали ему руки за спиной. Один взял его за плечи, другой — за ноги, и оба замешкались лишь на секунду, чтобы забрать с поляны зеркало. Единорог охотно позволил им его взять, ибо, несомненно, они могли бы ответить на вопросы Леи.

Одним из них был Эймос, одетый в рубашку и плащ Принца Далекой Радуги (на зеленом рукаве не хватало лоскутка, а на малиновом плаще — полоски). Эймос прятался за кустами, чтобы серый не видел его штанов, которые были далеко не яркие. Другой был Принц Джек в штанах от своего костюма и одном сапоге — он укрывался за низко свисающей веткой, чтобы серый не видел его выше пояса.

Теперь зеркало оказалось в их руках. Не забыв забрать зонтик и солнцезащитные очки, они схватили серого господина и потащили его на корабль. Казалось, план Эймоса сработал: когда они выбрались из камеры, им удалось взобраться на борт корабля, незаметно стащить костюм из каюты серого господина и по его стопам попасть в сад.

Но когда они вернулись к кораблю, полоса везения закончилась: едва они вышли на берег, их атаковали матросы. Тюремщик все-таки проснулся и, хватившись пленников, начал поиски. Матросы вышли их ловить в ту же самую минуту, когда Эймос с принцем приблизились к кораблю.

— Я победил! — торжествующе вскричал серый, когда Эймоса и Джека снова повели на гауптвахту.

Люк в камере был накрепко заколочен, и теперь даже Эймос не мог выдумать никакого плана.

— Отдать швартовы! Курс на самый серый и мрачный остров, какой только есть на карте! — приказал серый господин.

— Отдать швартовы! — закричали матросы.

— И не беспокойте меня, пока мы не подойдем к острову, — сказал тощий серый господин. — Сегодня у меня был тяжелый день, и теперь я просто умираю от головной боли.

Серый господин отнес третий осколок зеркала в свою каюту, но не стал соединять его с остальными — сил совсем не осталось. Он положил осколок на крышку сундука, выпил несколько пилюль от головной боли и прилег.

7

На самом сером, самом мрачном острове, какой только есть на свете, стоит громадный серый мрачный замок. С берега к воротам замка ведет каменная лестница. Это и был мрачный серый дом тощего серого господина. На следующий день, под серым небом, корабль причалил к нижней площадке лестницы, и серый господин, волоча за собой двух связанных людей, поднялся к воротам.

В одном из залов замка Эймос и принц, связанные, стояли у дальней стены. Серый господин, хихикая себе под нос, повесил на стену зеркало, составленное из двух осколков. Последний осколок лежал на столе.

— Наконец-то это случится, — сказал серый. — Но вначале, Эймос, ты должен получить свою награду за то, что так хорошо мне помог.

Он отвел Эймоса, все еще связанного, к маленькой дверце в стене.

— Вот мой сад драгоценных камней. Столько самоцветов, как у меня, нет ни у кого на свете. Гадость какая… У меня от них только голова болит. Иди скорей, забери свою награду, а когда вернешься, я покажу тебе человека в самый счастливый миг его жизни. А потом положу тебя и твои драгоценности в сундук, к моему самому дорогому, самому близкому другу.

Кончиком своей тонкой серой шпаги он разрезал веревки, которыми был связан Эймос, вытолкнул его в сад драгоценных камней и захлопнул за ним маленькую дверцу.

Эймос печально брел между кучами драгоценностей — сверкающих, переливающихся. Стены были высоченные, не перелезть, и окружали сад со всех сторон. Смышленый Эймос понимал: в некоторых ситуациях пробовать придумать выход — только понапрасну утруждать свой ум. И тогда он взял небольшую тачку, лежавшую на горке рубинов, и начал набивать карманы жемчугами.

Когда он вытащил из колодца посередине сада медный

котелок, доверху наполненный золотом, то сложил всю свою награду в тачку, вернулся к дверце и постучался.

Дверца распахнулась, Эймоса вместе с тачкой втащили внутрь и снова связали. Серый господин отвел его к принцу, а тачку вывез на середину комнаты.

— Еще минутка, — сказал тощий серый господин, — и вы увидите человека в самый счастливый миг его жизни. Но вначале я должен устроить, чтобы мой самый дорогой, самый близкий друг тоже это увидел.

Он подошел к огромному черному сундуку, который теперь сделался, казалось, еще чернее и огромнее, и опрокинул его набок, а потом отпер замок большим железным ключом и широко, хотя и не до отказа, распахнул крышку. Из открытого сундука было видно зеркало, но Эймос и Джек никак не могли заглянуть в сундук.

Серый господин взял последний осколок зеркала, подошел к стене и приладил его на место, проговорив:

— Вот единственное, чего мне всегда хотелось больше всего на свете, хотелось для себя и для моего самого дорогого, самого близкого друга, — женщина, достойная принца.

Немедленно грянул гром, и из зеркала, которое снова стало целым, ударил сноп света.

Серый господин попятился, а красавица и умница Леа выбралась из зеркала.

— О, какое счастье! — засмеялся тощий серый господин. — Она тоже серая!

Ибо Леа была закутана в серую ткань с головы до пят. Но едва серый господин умолк, Леа распахнула свой серый плащ и уронила его на пол.

— О ужас! — вскричал тощий серый господин, попятившись.

Под плащом у Леи была алая накидка, на которой, сверкая в свете молний, пламенели рубины. Она не мешкая уронила на пол накидку.

— О горе мне! — завизжал серый господин, попятившись еще дальше.

Ибо под алой накидкой оказалось покрывало из зеленого атласа, а на его кайме горели желтые топазы. Леа спустила покрывало с плеч.

— О безысходность! — возопил тощий серый господин и опять попятился, ибо под покрывалом было серебряное платье с золотой отделкой и голубым шелковым лифом, вышитым сапфирами.

Сделав этот последний шаг назад, тощий серый господин угодил прямо в раскрытый сундук. Он вскрикнул, пошатнулся,

сундук опрокинулся, крышка упала, и замок защелкнулся.

И никаких звуков.

— Я надеялась, что мы сможем этого избежать, — проговорила Леа и начала развязывать Джека и Эймоса. — Но теперь мы бессильны. Даже не знаю, как вас благодарить за то, что вы собрали зеркало из осколков и освободили меня.

— И мы не знаем, как тебя благодарить за то, что помогла нам это сделать, — отозвался Эймос.

— Теперь-то, — сказал Джек, растирая запястья, — я снова могу посмотреть на себя и понять, отчего я Принц Далекой Радуги.

Они с Леей подошли к зеркалу и посмотрелись в него.

— Все ясно, — сказал Джек. — Я принц, потому что достоин быть принцем, а рядом со мной женщина, достойная быть принцессой.

Их отражения исчезли из позолоченной рамы, а вместо отражений проступил пейзаж: холмистая равнина с зелеными и желтыми лугами да красными и белыми домиками, а вдалеке — золотой замок на фоне голубого неба.

— Далекая Радуга! — вскричал Джек. — Мне кажется, мы можем туда пойти, перешагнув через раму!

И он двинулся к зеркалу.

— А как же я? — завопил Эймос. — Как мне попасть домой?

— Делай как мы, — сказала Леа. — Когда мы уйдем, посмотрись в зеркало, и ты тоже увидишь свой дом.

— А это? — спросил Эймос, указав на сундук.

— Что «это»? — переспросил Джек.

— Что в нем?

— Загляни — увидишь, — сказала Леа.

— Я его боюсь, — сознался Эймос. — Он говорил всякие гнусные, жуткие слова.

— Ты боишься? — захохотал Джек. — Ты спас меня трижды с гауптвахты, рискнул пойти на серое болото и прокатился на закорках Северного Ветра! А теперь боишься?

Но Леа ласково спросила:

— Что же он говорил? Я изучала языки всего рода человеческого и, возможно, смогу что-то подсказать. Что он говорил?

— Ох, гадости всякие, — сказал Эймос. — Что-то вроде «онвбпмф», и «элмблмпф», и «орхмфлбф».

— Это значит, — сказала Леа, — «в этот сундук меня посадил волшебник, такой могучий, старый и ужасный, что нам с вами не стоит за него беспокоиться».

— А еще он говорил «глумпфвр», и «фаффл», и «фулрмп», —

сказал Эймос.

— Это значит, — перевела Леа, — «меня посадили сюда, чтобы я был самым дорогим, самым близким другом для всех этих угрюмых, серых людей, которые обманывают всех на своем пути и не способны радоваться ничему яркому и цветному».

— А еще он говорил «орлмнб», и «млпбгрм», и «груглмеумплефрмп… и-ик!».

— В вольном переводе, — сказала Леа, — это значит: «Иногда нам трудно выполнять свой долг, не теряя бодрости, доброжелательности и усердия, которых ждут от нас окружающие, и все-таки…»

— А когда тощий серый господин свалился в сундук, — напомнил Эймос, — сундук не издал ни звука.

— И это, — сказала Леа, — можно сформулировать как «я сделал свое дело». Таков приблизительный смысл.

— Пойди посмотри, что там в сундуке, — сказал Джек. — Скорее всего, нет там ничего особенно ужасного.

— Ну, раз ты так говоришь… — пробормотал Эймос. Он приблизился к сундуку, три раза обошел вокруг и робко приподнял крышку. И, ничего не увидев, приподнял крышку чуть выше. Опять ничего не увидел. Откинул крышку до отказа. — Да здесь совсем пусто…

Но тут он кое-что заметил на самом дне сундука. Это была короткая трехгранная стеклянная палочка.

— Призма! — воскликнул Эймос. — Ну и чудо! Никогда о таком даже не слышал.

Но он обнаружил, что остался в зале один. Джек и Леа уже отбыли в свою страну. Подбежав к зеркалу, Эймос успел увидеть, как они удаляются по зеленым и желтым лугам, направляясь к золотому замку. Леа положила голову на плечо Джеку, а принц повернул голову, чтобы поцеловать ее черные как вороново крыло волосы, и Эймос подумал: «Вот оно: два человека в самый счастливый миг их жизни».

Тут картинка в раме переменилась, и Эймос увидел знакомую приморскую улицу с булыжной мостовой, мокрой от дождя. Гроза только что отшумела, и в облаках появился просвет.

Неподалеку ветер раскачивал вывеску таверны «Мореход».

Эймос побежал за тачкой, положил наверх призму и подкатил тачку к зеркалу. А потом на всякий случай вернулся к сундуку и надежно его запер.

Дверь таверны «Мореход» распахнулась, и кто-то крикнул:

— Отчего сегодня вечером все так приуныли, когда над всем миром повисла красивая радуга?

— Эймос! — закричала Идальга и выбежала из-за стойки.

— Эймос! — закричал Билли Баста, топая вслед за ней на деревянной ноге.

Все, кто был в таверне, высыпали на улицу. Действительно, это был Эймос собственной персоной, и действительно, над ними до самого горизонта выгибалась радуга.

— Где ты был?! — всплеснула руками Идальга. — Мы все думали, что тебя больше нет в живых.

— Если б я рассказал, ты бы все равно не поверила, — ответил Эймос. — Ты всегда говоришь, что нет на свете такого мужчины, чьи россказни ты бы принимала всерьез.

— Если мужчина может однажды уйти из таверны с пустыми карманами, а через неделю вернуться с таким грузом… — и Идальга показала на тачку, полную золота и драгоценностей, — такого мужчину нужно принимать всерьез.

— Тогда выходи за меня замуж, — сказал Эймос. — Я всегда думал, что ты необычайно мудра: знаешь, кому верить, кому нет, — и твои последние слова доказали, что я не ошибался, — ты достойна моего уважения.

— Да, я выйду за тебя замуж, — сказала Идальга. — Я всегда думала, что ты необычайно умен. И твое возвращение с тачкой доказало, что я не ошибалась: ты достоин моего уважения.

— Я тоже думал, что ты погибнешь, — сказал Билли Баста, — когда ты удрал с этим тощим серым господином и его огромным черным сундуком. Он рассказывал нам жуткие истории о местах, куда собирается отправиться. А ты взял и пошел с ним, не узнав ничего, кроме его обещания насчет награды.

— Бывают моменты, — сказал Эймос, — когда лучше знать только о награде и ничего не ведать об опасностях.

— Похоже, это был именно такой момент, — сказала Идальга. — Ведь ты вернулся, и теперь мы сыграем свадьбу.

— Пойдем в таверну, — сказал Билли. — Поиграем в бирюльки, и ты нам обо всем расскажешь.

И они вошли в таверну, толкая перед собой тачку.

— А это что такое? — спросила Идальга, когда они оказались внутри. Она взяла из тачки стеклянную призму.

— Это, — сказал Эймос, — другой конец Далекой Радуги.

— Другой конец радуги? — переспросила Идальга.

— Вон там, — сказал Эймос, указав наружу, — один конец радуги. А тут — другой. — И он показал на окно. — Но прямо здесь, перед тобой, есть еще один конец.

И Эймос показал Идальге, как белый свет, проходя через призму, распадается на отдельные лучи и окрашивает ее ладони во все цвета, которые только могут прийти ей в голову.

— Ну и чудо! — сказала Идальга. — О таких я даже не слышала.

— Я сказал то же самое, слово в слово! — воскликнул Эймос, и оба просияли от счастья, ибо оба были умны и знали: когда муж и жена одинаково судят о вещах, это пророчит долгий счастливый брак.

Нью-Йорк

1961 г.

Руины
(Перевод М. Клеветенко)

Молния щелкнула кнутом, оставив во тьме шрам.

Кликит бросился к входу, пригнулся, упал и рухнул в пыль. Тяжелые полновесные капли застучали снаружи. Он потряс головой, привстал на колени и откинул светлые волосы со лба. Настороженный и готовый ко всему, он принюхивался к запахам и дуновениям, чувствуя себя диким зверем.

Пахло мокрой пылью.

Горячий воздух словно застыл.

Моргнув, он потер щеки грубыми ладонями, отдернув руки, когда боль в верхней челюсти над расколотым коренным зубом стрельнула в череп. Из углов пробивался слабый свет. Кликит помассировал плечо под ветхой тканью. Впереди смутно белели разрушенная колонна и гипсовые обломки.

Позади бушевал летний ливень.

Он стоял, набираясь смелости, затем шагнул вперед.

Слух различил сквозь грохот ливня новый звук, словно крошился камень. Кликит пригнулся, сухожилия под коленями напряглись. Нет, ему не послышалось. Пятка ощущала песок и мелкие камешки — несколько часов назад он потерял одну сандалию. Еще шаг, и он почувствовал под ногами плиты. Ремешок второй сандалии почти порвался. Долго не протянет, если не перетянуть так, чтобы не перетирался дальше в том же месте. У стены Кликит огляделся в поисках источника света.

Синее окно на потолке пропускало сквозь треснутую раму тирианское излучение. Свинцовый переплет изображал кричащего ворона.

Кликит был настороже, но в душе улыбался. Он обрел убежище в одном из разрушенных храмов Киркеи, восточной богини Митры. Наконец-то ему повезло. Именно на поиски Митры отправился Кликит бессчетные дни, если не недели назад.

В углу потолок обрушился. Вода сочилась по стене, белея известковым налетом по краям. Лужа на полу переполнялась, вытекала тонкой струйкой, снова переполнялась, подрагивая в синем свете. Глядя на отражение разрушенного потолка, Кликит размышлял, откуда исходит свет, ибо, когда не вспыхивала молния, снаружи было темно.

Он дошел до конца стены, заглянул за нее — и у него перехватило дыхание.

Посередине на белом песке ровным немигающим светом

горела бронзовая жаровня. Вокруг резных ножек валялись рубины, золотые цепи, вороненые клинки в изумрудах и серебряной резьбе, короны, украшенные сапфирами и аметистами. Каждая мышца в теле Кликита задрожала. Каждый атом в его грубой душе затрепетал. Он бросился бы к жаровне, схватил столько драгоценностей, сколько смог унести, и рванул бы наружу, во тьму, где бушевала гроза, но у дальней двери возникла фигура.

Женская.

Сквозь белое покрывало Кликит разглядел алые соски, а когда женщина ступила на белый песок, оставляя четкие отпечатки, — изгиб бедра.

У нее были черные волосы и синие глаза.

— Кто ты, странник?

А ее лицо…

— Я Кликит… вор, госпожа. Признаюсь, я зарабатываю этим на жизнь, только я не очень хороший вор, скорее, очень плохой… — Что-то в изгибе ее высоких скул, ее слегка раздвоенного подбородка толкало его на откровенность. — Но вам не следует бояться меня, госпожа! Ни в коем случае! Вы?..

— Я жрица Киркеи. Зачем пожаловал, Кликит?

— Я… — Пыльный, в лохмотьях, Кликит приосанился, явив взору все четыре фута одиннадцать дюймов росту. — Я любовался вашими драгоценностями.

Она рассмеялась. Кликит удивился, как изо рта могут вылетать такие нежные звуки. Улыбка появилась на его небритом лице — улыбка удивления, смущения, грубая имитация ее улыбки.

— Эти драгоценности ничто по сравнению с истинными сокровищами храма, — промолвила она, взмахнув тонкой рукой, а при виде ее тщательно отполированных ногтей Кликиту захотелось спрятать свои грубые руки под грязным плащом.

Его взгляд метался между драгоценностями, сваленными перед ним (рядом с ним! позади него!) и женщиной, которая говорила о них с таким пренебрежением. Хотя жаровня горела ровным светом, в черных как смоль волосах жрицы танцевали синие искорки.

— Откуда ты? — спросила она. — Куда идешь? Ты хочешь увидеть истинное сокровище храма?

— Я жалкий вор, госпожа, но уже много дней я ничего не крал! Я живу с того, что выужу из карманов богатеев на ярмарках в Войдрире, что плохо лежит в доках Лейярда или в роскошных садах пригородов Джавало. А недавно я услыхал о сокровищах Митры, вот и решил взглянуть собственными глазами…

— Ты совсем рядом с Митрой, маленький воришка.

Она задумчиво подняла руку и почти соединила большой и указательный палец, словно держала что-то такое же тонкое, как ее прозрачные одежды.

И Кликит внезапно решил: а ведь она держит мою жизнь, мое счастье, мое будущее — все, что я когда-либо хотел и не осмеливался хотеть.

— Ты устал, — промолвила жрица, уронив руку. — Позади долгий путь. Я дам тебе еду, дам отдых, более того, покажу твое истинное сокровище. Ты этого хочешь?

Задние зубы Кликита ныли почти непрерывно, а сегодня утром он заметил, что один из передних (рядом с тем, что выпал месяц назад) шатается, если надавить языком. Он стиснул челюсть, сглотнул и снова открыл рот.

— Вы… так добры ко мне, — пробормотал он, прижимая два пальца к ноющей челюсти и едва сдерживая слезы. — Надеюсь оправдать ваше доверие.

— Тогда следуй за мной. — Она отвернулась с улыбкой, которую он отчаянно захотел увидеть еще раз, чтобы понять, издевается она или всерьез. Одно он знал твердо, шагая вслед за жрицей: ее улыбка сводила с ума своей двусмысленностью.

Затем он посмотрел вниз и содрогнулся. Тонкие ступни с алебастровыми пальчиками и розовыми пяточками оставляли на белом песке не привычные глазу следы, а… Кликит всмотрелся. Птичьи лапы? Нет, кости! Это были отпечатки ног скелета!

Кликит всматривался в отпечатки, пытаясь соображать быстро и отстраненно. Если он начнет подбирать камешки и осколки гипса, она заметит. Раз, другой, третий он подхватил с земли горсти песка и сунул в плащ, остановился, скрутил концы плаща, смастерив своего рода дубинку, и спрятал ее за спиной. Под следующей аркой женщина обернулась, махнула ему рукой, но его так трясло от страха, что он не разглядел ее улыбки. Кликит поспешил вслед за ней, крепко сжимая песочную ношу.

Перешагивая высокий порог, он подумал: если она колдунья или призрак, что ей моя песочная дубинка?

Другая жаровня заливала пространство залы синим светом. Кликит быстро вошел, рассудив, что попытка не пытка. Но когда он приблизился к женщине, она промолвила, не оборачиваясь:

— Настоящее сокровище этого храма — не его драгоценности. Они ничтожны, как песок, что усеивает плиты. Драгоценности меркнут перед тем, что скрыто в этих стенах. — Больше она не улыбалась. Теперь в ее глазах, мерцающих в синем свете жаровни, читалась мольба. — Скажи мне, Кликит, скажи, маленький воришка, что тебе желанней всех драгоценностей

мира? — (За поворотом свет стал красным.) — Чего ты хочешь больше, чем денег, вкусной еды, красивой одежды, замка с рабами…

Кликит выдавил щербатую улыбку:

— Для меня мало что на свете сравнится с вкусной едой, госпожа!

Это была увертка. На свете осталось не так много еды, которую он мог жевать, не испытывая мучительной боли. Уже давно одно упоминание о еде вызывало раздражение и неотвратимый ужас.

На ее лице мелькнул отблеск прежней улыбки.

— Не верю, что ты и впрямь голоден, Кликит…

Она угадала. Вместе со страхом аппетит, и так нежеланный, сошел на нет.

— Я так голоден, что готов съесть медведя, — соврал он, сжимая за спиной куль, набитый песком.

Женщина отвела глаза.

Он уже хотел было размахнуться, но жрица, оглянувшись, свернула под арку.

Кликит потащился за ней, ощущая странную слабость в коленях. В этом мутном желтоватом свете лицо женщины постарело, а в чертах проглянуло нечто большее, чем возраст.

— Сокровище, настоящее сокровище этого храма, есть то, что вечно, смертоносно и свободно от смертных уз, то, чего многие искали, но мало кто обрел.

— И… и что же это такое?

— Любовь, — ответила она, и ее улыбка, прежде чем он сообразил, почему она улыбается, рассыпалась смехом.

И снова она отвернулась. И снова он вспомнил, что должен занести куль над своей лысеющей головой и обрушить его на затылок жрицы, но она уже спускалась вниз по узким ступеням:

— Следуй за мной.

И снова она была впереди — чуть дальше, чем нужно для удара.

Треножники на ступенях горели зеленым, алым, белым, привычно немигающим огнем. Бесконечный извилистый спуск убаюкивал.

Жрица вошла в галерею, залитую янтарным светом:

— Сюда.

— Любовь… в каком смысле любовь? — спросил Кликит ей в спину.

Когда она оглянулась, Кликит поразился желтизне ее кожи: она и раньше была такой или этот оттенок придавал ей янтарный свет в галерее?

— Не многие способны постичь ее смысл, хотя именно она движет всеми их помыслами. Вечная, неизменная, неколебимая даже перед лицом смерти… — Последнее слово повисло в воздухе, смешавшись с шумом ливня, хлеставшего сквозь рухнувшую крышу.

Давай, сказал себе Кликит, сейчас или никогда. Или я не выберусь отсюда до скончания времен! Но женщина нырнула в следующую арку, и его решимость иссякла. Она была рядом. Она была далеко. Она смотрела на него. Она отводила взгляд. Кликит брел, спотыкаясь по узкому тоннелю с низким потолком, почти без света. Затем свет позеленел…

Поток зеленого света…

И снова она обернулась:

— Что ты будешь делать с этим сокровищем? Подумай о нем, о том, что вокруг тебя, в тебе, вне тебя, как о прикосновении, которое поначалу обожжет, словно с тебя сдирают кожу живьем, но вскоре, спустя годы и годы, ты осознаешь, что обрел реальность, в которой нет боли…

В зеленом свете она выглядела старше, гораздо старше. Улыбка обратилась гримасой. Слегка приоткрытые губы съежились, обнажив зубы.

— Вообрази, — продолжила она, и ее голос напоминал звук, с которым песок скрипел в старых лохмотьях, — союз с женщиной столь мудрой, что она заставит твой разум утонуть в совершенном, всепоглощающем покое. Вообрази медленное скольжение вдвоем сквозь тайные галереи прямо к призрачному сердцу времени, где чистый огонь обнимет тебя темными дланями, где жизнь есть лишь память о горестях и одновременно не память… — Женщина отвернулась, и ее волосы над костлявыми плечами были как черные нити над каменным основанием. — Она проведет тебя сквозь галереи скорби, где нет ни земного голода, ни земной боли, а лишь безысходность крика, пришедшего из ниоткуда и не смолкающего никогда. Она станет твоим началом и твоим концом, ты разделишь с ней близость столь полную, что ее не в силах вынести ни дух, ни тело…

Кликит вспомнил о куле с песком за спиной. Ему показалось или он стал легче? И впрямь легче. Его мозг блуждал в пространстве черепа, снова и снова ударяясь в порталы ощущений, в глаза и уши. И они снова заворачивали за угол. Она заворачивала за угол.

— …близость, что приведет тебя к постижению всех тайн в сердце хаоса, с женщиной столь древней, что для нее ничто боль, красота или жизнь…

Слово кольнуло, словно мышиный укус.

Кликит вытащил куль из-за спины, размахнулся и занес над головой затекшую руку. Внезапно она обратила к нему лицо. Лицо? У нее не было лица! Черные провалы глазниц зияли в синем свете. Изодранные покровы соскользнули с голых ребер. Она потянулась к нему, легко касаясь костями края его лохмотьев.

Пусто? Куль был пуст. Песок высыпался сквозь дыру в ткани.

Пытаясь вернуть себе ясность мысли, Кликит встряхнулся, отпрянул и бросился бежать вдоль стены. Вслед ему, отражаясь от мокрого камня, летел смех:

— Вернись, мой маленький воришка! Теперь ты никуда от меня не денешься! Я почти сплела пальцы вокруг твоего сердца. Ты проник слишком близко… слишком близко к источнику…

Завернув за угол, Кликит врезался в треножник, который со звоном опрокинулся. Ровный свет замигал.

— Ты еще вернешься ко мне…

Кликит прислонился к стене, ноги не слушались, и тогда он пополз вдоль нее, подтягиваясь на руках, а вокруг гремел то ли ливень, то ли смех, не разобрать.

И мерцание померкло.

На рассвете высокая старуха обнаружила его у двери своей хижины.

Мокрый и дрожащий, Кликит сидел, сжимая голые ступни неуклюжими грязными пальцами, бормоча что-то про ремешок сандалии, которую потерял в каменных коридорах. Глаза из-под грязной редеющей копны светлых волос медленно обводили двор.

Сначала хозяйка несколько раз прикрикнула на него, велев убираться, затем некоторое время разглядывала, закусив нижнюю губу. Наконец вернулась в хижину, откуда спустя несколько минут вышла с красной глиняной миской, полной похлебки. После того как он осушил миску, его речь стала более связной. Когда, прервав поток слов, в которых старуха явно улавливала какой-то смысл, он резко остановился, она промолвила:

— Руины храма Киркеи — дурное место. У нас говорят о распутных жрицах, запертых в подземных катакомбах в наказание за неуемную похоть. Впрочем, с тех пор прошли сотни лет, теперь в руинах обитают лишь мыши да пауки.

Кликит смотрел в миску, сжимая ее большими пальцами.

— Старый храм разрушился больше века назад, — продолжила старуха. — До города не близко, вот и некому за ним приглядывать. Сказать по правде, мы велим детям держаться подальше от этого места. Но года не проходит, чтобы какой-нибудь ослушник не провалился в дыру и не сломал руку или

ногу. — Помолчав, она добавила: — Если ты забрался так далеко, то как сумел выбраться?

— Песок… — Кликит вертел миску, разглядывая остатки ячменных зерен и капусты на дне. — Бродя по коридорам, я наткнулся на след из песка, который всю дорогу сыпался из плаща. Я пошел по следу, спотыкался и падал, порой мне казалось, что я заблудился, но в конце концов я набрел на галерею, где впервые увидел… — Его тусклые глаза сверкнули. — Увидел драгоценные камни!

Впервые с начала разговора старуха рассмеялась:

— Жалко, что ты не прихватил с собой немного этих ничтожных побрякушек. Думаю, тебе было не до того, ты был рад-радехонек вдохнуть свежего воздуха!

— Но я прихватил! — Коротышка стянул с плеч рваный плащ и принялся распутывать узлы. — Я взял немного… — (Один из узлов поддался.) — Смотри! — Он дернул другой узел.

— Куда смотреть-то? — Старуха склонилась ниже.

Полы плаща были наполнены мелким песком.

— Но я же… — Кликит расправил ткань на коленях; песок сыпался и утекал между пальцами. — Я потратил немало времени, собирая камешки помельче, большие я взять не осмелился. Но там были алмазы, сапфиры, четыре или пять медальонов с жемчужинами, на одном — большая черная… — он поднял глаза на старуху, — прямо посередине…

— Говорю же, дурное место эти руины. — Нахмурившись, старуха нагнулась еще ниже. — Нехорошее место. Ни за что бы туда не сунулась, особенно в грозовую ночь.

— Но я же сам их собирал! — повторял Кликит. — Как они?.. Куда?..

— Возможно, — старуха начала распрямляться, морщась от боли в спине, — твои камешки угодили в ту же дыру, что и твоя сандалия.

Он схватил старухино запястье короткими толстыми пальцами:

— Прошу тебя, пусти меня в хижину, госпожа! Ты дала мне еды. Не позволишь отдохнуть под твоей крышей? Я промок. Позволь обсохнуть и поспать у твоего очага. Я бы съел еще супа. Может быть, у твоих родных завалялся старый плащ без дырок? Прошу тебя, госпожа, пусти меня…

— Нет. — Старуха резко отдернула руку и медленно распрямила спину. — Больше мне нечего тебе дать. Убирайся!

Внутри хижины на столе на чистом куске ткани лежали острые ножички, чтобы резать воспаленные десны, скребки, чтобы счищать зубной камень, напильники — плоские и круглые, —

чтобы убирать повреждения с эмали. В округе старуха считалась зубной лекаршей, и, учитывая примитивные времена, весьма искусной. Ножички, скребки и напильники стоили немало, а этот бродяга больше всего на свете походил на воришку, угодившего в переплет, если не на отчаянного головореза.

Она была добрая женщина, но не круглая дура.

— Уходи, — повторила она. — Я не пущу тебя в хижину.

— Если ты позволишь остаться, я смогу вернуться. В храм. Я заберу драгоценности, много драгоценностей, я и с тобой поделюсь. Обещаю!

— Я накормила тебя. — Старуха скрестила руки. — А теперь уходи. Ты оглох?

Кликит поднялся с земли и побрел восвояси — но не как тот, кто получил отказ, отметила про себя старуха, а как тот, кто и не думал ни о чем просить.

Она смотрела, как босоногий коротышка месит грязь на размокшей после дождя дороге. В детстве ее вечно дразнили за высокий рост, и теперь она гадала, не доставалось ли ему от ровесников за низкий. Бедолага. Какой из него головорез?

— До Митры полдня пути, если будешь держаться главной дороги, — сказала она ему вслед. — И не подходи близко к руинам. Это нехорошее место…

Старуха хотела добавить что-то еще. Впрочем, судя по его улыбке и запаху изо рта, который она почувствовала, когда склонилась над плащом, случай такой запущенный, что даже ей не по силам.

С минуту она смотрела ему вслед. Он брел, не оборачиваясь. В роще позади хижины ворон каркнул три раза и взмыл с ветки. Старуха подняла красную миску, вытряхнула остатки похлебки на мокрую траву, перешагнула песок, подсыхающий под солнечными лучами, и вернулась в хижину ждать того, кто первым сегодня постучится к ней в дверь со своей болью.

Нью-Йорк

1962 г.

Собака в рыбачьей сети (Перевод М. Клеветенко)

После шторма Панос расстелил сети на бетоне, а его младший брат принялся перетаскивать с палубы обледенелые ящики. Закончив, Спиро подошел и ткнул брата в бок. Панос добродушно засопел, как довольный медведь.

— *Иа!*[53] — крикнул он в спину брату, когда тот снова направился к баркасу. — Отведи его за косу. И не забудь на этот раз привязать сети к борту. А я пока починю сухие.

— *Нэ*[54], — отозвался Спиро, перекрикивая стук бьющихся бортами лодок, и прыгнул на палубу.

Баркас качнулся, отвязанный конец соскользнул с причальной тумбы. Панос уперся пальцами ног в крошащийся край пирса.

В призрачном свете подошли еще два баркаса, разбивая в клочья лениво качающуюся пену. Большая волна обрушилась на камень, и брызги полетели над головой. Панос сощурился, глядя, как зазолотился облачный восток.

Он пошел к середине растянутой сети; сквозь дыры в штанах белели голые колени, капли моря, словно слезы, блестели на лице, алмазами сверкали на свитере и в волосах.

Он сел на корточки и потянул на колени порванную часть сети, растягивая ее пальцами ног. Нож, которым Панос обрезал оборванные нити, был острый словно бритва — целый час он правил лезвие утром, пока дожидался выхода в море. Оранжевой нитью на костяном челноке Панос заново связывал разбегающиеся ячейки.

Когда баркасы причалили к пирсу, он и головы не поднял, лишь челнок быстрей замелькал в его руках. Где-то вдалеке послышались крики, лай; собаки, кружа и прижав нос к земле, бегут сюда, к пристани; плещет вода… пляшет челнок в паутине сети. За спиной заворчал грузовик с обсидиановых копей. Трехчасовое судно сегодня опоздает: штормит. Панос услышал, как зацокали по парапету камешки. Совсем рядом собака…

Что-то дернулось под его задом, и Панос оглянулся через плечо. Бьющиеся лапы, раскрытая розовая пасть, прыгающие поплавки по краю сети.

Собака залаяла, замотала головой, силясь выпутаться из ячей, упала, забила задними лапами. Панос с рычанием бросился на колени и потянулся к собаке, но ступни запутались в сети. Грузила заскрежетали по бетону. Собака прыгнула, сеть потянула

ее назад. Панос зацепился ногой и потерял равновесие. Он отдернул руку от собачьих зубов, жесткие нити проехались по лицу. Когда он попытался откатиться от злобно рычащего животного, рука уткнулась в сеть и, хуже того, проскочила в ячею. Нити натянулись.

С баркасов и с грузовика бежали люди. Тот, что был с палкой — сквозь оранжевые нити Панос видел, как он мгновение колебался, — ударил собаку по голове. Сеть натянулась под дырявым ботинком с торчащим наружу большим пальцем. И порвалась.

Панос силился оттолкнуть непрошеных помощников. Они делали только хуже. Еще удар палкой — на этот раз она угодила ему по плечу. Собачья шерсть скользнула по его груди, задняя лапа оцарапала щеку.

Кто-то расталкивал бестолково толпящихся людей. Панос узнал Косту: волосатый, мускулистый, тот упал на колени и поднял кусок бетона. Рука дорожного рабочего была по локоть в смоле. Камень с силой опустился, Панос дернулся, и что-то вонзилось ему в шею…

Нож! Лезвие, застрявшее в сети! Коста еще раз ударил собаку, и лай оборвался. Кто-то пнул обмякшее, липкое собачье тело, но, когда Панос откатился, лезвие скользнуло еще на дюйм. Панос раздвинул губы, чтобы заорать, но рот наполнился чем-то соленым, соленым, как море.

Коста, держа в руках окровавленный камень, отталкивал людей от сети. Они кричали:

— Эй, Паниотис!

— *Иа!* Давай назад!

— Разверни сеть! Да потихоньку, потихоньку! *Нэ!* Здорово эта сука ее попортила…

Последние слова были как камни, канувшие в бездну молчания.

Двое перекрестились. Потом еще двое сделали то же самое. Коста попятился, толкнув прибежавшего на шум официанта из заведения Алексиоса, споткнулся и с растерянным видом швырнул камень в воду. За их спинами послышался стук мотора и крик Спиро:

— *Иа*, кто-нибудь, примите ящик!

Никто не обернулся.

Спиро выругался и прыгнул на пристань:

— Хватит языки чесать, помогите лучше…

Он сам опустил ящики на пирс, вовремя убрав из-под них покрытые шрамами пальцы. От толчка верхний ящик чуть было

не свалился, но Спиро ловко его подхватил.

— На что это вы тут уставились?

И ни один не посмотрел ему прямо в глаза.

— Твой брат… — прошептал Коста.

Трое мужчин стиснули зубы так, что щеки глубоко втянулись.

— Что с ним? — Спиро поправил верхний ящик. Нахмурился. — Шторм нагнал нам полную сеть макрели. А вам что, не повезло?

— Спиро, твой брат. — Коста поднял руку. Красное на фоне черной смолы.

— Понимаешь, собака… — начал было официант. — Собака попала в сеть. Мы хотели помочь…

— Она рвала сети, Спиро…

— Ты же знаешь, звук, с которым рвутся сети. Будто Госпожа смеется на закате луны.

Спиро пронзительно закричал. Потом, уже гораздо позже, он рассказывал:

— Я не видел, что там на порванных концах нитей. Но я чувствовал. Я чувствовал, что там — смерть. Она дергала меня за руки, хватала за лицо, тащила за язык. Смерть воткнула два пальца мне в глаза. Я ничего не видел. Но я чувствовал.

И вот они обступили его, взяли за руки, прежде всего опасаясь за самих себя, а потом уже желая уберечь Спиро. Допусти его до тела, он бы вцепился в него и так и лежал бы, пока сам не умер.

Обняв за плечи, держа за руки, за талию, своими живыми руками касаясь его тела и закрывая его от мертвого Паниотиса, они повели Спиро в кафе.

Парой сердитых фраз Коста объяснил, что случилось, Катине, молодой официантке. Подавляя крик, она прижала кончики пальцев к губам и отступила к беленой стене.

— Умереть легко, — сказал старик, зажимая четки в кулаке и впервые с утра прерывая молитву. — Горевать куда тяжелее.

Катина хотела убежать, но кто-то схватил ее за руку:

— Дай нам кофе. А если тебе срочно нужно куда-нибудь бежать, сбегай принеси от Алексиоса большую кастрюлю супа. Но сначала дай бедному мальчику бренди.

У нее не было ни отца, ни братьев, никого, кто бы мог собрать ей приданое, замуж ее никто не брал, так что всем было плевать, что она чувствует. Она закусила нижнюю губу, подошла к полке с напитками и сняла бутылку метаксы. За каким-то столиком человек попросил узо, но сосед ткнул его в плечо:

— Баран! Если хочешь выпить, пей бренди с человеком, у которого горе! Или не пей ничего, кроме кофе!

Все сгрудились вокруг Спиро, и каждый просил, чтобы тот выпил из его стакана, как из своего собственного. Но он отхлебнул только из стакана Косты.

— Весь этот год Паносу не везло. То стена в доме упала, то сестру вдруг срочно надо было выдать замуж…

Коста зашипел:

— Не вспоминай того, что было вчера, дед. И без того сегодня тяжело.

— А завтра может быть еще хуже, — откликнулся старик и вновь начал перебирать четки.

Спиро встал.

Когда он повел глазами вокруг себя, четверо, те самые, которые перекрестились на пристани, сразу подняли вверх ладони, защищаясь от его взгляда.

— *Готси! Готси!* — уговаривал его Коста. — Сядь, сядь. Катина, еще бренди!

Но девушка уже убежала.

Спиро пошел к выходу; каждый смотрел на соседа, не зная, кто сможет остановить его. И пока они думали, он уже успел выйти.

Два шага, три шага по каменному двору… никто не окликнул его. Сам не зная зачем, Спиро побрел обратно на пристань. Он припомнил, что в суматохе кто-то обещал заняться телом, но сеть все еще лежала на прежнем месте, а под ней темнело пятно.

Женщина в черной шали о чем-то шепталась с мужчинами, разгружающими баркас.

Заметив на себе его взгляд, они тут же загородились руками. Затем мужчины быстро нагнулись над своими ящиками. Спиро отвел глаза.

На краю пристани стояла Катина — черная намасленная коса переброшена через плечо зеленого свитера. Если у человека горе, то и взгляд его несет с собой горе. Он ждал, что Катина заслонится рукой или отведет взгляд. В лице ее промелькнул страх, однако она не спешила его прятать. Что-то еще было в ее взгляде, помимо страха, чему Спиро никак не мог подобрать названия. Откуда-то из груди поднимались слова, но застревали в гортани; он сделал усилие, но сумел лишь хрипло прорычать:

— Это был мой брат!

Сознание заполнилось картинами прошлого; отрывочными пятнами они сменяли одна другую, заслоняя лицо Катины. И вдруг хлынули ярким потоком.

Как-то Панос попросил у кого-то дробовик. Они целый месяц копили деньги на патроны. И вот наконец однажды утром Спиро обмотал ноги тряпьем, а Панос натянул резиновые сапоги,

которые одолжил у соседа, и они пошли охотиться в горы, в глубину острова, по очереди неся ружье. В тот раз они принесли Пиопе шесть кроликов.

Когда они вошли в дом, она так и подскочила со стула, и коробка с ракушками, которые она перебирала, опрокинулась на пол. То плача, то смеясь, Пиопа стала рассказывать, как весь день боялась, что один брат случайно подстрелит другого.

— А когда мы уходим в море, ты тоже боишься, что кто-нибудь из нас утонет? — усмехнулся Панос.

Она посмотрела на рассыпанные по земляному полу ракушки, с забавным выражением лица взяла кроликов (в глазах, однако, затаился страх — о, страх всегда сиял в ее черных и блестящих от постоянных слез глазах) и, откинув со лба светлые волосы, молча отошла от каменной раковины умывальника. На правом виске у нее белел шрам: когда она была маленькой и захотела играть с мальчишками, они стали бросать в нее камнями.

У Спиро, как и у его брата, волосы были черными.

Волосы Пиопы, похожие на отражение солнца в медном котле, наполненном маслом, ужасно огорчали их мать. Чего только она не делала: красила их кальмаровыми чернилами, заставляла Пиопу надевать платок, чтобы они не выгорели на солнце еще больше. Чувства Пиопы, словно сумерки, заполняли собой весь дом. Все, что происходило за его стенами, легко возбуждало в ней смех или слезы, поэтому бóльшую часть времени она сидела взаперти, возилась по хозяйству или играла с ракушками, которые ей приносили братья.

Вареный кролик оказался необыкновенно вкусным: мясо было мягкое, сочное и совсем не жирное. Спиро так упрашивал Паноса снова пойти на охоту, что не находил себе места на кренящейся палубе. В конце концов Панос повел брата к известняковому обрыву, где рядом с опунцией они нашли тоненький кипарис, высотой всего до пояса, вцепившийся наполовину обнаженными корнями в белую землю. С помощью прутиков, хитро закрепленных в земле, и рыбачьей лески Панос соорудил силок.

Когда они уходили, пригнутый к земле кипарис дрожал на осеннем ветру. А утром кипарис вновь стоял прямо, а на нем болтался полуживой кролик с переломанными и окровавленными задними лапами.

После этого они чуть ли не через день ели крольчатину. А потом Спиро нашел еще одно такое деревце, и теперь им иногда попадалось сразу по два зверька. Это было тогда, когда обвалилась стена их дома.

Они как раз возвращались с обрыва — на поясе Спиро болтались две окровавленные тушки, — когда, подойдя к окраине

города, заметили суматоху. В горах не чувствовалось даже самого легкого дрожания; ближе к берегу землетрясение было сильнее, а по радио передали, что в Афинах даже повылетали оконные стекла. Но в маленьком портовом городке на острове пострадали лишь два здания. Одним был недостроенный дом старого Аустиноса.

Вторым — их собственный. Боковая стена рухнула. Крыша провисла, как тряпка с размахрившимся краем из треснувшей глины и сухих водорослей. Зареванная Пиопа собирала разбитые ракушки и щурилась от резкого солнца. Когда с ней заговаривали, она вновь принималась плакать и трясти замотанной в платок головой, а если от нее не отставали, убегала и пряталась за искривленный ствол миндального дерева.

Спиро сквозь толпу гомонящих соседей пробился во двор; рот полнился страхом, будто камнями. Вид разрушенного крова требовал задать вопрос, но камень запечатал горло. *Панос, что нам делать?* Однако, как и Пиопа, говорить он не мог.

И все-таки Панос ответил на его немой вопрос.

Он сорвал с пояса Спиро кроликов, вошел в дом, вынес оплетенный кувшин с вином, стоявший под раковиной и потому не пострадавший.

— Держи, Коста, — сказал он, — и не слишком напивайся сегодня. — И он подал кувшин измазанному смолой рабочему. — Завтра понадобится твоя помощь.

Худущий семилетний пацан в больших армейских штанах, обрезанных выше колен и подвязанных на тощем животе ржавым тросом, приставив ладонь ко лбу, смотрел на них против солнца.

— Отнеси это своей тетке. — Панос протянул ему кроликов. — Если сам не наешься, так хоть глисты в пузе станут жирнее.

Глаза мальчишки широко раскрылись. Он живо схватил кроликов — и только его и видели.

К Спиро вернулся дар речи.

— У нас дом развалился, а ты еще раздаешь последнее, что осталось?

— Парочка подарков, только и всего, — ответил Панос и стиснул его загривок. — Тебе что, тоже захотелось вина и жареных кроликов?

Спиро скосил глаза на дом:

— Какая тут еда. Мне тошно, хуже, чем в шторм.

— И что теперь? — Панос поднял ракушку и большим пальцем очистил ее от крошек штукатурки. — На этом острове у нас и так почти ничего не было, а теперь Она забрала и последнее. Хотя поп и молится за нас Кириосу Иисусу, может,

правы пастухи.

— А ты что, тоже считаешь, раз Кириоса Иисуса похоронили не в земле, а в каменном гробу, его тело не может сделать землю обильной?

Панос пожал плечами:

— На земле растут кактусы и терновник, но ведь апельсины с оливками и помидоры тоже растут. Я просто хочу сказать, что, если уж Госпожа показывает нам норов, нужно думать о других, иначе горе лишит нас последних сил. Ну что ты плачешь, Пиопа? — Он отдал сестре ракушку и слегка притянул ее к себе. — Вдова Мардупас пошла собирать оливки на масло, и ее быстрые пальцы не остановит никакое землетрясение. Когда ты была маленькой, ты всегда смеялась рассказам этой мудрой женщины. Пойди-ка помоги ей, и, может быть, вечером ты вернешься домой с улыбкой. — Он кивнул в сторону дороги. — Пойдем, — сказал он Спиро.

Узенькая улочка, по которой они шли, была зажата между гранитом и красным мрамором. Ослики, таскавшие на себе хворост и овощи между портовым городком Адамасом и старым городом, носившим название Плака, завалили желтую пыль навозом, частью высохшим, частью еще дымящимся. Террасированные склоны по обеим сторонам, два месяца назад бурые, уже зазеленели. Сначала братья шли по асфальту; потом дорога вырвалась из прохладной тени обрывов на палящее солнце, и горячая щебенка стала больно жалить босые ступни. Тогда они сошли в меловую канаву вдоль дороги, и скоро ноги их до колен покрылись белой пылью.

Они пересекли виноградник, где на потрескавшейся земле, словно крабы, лежали спутанные лозы; потом свернули на другую дорогу, которая вилась и петляла меж скал все выше и выше, пока на гребне горы ветер не стал толкать их в спину и зачесывать наперед волосы.

За перевалом, на полпути вниз, им попалось стадо, штук двадцать коз и с ними пастух — лицо обтянуто кожей, ногти на руках и ногах сгнили, сорванные от постоянного лазания по скалам. Говорил он на каком-то певучем и малопонятном наречии горцев. Ветер шевелил на лбу его светлые волосы, под которыми сверкали серые глаза. Пастух знал множество историй, часто похабных, почти всегда смешных, как, впрочем, и бездну всяких древних легенд. Спиро, подобно большинству рыбаков, часто размышлял об этих светловолосых сероглазых островитянах, которые молятся в собственных храмах, где нет попов и где приносят в жертву коз. Они появлялись в Адамасе и в Плаке только в дни осеннего равноденствия, чтобы посидеть в

кафе, выпить и похвастать тем, как любились с женщинами, мужчинами или собственной скотиной. Сыновей они держали дома для работы, а дочерей отправляли в Плаку учиться в гимназии; все денежные расчеты они предоставляли женщинам, говоря, что чтение, письмо и счет сродни магии, а магия — это по Ее части.

Пастух скривился, запустил руку под кожаный жилет и принялся яростно чесаться.

— Моя сестра умеет писать имя каждого мужчины у нас в роду, а еще она может в точности записать все, что вы ей станете говорить, а потом слово в слово пересказать это, даже если пройдет месяц, а ведь ей нет еще пятнадцати.

Спиро год посещал гимназию в Плаке, и некоторые из светловолосых девчонок-горянок были ему знакомы.

— А как зовут твою сестру?

Он спросил просто так, из любопытства, но пастух ткнул его морщинистым кулаком, и хотя ответил шутливо, в голосе слышалась тревога.

— Если даже Она не говорит никому своего имени, с чего бы это я стал открывать тебе имя женщины из моего рода?

Козы прыгали по красно-оранжевому глиняному склону. Город Плака лежит у подножия самой большой горы на острове, вершину которой венчает заброшенный монастырь; теперь он был хорошо виден в ясном вечернем воздухе, похожий на челюсть. Слева спускался к морю террасированный склон.

Панос повернулся к каменному водостоку, сбегающему к развалинам возле Старого города.

Пастух рассмеялся:

— А, вы туда, где спит Она! Потише, не разбудите Ее.

Панос только ухмыльнулся в ответ, а Спиро долго еще оглядывался на пастуха, гнавшего своих коз в сторону города.

Наконец братья подошли к развалинам и сели. Над ними высился древнеримский амфитеатр; далеко внизу шумел прибой. В залив никогда не заходят грузовые суда, он глубок, и в нем наверняка полно рыбы. Однако ни один христианский рыбак не сунется сюда на своем баркасе. Пастухи иногда забрасывают с камней бечевку с привязанными к ней крючками и грузилами, но рыбаки, пытавшие удачу в заливе — а каждый год несколько смельчаков заходят сюда, поддавшись на уговоры попа, — всегда возвращались с рассказами о зацепившихся сетях, о камнях, где никаких камней быть не должно. Дальше по берегу тонкими струйками поднимался дым; там были горные выработки.

Панос подтянул к себе обсыпанные меловой пылью ступни и обхватил колени.

— Зачем? — спросил наконец Спиро. — Зачем мы сюда пришли?

Его брат указал подбородком:

— А ты как думаешь?

Солнце на горизонте заливало бледным золотом волны, отделяя море от исполосованного ссадинами неба.

— Здесь красиво.

— Да.

— Но все-таки зачем мы сюда пришли?

— С нами случилось несчастье. Сначала мы поделились малость тем, что есть у нас, с соседями. Теперь должны немного поделиться с… с богами.

— Ты хочешь сказать, с Кириосом Иисусом?

Хоть и черные глаза были у Паниотиса, но и они вдруг сверкнули, как у того пастуха.

— Если хочешь.

— Тогда почему ты пришел молиться Кириосу Иисусу туда, где спит Она?..

— Я не говорил, что мы пришли сюда молиться. А вдобавок как Она может тут спать, если английские археологи выкопали Ее и увезли отсюда сто лет назад? Когда-то Она, может, и спала здесь, но теперь Она спит в парижском музее, во Франции. Твой прадед работал с теми, кто нашел Ее. Чему там тебя только учили целый год в гимназии?

— Нам в гимназии про это рассказывали, — кивнул Спиро. — Но пастухи говорят, что Она вовсе не в земле, а в море.

— Ты говоришь одно. Я — другое. Пошли. — Он стиснул Спиро загривок. — Ты тоже должен дать что-нибудь. Но только от себя и так, чтобы никто не видел.

Потом они шли обратно по дороге, залитой лунным светом. Дни в ноябре еще теплые, но по ночам уже становилось прохладно. Дорога свернула в тень известнякового обрыва, стало темно; Спиро моргал и щурился, силясь различить впереди брата — тень на ночной дороге.

А сейчас, сморгнув, он вновь увидел лицо Катины, которая все так же стояла на пристани, не отрывая от него широко раскрытых глаз.

— Это был мой брат, — повторил он.

Она что-то прошептала. Он не расслышал; ему показалось, что она вот-вот убежит.

— Что?

— Я говорю, — повторила она, — это был мой пес.

— Твой?.. — Смысл слов как-то отклеился от звучания. Спиро пытался соединить одно с другим.

— Мальчишки кидали в него камнями и консервными банками, и он прибежал к кафе, а у него на боку была рана, вот здесь. Я намазала рану йодом, и кровь перестала идти. Потом я покормила его и разрешила ему спать у меня в комнате. И вот его убили… — она опустила глаза, — и твоего брата тоже. — Последние слова она произнесла совсем тихо; Спиро видел, как подергивается ее щека.

— Но он попал в сеть, — сказал Спиро, впервые пытаясь объяснить себе, что произошло. — Он ее рвал, и не было времени выпутывать его медленно. Он за один рывок губил целый день работы. Пришлось его убить — если бы его выпутывали, он бы порвал сеть так, что уже не починишь. Звук рвущейся сети — как смех Госпожи. Конечно, это произошло случайно, и никак…

В лице ее нарастал ужас.

— Ты про собаку, — вдруг поняла она.

— Ну да, про собаку. Конечно про собаку!

— Но Паниотис…

При звуке этого имени грудь его заходила ходуном. Бóльшую часть горя всегда составляет страх.

— Мой брат…

— Это произошло случайно, — хрипло повторила Катина. — Ну да. Они увидели, что сеть рвется, и прибежали помочь, спасти клятую сеть!

Он понимал, что ей жалко собаку, но гнев, сквозивший в ее словах, казался чрезмерным.

— Что это за люди, которые не могут отличить человека от пса? Ну конечно, его убили случайно…

— Ты про моего брата? — На сей раз удивился он.

— Ну да, про твоего брата. Конечно про твоего брата! — В ее голосе теперь не было гнева, осталась лишь тоска. — Не нравится мне этот остров. Люди здесь не знают, что важнее, рыбак или его сеть. Когда-нибудь, — глаза ее перебегали от предмета к предмету на пристани, — я уеду с Милоса. Переберусь на Сирос, туда каждый день приходят корабли из Пирея, с Миконоса и с Родоса. А оттуда смогу попасть на Идру, или на Сант-Орини, или к своей тете в Афины, когда только захочу. А тут нужно ждать воскресенья, да и то всего один корабль из Пирея приходит, и все. Не нравится мне здесь.

Спиро улыбнулся, потому что слышал, как она говорила то же самое в кафе, особенно когда на кого-нибудь злилась. Катина снова посмотрела на него, но Спиро пошел к своим ящикам. С десяток женщин вынимали рыбу из других ящиков — мелкую складывали на газеты или на зеленые медные подносы, среднюю — в широкие эмалированные тазы, а крупную — в ящики со

льдом.

Спиро потянулся было снять верхний ящик, но тут увидел четырех девушек примерно одних лет с Катиной, из хороших семей: взявшись за руки, они шли по направлению к пристани.

Два старика с авоськами сразу заулыбались им, и закивали, и стали спрашивать, как поживают их родители, и долго еще провожали их взглядами, до самой пристани. Аустинос, тот, который постарше, везде и всюду рассказывал, что вот минет полгода траура, он снимет черную повязку и женится в третий раз. Панос однажды сватался к самой хорошенькой и самой сильной из четырех подруг, вопреки советам всех знакомых и друзей — дело и вправду было безнадежное, учитывая заработки Паноса и то, что на руках у него оставалась незамужняя Пиопа без дома и без приданого. Отец велел Ане отказать Паносу. Через полгода или она, или ее сестра наверняка будет за Аустиносом.

Спиро поставил ящик на пирс и открыл крышку. Кроме макрели, там было семь угрей, четыре черных длинноротых смариды и три в золотую крапинку. Когда все ящики были открыты, он широко расставил ноги и закричал:

— А вот у меня тут рыба, сегодня бесплатно! Бери кто хочет! Вот рыба, которую мне подарило море! Я заплатил за нее лишь собственным потом! Теперь нужно только взять ее и отнести домой — вот и все, что я прошу за нее! Рыба! Рыба! Даровая рыба!

Девушка, стоящая рядом с Аной, засмеялась и подтолкнула подруг к ящикам. Но какая-то девчушка опередила их; она быстро подбежала и ткнула пальцем в самую большую макрель:

— Мне эту!

Левой рукой она схватила рыбину за хвост, правой цапнула еще одну и была такова. Аустинос, требуя уважения к своим шестидесяти семи годам (никто его не слушал), заталкивал в авоську смариду, но какая-то женщина так его пихнула, что золотисто-черная рыбина выскользнула, и множество ног, обутых и босых, тут же ее растоптали. Самого Спиро тоже оттерли в сторону. Женщины бежали к толпе, из которой то и дело выныривали дети с рыбинами на плече. Какая-то тетка ушла, переваливаясь, с шестью рыбами в переднике.

Странное чувство, гораздо более сильное, чем горе, но пробуждаемое именно горем, поднималось в его груди. Какой-то глубокий и полный звук уже давно клокотал в гортани, пока наконец до Спиро не дошло, что он смеется.

А с другой стороны пристани за ним удивленно наблюдала Катина. Хлопнув себя по ляжкам, Спиро пошел прочь.

Его окружал каменный круг. Трава, земля, гравий и

ссохшиеся кактусы с гнилыми листами, с торчащими острыми шипами. И все же каменный круг. Что-нибудь от себя лично, и так, чтобы никто не видел.

Но все, что у него есть, — это воспоминания о Паносе. Они цеплялись острыми когтями, никак не хотели уходить, хотя он совсем от них изнемог. Вот Панос зевает на рассвете, вот он ругается днем, вот вечером смеется в кафе. Смех, по-прежнему на лице Спиро, лишь удерживал чудовищ. Но боже мой, как как же они извивались и царапались!

Внизу раскинулась гавань Старого города, теперь заброшенная ради более удобной Адамасской, из которой братья уходили на лов. По древнему фундаменту Спиро вскарабкался на террасу. Выше были катакомбы, оставшиеся с тех времен, когда остров находился под властью Рима. Ну конечно, Риму нужны были здешние копи. В гимназии Спиро узнал, что Рим — столица Италии. Итальянские моряки работали на грузовых судах, перевозивших обсидиан и глину. Капитаны и шкиперы отращивали себе длинные ногти; то же самое делали и кассиры в банке, и официант из ресторана Алексиоса, и греческие военные моряки, которые иногда сходили здесь на берег. Спиро знал, что примерно к его рождению закончилась война, в которой греки воевали с итальянцами. Его дядя прошел с боями до Албании и до сих пор рассказывал про войну любому, кто соглашался слушать. На уроке Спиро однажды спросил, была ли это та самая война, которая покончила с властью Рима над островом, и над копями, и над Старым городом. Все засмеялись. Этот смех, частенько звучавший по его поводу, стал причиной того, что Спиро в конце концов бросил гимназию.

— Двадцать лет и две тысячи! — взорвался учитель. — Ну много ли нужно ума, чтобы понять разницу!

В классе были дети и рыбаков, и пастухов, но его высмеивали чаще других. Когда Спиро, придя домой, объявил, что больше в гимназию не пойдет. Паниотис тихо разозлился, а Пиопа прошептала:

— Хотела бы я ходить в гимназию в Плаку!

— Что? Как дочка пастуха? — зарычал Панос, и Пиопа, накинув платок на свои странные красивые волосы, забилась в угол.

На этом все кончилось, но огорчение брата и сестры еще долго омрачало атмосферу дома. Бóльшую часть свободного времени Спиро теперь проводил в кафе, попивая кофе из малюсенькой чашки или играя в карты и нарды с рыбаками постарше, хотя и не на деньги. В конце концов, он был мальчик и мог делать, что захочет.

Спиро спустился на последний камень у воды. Невысокий эгейский прилив омывал его босые ноги; справа шипели и пенились волны в каменистой бухточке. В какую бы развилку возможного будущего он ни смотрел, впереди был зрелый плод одиночества на корм чудовищам.

Вот Панос колотит осьминога о причал, чтобы мясо сделалось мягче, колотит до тех пор, покуда камень не покрывается розовой пеной; вот Панос перебрал узо и стащил со стены ресторанчика Алексиоса — да нет, не стащил, взял попользоваться, до завтра — расстроенное сантури;[55] пошел под окна отца Аны — в тот самый вечер, когда отвергли его сватовство, — и молотил по неслаженным струнам, пока не проснулся отец и не осыпал его проклятиями, а сам Панос при этом смеялся, а наутро, когда похолодало и Спиро полез на крышу отнести одеяло брату, решившему спать наверху, — он увидел, как Панос скрючился в углу крыши и плачет.

И снова Панос, его твердая, потная рука на плече Спиро, они танцуют в одном ряду с другими мужчинами в День святой Варвары. Святая Варвара — покровительница горняков. С утра погода портилась. Под домами горняков с шумом билось о скалы море. Дом уже отстроили заново, но Пиопа была все так же несчастна, и они взяли ее с собой, а когда начались танцы, оставили со вдовой Мардупас и другими женщинами, а сами встали в ряд с остальными мужчинами и, положив руки друг другу на плечи, принялись топать и кланяться. Коста стучал черным кулаком в барабан, и те, кто мог, совали в небольшое отверстие барабана стодрахмовые бумажки. Какой-то парень из Плаки настроил сантури и выстукивал бойкие мелодии; аккордеонист, приплывший на день в рыбачьем баркасе с Сифноса, наполнял воздух завываниями своего инструмента. Здесь собрались горняки, пастухи и рыбаки, а еще солдаты с военного аэродрома на дальней стороне острова; их отпускали в увольнение всегда по пятеро, и большинство не обращало на них внимания.

Пастухов на этот раз приняли, потому что они принесли трех зажаренных коз. Неприятности начались с того, что один солдат, из Македонии, отозвал в сторонку пастуха и подначил научить его козлиному танцу. Они стали плясать, солдат неуклюже, а пастух ловко изображая непристойности жестами. Спиро и Панос вместе с другими стояли и смотрели на них, и Спиро хохотал во все горло, так что оно даже заболело. Потом вышел Аустинос и закричал на них, чтобы они прекратили, и те, кто сначала смеялся, вдруг тоже возмутились и принялись кричать. Музыканты перестали играть, солдат извинился и сел, но пастух

все плясал. А потом к нему присоединились друзья. Женщины пастухов начали подпевать и притопывать сандалиями. Когда кто-нибудь пытался остановить мужчину, тот со смехом вырывался и делал неприличный жест. Потом старуха лет тридцати, не меньше, в юбке, перешитой из старого шелкового халата, выброшенного какой-то горожанкой, с бусами из ракушек, зубов и кусочков полированного дерева, принялась отплясывать запретный танец, который женщины танцуют в горах одни. Некоторые рыбаки подняли крик. Кто-то обозвал пастухов цыганами и велел им убираться отсюда, оставить приличных людей в покое. Возле женщины откуда-то взялись трое юнцов, и, хотя в их светлых глазах сквозил страх, кулаки они сжимали крепко. За ними выступили двое мужчин постарше — у одного руки были как колбасы из камней. Другой был, кажется, тем самым пастухом, которого они недавно встретили на дороге.

— Что это за мужчины возле вас, сударыня? — спросил Коста; говорил он презрительно, но все же обратился к ней вежливо. — Кто они такие?

— Это мои сыновья. — Она указала на юнцов. — А это — их отцы.

Все так рты и поразинули. А она скривила губы, сверкнула желтыми зубами и закончила:

— Но чтобы за себя постоять, они мне не понадобятся.

Как раз в это время мимо проходил поп; он нес стакан сладкого самосского вина в соседний дом и подошел узнать, что за шум. В другой руке у него было надкушенное винное яблоко.

— Ну будет вам, будет, — забормотал он, проталкиваясь сквозь толпу к двери, за которой плясали с самого полудня; солнце уже село, на небе осталась только серая полоска зари. — Сегодня же праздник. Святой день. Как можно в такой день ссориться?

Длинные волосы попа были заплетены в косичку; такие же носили и пастухи, и большинство из них его уважали. Но вот женщины…

Старуха в цветастом платье злобно зарычала.

Панос крепко сжал руку брата. Только что оба хохотали, глядя на танцующих, но вдруг все изменилось, как будто за маской непристойности проступило нечто… хорошее ли, дурное, Спиро не знал, только оно было так же велико, как тайны в странных глазах сестры.

— Не надо ссориться, — продолжал поп. — Сегодня День святой Варвары…

— Нечего тут пачкать Ее словом, которое могут произнести мужчины, — презрительно ответила женщина и засмеялась

дребезжащим смехом. — Нечего тут делать из Нее вашу святую, рабыню вашего слабосильного божка, который сумел умереть и воскреснуть всего один раз. Это Ее день, день Земли, которая была священна для гончаров, и для пахарей, и для горняков еще до того, как ваш слабак пришел умереть в свой черед, как умирали до него другие боги и как будут умирать другие боги потом, в то время как Она царствует всегда.

— Дочь моя…

Тут женщина топнула, плюнула, и все, включая самого попа, так и подпрыгнули на месте. В то же мгновение небо раскололось и обрушилось в море. Поп упал на колени и закрыл лицо руками. Кто-то вопил, сердце Спиро билось так медленно и натужно, что в груди ныло и кружилась голова. Потемнело, хлынул ливень. Когда Спиро стер с лица воду, он увидел, что все женщины пастухов танцуют. Из других домов сбегались рыбаки и горняки, на их лицах мелькало то восхищение, то страх. Мужчины тычками гнали жен, сестер и дочерей прочь, чтобы они не увидели и не заучили запретные движения и ритмы, а потом бежали по грязи обратно, чтобы самим не пропустить, посмотреть и послушать все это. Они толкались, теснились, где-то завязалась драка. Паносу пришлось три раза дернуть Спиро за руку, чтобы тот закрыл изумленный рот и посмотрел на брата.

— Пиопа! Где Пиопа?!

Спиро помотал головой:

— Не знаю…

— Ради Кириоса Иисуса, найди Пиопу, пока не…

Удар грома заглушил его последние слова, и Панос тут же исчез во тьме.

Спиро побежал в другую сторону. Он увидел сестру во вспышке молнии. Платок сдуло, волосы плескали на ветру. Он схватил сестру за руку… и на него глянули серые глаза совершенно чужой женщины!

В раковине ее уха, во впадине скуластой щеки, в уголках рта метались слабые отсветы из окна. Дождь хлестал. Спиро пытался вырваться, но пастушья женщина ухватила его другой рукой и, прижавшись к нему, не то зашипела, не то запела на том странном говоре, который разом мелодия и смех:

— Пойдем со мной, грек. Ложись спиной на мокрую землю, а я сяду верхом, и мы поскачем туда, куда не доскачешь на лошади…

Спиро вырвался и побежал. Дождь хлестал по лицу, заливал; он поперхнулся и принялся кашлять. В доме было не спрятаться: там и так было тесно, и вдобавок все что-то кричали. Он долго стоял, скрючившись под нависающей кровлей, с которой капало

на спину; потом его напугали какие-то громкие звуки, доносившиеся сквозь шум дождя, и он снова побежал и наконец очутился на дороге, ведущей в Адамас.

Молния на мгновение осветила скалу, а возле нее, шагах в двадцати, бредущую сквозь дождь знакомую фигуру.

— Панос!

Спиро догнал брата и схватил за плечи. Панос обернулся. Спиро уткнулся лицом в его мокрый свитер. И тут же отпрянул.

Вся спина Паноса была облеплена грязью, таким толстым слоем, что ее не смыло даже нынешним ливнем. Спиро провел рукой по голове брата. Спереди было чисто, волосы мокрые и гладкие, но затылок тоже был в земле. Панос сердито вырвался и пошел вперед. Спиро поплелся за ним, грязной рукой вытирая с глаз дождевую воду.

— Панос, что же это такое…

Пиопа вернулась домой только наутро, когда все еще лил дождь. Вся грязная, совершенно без сил, она тут же слегла и провалялась в жару целую неделю. Месяца через три Паниотис дал денег Мариасу, однорукому плотнику — руку ему год назад оторвало лебедкой на грузовом судне, и поэтому он теперь работал только вторым номером, — так вот, Паниотис заплатил ему пять тысяч драхм, чтобы он женился на Пиопе; а сверх того, Спиро целый месяц отрабатывал в новом доме сестры под началом вечно недовольного и раздражительного Мариаса.

Все время, пока шли приготовления к свадьбе, Пиопа плакала, а однажды разбила свои ракушки и убежала в горы, где с ней случилось что-то нехорошее: когда через трое суток она вернулась, лицо у нее было исцарапано, но не ежевикой, потому что царапины шли по щекам параллельно. Рассказывать, что произошло, она отказалась наотрез. Другой отец или брат выгнал бы ее из дома, но Панос не произнес ни слова.

В старом Милосском заливе лениво плескалась вода, прогоняя по камню под ногой Спиро струйку песка. Спиро смотрел туда, где спит Она. Страх и горе сжимали ему горло. И чтобы горе ослабело, надо было избавиться от страха.

Он резко стянул свитер через голову, выдернул руки из рукавов. Скинул штаны и бросил поверх свитера. Набрал побольше воздуха в легкие, нагнулся и прыгнул.

Холодная вода обожгла его. Впрочем, в зимнем Эгейском море он согрелся быстро: на глубине даже в декабре хоронилось лето. Прошло больше минуты, грудь болела, толща воды давила на глаза и уши, а он все не выныривал. Вот он увидел перед собой размытые очертания голубоватой скалы и резко свернул в

сторону. Наверху что-то упало в воду и в облаке серебристых пузырьков устремилось вниз, прямо к нему.

И тут же он увидел прямо перед собой каменную фигуру. Она выступала из-за скалы; в двух местах Ее пересекали темные трещины; руки были обвиты резными змеями и опутаны водорослями. Водоросли зеленой бородой лежали на Ее лице, наполовину пряча раскрытый рот, колыхались над Ее глазами. Плечи поблескивали черными и серыми пятнами. Она была очень близко, футах в десяти. Он хотел увернуться от Нее, но она уже закинула к нему свой невод. И когда невод окружил его со всех сторон, Спиро понял, что Она не спит! О нет, Она вовсе не спит! Он нырнул еще глубже в холодное течение.

Фигура над ним — живая женщина, понял он внезапно — настигла его, протянула руку сквозь путаницу сети, схватила его за кисть. И сеть порвалась.

Когда они плыли наверх, Спиро обернулся и увидел, что в каменных руках есть еще сети, много сетей. Все сети, утерянные за годы рыбаками, посмевшими зайти в Ее воды, колыхались вокруг Ее огромных острых черных грудей.

А живая женщина все тащила его за руку; из носа Спиро стал выходить воздух, пузырьки щекотали веки. Он замолотил ногами и теперь уже сам тащил ее наверх, пока они не потеряли друг друга под водой. Он вынырнул наконец на воздух; бешено пульсирующая кровь бросилась в голову и ослепила его; мгновение казалось, что сейчас его стошнит.

Она барахталась рядом. Спиро длинными гребками поплыл к берегу, пока больно не ударился о скалу. Волны плескали в лицо, ему было трудно держать голову. Женщина — наверное, сильная, из пастухов, — пробыла под водой раза в два меньше, чем он. Спиро слышал, как ее ладони зашлепали по скале, потом раздался всплеск, затем снова шлепки — это она выбралась на камень. Он откинул со лба мокрые волосы и посмотрел вверх.

На камне, широко открыв глаза, сидела голая Катина; черная коса лежала меж грудей, завиваясь колечками на конце. Кожа вокруг коричневых сморщившихся сосков была в пупырышках от холода. Катина судорожно дышала, и в такт дыханию на животе под мокрой косой появлялась и исчезала складка.

— Что?.. — Под водой, в том месте, где прежде гнездился страх, он ощущал тепло.

Катина ухватила его за руку с опаской, будто не знала, холодная та или горячая.

— Вылезай уж.

Спиро кивнул, открыл было рот и тут же глотнул соленой воды от набежавшей волны. Закашлявшись, он толкнулся

исцарапанными ладонями и выбрался наверх. Его мокрое плечо коснулось ее бедра; сперва оно показалось холодным, но через мгновение Спиро ощутил тепло.

— Что… — повторил он. — Что ты тут делаешь?

Ему показалось, что она собирается погладить его по щеке. Но нет, она просто сказала:

— Я тоже прихожу сюда иногда… когда мне грустно. Купаюсь одна, потому что никто больше сюда не ходит… и я пошла за тобой.

— А зачем ты нырнула за мной?

— Когда ты прыгнул, я решила, ты не хочешь выныривать.

— Не хочу?..

Хотя горе еще оставалось, когда он увидел под водой Ее, страх уже исчез. А с избавлением от страха пришел смех, свободный и освобождающий. Спиро лежал на спине, мотал головой и смеялся, его густые волосы задевали ее лодыжку. Потом он взял Катину за плечо и приподнялся на локте. По позвоночнику побежал прохладный ручеек.

— Только не я! Понимаешь, только не я! Когда я ныряю, я выныриваю!

Она посмотрела на свое плечо, где лежала его твердая рука:

— Люди, бывает, очень сильно переживают из-за братьев. Иначе зачем бы ты пришел туда, где Она… — Катина кивнула на воду.

Спиро уронил руку ей на колено, раскрытой ладонью вверх.

— Катина, — зашептал он, — скажи, если Она здесь спит, тогда что увезли отсюда археологи, когда копались на склонах, что они увезли в свой музей, который в Париже?

Катина пожала плечами:

— Какую-то другую статую… вроде тех, что турки увозили отсюда десятками. Наверное, какая-нибудь осталась, турки ее не заметили.

— Пастухи про Нее рассказывают, *нэ*?

Она снова пожала плечами.

— Археологам надо было внимательнее слушать пастухов. Пастухи говорят, Она стояла на вершине башни, охраняющей священный для Нее Старый город. А потом случилось землетрясение, и башня разрушилась. А обсидиан мы продавали в Египет еще до того, как Минос забросил в море свои сети. Статуя, которую тут нашли, была из белого мрамора, паросского, а у нас только плохой красный. И пастухи говорят, Она вырублена из черного стекла.

Катина опять посмотрела на воду.

— Значит, ты приходишь сюда купаться? — Спиро встал на

колени. — Не боишься Ее?

Он поднялся на ноги.

Катина смотрела на него снизу вверх и вдруг прижалась спиной к скале, втянув плечи. Ее губы в капельках морской воды приоткрылись.

— Но ты боишься меня.

Она быстро-быстро помотала головой, но ее взгляд заметался по его голому телу. Свет, падавший из-за его левого бедра, золотил ее правый бок. Нагота, мгновение назад лишь побочное обстоятельство, вдруг превратилось в нечто важное само по себе, прекрасное. Спиро наклонился над ней, коснулся коленом ее влажной руки; его тень упала на ее лицо. Он обнял ее за шею, и она откинула голову назад; ее мышцы напряглись под его пальцами. Он губами и зубами тронул мочку ее уха.

Наверху заблеяли козы и раздался смех. На спину посыпались камешки и веточки; Спиро отпрыгнул и чуть не поскользнулся.

По развалинам фундамента карабкались трое пастушат: двое мальчишек и девчонка. Они оглядывались, толкали друг друга и хихикали. Ощущение собственной мощи и чуда происходящего сменилось жгучим стыдом.

Он оглянулся. Катина торопливо натягивала юбку. Спиро помедлил минуту, нырнул в свитер и заизвивался, отыскивая головой отверстие. Грубая шерсть царапала кожу под мышками.

Возле развалин фундамента Катина неуверенно взяла его протянутую руку. Он и сам мгновение медлил, прежде чем протянуть ей руку. И хотя она уже держалась за него, на ее лице оставалась все та же неуверенность. Спиро втащил Катину на камень, и она впервые посмотрела ему прямо в лицо.

— Не нравится мне это место, такой маленький остров, — снова начала Катина. — Кажется, что все мы запутались в сети… как Паниотис. Потом ныряешь и видишь, что даже Она сама опутана людскими сетями. — Она помотала головой. — Нет, не нравится мне это место.

— А я скоро уеду с Милоса, — сказал Спиро.

И оба удивились этим словам. Спиро высказал мысль в тот миг, как она возникла, и слова прозвучали странно и восхитительно.

— Ты?

— *Нэ*. У меня здесь теперь ничего нет. Сестра замужем. Брат… умер.

— А куда ты поедешь?

— Наверное, в Пирей. Ну да, на материк, в Пирей. Устроюсь на какой-нибудь грузовоз.

— А ты… правда поедешь?

Он кивнул:

— *Нэ*.

— И не трудно тебе будет… ну, просто взять и уехать?

— Старые разбухшие сети рвутся легко.

— А вот я боюсь уезжать, — сказала Катина.

— Я тоже. — Спиро кивнул. — Но я все равно уеду.

Вечерняя звезда вывела за собой из моря месяц. Над известняковыми обрывами небо оделось в пурпур. С минуту они шли молча, потом Катина сказала:

— Я тоже поеду.

Спиро улыбнулся ей, потом глянул себе под ноги.

— Я уеду на Сирос, — продолжала она. — А оттуда могу ездить к тебе в гости в Пирей. С Сироса корабли ходят каждый день, а не раз в неделю, как здесь. С Сироса я смогу попасть куда угодно. Куда угодно!

Она побежала вперед и засмеялась.

Ее смех эхом отразился от крутого обрыва — как будто там, над ними, засмеялась другая женщина.

Спиро взял Катину под руку, и они пошли вместе.

— Уеду, конечно уеду, — повторила она.

— Наверное, уедешь, — согласился Спиро. И через несколько минут, когда они вышли на асфальт, добавил: — Я важней, чем мои сети.

— Конечно. — Она нахмурилась, глядя на обрывы. — Конечно ты важнее.

Миконос

Январь 1966 г.

Ночь и возлюбленные
Джо Дикостанцо
(Перевод В. Кучерявкина)

Залитая лунным сиянием, она, как ни банально, плакала.

Его это раздражало, и он пытался отвлечься тем, что брал ее роскошные рыжие волосы (на самом деле, скорее, мышиного цвета на фоне огромного диска слоновой кости, балансирующего на кромке леса из черной копировальной бумаги) и менял их оттенок. Наконец он кашлянул.

Она повернулась спиной к балюстраде. Слезы текли по ее щекам. Две слезинки неиссякаемыми жемчужинами заново возникли в тени на ее шее. Да, она действительно была прекрасна.

— Джоуи… — шепнула она столь тихо, что он узнал свое имя лишь потому, что ничего иного она произнести не могла.

Он посмотрел на грязные костяшки своих пальцев, лежащих на стене, сжал кулак и шагнул вперед. На рукаве куртки звякнул расстегнутый замок молнии.

Легкий ветерок сдул ее волосы с плеч на грудь, и взгляд (глаза он оставит зелеными; зеленые глаза в лунном свете — просто потрясающе) скользнул вниз, чтобы уловить перемену.

— О Джоуи…

Интересно, понравилось ли ей. Впрочем, не важно. Он сунул руки в задние карманы. Левый был порван.

— Тебе уже скучно со мной, да?

— Господи, Морганта… — сказал он.

Ветер усилился, подбородку и пальцам ног стало холодно. Пальцы ног он зарыл в пыль, но с подбородком такого не проделаешь, поэтому он утопил его в воротнике.

На ней была лишь тонкая, словно сотканная из паутины, зеленая ткань, скрепленная на плече сплетением золотых скорпионов. Обнаженная левая грудь красотой могла поспорить с луной.

Он сказал:

— Знаешь, Морганта, ты настоящая… — но не закончил, стиснул зубы и сжал кулаки в карманах.

— Джоуи… — заговорила она с неожиданной страстью и, попятившись, ступила на край лужи, так что пятки ее коснулись пяток отражения. — Ты же знаешь, я могу тебе помочь. Если бы ты только захотел, я много бы тебе рассказала про все, что ты хочешь знать. Например, почему часы Восточного флигеля

никогда не показывают больше трех. Или что ворчит и стучит в запертой комнате… Джоуи, тут есть один мальчик, одноглазый, так вот, он все время пытается…

— Да замолчи же ты, Морганта! — Он чуть не задохнулся от злости и едва овладел собой; но было поздно. Все произошло само собой, не понадобилось ни ритуальных жестов, ни заклинаний. Злость сделала свое дело.

Морганта отступила еще на шаг. На гладкой поверхности лужи не появилось и ряби: Морганта проваливалась вниз, ее отражение устремилось вверх. На мгновение явь и отражение соединились на уровне талии — получилась словно дама из гротескной карточной колоды, — и все исчезло. Лишь прозрачная зеленая ткань, темнея, оседала в луже.

Гнев не успел толком улетучиться, как сожаленье обратилось болью в животе и затылке. Он бросился вперед, подхватил ткань, как будто мог вернуть, воссоздать, воскресить…

Из влажных складок выбежали золотые насекомые и брызнули во все стороны, оставляя на плитах мокрые темные следы. Он отпрыгнул. Да их тут не меньше чертовой дюжины!

Пока он увертывался от самого большого скорпиона, самый маленький незаметно подкрался к его ступне, изогнул хвост и впился в щиколотку.

Джоуи заорал и запрыгал.

Удовлетворившись, мстительные твари засеменили прочь, исчезая в щелях каменной кладки, взбираясь по стенам, мерцая золотом в темноте.

Он с воплем отшвырнул мокрую тряпку. Она упала на стену и медленно, складка за складкой, поползла вниз. Он повернулся и заковылял прочь по крыше. Пыль под мокрыми ногами была сперва мягкой, потом колкой, затем вновь стала сухой и прохладной. Бум, бум, бум — бухали гулкие удары.

Добравшись до дверного проема, он вытащил из кармана заскорузлый носовой платок, ощупал его, ища более или менее чистое место, снял очки без оправы и помусолил стекла (звяк, звяк, звяк — застежки на молниях его кожаной куртки). Просунув проволочные дужки сквозь волосы над ушами, он обнаружил, что лишь размазал по стеклам грязь, отчего и луна, и несколько освещенных окон дальних башен окутались светлым ореолом. Сильно болела нога.

Джоуи взял свой уницикл и вяло шаркнул ногой по стартеру. С третьего, самого болезненного раза мотор горячо закашлял ему в штанины. Он подвел уницикл к темному проему, перекинул ногу через сиденье, сложил руки на груди, качнулся, добиваясь равновесия. Потом поднял вторую ногу, наклонился вперед и

понесся вниз по ступеням винтовой лестницы. На каждом повороте, когда он с ревом огибал башню, узкое окошко швыряло ему в глаза пригоршню лунных лучей.

В промежутках были лишь грохот и мрак.

Джоуи остановился на седьмом этаже Восточного флигеля, посередине северо-западного коридора.

Двигатель уже не ревел, а мурлыкал. Джоуи спешился и хмуро посмотрел на примятый ворс красновато-коричневой ковровой дорожки, уходящей в каменный мрак.

Он прислонил уницикл к стене.

— Эй!

— Джоуи, это ты?

— Да, принимай гостей.

— Джоуи, подожди минутку, я сейчас выйду…

Но Джоуи уже поднялся на три ступеньки к узенькой нише и двумя кулаками сразу ударил в деревянную дверь — она распахнулась.

Стрелки напольных часов в углублении высокого, от пола до потолка, книжного шкафа показывали без двадцати три.

— Послушай, от тебя одно беспокойство, — сказал Максимиллиан. — Будь у меня характер хоть капельку похуже, я давно зашвырнул бы тебя обратно в тот кошмар, из которого ты вывалился.

— Попробуй. — Джоуи сел в кожаное кресло перед письменным столом.

Максимиллиан отодвинул в сторону две стопки книг и сквозь очки в черной пластмассовой оправе уставился на Джоуи. Пальцы его сплелись в большой, пронизанный вздутыми венами клубок между вельветовыми манжетами.

— Ну что там у тебя стряслось на этот раз? И убери-ка грязные ноги со стола.

Джоуи спустил ноги на пол.

— Я только что избавился от Морганты.

— А почему бы тебе не пойти и не пожаловаться на свои любовные страдания кому-нибудь другому?

Максимиллиан откинулся назад и сам взгромоздил ноги на стол. Две толстенные книги свалились на пол. Каблуком он задел хрустальное пресс-папье, оно покатилось вперед и едва не…

Джоуи подхватил его.

— Спасибо, — сказал Максимиллиан.

Прежде чем поставить пресс-папье на стол, Джоуи заглянул в мерцающий хрусталь. В глубине, за отраженными огнями горящих в комнате свечей, угадывалась водная рябь за темнотой,

которая могла быть краем моста, и что-то вроде заросли кустов, а в ней то лицо, обрамленное шапкой волос… и с черной повязкой на глазу.

Джоуи отвлек какой-то грохот внизу, завершившийся двумя гулкими ударами. Язычки пламени, окруженные светлыми восковыми воротничками, заплясали.

Максимиллиан убрал ноги со стола. Оба одновременно посмотрели на пол.

Из-под стола выскочил золотой скорпион, обежал вокруг одной из упавших книг, которая осталась стоять вертикально на раскрытой обложке, и шмыгнул за пьедестал с потемневшим бюстом безымянного старца.

— Послушай… что это у тебя за штука? — спросил Джоуи, взвешивая шар на ладони.

— Это? — Максимиллиан поднял глаза. Брови его сошлись на переносице. — Обычно он показывает вид из главных ворот на подъемный мост.

— Я так и думал. — Джоуи резко повернулся и швырнул пресс-папье в стену.

Оно глухо ударилось в толстый занавес, от того отделилась стена пыли и тут же рассыпалась; большие серые драконы дробились на среднего размера грифов, а те превращались в крохотных летучих мышей и постепенно исчезали. Пресс-папье бухнулось на сваленную двухфутовой грудой шпалеру и покатилось по доскам пола к столу.

Максимиллиан подобрал его и, упершись локтями, внимательно оглядел, затем, помолчав, спросил:

— Ты что, в самом деле расстроился из-за Морганты?

Он выпрямился, достал пенковую трубку и набил ее табаком из хьюмидора в форме головы бабуина. Желтые глаза зверя поднялись кверху, пару раз моргнули и вновь скосились к плоскому черному и, по виду, вечно влажном носу. Вообще-то, Джоуи знал, что это шеллак.

— Ладно, Джоуи, говори.

— Макс, — сказал Джоуи, — ты плод моего воображения. Почему ты никак не хочешь это признать?

— Потому что это ты — плод моей фантазии. — Максимиллиан втянул в трубку цветок пламени, распустившийся на конце спички. Выпустив несколько густых клубов дыма, он погладил большим пальцем чашку трубки. — Я предпочел бы говорить о Морганте. Ты же не станешь пробовать еще раз?

— Нет.

— Послушай, Джоуи…

— Макс, я наконец все понял. Когда-то давно мне пришла в

голову фантазия создать нечто такое, что я не смогу уничтожить. Я был тогда очень одинок. Мне хотелось, чтобы рядом оказался кто-то совершенно на меня непохожий. Я создал Максимиллиана, такого, что не могу от него избавиться. Вдобавок я заставил себя забыть, что это именно я его сотворил…

— Брось, Джоуи! Я сотворил тебя. И прекрасно помню, как я это делал. И помню время до того, как тебя не было, помню и более раннее.

— Потому что я вложил в тебя эти воспоминания.

— Послушай, Джоуи, в тебе все несуразно! Начиная с того, как ты грохочешь вверх и вниз по лестницам, и кончая этим твоим диким нарядом. Как ты можешь быть настоящим?

— Потому что ты, Макс, не мог бы измыслить ничего столь несуразного… Ты же сам мне это десятки раз твердил. Как ты мог меня создать?

— Хороший вопрос!

— Если ты меня сотворил, то почему не уничтожишь, как я Морганту?

— Потому что я, в отличие от тебя, умею держать себя в руках.

— Потому что не можешь! Не можешь! Не можешь! Ты каждый день на меня злишься, каждый день выходишь из себя! Уверяю тебя, если б ты смог меня уничтожить, меня бы уже давно не было! — Он энергично подался вперед. — Я постоянно что-нибудь создаю и уничтожаю. А ты ни разу ничего не создал; по крайней мере, я этого ни разу не видел.

— Я уже говорил, что не вижу в данном факте ничего для себя оскорбительного.

— Да ты просто боишься рассердить меня как следует, чтобы я и тебя не уничтожил.

— Я отвечу тебе твоими же словами, — сухо сказал Максимиллиан. — Попробуй.

— Да я пробовал. Не выходит.

Стрелки напольных часов скакнули на без двух минут.

— Более того, я привел единственное объяснение, почему не могу тебя уничтожить.

Максимиллиан вздохнул:

— Я отчетливо помню, как создавал тебя. Ты не помнишь, как создавал меня. По всем законам экономии и логики…

Джоуи вскинул руку:

— Ты видишь вокруг что-нибудь логичное или экономичное?

— Это не одно и то же…

— Ты можешь сотворить камень настолько тяжелый, что сам не сможешь его поднять?

— Конечно могу. И это не то же самое, что сотворить камень, который я не смогу уничтожить, если увижу, как он падает на меня с балкона…

— Макс, — Джоуи всплеснул руками, — ты понимаешь, что я ни разу не видел тебя за пределами этой комнаты?

— Все свои потребности я могу удовлетворять здесь или в соседних помещениях.

— А вот сейчас, например, ты мог бы пойти со мной?

— Я занят.

— Ты не можешь отсюда выйти. Я создал тебя так, чтобы ты всегда оставался здесь.

— Чепуха. Я через день гуляю в одном из нижних коридоров.

— Всякий раз, когда я прихожу, ты сидишь за этим столом. В любое время дня и ночи. Я ни разу не заставал тебя снаружи. Ты не выходишь даже отлить.

— Тем больше причин верить, что именно я тебя создал. Я никогда не вызываю тебя — полагаю, у меня это происходит бессознательно, поскольку, должен признаться, порой я испытываю к тебе некоторую привязанность… *in absentia*[56], — когда гуляю, или ложусь вздремнуть, или иду… отлить.

Джоуи только засопел.

— Что ты читаешь?

— «Гагарки».[57] — Максимиллиан поднял с полу упавший том. — М. Р. Локли. Восхитительная книга. Если пообещаешь с ней бережно обращаться, я, пожалуй, дам тебе ее…

— Макс, послушай, ты должен пойти со мной! Там снаружи что-то есть! Об этом мне сказала Морганта перед тем, как я от нее избавился. Что-то пытается сюда проникнуть. — Джоуи театрально понизил голос. — Через ров!

Максимиллиан так и затрясся от булькающего смеха:

— Иди сражайся со своими галлюцинациями.

— Это не мои, а твои!

— Хватит. — Максимиллиан снова раскрыл своего Локли. — Ты меня порой и в самом деле злишь. Научись брать на себя ответственность за свое и не присваивай себе славу за чужое.

— Например?

Книга громко шлепнулась на крышку стола.

— Во-первых, ты, во-вторых, я!

— Черт побери, Макс… — Джоуи в досаде двинулся через комнату; в дверях он со злостью повернулся и хотел было еще что-то выкрикнуть, но задохнулся от гнева и промолчал.

Максимиллиан сложил руки на груди и свирепо на него глядел. Стрелки часов переползли обратно на без четверти.

Джоуи хлопнул дверью.

Прямой путь ко рву лежал вниз по лестнице и по каменному коридору, такому низкому, что надо было пригибать голову.

Тускло мерцающие язычки коптилок в зарешеченных нишах остались позади. А вот и обитая гвоздями запертая дверь справа, черный квадрат пять на пять футов, утопленный в неровной каменной стене. Ему почудилось, что дверь слегка подрагивает. Впрочем, возможно, дверь дрожала от треска его мотора: две недели назад у него отвалился глушитель.

Он повернул руль и ринулся в следующий пролет.

Сунув кулаки еще глубже в карманы куртки и попыхивая пенковой трубкой, Максимиллиан вышел прогуляться по дальним этажам и поразмыслить о своем происхождении. Увы, уверенность в этом вопросе он ощущал лишь в стенах собственного кабинета. Чем дальше он уходил (а он и в самом деле не реже чем через день выходил на довольно порядочную прогулку), тем сильнее его одолевали сомнения. То, о чем он говорил Джоуи, — а он почти не сомневался, что Джоуи это прекрасно известно, — произошло несколько лет назад, когда из-за сильного переутомления и беспокойства, вызванного тем, что в одной из заваленных рухлядью комнат обнаружилось слегка отсыревшее одиннадцатое издание Британской энциклопедии, грозившее сгнить раньше, чем он прочтет все тридцать семь томов, он нагаллюцинировал время, в котором создал не только Джоуи, но и все эти комнаты, книги, лестницы, залы, пустые, обставленные и запертые, а также соленую воду вокруг и густой лес дальше. Что было до этого, он помнил смутно. В одном он был уверен: Джоуи, замок, лес тогда существовали.

Он уже довольно долго шел в темноте, когда заметил, что эхо его шагов доносится откуда-то издалека.

Высоко над головой и футах в пятидесяти справа был маленький прямоугольник лунного света, разрезанный железной решеткой. Так же далеко внизу, слева, мерцала перламутром лунная дорожка на водной ряби. Оттуда доносился тихий плеск. Максимиллиан забрел на одну из каменных арок, перекинутых через огромную замковую цистерну. Он двинулся вниз по ступенькам (перил не было). Смутный огонек впереди превратился в клетку, где догорала коптилка, освещавшая высокую влажную стену, так что казалось, будто та покрыта слюдой.

Он добрался до осыпающегося карниза и вошел в очень узкий коридор, где горело еще несколько коптилок. Через тридцать футов неровные стены сменились тесаным камнем. И потолок нависал уже не так низко. Еще чуть дальше земляной пол исчезал

под дощатым настилом.

На повороте стоял деревянный стул, такой ветхий, что черные резные перекладины едва держались в пазах, черное кожаное сиденье потрескалось по краям, и оттуда торчал картон. Впрочем, сидеть на нем было можно.

Еще немного вперед, и коридор расширился до приличных размеров. Слева на неравных расстояниях друг от друга темнели двери; справа, через равные интервалы, располагались окна.

Максимиллиан редко покидал свой кабинет, отчасти и потому, что ощущение, будто за ним следят, увеличивалось с каждым пройденным шагом. Наверняка за ним шпионит Джоуи — так Максимиллиан объяснял себе это ощущение. Увы, Джоуи не давал ни малейшего повода так думать — скрытность и склонность к слежке были не в его характере. Тем не менее Максимиллиан лелеял эту мысль как последнюю надежду.

Полоса лунного света падала на огромную картину между двумя черными занавесями. Поверхность холста почернела от грязи и толстого слоя лака. Картину обрамляла восьмидюймовой ширины полоса золоченых листьев, раковин и птиц. Макс остановился заглянуть в потемневшую умбру.

В одном углу холст отошел от подрамника. Здесь в мазке было что-то похожее на лунный отблеск: то ли световой блик, то ли повреждение, где подмалевок и лессировка отслоились от загрунтованного свинцовыми белилами полотна.

Максимиллиан посмотрел налево: там сияла хрустальная люстра, переделанная в электрическую; половина ламп в ней не горела. Он посмотрел направо, где в колене коридора стоял стул.

Наконец, глядя на холст, он откашлялся.

— Агент икс-эм-кью семь тридцать четыре вызывает куратора сектора восемьдесят шесть, участка бэ. Прием. Прием. Говорит агент… э-э… икс-эм-кью семь тридцать четыре. Вызываю куратора сектора…

— Куратор слушает. Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на провоцирование параноидальных фантазий удовлетворительны.

— Хорошо.

— Он проходит предписанные стадии точно по графику.

— Прекрасно.

— Психическое напряжение сплетено с волей к жизни. Жду дальнейших указаний для перехода к завершающей фазе.

— Превосходно. Замечательно! Но скажите мне вот что, агент икс-эм-кью семь тридцать четыре, как вам самому удается это выдерживать?

— По правде говоря, шеф, мне нелегко. Смешно, но я и

впрямь привязался к объекту. До известной степени, конечно…

— Увы, агент икс-эм-кью семь тридцать четыре, и мне знакомы такие переживания. Они так стараются, столько прилагают усилий, что трудно не почувствовать некоторого уважения к этим мелким говнюкам.

— Именно так, шеф. — Максимиллиан засмеялся. — Именно, именно так…

Смех из холста присоединился к его собственному, слился с ним и наконец растворился без остатка — и вот опять одинокий смех Максимиллиана звенит в пустом зале. Все, лицедействовать больше нет сил.

Он огляделся в надежде увидеть за углом мелькнувшую голову Джоуи. Но тот, ради кого выделывались все эти фокусы, так и не появился.

Максимиллиан отвернулся было от картины, но тут на миг холст перестал отсвечивать…

Окошко наверху; в тени под стеной, высоко над черной гладью воды, на узком каменном мосту сцепились в схватке две фигуры. Одна из них была голой.

Но Максимиллиан уже успел сделать шаг, и снова на холсте заиграли лунные блики. Нахмурившись, он двинулся в сторону, вперед, назад, но так и не смог найти то единственное место, откуда только что это все видел.

Наконец он повернулся и пошел к люстре.

Из-за синих портьер, закрывающих дверной проем, донеслись звуки негромкого разговора. Иногда отчетливо слышался мужской и женский смех.

Максимиллиан снова нахмурился.

Последний раз он был в этом зале почти год назад, в тот вечер, когда чувствовал себя особенно подавленным. Глупейшая мысль, он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и все-таки он устроил раут.

Ушел рано, удрал в кабинет, к своим книгам, а теперь, стоя здесь, обнаружил, что не помнит, уничтожил ли все тогда перед уходом. Голоса по-прежнему звучали.

Максимиллиан посмотрел на электрифицированную люстру. Черный шнур удлинителя, который он протянул к другой люстре в зал, где проходил раут, все так же змеился по ковру и пропадал за портьерами.

Озабоченность его росла. Раут был торжественный, а на нем все тот же мешковатый вельвет. Внезапно — возможно, слишком внезапно — он отодвинул портьеру и шагнул на балкончик.

— Максимиллиан! Я же говорила, он вернется! Стив, Берт, Ронни! Макс вернулся! Я же говорила, он не бросит нас тут одних

навсегда!

— Ты, как всегда, вовремя, старина! Уже почти без двадцати пяти три.

— Спускайся, выпей мартини!

— О, Карл, ну кто же так поздно пьет мартини? Налей Максу чего-нибудь покрепче! А может, три мартини, один за другим?

— Тебе уже гораздо лучше, не правда ли, старина? Ну и видок у тебя был, когда ты от нас удирал!

— О, Макс был просто не в духе, с ним такое бывает, правда, Макс, милый?

Он взялся за перила и глянул вниз.

— Мне кажется, он и теперь выглядит не очень.

— Да ему нужно просто выпить! Спускайся, Макс, давай выпьем!

Максимиллиан открыл было рот, но язык прилип к гортани. Он мучительно сочинял, что бы такое сказать — что-нибудь этакое, остроумное.

— Макс! Макс! Я *так* счастлива, что ты вернулся, честное слово! Ты на меня не обиделся, не правда ли? Я вовсе не то хотела сказать, я просто пошутила. А на самом деле, Макс…

— Брось, Шейла. Выбрось это из головы.

— Макс, Ронни только что рассказал мне анекдот — обхохочешься! Давай, Ронни, выдай его Максу, ну тот самый, помнишь, ты сейчас рассказывал! Тот, что про… ну ты знаешь!

— Да-да, Грейси так смеялась, что потеряла туфлю. Кстати, Грейси, ты нашла ее? Слушай, я видела, как Оливер там что-то с ней проделывал, вон там, за роялем.

— Макс, ну иди же к нам, Макс! Ты ведь не думаешь снова удрать, верно?

— Ну конечно, никуда он от нас не уйдет! Он ведь только что пришел, ведь так, а, Макс? Макс!..

— Да не приставайте же вы к нему! Вы же знаете нашего Макса! Он обязательно вернется!

В коридоре Максимиллиан остановился. Ладони были мокрые. Он распрямил пальцы и почувствовал, как воздух их холодит. Попытался собраться с духом и уничтожить то, что за его спиной.

Портьеры качнулись. За ними бормотали, булькали голоса. Засмеялась женщина. Нестройный говор. Засмеялся мужчина.

Нет совершенно никаких сил. Гнев, злость, без которых невозможно вычеркнуть все это из бытия, угасли. Он сглотнул; в горле раздался какой-то странный клекот.

Сунув руки в карманы куртки, он заспешил прочь.

Решетка ворот со скрипом поднялась. Джоуи осторожно выглянул и посмотрел на мост. Деревья за кустами качались на ветру. Через мгновение поверхность воды смялась, как фольга. Ужас превратил восприятие в исполинский мушиный глаз, в котором все дробилось на бессмысленные фрагменты. Затем вернулся обычный страх, с которым можно справиться.

С каменной мостовой он шагнул на деревянный мост, секунду помедлил, держась за семидюймовое звено цепи подъемного механизма, пока не вспомнил, что вся цепь покрыта густым слоем смазки. Посмотрел на грязные пальцы, вытер их о джинсы и спрятал обе руки в задние карманы. Все равно тут без мыла не обойтись. Да и без воды…

В кустах за мостом что-то шевелилось. Щурясь сквозь мутные очки, Джоуи шагнул вперед. Шумели деревья. Порыв ветра прижал к бедру полу его кожаной куртки; звякнули замочки на молниях.

Кто-то выскочил из кустов на мост и резко остановился, словно не ожидал препятствия.

Джоуи стремительно выдернул руки из карманов, больно чиркнув по ткани костяшками пальцев; левый полуоторванный клапан снова затрещал.

Мальчишка был голым.

Он крался пригнувшись.

На цыпочках.

Прижимая локти к бокам.

За его плечом, словно клочья самой ночи, хлестали на ветру черные волосы.

— Тебе чего надо? — сквозь ветер прокричал Джоуи.

Левый глаз мальчишки скрывала черная повязка.

Правый, огромный и желтый, моргнул.

— Ну? — снова крикнул Джоуи. — Тебе чего тут надо?

Мальчишка снова заморгал. Потом засмеялся: смех был похож на колючую проволоку, шуршащую по сухим сосновым иголкам. Опустил руки. Сделал еще шаг.

— Убирайся отсюда, не то худо будет!

Мальчишка сказал:

— Привет, Джоуи!

— Убирайся отсюда, — повторил Джоуи. — Чего тебе надо?

Ноги у мальчишки были в ссадинах и царапинах. Он склонил голову набок:

— Можно мне войти, Джоуи? — Тут он расхохотался в голос.

— Нет. Нельзя. Тебе здесь делать нечего.

— Да брось ты… — Еще шаг навстречу, и мальчишка протянул руку. — Ты только пусти, и я сразу скажу, чего мне

здесь надо.

Джоуи пожал ему руку:

— Тебе сюда нельзя.

Ладонь у Джоуи была сухая и жесткая.

— Нет, можно.

А у мальчишки — длинная и влажная. И он по-прежнему смеялся.

— А я говорю, проваливай.

Однако физический контакт, хоть и неприятный, уменьшил страх перед мальчишкой. Тряпка на его глазу была завязана узлом под левым ухом. На подбородке красным созвездием рассыпались следы от прыщей.

— Уходи с моста. — Джоуи попытался выдернуть руку, но парень еще крепче сжал его пальцы. — Слышал, что я сказал?

Он с силой дернул кистью; рука мальчишки тоже дернулась.

— Ты что! — Джоуи дернул со всей силы.

Парень снова засмеялся и в свою очередь потянул к себе. Он оказался не из слабых.

Джоуи свободной рукой схватил себя за запястье и рванул снова. Парень сделал то же самое; его нога мокрыми холодными пальцами уперлась в ногу Джоуи.

Он продолжал ухмыляться.

Джоуи дернул, поскользнулся.

И тут парень перестал тянуть в свою сторону.

Джоуи качнулся назад, чуть не споткнулся о порог под решеткой, сделал еще три шага назад и сел.

Мальчишка стоял над ним, все так же крепко сжимая его руку.

Решетка с тяжелым скрипом опустилась. Вертикальные брусья вошли в заполненные водой углубления, и по расчерченному на квадраты пятну лунного света потекли темные ручейки.

— Я же говорил, что войду.

Что-то вбежало в светлый квадрат, где стоял парень, замерло на мгновение, подняв сверкающее жало, передумало и заторопилось прочь. У Джоуи от воспоминаний кольнуло щиколотку.

— Знаешь, что мне надо?

Джоуи начал приподниматься, мальчишка помог ему встать и наконец разжал руку.

— Я отопру комнату наверху. Толкну дверь, и то, что внутри, выйдет наружу.

— Э?..

— Как по-твоему, что будет, когда оно выйдет?

— Что «оно»?

Парень вдруг захихикал и тыльной стороной ладони вытер губы.

— Знаешь, Джоуи… — он окинул взглядом тускло освещенный зал, — может, тогда часы в Восточном флигеле пойдут как положено. А может, вы с Максимиллианом не захотите больше здесь жить и уйдете в лес. Интересная мысль, верно?

Джоуи силился понять, что за неприятное чувство его охватило.

Вдруг тон мальчишки резко изменился.

— Я *должен* попытаться ее открыть! Проведи меня туда, Джоуи! Просто покажи мне эту дверь, покажи, и все. Остальное я сделаю сам. Выпущу это и уйду. Что тут сложного? Покажи, где эта комната. Как только я открою дверь, я сразу уйду и оставлю тебя в покое…

— Нет!..

Джоуи хотел крикнуть во всю мочь, но из горла вырвался лишь хриплый шепот. Он повернулся в гулком зале (неприятное чувство оказалось страхом) и метнулся в ближайший дверной проем.

— Джоуи!..

Он сбежал по тускло освещенной лестнице. Внизу оглянулся и увидел силуэт: обеими руками держась за стены, мальчишка спускался следом.

Джоуи оступился и ударился пяткой о камень, да так, что боль отозвалась в голове. И все же он побежал дальше.

Вот и низенькая арка, откуда знакомые ступеньки кратчайшим путем ведут наверх, туда, где ждет запертая комната. Джоуи лихорадочно соображал, куда бежать: куда угодно, только не туда…

Он побежал по решетке, чувствуя подошвами холодные железные прутья.

Шаги раздавались совсем близко.

— Джоуи?..

Должен же быть какой-то поворот, какой-нибудь спасительный боковой коридорчик. Джоуи мысленно пробежал по коридору — тот выводил к низкому каменному переходу менее чем в трех ярдах от утопленного в камне квадрата пять на пять…

Джоуи вспомнил про люк в тот миг, как пробегал мимо. Упал на колени, сдвинул тяжелую крышку и услышал, как она загремела по ступенькам — *бамц, бамц, бамц,* — точно как его уницикл.

— Эй, что за фигня?.. — раздался голос за его спиной.

Джоуи нырнул в отверстие. Стены и потолок царапнули спину и плечи.

— Джоуи, ну зачем ты так делаешь…

Пришлось ползти. Дыхание эхом отдавалось в ушах. Пол был залит водой. И кто-то дышал сзади — тише, в отчетливо другом ритме.

Джоуи уперся головой в металлическую пластину на другом конце тьмы. Надавил плечом. Мгновение она не поддавалась…

— …Джоуи?

…и это было ужасно.

Тут она подалась. Звук падения оказался глуше, чем он ожидал. Джоу на четвереньках перелез через пластину на ковер.

Вставая, пошатываясь, он увидел уложенную набок букву «Н» света из-за двустворчатых дверей прямо впереди. За спиной слышалось громкое шуршание. Он распахнул двери, шагнул вперед и почти ослеп от яркого света после мрака подземелья.

— Я говорю, что…

— Я так и сказала Шейле. Сказала, никто не имеет права ее обвинять. После всего, что…

— Оливер! Что ты там делаешь? Вылезай оттуда сейчас же!

— Оставь его в покое, Берт. Ты же знаешь Оливера… Ой, прошу прощения!

— А я и не заметил, как вы вошли! С вами все в порядке? Давайте я налью вам мартини!

— Да ну тебя, Стив, кто же так поздно пьет мартини…

— Тысяча извинений. Я, случайно, вас не задел?

— …Джоуи?

— Держу пари, вы такого еще не слышали! Ронни, расскажи молодому человеку свой анекдот, ну, тот самый…

Протискиваясь вперед, Джоуи зацепил ногой за провод удлинителя. Люстра над головой закачалась.

— Эй-эй, осторожнее! Смотрите, куда идете, молодой человек.

Джоуи дрыгнул ногой — провод выдернулся, в зале стало темно, как в склепе.

— Вы правда ничего не хотите? Ну, если не мартини, тогда, может…

— Мне кажется, ты к нему слишком строг, Карл.

— …в конце концов, вы ведь знаете, ему пришлось нелегко…

— Знаю одно: если бы мне кто-нибудь такое сказал, я бы ему выцарапала глаза!

— Джоуи?

— Оливер? Это ты там внизу? С тобой все в порядке? Оливер?

Джоуи уже взбирался по узким ступенькам к балкончику.

— Я так старалась, смешивала, неужели никто не хочет… Молодой человек, не хотите ли…

— Джоуи?..

Он уткнулся в портьеру. И внезапно оказался в длинном коридоре.

Он перешагнул через провод удлинителя и снова побежал. В лунном свете плясали пылинки.

Возле огромной картины в позолоченной раме он остановился и огляделся. На мгновение сквозь потемневший лак проступила богато обставленная комната, полная мужчин и женщин в вечерних туалетах, и среди них две борющиеся фигуры, одна из них голая.

Но кто-то уже раздвигал синие портьеры, закрывающие дверной проем.

Джоуи снова побежал. На повороте, там, где стоял стул, он не успел затормозить, врезался в стену и снова оглянулся.

— Куда ты ведешь меня, а, Джоуи? Ты уверен, что нам сюда? Главное, доведи до места, я выпущу это и уйду, а тебя оставлю в покое. Ты же знаешь, я не отстану. Думаешь водить меня тут кругами, да? Ничего не выйдет! Ты ошибешься, свернешь не туда, и мы окажемся где надо!

Джоуи ухватился за спинку стула и почувствовал, что тот сейчас развалится.

— Ну веди же! Нам нужно к запертой комнате! Ну, куда идти, Джоуи?

Джоуи снова побежал. Он понял, что задержал дыхание, мучительно выдохнул и вдохнул снова.

— Давай, Джоуи, я ведь все равно не отстану, давай-давай, Джоуи!

Деревянные панели кончились; начался отесанный камень. И окон больше не было. Он едва успел это заметить, когда потолок резко снизился и теперь нависал меньше чем в футе над головой.

— Мы только зря теряем время, слышишь, Джоуи? Ну что ты все бегаешь по кругу? Давай ты уже сдашься и покажешь мне короткий путь, а, Джоуи?

Промежуток между стенами тоже сузился. Время как будто замедлилось. Камешки под ногами впивались в голые ступни. В нишах мерцали язычки пламени. На какое-то мгновение ему представилось, что впереди коридор сужается до размеров трубы.

И тут он остановился, потому что очутился в гулкой пустоте, которая уходила в полумрак и дальше во тьму.

— Куда нам отсюда?

Джоуи подпрыгнул: голос раздался прямо у него за плечом. Он подумал, что надо бежать, побежал…

Что-то тяжелое упало ему на спину. Джоуи качнулся вперед, молнии на куртке звякнули колокольчиками. Слышалось рычащее дыхание, затем кожу под ухом пронзила острая боль.

Вопль Джоуи эхом прокатился по цистерне. Мальчишка оказался еще и кусачим. Джоуи нащупал какие-то ступеньки и стал карабкаться вверх. Тяжесть куда-то исчезла, Джоуи пробежал еще шагов десять, прежде чем сообразил, что он на мосту один. Обернулся и вновь увидел голого мальчишку, силуэтом на фоне огней на карнизе.

— Брось, Джоуи! — Мальчишка тяжело дышал. — Я просто показал тебе, что мое терпение не безгранично.

Джоуи отступил еще на шаг.

Парень сделал два шага к нему. Единственный глаз скрывала тень.

На следующем шаге Джоуи заметил бледный свет. Высоко, очень высоко над ним было окно, разрезанное прутьями решетки и наполненное лунным светом. Луч озарял три стертые ступеньки, а дальше серебрился на мглистой ряби далеко-далеко внизу. Джоуи отступил еще на четыре шага.

— Ей-богу, мне надоело бегать в темноте туда-сюда… — Дыхание шелестело под стук капель. — Хватит уже, покажи мне комнату. Похоже, надо снова тебя проучить.

Темная фигура устремилась к нему.

Она пересекла поток лунного света. Лицо с единственным желтым глазом искажал гнев. Джоуи развернулся, чтобы бежать, но тут же споткнулся и упал, больно шлепнувшись о камень ладонями.

За спиной раздался вопль. Что-то мягкое рухнуло ему на спину, сползло набок и потащило за собой вниз. Джоуи всем телом припал к ступенькам, вцепился в них пальцами, прижался щекой.

И снова вопль.

Джоуи зубами впился в камень и задергал ногами. Что-то тяжелое висело на нем ниже пояса. Раздался треск разрываемой ткани. Тяжесть исчезла.

Крик оборвался всплеском. Эхо звучало все тише и тише, но не умолкало; возможно, это были отзвуки его собственных рыданий.

Джоуи наконец поднялся и пошел вниз. Там, где из окна лился поток лунного света, он остановился.

На краю ступеньки виднелось темное пятно. Джоуи увидел раздавленный золотистый панцирь и рядом с ним бурый сгусток.

Должно быть, тварь укусила мальчишку за ногу, тот поскользнулся и, прыгнув на Джоуи, ухватился за его задний

карман. Джоуи провел рукой по заду, нащупал торчащие нитки. Потом, тихо позвякивая, обошел залитое лунным светом пятно.

Дойдя до карниза, он опять затаил дыхание, а когда выдохнул, эхо снова вернулось вскриком.

Напольные часы показывали без четырех минут три.

Глаза бабуина, как всегда, были скошены к блестящему носу; вдруг он повел ими справа налево, потом обратно слева направо. Обнажил желтые зубы. Из хьюмидора зазвучал голос, словно кто-то откашливается:

— Агент икс-эм-кью семь тридцать четыре вызывает куратора сектора восемьдесят шесть, участка бэ. Прием. Прием. Говорит агент… э-э… икс-эм-кью семь тридцать четыре. Вызываю куратора сектора…

— Куратор слушает, — объявил со своего пьедестала мраморный старец. — Докладывайте.

— Эксперимент проходит успешно, сэр. Реакции объекта на провоцирование…

— Да-да, конечно, — перебил бюст. — Знаю, знаю. Но вы не можете не чувствовать некоторое уважение к этим мелким говнюкам. О да, да. Мне это прекрасно известно.

Нарастающий смех был прерван рокотом внизу и тремя отчетливыми ударами, причем второй удар прозвучал значительно громче первого и третьего.

Бабуин скосил глаза, чтобы посмотреть на часы, и как раз в это время Максимиллиан открыл дверь: стрелки показывали семнадцать минут третьего.

Максимиллиан вернулся с прогулки полчаса назад и уже довольно далеко продвинулся в сравнении аполлинеровского «Убиенного поэта»[58] с переводом Паджета, когда сквозь закрытую дверь донесся вой уницикла.

— *Воистину говорю вам, братья мои,* — читал он, — *лишь немногие зрелища не угрожают душе. Кроме театра природы, я знаю лишь один…* — Максимиллиан поднял голову и нахмурился; знакомый вой перешел в знакомый рев. — *…лишь один, куда можно было бы пойти без страха…* — Мотор кашлянул и замолчал, и Максимиллиан закрыл книгу.

— Макс!

Дверь с шумом распахнулась, с размаху стукнулась о книжную полку, и в комнату ворвался Джоуи:

— Макс, оно чуть сюда не проникло! Но у него ничего не вышло! Я перехитрил его! Я заманил его в цистерну. Оно споткнулось и упало в… Боже мой, Макс!

— Ты о чем?

— Оно хотело открыть запертую комнату! — захлебываясь, кричал Джоуи, — И выпустить! Но я не дал! — Он схватился за край стола. — Макс, не делай таких больше! Макс, умоляю, никогда больше таких не делай!

Максимиллиан покачал головой. Ему хотелось, чтобы Джоуи больше никогда не врывался в его тихий уютный кабинет. Это стало его самым сильным желанием.

— Не делать чего?

— Ну, таких вот, как *эти*!

— Черт побери, Джоуи, убирайся отсюда вон!

Он встал, дивясь силе своего гнева и понимания, что подергивание мышц на лице — его собственная гримаса от недовольства чересчур громким голосом.

Джоуи попятился к двери. Он трижды пытался выговорить какое-то слово, но всякий раз застревал на букве «б». Потом он развернулся и ушел.

За стенкой снова загремел уницикл. Максимиллиан сел и не смог отыскать место в книге, на котором остановился.

Джоуи грохотал вверх по ступеням башни. Ему было плевать, что Макс не знает, от какой опасности он их только что спас. И плевать, если Макс не даст ему больше ни одной книги во веки веков. И выходил ли когда-нибудь Макс из своего пыльного кабинета, тоже плевать. И если он сильно разозлится, то Максу лучше поостеречься, потому что *он* может его уничтожить.

Он домчался до самого верха и выкатил на крышу башни. Удержался рукой за стену, слез и прислонил уницикл к дверной ручке.

В бегущих облаках возникала и пропадала крохотная луна. Возле балюстрады блестела лужа, ветер морщил ее поверхность и трепал его волосы, так что они щекотали лоб.

Плевать, что он больше никогда не увидит Макса. Он создаст себе красивую, нежную, интересную девушку, которая будет слушаться его во всем и никогда не станет возражать. А как она будет любить его! На этот раз он сотворит темнокожую. И может быть, она будет играть на автоарфе. Да, у нее будет красивый голос, и она станет петь ему каждый день после обеда, и будет темной и теплой, как тени в залах дальних этажей.

Джоуи поднял с парапета зеленую ткань. Сел, прислонившись спиной к камню. Укутал прозрачным газом руки и уткнулся в них подбородком. Материя уже почти совсем высохла.

Он попытался думать об интересной темнокожей девушке, но было зябко, мысли блуждали, каменные плиты холодили босые

ступни и зад через ткань джинсов (белья он больше не носил), и Джоуи чувствовал, что скоро надо будет застегнуть куртку под самый ворот свитера. Он прищурился, и грязное пятно на правом стекле очков вызвало из лужи, в которой отражалась луна, беззвучный взрыв серебристых иголок. Он устал, устал до такой степени, что мог бы уснуть прямо здесь, но прежде нужно было еще немного подумать о девушке, пока за спиной не раздастся ее голос, зовущий: «Джоуи? Джоуи?..»

На другой башне часы пробили три. Он встал на колени и глянул через парапет. Однако удары слышались со стороны Западного флигеля, где с часами было все в порядке.

— …Джоуи?

Нью-Йорк

Октябрь 1968 г.

Послесловие: о снах и сомненьях (Перевод Т. Боровиковой)

Когда литератора просят написать о своих произведениях — скажем, рецензию на собственный сборник рассказов, — большинство прибегает к отвлекающим маневрам. То, что делаешь, когда «сочиняешь» — как то, что делаешь, когда кровоточишь или когда выздоравливаешь от болезни, — и слишком просто, и слишком сложно для повествования средней степени подробности, какое чаще всего подразумевается в таких случаях. («Конечно, нам нужно что-то информативное, но не стоит вдаваться в слишком технические детали…») Как ни странно, это просто и сложно не из-за моих личных литературных методов, а из-за всего того, что уже сказано о писательском ремесле. Выразиться просто — значит сказать (каким угодно способом), что все эти люди были правы. Выразиться сложно — значит сказать, что они ошибались, и объяснить почему.

Сказать по-простому? Садишься и пишешь. Возбуждение, размах, чудо повествования овладевают тобой, и пишешь как можно быстрее, стараясь поспеть за всем этим, до тех пор, пока не закончишь рассказ.

А что тут сложного?

Попробуйте сами. И узнаете, что вместе с чудом повествования приходят сомнения, промедления и колебания. Правда ли это такое уж чудо? Имеет ли эта фраза вообще смысл? Передает ли хоть как-то твое ви́дение мира? Сообщает ли что-нибудь такое, что вызвало бы у тебя интерес, будь ты читателем? Где взять силы, чтобы написать еще хоть слово? А что писать следом за этим? Повествование становится способом прокладывать путь сквозь череду пугающих, парализующих, обескураживающих заминок — сквозь нее, под ней, над ней и в обход ее. Настоящее чудо повествования состоит в том, что это препятствие вообще удается преодолеть.

Лет десять назад я в результате стечения совершенно нелепых обстоятельств предстал перед кучкой молчаливых незнакомцев; одни были полны энтузиазма, другие — недоверия, но у всех было одно общее — все они записались на семинар по писательскому мастерству, который меня наняли проводить. И я официально, при свидетелях, унизительным для себя образом понял, до чего мало знаю о том, «как сочинять истории».

Однако семинары продолжались; и наконец меня ткнуло носом в тот факт, что в своем ремесле я владею ровно тремя

приемами. Поскольку два из них я спер у других писателей, открою вам все три — вдруг да пригодятся.

Первый прием я взял у Теодора Старджона. Он сформулировал его в пятидесятых годах, в письме к Джудит Меррил, а она процитировала это письмо в статье о Старджоне, написанной в 1962 году. Старджон советовал: чтобы создать живое и непосредственное описание сцены, зрительно представить все ее детали как можно подробнее — от маленького ценника, что забыли содрать с медной пластины выключателя, и отпечатка большого пальца на прозрачном стекле в некрашеной деревянной рамке до следов мастерка на белой-белой штукатурке потолка и все-все-все в промежутке между ними. Но описывать это *не надо*. Упомяните только то, что замечает ваш персонаж в его текущем эмоциональном состоянии (восторженный покупатель первого в своей жизни дома или скучающий маляр, с нетерпением ожидающий обеденного перерыва…), ступая по скрипучему дощатому полу рядом со стремянкой, покрытой брызгами краски. Сцена, которую представит себе читатель, объясняет дальше Старджон, будет отличаться от сцены, которую воображаете вы, но для читателя она будет настолько же живой, детальной, продуманной и важной, насколько ваша была для вас.

Второй прием почерпнут мной у Томаса Диша, который описал его на Милфордской конференции научных фантастов в 1967 году в ходе обсуждения, что делать, если рассказ, повесть или роман выдохлись на середине и читатель потерял интерес. Участники дискуссии высказали обычные вялые, полушутливые предложения — от «принять холодный душ» до «убить главного героя». И тут Диш заявил, что единственно возможное в подобной ситуации — спросить себя, что на самом деле происходит у вас в тексте. Какова подлинная мотивация персонажей? Что они на самом деле чувствуют? Чего боятся? Чего хотят? Из той точки, где вы застряли, нужно перейти на другой уровень повествования. Нужно глубже закопаться в психологию персонажа (и таким образом углубить свое понимание сложности сюжета), чтобы самому снова заинтересоваться. Если это не получается, рукопись следует забросить.

Третья идея относится больше к подготовительной стадии, хотя ее можно использовать и для отдельных частей произведения, когда его уже пишешь. Это единственный из трех приемов, изобретенный мной более или менее самостоятельно. В момент, когда ваш рассказ — еще лишь идея, образ, тема, спросите себя: каков самый заурядный, самый привычный, самый заезженный способ развить эту идею, образ или тему? Спросите себя: в какие ловушки попадали при их разработке другие

писатели, отчего их произведение вышло банальным, некрасивым или скучным. Можете ли вы придумать, как обойти именно эти ловушки? Чем ваш текст будет отличаться от текстов всех этих писателей? Как разработать материал, чтобы результат получился лучше, чем у предшественников? Зачастую, точно выявив проблему при письме, чтобы избежать ее (или решить), или сформулировав конкретный, оригинальный подход к задаче, вы подстегнете собственный интерес к работе и восторг от нее.

Мне попадались и другие практические приемы для писателей. Бывало, что на семинаре по творческому мастерству я не знал, что сказать, и тогда описывал эти приемы. Иногда кое-кто из участников даже находил их полезными. Но сам я до сих пор использовал в своей работе только три метода, перечисленные выше. Ими исчерпывается мое плохо поддающееся формулировке писательское «ноу-хау» из первых рук.

Конечно, главное, чему учат на семинарах по творческому мастерству, — как не надо писать. А если сформулировать мои советы в виде перечня того, чего не надо делать, они начинают выглядеть знакомо.

Метод Старджона в конечном итоге сводится к следующему: не следует чрезмерно увлекаться описанием деталей.

Метод Диша, аналогично переформулированный, звучит так: не допускайте, чтобы ваш текст был поверхностным и неглубоким.

А мой собственный еще проще: избегайте штампов.

Внезапно оказывается, что ничего оригинального в этих советах нет. Заметьте также: стоило нам сформулировать их как предостережения, чего не надо делать, и они сразу навевают те же сомнения и неуверенность, с которых мы начали. На самом деле, если вы поймали себя на чересчур перегруженной деталями, слишком поверхностной или банальной фразе, сомневаться можно и должно. И раз уж мы заговорили о том, чего делать нельзя, можно составить целый список вещей, которые надо подвергать сомнению, и верить, что это пойдет на пользу. Лично я критически смотрю на прилагательные и обстоятельства образа действия, особенно если они сбились в кучу или болтаются в конце предложения в виде предложного оборота. Я критически смотрю на сказуемые, если они чересчур далеко отстоят от подлежащего. Я подвергаю сомнению концовки столь кровавые, что ни у одного из персонажей не остается шансов чему-то научиться по результатам описанных событий. Я подвергаю сомнению концовки столь поэтичные, что возникает подозрение: учиться там было особо и нечему. Я подвергаю сомнению описания событий «в точности как все было на самом деле». Я

подвергаю сомнению описания настолько неряшливые, что на самом деле так быть вообще не могло.

Что же означает это критическое отношение? Оно означает, что писатель что-то из сомнительных моментов может и оставить в тексте. В конце концов, может быть, это громоздкое прилагательное — не излишество, а оригинальная катахреза, указывающая на какое-то интересное свойство описываемого предмета. А это предложение или абзац, возможно, не поверхностны — они представляют собой краткий обзор, подчеркивающий качество, которое мы иначе могли не заметить. А этот штамп, может быть, подразумевался как иронический комментарий по поводу банальности, о которой вы и хотели написать. Но в таком случае вы сами должны понимать, что делаете.

Это значит, что ни одно подозрительное место в тексте не обладает презумпцией невиновности.

Мне кажется, одна из причин, по которой курсы и семинары творческого мастерства оказываются бесполезными, — конкретный момент, когда возникают сомнения.

Неповторимое действо начинается, когда писатель опускает перо на бумагу, чтобы записать слова, или ударяет пальцами по клавиатуре. Конечно, писатели сначала обдумывают сюжет и составляют план рассказа; и конечно, написав несколько произведений, вы научитесь составлять более сложные планы и глубже продумывать сюжеты. Но даже эта растущая сложность, скорее всего, рождается из того процесса, о котором я говорю. На самом деле почти все писатели обдумывают сюжеты. Многие даже доходят до стадии планирования. Но момент, когда опыт писателя отличается от опыта всех других писателей, наступает в ходе собственно письма. И уникальность процесса письма напрямую связана с сомнениями.

Вы представляете себе завязку сюжета. (Это любой может.) Вы пытаетесь изложить его словами. (На это тоже способен кто угодно.) Ваше сознание подсовывает вам слово. Или три. Или десяток. (Примерно то же происходит, когда вы пишете приятелю о том, чем занимались вчера.) Вы записываете слова — первое, второе, третье, четвертое, пятое, шестое, седьмое… и вдруг вас охватывают сомнения.

Вы чуете чрезмерную громоздкость, поверхностность или штамп.

Вот сейчас с вами случится то, что случается лишь в процессе собственно письма.

Если слово, в котором вы сомневаетесь, уже попало в текст, вычеркните его. Если вы еще только собирались его написать, то

можете сказать себе: «Нет, это не пойдет» — и либо обойтись без этого слова, либо найти ему какую-нибудь замену. Когда вы отказываетесь использовать первое пришедшее на ум слово или вычеркиваете уже написанное и при этом держите в голове картину, которую хотите описать, новые слова обязательно придут к вам. Более того, когда вы отвергаете первое, что подсовывает ваш мозг, это влияет на следующую пачку слов, которые он вам подсунет. Вновь пришедшие слова — не те, которые пришли бы, если бы вы не засомневались.

Разница, скорее всего, не имеет никакого или почти никакого отношения к вашему сюжету или общей линии повествования, хотя может и иметь. Скорее всего, в новой партии слов тоже многое придется отвергнуть. Но благодаря этим изменениям, сделанным, как только слова пришли в голову, ваш рассказ будет взмывать по все более крутой траектории, набирая энергию. Если вы внесли правки, следующие пришедшие к вам слова будут богаче — и те, что вы выберете, и те, что отвергнете. Этот процесс бесконечен. Зачастую слова, найденные на шестой странице, помогут осознать, что теперь вы сомневаетесь в чем-то на второй. Может быть, там текст чересчур громоздок и без вот этого предложения вполне можно обойтись. А может быть, он слишком поверхностен — и нужно дописать целый эпизод.

Если и существует поистине драгоценный момент в цепочке приключений, начиная с первых слов, услышанных младенцем, через овладение речью в детстве, освоение чтения и письма, первые попытки подростка вести дневник, писать прозу, пьесы, стихи — если и есть во всем этом момент подлинного творчества, когда лестница, ведущая к гениальному, подперта потоком повседневной речи, формирующей то, что мы называем цивилизованной жизнью, и составляющей бóльшую часть ее, — этот момент здесь. Он описывается тавтологичным высказыванием, о которое спотыкались тысячи желающих стать литераторами: «Чтобы быть писателем, нужно писать». Писать не только для того, чтобы произвести на свет текст как свидетельство, что вы занимались письмом. Писать для того, чтобы снова и снова выразить себя, проходя через момент закалки стали, благодаря которому возникают тексты с отрицательной энтропией,[59] редкие и драгоценные орудия познания мира. Без этого момента, череды этих моментов, цепи сомнений по поводу языка, разбиваемых языком же, ваш текст будет лишь свидетельством того, что вы провели некоторое время наедине с бумагой, затерявшись в собственных грезах.

Можно показать страницу, написанную накануне или неделю назад, наставнику — он просмотрит ее, сосредоточится на

нескольких местах, укажет два-три избыточных эпитета, подвешенное прилагательное, предложение с переломанным хребтом (Деймон Найт называл так чересчур перегруженные предложения, особенно те, у которых избыточный груз сосредоточен между подлежащим и сказуемым). Ученик, обретший просветление, вычеркнет прилагательные, поменяет местами придаточные — и фраза станет несколько изящней и точнее. Но ученик не получит прямой энергетической подпитки, которую получил бы, правя текст прямо в ходе письма, — энергии, которая сказалась бы в трех предложениях, написанных сразу вслед за этим.

Размах повествования, таким образом, значит не только способность к самокритике на лету, но и способность работать с энергией, которую от этого получаешь.

Однако длительные сомнения также приносят свои плоды. Например, в этом сборнике есть рассказ — одновременно один из самых старых и самый новый. Впервые я написал его примерно в 1962 году — то есть записал от руки у себя в блокноте (сомневаясь и отвергая что-то по ходу дела), позже вернулся к тексту, перечитал, посомневался опять и поменял еще что-то. Я перепечатал черновик, причем в процессе опять сомневался и многое менял. Потом перечитал и вписал от руки еще несколько правок; затем перепечатал окончательную версию и при этом внес еще больше изменений.

Рассказ так и не был опубликован — поскольку, в основном по собственной забывчивости, я отправил его только в один журнал. В 1967 году я обнаружил его в шкафу для бумаг — и как раз в это время редактор журнала фантастики попросил что-нибудь прислать для публикации. Я перечитал рассказ, засомневался и опять поменял кое-что. Перепечатал, внеся еще несколько изменений. Снова перечитал и снова внес изменения. В таком виде я сдал рассказ в журнал.

Помню, что, прочитав ротаторную копию журнала, внес прямо на своем авторском экземпляре еще несколько изменений, но вскоре потерял этот экземпляр. Тем не менее к тому времени я решил, что рассказ мне нравится. Месяц назад, после двенадцатилетнего перерыва, я откопал ксерокопию журнального выпуска, перечитал свой рассказ и, чтобы утихомирить новые сомнения, сделал еще несколько правок от руки. Потом перепечатал текст с учетом внесенных правок и добавил множество других — плод новых многочисленных сомнений. Потом перепечатал очередной «окончательный» вариант, внеся дополнительные, совсем небольшие изменения. В последующие несколько дней я неоднократно перечитывал текст и после

каждого раза вносил от трех до пяти новых правок. Именно эта версия, с учетом нескольких предложений редактора, вошла в данный сборник. Если не считать редактора, это двенадцать слоев сомнений, распределенных по временно́му промежутку в семнадцать лет. Я знаю, что писал первую версию рассказа в 1962 году с наслаждением. И переписывал рассказ я тоже с наслаждением. Однако, если положить руку на сердце, он кажется мне чуточку… легковесным; иными словами, описанный мною процесс сомнений и правок в конечном итоге интересен не потому, что гарантирует успех, но лишь потому, что имеет место. Тут-то мы можем усомниться в самом процессе сомнений — и тогда повествование, к лучшему или к худшему, становится лишь привычкой ума, через которую проходит писатель, когда пишет, а рассуждения — лишь главным из отвлекающих маневров, о которых я говорил в самом начале. Но все же, каким бы легковесным ни казался мне рассказ, теперь я гораздо ясней, чем семнадцать лет назад, представляю себе действующих лиц, пейзаж, архитектуру и все прочие атрибуты. И если Старджон прав, возможно, и читатели теперь яснее представляют себе все это — во всяком случае, по сравнению с читателями самой первой версии.

Это все, что я хотел сказать о долгосрочных сомнениях.

Французский писатель Флобер известен неимоверными усилиями, которые вкладывал в работу над стилем своих произведений. Покойный Ролан Барт однажды пошутил, что Флобер привнес в писательский труд само понятие труда, отчего консервативный французский средний класс стал больше доверять литераторам. Однажды Флобер несколько дней потратил на одно предложение и в итоге лишь убрал оттуда одну-единственную запятую. По-прежнему неудовлетворенный (все еще сомневаясь), он продолжал обдумывать это предложение и по прошествии еще нескольких дней вернул запятую на место. Но теперь, как выразился Флобер в одном из своих писем, он знал, зачем она там стоит[60].

Я подозреваю, что даже это относится к простым вещам, которые можно сказать о писательском ремесле. Работа писателя, не говоря уже о знании, обретаемом в итоге, лежит не в области рационального, порождающей объяснения, годные для научных трудов, но в странно расплывчатой зоне, где лингвистическая компетенция (знание языка, разделяемое каждым, кто умеет на нем говорить) смыкается с личными предположениями писателя о том, как заставить слова значить более точно и более интенсивно. Об этом трудно говорить и писать. Потому что это и есть труд.

Говоря о писательском труде, я иногда упоминаю, что писательство представляется мне многослойным процессом, в котором лишь верхние три-четыре слоя имеют прямое отношение к словам. Однако это — еще одна лежащая на поверхности метафора. А когда занимаешься самоанализом, очень трудно понять, насколько ты метафоричен. Я знаю, что непосредственно под вербальными слоями лежит слой, в котором содержится нечто напоминающее скорее числа, чем слова. Этот слой управляет чистой структурой, в которой среди прочего выделены места для слов, которые должны быть одинаковыми (или очень похожими), и другие места — для слов, которые должны быть разными (или сильно контрастирующими). Часто автор размечает эти места раньше, чем находит слова, которыми их заполнит. Однажды я работал над романом и понял, что мне нужно описание света фонарей на шоссе ночью и того, как он падает на основатое лицо водителя-дальнобойщика, создавая игру теней; это описание должно было зеркально отражать другое — как заходящее солнце движется по фасаду многоэтажного дома в трущобах и одно окно за другим вспыхивает золотым светом. Я хотел поместить первое описание в самое начало романа, а второе примерно в середину. Оказалось, что середина этого романа отделена от начала примерно четырьмястами пятьюдесятью страницами. Когда я принял это решение, я еще понятия не имел, какие слова использую для каждого из описаний. Но когда оба предложения были уже написаны, при любых изменениях одного описания мне приходилось менять и другое, отстоящее от него на четыреста пятьдесят страниц, — а если мне не изменяет память, каждое из этих двух предложений я переписывал около десяти раз. А потом из-за ошибки корректора симметрия предложений в печатном издании была потеряна — и потому мне сейчас очень грустно об этом рассказывать.

Другой пример эффекта того же математического слоя: в начале одного рассказа, опубликованного ранее и включенного в этот сборник, персонаж поскальзывается на камнях и случайно мочит ногу в ручье.

— Зачем об этом писать? — вопросил первый редактор рассказа[61], мучимый жесткими ограничениями на объем текста и желающий сократить его.

Затем, что позже другой персонаж того же рассказа не поскользнется на скалах и не промочит ногу. Эти два случая нужны, чтобы охарактеризовать обоих героев и вскользь прокомментировать их несхожие способности к маневрам в окружающей среде. И поэтому (тогда я постеснялся объяснить это редактору и потому, вероятно, объясняю сейчас) я не мог

вырезать ту сцену — во всяком случае, не мог ее вырезать, не вырезав одновременно и вторую. И опять-таки места этих эпизодов в рассказе были определены на математическом уровне гораздо раньше, чем я понял, что это будут за эпизоды и какие слова я использую для их описания. В общем, я думаю, что добрая часть «размаха повествования» заключается в создании некой формальной структуры — рисунка, если хотите, — и последующего стремления заполнить ее словами, которые ее как следует проявят.

Оба этих случая были как бы оспорены внешним миром (один — из-за ошибки корректора, другой — поставлен под сомнение редактором), и потому они из миллионов подобных эпизодов, выпадающих на долю всех писателей, остались у меня в памяти. Другой важный аспект этих случаев состоит в том, что структура была вполне ясна с самого начала и до конца, от замысла до исполнения. Однако даже на математическом уровне, когда записываешь слова или отвергаешь их, это приносит откровения относительно самой формальной структуры текста и позволяет ее пересматривать. Этот процесс обострения, насыщения энергией может происходить в любой момент, на любом уровне, где писатель может сомневаться, может сказать: «Нет, нужно что-то другое, отличное от этого, лучше, чем это…»

Фрейд в «Толковании сновидений» (1900) описывает явление, которое вы можете пронаблюдать и сами при наличии друга, готового вам помочь, терпения и диктофона. Застаньте друга сразу после того, как он проснется, и попросите рассказать под запись, что ему снилось. Сразу после этого попросите описать сон еще раз. И тут же снова, в третий раз. Очень важно, чтобы это происходило в первые пять-десять минут после пробуждения — через двадцать минут или через час интересующий нас феномен уже не будет так ярко выражен. Три описания сна будут поразительно отличаться друг от друга. Иногда второстепенные персонажи сна меняют пол. Или меняется количество персонажей. Часто их одежда или внешность заметно отличаются от пересказа к пересказу. Описание декораций может стать более детальным, а мотивы действий персонажей — усложниться. Большинство людей, если попросить их найти изменения в собственном рассказе, заметят два-три различия. Но если расшифровать запись, различие между версиями просто пугает. Фрейд заметил, что по мере того, как меняется описание сна, меняется и воспоминание о сне, хранящееся в памяти сновидца.

Фрейд знал, что сны тесно связаны со словами. Сны часто основаны на каламбурах, двойных значениях, рифмах или иной игре слов, связанной с чем-то услышанным или прочитанным

накануне. Девушка, которая собирается назавтра идти в поход, видит во сне, что проходит мимо почты, где висит флаг США на флагштоке; когда она подходит ближе, флаг внезапно разворачивается и из него на землю выпадает спящая женщина. Накануне туристка как раз думала о том, где бы раздобыть спальный мешок для похода. В ее сне спальный мешок превратился в спальный флаг[62] [63]. Как указывал французский психоаналитик и психиатр Жак Лакан, предметом психоанализа является не столько сон, сколько его словесное описание, данное пациентом. Фрейд предположил, что на момент пробуждения сон часто еще не завершен в подсознании сновидца — особенно сон, который сейчас пересказывают. В этом случае собственные слова рассказчика вторгаются в подсознание и добавляют в сон дополнительную игру слов, каламбуры и двойные значения; они смешиваются с еще податливым материалом сна, и содержание сна в самом деле изменяется, даже если пациент уже бодрствует. Это объясняет разительные отличия между последующими пересказами одного и того же сна, а также — почему их не замечает сам рассказчик: потому что воспоминание о сне действительно меняется в ходе рассказа.

Представить себе сцену из рассказа и потом написать ее — конечно, совсем не то же самое, что увидеть сон и потом пересказать его. Но у этих двух явлений достаточно общего, чтобы предположить, что тем и другим ведают одни и те же процессы в мозгу. В обоих случаях работает воображение. В обоих случаях человек реагирует на продукт воображения с помощью слов. В обоих случаях слова, которые человек принимает (или отвергает), могут вернуться в прошлое и воздействовать на воображение напрямую, и это, в свою очередь, влияет на последующие слова, которые используются для продолжения рассказа. Однако, если речь идет о создании литературного произведения, весь процесс сомнений (даже когда он подвергает сомнению себя самого) позволяет нам дисциплинировать свое воображение, дисциплинируя слова, — и это бесконечная череда сомнений, отказов, избегания, недеяния.

В этот сборник вошли рассказы в жанре научной фантастики, а также просто игры фантазий, и во всех них я… ну, пытался избежать громоздкости, поверхностности и штампов. Те места, где мне это, вопреки намерениям, не удалось, могут послужить кому-нибудь уроком (заявление скромное, но откровенное).

Простая способность писать, явный талант и литературный гений — все эти точки лежат на одной линии, причем точка гениальности располагается очень далеко и увидеть ее трудно. Готхольд Эфраим Лессинг в своем замечательном сочинении

«Лаокоон» предупреждает поэтов и скульпторов, что эстетический эффект от намека гораздо сильней эффекта от прямого высказывания. Один аспект гениальности Лессинг описывает очень живо, говоря, что гений — это способность поставить талант на службу идее. (Известный эпизод: в 1766 году двадцатидвухлетний Иоганн фон Гердер прочитал книгу Лессинга от корки до корки после обеда, а затем еще раз вечером — все в тот же день, когда она поступила в его кёнигсбергскую книжную лавку.) Сегодня, когда мы видим себя или кто-то другой видит нас — как правило, эти две точки зрения никогда не совпадают — на этом нелегком маршруте, заявление вроде того, что я сделал в предыдущем абзаце, — максимальная степень откровенности, на которую может отважиться писатель, иначе отвлекающие маневры станут столь тяжелы, что литературное произведение не вынесет их.

Нью-Йорк

Сентябрь 1980 г.

notes

Примечания

1

Здесь: второй дом *(фр.)*.

2

Уильям Бёрд (1543/44–1623) — английский композитор, органист и клавесинист. *(Здесь и далее в романе примеч. перев.)*

3

«Мамы и Папы» (*The Mamas & the Papas*, 1965–1968, 1971–1972) — американская группа, исполнявшая психоделический рок и фолк.

4

Здесь: дурачок *(греч.)*.

5

В нашей реальности существовала «Эолийская компания» *(Aeolian Company)*, американская фирма, одно время — крупнейший в мире производитель музыкальных инструментов; основана в 1887 году, обанкротилась в 1985-м.

6

В нашей реальности — в 1928 году. Монофонический электронный музыкальный инструмент. *Морис Мартено* (1898–1980) был не композитором, а виолончелистом и педагогом.

7

«Дуо-Арт» (Duo Art) — одна из двух основных схем механических пианино. Первые инструменты такого рода изготовлены *Aeolian Company* в 1913 году.

8

Violano Virtuoso — выпускавшаяся американской компанией *Mills Novelty Co*. с 1910 по 1930 год механическая музыкальная машина, изобретение Генри Конрада Сэнделла.

9

«Darktown Strutters’ Ball» — выпущенная в 1917 году песня афроамериканского композитора Шелтона Брукса (1886–1975). Дарктаун («темный город») — бывшее название афроамериканского района в Атланте, штат Джорджия, и общее — всех таких районов на американском Юге.

10

Автоматическое банджо *Encore* (*фр.* encore — «еще раз») — американский музыкальный автомат, игравший на банджо; название запатентовано в 1897 году.

11

«Город страшной ночи» (*The City of Dreadful Night*, 1874) — поэма шотландского поэта Джеймса Томсона (Биши Ванолиса; 1834–1882), рус. перев. В. Вотрина (2012).

«М и Ж» *(греч.)*.

13

…в Сент-Габе под Батон-Ружем. — Батон-Руж — столица штата Луизиана, Сент-Габриэль — город двенадцатью милями южнее.

14

…в меню всех музыкальных автоматов и скопитонов. — «Скопитон» (*фр.* Scope-a-tone) — марка киномузыкального автомата 60-х годов XX века. Скопитоны проигрывали на крохотном экранчике песни с двух-трехминутным фильмом (сейчас его называли бы клипом), часто на грани порнографии.

15

«Паутина Шарлотты», «Тайна талисмана из слоновой кости», «Закат Европы», «Ветер в и…» — «Паутина Шарлотты» (1952) — детская книга американского писателя Элвина Брукса Уайта о поросенке, которого спасает паучиха; «Тайна талисмана из слоновой кости» — книга из серии детских детективов про Нэнси Дрю; «Закат Европы» (1918) — философский труд немецкого публициста Освальда Шпенглера; «Ветер в ивах» (1908) — сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма.

16

Ты фрелк? *(фр.)*

17

Фрелка *(фр.)*.

18

Вы фрелка? *(исп.)*

19

По-испански «фрелко» *(исп.)*.

20

А те, у кого комплекс невесомостного сексуального за… Фрелки. — Слово «фрелки» *(frelks)* образовано от английского названия комплекса невесомостного сексуального замещения — *free-fall-sexual-displacement complex*.

21

Tio *(порт.)* — дядя.

22

Улыбка перед поединком, Бритомарта? — Бритомарта — дева-воительница из аллегорической рыцарской поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей».

23

Они называли себя ангелами (Ночные Ангелы, Красные Ангелы, Ангелы Ада, Кровавые Ангелы; одно из этих названий было позаимствовано у сходного популярного культа полувековой давности. — «Ангелы Ада» — один из крупнейших в мире байкерских клубов. «Ангелов» называют «бандой мотоциклистов» и обвиняют в торговле наркотиками, рэкете, убийствах и т. д. Члены клуба утверждают, что являются мирными любителями мотоциклов и объединяются для совместных мотопробегов и тому подобного.

24

Фидесса? / Ну что ж, прекрасно. Я ничего не имею против реальности, подражающей искусству. — Фидесса — дама, к которой обращены сонеты современника Шекспира, поэта Бартоломью Гриффина. Один из этих сонетов посвящен воспеванию идеальной возлюбленной, которую поэт наделил всеми признаками красоты, считавшимися модными в то время, — именно с ним полемизировал Шекспир в 130-м сонете.

«Не прикасайся ко мне» *(лат.)*.

26

«Не прикасайся ко мне»… — отсылка к Ин. 20: 17: «Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не вошел к Отцу Моему…»

27

И произошла на небе война в тот день! — Ср.: И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них (Откр. 12: 7).

28

Мировоззрение, спонтанная философия *(нем.)*.

29

…индейский пейотль… — Пейотль (пейот) — туземное название галлюциногенного кактуса лофофора Уильямса, содержащего мескалин. Индейцы Мексики и юга США почитали пейотль как божество и употребляли при различных обрядах.

30

…как старуха Мэг… — Старуха Мэг — цыганка, героиня стихотворения Джона Китса «Мэг Меррилиз».

31

…не смеют ступать ангелы… — строка из поэмы А. Поупа «Опыт о критике», в русском переводе А. Субботина: «Всегда туда кидается дурак, / Где ангел не решится сделать шаг».

32

…восхищавшие землян со времен Рёскина. — Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, поэт, художник, критик и теоретик искусства, оказавший большое влияние на развитие эстетики второй половины XIX — начала XX века.

33

Это что, какой-то эффект шепчущей галереи? — Шепчущая галерея — помещение, в котором шепот хорошо распространяется вдоль стен, но не слышен в остальной части помещения. Этот эффект известен в нескольких соборах, мечетях, арках и др.

34

…ворот, которыми Марион приходил к Анджолине до их помолвки. — Марино (не Марион) Фальеро (1274–1355) — 55-й венецианский дож, казненный за попытку государственного переворота; Анджолина — его молодая жена. Внимательный читатель заметит, что в этом абзаце не только имя Фальеро не соответствует известным нам венецианским реалиям.

35

Шлиманы, нашедшие сокровища Атрея. — Вероятно, имеется в виду Приам.

36

…троюродными марсианскими сестрами Венеры Виллендорфской… — Венера Виллендорфская — статуэтка, найденная близ местечка Виллендорф в Австрии, одна из самых известных палеолитических Венер.

37

О чем невозможно говорить [о том следует молчать] *(нем.)* (Людвиг Витгенштейн. Логико-философский трактат).

38

…точь-в-точь «Человек с мотыгой»… — «Человек с мотыгой» — полотно французского художника Жана Франсуа Милле. Под впечатлением от этой картины американский поэт Эдвин Маркхэм написал одноименное стихотворение.

39

Но знайте, милые мои… — В оригинале «oh best beloved». Это обращение к читателям Р. Киплинг многократно использовал в сборнике «Маленькие сказки» («Just So Stories».)

40

Я пересекаю устланную пластиплексом Большую Белую дорогу… — неофициальное образное название Бродвея.

41

Алексис Спиннел — созвучно *spinel* — шпинель *(англ.)*.

42

К десяти — в Адскую Кухню… — неофициальное образное название Клинтона, района Манхэттена.

43

…в библиотеке «Томбса» можно найти потрясающие книги… — «Томбс» (в переводе «гробницы») — историческое название следственной тюрьмы в Нижнем Манхэттене.

44

…в манере Мака Сеннета. — Мак Сеннет (1880–1960) — американский актер, режиссер и продюсер, работал в жанре эксцентрической комедии.

Нагишом *(фр.)*.

Душевностью *(нем.)*.

47

Люси Липпард (р. 1937) — писательница и арт-критик, автор книг о современном искусстве.

48

Ева Гессе (1936–1970) — американская художница и скульптор-абстракционист, представительница минимализма и постминимализма, в своем творчестве использовала такие материалы, как латекс, стекловолокно, каучук и пластмассы.

49

…прозрачную стену Самптера VII — космической крепости, в шутку названной так первопроходцами, галактическими антропологами. — По аналогии с фортом Самтер в Соединенных Штатах Америки, в штате Южная Каролина. Был построен в первой половине XIX века для защиты порта и города Чарлстона. Битвой за Форт-Самтер, произошедшей 12 апреля 1861 года, началась Гражданская война в США.

50

…боевой клич Шины, королевы джунглей… — «Шина — королева джунглей» (*Sheena: Queen of the Jungle*, 1984) — британско-американская приключенческая драма режиссера Джона Гиллермина по рассказу Дэвида Ньюмана и Лесли Стивенса и комиксу «Шина — королева джунглей» С. М. Эйгера и Уилла Айснера.)

51

Шпалера «Охота на единорога» — серия из семи гобеленов, созданная в период с 1495 по 1505 год, вероятно, в Брюсселе. Последовательно изображает сцены охоты на единорога: сбор охотников, поиски, пленение, убийство волшебного зверя. Шпалера выставлена в Метрополитен-музее в Нью-Йорке.

52

Оммаж Джеймсу Терберу. — Джеймс Тербер (1894–1961) — американский художник комиксов, сатирик и юморист.

53

Эй *(греч.)*.

Да *(греч.)*.

55

…расстроенное сантури… — Сантури — греческий музыкальный инструмент, род цимбал, на которых играют, ударяя по струнам молоточками.

В (твое) отсутствие *(лат.)*.

57

«Гагарки»… М. Р. Локли. — Рональд Матиас Локли (1903–2000) — британский орнитолог, натуралист, автор множества книг о живой природе; его книга «Гагарки» опубликована в 1953 г. В рассказе у него переставлены не только инициалы, но и буквы в фамилии: Lockely вместо Lockley.

58

…аполлинеровского «Убиенного поэта»… — «Убиенный поэт» (1916) — повесть-притча Гийома Аполлинера. Отрывок, который читает Максимиллиан, целиком звучит так: «Воистину говорю вам, братья мои: лишь немногие зрелища не угрожают душе. Кроме театра природы, я знаю лишь один, куда можно было бы пойти без страха: это балаган любителя пускать ветры» (перев. М. Яснова).

59

Отрицательная энтропия (также негэнтропия, синтропия) — движение к упорядочиванию, к организации системы. Противоположность энтропии (количеству хаоса в системе). Для того чтобы не погибнуть, живая система борется с окружающим хаосом путем организации и упорядочивания последнего, то есть импортируя негэнтропию.

60

Недавно мне рассказали ту же историю, но с Оскаром Уайльдом в главной роли. — *Примеч. авт.*

61

Эдвард Ферман, тогда редактор и издатель журнала «The Magazine of Fantasy and Science Fiction». — *Примеч. авт.*

62

В английском языке созвучие: bag (мешок) — flag (флаг).

63

Через несколько лет после написания этих слов я ехал в автобусе из г. Амхерста (штат Массачусетс) в г. Нью-Йорк. Я очень устал. Чтобы убить время, я читал журнальную статью о рок-н-ролле, и прямо перед тем, как я задремал, мне бросилось в глаза выражение «weeping and wailing» («плача и рыдая»; выражение восходит к Мф. 13: 42, также название и рефрен песни Уинстона Родни. — *Примеч. перев.*). Во сне мне привиделось, что я стою в качку на палубе корабля, идущего под всеми парусами. Я подметаю (*англ.* «sweeping». — *Примеч. перев.*) палубу широкой щеткой. Заметя мусор в кучку, я пододвинул его к краю палубы и увидел, что к кораблю привязан огромный кит. Корабль сильно накренился, и я сошел с палубы на серую спину кита и продолжал подметать. На этом я проснулся в автобусе, который трясло на ухабах. Слова «weeping and wailing» породили сон о подметании и ловле китов (*англ.* «sweeping and whaling». — *Примеч. перев.*) Как утверждает Фрейд, сны часто имеют вид ребусов, загадок. Отсюда известный совет Фрейда всем, кто хочет толковать сновидения, — решать задачи, основанные на игре слов. — *Примеч. автора.*